

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

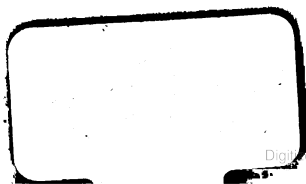
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07019428 1

* 002

V.

СБОРНИКЪ

ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“ ЗА 1904 ГОДЪ.

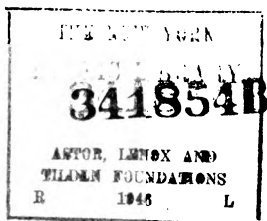
КНИГА ПЯТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- Е. Чириковъ. Иванъ Мирончъ.
Н. Телешовъ. Черною ночью.
А. Серафимовичъ. Заяцъ.
Скиталець. Кандалы.
Д. Айзманъ. Ледоходъ.
Л. Андреевъ. Воръ.
М. Горькій. Разсказъ Филиппа
Васильевича.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1905.

Типографія Н. Н. Клубукова, Лиговская улица, 34

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
Е. Чириковъ. Ивагъ Миронъчъ	1
Н. Телешовъ. Черною ночью	137
А. Серафимовичъ. Заяць	161
Скиталець. Каудалы	185
Д. Айзманъ. Ледоходъ	227
Л. Андреевъ. Воръ	263
М. Горькій. Разсказъ Филиппа Васильевича	287

45 X 923

Е. ЧИРИКОВЪ.

ИВАНЪ МИРОНЫЧЪ.

ПЬЕСА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

- ВАНЬ МИРОНОВИЧЪ БОГОЛЮБОВЪ** — учитель шестиклассной прогимназіи, только что назначенный инспекторомъ. Плотный рыжеватый человѣкъ съ небольшою лысиной, лѣтъ за 40; вдовецъ, женатый вторымъ бракомъ.
- БАРА ПАВЛОВНА** — жена его, стройная молодая женщина съ грустнымъ выраженіемъ лица, лѣтъ около 30-ти.
- ТАТЬЯНА** — дочь Боголюбова отъ перваго брака, дѣвушка, только что окончившая гимназію. Носитъ косу, любитъ напѣвать, кружиться; смотритъ на жизнь любопытно-восторженными взорами чистой дѣвичьей души.
- ПЕТЯ** — сынъ Боголюбова отъ втораго брака; очень подвижной экспансивный мальчикъ 12 лѣтъ, ненавидитъ свои „науки“, остался въ 1-мъ классѣ на второй годъ.
- МАМА ВАСИЛЬЕВНА** — мать Боголюбова, вдова изъ духовнаго званія, лѣтъ за 60; полная женщина, неугомонная хозяйка и подозрительная собственница, недовольна всякими „новшествами“.
- ПЕТЯ БОРИСОВИЧЪ** — красивый высокій человѣкъ лѣтъ 28, по внѣшнему виду, жестамъ и манерамъ напоминающій „свободнаго художника“; веселъ, жизнерадостенъ, говоритъ пріятнымъ баскомъ. Случайный знакомый Боголюбовыхъ.
- СЕМЕНЪ ПАВЛОВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ** — жирный человѣкъ лѣтъ за 50; страдаетъ одышкой, говоритъ вяло и угрюмо; недавно овдовѣлъ и сильно тоскуетъ по женѣ. Бывшій сослуживецъ Боголюбова.

4

ВАСИЛІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ПЫРКОВЪ
МАРЬЯ ИВАНОВНА ПЫРКОВА

{ супруги лѣтъ подь 40; оба полные и низенькіе, довольны собой и другъ другомъ; въ ихъ отношеніяхъ порою проскальзываетъ не свойственная ихъ возрасту игривость.

НИКОЛАЙ ПВАНОВИЧЪ ИВАНОВЪ
СОФЬЯ ИВАНОВНА ИВАНОВА

{ супруги лѣтъ по 35; оба худощавые и высокіе, некрасивые и скучные люди. Онъ носитъ синіе очки, страдаетъ хроническимъ катаромъ горла и говоритъ съ женой раздраженнымъ тономъ; она неуспынно наблюдаетъ, чтобы мужъ не сдѣлалъ чего-нибудь вреднаго для здоровья, носитъ въ карманѣ нашатырный спиртъ и респираторъ.

ПЕТРОВА — ВДОВА ЧИНОВНИКА.

ВАРЫНЯ

ВАРЫШНЯ

ОФИЦЕРЪ

ГИМНАЗИСТЪ

} Г О С Т И.

ДУНЯ — ГОРНИЧНАЯ ВЪ КВАРТИРѢ БОГОЛЮБОВЫХЪ.

ДОМНА — КУХАРКА.

Дѣйствіе происходитъ въ отдаленномъ провинціальномъ городѣ.

Иванъ Миронъчъ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Новая квартира Боголюбовыхъ. Они только что переѣхали,—„устриваются“. Гостиная съ необычайной, немного странной планировкой мебели. Въ дальней стѣнѣ три окна: отсюда великолѣпный видъ на рѣку, дуга и зарѣчье. Въ лѣвой стѣнѣ дверь въ столовую. Въ правой стѣнѣ три двери: ближайшая — въ кабинетъ Боголюбова, средняя— въ корридоръ и переднюю, дальняя—въ комнату Ольги. Тихій весенній поддень. Окна раскрыты. Слышно, какъ гдѣ-то щебечуть

птицы.

При поднятіи занавѣса Вѣра Павловна и Ольга оканчиваютъ странную установку мебели; обѣ онѣ въ приподнятомъ настроеніи, веселы и радостны, похожи на увлекшихся играми дѣтей.

Я В Л Е Н І Е I.

ВЪРА ПАВЛОВНА.

Вотъ здѣсь мы устроимъ зеленый уголокъ!.. Поставимъ два кресла и закроемъ ихъ пальмами... Понимаешь? Маленькій тропическій садикъ...

ОЛЬГА (хлопая въ ладоши).

Это будетъ великолѣпно!

ВЪРА ПАВЛОВНА.

Ну, живо! Тащи цвѣты!

(Устраиваютъ маленькій садикъ, весело переговариваются, спорять и смѣются)

ОЛЬГА.

У одной моей подруги устроена рѣшетка, а внизу— длинный ящикъ съ землей. Въ землѣ растутъ какія-то вьющіяся растенія и ползаютъ вверхъ по рѣшеткѣ... И выходитъ зеленая бесѣдка! Мы въ этой бесѣдкѣ учили уроки и мечтали о веснѣ... На дворѣ—зима, а мы—въ саду!

ВЪРА ПАВЛОВНА

(отходить и любуется издали)

А вѣдь красиво!

ОЛЬГА.

До свиданья! (Шутливо декламируетъ) „Ухожу отъ васъ въ горы, въ море синяго тумана!“ (Скрывается въ цѣвѣтахъ) Видишь меня?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Твоя кофточка просвѣчиваетъ черезъ листья, и это выходитъ удивительно красиво!.. Иди, помоги мнѣ притащить фикусъ. Мы его тоже—туда!..

ОЛЬГА

(выходитъ, любуется на садикъ).

Какъ жаль, что у насъ мало пальмъ! Надо бы еще такую... Знаешь... высокую съ протянутыми лапами. (Дѣлаетъ жестъ руками) А съ той стороны мало зелени. .

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Погоди: мы купимъ японскія ширмы съ подходящимъ рисункомъ и загородимъ... Я уже думала объ этомъ... И ширмы такія видѣла...

(Покашливаніе въ передней; обѣ настораживаются)

Я В Л Е Н І Е П.

ПЕТРОВА (заглядываетъ въ дверь).

Могу видѣть господина инспектора? (Входитъ) Извините: я безъ доклада... Дверь не заперта... (Сухо раскланивается) Могу я видѣть?.. Вдова коллежскаго assessора, Петрова!..

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Садитесь!.. А мы только что переѣхали... устраиваемся... Вы къ мужу?..

ПЕТРОВА.

Къ господину инспектору... По дѣлу... Я уже — въ третій разъ...

ОЛЬГА.

Папы нѣтъ... А вамъ зачѣмъ?.. Садитесь!

ПЕТРОВА (садится).

Сынъ у меня... Владиміръ... нынче кончилъ прогимназію... Я—вдова, бьюсь, какъ рыба на льду... Шестъ лѣтъ тянула изъ себя жилы...

(Потихоньку плачетъ)

ОЛЬГА (тихо и участливо).

Что же случилось?

ПЕТРОВА.

Не поклонился онъ господину инспектору, а ему поведеніе убавили... Какое же это поведеніе, если онъ—мальчикъ близорукій?.. А теперь его не принимаютъ въ гимназію... Шестъ лѣтъ тянула жилы... Что же это такое?!..

ВЪРА ПАВЛОВНА.

Погодите: мужъ скоро придетъ...

ПЕТРОВА.

Хожу, хожу... Тамъ посидите, здѣсь — подождите... А время уходитъ... „Не мое дѣло, ничего не можемъ, ничего не знаемъ“.. Туда, сюда... Что же это такое? Укралъ онъ, что ли, или убилъ кого-нибудь?.. Какое же тутъ поведеніе! Никакого поведенія тутъ не было...

Я В Л Е Н І Е Ш.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(входитъ, Петрова привстаетъ на стулъ и кланяется. Любовь Васильевна отвѣчаетъ на поклонъ довольно сердито).

Вѣдь я вамъ сказала, что Ивана Мироныча нѣтъ! Это его дѣло, мы не можемъ въ его дѣла путаться... И на дому онъ не любитъ этого... Пожалуйте въ прогимназію,—тамъ и поговорите...

ПЕТРОВА.

Туда придешь, —домой ушли, домой придешь,—туда ушли... Я въ третій разъ прихожу... Мой мужъ служилъ вѣрой и правдой двадцать четыре года... Неужели онъ и деликатности для меня не заслужилъ?..

ВѢРА ПАВЛОВНА (тихо).

Иванъ Миронычъ долженъ скоро прійти...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Я не знаю, заслужилъ онъ или не заслужилъ, а только Иванъ Миронычъ не велитъ на домъ по разнымъ постороннимъ дѣламъ... И нечего его ждать...

ПЕТРОВА

(встаетъ и очень взволнованно).

Вы меня извините... Я шесть лѣтъ жилы изъ себя тянула... Я по міру собираю, а правды добьюсь!.. Я поѣду...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Ну, и поѣзжайте! Кто васъ держитъ? Куда хотите, поѣзжайте... Этого запретить невозможно...

ПЕТРОВА (злобно).

Туда, сюда!.. Никто ничего не знаетъ и не хочетъ знать... Придешь туда,—ушли, придешь домой—ступай туда... Я, сударыня, не какая-нибудь мѣщанка... Я сама чиновница... Нынче нельзя... Не велятъ... Прошло... Я по міру собираю, а поѣду... Будьте здоровы!.. Что же это такое?

(Взволнованно и рѣшительно уходитъ изъ гостиной)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (вслѣдъ ей).

Поѣзжайте, поѣзжайте.

(Машетъ рукой и идетъ за ней запереть дверь. Пока она запираетъ дверь, Вѣра Павловна съ Ольгой, встревоженные этой сценой, о чемъ-то тихо переговариваются. На улицѣ, подъ окнами, странствующій болгаринъ бьетъ въ бубень и гнусаво поетъ „Шумна Марица“. Ольга бросаетъ ему деньги, говоритъ съ нимъ. Опять стукъ бубна и гнусавый голосъ: „Шумна Марица“. Входитъ Любовь Васильевна)

Я В Л Е Н І Е IV.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (бѣжить къ окну).

Перестань! Убирайся вонъ! Работать надо... Лѣнтяй! Что? А въ полицію хочешь? (Отходить отъ окна) Навѣрно, и не болгаринъ вовсе, а воръ какой-нибудь... Вымазаль себя рожу и ходить... (Озираясь) Что вы тутъ натворили,—не разбери Господи!.. По модѣ это, что ли...! ужъ и не знаю... Все новшества, все хочется—не какъ у людей... (Подходить къ пианино) Полюбуйтесь: исцарапали! Просила—осторожнѣе, Христомъ Богомъ просила... а! инструментъ 400 цѣлковыхъ!.. Просто сердце кровью обливается. Чужого, видно, никому не жалко...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Не бѣда, Любовь Васильевна... (Идетъ къ окну)

ОЛЬГА (подойдя къ піанино).

Я на старой квартирѣ эту царапину видѣла... Вы за эту царапину ругали ужъ меня...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Этакая вещь на всю жизнь покупается... А кто самъ во всю свою жизнь цѣлковаго не заработалъ, тому все „не бѣда“!

ОЛЬГА.

Будетъ ужъ...

(Съ гримасой отходить и прячется въ садикъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (раскрывъ піанино).

Пылищи — сколько угодно!.. И никто не догадается взять тряпку и стереть...

(Озабоченно уходить за тряпкой въ столовую)

Я В Л Е Н І Е V.

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Оля, поди сюда, посмотри! Пароходъ идетъ... (Ольга выскакиваетъ изъ „садика“ и бѣжитъ къ окну) Ма-ленькій! Какъ игрушечный... (Слышенъ далекій свистокъ парохода) Когда я вижу убѣгающій пароходъ, мнѣ всегда хочется куда-то уѣхать... Куда?.. Не знаю... И я завидую всѣмъ, кто тамъ, на пароходѣ...

ОЛЬГА.

Боже мой, какъ красиво! Ширь, просторъ!.. Какъ я рада, мама, что мы переѣхали сюда!

(Цѣлуетъ Вѣру Павловну)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Теперь, Оля, мы устроимъ съ тобой нашу жизнь по другому... Будемъ вставать рано и уходить на рѣку... Будемъ читать, говорить, думать... Сергѣй Борисовичъ будетъ доставать намъ интересныя книги... Скажи, тебѣ нравится Сергѣй Борисовичъ?..

ОЛЬГА (смущенно).

Ничего не знаю... Я его немножко боюсь... Съ нимъ очень весело и интересно разговаривать, но я боюсь.

ВѢРА ПАВЛОВНА (съ улыбкой).

Чего-жъ ты боишься?..

ОЛЬГА.

Мнѣ кажется, что... я... ему смѣшна... У него на лицѣ всегда скользитъ какая-то ироническая улыбочка... Мнѣ обидно...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Смѣшная ты, Оля!. Ну, что-жъ ты покраснѣла?

ОЛЬГА.

Должно быть, ему со мной не интересно. Ничего-то я не знаю, что дѣлается на свѣтѣ... Мнѣ ужасно хочется учиться, путешествовать... Я хотѣла бы быть такой же умной, какъ онъ... (Послѣ паузы) Знаешь: ему не нравится наша жизнь?..

ВѢРА ПАВЛОВНА (задумчиво).

Наша жизнь?.. да... Жизнь у людей коротенькая и не успеешь оглянуться, какъ она пройдетъ. А мы много сдѣлаемъ, ссоримся, никого сильно не любимъ и

ничѣмъ сильно не интересуемся... изъ вѣжливости ходимъ въ гости и изъ вѣжливости принимаемъ гостей, томимся скукой, злимся... (Вздохнувъ) У насъ больше половины жизни уходитъ на ссоры, обѣды, чай и ужины...

ОЛЬГА.

Онъ, мама, сравнилъ нашу жизнь... не нашу съ тобой, а, понимаешь, всѣхъ такихъ, какъ мы, женщины, съ жизнью утокъ, которыхъ откармливаютъ къ праздникамъ...

(Звонко смѣется)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Утки... Это хорошо... Ты знаешь: я никогда въ жизни не видала, какъ восходитъ солнце... Никогда!

ОЛЬГА (восторженно).

Вчера, когда вы всѣ уснули, я долго сидѣла у окна... Приотворила ставень и смотрѣла... До самой зари сидѣла... Ахъ, какъ это хорошо! Сперва на небѣ появилась розовая лента, потомъ она стала увеличиваться, краснѣть,—золотиться... И вдругъ точно весь мѣръ вздрогнулъ... Я тебѣ не могу передать, какъ это странно, хорошо и красиво! Понимаешь: точно все засмѣялось отъ радости...

ВѢРА ПАВЛОВНА (грустно).

А я не видала... Никогда... (Встряхнувъ головой) Но теперь мы увидимъ! Непремѣнно увидимъ!..

ОЛЬГА (становясь грустной).

Моя первая мама тоже никогда не видала, какъ восходитъ солнце... Когда она была при смерти, она

лежала въ полутемной комнатѣ и часто говорила, что хотѣла-бы хоть передъ смертью увидать, какъ восходить солнце...

(Вынимаетъ платокъ и закрываетъ глаза)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Ты, никакъ, плачешь?.. (Ласкаетъ Ольгу) Я тебя люблю такъ же крѣпко, какъ первая мама... Ты такая добрая, чуткая... (Ольга порывисто обнимаетъ Вѣру Павловну и смѣется сквозь слезы) Теперь мы съ тобой будемъ жить по-новому... Вотъ увидишь, какъ намъ будетъ интересно и хорошо!.. Мы не будемъ походить на утокъ...

ОЛЬГА.

Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы вы съ папой никогда, никогда не ссорились!.. И съ моей первой мамой они... тоже ссорились... Она часто плакала... Я помню... одинъ разъ... Я была тогда совсѣмъ маленькая... Просыпаюсь я ночью и слышу: кто-то горько-горько плачетъ.

(Замѣтивъ входящую Любовь Васильевну, обрываетъ)

Я В Л Е Н І Е VI.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(войдя съ трапкой, подходитъ къ пианино).

И ты, Олечка, погляжу я, такая же неряха, какъ твоя покойная мать... Вотъ тоже, бывало, ничего не жалко!.. А выйдешь замужъ, тебѣ же инструментъ пойдетъ...

Я В Л Е Н І Е VII.

ГРИША

(вбѣгаетъ красный, потный, поглощенный своими дѣлами).

Бабушка! На старой квартирѣ подъ лѣстницей у меня лежали бабки... Куда ты ихъ засунула?..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Теперь ты—сынъ инспектора,—прилично ли тебѣ играть въ бабки?

ГРИША.

Теперь у тебя стало все неприлично... Въ городки играть неприлично, въ бабки—неприлично, съ мальчишками играть—неприлично...

(Перевѣшивается черезъ окно и съ кѣмъ-то задорно спорить)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Географію лучше поучилъ бы!

ГРИША.

Только переѣхали—и сейчасъ же географію!.. Мама! Неужели сегодня папа будетъ изъ географіи?.. Только переѣхали...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Вѣроятно, отецъ усталъ сегодня...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вотъ вѣдь какое баловство! Отецъ старается къ порядку пріучить, а вы—„усталь“... Усталъ, не усталъ, а ужъ онъ своего дѣла никогда не откладываетъ... (Изъ дверей столовой появляется Дуня, выметающая соръ) Я вотъ тоже устала, какъ ломовая лошадь. (Идетъ и садится въ „сидикъ“, сложивъ руки на животѣ) Лѣнтяй... вытянулся балбесомъ... Никто и не вѣритъ, что ему двѣнадцатый годъ...

(Ольга тихо бредетъ въ столовую)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Пойдемъ, Оля, за ширмами... Мнѣ ужасно хочется устроить этотъ уголокъ..

ОЛЬГА (какъ бы извиняясь).

Мнѣ не хочется на улицу... я пойду въ садъ... Мнѣ хочется побыть одной.. Ты не сердишься? да?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Вотъ еще! Иди, иди... мечтай! А я пойду... Дуня! дай мнѣ шляпу! Она гдѣ-то тамъ!

(Дѣлаетъ неопредѣленный жестъ въ пространство, Дуня уходитъ за шляпой. Ольга исчезаетъ. Дуня приноситъ шляпу. ВѢРА ПАВЛОВНА надѣваетъ ее и уходитъ; Дуня продолжаетъ мести полъ около «садика»)

Я В Л Е Н І Е VIII.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Что это у тебя блеститъ въ сору?

ДУНЯ.

Иголка, что ли...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Подними! Нагнуться людямъ лѣнь!..

ДУНЯ

(поднявъ и бросая иголку).

Не годится она: безъ ушка...

(Подогнавъ соръ къ печкѣ, складываетъ его туда руками. Гриша, подскочивъ къ раскрытому пианино, начинаетъ играть однимъ пальцемъ «чижика»)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(вскакивая, идетъ къ Гришѣ).

Не барабаны! не барабаны! Инструментъ 400 цѣлковыхъ заплаченъ. (Хочетъ закрыть пианино, Гриша не даетъ, продолжая играть „чижика“) Уйди! руки отшибу! (Хлопаетъ крышкой пианино) Озоръ! Погоди, отецъ придетъ, я пожалеюсь...

ГРИША

(убѣгая въ приспоску въ столовую).

Ты на все жалуешься, ты извѣстная ябеда!

(Исчезаетъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Ахъ, пострѣль!.. Погоди!..

Я В Л Е Н І Е IX.

ДОМНА (въ дверяхъ столовой).

Барыня! У меня дымить.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

У васъ всегда дымить. На старой квартирѣ дымило... Теперь и здѣсь дымить?..

ДОМНА.

Не я печки-то строила... (Уходитъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(идя слѣдомъ за ней).

Навалите въ плиту цѣлое беремя дровъ, поневолѣ дымить... Чего жалѣть: не мы покупаемъ дрова-то!..

Я В Л Е Н І Е X.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(входитъ и озабоченно кричитъ вездѣ уходящимъ).

Одна сажень на печку! Казенная норма! На плиту—
полторы!.. (Къ Дунѣ) У тебя, душа моя, опять дверь рас-
перта?

ДУНЯ (бѣжить запираеть).

Только что молодая барыня вышли!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (озираясь).

Что за фокусы!.. (Пожимаетъ плечами, заглядываетъ въ «садикъ»)
Удивительно...

Я В Л Е Н І Е XI.

ЛЮБОВЕ ВАСИЛЬЕВНА (входитъ и ворчать).

Натоплено, какъ въ аду... Дымить у нихъ!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Скажите пожалуйста, мамаша, кто это тутъ распо-
рядился?

(Дуня возвращается и стоитъ со щеткой)

ЛЮБОВЕ ВАСИЛЬЕВНА (къ Дунѣ).

Иди, дѣлай свое дѣло! Лишній разъ рукой шевель-
нуть лѣнь... (Дуня уходитъ) Стоитъ, разинула ротъ, а жа-
лованье ей идетъ каждый часъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Что это за мебельная лавка!.. Конура какая-то изъ
цвѣтовъ!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Садикъ, говорятъ, это... Не знаю...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Къ чему? (Разрушаетъ «садикъ», разставляя пальмы по угламъ) Да и вообще тутъ хаосъ какой-то... (Начинаетъ переставлять мебель) У людей передъ диваномъ столикъ ставится, а у насъ—два пуфа... А третій (озирается)—чортъ его знаетъ, гдѣ... вонъ онъ!.. Гм!.. Намъ не нравится, если стулья стоять прямо и симметрично. Намъ, видите ли, понадобилось поставить ихъ такъ, какъ они никогда еще не ставились...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(помогая переставлять).

По-новому захотѣлось... Новый порядокъ... И жить, говорить, станемъ теперь по-новому... Ужъ какую-такую новую жизнь она думаетъ устроить — неизвестно...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Не такъ, мамаша! Около дивана ставится кресло, а затѣмъ уже—полукресло...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

А я какъ же поставила?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(съ легкимъ раздраженіемъ).

Это называется, мамаша, полу-кресломъ, а не кресломъ. Нельзя этого смѣшивать. (Послѣ паузы) А обивочку, пожалуй, придется — новую...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Чехлы надѣнемъ—не видать будетъ. Поднимать да заглядывать не стануть...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Чехлы?.. Пожалуй... Ничего не оставили на старой квартирѣ? въ каретникѣ? чуланѣ? на подволоктѣ?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Все, все! до послѣдняго гвоздя! Сама всю квартиру вымыла, все ободрѣла... Чисто! До послѣдняго гвоздя... И вьюшки изъ бани забрала: нами онѣ куплены, не виномъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

И прекрасно! Имѣли полное право...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вьюшки могутъ пригодиться... Онѣ денегъ стоятъ... (Устанавливаютъ мебель по общепринятому въ глухой провинціи шаблону) Ну, слава Богу! Теперь, кажется, все на своемъ мѣстѣ...

(Уходитъ въ столовую)

Я В Л Е Н І Е XII.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(оглядываетъ гостиную и потирал руки).

Совсѣмъ другое дѣло!

(Прохаживается, дѣлаетъ нѣсколько поправокъ, заводитъ часы съ музыкой, часы играютъ что-то торжественное, Иванъ Мироновичъ довольнымъ тономъ подпѣваетъ басомъ, затѣмъ подходитъ къ тазу съ пескомъ и плюетъ туда)

Эхъ! не попалъ! (Кричитъ) Авдотья! Авдотья!

Я В Л Е Н І Е XIII.

ДУНЯ (въ дверяхъ).

Что, баринъ?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (очень серьезно).

Плюнулъ и не попалъ. (Показываетъ рукой) Вытри душа моя!.. Сейчас же вытри! (Дуня уходитъ и сейчас же возвращается со щеткой) Кто же вытираетъ щеткой? щетка метутъ. Каждая вещь имѣетъ свое назначеніе. (Дуня уходитъ и возвращается съ тряпкой) Вотъ здѣсь!... (Дуня вытираетъ полъ) И затѣмъ, душа моя, изволь одѣваться поопрятнѣе: ты служишь у инспектора...

ДУНЯ.

Возня, уборка... Развѣ можно въ чистомъ?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Ну, сегодня ужъ пускай такъ... А вообще-то, душа моя, надо поопрятнѣе...

(Оглядываетъ Дуню, морщится и тихонько уходитъ въ кабинетъ. Дуня уходитъ въ столовую. Пауза. Слышно, какъ въ саду поютъ птицы, какъ «тикаютъ» часы и какъ покашливаетъ въ кабинетѣ Иванъ Мироновичъ)

Я В Л Е Н І Е XIV.

ОЛЬГА

(напѣвая «Сладкимъ запахомъ сирени напоенъ душистый садъ», входитъ въ гостиную съ книгой въ рукѣ, удивленно-испуганными глазами смотритъ на гостиную и почти съ ужасомъ восклицаетъ).

Опять по-старому! Кто это испортилъ?..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (изъ кабинета).

Что тамъ такое?..

ОЛЬГА

(подбѣгаетъ къ двери кабинета).

Папочка! Неужели нельзя было оставить, какъ нравится мамѣ? Тебѣ все равно, а ей хотѣлось по-новому...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(изъ кабинета, серьезно).

Нѣтъ, не все равно. Кабы было все равно, такъ бы лазили въ окно... А для этого дѣлаются двери... Я не хочу ходить и запинаться.

ОЛЬГА.

Ты никогда не хочешь сдѣлать такъ, какъ нравится мамѣ...

(Отходить отъ кабинета, печально оглядываетъ гостиную и идетъ къ окну, — читаетъ)

Я В Л Е Н І Е XV.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(вспыхахъ входить).

Ольга! Не видала ключи отъ буфета?

ОЛЬГА (не отрываясь отъ книги).

Ничего я не видала... Не мѣшайте!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

„Не мѣшайте!“ Все книжки читаешь... А выйдешь замужъ,—щей мужу не сумѣешь сварить...

ОЛЫГА.

Я въ кухарки къ мужу не собираюсь...

(Уходитъ въ садъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

По-новому тоже хочешь? Все будешь книжки читать, а мужъ будетъ щи варить?.. Къ этому ваша новая-то жизнь клонится... (Звонокъ) Авдотья! Авдотья!

(Идетъ въ столовую и продолжаетъ кричать. Пробѣгаетъ изъ столовой Дуня. Въ передней слышенъ звонкій веселый голосъ Вѣры Павловны)

Я В Л Е Н І Е XVI.

ДУНЯ

(вноситъ японскія ширмы).

Куда ихъ, барыня, поставить-то?

ВѢРА ПАВЛОВНА (въ дверяхъ).

Что это значить? (Входитъ, озирается) Кто это распорядился?!

ДУНЯ.

Баринъ. Имъ не нравилось. Куда ихъ поставить-то?

ВѢРА ПАВЛОВНА (раздраженно).

Брось! все равно... не надо...

ДУНЯ

(ставя къ стѣнѣ ширмы).

Баринъ по-старому захотѣли. (Уходитъ)

Я В Л Е Н І Е XVII.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(въ дверяхъ кабинета, въ одномъ жилетѣ).

Я распорядился.

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Вы? Я такъ и знала...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Помилуй, душа моя, это была не гостиная, а хаосъ, хаосъ довременный... Ни въ одномъ порядочномъ домѣ...

ВѢРА ПАВЛОВНА (съ злымъ смѣшкомъ).

Конечно! конечно!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(выходить на средину гостиной).

Некрасиво, неудобно и... безтолково...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Не симметрично? Конечно! Вы... вы удивительно симметричный человѣкъ!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Нѣтъ ничего удивительнаго: законъ симметрій, это, душа моя, міровой законъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Еще бы!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (очень спокойно).

Сама природа подчиняется этому закону... У всѣхъ людей—двѣ руки, расположенныя вполнѣ симметрично, двѣ ноги...

ВѢРА ПАВЛОВНА (перебивая).

И только одна голова!.. И, къ сожалѣнію, не всегда умная!.. Вы удивительно симметричны! У васъ даже всѣ добродѣтели съ пороками расположены симметрично!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Весьма вѣроятно.

ВѢРА ПАВЛОВНА.

У васъ на пятакъ добродѣтелей и ровно на пятакъ пороковъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Какіе, скажите пожалуйста, сады вамъ понадобились, когда у васъ подъ бокомъ есть настоящій садъ? Вамъ хотѣлось, видимо, устроить укромный уголокъ для вашихъ умныхъ разговоровъ съ этимъ... господиномъ... Какъ его? Два креслица, шиворотъ-на-выворотъ, кругомъ цвѣты... Во вкусѣ второй имперіи!

ВѢРА ПАВЛОВНА (злобно хохочеть).

Второй имперіи!.. А вы думаете, что вашему царствованію не будетъ конца?..

Я В Л Е Н І Е XVIII.

ОЛГА

(входитъ изъ столовой въ вѣнкѣ изъ бѣлой сирени).

Опять вы! Будетъ вамъ! Папочка!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (къ женѣ).

Лѣзьтеся вамъ, мадамъ, слѣдуетъ, полѣзьтеся...

(Уходитъ въ кабинетъ и затворяетъ за собою дверь. Вѣра Павловна садится у окна и, тоскливо подперевъ голову, смотритъ туда. Приближается Ольга, прижимается къ Вѣрѣ Павловнѣ. Обѣ молчатъ. Слышно, какъ поютъ въ саду птицы и «тикаютъ» часы).

Я В Л Е Н І Е XIX.

ГРИША

(лѣзаетъ съ птичкой въ ладоняхъ рукъ).

Мама! Мамочка! Я пѣночку поймалъ! Ей - Богу! Честное слово!.. Вотъ здѣсь она! (Къ пѣночкѣ) Миленькая моя, ненаглядная!..

ОЛЬГА.

Сомнешь ее! Выпусти на волю!..

ГРИША.

Дай пятакъ, такъ выцуцу!

ОЛЬГА.

Бесовѣстный! Папа тебѣ не велѣлъ мучить животныхъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Выпусти, Гриша...

ГРИША.

Да-а! Я ловилъ-ловилъ... Я ее въ клѣтку посажу...

Я В Л Е Н І Е XX.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(входитъ, побрякивая ключами).

Сколько у насъ, Вѣра Павловна, новыхъ салфетокъ-то было куплено?

ГРИША.

А у меня—пѣночка!

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Не помню... Не знаю...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вотъ тебѣ и разъ! Кто же будетъ знать? Этакъ весь домъ растащутъ!

(Тихо уходитъ въ столовую)

ГРИША (идетъ рядомъ).

Дай пятакъ, выпущу!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Ахъ ты, мучитель! Что у тебя отецъ-то самъ, что ли, пятаки-то дѣлаетъ?!

(Оба скрываются въ столовой)

Я В Л Е Н І Е XXI.

ОЛЬГА

(послѣ большой паузы).

Мама?

ВѢРА ПАВЛОВНА (разсѣянно).

Что, голубчикъ?

ОЛЬГА.

Что ты молчишь?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Такъ... думаю...

ОЛЬГА.

О чемъ? а?

(Встаетъ передъ Вѣрой Павловной, заглядываетъ ей въ глаза)

ВѢРА ПАВЛОВНА (какъ бы очнувшись).

Не знаю, голубчикъ... Сама не знаю...

ОЛЬГА

(снявъ съ головы вѣнокъ).

Посмотри: я сдѣлала вѣнокъ. Какъ много у насъ въ саду сирени! Ужасъ!

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Да?

ОЛЬГА.

Цѣлая аллея! Съ одной стороны—бѣлая, а съ другой—лиловая... Хочешь—пойдемъ въ садъ?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Нѣтъ, не хочется... Иди!

ОЛЬГА.

Ты любишь бѣлую сирень?

(Вертитъ въ рукахъ вѣнокъ)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Я? Да...

ОЛЬГА.

Въ Малороссіи всѣ дѣвушки носятъ вѣнки... Какъ это, должно быть, красиво! Ты никогда не была въ Малороссіи?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Нѣтъ.

ОЛЬГА.

А гдѣ ты жила, когда была маленькая?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Въ большомъ каменномъ домѣ. Я училась въ Петербургѣ въ сиротскомъ институтѣ... У меня рано умерли и отецъ и мать, и не было близкихъ людей. И все мое дѣтство и юность прошли тамъ, въ каменномъ домѣ.. Кругомъ дома была каменная ограда съ высокой чугунной рѣшеткой... А у воротъ была будка, и въ ней всегда сидѣлъ сторожъ...

ОЛЬГА.

А потомъ?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

А потомъ... потомъ я вышла изъ этого каменнаго дома и перешла въ другой каменный домъ: поступила въ гувернантки А потомъ... Ничего больше! Вышла замужъ и теперь... вотъ видишь... сдѣлалась... инспекторшей и живу.. здѣсь.. (Пауза)

ОЛЬГА

(пристально смотритъ на Вѣру Павловну, улыбается).

Ты... очень хорошенькая.. Я на тебя надѣну вѣнокъ... (Приподнимаетъ надъ головой Вѣры вѣнокъ) Позволишь?

ВѢРА ПАВЛОВНА

(береть вѣнокъ и кладеть его на окно).

Не надо... не стоитъ... Поздно... Счастливая моя дѣтка! (Привлекаеть Ольгу и цѣлуетъ ее въ голову) Ничего-то ты не знаешь... (Гладить Ольгу по головѣ) И я была такая же..

(Прижавшись другъ къ другу, онѣ молча смотрять въ окно; слышно, какъ въ саду поютъ птицы; потомъ доносится сердитый окрикъ Любови Васильевны на прислугу. Опять тихо)

ОЛЬГА.

Посмотри, мамочка: рѣка здѣсь золотая, а вонъ тамъ синяя, какъ небо... А тамъ луга, зеленые-зеленые и что-то бѣлѣть... Далеко-далеко видно!..

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Да, далеко... Очень далеко..

ОЛЬГА.

А тамъ — синій туманъ.. Словно горы.. Такъ бы и убѣжала туда... Правда? Если бы у меня были крылья, я сейчасъ же полетѣла бы туда!.. Черезъ рѣку, черезъ луга, туда, гдѣ синіе туманы... Что тамъ?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Ничего нѣтъ... Все то же ..

(Съ улицы доносится выкрикивающей голосокъ дѣвочки: „Цвѣтовъ! цвѣтовъ не надо ли, барышня?“)

ОЛЬГА

(перегибался черезъ подоконникъ).

Цвѣты?.. (Обернувшись къ Вѣрѣ Павловнѣ) Ландыши, мамочка! (Кричать въ окно) Бросай сюда!.. Деньги? На, лови!

(Бросаетъ въ окно монету) Поймала? Ну, бросай!.. (Въ окно влетаетъ нѣсколько связанныхъ въ небольшіе букетки ландышей, Ольга со смѣхомъ ловить ихъ, поднимаетъ съ полу, и, собравъ въ одинъ букетъ, подаетъ Вѣрѣ Павловнѣ) Это я—тебѣ, на повоселье!

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Благодарю тебя, милая дѣтка! (Цѣлуетъ Ольгу)

ОЛЬГА.

Ты, вѣдь, любишь ландыши?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Да, люблю. Они какіе-то странные, особенные: хрупкіе и нѣжные... Словно выросли не на землѣ... Они цвѣтутъ очень недолго... Скоро они пропадутъ...

ОЛЬГА.

Поставимъ ихъ въ воду! (Убѣгаетъ въ свою комнату и сейчас же возвращается съ наполненнымъ водою стаканомъ) Давай сюда! (Ставитъ цвѣты въ стаканъ, вода переливается черезъ край) Ухъ! черезъ край! Облилась! Я буду каждый день перемѣнять воду,—они будутъ жить долго-долго...

ВѢРА ПАВЛОВНА (грустно).

Все равно... завянутъ...

ОЛЬГА

(Ставитъ цвѣты на подоконникъ и, увидя идущаго по улицѣ Сергѣя Борисовича, кричитъ)

Сергѣй Борисовичъ! (Очень привѣтливо киваетъ головой) Мы переѣхали!.. Мама? Она дома... Вотъ здѣсь! (Показываетъ лѣвой рукой на Вѣру Павловну) Она груститъ.

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Оля! Зачѣмъ объ этомъ говорить? Кому это интересно!..

ОЛЬГА.

Зайдите! Что? Хоть на одну минуточку! (Бѣжитъ отъ окна въ переднюю) Я его напугаю!..

(ВѢра Павловна наскоро оправляетъ прическу, платье. Въ передней слышенъ хохотъ Ольги и гудящій басокъ Сергѣя Борисовича)

Я В Л Е Н І Е XXII.

ОЛЬГА

(выскакиваетъ изъ передней, радостно смѣется и хлопаетъ въ ладоши).

Ура! Напугала!.. А еще говорить, что ничего на свѣтѣ не боится!..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (входитъ).

Чуть-чуть въ обморокъ не упалъ... Здравствуйте, ВѢра Павловна! (Здоровается съ ВѢрой) Съ новосельемъ, значитъ... (Оглядываетъ гостиную)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Мы еще все устраиваемся...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Все, какъ слѣдуетъ: и диванчикъ, и цвѣточки, и картиночки... (Подходитъ къ картинѣ, разсматриваетъ) Это что же изображаетъ?

ОЛЬГА.

Развѣ не видите? Дѣвушка съ кошкой!

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Трогательно! Стало быть, тамъ (Показываетъ на другую картину)—Мальчикъ съ собачкой?..

(Вѣра Павловна смѣется нервнымъ смѣхомъ)

ОЛЬГА.

Вотъ и не угадали: не съ собачкой, а съ обезьяной!..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Ну, это еще оригинальнѣе!..

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Почему вы всегда веселый, жизнерадостный?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Не знаю, Вѣра Павловна...

ОЛЬГА.

Вы--счастливый?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (смѣется).

Должно быть, счастливый... А вамъ, Ольга Ивановна, вѣроятно, надоѣло жить?!

ОЛЬГА.

Убирайтесь вы! Вѣчно подтруниваете...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Вы любите жизнь?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Люблю и жизнь, и себя, и немножко людей люблю...
Люблю слушать, какъ поютъ ночью соловьи, какъ при
закатѣ солнца квакаютъ лягушки... И лягушекъ люблю!

ОЛЬГА (хохочетъ).

Ненавижу лягушекъ... Холодная, скользкія!..

(Дѣлаетъ нервное движеніе отъ ощущенія
гадливости)

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Люблю смотрѣть, какъ смѣется солнышко и какъ
грустить луна...

(Присаживается на стулъ)

ОЛЬГА.

А-а! Это и я люблю.

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Какъ плачетъ осенью дождикъ и какъ зимой кру-
титъ въ полѣ метель... Однажды меня препровождали
изъ одного сквернаго города въ другой, еще болѣе
скверный... Морозы стояли великолѣпные! Снѣгъ сіялъ
такъ, что трудно было смотрѣть... Сибирскія лошади—
это, я вамъ скажу,—птицы! Летишь, духъ замираетъ...
А главное, пріятно ужъ очень ощущеніе неизвѣстности!
Куда-то ѣдешь и самъ хорошенько не знаешь;
что-то съ тобой будетъ,—и тоже ничего не знаешь.
Висишь себѣ среди снѣговъ, слушаешь колокольчики
и бубенчики и сливаешься съ этимъ холоднымъ свер-
кающимъ царствомъ снѣговой пустыни... Ей-Богу, хо-
рошо! 800 верстъ проѣхали...

ОЛЬГА

(незамѣтно подходит и неожиданно надѣваетъ на голову Сергѣя Борисовича вѣнокъ изъ сирени. Тотъ хочетъ снять вѣнокъ).

Не снимайте! Я васъ прошу! Пожалуйста. (Любуется)
Очень красиво! Когда римскіе полководцы возвращались съ полей битвы побѣдителями, на нихъ надѣвали вѣнки...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (шутливо).

Ну, а я не полководецъ и никого еще не побѣдилъ. Все еще сражаюсь... А потому... (Хочетъ снять вѣнокъ)

ОЛЬГА

(не даетъ снять).

Вы побѣдите! Непремѣнно побѣдите!

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Вы вѣрите въ это?

ОЛЬГА.

Вѣрю! вѣрю!

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Ну, тогда нехай его лежить на головѣ! (къ вѣрѣ Павловнѣ) Прочитали „Мадамъ Бовари“?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Прочитала.

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Понравилась книга?

ОЛЬГА.

Очень! очень! Мама плакала!

ВѢРА ПАВЛОВНА

(чувствуя неловкость).

Съ чего это ты взяла, Оля?

ОЛЬГА.

Зачѣмъ ты скрываешь? Развѣ это—дурно?

Я В Л Е Н І Е XXIII.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(входитъ, здоровается съ Сергѣемъ Борисовичемъ).

Вѣнчечкѣ, сударь, надѣли?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (смущенно).

Я и забылъ... (Снимаетъ вѣнокъ) Это все Ольга Павловна... шалить.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Хозяинъ не велѣлъ рвать сирень-то!

ОЛЬГА.

Пустяки! Чѣмъ больше ее рвать, тѣмъ она будетъ лучше на будущую весну!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (уходя).

Очень ужъ ты у насъ бойкая на язычекъ-то! А по-ди-ка вотъ поругайся съ хозяиномъ!

Я В Л Е Н І Е XXIV.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(хочетъ выйти изъ кабинета въ одномъ жилетѣ, но, замѣтивъ гостя, сухо произноситъ).

Виноватъ-съ!

(Скрывается. Вѣра начинаетъ смѣяться)

СЕРГѢЙ ВОРИСОВИЧЪ.

Ну, однако, надо бѣжать...

ОЛЬГА (недовольно).

Куда вы?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Какое тебѣ, Оля, дѣло?..

СЕРГѢЙ ВОРИСОВИЧЪ

Далеко, отсюда не видать...

(Жметъ руки и уходитъ. Ольга, присѣвъ за пианино, начинаетъ играть грустные мотивы. ВѢра Павловна сидитъ въ задумчивой позѣ у окна. Вдали слышенъ крикъ Любови Васильевны на Гришу, затѣмъ Гриша стрелгавъ пролетаетъ изъ столовой въ гостиную и прячется отъ бабушки въ комнатѣ Ольги)

Я В Л Е Н И Е XXV.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(входитъ, догоняя бѣглеца: въ одной рукѣ у ней ремень, въ другой—шпага Ивана Мироновича).

Гдѣ онъ? Вотъ озорникъ! Отцовской шпагой въ саду крапиву рубить!.. Надѣлъ ордена и крапиву рубить...

ОЛЬГА.

Вы безъ ремня не можете...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Я—по старому способу... Это ужъ вы по-новому, а я выдеру вотъ,—не будетъ безобразничать въ другой разъ!

(Идетъ въ комнату Ольги. ВѢра Павловна вскакиваетъ и заграждаетъ дверь)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Я не позволю бить ремнемъ!..

ГРИША

(голосъ изъ комнаты).

Мамочка! милая! Она ужъ меня побила! Ей все мало!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (криливо).

Молчи! Вотъ я надѣну на тебя собачій намордникъ, будешь у меня разсуждать! (Къ Вѣрѣ) Дурой онъ меня обругалъ.

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Я его накажу сама... Бить не позволю!..

Я В Л Е Н І Е XXVI.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(выходитъ изъ кабинета; тономъ слѣдователя).

Что такое вышло? Разскажите!.. Что онъ надѣлалъ?..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(размахивая рукой).

Я отказываюсь воспитывать твоихъ дѣтей! Что это такое: гдѣ бы поучить хорошенько, а мать потворствуетъ! Это по-новому! Возьми твою шпагу... на! (Суетъ Ивану Мироновичу шпагу) Мнѣ наплевать на васъ и на вашу новую жизнь! Обругалъ меня дурой, а ты его не смѣй пальцемъ тронуть!

(Бросаетъ на полъ ремень и уходитъ въ столовую)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (ей велѣдъ).

Погодите! Надо же разобрать!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (изъ столовой).

Сами воспитывайте!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Что такое вышло, Ольга?

ОЛЬГА.

Гриша взялъ твои ордена и шпагу... игралъ ими... больше ничего, а бабушка сейчасъ же за ремень...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

А душой мамашу онъ дѣйствительно назвалъ?

ГРИША

(изъ комнаты плаксиво).

Вретъ она! Она сама меня обругала дуракомъ, а я сказалъ: „дуракъ—родомъ такъ!..“ Вретъ она!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(очень строго).

Вретъ... Кто вретъ? Это ты про старшихъ?!

(Идетъ къ Гришѣ, отстраняетъ Вѣру Павловну и входитъ въ дверь. Изъ комнаты несется плачь и крикъ Гриши: „не буду, папочка! не буду, миленькій! будетъ, папочка!.. будетъ!..“ Ольга, заткнувъ уши, убѣгаетъ въ столовую)

ВѢРА ПАВЛОВНА

(поднявъ ремень съ полу, бросаетъ въ комнату Ольги).

Господинъ инспекторъ! Вы позабыли ремень!..

(Въ сильномъ волненіи уходитъ изъ гостиной)

Я В Л Е Н І Е XXVII.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(входитъ съ орденами).

Вотъ этакъ-то лучше! Будетъ помнить... (Крики въ комнатѣ стихаютъ) А по-новому-то ужъ вы тамъ...

Я В Л Е Н І Е XXVIII.

ИВАНЪ МИРОНИЧЪ

(выходитъ изъ комнаты, ухмыляется).

Брыкается, негодяй, ногами! (Смотритъ на руку) Ссадилъ вѣдь!.. И оретъ!.. Я его не больно, а онъ оретъ на весь домъ... Брыкается ногами!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Они что-то всѣ стали брыкаться... (Протягиваетъ орден) На, спрячь ордена-то!..

(Слышно, какъ въ столовой накрываютъ столъ къ обѣду)

ИВАНЪ МИРОНИЧЪ

(беретъ орден, смотритъ и вдругъ раздраженно кричитъ).

А гдѣ же Анна? Нѣтъ Анны! Подите, ищите Анпу!..

ГРИША

(выглянувъ изъ двери).

Анна, папочка, здѣсь... у меня въ карманѣ!..

ИВАНЪ МИРОНИЧЪ.

Подай сюда!

(Подходитъ къ двери, изъ которой торчитъ рука Гриши съ орденомъ. Иванъ Мироничъ беретъ орденъ и хлопаетъ по рукѣ Гришу. Затѣмъ идетъ въ кабинетъ)

Игрушки устроилъ...

Я В Л Е Н І Е XXIX.

ДУНЯ (въ дверяхъ).

Кушать подано!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Зови молодую барыню и барышню!

ДУНЯ.

Молодая барыня не будутъ кушать: онѣ пить хотятъ, а барышня читають въ саду книжку и говорятъ, что у нихъ нѣтъ аппетита... (Исчезаетъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вотъ они, порядки пошли какіе!... Стряпано на пять душъ, а у нихъ аппетита нѣтъ...

(Вплеснувъ руками, идетъ въ столовую)

Занавѣсъ.

Иванъ Мнронъчъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Заброшенный садъ при квартирѣ Боголюбовыхъ. Слева отъ зрителя, подь угломъ, поднимается сѣрая стѣна стараго деревяннаго дома, къ стѣнѣ примыкаетъ низкая открытая веранда въ садъ. На веранду выходятъ четыре окна со ставнями и между ними двойныя двери въ столовую — стеклянныя и глухія. Посрединѣ веранды—столъ, на немъ букеты изъ сирени. Отъ веранды разбѣгаются тропинки въ глубь сада. Справа видна часть забора, утыканнаго поверху ржавыми гвоздями. Время — подь вечеръ. Верхушки дальнихъ березъ обрызганы золотистымъ свѣтомъ низкаго солнца; свѣтъ и тѣни тянутся по травѣ, переплетаясь замысловатыми узорами. Кое-гдѣ бѣлѣтъ цвѣтушая сирень. На авансценѣ—двѣ старыхъ березы, подь тѣнью которыхъ круглый обросшій грибами столъ съ лавочками вокругъ въ видѣ буквы «п». При поднятіи занавѣса Иванъ Мионовичъ безъ пиджака, но въ галстукѣ, сидитъ на лѣстницѣ веранды и сооружаетъ огородное пугало; около Ивана Мионовича копошится Гриша, поглощенный устройствомъ этого пугала. Дуня приготовляетъ подь березами столъ для вечерняго чая. Съ рѣвки вѣтерокъ доноситъ пѣніе судовыхъ рабочихъ: „О-о, разокъ, да вотъ разокъ! Еще махонькій разокъ!“

Я В Л Е Н І Е I.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ
(въ благодушномъ настроеніи).

Вотъ видишь: и мой старый фракъ пригодился, и бабушкина шляпка пригодилась... Все можно употребить, братецъ мой, съ пользой... (Поднимаетъ „чучело“)

ГРИША.

Папочка! рукава болтаются!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Такъ оно и слѣдуетъ. Рукава будутъ отъ вѣтра болтаться, а воробьи и галки будутъ думать, что это—настоящій человѣкъ машетъ руками, и будутъ бояться... И ягоды, другъ мой, будутъ цѣлѣе... Поставимъ это пугало на дорожкѣ. Привяжемъ его на длинную палку и воткнемъ въ землю... А чтобы удобнѣе было воткнуть, заостримъ конецъ... Понимаешь теперь?..

(Навязавъ пугало на палку, встаетъ и несетъ его въ глубь сада. Гриша въ ажитациі бѣжитъ позади)

ГРИША.

Точно вѣдьма, папочка!.. Еще сдѣлаемъ?..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Нѣсколько штукъ сдѣлаемъ...

(Исчезаютъ за кустами)

ГРИША

(голосъ издали).

У бабушки есть твоя старая треуголка!..

Я В Л Е Н И Е . П.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(выходить съ чаемъ и сахаромъ на веранду и ворчить).

Нищихъ этихъ сколько развелось, отбою нѣтъ!.. Домъ бы трудолюбія имъ, что ли, выстроить... (къ Дунѣ) Я тебѣ велѣла на верандѣ?!..

ДУНЯ.

Я не знаю, кого слушаться: барышня велѣди здѣсь, а вы на верандѣ...

(Уходитъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(спускается съ лѣстницы).

Вкуснѣе, что ли, будетъ чай-то, если его пить на гниломъ столѣ подъ березами?.. Ходи сюда чай пить, когда на верандѣ и столѣ, и всѣ удобства... (Отражаетъ скамью) Воробьи тутъ прыгаютъ...

Я В Л Е Н И Е . III.

ОЛЬГА

(сбѣгая съ веранды).

Какъ пріятно въ вечеръ майскій чай китайскій... Гдѣ папа? Эта вдова опять пришла... Пусть папа поговорить съ ней,—мнѣ ее жалко...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(сорвавшись съ мѣста).

Опять? (Идетъ въ комнаты) Иванъ Миронъчъ тоже человекъ... Ему тоже покой нуженъ...

ОЛЬГА.

Погоди: я скажу папѣ!. Она плачетъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Нечего его беспокоить... Чаю напитокъ не дадутъ.

(Исчезаетъ въ дверяхъ столовой)

ОЛЬГА (кричитъ).

Папа! Па-па! Пришла вдова!

(Медленно уходитъ и скрывается за кустами)

Я В Л Е Н І Е IV.

ДУНЯ (несетъ самоваръ).

То на лужайку, то подъ березы... Потаскай вотъ его, проклятаго! (Ставитъ самоваръ на столъ подъ березами) Скипѣль, что ли?.. (Продуваетъ самоваръ) И мошекъ перестали бояться...

(Уходитъ въ комнаты)

Я В Л Е Н І Е V.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(за нимъ опечаленная чѣмъ-то Ольга и веселый Гриша).

Я тебѣ разъ навсегда сказалъ, чтобы ты не лѣзла не въ свое дѣло!.. Мало ли кто плачетъ?!

(Дѣловитой походкой идетъ въ комнаты.

Гриша и Ольга отстаютъ)

ГРИША.

Видѣла чучелу? Мы съ папой еще сдѣлаемъ...

Я В Л Е Н І Е VI.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(идеть съ веранды).

Прицѣпилась, какъ крючокъ... Поѣзжай, куда хочешь!.. Этого невозможно запретить... Пугаетъ тоже... (къ Ольгѣ) А ты сказала-таки отцу?.. Языкъ чешется?..

(Завариваетъ чай)

ГРИША (къ бабушкѣ).

Видѣла чучелу?..

(Поднимаетъ камешекъ и бросаетъ въ воробьевъ на березѣ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Не смѣй кидать!.. Въ чай насоришь...

ГРИША.

Я—въ воробья! чуть-чуть не попалъ... Ей-Богу!

Я В Л Е Н І Е VII.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(появившись на верандѣ, строго).

Григорій! Заниматься!

ГРИША

(тихо съ опущенной головой идетъ къ верандѣ).

Что, папочка?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Заниматься!

ГРИША.

Успѣемъ, папочка... Еще рано. Самоваръ подали...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

У лѣнтяевъ всегда бываетъ рано...

ГРИША.

Давай, папочка,—здѣсь?! Въ комнатахъ душно...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Здѣсь?.. Гм... Ну, что же... Можно и здѣсь. Неси географію. А въ кабинетѣ есть глобусъ: въ газету онъ завернуть! на этажеркѣ! И его захвати!

(Гриша уходитъ въ столовую)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Чай-то, Ваня, будешь пить?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(смотреть на часы).

Я говорилъ,—самоваръ не ранѣе шести! Въ пять я всегда буду заниматься съ Григоріемъ. И, затѣмъ, что за фантазіи таскаться съ самоваромъ по саду?..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (къ Ольгѣ).

Вотъ видишь! Слышала?..

ОЛЬГА.

Я люблю эти двѣ березы... хмурья онѣ, задумчивыя, точно два старыхъ великана... О чемъ-то все думаютъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Березы, какъ березы... Въ первый разъ, что ли, ты видишь березы-то?..

(Пьютъ чай, перекидываются словами. Ольга заплетаетъ распустившуюся косу, мурлычетъ пѣсенку,—поймала муравья и пугаетъ имъ Любовь Васильевну)

Я В Л Е Н І Е VIII.

ГРИША

(съ глобусомъ и учебникомъ выходитъ на веранду; печально).

Вотъ, папочка, принеси...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Садись! Я тебѣ разъ навсегда сказалъ и еще разъ повторяю: теперь устанавливается такой порядокъ: занятія—ежедневно въ пять часовъ вечера, кромѣ дней праздничныхъ и неприсутственныхъ.

(Пауза)

ГРИША.

Слышишь, какъ пѣночка поетъ?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

У тебя въ головѣ только бабки да пѣночки. (Ставить передъ собой глобусъ) Въ послѣдній разъ мы съ тобой говорили о землѣ...

ГРИША.

О землѣ, папочка...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (приподнявъ глобусъ).

Вотъ это и есть ничто иное, какъ земля!

(Любовно поглаживаетъ ладонью глобусъ, фамильярно хлопываетъ его рукой по боку)

ГРИША.

Точно арбузь, папочка...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Молчи и внимай! Какъ видишь, земля есть ничто иное, какъ шаръ, который... вертится.

(Вертитъ глобусъ на етержиѣ, — глобусъ не вертится)

ГРИША.

Не вертится, папочка?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Испортили уже!.. (Поцравляетъ и вертитъ глобусъ) Вертится, какъ я уже говорилъ, двойко... А именно? Какъ вертится?

ГРИША.

Двойко, папочка...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Совершенно вѣрно, двойко... Какъ же именно? (Пауза) Во-1-хъ, (цѣляетъ движеніе рукой) по орбитѣ, а во-2-хъ?

ГРИША.

И еще... еще...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Ну?

ГРИША.

Вокругъ этой... оси... папочка!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Хорошо-съ. По орбитѣ и вокругъ своей оси...

ГРИША.

А она зачѣмъ, папочка, вертится?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Она... мм... Это пока оставимъ... Со временемъ узнаемъ... Не въ этомъ дѣло... Теперь, что такое ось?

ГРИША (тыкая пальцемъ).

Вотъ эта штука, папочка!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Не штука, а „ли-ні-я, мысленно про-во-ди-мая черезъ оба полюса, называется земной осью“.

(Слышенъ тихій далекій свистокъ парохода)

ГРИША (тихо).

Пароходъ идетъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (вздохнувъ).

Ротозѣйничаешь, братецъ... Пойдемъ-ка лучше въ кабинетъ... Развлекаешься пустяками... Неси глобусъ

(Уходятъ въ комнаты: Иванъ Миновичъ—впереди, Гриша за нимъ, вертитъ глобусъ на стержнѣ)

Я В Л Е Н І Е IX.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Долей чайникъ-то! Сольешь весь чай, а отецъ любить крѣпкій. Онъ два стакана только пьетъ, но любить покрѣпче...

ОЛЬГА.

Прѣлый чай... Вѣникомъ пахнетъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Привередница ты... То—вѣникомъ пахнетъ, то содой отзывается... Не пей, если не нравится. Вода жесткая. и маленько соды вовсе не вредить...

Я В Л Е Н И Е Х.

ДУНЯ

(идеть съ веранды со сливками).

Сливки для барина...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Теперь, Авдотья, такой порядокъ: въ пять часовъ баринъ будетъ заниматься съ Гришей, самоваръ надо подавать къ шести. А то и географія, и самоваръ. Что-нибудь ужъ одно!..

ДУНЯ.

Мнѣ про географію ничего не говорили, я и подала къ пяти...

(Уходить)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (ей велѣдъ).

Говори, дура, повѣжливѣ! Слышишь?

ОЛЬГА (вставъ съ лавки).

Вѣникомъ пахнетъ...

(Тихо уходитъ въ глубь сада, напѣвая какой-то романсъ. Съ веранды, держа въ рукѣ соломенную шляпу, идетъ Соловьевъ)

Я В Л Е Н І Е XI.

СОЛОВЬЕВЪ.

Чаякъ попиваете? (Кланяется)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

А-а, это—вы? Присаживайтесь-ка!

СОЛОВЬЕВЪ.

Я. (Здоровается, садится и отираетъ лицо платкомъ) Вспотѣлъ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

У васъ и спина-то мокрая... Я вамъ стаканчикъ палью...

СОЛОВЬЕВЪ.

Благодарствую... По горамъ лазилъ,—ноги дрожатъ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Зачѣмъ же это вы? По горамъ-то? При вашей комплекціи не слѣдуетъ.

(Подаетъ стаканъ чаю)

СОЛОВЬЕВЪ.

Ходилъ туда, къ обрыву... Старину вспомнилъ. Мы съ покойной женой любили тамъ вечеромъ посидѣть, да на рѣку посмотреть... Раньше это было, когда оба были помоложе... (Мѣшая ложечкой въ стаканѣ) Да-а... вотъ она, жизнь-то!.. Сперва на горы, а потомъ... (Вздохнувъ) Странно все это устроено...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Не намъ судить, батюшка...

СОЛОВЬЕВЪ.

Родился, учился, женился, овдовѣлъ, вышелъ въ отставку... А теперь чуть на горку, — одышка, ноги дрожать...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Все на старой квартирѣ живете?

СОЛОВЬЕВЪ.

На старой.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Куда вамъ? Теперь вы—одинъ. Лишній расходъ.

СОЛОВЬЕВЪ.

Жалко бросить. Все-таки... четыре года на этой квартирѣ съ Анюточкой жили... Ходишь и вспоминаешь... Я все оставилъ, какъ было при Анюточкѣ: и спальня, и столовая... Въ спальнной,—комодъ съ зеркаломъ, а на комодѣ Анютины шпильки валяются. Какъ бросила, такъ и остались... Подойдешь, и будто все по-старому...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

А другіе не любятъ Сейчасъ же съѣзжаютъ. Вонъ у Кротовыхъ дѣвочка померла, всего-то ей было три года, а сейчасъ же переѣхали... Что же дѣлать? все въ рукахъ Божіихъ... (Послѣ небольшой паузы) А кахетинскихъ курочекъ-то держите?

СОЛОВЬЕВЪ (махнувъ рукой).

Бросилъ.. все бросилъ и куръ подарилъ..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (съ сожалѣніемъ).

Эхъ, что же вы, батюшка, ничего не сказали? И пѣтуха мохноногога подарили?

СОЛОВЬЕВЪ.

Подарилъ...

(Позѣвываетъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Что бы спросить!.. Не надо ли, дескать?.. Эхъ вы!.. А еще другомъ нашего семейства называется...

СОЛОВЬЕВЪ.

Рано всталъ сегодня. Плохо спалъ..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Что же это?..

СОЛОВЬЕВЪ.

Не знаю. Вчера вздумалось пельменей поѣсть. Анюточка была большая мастерица ихъ дѣлать. Каждое воскресенье, бывало... Вспомнилъ... велѣлъ приготовить... поѣлъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

На ночь-то нехорошо. У насъ Иванъ Миронычъ только стаканъ молока пьетъ. Не ужинаетъ.

СОЛОВЬЕВЪ (не слушая).

Разное представляется: то будто бы Анюточка ходить, то будто зоветъ. Задремлешь, и вдругъ, вотъ какъ на яву,—(зоветъ) „Павликъ!“... Вздрогнешь даже! А подь утро заснулъ и вижу, будто будочникъ, огром-

ный этакій съ рыжими усами, схватилъ меня за горло и душилъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (сочувственно).

Лишняго покушали.

СОЛОВЬЕВЪ.

Странно все это... Много на свѣтъ страннаго, непонятнаго...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Еще бы!..

(Вдали звучитъ пѣсенка Ольги)

СОЛОВЬЕВЪ.

Поетъ все барышня... Молодость! Кажется, что все побѣдишь и никогда не состаришься...

(Изъ комнаты доносятся звуки піанино)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вотъ это ужъ напрасно! (Встааетъ, торопливо идетъ на веранду и, подойдя къ окну, говорить) Погодите ужъ съ музыкой-то! Что-нибудь одно: географія или музыка! (Музыка обрывается, Любовь Васильевна идетъ обратно) У насъ нынче не разбирается: кто во что гораздъ...

СОЛОВЬЕВЪ.

Хорошо играетъ Вѣра Павловна...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Какъ же! Она въ Уфѣ въ концертахъ играла... Забросила теперь... У насъ, вѣдь, и Иванъ Мирончъ играетъ... Когда въ Уфѣ жили, онъ въ кружкѣ все

игралъ. Оркестръ у нихъ былъ... Контрабасъ и сейчасъ цѣлъ... Теперь ужъ, конечно, неудобно: все-таки инспекторъ... Не идетъ оно какъ-то...

Я В Л Е Н І Е XII.

ВѢРА ПАВЛОВНА

(выходить на веранду съ книгой въ рукѣ, спускается съ лѣстницы молча проходить вглубь сада. Слышенъ ея голосъ)

Оля!

(Вдали отвѣчаетъ голосъ Ольги: „Ау!“)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Скучаетъ у насъ барыня-то... И что такое,—понять нельзя... Ну, вы хоть овдовѣли, по женѣ тоскуете... А вѣдь она, слава Богу, ничѣмъ не обижена... Живетъ, какъ у Христа за пазухой..

Я В Л Е Н І Е XIII.

ДУНЯ

(сбѣгаетъ съ веранды, подходит къ столу).

Пришелъ молодой баринъ!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Какой баринъ?

ДУНЯ.

Да вотъ этотъ, который книжки-то поситъ... Съ долгими волосами!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Баринъ!.. Скажи,—никого дома нѣтъ. Повадился.

ДУНЯ.

Да они въ гостиной.. Не спрашивали никого.

(Уходить)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вотъ какъ нынче! Безъ всякаго спроса прямо въ гостиную... Книгоноша...

Я В Л Е Н И Е XIV.

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (на верандѣ).

Здравствуйте!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Мое почтеніе.

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Вотъ у васъ благодать какая! (Спускается съ лѣстницы, идетъ къ столу) А куда ваша публика-то дѣвалась?

(Здоровается)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Какая публика?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Остальные — прочіе? Иванъ Миронычъ, Вѣра Павловна?..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Иванъ Миронычъ съ сыномъ занимается. Въ это время онъ всегда занятъ дѣломъ. А Вѣра Павловна — гдѣ-то бродитъ... Чайку выпьете?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Спасибо. Не хочется... (Оглядываетъ садъ) Благодать! И березы, и сирень, и травка... Такъ бы и повалялся!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Валяться, положимъ, лишнее, а погулять очень пріятно. Тридцать рубликовъ въ мѣсяць платимъ: За эти денежки можно и требовать кое-чего...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Люблю заброшенные сады, съ крапивой, репьями, съ тропинками и лопухами...

(Срываетъ листочки и мнетъ ихъ въ рукахъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Кто въ городѣ тридцать-то рублей платитъ? Разъ-два, да и обчелся...

СОЛОВЬЕВЪ.

Встрѣчаемся мы съ вами, здороваемся, а я, откровенно говоря, до сихъ поръ не знаю вашего имени, отчества и фамиліи...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Представьте: и я—тоже!

СОЛОВЬЕВЪ.

Павелъ Павлычъ Соловьевъ, былъ учителемъ, а теперь въ отставкѣ... А вы у насъ недавно живете?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Порядочно. Скоро полгода уже.

СОЛОВЬЕВЪ.

Не слышать было... Скучно у насъ. Вы изволите служить?

СЕРГЪЙ БОРИСОВИЧЪ.

Нѣтъ. Безъ опредѣленныхъ занятій, но... (Со смѣшкомъ) но съ очень опредѣленнымъ положеніемъ!.. Человѣкъ, какъ говорится, „на виду“!..

СОЛОВЬЕВЪ.

Не слыхаль, ничего не слыхаль... (Махнувъ рукой) А, можетъ быть, и слыхаль, да позабылъ!..

СЕРГЪЙ БОРИСОВИЧЪ

(къ Любови Васильевнѣ).

Ну, какъ дѣла съ Петровымъ? Смилоствился Иванъ Мironычъ?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Что вамъ этотъ Петровъ? родственникъ, что ли?

СЕРГЪЙ БОРИСОВИЧЪ.

Нѣтъ. Жаль. Юноша не глупый...

СОЛОВЬЕВЪ.

Это какой Петровъ?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Да ученикъ... Не поклонился Ивану Мironычу... Поведеніе убавили... Теперь мать покою не даетъ... Каждый день ходить...

СЕРГЪЙ БОРИСОВИЧЪ.

Мать говорила Ивану Мironычу, что юноша сей близорукъ?.. Не замѣтилъ?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Какъ же это инспектора своего не замѣтить? Кого другого, а инспектора надо замѣчать. Сегодня одинъ не замѣтитъ, завтра — другой... Тогда не нужно вовсе и инспектора... Близорукій! Они нынче всѣ близорукие... Это не близорукость, сударь, а воспитаніе нынѣшнее: его чуть отъ полу видно, а ужъ онъ воровитъ старшихъ учить... Начитаются книгъ всякихъ и думаютъ, что умнѣе всѣхъ стали...

СОЛОВЬЕВЪ (глядя въ землю).

Кто знаетъ? можетъ быть, и близорукій... Трудно что-нибудь сказать положительное...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Книги, Любовь Васильевна, дѣло хорошее...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Все, сударь, во-время и какія книги... Вонъ Ольга-то наша: какихъ вы ей книгъ тамъ даете—Богъ васъ вѣдаетъ. А я замѣчаю, что она грубитъ начинаетъ...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (со смѣхомъ).

Самыя невинныя книги!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Да я ужъ тамъ не знаю, мнѣ читать некогда... Но одна книжка, говоря между нами, Ивану Миронычу очень не понравилась...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Не понравилась? Какая же это?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вамъ лучше знать. Васъ сюда къ намъ по какому случаю прислали? Вотъ то-то оно и есть!

СОЛОВЬЕВЪ.

Экая память! Цвѣты второй день не поливаю... Все думаль полить и забыль... (Встаётъ) Пойду!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Посидите, сейчасъ Иванъ Мироничъ придетъ.

СОЛОВЬЕВЪ.

Когда Анюточка хворала, она все беспокоилась: умру, гоборить, и никто о цвѣтахъ не позаботится... Она наказывала вечеромъ ихъ поливать..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Успѣете. Развѣ долго полить ихъ?

СОЛОВЬЕВЪ.

Нѣтъ, пойду... Непокойно на душѣ. Можетъ быть, попозднѣе загляну къ вамъ, если огонекъ увижу...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

У васъ хорошіе цвѣты... Анна Павловна, никакъ только и думала, что о цвѣтахъ?...

СОЛОВЬЕВЪ.

Очень любила! Очень!

(Прощается и уходитъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(провожая Соловьева до веранды).

Вы смотрите: не вздумайте кому-нибудь цвѣты подарить! Мы купить можемъ, если... вздумаете...

СОЛОВЬЕВЪ (не оглядываясь).

Нѣтъ, нѣтъ!.. Невозможно... (Исчезаетъ)

Я В Л Е Н І Е XV.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(возвращаясь къ столу).

Жена у него недавно умерла. . Тоскуетъ и на другихъ тоску наводитъ... Иванъ Мироничъ не любитъ этихъ разговоровъ про смерть: онъ, если покойника навстрѣчу несутъ, ворочается. А Павелъ Павлычъ, какъ придетъ, такъ и пошло: „всѣ помремъ, всѣ помремъ“!.. Что про это говорить? Безъ него всѣ знаютъ, что помрутъ. Ничего съ этимъ не подѣлаешь... А какъ была жива жена, такъ онъ никогда и въ храмъ Божій не заглядывалъ.. Да и жена-то у него, между нами сказать,—тоже не очень-то богомольная была... Она... они... Ну, это ихъ дѣло! Богъ съ ними! Грѣхъ осуждать-то! Не намъ за нихъ на страшномъ судѣ отвѣчать...

(Сергѣй Борисовичъ не слушаетъ; прохаживаясь по тропинкѣ, онъ, о чемъ-то думая, потихоньку насвистываетъ. Вдали чуть слышенъ голосъ Ольги)

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

А вѣдь это Ольга Ивановна говорить?.. Она...

Я В Л Е Н І Е XVI.

ВЪРА ПАВЛОВНА
(съ Ольгой у забора).

Вотъ здѣсь и надо сдѣлать калитку!

ОЛЬГА
(смотреть въ щель забора).

Тутъ есть дорожка подь-гору, къ рѣкѣ, а тамъ—
купальня! Вотъ будетъ удобно: встанемъ и побѣжимъ
купаться...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Гдѣ онѣ тамъ... (Идетъ на голоса и появившись около дамъ)
Съ новосельемъ!

ОЛЬГА.

У-у, противный какой! Испугали... (Всѣ смѣются, здо-
роваются) Подслушали нашъ разговоръ?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Что вы это?! Я этимъ не занимаюсь...

ОЛЬГА.

А мы только-что про васъ говорили!.. И если бы
вы слышали...

ВЪРА ПАВЛОВНА.

Оля! Не дури!..

ОЛЬГА.

Хорошо у насъ?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Точно въ раю...

ОЛЬГА.

Посмотрите въ дырочку: рѣчку видно! вотъ сюда!

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Ни подслушивать, ни въ щелочки смотрѣть не люблю... Вишь, какой заборъ-то сдѣлали! Не перелѣзешь. Все воровъ боятся. Вонъ! гвоздей даже понатыкали. Полѣзетъ онъ, воръ-то, и напорется, а хозяину будетъ весело: снять вора съ гвоздя и отправить въ участокъ...

ОЛЬГА.

Пойдемте, мы вамъ покажемъ, какое папа „дугало“ сдѣлалъ!

(Хочетъ, всѣ медленно уходить въ глупину сада)

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Проткнуть человѣка гвоздемъ законъ не разрѣшаетъ, поэтому хозяинъ устроилъ такъ, чтобы воръ самъ проткнулся... Обстоятельный человѣкъ вашъ хозяинъ!..

(Скрываются)

Я В Л Е Н І Е XVII.

ГРИША

(сбѣгаетъ съ веранды).

Пить хочу... Въ горлѣ пересохло... Налей мнѣ чашечку!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Что у тебя глаза-то красные? Опять, видно, ревѣль?.. Не зналъ географію-то?

ГРИША.

А вотъ и зналъ. А я не понимаю, какъ доказать, что земля круглая... Самъ же говорить, что круглая, а велить доказывать...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Эхъ, ты!.. На! Пей!.. (Подаетъ ему чашку чая, тотъ пьетъ съ жадностью) Если отецъ велить доказывать, значитъ нужно... Отецъ зря не станетъ. Тебѣ же добра желаетъ...

ГРИША.

Да-а, добра!.. Дай-ка еще чашечку!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (удивленно).

Ты ужъ выпилъ?! Вотъ ты, вѣдь, какъ бойко чай-то пьешь... А изъ географіи совсѣмъ по-другому... (Наливаетъ и даетъ Гришѣ еще чашку чая) Что же это отецъ-то?

(Идетъ въ комнаты. Гриша, воспользовавшись отсутствіемъ бабушки, лижетъ сливки-шарить на столѣ и убѣгаетъ, захвативъ нѣсколько кусковъ сахару)

Я В Л Е Н І Е XVIII.

ОЛЬГА

(появляется вмѣстѣ съ Сергѣемъ Борисовичемъ и Вѣрой Павловой).

Мама ужасно любитъ переѣзжать на новую квартиру!..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Вотъ ужъ и не понимаю этого удовольствія...

ВѢРА ПАВЛОВНА
(какъ бы оправдываясь).

Люблю... Это какъ-то освѣжаетъ, вносить въ жизнь что-то новое... Мы живемъ въ этомъ городѣ скоро восемь лѣтъ! Можете себѣ представить: цѣлыхъ восемь лѣтъ!..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

И теперь новая квартира кажется новымъ міромъ?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Я жила только въ трехъ городахъ: въ Петербургѣ, въ Уфѣ и здѣсь...

ОЛЬГА (перехватывая).

Я помню мамочка, когда мы пріѣхали изъ Уфы, жили на маленькой квартирѣ, и ты все мечтала о томъ, когда у тебя будетъ своя комната...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Мечтала, мечтала...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Теперь эти мечты о комнатѣ-то исполнились, и появились новыя?

(Разсаживаются у стола)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Нѣтъ... надо залъ, гостиную, кабинетъ, столовую. Въ залѣ стоятъ вѣнскіе стулья, въ гостиной—мягкая мебель, а мнѣ некуда...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Когда мнѣ было лѣтъ 12, къ отцу пріѣхалъ какой-то пріятель, художникъ, и написалъ съ меня портретъ. Съ этой минуты я отошелъ на второй планъ. На меня никто не глядѣлъ, а портретомъ всѣ любовались; обо мнѣ никто не думалъ, а мой портретъ сдѣлался предметомъ общаго вниманія и заботливости... Портретъ положили сбхнуть въ гостиную и никого туда не пускали... Я туда забрался и сдѣлалъ попытку пощупать свой носъ на портретѣ, до того онъ казался мнѣ выпуклымъ. За это меня побили... Я возненавидѣлъ портретъ. А кончилось все это очень неожиданно и комично: прислуга убирала комнаты и, между прочимъ, стерла пыль и съ портрета... И мой соперникъ погибъ!.. Выкиньте изъ зала вѣнскіе стулья и устройте себѣ тамъ отдѣльную комнату...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Безъ зала, говорятъ, неудобно, безъ гостиной неприлично... (Смѣется) У меня - спальня! Комфортабельная спальня!

ОЛЬГА.

Но она, мама, темная....

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Ничего, ничего... Тамъ есть розовый фонарикъ, который рисуется мнѣ жизнь въ розовомъ цвѣтѣ...

(Пауза. Гдѣ-то на дворѣ крикаютъ домашнія утки)

ОЛЬГА.

Бабушкины утки...

ВѢРА ПАВЛОВНА (хохочетъ).

Скоро Иванъ Миронычъ именинникъ... Это для его ангела откармливаютъ... По случаю купили!.. У Павла Павлыча жена умерла, и утки оказались лишними!.. Дешево купили! (Хохотъ) Хотите чаю? (Снимаетъ съ самовара чайникъ) Этотъ чайникъ замѣчательный...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Чѣмъ?

ОЛЬГА.

Онъ настоящій китайскій.

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Подарокъ Ивана Мироныча въ день моего ангела...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Пріятное съ полезнымъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА (хохочетъ).

Онъ всегда... Въ прошломъ году въ память дня нашей свадьбы подарилъ мнѣ чулочную машину!

Я В Л Е Н І Е XIX.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(выйдя на веранду, прохаживается и добродушно напѣваетъ: „Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ изъ гроба встаетъ барабанщикъ и ходитъ онъ взадъ и впередъ“, обрывая).

Самоваръ горячій? (Спускается съ веранды, ВѢРА ПАВЛОВНА, ОЛЬГА и СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ весело смѣются) Что случилось?.. Что-нибудь ОЛЬГА выкинула?.. (Щупаетъ самоваръ) Чуть теплится. (Кричитъ) АВДОТЬЯ! АВДОТЬЯ!

Я В Л Е Н І Е XX.

ДУНЯ (выбѣгаетъ на веранду).

Иду.

ИВАНЪ МИРОНИЧЪ.

Подогрѣй! (Дуня уноситъ самоваръ) Я пью немного, но люблю, чтобы чай былъ, во-1-хъ, горячій, а во-2-хъ, крѣпкій... (Садится) Заморилъ меня сегодня Григорій. Не дается ему географія. Изъ ариѳметики онъ прелестно, феноменально! Комбинируетъ цифры удивительно! А изъ географіи—хоть плачь! Опоздали мы съ нимъ... Долговязый, растеть феноменально, а умственные способности не изъ важныхъ...

ОЛЬГА.

Давай я буду съ нимъ заниматься изъ географіи?

ИВАНЪ МИРОНИЧЪ.

Нѣтъ-съ. Я противъ женскаго преподаванія.

СЕРГѢЙ ВОРИСОВИЧЪ.

Почему это вы?

ИВАНЪ МИРОНИЧЪ

(очень глубокомысленно).

Особый складъ мышленія: мужчина мыслить по преимуществу синтетически, а женщина — аналитически. Женщина разлагаетъ, мужчина — слагаетъ.

ОЛЬГА.

У меня онъ прекрасно понимаетъ, а у тебя плачетъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА

(съ иронической улыбочкой).

Развѣ мужской умъ выше женскаго? Вы, Сергѣй Борисовичъ, какъ думаете?

СЕРГѢЙ ВОРИСОВИЧЪ (ухмыляясь).

Всяко бываетъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

Безъ сомнѣнія! Во-1-хъ, доказано, что женскій мозгъ легче мужского на... гм... нѣсколько граммовъ, а во-2-хъ,—эти... (Щелкаетъ пальцами) такъ называемыя, извилины, мозговые извилины... (Вѣра Павловна задорно смѣется) Чему же ты, душа моя, смѣешься?.. Возьми любой учебникъ анатоміи, и ты все это увидишь... У Гришки совершенно бабій методъ мышленія... Совершенно...

Я В Л Е Н І Е XXI.

ГРИША

(появляется изъ-за кустовъ).

Папочка! Надо еще поставить чучелу около смородины...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (къ Гришѣ).

Какъ же это ты, братецъ, не можешь доказать, что земля круглая?.. Я тебѣ сто разъ говорилъ. (Гриша стоитъ, опустивъ голову) Если ты откуда-нибудь поѣдешь и будешь ѣхать все прямо, прямо (жестъ рукой), то въ концѣ концовъ...

ГРИША (перебивая).

Я и говорилъ, что никуда не пріѣдешь!

(Всѣ хохочутъ, кромѣ Ивана Мироновича)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Позвольте, господа! (къ Гришѣ) Какъ это никуда не прїѣдешь? Прїѣдешь—и прїѣдешь опять на старое мѣсто, но съ другой стороны.. Это во-1-хъ, а во-2-хъ, что ты видишь при восходѣ солнца?..

ГРИША.

Я никогда не вставалъ, когда солнышко всходитъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Ну—при закатѣ? Это рѣшительно все равно. Ты видишь, что солнце закатилось, а высокія части предметовъ еще освѣщены.. Стало быть, выпуклость земли уже скрыла нижнія части, а верхнія еще доступны солнечнымъ лучамъ.. Понялъ?

ГРИША.

Понялъ...

(Иванъ Мироничъ отходить, Гриша убѣгаетъ въ комнаты)

ОЛЬГА.

Папочка! Вели вонъ тамъ, въ заборѣ, сдѣлать калитку!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Это зачѣмъ же понадобилось?

СЕРГВЙ ВОРИСОВИЧЪ.

Окно въ Европу...

ОЛЬГА.

Очень удобно: вышелъ и прямо на рѣку! Не ходить черезъ улицу.. И мамѣ хочется...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Во-первыхъ, заборъ — чужая собственность, слѣдовательно, онъ долженъ быть неприкосновененъ, а вторыхъ, существуетъ строительный уставъ, городской планъ и прочее...

ОЛЬГА (печально).

Значить, нелзя?

(Дуня несетъ самоваръ, за ней идетъ Любовь Васильевна)

Я В Л Е Н І Е XXII.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Ты думаешь, душа моя, что всякій можетъ строиться, дѣлать калитки, прорубать окна, гдѣ ему вздумается? А главное — не для чего. Тутъ — пустырь, люди загораживаются, а мы будемъ калиточки для воровъ устраивать...

(Дуня уходитъ)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Здѣсь такъ тихо, что и про воровъ ничего не слышать...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Воръ есть, вездѣ онъ есть! А только не слѣдуетъ его трогать, вводить въ грѣхъ... (Гремитъ посудой) Чужой воръ еще не бѣда, а вотъ, если свой заведется, домашній, это — скверно... Всѣ курицы неслись, а теперь вдругъ перестали .. раздумали.. Надо послѣдить... Самое время нестись, а у насъ раздумали ..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

И пестренькая не несется?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Говорять—не несется.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

Никогда не повѣрю!..

(Озабоченно уходитъ въ комнаты. Спустя нѣкоторое время со двора доносится тревожное кудактанье куриць).

Я В Л Е Н І Е XXIII.

ГРИША (кричитъ съ веранды).

Бабушка! Портной принесъ мнѣ новыя брюки, а папѣ—мундиръ. Иди посмотрѣть! (Исчезаетъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вѣра Павловна! Подите, посмотрите, какъ сидитъ. У насъ съ вами вкусы не сходятся: я люблю пошире, а вы—въ обрѣзъ. (Поднимается)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Мнѣ все равно...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (идетъ въ комнаты).

Все равно... Мундиръ не на одинъ годъ шьется...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (послѣ паузы).

Событіе!..

(Пауза. Слышно, какъ гдѣ-то далеко ствующій болгаринъ бьетъ въ бубень и гнусаво поетъ „Шумна Марица“)

ОЛЬГА

(вынувъ изъ букета вѣтку сирени, обрываетъ листочки).

Ну, что вы замолчали? (Обрывая вѣточки сирени, кидаетъ ими въ Сергѣя Борисовича) Ловите! Я читала, что въ Парижѣ бываетъ праздникъ цвѣтовъ: всѣ имѣютъ право кидаться цвѣтами даже въ незнакомыхъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Но мы, Оля, не въ Парижѣ...

ОЛЬГА

А вы, Сергѣй Борисовичъ, были въ Парижѣ?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ

Былъ.

ОЛЬГА.

А еще гдѣ-нибудь были? Въ Берлинѣ?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Былъ. И въ Лондонѣ былъ...

ОЛЬГА.

Господи! Какой вы счастливый! Вездѣ вы были. (Большими глазами смотритъ на Сергѣя Борисовича) Ну, и что же?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (ухмыльнувшись).

Да ничего! Хорошо!

ОЛЬГА.

Правда, что тамъ всѣ извозчики читаютъ газеты?

СЕРГЪЙ БОРИСОВИЧЪ (смѣется).

Правда, правда...

ОЛЬГА (обиженно).

Что же вы смѣетесь? Наде мной?

СЕРГЪЙ БОРИСОВИЧЪ.

Нѣтъ. Мнѣ вспомнился одинъ случай съ русской барыней...

ОЛЬГА.

Ну!

СЕРГЪЙ БОРИСОВИЧЪ.

Пріѣхала барыня въ Парижъ, наняла фіакръ и отправилась осматривать достопримѣчательности. Гдѣ-то барыня замѣшкалась, а извозчикъ воспользовался этимъ и зашелъ въ ресторанчикъ закусить. Выходитъ барыня: фіакръ тутъ, а извозчика нѣтъ. Разсердилась барыня и, когда извозчикъ появился,—накинулась на него по-русски: „Какъ ты смѣлъ? Я тебя отправлю въ участокъ“, и т. д.

ОЛЬГА.

Ну!

СЕРГЪЙ БОРИСОВИЧЪ.

Извозчикъ спокойно сѣлъ на свое мѣсто, обернулся къ барынѣ и говоритъ: „Мадамъ! Я позволяю говорить мнѣ „ты“ только тѣмъ женщинамъ, которыхъ я люблю“.

ОЛЬГА.

Вотъ нахаль!

(Сергѣй Борисовичъ смѣется)

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Вотъ тебѣ и разъ! А извозчикъ думалъ совсѣмъ напротивъ.

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Ты, Оля, не поняла... Тамъ, Оля, совсѣмъ по другому... Тамъ никому нельзя говорить „ты“...

ОЛЬГА.

Я когда-нибудь поѣду за границу...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Взяли да поѣхали! Дѣло незамысловатое.

ОЛЬГА.

У-у! Папу не сдвинешь съ мѣста: Раньше хотъ на дачу ѣздили, а теперь,—папа говоритъ, что незачѣмъ ѣхать и на дачу, потому что у насъ есть садъ...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

А вы—безъ паны? Попробуйте-ка!

ВѢРА ПАВЛОВНА (задумчиво).

У меня есть брилліанты... По наслѣдству достались... Никому они не нужны, никогда я ихъ не ношу... Продать ихъ и прокатиться въ Парижъ...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Одобряю. А то такъ и пролежать эти брилліанты сперва у васъ, потомъ, когда вы умрете, у кого-нибудь другого... У Ольги Ивановны, напримѣръ...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Почему люди не умѣютъ устроить свою жизнь такъ, какъ имъ хочется?..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Боятся.

ОЛЬГА.

Чего?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Есть „пугалы“ для воронъ, а есть и для людей... Въ дѣтствѣ насъ пугали „букашками“: „Спи, а то букашка придетъ!“ „Бшь, а то букашкѣ отдамъ!“ — У взрослыхъ людей есть свои букашки...

ОЛЬГА.

Какія же это букашки? Я не боюсь никакихъ букашекъ!..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Вы переживаете тотъ періодъ жизни, когда дѣтскія букашки померкли, а новыя не выросли...

ВѢРА ПАВЛОВНА (Ольгѣ).

А спишь ты все-таки съ лампадкой...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Надо, чтобы свѣтъ въ головѣ горѣлъ... Учиться, ба-рышня, надо...

ОЛЬГА.

Я и поѣду... осенью поѣду въ Петербургъ.

ВѢРА ПАВЛОВНА (грустно).

И я останусь одна. Я никуда не поѣду. Мнѣ некуда ѣхать... Я останусь съ букашками... Сергѣй Борисовичъ! Вы долго будете жить въ нашемъ городѣ?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Три года осталось слишкомъ... Надоѣсть, — убѣгу раньше.

ОЛЬГА (удивленно).

Куда?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Куда глаза глядятъ... Все дальше, все дальше! (Дѣлаетъ широкій жестъ въ пространство) У меня нѣтъ ни вѣнскихъ стульевъ, ни мягкой мебели, ни брилліантовъ. Всталъ и полетѣлъ себѣ все дальше, все дальше!.. (Смотритъ на часы) А идти, дѣйствительно, надо. Сегодня мы ѣдемъ на острова ершей ловить, съ ночевкой... Будемъ костры жечь, уху варить, пѣсни пѣть... (Прощается)

ОЛЬГА.

Уходите? Вамъ у насъ скучно? Мы... глупыя?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Оля! Что ты?..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Мнѣ вездѣ весело..

ВѢРА ПАВЛОВНА (подавая руку).

Неужели и рыбу ловить весело?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Очень весело. Уморительные эти ерши! Самъ маленький, а дергаетъ за лесу такъ сильно, что удилице трясется. Даже нугаешься иной разъ... Вытащишь его, — глазища сдѣлаетъ большіе, оцетинится... Маленькая рыбка, а съ большимъ темпераментомъ!

(Уходитъ. Ольга идетъ провожать его)

ОЛЬГА.

Возьмите какъ-нибудь меня ершей ловить..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Съ папой?.. Или съ бабушкой?

(Со смѣхомъ исчезаетъ въ комнатахъ. Вѣра тихо идетъ, но остается у веранды, печально смотреть вслѣдъ ушедшимъ и садится на лѣстницѣ веранды. Изъ оконъ доносится музыка; Ольга играетъ мотивы изъ „Травиаты“ замѣтно вечерѣетъ. Вершины дальнихъ березъ румянятся отъ заходящаго солнца; по саду скользятъ лиловыя тѣни)

Я В Л Е Н І Е XXIV.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(выходитъ на веранду съ пирогомъ изъ кондитерской; за нею скачетъ Гриша. Любовь Васильевна ставитъ пирогъ на столъ, Гриша намѣревается открыть крышку).

Погоди! не лѣзь! (Хлопаетъ Гришу по рукамъ) Нашъ пострѣль вездѣ поспѣлъ. (Осторожно снимаетъ съ картона крышку) Не суй носъ!

ГРИША.

Пирожное! Мама! Мамочка! Мѣшокъ съ деньгами! Совѣмъ какъ настоящія деньги! золотыя! рассыпались!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

Кабы настоящія-то деньги были, такъ и половины бы не донесли. Полюбуйтесь: два золотыхъ ужъ отколоу-пали пальцами! Жадность-то у людей какая! Право! (Кричитъ на Гришу) Не трогай!

ГРИША.

Дай хоть одну денежку! Жалко тебѣ, что ли?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Успѣешь.. И тебѣ достанется... Потерпи...

(Осторожно закрывъ картонъ, торжественно уноситъ пирогъ въ столовую. Гриша съѣзжаетъ по периламъ лѣстницы въ садъ и убѣгаетъ въ кусты. Гдѣ-то грустно кукуетъ кукушка. Вѣра Павловна сидитъ неподвижная и грустная; вдали тихо звучать колокольчики проѣзжей пары)

Кто-то куда-то ѣдетъ...

(Колокольчики замираютъ вдали)

Я В Л Е Н І Е XXV.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(выходитъ на веранду съ визитной карточкой въ рукѣ).

Оказывается, это—Пырковы пирогъ-то прислали. И поздравленіе!... (Подойдя къ лѣстницѣ съ умиленіемъ читаетъ) „Имѣемъ честь поздравить высокоуважаемаго Ивана Мироныча со всѣмъ семействомъ со днемъ новоселья. Съ пожеланіемъ всяческаго благополучія и безконечнаго счастья Василій Николаевичъ и Марья Ивановна Пырковы“;

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Ну и отдайте это благополучіе Ивану Миронычу!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Не одному это ему, а всѣмъ намъ (ВѢра нервно смѣется)
Чего же смѣшного-то тутъ?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Очертѣло мнѣ это благополучіе и безконечное
счастіе.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

Вижу я это, сама вижу... Вы думаете,—я ничего
не понимаю?.. (Отходить) Только смотрите: потомъ и
радъ бы въ рай, да грѣхи не пустять...

(Уходитъ въ комнаты)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Всяческое благополучіе... И безконечное счастіе..
(Съ тоской шепчетъ) И кругомъ букашки... А безгрѣшные
люди довольны: они прямо въ рай... Они и теперь въ
раю... Изъ одного рая въ другой... И получается без-
конечное счастіе.

Я В Л Е Н І Е XXVI.

ГРИША

(бѣжить къ верандѣ).

Мамочка! Правда это: если червяка пополамъ разрѣ-
зать, то обѣ половины будутъ жить и выйдетъ два
червяка?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Да, правда...

(Раздается благовѣсть ко всеошной: сперва глухимъ басомъ гудить соборный колоколь, за нимъ въ другихъ церквахъ)

А вотъ если человекъ раздѣлить пополамъ, то... выйдетъ... червякъ, Гриша, выйдетъ.

(Гриша съ удивленіемъ смотреть на мать)

ГРИША.

Обманываешь... А сама говоришь,—не надо врать...

Я В Л Е Н І Е XXVII.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(выходить на веранду въ новомъ мундирѣ, очень торжественный).

Григорій! Ко всеошной!

ГРИША.

Лучше бы завтра... къ обѣднѣ.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Ну! Не разсуждай! Иди!

(Дѣласть жестъ рукой; Гриша лѣниво и печально поднимается на веранду и проходить съ опущенной головой въ комнаты, за нимъ уходитъ Иванъ Мироновичъ. ВѢРА ПАВЛОВНА сидитъ въ задумчивой позѣ на лѣстницѣ веранды. Вдали глухо гудитъ одинъ соборный колоколь. Гдѣ-то далеко кукуетъ кукушка)

Я В Л Е Н І Е XXVIII.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(проходить къ столу подь березами, гремитъ ключами, беретъ чай и сахаръ и уноситъ въ комнаты).

Большой завтра праздникъ, а у насъ, никакъ, и лампадка не заправлена... Съ вами и Бога-то позабудешь!

(Исчезаетъ за дверями)

Я В Л Е Н І Е XXIX.

ОЛЬГА (въ окно).

Мамочка! Что ты сидишь тутъ одна?

ВѢРА ПАВЛОВНА (не поднимая головы).

Кукушку слушаю...

ОЛЬГА

(выбѣгая на веранду и спускаясь къ матери).

Ты опять грустишь! а?

(Заглядываетъ въ глаза Вѣры)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Кукушка точно плачетъ... Можетъ быть, Оля, она плачетъ о томъ, что какъ было, такъ все и останется.. И никакой новой жизни нѣтъ... Можетъ быть, и ты, Оля, тоже....

ОЛЬГА.

Нѣтъ, мамочка, нѣтъ! Знаешь, о чемъ она плачетъ?.. Она плачетъ о томъ, что гдѣ-то есть другая, хорошая

жизнь, а мы сидимъ тутъ и ничего не знаемъ! (Ласкается къ матери) Не грусти, мама!.. Слышишь?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Ты вѣришь, Оля?.. (Ольга молча киваетъ головой) Вѣрь! вѣрь, моя хорошая, добрая, счастливая! Надо вѣрить, а то не стоитъ жить...

(Затихаютъ. Вдали грустно кукуетъ кукушка)

Занавѣсъ.

Иванъ Миронъчъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Столовая; налѣво двѣ двери: ближайшая къ зрителю -- въ проходную Гришину комнату, около этой двери торчитъ слуховая труба, соединяющая столовую съ кухней; дальняя дверь—въ спальню супруговъ Боголюбовыхъ; направо дверь въ гостиную. Въ задней стѣнѣ четыре окна и между ними двойныя двери на веранду—стеклянные и глухія. Лѣтняя лунная ночь робко смотреть черезъ раскрытыя окна и дверь. На верандѣ супруги Пырковы и супруги Ивановы доигрываютъ „пульку“; оттуда несутся выкрики: „пики! трефы! бубны“, возгласы, споръ, стукъ мѣлковъ и смѣхъ. Изъ гостиной доносится избитая полька на пианино и слышно, какъ тамъ, подъ смѣхъ окружающихъ, танцуетъ одна тяжелая пара; въ столовой накрытый столъ представляетъ хаосъ послѣ ужина многочисленныхъ гостей, большая часть которыхъ уже разошлась. Мокрыя пятна, бутылки, тарелки съ объѣдками и окурками папиросовъ, опрокинутыя рюмки; подъ столомъ—смятая салфетка, пробки, вилка. Иванъ Мироновичъ—именинникъ. Необычайно разодѣтая Любовь Васильевна ходитъ около стола и посыпаетъ солью пятна на скатерти.

Я В Л Е Н І Е I.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (ворчливо).

Новая скатерть... Ахъ ты, Боже мой! Облиди-таки!

(Махнувъ рукой, отходить къ буфету и стучить посудой)

Я В Л Е Н І Е II.

ГИМНАЗИСТЪ

(входитъ изъ гостиной, обмахивается платочкомъ и, вынувъ портсигаръ, осторожно закуриваетъ папиросу, пряча се въ рукѣ отъ Любви Васильевны).

Температура довольно высокая!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Наплясались?

ГИМНАЗИСТЪ.

Скоро домой... Папаша велить уходить...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Ну, ничего, немножко еще попляшите: папаша въ карты заигрался...

ГИМНАЗИСТЪ.

Ольгу Ивановну что-то не видать... Хотѣлъ съ ней вальсикъ... Съ ней очень ужъ ловко...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА:

Забываю я все, въ которомъ вы классъ-то?

ГИМНАЗИСТЪ.

Прогимназію кончилъ первымъ ученикомъ, теперь въ гимназію... Потомъ—въ университетъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Докторомъ, что, ли хотите?

ГИМНАЗИСТЪ.

Папаша хочетъ—на филологическій... Тамъ и чины скоро идутъ, и пенсія хорошая...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Дай Богъ! Только поскромнѣе въ университетъ-то... Товарищей поосторожнѣе выбирайте!

ГИМНАЗИСТЪ.

Я ни съ кѣмъ не буду...

Я В Л Е Н І Е Ш.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(входитъ изъ гостиной утомленный и немного сердитый. Гимназистъ испуганно прячетъ папиросу и проходитъ въ гостиную).

Гдѣ же Вѣра и Ольга?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Почемъ я знаю?.. Въ саду, навѣрно... Все съ этимъ господиномъ не наговорятся...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Какъ это нетактично, не деликатно...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

А ужъ это ты ей скажи!.. По новому теперь...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Побросали гостей и исчезли... Гм! Ну, а самоваръ-то скоро? Надо было поставить сразу два самовара.

(Озабоченно уходитъ въ гостиную)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(идеть къ слуховой трубѣ и кричить).

Когда же у васъ самоваръ? Баринъ сердится... Вотъ онъ сейчасъ самъ въ кухню придетъ... (Отходить)
Конца этимъ чаемъ нѣтъ.

Я В Л Е Н І Е IV.

БАРЫНЯ

(входить изъ гостиной, тяжело дышитъ и обмахивается вѣеромъ)

Ухъ! Польку съ поручикомъ танцевала, молодость вспомнила... Онъ отлично танцуетъ!..

(Садится на диванъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Специалистъ... Уморилъ, небойсь?

БАРЫНЯ (въ томленіи).

Я говорю „довольно, довольно!“, а онъ вертитъ, не выпускаетъ... Ухъ! Стаканчикъ бы холодной водицы...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Простудитесь... Сейчасъ будетъ самоваръ...

БАРЫНЯ.

А гдѣ пропадаетъ Вѣра Павловна?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

А развѣ она не въ гостиной?

БАРЫНЯ.

Нѣтъ. Скрылась. Ахъ, какъ душно! (Вѣстаетъ) Пойду въ садъ освѣжиться. (Проходитъ на веранду и громко восклицаетъ:) „И ночь, и любовь, и луна!“

ПЫРКОВЪ (голосъ на верандѣ).

А вотъ отгадайте, почему луна не изъ чугуна?.. Потому что на луну надо много чугуна. (Хохочетъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Душно ей...

(Въ гостиной отхватываютъ „польку“)

Я В Л Е Н І Е V.

ДУНЯ (несетъ самоваръ).

Ужъ я его сапогомъ! (Ставитъ самоваръ на уголь стола и оттираетъ тряпкой) Проклятущій! Несу, а онъ на меня изъ крана капаетъ... А Гришенька все не спитъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Какой тутъ сонъ! Этакая музыка мертваго разбудить... Подотри подъ столомъ: и тамъ напакостили...

ДУНЯ (подтирая подъ столомъ).

Бокаль разбили

(Выдзаетъ изъ-подъ стола съ осколками бокала)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Чужой бокаль-то... Хорошо, если подберешь подходящій, а то цѣлую дюжину покупай...

(Дуня уходитъ съ тряпкой и осколками бокала въ кухню)

Я В Л Е Н І Е VI.

ОФИЦЕРЪ (входитъ съ вѣромъ).

Чего бы нибудь прохладительнаго: нарзанчику или сельтерской?

(Гимназистъ проходить на веранду)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Все выпили...

ОФИЦЕРЪ.

Никто, кромѣ Ольги Ивановны, па д'еспань не танцуетъ, а она исчезла. Жарко, Любовь Васильевна!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Много танцуете... Чай, у васъ ноги болятъ? Стучаете больно каблуками. Очень ужъ стараетесь...

ОФИЦЕРЪ.

Кавалеровъ нѣтъ, ничего не подѣлаешь... Одинъ отдуваюсь... Скажите пожалуйста: кто этотъ у васъ, высокій господинъ? Вотъ здѣсь за ужиномъ сидѣлъ?

(Показываетъ мѣсто за столомъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Кто его знаетъ... Студентомъ былъ, да выгнали... Много теперь такихъ. Начитаются всякой всячины и безобразничаютъ... Да еще и другихъ смущаютъ..

ОФИЦЕРЪ.

Что-то онъ тутъ насчетъ войны толковалъ... Глупое разсужденіе! Фантазіи!.. Папиросы всѣ вышли... Курить хочется... Полцарства за папиросу.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вотъ ужъ этого-то у насъ нѣтъ!.. Иванъ Миронычъ у насъ не курить... У насъ въ семьѣ пикто не курить...

ОФИЦЕРЪ.

Скверно!.. Кажется, гимназистъ курить...

(Идетъ на веранду, беретъ у гимназиста папиросу и спускается въ садъ)

Я В Л Е Н І Е VII.

ПЫРКОВЪ

(съ гимназистомъ идутъ съ веранды).

Нечего, братъ!.. отправляйся домой!.. Первый часъ...

ГИМНАЗИСТЪ.

Ну хоть до часу, папаша?

ПЫРКОВЪ.

Иди, братецъ... Поужиналъ промялся и кончено!.. (Отводитъ его въ уголь и тихо) Зачѣмъ ты куришь при народѣ? Экій ты олухъ, братецъ мой!.. (Шепчетъ что-то снму)

Иди! Неудобно... Простись, поблагодари и отправляйся!
Скажи Прасковѣ, чтобы ждала... А то не дозвонишься..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Да пусть еще попляшетъ... Что ужъ вы! Не гдѣ-ни-
будь вѣдь, а у инспектора!..

ПЫРКОВЪ.

Я, Любовь Васильевна, такого мнѣнія, что молодымъ
людямъ правильное питаніе и своевременный сонъ—
прежде всего!.. Меня самого такъ воспитывали... У дру-
гихъ въ мои лѣта катарры, бессонницы, а у меня до
сихъ поръ желудокъ удивительный!.. А все—правиль-
ный образъ жизни! In corpore sano mens sana, Любовь
Васильевна!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(не понимая въ чемъ дѣло).

Это вѣрно!.. Только бы ужъ учился... Въ универси-
тетѣ вотъ какъ? Осторожно нынче нужно вести себя..

ПЫРКОВЪ.

Онъ у меня не такой!.. (Къ сыну Иди, голубчикъ!

ГИМНАЗИСТЪ

(расшаркиваясь, прощается съ Любовью Васильевной).

Мерси за удовольствіе!..

(Уходитъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Хорошій мальчикъ!..

ПЫРКОВЪ.

Ничего паренекъ... Вы говорите, что въ универси-
тетѣ... Какая закваска,—вотъ въ чемъ дѣло...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Взяла бы я, да построила эти университеты гдѣ-нибудь въ полѣ, побольше мѣста загородила бы, чтобы тамъ были лавки, портерныя разныя, квартиры,—и волнуйся! Сдѣлай одолженіе!

(Громкій окрикъ съ веранды: „Василій Николаичъ!“)

ПЫРКОВЪ.

Иду-съ! (Торопливо идетъ на веранду и садится за карты) Это, знаете, мысль... Иду, иду!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(какъ бы размышляя).

Желудокъ, дѣйствительно, хорошій... Кушаетъ — мое почтеніе!..

Я В Л Е Н І Е VIII.

ВѢРА ПАВЛОВНА

(входитъ съ веранды въ столовую, подходитъ къ столу и, наливъ въ рюмку вина, пьетъ).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (виолголоса).

Очень хорошо! Побросали всѣхъ гостей и скрылись. Было бы вамъ извѣстно, что Иванъ Мироничъ сердится.

ВѢРА ПАВЛОВНА (сердито).

Ну, и пусть его сердится! Мнѣ рѣшительно все равно.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вижу, вижу... Вы думаете, я не понимаю?..

Я В Л Е Н І Е IX.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(входитъ изъ гостиной и, увидя жену, тихо говорить).

Неужели вы не понимаете, что это нетактично и неделикатно по отношенію къ гостямъ?.. Бѣгаете по саду, какъ дѣвочка...

ВѢРА ПАВЛОВНА

(пристально глядя въ лицо Ивана Мироновича).

Нетактично? Наплевать мнѣ на вашихъ гостей...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (страшно озадаченъ).

Что такое?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вотъ тебѣ и разъ!..

(Дѣлаетъ какіе-то жесты на гостиную)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Надоѣли мнѣ ваши гости...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Что съ вами? Опомнитесь!

(Громко кашляетъ и уходитъ въ гостиную. ВѢра Павловна садится на диванѣ и устало закидываетъ назадъ голову. Въ гостиной бряччитъ пианино. Любовь Васильевна наливаетъ массу стакановъ чаю)

ВѢРА ПАВЛОВНА

(сжимая надъ головой руки).

Мнѣ хочется что-нибудь сдѣлать... Закричать, сломать что-нибудь, плакать...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Только этого и не доставало... Чего вамъ хочется, хотѣла бы я знать?

ВѢРА ПАВЛОВНА (задумчиво).

Не знаю, Любовь Васильевна, не знаю... Я знаю только, чего мнѣ не хочется...

Я В Л Е Н І Е X.

ОФИЦЕРЪ

(проходить изъ сада въ гостиную подъ руку съ барыней, на груди которой приколоты цвѣты, наигрываетъ губами маршъ и шуточно командуетъ).

Лѣвой! лѣвой! Правое плечо впередъ!

(Барыня привѣтливо киваетъ Вѣрѣ Павловнѣ, оба исчезаютъ въ гостиной, Вѣра Павловна хохочетъ; изъ сада входятъ Ольга и Сергѣй Борисовичъ)

Я В Л Е Н І Е XI.

ОЛЬГА.

Ты, мама, что насъ бросила? Ты опять грустишь?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Садитесь рядомъ здѣсь!.. (Показываетъ на диванъ) Я испугалась „чучелы“... Мнѣ показалось, что кто-то выглядываетъ изъ-за куста и подслушиваетъ...

(Ольга звонко смѣется и садится рядомъ съ Вѣрой Павловной)

ОЛЬГА.

Садитесь, Сергѣй Борисовичъ! (Показываетъ рукою на диванъ) Въ середину...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

А офицеръ меня на дуэль не вызоветъ? (Садится въ серединѣ; Любовь Васильевна, косясь на диванъ, идетъ къ слуховой трубѣ) Что-то на меня всѣ здѣсь косятся...

(Хохочетъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(въ слуховую трубу).

Авдотья! Самой мнѣ, что ли, чай-то разносить?..

ОЛЬГА.

Бабушка словно капитанъ на пароходѣ... (Подражая капитану) „Стопъ! Задній ходъ!“

(Всѣ смѣются)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (отходя отъ трубы).

А ты—пассажирка? Изъ перваго класса? Сложила ручки...

(Входитъ Дуня и несетъ чай на веранду)

ВѢРА ПАВЛОВНА

(къ Сергѣю Борисовичу).

Ну, расскажите еще что-нибудь изъ вашей жизни! Про тюрьму расскажите.

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Не хочется что-то... Въ другой разъ расскажу, а теперь мнѣ хочется смѣяться...

ВѢРА ПАВЛОВНА

Какъ вы живете здѣсь?..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Отлично...

341854B

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Разскажите, что вы сегодня дѣлали? гдѣ были?
что видѣли?..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Быль сегодня въ сѣздѣ.

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Неужели вамъ и тамъ не скучно?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Это очень любопытно. Лучше всякаго театра. Пьесы
сочиняютъ авторы, а тамъ—сама жизнь; пьесы играютъ
актеры, а тамъ—сами дѣйствующія лица.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вы вѣдь, говорятъ, въ газетахъ пописываете, тамъ
вамъ всякая кляуза пригодится.. Напишите и деньги
заработаете...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (хохочетъ).

Всякая кляуза! всякая! Сегодня, напримѣръ, слышалъ
такую кляузу, что просто въ умиленіе пришелъ.
Художественная кляуза!.. Трагедія обывательск
любви!..

ОЛЬГА.

Разскажите! разскажите! Я ужасно люблю трагед

Я В Л Е Н І Е XII.

ОФИЦЕРЪ (входитъ изъ гостиной).

Ольга Ивановна! Выбираю васъ своей сосѣдкой.
(Расшаркивается)

ОЛЬГА.

Благодарю. Я вполне довольна своимъ сосѣдомъ.

ОФИЦЕРЪ (къ Сергѣю Борисовичу).

И вы, вѣроятно?

(Уходитъ въ гостиную)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Всѣ они довольны...

ОЛЬГА.

Ну! Рассказывайте трагедію!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Рано еще тебѣ! Очень ужъ ты любопытна...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Мы слушаемъ...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Барышня, по имени Марья Ивановна, полюбила кавалера, по имени Ивана Ивановича: Иванъ да Марья! (Ольга смѣется) Однажды женихъ повелъ невѣсту разлечься бесплатнымъ народнымъ чтеніемъ съ туманными картинами. Когда они возвращались домой и шли по улицѣ—подъ ручку, разумѣется,—изъ-подъ воротенъ вылѣзла злая собака и схватила жениха за ногу... Въ результатѣ—разорванныя брюки...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Уйди, Олечка! Нечего тебѣ тутъ слушать...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Вы не безпокойтесь: ничего неприличнаго въ моемъ разсказѣ не будетъ.

(Вѣра Павловна, закинувъ голову, нервно хохочеть)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Ну, все-таки, сударь, брюки тутъ и всякая всячина... Иди! иди! Нечего тутъ... И такъ больше знаешь, чѣмъ тебѣ слѣдуетъ. (Подходить къ Ольгѣ и тянетъ ее за руку) Поди лучше потанцуй!

(Дуня проходитъ въ Гришину комнату)

ОЛЬГА (вставъ)..

Я не хочу танцовать...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (сердито).

Иди, говорятъ тебѣ! (Ольга уходитъ въ гостиную и играетъ на пианино вальсъ изъ „Фауста“; Сергѣй Борисовичъ вопросительно смотритъ на Вѣру Павловну, та хохочетъ) Теперь можете, сколько угодно! (Идетъ въ Гришину комнату) Я и мѣшать не буду...

(Исчезаетъ. Пауза. Изъ гостиной доносится возгласъ барыни: „всѣми недовольна!“ послѣ чего происходитъ суматоха играющихъ въ „свои сосѣди“)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Вы оскорбили нравственность... Ну, говорите!

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Боюсь...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Букашекъ? (Хохочетъ) Ну, что было дальше?

СЕРГѢЙ ВОРИСОВИЧЪ.

Дальше? Женихъ проводилъ невѣсту до дому, поцѣловалъ ручку, все какъ полагается... Потомъ вернулся, составилъ протоколъ и предъявилъ искъ объ убыткѣ въ 20 руб. Женихи носятъ очень дорогія брюки. Вѣра Павловна нервно хохочетъ) Судья отказалъ: у жениха не было свидѣтелей. Тогда онъ перенесъ дѣло въ сѣздъ, а Марью Ивановну выставилъ свидѣтельницей...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Поэзія кончилась и началась проза...

СЕРГѢЙ ВОРИСОВИЧЪ.

Когда стали спрашивать Марью Ивановну про брюки...

Я В Л Е Н І Е XIII.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(проходитъ изъ Гришиной комнаты въ гостиную).

Все еще про брюки...

(Исчезаетъ)

СЕРГѢЙ ВОРИСОВИЧЪ

(продолжая разсказъ).

Она вспыхнула, опустила глазки и сказала: „никакихъ я брюкъ не знаю и знать не хочу“, а потомъ обернулась въ сторону Ивана Ивановича и добавила: „вашей невѣстой не состою и не желаю... и это даже очень некрасиво съ вашей стороны!“—и заплакала...

ВѢРА ПАВЛОВНА

(опустивъ голову, попотомъ).

Мнѣ жаль ее, эту бѣдную дѣвушку...

СЕРГѢЙ ВОРИСОВИЧЪ.

Такъ печально кончилась одна счастливая любовь!..

(Пауза, потомъ слышно, какъ Вѣра Павловна плачетъ, стараясь сдерживать слезы)

Что съ вами? Вѣра Павловна?

(Вѣра Павловна плачетъ громче)

Послушайте!.. Что съ вами?..

(Наклоняется надъ плачущей)

Я В Л Е Н І Е XIV.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (входитъ).

Что тутъ за исторія? Вы что съ ней сдѣлали?

СЕРГѢЙ ВОРИСОВИЧЪ (встаетъ растерянно).

Я не понимаю... Дайте воды!

ВѢРА ПАВЛОВНА

(закрывъ одной рукой лицо, другой отмахивается).

Не надо!.. Ничего..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Что вы съ ней сдѣлали?

СЕРГѢЙ ВОРИСОВИЧЪ.

Надо воды!..

(Ищетъ на столѣ воду)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Что тутъ „воды“! Нѣтъ-съ, это ужъ слишкомъ!

(Торопливо идетъ въ гостиную)

Я В Л Е Н И Е XV.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(входитъ изъ гостиной, стараясь быть спокойнымъ и корректнымъ. За нимъ—Любовь Васильевна. Въ дверяхъ видны любопытные гости).

Что вы, милостивый государь, позволили сказать моей женѣ? (къ женѣ) Онъ оскорбилъ тебя, душа моя? (Вѣра Павловна отрицательно качаетъ головой) Успокойся, душа моя!

(Смотритъ то на жену, то на Любовь Васильевну)

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Для меня слезы Вѣры Павловны совершенно неожиданны и непонятны... Увѣряю васъ, что я тутъ не при чемъ!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

Зря взрослые люди не плачутъ. Плачутъ, когда очень больно, при различныхъ тамъ операціяхъ, или когда очень оскорбительно...

ВѢРА ПАВЛОВНА

(вскакиваетъ съ дивана).

И еще, когда очень, очень ужъ симметрично! (Уходитъ въ спальню) Извините меня, Сергѣй Борисовичъ! Я и сама не ожидала... Захотѣлось плакать...

(Скрывается за дверью)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(какъ бы размышляя).

Позвольте-съ! О чемъ ей плакать? Ей не о чемъ плакать...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (иронически).

Вамъ это лучше знать...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Не о чемъ ей плакать. Я, вѣдь, кое-что слышала. Вѣночки, брюки и всякія неприличія...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Согласитесь, милостивый государь, что я долженъ это выяснить и понять...

Я В Л Е Н І Е XVI.

ОЛЬГА

(выходитъ изъ гостиной, останавливается и смотритъ испуганными глазами).

Что случилось?..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ

(раздраженно и насмѣшливо).

Старайтесь выяснить и понять, — это ваше дѣло.. Если вы мнѣ не вѣрите,—я не хочу больше говорить.. Какъ вамъ будетъ угодно.. Можете, если вамъ кажется это необходимымъ, потребовать удовлетворенія.. Я всегда къ вашимъ услугамъ..

(Сухо поклонившись, проходитъ въ гостиную. Ольга съ рыданіями убѣгаетъ въ Гришину комнату. Гости озадачены. Большая неловкая пауза. Иванъ Мироновичъ совершенно растерянъ)

ПЫРКОВА

(сгорая отъ любопытства, тихо входитъ съ веранды, прохаживается).

Что онъ тутъ наговорилъ? (Смотритъ то на Ивана Мироновича, то на Любовь Васильевну) А гдѣ Вѣра Павловна? Пауза)

ИВАНОВА

(входитъ съ веранды, прохаживается и обращается къ Пырковой).

Вамъ сдавать!..

(Дѣлаеть еще два тура и уходитъ на веранду)

Я В Л Е Н І Е XVII.

ОФИЦЕРЪ (входитъ).

Я одного нахала проучилъ... Жаль, что не на меня нарвался...

БАРЫНЯ (выглянувъ изъ гостиной).

Поручикъ!

(Скрывается. Офицеръ уходитъ въ гостиную; тамъ звучитъ піанино, но скоро обрывается,—веселье не ладится).

ИВАНОВА (кричитъ съ веранды).

Марья Ивановна! Мы васъ ждемъ!

(Пыркова идетъ на веранду. Изъ гостиной гуськомъ входятъ барыня, барышня офицеръ)

Я В Л Е Н І Е XVIII.

БАРЫНЯ.

Намъ пора... (Смотритъ на часы) У-у! первый часъ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Посидите...

БАРЫШНЯ (обиженнымъ тономъ).

Я хочу, мама, домой... У меня болитъ голова... Поѣдемъ!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Вы меня извините!.. Такъ вышло... Мнѣ и самому неприятно...

БАРЫНЯ.

Что вы это, Иванъ Мироничъ! Пустяки какіе... Мы нисколько...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Посидите!

БАРЫШНЯ.

Я устала, мама... У меня мигрень... Поѣдемъ.

БАРЫНЯ.

Ѣдемъ! Ѣдемъ! До свиданья! Мерси! Милости просимъ къ намъ!

(Прощается съ хозяевами)

ОФИЦЕРЪ (барынь).

Намъ по пути...

(Прощается съ хозяевами)

БАРЫШНЯ (съ гордостью).

Мы не пѣшкомъ... Мы—на извозчикѣ...

БАРЫНЯ.

Ночь прекрасная, дойдемъ, дѣвочка!..

(Все двигаются въ гостиную. Иванъ Мироничъ провожаетъ. Любовь Васильевна идетъ къ слуховой трубѣ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (въ трубу).

Авдотья! Проводи гостей...

(Идетъ провожать гостей. Пробѣгаетъ Дуня Изъ гостиной входитъ Соловьевъ, отдувается, грузно садится за столъ, наливаетъ себѣ стаканъ вина и, дымя папиросой, тупо смотритъ въ стаканъ. На верандѣ доиграли „пульку“, дѣлаютъ подсчетъ и горячо спорять. Возвращается Иванъ Миронъчъ, сильно разстроенный, и садится къ столу. Входитъ Любовь Васильевна и начинаетъ понемногу прибирать со стола лишнее. Проходитъ изъ передней Дуня)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (къ Дунѣ).

На-ка, отнеси это въ чуланъ! (Подаетъ бутылку) Не пьютъ это. (Дуня уноситъ бутылку; на верандѣ ожесточенный споръ) Никакъ, поссорились? Родственники, а какъ сидеть играть въ карты, такъ непременно повздорять...

РАЗГОВОРЫ НА ВЕРАНДѢ.

ПЫРКОВА.

Ты забыла записать...

ИВАНОВА (горячится).

Я никогда не забываю. Считай! Курица — разъ, сыграна, остается 250, сыграно семь трефъ, списано...

ПЫРКОВЪ.

Бросьте! Что тутъ изъ-за пустяковъ...

ИВАНОВЪ.

Я принимаю на себя.

ИВАНОВА.

Съ какой это стати?.. Ты, Маня, вѣчно насчитываешь. Съ тобой невозможно.. Въ прошлый разъ ты тоже спорила, а оказалось...

ПЫРКОВЪ (тушить свѣчи).

Кончено! (Хохочетъ) Идемте!

(Всѣ, кромѣ Ивановой, идутъ въ столовую. Иванова зажигаетъ свѣчу и старательно провѣряетъ и пересчитываетъ записи)

Я В Л Е Н І Е XIX.

ПЫРКОВЪ.

Женщины побѣдили!.. Вотъ вы все, Иванъ Мироничъ, про мозговья-то линіи говорите, а между тѣмъ насъ обыгрываютъ... Софья Ивановна... Гдѣ она?.. (Оглядывается и хохочетъ) Зажгла свѣтильникъ и отыскиваетъ истину!..

ИВАНОВЪ.

Она у меня любитъ точность. Аккуратная женщина... У ней въ записной книжкѣ каждая копѣчка записана...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Проигралась, вѣрно?

ИВАНОВЪ.

Да нѣтъ! Обѣ барыни выиграли, а проиграли мы съ Василиемъ Николаевичемъ... Я проигралъ рубль, а онъ восемь гривенъ...

ПЫРКОВА.

А Сонѣ хочется, чтобы мой мужъ проигралъ рубль а ея только восемь гривенъ!..

СОЛОВЬЕВЪ (мрачно).

Весь вечеръ сражались изъ-за двугривеннаго...

ПЫРКОВА.

Тѣмъ лучше: и время провели пріятно, и никому не обидно.

СОЛОВЬЕВЪ.

Мы съ покойной женой играли всегда въ „66“ и тоже, бывало, всегда ссорились... Теперь мнѣ не съ кѣмъ ссориться...

Я В Л Е Н І Е XX.

ИВАНОВА

(тушить свѣчу и входитъ въ столовую).

Нашла, господа, ошибку! (Къ Пыркову) У васъ, милостивый государь, записано 55, а надо было всего 45...

ПЫРКОВЪ.

Не спорю. Согласенъ. Ошибка всегда и вездѣ возможна.

СОЛОВЬЕВЪ.

Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Вотъ, я, напримѣръ. Вышелъ въ отставку, овдовѣлъ, одинъ, ничего не дѣлаю, ни дурного, ни хорошаго... и не ошибаюсь...

ПЫРКОВА (позѣвнувъ).

За Волгой спать и намъ велятъ...

ИВАНОВА.

Я выиграла рубль, и пожалуйста мнѣ рубль. Карточные долги я сама плачу аккуратно и люблю, чтобы мнѣ платили. Мнѣ не дано 20 копѣекъ!

(Протягиваетъ руку, какъ бы ожидая, что въ нее положить этотъ двугривенный)

ИВАНОВЪ.

Да вѣдь за мной, за твоимъ законнымъ мужемъ!

ИВАНОВА.

Мнѣ все равно...

ИВАНОВЪ (даетъ 20 коп.).

На! успокойся! Запиши, что получила... Съ родного мужа, какъ говорится, готова шкуру снять.

ПЫРКОВА.

Вѣра Павловна... не выйдетъ, вѣрно?... Надо домой... А Олечка спать?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Капризничаетъ. Теперь онѣ съ Вѣрой Павловной союзъ заключили: все вмѣстѣ, и капризничаютъ вмѣстѣ...

ПЫРКОВА.

Правда, что Олечка на курсы осенью поѣдетъ?

ИВАНОВА.

И вы отпускаете ее? одну?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Это еще на водѣ вилами писано...

ПЫРКОВА.

А что тутъ вышло?.. съ этимъ господиномъ?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Онъ тутъ такія сальности развелъ, что у меня, старухи, уши стали вянуть... Не всякій мужъ своей женѣ станетъ этакія сальности рассказывать...

ПЫРКОВА.

Что же онъ такое говорилъ?.. а?

ПЫРКОВЪ (хлопая жену по плечу).

Любопытная ты женщина! Много будешь знать, скоро состаришься!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Да еще удовольворенія захотѣлъ... Я вотъ схожу въ полицію,—получить онъ удовольвореніе!..

ПЫРКОВА (къ мужу).

Ну, Васекъ, давай прощаться...

ИВАНОВА (къ мужу).

И намъ, Коля, пора... Опять пересидишь... Онъ у меня какъ ляжетъ позднѣе часу, такъ и не можетъ заснуть... Все теоремы разныя представляются... Прощайся!

ИВАНОВЪ (раздраженно).

Дай допить вино!

ИВАНОВА.

Лучше бы не пилъ! Вредно тебѣ, — знаешь это, а пьешь...

СОЛОВЬЕВЪ.

Того нельзя, этого нельзя. Ничего нельзя...

ПЫРКОВЪ.

А у меня вотъ до сихъ поръ отличный желудокъ! Гвоздь переварить... in согрото сапо, какъ говорится.

ИВАНОВЪ.

А господинъ этотъ дѣйствительно нахалъ. Онъ еще за ужиномъ позволялъ себѣ говорить лишнее... Въ футлярѣ мы или безъ футляра, любимъ мы своихъ женъ, или только притворяемся, что любимъ,—это наше дѣло... Я хотѣлъ ему замѣтить...

ПЫРКОВЪ (женѣ, игриво).

Какъ, Машурочка, полагаешь: любимъ мы другъ друга или притворяемся? а?..

(Закинувъ голову, хохочеть)

ПЫРКОВА.

Ну тебя тутъ! Не любили, такъ не прожили бы восемнадцать лѣтъ... Развѣ можно восемнадцать лѣтъ притворяться?

ПЫРКОВЪ.

Вѣрно, Машуха! 18 лѣтъ отбарабанили. Богъ дастъ, и еще столько же въ любви и согласіи проживемъ... А потомъ разведемся!..

(Хохочетъ своей остротѣ)

ИВАНОВА (къ мужу).

Пересидишь, Коля!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Удовлетвореніе! Не доставало только, чтобы инспекторъ дуэлями сталъ заниматься!

ПЫРКОВЪ.

Куда намъ? Мы — люди штатскіе.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Я не боюсь. Рано или поздно умирать надо. Но, во-первыхъ, я не одинъ, у меня семья, и, слѣдовательно, а не имѣю нравственнаго права рисковать своей жизнью, а во-вторыхъ, у насъ есть судъ. Оскорбилъ я тебя,—подавай въ судъ!... А въ-третьихъ,—я человѣкъ вѣрующій и стрѣлять въ человѣка мнѣ не позволяетъ совѣсть...

(Часы бьютъ «I»)

ИВАНОВА (мужу).

Ну! Пересидѣлъ!

(Встаетъ и прощается)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вотъ вѣдь какъ хорошія-то жены мужей своихъ берегутъ!

ИВАНОВА.

У насъ трое дѣтей. Не дай Богъ, что случится,—хоть по міру иди... Онъ не имѣетъ права...

ИВАНОВЪ (раздраженно).

Умирать? Умирать всѣ имѣютъ право!..

ИВАНОВА.

Онъ не выслужилъ еще пенсіи. (Подаетъ ему респираторъ) На, надѣвай! Ночи свѣжія... Опять хрипѣтъ будешь.

СОЛОВЬЕВЪ.

А мнѣ вотъ теперь все равно. Никому нѣтъ дѣла, живъ я или померъ...

ПЫРКОВА.

Идемъ, Васекъ!..

(Всѣ поднимаются и начинаютъ прощаться).

ИВАНОВЪ.

Воздухъ весенній, ароматный, а тутъ надѣвай этотъ намордникъ,..

(Вертитъ въ рукѣ респираторъ. Иванъ Мионовичъ и Любовь Васильевна провожаютъ гостей. Соловьевъ остается одинъ. Пауза)

СОЛОВЬЕВЪ

(не поднимая головы съ рукъ, хрипло виолголоса вытягиваетъ).

Соловьемъ залет-нымъ юность пролетѣла...

Я В Л Е Н І Е XXI.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (входитъ).

У насъ Гришенька спитъ, вы ужъ сдѣлайте одолженіе—не пойте!

СОЛОВЬЕВЪ (флегматично).

Хорошо.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Грустите все?.. Вы ужъ извините: Иванъ Мионовичъ въ кабинетъ ушелъ, прилегъ... Усталъ, онъ очень...

СОЛОВЬЕВЪ.

Ничего. Я еще немножко посижу и уйду. Домой идти тяжело... Никто тамъ не ждетъ. Раньше, бывало,

идешь и знаешь, что тамъ ждуть, все припасено, приготовлено... Покойная Анюточка всегда ставила мнѣ на столикъ свѣчу, спички, графинъ съ водой... А около кровати—туфли... Да, всегда туфли... А теперь... Теперь ничего нѣтъ.

(Пауза. Слышно, какъ гдѣ-то далеко шелкаетъ соловей)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Ну, что же дѣлать? Всему конецъ бываетъ...

СОЛОВЬЕВЪ

(встаетъ, бродитъ по комнатѣ).

Не хочется домой... Взялъ бы вотъ да на этомъ диванѣ!.. А утромъ рано ушелъ бы!.. И никто бы не видалъ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (сердито).

Съ удовольствіемъ бы, да неудобно: у насъ дѣвушка... Сами понимаете...

СОЛОВЬЕВЪ.

Да... дѣвушка... Хорошая дѣвушка!.. Пойду на рѣку, сяду на горѣ и буду слушать, какъ поютъ соловьи... (Подходить къ верандѣ) Скоро свѣтать будетъ. Ухъ, какъ сиреню пахнетъ! Любила моя Аня этотъ запахъ... (Отходить) Да, въ такую же вотъ ночь... (Вздыхаетъ) Не знаю, гдѣ моя шляпа...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Въ передней она... (Подходить къ трубѣ и говорить) Дуня! Проводи гостя!

СОЛОВЬЕВЪ.

Да вы не беспокоитесь... Я самъ... Теперь я все самъ... Привыкать надо... Ну, спокойной ночи!

(Подаетъ руку. Дуня сонная, растрепанная, проходитъ со свѣчей въ рукѣ въ переднюю)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Ужъ какая тутъ спокойная ночь? Свѣтатъ скоро будетъ... Теперь ночи-то короче воробьиного носу...

СОЛОВЬЕВЪ (уходя).

Пойду на рѣку слушать, какъ поютъ соловьи...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(идя слѣдомъ за нимъ).

Скоро они перестанутъ ужъ пѣть-то... Послушайте! Надо чѣмъ-нибудь грусть облегчить...

(Исчезаютъ въ гостиной. Тихо. Слышно, какъ щелкаетъ гдѣ-то соловей и какъ „тикаютъ“ стѣнные часы. Потомъ съ рѣки чуть слышно доносится хоровая пѣснь катающихся на лодкѣ—поютъ „Внизъ по Волгѣ рѣкѣ“)

Я В Л Е Н І Е XXII.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (возвращается).

Ну, провалились, слава Богу!.. Поютъ гдѣ-то... Не спится людямъ...

(Сладко потягивается, позѣвываетъ и закрываетъ рукой ротъ)

Я В Л Е Н І Е XXIII.

ДУНЯ

(возвращается со свѣчей).

Вотъ какіе они!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Кто?

ДУНЯ.

Да этотъ гость-то! Старикъ, недавно жену схоронилъ, а пристаётъ съ глупостями...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(всплеснувъ руками).

Вотъ тебѣ и грусть! А! Скажите пожалуйста!

ДУНЯ.

Гулять съ собой звалъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Сороковой день женѣ только на той недѣлѣ еще будетъ... а!

ДУНЯ.

На лодкѣ катаются... (Подходить къ верандѣ) Хорошо какъ поють, барыня!.. Послушайте-ка!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

А ну ихъ тутъ съ пѣніемъ-то! Поди приберись хоть маленько въ гостиной-то!

(Дуня уходитъ за щеткой и тряпкой, возвращается, идетъ въ гостиную и слышно, какъ она тамъ двигаетъ мебель, отряхиваетъ что-то, мететъ полъ. Любовь Васильевна прибираетъ на столѣ. Хоровая пѣнь обрывается)

Я В Л Е Н І Е XXIV.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(появляется въ столовой безъ пиджака и жилета).

Ушелъ? (Ходить)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(сливая вино изъ недопитыхъ бокаловъ въ бутылку).

Ушелъ... Видятъ люди, что въ семьѣ непріятности, и сидятъ... А этого Соловьева прямо палкой не выгонишь. Будто бы мы виноваты, что у него жена умерла...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(останавливаясь у стола).

Что вы, мамаша, дѣлаете?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

А что?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Въ бутылкѣ бѣлое вино, а въ бокалѣ—красное!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Экая досада! Голова кругомъ идетъ. (Смотритъ бутылку на свѣтъ) Больше полбутылки. Придется на кухню отдать... Все равно... надо же... все-таки именинникъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(присаживается къ столу и послѣ небольшой паузы).

А гдѣ Ольга?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Въ саду. Забилась въ кусты и сидитъ, какъ пенекъ. Сперва ревѣла въ Гришиной комнатѣ,—я ее оттуда

погнала: еще ребенка напугаетъ... Твоя жена фокусница, сама никакихъ приличій знать не желаетъ и Ольгу къ тому же приучаетъ.. (Беретъ банку изъ-подъ икры) Все кончили!.. Словно никогда въ жизни свѣжей икры не видали... Отца и мужа имъ не жалко, а жалко, видишь, того... нахала... За него оскорбились...

(Иванъ Мироновичъ задумчиво ходитъ взадъ и впередъ, потомъ приостанавливается у дверей спальни, осторожно стучитъ и слушаетъ,— отвѣта нѣтъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Заперлась, какъ въ крѣпости отъ непріятелей... Отъ законнаго-то мужа! Это... „новая жизнь“ называется... Бросила гостей и заперлась. На всѣхъ ей наплевать. (Вздохнувъ) Правду говорятъ, что въ эти годы баба бѣсится...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(рѣшительно стучитъ въ дверь).

Будьте любезны — отпереть! Что-съ?.. Не одѣты?.. (Отходить) Хорошо-съ, подожду.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вотъ тебѣ и законный мужъ! Нахаламъ дозволяется про брюки и разныя сальности говорить, а для мужа — „не одѣта“!... (Подходить къ дверямъ въ гостиную) Неужто ты все еще здѣсь возишься?!

ДУНЯ

(ея голосъ изъ гостиной).

Здѣсь такъ нагажено, что въ двое сутокъ не уберешь...

(Любовь Васильевна идетъ въ гостиную, и сейчасъ же возвращается)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Окурковъ вездѣ натыкали: и въ тарелки, и въ цвѣты... Это все Соловьевъ! По женѣ онъ, видите ли, скучаетъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(опять у двери въ спальню).

Послушайте! Вы, вѣроятно, упустили изъ виду, что я—тоже человѣкъ и тоже хочу спать?..

(Дверь слегка пріоткрывается, и оттуда слышенъ голосъ Вѣры Павловны: „Дуня! Дуня!“ Дуня идетъ изъ гостиной въ спальню, и тамъ слышенъ голосъ Вѣры Павловны: „все это—въ кабинетъ!“ Дуня [выходитъ изъ спальни съ двумя подушками, простыней и одѣяломъ и проходитъ въ гостиную; дверь въ спальню запирается на ключъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Поздравляю васъ, Иванъ Миронычъ! Самая ужъ новая жизнь начинается...

(Уходитъ въ гостиную)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(спокойно, но строго).

Ничего смѣшного тутъ нѣтъ.. (Наставительно) Все это было бы, мамаша, смѣшно, когда бы не было такъ грустно...

Я В Л Е Н І Е XXV.

ДУНЯ

(выходитъ со свѣчей и щеткой).

Пожалуйте, баринъ! Вамъ послано въ кабинетъ на диванъ...

(Хочетъ уйти)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Постой! Гм... Мало ли что бываетъ въ семьѣ? Я смотрю на прислугу, какъ на членовъ семьи. Иначе нельзя. Если прислуга хорошая, она понимаетъ, что господа и прислуга это—старшіе и младшіе члены одной семьи. Если ты порядочная дѣвушка... и... дорожишь своимъ мѣстомъ, то все, что ты въ семьѣ видишь и слышишь, не должно выходить на улицу... и я предупреждаю, что...

ДУНЯ.

Что вы это, баринъ?! Развѣ я не понимаю? Мало ли что бываетъ между мужемъ и женой...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Вотъ то-то и есть! Это ты помни, не забывай... если, конечно, хочешь служить у насъ...

ДУНЯ.

Я хорошо понимаю... Развѣ можно...

(Хочетъ идти)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Погоди! Сегодня тебѣ было много хлопотъ и потому.. я... именинникъ... (Дасть Дунѣ рубль) На, возьми. Полтинникъ себѣ, а полтинникъ дашь сдачи...

ДУНЯ

(растерянно роется въ карманѣ).

У меня никакъ нѣтъ полтинника-то..

(Смотрить на ладони деньги)

Такъ и есть!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Сколько же у тебя?

(Появляется Любовь Васильевна)

Я В Л Е Н І Е XXVI.

ДУНЯ.

Только тридцать пять копѣекъ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (сердито).

Есть у меня, есть!.. Сколько ей надо?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Полтинникъ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (сердито).

На, возьми! (Дуня благодарить и прячетъ полтинникъ) Ну, чего же стоять? Получила и иди!

ДУНЯ.

Больше ничего?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Какъ это „ничего“? Отнеси вотъ вино въ погребъ.

(Отдаетъ двѣ бутылки Дунѣ)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Оставьте красное!

(Дуня ставитъ одну бутылку передъ Иваномъ Мироновичемъ; онъ наливаетъ вино и медленно пьетъ, сосредоточенный и мрачный)

ДУНЯ.

Позвольте, барыня, ключи!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

А эти всё—пустыя, ихъ—въ чуланъ... (Отдаетъ Дунѣ ключи, та уходитъ) Погоди, вмѣстѣ пойдемъ!.. Ты никакъ мышей боишься, испугаешься да уронишь!..

(Объ уходятъ. Слышно, какъ щелкаетъ соловей, Иванъ Мироновичъ встаетъ, бродитъ по комнатѣ, грустно вытягиваетъ: „Въ двѣнадцать часовъ по' ночамъ изъ гроба встаетъ барабанщикъ“, потомъ останавливается у двери спальни и робко стучитъ. За дверью голосъ Вѣры Павловны: „Что вамъ?“)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (упавшимъ тономъ).

Вѣрочка!.. Я желалъ бы съ тобой поговорить... выяснить...

Я В Л Е Н І Е XXVII.

ВѢРА ПАВЛОВНА

(выходитъ въ капотѣ; глаза ея заплаканы).

Что вамъ?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (садится).

Присядь! (Вѣра Павловна садится за столъ, облокачивается на руки и пристально смотритъ въ лицо Ивану Мироновичу) Ну, я слушаю...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(затрудняясь и конфузясь).

Я, Вѣрочка... того... упустилъ изъ виду... Эти странности, слезы, вспышки, нервность... Гм... Быть можетъ, ты, душа моя, того... въ этакое, душа моя, положеніе?.. Понимаешь?..

ВЪРА ПАВЛОВНА (злорадно хохочеть).

Поняли! Наконецъ-то поняли!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (обиженно).

Но... что же тутъ смѣшного?.. Ты не дѣвушка...

ВЪРА ПАВЛОВНА (продолжая смѣяться).

Какъ вы догадливы!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (встаетъ и ходитъ).

Въ такомъ случаѣ я отказываюсь понимать... Объясните, что все это значитъ!

ВЪРА ПАВЛОВНА.

Что?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Гм... Я, напримѣръ, замѣчаю у васъ склонность къ кокетству... Не далѣе какъ вчера утромъ, вы, еще не вставъ съ постели, первымъ дѣломъ взяли за зеркало... Вы, видимо, думали, что я сплю, но я, къ сожалѣнію, не спалъ и видѣлъ, какъ вы... съ зеркаломъ... На подобіе Маргариты...

ВЪРА ПАВЛОВНА.

Вы очень наблюдательны...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Вообще, ваше поведеніе оставляетъ желать лучшаго, а ужъ сегодняшнее... положительно... по меньшей мѣрѣ... того... какъ бы это сказать...

ВЪРА ПАВЛОВНА.

Мое поведеніе?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Да. Особенно сегодня.

ВЪРА ПАВЛОВНА.

Поставьте три съ минусомъ, больше мнѣ, господинъ инспекторъ, не надо!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Странно было бы допустить, что порядочная женщина, мать и законная жена...

ВЪРА ПАВЛОВНА (перебивая).

Вы говорите, словно диктуете... Говорите скорѣй! Въдъ мы не записываемъ вашихъ драгоцѣнныхъ словъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (не слушая).

Странно допустить, говорю я, чтобы эта женщина просила извиненія у того нахала, который оскорбилъ ея мужа и отца ея дѣтей, если не сдѣлать того печальнаго и оскорбительнаго предположенія, что она, эта женщина... гм... какъ бы это сказать...

ВЪРА ПАВЛОВНА.

Любовница этого нахала?.. Такъ вы хотите сказать?..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Я.. собственно... не могу... не имѣю..

ВЪРА ПАВЛОВНА.

Вы ужасно трусливы! Вы боитесь даже „словъ“!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Я не думаю, чтобы дѣло зашло такъ далеко, но во

всякомъ случаѣ я вижу, что вы ступаете на скользкій путь, и потому я вынужденъ указать вамъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА (перебивая).

Правильный путь? (Зло смѣется) Вы—отличный, опытнѣйшій путеводитель! Съ вами можно зайти въ такую трясину пошлости, изъ которой и не вылѣзешь...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (пожимая плечами).

Вотъ какъ? Не ожидалъ... Не заслужилъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Я вязну, а вылѣзти хочется, Иванъ Миронычъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Не заслужилъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Вязну, Иванъ Миронычъ! Чувствую, что вязну, съ каждымъ годомъ все глубже и глубже... Вы уже вытравили изъ моей души половину жизни!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Что вы говорите?! Кто вы были? вспомните! Вы были сперва пепиньеркой, которая обучала дѣвочекъ танцамъ... Плясали за пятнадцать рублей въ мѣсяцъ ежедневно, плясали, когда вамъ даже хотѣлось плакать...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Случалось, Иванъ Миронычъ.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

А потомъ вы были гувернанткой и за какую-ни

будь четвертную говорили... чуть не на всѣхъ языкахъ...
Я васъ вырвалъ изъ этой жизни... Я васъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА (перебивая).

Однимъ словомъ, вы пріобрѣли меня „по случаю“!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

И вотъ въ благодарность за все это вы... Ни мое положеніе, ни честь семьи, ни честь фамиліи, которую я далъ вамъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА (насмѣшливо).

Горжусь, Иванъ Миронычъ!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

За что-съ? Это за двѣнадцать-то лѣтъ вѣрной и тихой семейной жизни? Благодарю!.. благодарю!..

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Вы меня двѣнадцать лѣтъ обучали вашей тактичности! Двѣнадцать лѣтъ заставляли и говорить по заказу, и молчать по заказу, и смѣяться по заказу... Помните, я любила музыку, пѣніе... Теперь не пою... Не умѣю веселиться и радоваться...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (очень ласково).

Пой, радуйся, смѣйся, душа моя! Сдѣлай такое одолженіе!.. Я очень радъ. Но всему, душа моя, есть время и мѣсто. Не слѣдуетъ смѣяться тамъ, гдѣ приличествуетъ плакать....

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Вы сочинили бы мнѣ росписаніе, когда, въ какихъ случаяхъ и по какому поводу слѣдуетъ улыбаться,

радоваться, смѣяться, плакать!.. въ родѣ росписанія уроковъ, которое виситъ въ вашемъ кабинетѣ... А, впрочемъ, убирайтесь вы отъ меня съ вашими „путями“! Я жить хочу, а жить нечѣмъ... Понимаете, Иванъ Миронычъ? Нечѣмъ жить! Мнѣ наскучило ваше росписаніе... Мнѣ надоѣло такъ жить!.. Не стоитъ такъ жить!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(пораженъ и опечаленъ).

Вотъ тебѣ и разъ!.. Жили-жили, двѣнадцать лѣтъ прожили и все было хорошо... И вдругъ... „нечѣмъ жить“!..

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Не „вдругъ“, Иванъ Миронычъ, не „вдругъ“! Если вы это замѣтили „вдругъ“, то въ этомъ виновата ваша проницательность...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Какъ же это вамъ хотѣлось бы жить... по-новому-то?.. Новую-то жизнь вашу я никакъ не могу себѣ представить... понять...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Не поймете, Иванъ Миронычъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

А вы объясните!

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Не стоитъ, Иванъ Миронычъ!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

А вы попробуйте!

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Безъ росписанія! Поняли? Какъ хочется!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

То есть, какъ же это?.. Мебель, напримѣръ, ставится обыкновенно внизъ ножками, а вамъ захочется ее—вверхъ ножками?..

ВѢРА ПАВЛОВНА (нервный смѣхъ).

Бываютъ, Иванъ Миронычъ, такіе моменты, когда мнѣ хочется даже и васъ поставить вверхъ ножками!.. Воображаю!.. Инспекторъ—и вдругъ вверхъ ножками!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Похвально, похвально!.. Я не понимаю одного только: когда вы успѣли нахвататься такихъ удивительныхъ мыслей?!

ВѢРА ПАВЛОВНА.

За двѣнадцать лѣтъ нашей тихой и мирной жизни съ вами. Смотрѣла на васъ, смотрѣла и, наконецъ, увидала, что вы... совсѣмъ не страшная „букашка“... Вы... „пугало“!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(оскорбленнымъ тономъ).

Позвольте! За что вы меня оскорбляете?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Вы наставили въ саду пугаль, чтобы галки и воробьи не клевали ягоды... (Хохочетъ) А воробьи-то перестали бояться!.. Клюютъ!.. Понимаете? Ничего не понимаете?.. (Иванъ Мироновичъ пожимаетъ плечами) Ну, все равно!

(Наливаетъ въ бокаль вина) Давайте, Иванъ Миронычъ, выпьемъ за окончаніе „всяческаго благополучія и безконечнаго счастья“! (Протягиваетъ бокаль съ виномъ) Чокнемся!

Я В Л Е Н І Е XXVIII.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(проходить въ садъ и, предположивъ примиреніе, съ облегченіемъ произносить).

Ну, давно бы такъ! Ольга-то все въ саду... Не выгонишь...

(Исчезаетъ)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Чокнемся, Иванъ Миронычъ! Не хотите? (Иванъ Мироновичъ встаетъ и съ гордостью удаляется въ гостиную) Ну, все равно, я — съ бутылкой!

(Чокается съ бутылкой и пьетъ. Пауза. Изъ сада доносится голосокъ Ольги, напѣвающей романсъ „Сладкимъ запахомъ сирени напоенъ душистый садъ“, затѣмъ слышнеть голосъ Любви Васильевны: „Ольга! Ольга!“)

Олечка поетъ... Пой, пой, милая!.. И пусть твоя пѣсенка напоминаетъ намъ, что гдѣ-то тамъ есть другая жизньъ, яркая, полная радости и муки, большого счастья и большихъ страданій!

(Поникнувъ головой, потихоньку плачетъ и пьетъ вино)

Я В Л Е Н І Е XXIX.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

-0

-91

-н.

(возвращаясь съ веранды, ворчливо).

Юн Грубіянка! Какую волю взяла! Люди спятъ, а она

романсы распѣваетъ... (къ Вѣрѣ Павловнѣ) Ну, объяснились, что ли?

ВѢРА ПАВЛОВНА (ухмыляясь).

Объяснились!.. Объяснились!.. По душѣ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (радостно).

Такъ и слѣдуетъ! А то „во-первыхъ, да во-вторыхъ, да въ третьихъ“... Развѣ такъ мужъ съ женой долженъ объясняться? Поцѣловались покрѣпче—и дѣлу конецъ!..

Я В Л Е Н І Е XXX.

ОЛЬГА

(тихо входитъ изъ сада съ большимъ букетомъ сирени, молча приближается къ Вѣрѣ Павловнѣ, касается цвѣтами ея лица и спрашиваетъ).

Хорошо?

(Цѣлуетъ Вѣру Павловну въ щеку)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (ворчитъ).

Поѣдетъ она на курсы учиться... Чему учиться? Грубиянить? И такъ, слава Богу, научилась, безъ курсовъ...

ОЛЬГА

(твердо и рѣшительно).

Захочу и поѣду.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

А отецъ не дастъ денегъ, и никуда не поѣдешь...

ОЛЬГА (спокойно).

Не надо. Мнѣ мама брилліанты отдастъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

А отецъ паспортъ не выдасть... Тебѣ еще лѣта не вышли...

ОЛЬГА.

А тогда я что-нибудь сдѣлаю...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Пугаешь? Что же, отравишься, что ли?

ОЛЬГА.

Вотъ больно нужно! Стану я травиться! Я жить хочу...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Ну, а что же ты сдѣлаешь?

ОЛЬГА (загадочно).

Я знаю что...

(Молча цѣлуетъ Вѣру Павловну, кладетъ передъ ней часть цвѣтовъ и съ гордостью уходитъ чрезъ гостиную въ свою комнату).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (ей вслѣдъ).

Королева испанская, да и только! Право... (Пауза) Гдѣ же Ваня-то? Ему, чай, тамъ, на диванѣ-то, неловко... На мѣсто ужъ надо бы...

(Вѣра Павловна срывается со стула, быстро уходитъ въ спальню и запирается на ключъ. Любовь Васильевна въ полномъ недоумѣннн)

Вотъ! Точно въ гостиницѣ онѣ обѣ живутъ: чуть-что, сейчасъ въ свой номеръ—и на замокъ!..

(Возится около стола и буфета)

Я В Л Е Н І Е XXXI.

ГРИША

(появляется въ дверяхъ, заспанный, въ одной рубашкѣ и одѣялѣ).

Бабушка! Иди спать!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (удивленно).

Что ты, дурачокъ? Богъ съ тобой!

ГРИША.

Я боюсь... Кто-то все плачетъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(идеть къ Гришѣ).

Иди, иди! Спи себѣ! Богъ съ тобой! Чего бояться?

(Провожаетъ Гришу въ комнату, и, возвратившись, опять возится около стола. Гдѣ-то хлопаетъ дверь, слышны мягкіе шаги: это Иванъ Мироновичъ вышелъ изъ кабинета, ходитъ и грустно вполголоса напѣваетъ: „Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ изъ гроба встаетъ барабанщикъ, и ходитъ онъ взадъ и впередъ“)

Я В Л Е Н І Е XXXII.

ИВАНЪ МИРОНИЧЪ

(появляется въ столовой въ туфляхъ и халатѣ).

Вы, мамаша, все бродите?.. (Останавливается около матери)
Устали?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(опускаясь на стулъ).

Мнѣ тебя жалко... И что такое творится,—никакъ я понять не могу... Мнѣ тебя жалко... (Утираетъ слезы салфеткой) Какая имъ еще новая жизнь понадобилась,—понять не могу...

(Оба молчатъ, опустивъ головы. Тихо. Слышно, какъ гдѣ-то далеко щелкаетъ соловей. Въ окнахъ и дверяхъ играетъ розоватый отблескъ утренней зари. Въ саду щебечутъ птицы. Часы съ музыкой бьютъ и играютъ)

Занавѣсъ.

Н. ТЕЛЕШОВЪ.

ЧЕРНОЮ НОЧЬЮ.

Вася скучалъ.

Да и всѣмъ было скучно. Отъ скуки всѣхъ одолѣвалъ сонъ; дремали люди, дремали лошади и собаки, дремали мухи. Впрочемъ, мухи, какъ это съ ними иногда бываетъ, вдругъ взметывались цѣлой стаей въ воздухъ съ жужжаніемъ и суетой, а черезъ минуту вновь успокаивались гдѣ-нибудь въ крапивѣ или на мусорѣ.

Въ городѣ было тихо. Не торопясь брели иногда по досчатымъ тротуарамъ прохожіе; на углу гдѣ-нибудь стоялъ извозчикъ, цѣлыми часами не двигаясь съ мѣста; задумавшись и позѣвывая, сидѣли у лавокъ торговцы, а на площади, передъ управой, дежурилъ „ундеръ“ Мосейчъ, равнодушный къ своей судьбѣ и ко всему земному. Службу свою онъ признавалъ почетной, но не практичной: для чего онъ стоитъ въ самомъ дѣлѣ?.. Его смѣнный товарищъ, такой же ундеръ, какъ и онъ, говорилъ, что стоятъ они здѣсь „для жуликовъ“, но Мосейчъ возражалъ:

— Что ты, что ты! Господь съ тобой! Безъ насъ-то развѣ кто на живого человѣка полѣзаетъ! — и былъ вполне убѣжденъ, что стоятъ они здѣсь вовсе „не для жуликовъ“, а больше „для безобразія“.

Всѣмъ было скучно, но всѣ давно уже свыклись съ этимъ и не замѣчали ни скуки, ни жизни. Только рѣчка Серебрянка весело и радостно блестяла на солнцѣ, опоясывая узкою лентою городъ, извиваясь туда и сюда,

точно не зная, куда течь. Иногда, въ весенніе вечера, раздавался надъ нею басъ Прокофьева, молодого почтоваго чиновника:

Волга, Волга! Весной многоводной
Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля...

Дикій голосъ его несся вдоль по водѣ, перелеталъ черезъ рѣчку въ рощу, гдѣ было кладбище, и оттуда, точно изъ загробнаго міра, возвращало ему эхо послѣднее его полуслово. И долго потомъ молча наслаждался Прокофьевъ всякими мечтаніями и былъ вдохновенъ и счастливъ. Ему казалось, что только шагъ одинъ отдѣляетъ его отъ хорошей, нормальной жизни; ему хотѣлось видѣть людей, у которыхъ болѣе нѣтъ ни бремени, ни „проклятой работы“, у которыхъ есть любимый трудъ, какъ часть ихъ жизни и души.

— Но только это—неосуществимо!—махалъ онъ въ заключеніе рукой, и уходилъ спать взволнованный, печальный и покорный.

По вечерамъ же заливались по городу своеобразной пѣсней колотушки сторожей, чѣмъ позже, тѣмъ рѣже, и когда, наконецъ, городскіе часы били двѣнадцать, ударяя медленно, точно увѣсистымъ кулакомъ по мѣдному тазу, все было уже тихо и сонно въ городѣ: спали сторожа, спали и воры, которыхъ здѣсь, кажется, никто никогда не встрѣчалъ.

Отъ скуки по дѣламъ, судья здѣсь былъ очень строгъ, а исправникъ очень угрюмъ; онъ не любилъ ни бумагъ, ни письма и избѣгалъ протоколовъ, но зато, если уже доводилось писать, то не жалѣлъ словъ. Однажды казенный лѣсничій встрѣтилъ на площади мужика, который шатался и бормоталъ:—„Я непамятливъ... ваше... ваше... непамятливъ я“... И, наступивъ лѣсничему на мозоль, упалъ въ грязь и тутъ же за-

снулъ. Возникло дѣло, и чтобы не было въ другой разъ никому повадно, непамятливаго мужика судили, согласно протокола:

— За пьянство, буйство и за разбитіе стеколъ.

Время отъ времени среди улицъ бѣсился собаки, убѣгали въ деревни грызть другихъ собакъ и околѣвать въ оврагахъ. Потомъ опять наступало долгое за-тишье, скука и запускъ.

Люди, въ большинствѣ, здѣсь были степенные, знали толкъ въ дьяконахъ, колоколахъ и облаченіяхъ, бѣли по средамъ и пятницамъ капусту, благо ея много росло, жили лѣтъ по девяносто и сходили въ могилы съ молчаливымъ недоумѣніемъ: неужто все уже кончено?..

А когда наступали лѣтнія бѣлыя ночи, то становилось уже не только скучно, но—жужко. Было видно все точно днемъ, только было все пусто и мертво, не было ни солнца, ни красокъ въ небѣ, ни мухъ, ни людей, не было никакихъ звуковъ; казалось, что время остановилось и уже нѣтъ надежды ни на что, нѣтъ ни будущаго, ни прошлаго, нѣтъ ни людей, ни времени. Ни одинъ предметъ не окрашивался, ничто не бросало никакой тѣни; все было одинаково свѣтло, и сѣро, и безжизненно.

Если-бъ въ такую ночь кто-нибудь проснулся и услышалъ бы шаги на улицѣ или голосъ, то подумалъ бы непременно:

— Вася бродить...

А если-бъ спросить, кто такой Вася, этотъ сынъ церковной просвирни, то всякій, навѣрно, отвѣтилъ бы то же, что и другіе:

— Такъ... безъ послѣдствій.

Про бездомныхъ собакъ обыкновенно отвѣчали не иначе:

— Что за собака?

— Такъ... безъ послѣдствій.

И про городской общественный садъ говорили тоже,

что онъ „безъ послѣдствій“. Въ немъ было еще тише, чѣмъ на кладбищѣ; только каркали вороны и вили среди зелени деревъ свои черныя гнѣзда; людей почти не было видно, хотя скамейки были испещрены вензелями, непристойными надписями и затоптаны грязными ногами, а молодые побѣги кустарниковъ и верхушки молодыхъ елокъ бывали нерѣдко обломаны и тутъ же валялись, никому ненужныя, вызывая въ Прокофьевѣ улыбку ненависти и презрѣнія.

— Нѣтъ!—вздыхалъ онъ, останавливаясь въ изумленіи.—Нѣтъ, здѣсь ничто не можетъ быть осуществимо!

II.

За Васей утвердилось въ городѣ мнѣніе, что онъ человѣкъ непутевый, не то дурачокъ, не то простачокъ, котораго можно было дразнить, шутить надъ нимъ и даже издѣваться. Но Васѣ нравилось, когда его дразнили: онъ видѣлъ въ этомъ какое-то движеніе; собиралась кучка людей, всякій старался что-нибудь выдумать позабавнѣе; одни хохотали, другіе шумѣли—и въ общемъ было довольно весело. Происходило это обыкновенно у Спаса на Торгу, гдѣ сидѣлъ въ лавкѣ купецъ Иголкинъ, главный выдумщикъ всѣхъ шутокъ; тутъ же, неподалеку, стояла почтовая контора, откуда, слышавъ шумъ, могъ во всякую минуту появиться Прокофьевъ и холоднымъ словомъ своимъ испортить все дѣло. Появлялся онъ внезапно, точно изъ земли выросъ, и громко, но равнодушно стыдилъ всѣхъ за забавы надъ Васей. Онъ говорилъ, что человѣкъ съ человѣкомъ должны быть братьями и интересы людей должны быть непременно высокими.

— Но только среди васъ все это неосуществимо!—вздыхалъ онъ въ заключеніе и уходилъ. Если это случилось днемъ,—уходилъ въ почтовую контору, а если

вечеромъ, то на рѣчку—пѣть про широкую Волгу, „про лихихъ воеводъ, про недобрыхъ бояръ и неправыхъ судей“... А смущенный Иголкинъ между тѣмъ оправдывался передъ Васей:

— Что жъ, Вася, мы вѣдь съ тобой ничего... Мы вѣдь съ тобой по-благородному...

Прокофьевъ не умѣлъ произносить словъ, какъ ихъ обыкновенно произносятъ, и выговаривалъ ихъ такъ, какъ они пишутся: не „езыкъ“, а—языкъ, не „субота“, а—суб-бота, не „харапо“, а—хорошо.

— Зачѣмъ вы позволяете имъ надъ собою смѣяться да языкомъ трепать?—говорилъ онъ иногда Васѣ.

Тотъ виновато улыбался и отвѣчалъ:

— Скучно.

— Ну, взяли бы книжку да почитали, да дѣломъ бы занялись, а то стыдно безъ дѣла ходить. И матери вашей было бы полегче.

Отъ такихъ разговоровъ Васѣ дѣлалось еще скучнѣе. Вообще онъ не любилъ своего заступника. То ли дѣло купецъ Иголкинъ! Тотъ весело хлопнетъ въ ладоши и крикнетъ на всю улицу:

— Вася! А, Вася!.. Ты бы женился!

И Вася зналъ, что сейчасъ послѣдуетъ какая-нибудь шутка, надъ которой всѣ стануть хохотать,—но какая?.. Этого предугадать онъ не могъ, и бывалъ заинтригованъ.

— Хочешь, посватаю? И невѣста есть подходящая. Приходи ужотко часа въ четыре въ лавку. Только одѣнься по-жениховски.

И Вася приходилъ. Въ лавкѣ уже тѣснился народъ; всѣ поздравляли его съ „начатиемъ дѣла“; затѣмъ отворяли двери къ невѣстѣ, и изъ-за прилавка выбѣгала коза въ розовыхъ лентахъ:

Поднимался хохотъ и крики:

— Съ законнымъ бракомъ!

— Горько!

— Совѣтъ да любовь!

И Вася сторонился, смущенный, осмѣянный и все-таки довольный. Но недолго ликовалъ, обыкновенно, Иголкинъ: появлялся Прокофьевъ.

— Опять надъ несчастіемъ человѣческимъ потѣшаетесь! Что же это?

Иголкинъ стыдился и затихалъ.

— Этакъ намъ всѣмъ,—добавлялъ Прокофьевъ,— ежели мы неспособны ни на что иное, остается, самое лучшее, встать на четвереньки и разбѣжаться по лѣсамъ!

Послѣ этого дѣлалось въ улицѣ опять тихо и скучно; такъ скучно, что хоть умирай! Прогремить по городу гдѣ-нибудь телѣга, продребезжитъ пролетка—и опять наступать тишина; взбрехнетъ или вззоетъ собака—и снова молчаніе.

Васѣ, главное, не хватало въ жизни шума, продолжительнаго шума, и это удручало его. День за днемъ и годъ за годомъ одна и та же тишина, одно и то же оцѣпенѣніе. Никогда Вася не видывалъ въ людяхъ порыва страсти, ужаса или радости: все было тускло въ жизни, скромно, прилично. Даже Прокофьевъ сердился безъ порыва, безъ шума, обдавалъ всѣхъ холодомъ—и только. За это онъ и не любилъ его. Не любилъ онъ также и городского голову: про этого почтеннаго, скромнаго старика, всегда ходившаго неслышно въ резиновыхъ калошахъ и съ зонтикомъ, разнесли слухъ, будто онъ любитель барабаннаго боя и дома у себя тайно играетъ на барабанѣ.

— Какъ можно тайно играть на барабанѣ?—удивлялся Вася и ходилъ долго подъ окна къ головѣ прислушиваться, но ничего не слышалъ.

Говорили, будто тотъ обилъ всю комнату толстымъ солдатскимъ сукномъ и въ окна вставляетъ суконныя ставни, чтобы звуки не разносились. Вася повѣрилъ слухамъ, и съ того же дня пересталъ уважать представителя города.

— Ну, его: онъ тихій!

Желаніе вызвать шумъ никогда не покидало Васю. Шумъ и онъ—были родные; онъ и тишина—были заклятыми врагами. Вася даже не уважалъ свою мать за то, что она пекла просфоры, дѣлала такое тихое, никого не касающееся дѣло. Ужъ лучше бы она была вдовой звонаря,—думалось Васѣ. Но и звонъ не удовлетворялъ его. Церковные колокола были очень хорошіе, но звонили въ нихъ всегда равнодушно; красивые звуки ихъ были безстрастны и холодны, все равно, что рѣчи Прокофьева.

— Въ эти бы колокола—да въ набать!—мечталъ Вася, зацуривая въ ужасъ глаза.—Ухъ! было бы дѣло.

III.

Ясная сухая осень надвигалась медленно, широко и спокойно. Дни становились короче, ночи чернѣе и глуше. Вянущіе захладававшіе листья все еще держались на деревьяхъ, сѣрые, красные, желтые; на солнцѣ они рдѣли яркими пестрыми красками, на вѣтру не шелестѣли уже, но таинственно и сухо шуршали, отрывались легко отъ стеблей и, кружась, летѣли по теченію воздуха, ниже и ниже, и ложились обильно на улицы, на дворы и на крыши.

Иногда Вася влѣзалъ на колокольню и глядѣлъ оттуда на площадь, на городъ и на окрестныя дали, проникнутыя солнцемъ и дымкой; глядѣлъ на вереницы домовъ, на собакъ, глядѣлъ и внизъ на церковный дворъ; тамъ—прижавшись къ колокольнѣ вплотную, стояла богадѣльня, гдѣ жили старухи, жилъ звонарь—его пріятель, жила когда-то и Васина мать; ее давно уже прогнали отсюда и выстроили здѣсь квартиру для дьякона. И Вася, когда курилъ, бросалъ съ колокольни окурки папиросъ всегда на эту крышу.

Здѣсь часто вспоминалъ онъ и дьякона, съ его красивыми, точно женскими, локонами, и подгородную помѣщицу, Марью Захаровну, про которую говорили, будто она влюблена въ этого дьякона безнадежно; гдѣ дьяконъ, тамъ и она. И вотъ въ прошломъ году дьякону надоѣло это и онъ ее отучилъ: послѣ молебна, выходя изъ церкви и увидѣвъ возлѣ себя Марью Захаровну, дьяконъ вздохнулъ, поднялъ къ небу глаза и при всемъ народѣ громкимъ голосомъ, стараясь басыть, проговорилъ:

— Не вижу особу желательную, а вижу опять особу нежелательную!

И съ тѣхъ поръ помѣщицу никто болѣе въ городѣ не видалъ.

Вася любилъ стоять здѣсь на высотѣ. Онъ стоялъ, глядѣлъ и думалъ, да изрѣдка пошвыривалъ окурки на нижнюю крышу, стараясь угодить въ трубу.

Здѣсь передъ нимъ весь городъ былъ какъ на ладони: вонъ—лѣсной складъ, вонъ сѣнная площадь, аптека, а здѣсь—почта, лавка Иголкина; возлѣ церкви домъ священника, а вонъ выше всѣхъ домовъ—сѣрая досчатая каланча, гдѣ цѣлый день ходитъ пожарный и поглядываетъ на городъ такъ же, какъ глядитъ теперь Вася. Ему тоже все видно: улицы и дома, рѣчку и широкія поля за городомъ, и деревню...

— Вотъ бы ударить въ набатъ!—соблазнился Вася.

Сходя съ колокольни и бредя домой, онъ нерѣдко останавливался и задумывался возлѣ одного маленькаго домика, необитаемаго, съ заколоченными ставнями и съ длиннымъ сѣрымъ заборомъ. Во всю свою жизнь, то есть почти двадцать лѣтъ, Вася знавалъ этотъ домикъ всегда заколоченнымъ и необитаемымъ: знавалъ и его пять вывѣсокъ: однѣ прибиты къ стѣнѣ, другія къ воротамъ; на однѣхъ написано, что домъ принадлежитъ Сельдину, что онъ застрахованъ и свободенъ отъ постоя, а на другихъ—что „сей домъ“

продается“ и что „князьямъ входъ во дворъ воспрещается“.

Вася зналъ, о какихъ „князьяхъ“ говорила строгая вывѣска,—это о татарахъ съ узлами, ходившихъ по домамъ продавать „шурумъ-бурумъ“: матеріи и халаты. Зналъ Вася и самого Сельдина, жившаго въ другомъ домѣ, на другой улицѣ. Его ненавидѣлъ и боялся весь городъ: онъ давалъ деньги подь векселя и подь дома. Это былъ холодный, жестокой старикъ съ удивительно благодушной улыбкой на исхудаломъ безусомъ лицѣ; казалось, что онъ всегда привѣтливо улыбается; но это улыбался не онъ: это начиналъ уже улыбаться черепъ своей вѣчной улыбкой.

Съ улыбкой выслушивалъ старикъ неисправнаго должника, умолявшаго о пощадѣ, съ улыбкой же отбиралъ отъ него имущество, и, улыбаясь, пускалъ его по міру:

— Иначе, милый, самъ безъ подошвы останусь.

Этотъ безмолвный домъ, гдѣ, на Васиной памяти, никогда не свѣтились огни, никогда не струился дымъ изъ трубъ, никогда не отколачивались ставни и не отворялись ворота, давно привлекалъ вниманіе Васи.

— Людей тутъ нѣтъ... никого нѣтъ,—нерѣдко думалъ онъ, глядя на домъ съ колокольни. И затѣмъ загадочно улыбался и долго стоялъ, точно прислушиваясь къ чему-то, и глаза его оживлялись.

Однажды Вася перелѣзъ черезъ заборъ, спрыгнувъ въ садъ и, шурша опавшими листьями, пошелъ къ крыльцу дома. Ему дѣлалось жутко; долгое отсутствіе здѣсь людей наполняло призраками весь дворъ и садъ и строенія; чудилось, что кто-то идетъ за нимъ по пятамъ, казалось, что кто-то спрятался за уголъ кухни и подсматриваетъ за Васей. И онъ съ бьющимся сердцемъ останавливался и оглядывалъ дворъ и опять шелъ, замедляя шаги, озираясь и вслушиваясь.

Возлѣ крыльца, подь жолобомъ, стояла старая раз-

рушающаяся кадка; казалось, что сію минуту въ ней спряталась чья-то голова и чьи-то глаза сквозь щели встрѣчаютъ прищельца острымъ внимательнымъ взглядомъ.

Вася поднялъ позеленѣвшій обломокъ кирпича, потомъ поднялъ другой—и задумался. Потомъ размахнулся и швырнулъ во всю силу кирпичомъ по боку кадки. Раздался тупой, короткій звукъ. Вася видѣлъ, какъ разломился надвое кирпичъ, оставивъ на кадкѣ красное сухое пятно, видѣлъ какъ крыса метнулась откуда-то и ушла подъ стѣну въ невидимую лазейку.

Вася размахнулся еще разъ, ударилъ въ кухонное окно и, когда зазвенѣли стекла, присѣлъ, поднялъ еще камень и приготовился къ бою. Никто, однако, не вышелъ, никто не откликнулся.

— Никого,—вздохнулъ Вася и подошелъ къ разбитому окну.

Въ кухнѣ было темно и пусто; чернымъ пятномъ виднѣлась отворенная дверь куда-то внутрь, на полу былъ виденъ только-что брошенный кирпичъ и вразсыпную бѣлѣли дребезги стеколъ.

Вася просунулъ въ пробойну руку, отстегнулъ изнутри заржавленный крючокъ и распахнулъ раму. Из жилища повѣяло плѣсенью и холодомъ. Онъ влѣзъ на подоконникъ и спрыгнулъ въ кухню; захрустѣло подъ ногами стекло, зашуршали мыши по сору и скрипнули старые гвозди въ сырыхъ половицахъ.

Зажавъ въ кулакѣ камень, Вася пошелъ осматривать домъ, пробираясь ощупью по стѣнамъ. По дворовой линіи въ комнаты проникалъ свѣтъ сквозь стекла, затянутыя пылью, плѣсенью и паутиной, а по уличной сторонѣ свѣтились въ окнахъ лишь червонные тузы, прорѣзанные въ ставняхъ, затворенныхъ и заколоченныхъ тесомъ. Здѣсь было мрачно и душно, какъ въ склепѣ, было холодно и страшно; вѣтеръ гудѣлъ по трубамъ и иногда схватывалъ, точно руками, ставню,

потрясалъ ее—и сухіе дробныя звуки зловѣще разносились по пустымъ комнатамъ.

Когда Вася вылѣзъ изъ кухни снова на дворъ и послѣ темноты увидѣлъ залитый солнцемъ садъ, то протеръ глаза и свободно вздохнулъ. Нѣсколько минутъ стоялъ онъ неподвижно среди двора, прислушиваясь къ вольному шуму деревьевъ, къ шуршанію сухой разноцвѣтной листвы, потомъ засмѣялся и весело пошелъ къ забору, черезъ который и перебрался на улицу.

— Дай-ка, матушка, пообѣдать немножко,—сказалъ онъ, вернувшись домой.

Просвирия встрѣтила его добрымъ, печальнымъ взглядомъ и, оставляя работу, спросила:

— Гдѣ ты, горе мое, шатаешься цѣлыми днями? Въ пыли ты весь, какъ мельникъ, или какъ трубочистъ какой. Гдѣ это тебя такъ вымазали?

Вася отряхнулъ пыль съ груди и угрюмо отвѣтилъ:

— На колокольню лазилъ... Голубей ловилъ.

— Голубей ловилъ,—грустно повторила мать и, вздохнувши, молча махнула рукой.

— Поди, поѣшь,—добавила она тихо и покорно.

Вася пообѣдалъ. Давно уже не ѣлъ онъ съ такимъ аппетитомъ. Ему было весело и легко. Онъ ѣлъ и улыбался.

Послѣ обѣда онъ пошелъ къ звонарю и попросилъ у него ключъ отъ колокольни.

— На что тебѣ ключъ?—лѣниво спросилъ звонарь.

— Табачокъ намедни наверху забылъ,—слукавилъ Вася.—Покурить хочется.

Онъ отперъ замокъ колокольни и, не отмыкая щеколды, чтобъ дверь не распахнулась отъ вѣтра, возвратилъ ключи звонарю и сейчасъ же вернулся домой, и не раздвѣваясь легъ спать, когда солнце стало садиться въ тучи, похожія на волны и на горы, на старинныя башни и на зубчатыя стѣны.

IV.

Ночь шла холодная, чёрная, тревожная. Съ темнаго востока на потемнѣвшій западъ ползли высоко въ небѣ обрывки облаковъ; однѣ вереницы ихъ тонули на горизонтѣ, другія ихъ догоняли, третьи всплывали за ними во слѣдъ—и по всему небосклону двигалась какая-то воздушная рать въ одну и ту же сторону, къ одной и той же цѣли, двигалась беззвучно, среди темноты, высоко надъ лѣсами, надъ рѣкой, надъ городомъ и полями, а внизу сухая листва садовъ трепетала, шуршала и осыпалась подъ непрерывной тягой осенняго вѣтра.

Городъ спалъ.

Спали всѣ, кромѣ Васи. Только онъ одинъ, спрыгнувъ съ забора и захлебываясь отъ волненія, бѣжалъ среди улицы отъ безлюднаго дома, спотыкаясь и оглядываясь; бѣжалъ безъ шапки, съ засученымъ правымъ рукавомъ, разорваннымъ о заборные гвозди. Онъ торопился къ Спасу—на колокольню.

Отпертая съ вечера дверь отворилась, знакомая винтовая лѣстница съ ошмыганными досками порожковъ закричала подъ быстрыми шагами; порывъ вѣтра, точно оторвавшійся отъ чего-то кусокъ, упалъ сверху и со свистомъ помчался внизъ, крутясь по гладкимъ стѣнамъ колокольни, какъ по трубѣ, вылетѣлъ въ распахнутую дверь и шарахнулся о церковную паперть, а другой—встрѣчный—заметая съ улицы сухой соръ, подкрался по-низу къ двери, и вдругъ, загудѣвъ, бросился кверху по той же лѣстницѣ, хлопая дверью, вздымая пыль, и, перегнавъ Васю, скользнулъ по звонкой и чуткой мѣди колоколовъ, слился на высотѣ и просторѣ съ новымъ широкимъ порывомъ—и унесся въ поля.

Вася вышелъ на площадку точно изъ подземелья

сначала показалась его голова, руки, потом туловище, и наконец, весь онъ очутился на высотѣ подѣ сквознымъ куполомъ, среди тьмы и вихря, среди дочтатыхъ подставокъ, веревокъ и колоколовъ.

Прежде всего онъ взглянулъ на небо, въ ту сторону, гдѣ находился домъ Сельдина; потомъ закрылъ за собою створчатый лазъ, потомъ подошелъ къ паркету, облокотился на него и въ нетерпѣннн прошепталъ:

— Скоро ли?

И самъ себѣ мысленно отвѣтилъ:

— Скоро.

Онъ сидѣлъ, не сводя глазъ съ одной точки.

Онъ ни о чемъ не думалъ въ это время; онъ слушалъ, какъ билось его сердце, но не слышалъ вѣтра, не ощущалъ холода, не видѣлъ уличныхъ фонарей, которыхъ желтыя рѣдкія пятна тянулись по городу среди тьмы беспорядочными узорами.

Вдругъ Вася вскочилъ и схватился одной рукой за веревку, привязанную къ колоколу, а другой за воротъ рубашки.

На фонѣ черного неба взвились снопомъ красныя мелкія искры, обрисовались во тьмѣ силуэты трубъ и гребень крыши, которую внезапно освѣтилъ прозрачный розовый таинственный паръ. И вдругъ изъ трубы выросло что-то похожее на кудрявое молодое дерево, черное и багровое, и куда-то свалилось оно—точно растаяло, а за нимъ сейчасъ же выросло другое такое же, потомъ вырвался огненный столбъ и погасъ; а за нимъ опять валетѣла шалка красныхъ, черныхъ и сѣрыхъ кудрей и вновь полетѣли искры, шире и шире падая на крышу, вправо и влѣво. И опять все почернѣло и утонуло во тьмѣ. И опять снопы искръ, мѣшаясь съ дымомъ, взвились, но уже болѣе высоко, и посыпались книзу, но уже шире, и полетѣли въ сторону вмѣстѣ съ вѣтромъ.

— Пора?—шепталъ Вася.

— Нѣтъ!—отвѣчалъ онъ себѣ.

— Пора?

Вася дрожалъ. Рука схватывала веревку то одну, то другую, а глаза все устремлялись на красныя пятна дыма и искръ.

Все еще было тихо въ городѣ. Все спало.

И вотъ—прорѣзая это молчаніе, обрывая сны и пугая, вдругъ загудѣлъ колоколъ.

Первые звуки его были торжественны и рѣдки, какъ благовѣсть. Но потомъ они стали чаще и рѣзче и тревожнѣй—и безъ умолка понеслись надъ спящимъ городомъ, одинъ на смѣну другому.

— Донъ! Донъ! Донъ!—мысленно приговаривалъ Вася вслѣдъ каждому удару.

Онъ стоялъ во мракѣ подъ колоколомъ и билъ по немъ огромнымъ желѣзнымъ языкомъ, которымъ онъ размахивалъ во всю свою силу; руки его крѣпко вцѣпились въ веревку, точно впились въ нее. Не помня себя, не видя ничего вокругъ, ничего не слыша, онъ съ дикой радостью и страстью размахивалъ тяжелымъ слиткомъ и твердилъ только одно:

— Донъ—донъ!.. Донъ—донъ!

Уже не благовѣсть гудѣлъ, а набатъ. Тяжелые, зловѣщіе звуки неслись съ колокольной и разлетались вокругъ, по вѣтру и противъ вѣтра.

Съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, со смѣющимися глазами, Вася звонилъ, обливаясь холоднымъ потомъ,—а передъ нимъ огромными клубами вырывался изъ дома черный дымъ, взвивалось пламя и искры летѣли вверхъ и сыпались въ стороны. Зарево окрашивало въ багрянецъ тучи и освѣщало страннымъ колеблющимся свѣтомъ улицы, стѣны домовъ и бѣгущихъ людей.

Увидѣвъ эту бѣгущую испуганную толпу, Вася выпустилъ изъ рукъ веревку, шагнулъ къ парапету и сталъ глядѣть внизъ. Желѣзный языкъ, не ударяя

уже, праздно болтался внутри колокола, медленно сокращая размахи, но колоколь еще не затихъ и гудѣлъ надъ головою, и Васѣ казалось непонятнымъ, почему всѣ эти люди бѣгутъ молча, словно нѣмые, но потомъ до слуха его мало-по-малу началъ доноситься съ улицы гулъ, стали слышны крики, стукъ колесъ и трескъ пожара. Тогда онъ сѣлъ на барьеръ и заслушался: сколько было шума!

— Ничего!—думалъ Вася про сельдинскій домъ.— Людей тамъ нѣтъ... Ничего: пусть себѣ!

Домъ горѣлъ.

Вѣтеръ подхватывалъ широкое пламя и, крутя его, взвивалъ въ высь. Изъ оконъ высовывались, какъ змѣи, желтые языки огня; было видно, какъ пожарные въ мѣдныхъ каскахъ ползкомъ пробирались по крышѣ, били по ней чѣмъ-то и сбрасывали во дворъ листы желѣза, иногда совсѣмъ скрываясь въ дыму. Вася любовался ихъ храбростью; онъ даже не ждалъ, что могутъ быть такіе люди, которые изъ-за чужого дѣла рискуютъ жизнью. Другіе пожарные, освѣщенные заревомъ и огнемъ, цѣлой толпой хлопотали надъ чѣмъ-то непонятнымъ среди двора: иногда они стояли на колѣнахъ и что-то торопливо дѣлали, иногда всѣ вскакивали и волокли длинную мягкую трубу, изъ которой была на крышу вода; потомъ вода начинала бить куда-то въ бокъ и въ разныя стороны, не попадая на крышу, и тогда пожарные опять всѣ собирались въ кучу и что-то заматывали, махали руками, кричали и опять волокли трубу, и опять заливали огонь.

Весь городъ проснулся. Всполошились и встревожились всѣ. Вонъ какіе-то люди — лицъ не видать — взбираются на кровли, выползая изъ слуховыхъ оконъ, и стоять, освѣщенные заревомъ, и глядятъ всѣ въ одну сторону.

— Струсили!.. Зашевелились!..

Острая радость наполняла Васино сердце. И радость,

и гордость: это онъ—хозяинъ праздника! Это онъ наполнилъ черную, глухую ночь звономъ и голосами, ужасомъ, трескомъ и заревомъ!.. Желаніе сбылось: все оживилось, проснулось и затрепетало.

Высоко надъ городомъ стоялъ широкій огненный столбъ изъ искръ и дыма, накренившись по вѣтру — и въ улицахъ было свѣтло, какъ на зарѣ.

На сельдицкіе сараи падали головешки, и Вася видѣлъ, какъ задымилась вдругъ эти сараи и вскорѣ стояли все въ пламени, засыпая искрами и головнями сосѣдній домъ, который тоже вдругъ задымился и вспыхнулъ.

Пламя и черный дымъ повалили изъ крышъ и изъ оконъ, и голоса, гудѣвшіе по улицамъ, покрылись вдругъ новымъ и громкимъ раскатомъ крика:

— Аааа!.. — точно вскрикнули разомъ все люди, и крикъ этотъ на минуту прокатился волною надъ всемъ городомъ.

Вася не ожидалъ этого. Онъ зла не хотѣлъ никому. Ужасъ, смятеніе и какая-то безумная радость обуяли вдругъ его сердце. Онъ ахнулъ вмѣстѣ съ толпою и, не зная, что теперь сдѣлать, бросился опять подъ колоколь, схватилъ веревку и, что было силъ, началъ снова раскачивать тяжелый языкъ, бить имъ по колоколу и что-то кричать. Своего голоса онъ не слышалъ даже самъ за ревомъ мѣди, но, волнуясь и торжествуя, продолжалъ все чаще и чаще звонить и, надрываясь, кричать:

— Пожарь!.. Пожарь!..

V.

Время шло.

Ночь была красна, черна и страшна.

Точно порохъ отъ пороха воспламенялись дома отъ горѣвшихъ домовъ. Вся подвѣтренная часть города

была въ огнѣ. Пламя ревѣло, какъ море. Красное небо, красныя бѣгущія тучи окрашивали на далекое пространство поля и рѣку въ кровавый цвѣтъ, — а горизонты были черны и утопали во мглѣ.

Жарко пылали лѣсные дворы; пылала аптека, что-то лопалось, словно стрѣляя; сѣнные склады тоже вдругъ вспыхнули: широкое полмя съ ревомъ взвилось высоко надъ вами въ воздухѣ и разорвалось и разлетѣлось въ клочки, падая по сторонамъ и зажигая черезъ улицы чердаки, солому и ветошь.

Кругомъ колокольни пылали городъ. Все горѣло, рушилось и дымилось. Вася глядѣлъ безумными немигающими глазами на бѣду и видѣлъ, какъ пламя жрало все на пути своемъ, не щадя ни бѣднаго, ни невиннаго.

Пылали дома и заборы, горѣли сады и досчатые тротуары и тумбы, горѣло имущество, вытасканное на улицы. Среди общаго гула и рева онъ слышалъ вопли и стоны; онъ видѣлъ бѣгущихъ изъ деревень крестьянъ съ топорами и ведрами, съ коромыслами и ломами.

Онъ видѣлъ, какъ внизу, подъ колокольней, распахнулись желѣзныя церковныя двери—и сѣдовласый батюшка въ епитрахили легкой походкой сухого стараго подвижника, презирающаго жизнь, вышелъ на порогъ церкви, навстрѣчу пламени, высоко держа надъ головою крестъ. Вася видѣлъ, какъ шевелилась, точно прыгала, его узкая сѣдая бородка и открывался и закрывался его беззубый ротъ; молился старикъ или утѣшалъ несчастныхъ—не было слышно, но онъ осѣнялъ крестомъ бушевавшее огненное море и воздѣвалъ руку, устремляя къ багровому страшному небу и крестъ, и глаза. Онъ стоялъ на порогѣ церкви, а напротивъ, черезъ дорогу—на его глазахъ—загорался его маленький сѣрый домикъ, надъ которымъ въ страхѣ метались его любимцы—бѣлые чистые голуби.

Вонь—подбѣжалъ къ священнику купецъ Иголкинъ, упалъ на колѣна передъ нимъ и бьетъ себя кулакомъ по груди и что-то кричитъ. Должно быть—сгорѣло все.

А вотъ и Прокофьевъ стоитъ, опустивъ голову; онъ завернуть сверху во что-то черное, а ноги у него въ одномъ бѣльѣ: значить, тоже—сгорѣлъ.

Вонь—расталкивая народъ, бѣжитъ дьяконъ въ длинномъ подрясникѣ; въ рукѣ у него подушка, а на плечѣ сидитъ и держится за его лохматую голову дѣвочка.

Чья она?.. Онъ бездѣтный.

Давно ли этотъ дьяконъ важной поступью выходилъ на амвонъ, умѣлъ гордо закидывать голову и разсыпая по плечамъ своимъ холеные локоны,—а теперь онъ бѣжитъ съ чужимъ ребенкомъ и съ чьей-то подушкой, спасая то и другое отъ огня и гибели, прокладывая себѣ локтями дорогу; подрясникъ его распаивается на вѣтру и изъ-подъ полъ виднѣются крѣпкія согнутыя колѣна и высокіе сапоги; народъ разступается передъ нимъ, и онъ бѣжитъ куда хочетъ—косматый и страшный, какъ левъ.

И мясникъ Охряповъ, первый въ городѣ кулакъ и пьяница, тоже бѣжитъ за дьякономъ и тащитъ на спинѣ дѣтей и узлы. Своихъ дѣтей и у него нѣтъ. Значить, спасаетъ чужихъ...

Старики и мальчишки, и женщины—всѣ работаютъ и спасаютъ, всѣ рубятъ, гасятъ, выбрасываютъ на улицы вещи, таскаютъ ихъ въ безопасное мѣсто,—одинъ только Вася глядитъ съ высоты на весь этотъ адъ, не принимая участія въ общей борьбѣ.

Въ это время, когда по всему городу метались въ страхѣ люди, овцы и лошади, онъ стоялъ, облокотившись на рѣшетку, и глядѣлъ на все строго и холодно, а въ душѣ его трепетала скрытая дикая радость.

Вѣтеръ неся ему въ лицо, обдавалъ дымомъ,

гарью и жаромъ. Искры летѣли уже на колокольню, падали на полъ и на досчатыя подставки, пролетали насквозь въ амбразуры и мчались куда-то дальше. Вася провожалъ ихъ равнодушнымъ взглядомъ, точно мимо него летѣли мухи.

Онъ думалъ не объ искрахъ. Онъ думалъ: что же это случилось? Что сдѣлалось съ его тихимъ городомъ, съ тихими улицами, съ тихими людьми?

Давно ли всѣ эти мужики, которые сейчасъ, спасая чужое добро, лѣзутъ въ самый огонь, разворачивая топорами стѣны и расшвыривая бревна, давно ли они, прѣвѣжая на клячахъ изъ селъ, стояли терпѣливо на базарѣ цѣлые дни безъ почина. Давно ли тѣснилъ ихъ мясникъ Охряповъ, покупая у нихъ поросятъ и гусей за безцѣнокъ,—а теперь и мясникъ этотъ ломится тоже въ огонь и въ опасность, вытаскивая чужихъ дѣтей и чужія пожитки.

Вася глядѣлъ на все, не вѣря глазамъ своимъ, не довѣряя слуху...

Впервые почувствовалъ онъ въ самомъ себѣ жизнь. Точно туманъ, наполнившій его голову и сердце, вдругъ всколыхнулся, и сквозь волокна его проглянуло солнце — настоящее солнце: яркая, огромная жизнь со всѣми ея радостями, страстями, съ горемъ и борьбою. Онъ впервые прозрѣлъ: онъ увидѣлъ людей, тѣхъ же людей, сонныхъ, вздорныхъ и вялыхъ. Но какъ они всѣ преобразились!

Вася чувствовалъ, что преобразился и онъ: настоящая жизнь только-что начиналась для него съ этой минуты.

Вдругъ что-то тяжелое ударило Васю по головѣ.

Онъ отшатнулся. Это клубъ чернаго ѣдкаго дыма ворвался на колокольню, и горящая головня опалила ему волосы.

Онъ началъ наскоро затапывать головню. Обжигая пальцы, онъ поднялъ ее и хотѣлъ вышвырнуть за

барьеръ, но новый клубъ дыма съ гуломъ и ревомъ взвился снизу и отбросилъ Васю назадъ; искры ударили его по лицу и влѣпились въ куртку, въ волосы, въ рукава. Онъ едва успѣлъ потянуть въ себя воздухъ, какъ взвился опять чернымъ облакомъ дымъ, посыпались опять головни, задымились доски пола и веревки, а искры полетѣли на него дождемъ, паля лицо и шею, и руки; ѣдкая гарь не давала вздохнуть.

Искры жгли и палили, дымъ слѣпилъ и душилъ. Вася метнулся по площадкѣ туда и сюда — повсюду жгло; не было воздуха. Все почернѣло.

Ощупью, по памяти, онъ отыскалъ лазъ и распахнулъ створы люка, — но оттуда, съ лѣстницы, вырвался тоже дымъ и снова отбросилъ его своимъ удушьемъ.

Вася потерялся.

Задыхаясь, бросился онъ подъ колоколъ; здѣсь было легче, подъ этимъ мѣднымъ шатромъ.

Вася жадно глоталъ воздухъ вмѣстѣ съ гарью ю какъ утопающій глотаешь воду въ надеждѣ дышать.

А пламя взлизывалось уже снизу до парапета, дымъ окутывалъ все, душилъ и гналъ — и Вася выскочилъ наугадъ изъ-подъ колокола, весь обожженный, горячій, задыхающійся и, ничего не видя и не соображая, началъ пятиться отъ искръ, отъ пламени, отъ дыма и смерти.

А смерть и дымъ шли на него, окружали его, и онъ пятился отъ нихъ съ закрытыми глазами, простирая къ нимъ руки и отворачивая лицо.

Спасенія не было: онъ былъ прижатъ къ парапету.

Нужно было дышать. Дышать было нечѣмъ. Вася вскочилъ на рѣшетку. Воздуха не было. Голова мутилась: силы оставляли его.

— Не умирать же! — блеснуло въ его умѣ.

Но думать было некогда.

Ища воздуха и спасенія, погибая и все еще надѣясь, Вася стоялъ на зыбкой рѣшеткѣ, держась рукою

за толстую каменную стѣну, стоялъ, шатаясь надъ пропастью, окруженный огнемъ и дымомъ, стоялъ задыхаясь, не думая уже ни о чемъ, кромѣ одного глотка воздуха.

Воздуха не было: смерть останавливала сердце.

И убѣгая отъ палящаго огня и отъ смрада, Вася отпустилъ руку отъ стѣны и бросился съ колокольни внизъ—на улицу, въ новые клубы дыма и искръ, метавшіеся гдѣ-то далеко внизу, гдѣ тоже витала смерть, но гдѣ, между огнемъ и высотой, былъ еще воздухъ, была еще, хотя на одно мгновеніе—жизнь.

А. СЕРАФИМОВИЧЪ.

ЗАЯЦЪ.

I.

Антипъ Каклюгинъ, служившій у подрядчика Пудова по вывозу нечистотъ, получилъ изъ деревни письмо.

Послѣ безчисленныхъ поклоновъ братцевъ, сестрицъ, племянниковъ, дядей, кумовьевъ, сосѣдей, въ концѣ стояло:

„И еще кланяется съ любовью и низкій поклонъ къ землѣ припадаетъ супруга ваша Василиса Ивановна и съ самага Петрова дня лежитъ и соборовалась, чего и вамъ желаетъ и оченно просить чтобъ пріѣхали на побывку, какъ ей помереть въ скорости писалъ Иванъ Кокинъ“.

Антипъ попросилъ три раза прочитатъ письмо и долго чесалъ поясицу.

— Да... ишь ты, како дѣло, — проговорилъ онъ, тщательно и неумѣло складывая негнувшимися пальцами письмо, и вечеромъ пошелъ къ хозяину.

— Ты чего?

— Къ вашей милости.

— Да и воняешь ты, чортъ тебя ни возьми... ступай во дворъ.

Антипъ покорно слѣзъ съ крыльца и сталъ возлѣ, держа шапку въ рукахъ.

— Денегъ не дамъ, и не проси... забралъ все, когда еще отработашь.

— Да я не объ томъ... жена помираетъ. Милость

ваша ежели будетъ, повидать бы бабу, хоша бы на недѣлку.

— Ахъ ты, сукинъ предметъ!.. да ты что же, смѣешься... самая возка начинается...

— Главное, помираеть... плачется баба...

— Что-жъ, она безъ тебя не сумѣетъ помереть, что ли?.. да можетъ и враки, такъ занедужилась, подыметя, Богъ дастъ.

— Соборовали... сдѣлай милость.

Хозяинъ посмотрѣлъ на вызвѣздѣвшее небо, подумалъ:

— Ну, вотъ что. Завтра у насъ какой день? вторникъ? хорошо. Стало быть, завтра выѣдешь; къ обѣду дома, на другой день опять сядешь, къ вечеру тутъ. Стало быть, въ среду чтобъ былъ къ работѣ; не будешь,—другого поставлю... У меня контрактъ, ждать не стануть; изъ-за васъ, анаемовъ, неустойку плати.

— Покорно благодаримъ.

II.

Раннимъ утромъ, когда надъ рѣкой стоялъ бѣлый паръ, и холодная вода влажно лизала столбы, Антипъ сидѣлъ на пристани.

У берега тѣснились баржи, расшивы, лодки, по водѣ оставляя слѣдъ, бѣгали катера, пыхѣли пароходы. Грузчики, согнувшись и торопливо и напряженно переставляя ноги, таскали одинъ съ берега, другіе на берегъ тюки, кипы, боченки, ящики, полосы желѣза. Надъ рѣкой и берегомъ стоялъ говоръ, стукъ и по гладкой чуть шевелящейся водѣ въ раннемъ, еще не успѣвшемъ разогрѣться, утрѣ добѣгалъ до другого плоско желтѣвшаго песчаного берега.

Антипъ мокалъ въ жестяную кружку съ водицей сухари и хрустѣлъ на зубахъ. Латанный, рванный съ вылѣзавшей въ дыры грязной шерстью полушубокъ,

держался на немъ коробомъ, какъ накрахмаленный, и было въ немъ что-то наивное.

— Фу-у, чортъ, да что такое?..— проговорилъ матросъ, останавливаясь во второй разъ,—вѣдь это отъ тебе... Ступай ты отсюда, тутъ господа ходять...

— Ну, што-жъ...

Антипъ поднялся и, держа грязную сумку и кружку, перешелъ и сѣлъ на краю пристани, свѣсивъ ноги надъ весело и невинно колебавшейся внизу водой.

Пароходъ, шедшій снизу и казавшійся маленькимъ и пузатымъ, закричалъ толстымъ голосомъ, и торопливо бѣгущая надъ нимъ бѣлая полоска пара колебалась и таяла въ свѣжемъ воздухѣ. Съ песчанаго берега добѣжалъ точно такой же пароходный голосъ, и странно было, что берегъ былъ пустой и никого тамъ не было.

Пароходъ, дѣлаясь все пузатѣе и гоня стекловидный валъ, работалъ колесами и приближающійся шумъ разносился по всей рѣкѣ. Колеса перестали работать, и пароходъ, молча, тяжелый и громадный, надвигался по спокойной, чуть колеблющейся, отражающей его водѣ. Навалился къ пристани, притянули канатами, положили сходни, вышли пассажиры.

Потомъ стали таскать багажъ, товаръ, а черная труба оглушительно, съ тяжелою дрожью, стала шипѣть, напоминая, что въ утробѣ парохода, не находя себѣ дѣла, бунтуетъ клокощущій сдавленный паръ.

Когда выгрузили, стали таскать тюки, ящики съ берега на палубу, Антипъ незамѣтно съ крючниками пробрался на пароходъ, высмотрѣлъ мѣстечко и залегъ между кипами сложенной шерсти. Было душно, голова взмокла отъ пота и ничего не было видно. Слышно только, какъ топали тяжелыми сапогами по палубѣ, какъ упали сбрасываемые въ трюмъ тюки, какъ съ гудѣніемъ шипѣла труба, и отъ этого гудѣнья по всему, что было на пароходѣ, бѣжало легкое дрожаніе.

Антипъ лежалъ и думалъ, что забылъ попросить не запрягать кривого мерина,—хромать сталь; припоминалъ, куда положилъ старую уздечку, и думалъ о томъ, что баба непременно дождется и не умретъ до него. И когда онъ думалъ о бабѣ, становилось особенно тѣсно и душно лежать, и онъ ворочался, и все боялся, что его откроютъ.

Покрывая топотъ ногъ, говоръ, нестерпимо оглушительное шипѣніе трубы, зазвучалъ наверху чей-то гудящій голосъ. Онъ долго настойчиво тянулъ, густой, грубый, упрямый, призывая кого-то, кто былъ далеко и не слышалъ, или не хотѣлъ слышать, потомъ отрывисто и коротко оборвался, какъ-будто сказалъ: ладно. погожу.

Опять тонали ноги, слышались отдѣльные голоса, дрожа шипѣла труба, и было тѣсно и душно. Время между тюками тянулось медленно и трудно. Казалось, ему и конца не будетъ, но парходный гудокъ снова потянулъ настойчиво и упрямо, и два раза отозвался: дескать, погожу еще.

„Упрѣлъ“,—думалъ Антипъ, и ему пришло въ голову, какъ бабы въ печи ставятъ кашу въ горшкѣхъ вверхъ дномъ, чтобъ лучше упрѣвала.

Долго лежалъ.

Наконецъ, въ третій разъ потянулся грубый и упрямый голосъ, и трижды отрывисто оборвалъ, дескать ждалъ, а теперь не прогнѣвайся. Разомъ смолкло надѣдливое шипѣніе, и въ наступившей тишинѣ чудилось ожиданіе. Сильное, мѣрное содроганіе побѣждало по парходу и уже не прекращалось. И хотя было попрежнему тѣсно, душно, темно, Антипъ съ облегченіемъ вздыхалъ, чувствуя, что парходъ двинулся, и, изнемогая отъ духоты, дышалъ, раскрывъ ротъ.

Ш.

На пароходѣ было такъ, какъ бываетъ всегда. На кормѣ и на верхней площадкѣ—господа, на носу—сѣрый, простой людъ. Кто пилъ чай, кто закусывалъ и, отвернувшись, выпивалъ изъ горлышка, иные сидѣли и разговаривали, иные лежали на скамьяхъ, на полу. Были богомольцы, были лапотники, торговцы, женщины съ ребятами, мѣщане, люди неопредѣленной и подозрительной профессіи.

Матросъ шестомъ мѣрилъ глубину и лѣниво вскидывалъ на секунду вверхъ пальцы руки, нехотя взглядывая на капитанскій мостикъ.

— Чудеса,—говорили тѣ, что сидѣли возлѣ кипъ съ шерстью,—духъ отъ нее, отъ шерсти чижолый.

— Чижолый духъ, чисто—дохлятина.

— Гм!..—вертѣлъ носомъ матросъ, проходя мимо,—несеть... должно съ берега.

— Съ берега, откуда же больше, всячинку на берегъ-то валять.

Пошелъ контроль.

Публика подымалась, изъ кармановъ, изъ-за пазухъ доставала кошельки, кисеты и, порывшись, вытаскивала билеты. Матросы заглядывали подъ лавки, между мѣшками, ящиками, осматривали всѣ уголки. Наткнулись на Антипа.

Подошелъ капитанъ. Собрались любопытные. Между кипами покорно глядѣлъ на публику весь покрытый заплатами задъ и истоптанныя, закорузлыя подошвы—Антипъ неподвижно лежалъ ничкомъ, уткнувшись въ шерсть.

Кругомъ засмѣялись.

— Вылѣзай, чортъ вонючій... ишь ты забрался.. младенецъ!..

Матросъ завернулъ ему на спину полушубокъ и сунулъ ногой, и Антищъ ткнулся въ шерсть, потомъ выползъ задомъ и поднялся. Лицо было красно и потно, взмокшіе волосы обвисли.

— Билеть?..

— Ась?

— Ну-ну, не притворяйся... я тебя притворюсь... билетъ, тебѣ говорятъ.

— Билеть - отъ?... — недоумѣло, ухмыляясь, оглядѣлъ онъ всѣхъ, — билета нѣтути.

— Какъ же ты смѣлъ безъ билета?

— Безъ билета-то?.. потерялъ, стало быть;—и онъ опять, ухмыляясь, недоумѣло оглядѣлъ всѣхъ, точно спрашивая, зачѣмъ его заставляютъ врать, вѣдь и такъ ясно.

— Да ты что зубы-то скалишь?.. а?.. безъ билета, да еще скалишь...

Красное отъ загара и водки лицо капитана стало багровѣть. Побагровѣла шея, лобъ, напряжились жилы. А Антищъ стоялъ передъ нимъ, ухмыляясь губами, лицомъ, бровями, и назади насмѣшливо оттопыривался, какъ лубокъ, рваный полушубокъ.

Публика посмѣивалась.

— Что съ него... шишь съ масломъ...

— Съ голага, какъ со святого...

— Молодчага... чистенькій, какъ родился, одна кожа, да и та Богова... вотъ ты и потанцуй около него, нака-сь выкуси... Ей-Богу, молодчага... А то они мало съ нашего брата дерутъ, нашимъ братомъ только и наживаются... Что господа! Ему каюту цѣлую подай, да чтобъ чисто, да хорошо, да убранство и денегъ-то его не хватить, такъ только, одна окказія, будто платятъ больше.

— И - и, бѣдному человѣку, гдѣ ему денегъ набраться... много ли ему мѣста надо,—сердобольно говорила женщина, суя открытую грудь кричавшему ребенку.

— Хо-хо-хо... молодца!..

Антипъ ухмылялся.

— Куда ѣдешь?—прохрипѣлъ капитанъ.

— Въ Лысогорское.

— Во-во, во... какъ разъ... одна станція, слѣзъ и пошелъ ..

— Ха-ха-ха!...

— Я жжъ ттебя!!..—и большой волосатый, весь въ веснушкахъ кулакъ съ секунду прыгаль у самага носа Антипа, точно капитанъ давалъ его понюхать.

Капитанъ пошелъ дальше. Не слышно было за шумомъ колесъ, что онъ говорилъ, но долго видна была багровая шея и широкой тупой затылокъ, злобно перетянутый шапкой.

IV.

Антипъ то стоялъ на носу, то сидѣлъ, привалившись къ кипамъ шерсти. Берега плыли въ одну сторону, а смутно виднѣвшіяся на горизонтѣ церкви, деревни, мельницы бѣжали въ другую. Люди ходили, сидѣли, лежали по палубѣ, а пароходъ шелъ да шелъ независимо отъ желаній и цѣли этихъ людей. Казалось, онъ торопливо работаль колесами не за тѣмъ, чтобы развозить ихъ по разнымъ мѣстамъ рѣки, а дѣлалъ свое собственное дѣло, особенное, ему только нужное и важное.

Съ холодно синѣвшаго неба равнодушно глядѣло негрѣющее сентябрьское солнце. Было скучно и время такъ же тянулось, какъ однообразно тянулись берега.

— Подъ сюда... ей - Богу, молодець!... къ примѣру ты высчитай, сколько они съ нашего брата барыша лупять... стань-ка подъ вѣтерокъ, очень ужъ ты духовитый... ихъ, чертей, учить надо... Хочешь водки?..

Бритый, весь въ угряхъ, съ рванымъ картузомъ на затылкѣ, человѣкъ, сидя на палубѣ, распорядился за-

куской и засаленными картами. Вокругъ разостланной газеты съ нарѣзаннымъ на ней хлѣбомъ и закусками сидѣли два товарища. Одинъ — мелкій торговецъ съ волосами въ скобку. Другой длинный и прямой съ вытянутымъ носомъ, вытянутымъ лицомъ и поднятыми угломъ бровями, сердито и строго глядя на кончикъ носа, жеваль не дававшуюся, какъ резина, колбасу.

— Покорно благодаримъ, — говорилъ, утирая усы, Антипъ, чувствуя, какъ пріятно и жгуче разливается по жилкамъ водка, и прожевывая хлѣбъ.

— Опять же сказать, взять съ тебя нечего...

— Обнаковенно нечего, весь тутъ.

— Ежели протоколъ составить, такъ и бумаги ты не стоишь.

— Это ужъ такъ.

— Ну, дадутъ раза по шеѣ, и все.

— Чай, не перешибуть.

— А то вотъ есть иностранное царство, — заговорилъ вдругъ длинный тонкимъ голосомъ, подвѣвъ глаза; и глаза у него оказались круглые и совсѣмъ не гармонировали съ впечатлѣніемъ длинноты, которое лежало на всей фигурѣ, на лицѣ, — такъ возють всѣхъ даромъ, хоша на конкѣ, али въ вагонѣ, али на пароходѣ. Сейчас подошелъ, дескать туда-то мнѣ. „Пожалте“, и валяй. Вотъ какъ.

Онъ засмѣялся, и опять разѣхавшееся лицо, по которому побѣжали морщинки, нарушило впечатлѣніе вытянутости и длинноты.

Антипъ ухмылялся, чувствуя себя героемъ, поглядывая на капитанскій мостикъ. Тамъ стояли только два лодмана и равнодушно и, казалось, безъ всякой надобности вертѣли штурваль.

— Въ карты можешь?

— Въ карты?.. Безъ денегъ каки карты...

Антипъ отошелъ и опять привалился къ кипамъ и

слушаль, какъ безъ отдыха шумѣли колеса, дышала черная труба, и бѣжалъ назадъ песчаный берегъ.

Неохотно ѣхаль онъ. Отвыкъ отъ деревни, отвыкъ отъ жены, отъ семьи, въ городѣ у него была любовница. За пятнадцать лѣтъ былъ дома не больше двухъ, трехъ разъ, недѣли на полторы, на двѣ, и всякій разъ съ удовольствіемъ опять уѣзжалъ въ городъ. Казалось ему, что тѣсно, грязно, безпокойно живутъ мужики. И хотя у него самого была работа грязная и нечистая, онъ чувствовалъ себя независимѣе, былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, и кругомъ было больше порядку, благообразія. Но половину своего заработка аккуратно отсылалъ семьѣ. Онъ не спрашивалъ себя—зачѣмъ, а дѣлалъ это изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ, потому что дома пахали, сѣяли, держали кое-какую скотину.

Къ женѣ относился совершенно равнодушно, но было жалко, что она помираетъ, и надо было распорядиться по хозяйству.

Все тѣ же звуки, то же движеніе, все то же мельканіе берега и убѣгающей воды. Вѣки слипались. Съ трудомъ разбирался, гдѣ онъ и что съ нимъ. И дальнія деревни, бѣгуція впередъ, и влажныя отмели, подъ блескомъ солнца, убѣгающія назадъ, и угреватый съ картузомъ на затылкѣ, и длинный съ длиннымъ лицомъ, и женщина съ плачущимъ ребенкомъ, и груды товара на палубѣ,—все путалось въ движущейся, неясной двоящейся картинѣ.

Онъ не зналъ, сколько спалъ, а когда открылъ глаза, было все то же: холодное солнце, свѣтлая рѣка, бѣгущій берегъ, убѣгающій впередъ синій горизонтъ.

Антипъ всталъ, почесался, зѣвнулъ, покрестилъ ротъ и опять сѣлъ.

Далеко на отлогомъ берегу зачернѣлось что-то. Сначала нельзя было разобрать что, и потомъ съ трудомъ обозначились люди, повозки, лошади, а у берега лодки.

По дорогѣ, видно было, кто-то спѣшилъ, подгоняли лошадей, а онѣ торопливо бѣжали, и пыль сухая и, должно быть, холодная тяжело подымалась изъ-подъ колесъ.

Деревни Лысогоръ не было видно, она верстахъ въ семи за бугромъ, но уже все было знакомо: поворотъ рѣки, лугъ, поросшія осокой озерца, рошица, пыльная дорога и одиноко бѣлѣвшіе на лугу гуси.

Антипъ вскинулъ на плечи мѣшокъ и прошелъ къ борту, около котораго уже суетились матросы. Столпились пассажиры съ мѣшками, сумками, котомками, сундучками.

— Задній ходъ...

Съ шумомъ вспѣнили воду колеса, пароходъ навалился, притянули канатами, перебросили сходни. Пассажиры, тѣсясь, протаскивая сундучки, сумки, устремились по сходнямъ. Антипъ, тоже тѣсясь, двинулся со всѣми, но матросъ грубо оттолкнулъ его:

— Куда ты... назадъ!..

Антипъ съ удивленіемъ остановился. Потомъ лицо его расплылось въ благодушную широчайшую улыбку:

— А мнѣ здѣся слѣзать.

Матросъ снова оттолкнулъ его такъ, что онъ покачнулся.

— Да ты што... мнѣ, сказываю, слѣзать здѣсь...

— Назадъ, тебѣ говорить...

— Да ты што... ты што...—чувствуя, какъ злоба, перекашиваетъ лицо, говорилъ побѣлѣвшими губами Антипъ и рванулся по сходнямъ.

Подскочилъ другой матросъ. Здоровые, молодые, сильные, они подхватили, почти подняли Антипа на воздухъ и бросили на палубу. Онъ задомъ пробѣжалъ нѣсколько шаговъ, мотая руками, и стараясь удержаться, но не удержался и повалился на спину, высоко вскинувъ ноги въ рваныхъ истоптанныхъ сапогахъ и показавъ заплатанные порты.

Кругомъ захохотали.

Спѣша, прозвучалъ пароходный гудокъ, выбрали сходни, канаты, заработали колеса, и пристань съ лошадьми, съ людьми, съ повозками, съ лодками у берега поплыла назадъ, и все стало маленькимъ, миниатюрнымъ, потомъ смутно и неясно зачернѣло на отлогомъ берегу, потомъ потонуло и пропало за поворотомъ, и была только рѣка, бѣгущія вмѣстѣ съ пароходомъ дальнія деревни, да убѣгающіе назадъ берега. И солнце равнодушно смотрѣло негрѣющими холодными лучами.

V.

Антипъ былъ ошеломленъ и не могъ придти въ себя.

— Дозвольте... тоись, какъ это... оно значить... мнѣ, стало быть...

— Вотъ тебѣ и дозвольте... хо-хо-хо... не хочешь, а везуть...

— Ха-ха-ха!..

— А-а, братецъ мой, а ты какъ же думаль, такъ это тебѣ и сойdetъ съ рукъ...—говорилъ угреватый, еще больше сдвинувъ картузъ на затылокъ,—почему такое другіе пассажиры должны платить, а ты задарма?.. Нѣ-ѣтъ, милый, не резонтъ... покатайся-ка... хе-хе-хе... въ Лысогорье, говоришь?.. а то намъ безъ тебя скучно...

— Вотъ отъ такихъ отъ самыхъ зайцевъ и воровство бываетъ,—спокойно наливая изъ жестяного чайника въ стаканъ мутный чай, говорилъ торговецъ,—въ вагонѣ ежели учуешь подъ лавкой зайца, заразъ зови кондуктора, безпремѣнно упреть чего-нибудь. Одинъ разъ везъ пару арбузовъ, закатилъ подъ лавку, цапъ!.. мягкое, патлы, ага,—заяць!.. Пожалѣлъ, не заявилъ... Опосля захотѣлось арбузика, полѣзъ—одни шкорки. Вотъ они, зайцы.

— Честные господа... да какъ же такъ...

То, что произошло съ нимъ, было такъ чудовищно, такъ бессмысленно - огромно, что онъ каждую минуту ждалъ, они поймутъ весь ужасъ происшедшаго, и, ожидая этого, онъ улыбался мучительной улыбкой, глядя на нихъ, и руки у него тряслись.

Но они также спокойно продолжали пить чай. Публика, поговоривъ и посмѣявшись, опять расположилась по мѣстамъ.

Бѣжала вода. Непрерывно шумѣли лопасти колесъ. Далеко тянулся пѣнистый слѣдъ.

— Ахъ ты, Божже мой!.. — бормоталъ Антипъ, хлопая себя по ляжкамъ, и обращался то къ одному, то къ другому изъ проходившихъ матросовъ, — какъ же такъ?.. Господинъ!.. Сдѣлай милость... Вѣдь мнѣ въ Лысогорьѣ надо слѣзать...

Но тѣ либо посылали его къ чорту, либо молча проходили, не отвѣчая.

Поворотъ за поворотомъ, отмель за отмелью уходили назадъ старыя знакомыя мѣста, а навстрѣчу бѣжали новыя деревни, луга, перелѣски. Пароходъ бѣжалъ впередъ, и городъ уходилъ назадъ въ смутную неясную даль, городъ, представленіе о которомъ сливалось съ представленіемъ неподвижныхъ, спящихъ каменныхъ громадъ.

Каждую ночь, зимою и лѣтомъ, весной и осенью, въ слякоть, дождь, грязь, морозъ и въ тихія лунныя ночи Антипъ выѣзжалъ на бочкѣ и трясся по мостовой, а сзади съ такимъ же грохотомъ тянулась вереница такихъ же угрюмыхъ неуклюжихъ бочекъ, и на нихъ тряслись молчаливыя возницы.

Они проѣзжали мимо темныхъ и молчаливыхъ церквей, мимо садовъ, скверовъ, бульваровъ, театровъ, проѣзжали молча среди грохота тяжелыхъ колесъ, и по обѣимъ сторонамъ стояли строгіе дома, сонные со слѣпыми невидящими окнами и также молчали. И дѣ-

лую ночь качалъ Антипъ липкій насосъ, а подъ утро, когда сѣрѣло небо, сѣрѣли дома, мостовня, панели, телефонные столбы, онъ тянулся въ вереницѣ грохочущихъ бочекъ по тѣмъ же безлюднымъ, молчаливымъ, крѣпко спавшимъ предутреннимъ сномъ улицамъ. Онъ жилъ на окраинѣ, грязной и заброшенной. И въ короткіе промежутки между сномъ въ теченіе дня и ночной работой, когда приходилось ходить и убирать лошадей, онъ видѣлъ дневной свѣтъ и живыхъ людей.

Но теперь по мѣрѣ того, какъ пароходъ уходилъ все дальше и дальше, все это тонуло въ туманной дымкѣ, становилось чуждымъ и далекимъ.

Солнце стало склоняться, и отъ бѣгущихъ лѣсистыхъ обрывовъ легли на воду бѣгуція вмѣстѣ съ ними тѣни. Потянулъ вѣтеръ, острымъ холодкомъ пробираясь въ дыры рваного полушубка, посѣрѣла и подернулась сердитой рябью рѣка.

— Вотъ этотъ самый, — говорили, когда Антипъ тоскливо проходилъ мимо пассажировъ, — захотѣлъ на шармака проѣхать, а теперь его и катаютъ...

Антипъ останавливался возлѣ машиннаго люка и долго смотрѣлъ внутрь. Тамъ все было необыкновенно. Длинные, въ руку толщиной, стальные оглобли, блестящія и скользкія отъ масла торопливо выскакивали и прятались. Колѣнчатый валъ также торопливо съ размахомъ крутился, и, покачиваясь головками, независимо отъ размашистыхъ мелькающихъ движеній остальныхъ частей, чуть поблескивая, тихонько и задумчиво двигались назадъ и впередъ тонкіе, длинные стержни.

Эта огромность и непрерывность работающей силы поглощала Антипа, и онъ подолгу стоялъ надъ люкомъ. Бѣлесо-дымчатый паръ мѣстами таялъ надъ торопливо работающими частями, и то тамъ, то здѣсь съ спокойными движеніями появлялась рука, и масло тянулось

желтоватой струей изъ длинной лейки въ сочлененія работающих частей.

Антипъ подымалъ голову и съ тоской глядѣлъ на сердито бѣгущую навстрѣчу рѣку, на начинавшее хмуриться холодное небо. Хотѣлось ѣсть. Вытрусилъ изъ сумки крошки, перебралъ на ладони, струсилъ кучкой, съѣлъ, потомъ долго растягивая, запивалъ водой. И опять нечего дѣлать, и опять все то же.

Стало вечерѣть, и небо совсѣмъ посѣрѣло, когда показалась пристань. Антипъ повеселѣлъ. Хитро ухмыляясь, скосилъ глаза, онъ отошелъ дальше отъ борта и притаился между ящиками.

Поднялась обычная суета. Выждавъ моментъ, Антипъ, какъ крадущійся котъ, направился къ сходнямъ, но матросы снова, грубо и злобно оттолкнули его. Онъ завопилъ не своимъ голосомъ:

— Кррра-у-у-лалл!.. убиваютъ... господинъ капитанъ...

— Да ты что орешь?.. поори, заразь свяжемъ...

Антипъ шумѣлъ, рвался, кидался къ сходнямъ. Раза два ему сунули снизу въ подбородокъ, онъ ляцкнулъ зубами, и шапка съѣхала на глаза. Пароходъ пошелъ. Опять собралась публика.

— Это что такое?

— Да опять энтотъ, какъ его...

— Ну, скандалистъ... оретъ, какъ рѣзанный...

— Въ трюмъ самъ проситсѣ..

— Да больше ничего.

— Господа... честной народъ...—говорилъ Антипъ, страдальчески поднявъ собранныя брови,—што такое?.. какъ же такъ... братцы!.. а?..

— Дуракъ, ты дуракъ... Ты сообрази. Къ примѣру, хозяинъ парохода... эка радость ему тебя задарма возить... ежели у него да набьется полонъ зайца... Тебѣ спусти, другой влѣзаетъ, третій, четвертый, оглянуться не успѣешь, пассажирамъ садиться некуда, вездѣ

заяцъ... А вѣдь деньги идутъ: капитану плати, служащимъ плати, матросамъ плати, а угля сколько онъ жретъ, страсть. Тебя провези, другого, третьяго, да и полетишь въ трубу.

— А какъ же,—воодушевляясь заговорилъ торговецъ,—по нашему, по торговому дѣлу, копѣечка рубль бережетъ... ты спусти разъ приказчику, онъ те сразу дорожку найдетъ...

— Вонъ отъ тебя стоитъ,—съ сожалѣніемъ покачивая головой, проговорилъ тонкимъ голосомъ длинный.

— Пошелъ ты, дьяволъ вонючій... какъ изъ бочки... И зачѣмъ ихъ такихъ на пароходъ пуцаютъ...

— Кто его пуцалъ, самъ влѣзъ,—картузъ сердито высморкался, дернувъ сизый носъ.

Въ холодной рѣкѣ потухла красная заря. Пароходъ, не переставая, работалъ колесами, вползая въ сырую мглу. И она становилась гуще, глуше, поглотила берега, рѣку, небо. Только электрическія лампы и фонари на мачтахъ боролись съ ней, холодной и темной, и, дробясь, ложились живой колеблющейся полосой мириады искръ, играя по темной невидимо шевелящейся водѣ.

VI.

Антипъ размякъ и ослабъ. Безъ цѣли слонялся или подолгу стоялъ, и все ухмылялся безсильной, униженной улыбкой, самъ не замѣчая того.

На кухнѣ поваръ и поваренокъ въ бѣлыхъ колпакахъ торопливо варили, жарили, рѣзали красное мясо, разрубали крошившіяся подъ тяжелымъ ножомъ бѣлыя кости. Антипъ расширялъ ноздри, втягивая щекочущій воздухъ, потомъ отводилъ носъ въ сторону. Откуда-то доносилось:

— Ше-есть... шесть... четыре.. четыре съ половиной... ше-есть...

Неподвижно стояла ночь, и слѣпой холодный мракъ мертво глядѣлъ со всѣхъ сторонъ. Казалось, среди моря тьмы, пароходъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, и колеса безцѣльно и зря работали и не было видно ни брызгъ, ни пѣнящихся валовъ.

— Ахъ ты, Божже мой!..

— Ванька, сундучокъ куда поставилъ?

Шумѣли колеса.

— Мм... э-э... это вы... это васъ?

Передъ Антипомъ стоялъ баринъ на тонкихъ ногахъ. Въ глазу поблескивало стеклышко, и отъ стеклышка къ жилету бѣжалъ шнурокъ, а тонкая и длинная шея сидѣла въ бѣлой высокой кадучечкѣ, изъ которой выглядывала голова.

— Это надъ вами... мм... э-э... насиліе?

Антипъ сгребъ съ головы шапку.

— Ваше благородіе... господинъ!.. вотъ какъ передъ Истиннымъ... двѣсти верстъ отвезли... мнѣ въ Лысогорье...

Господинъ подобралъ верхнюю и оттопырилъ нижнюю губу, слегка прищуривъ свободный глазъ и поблескивая стеклышкомъ.

— Жалуйтесь... жаловаться надо... протоколъ... полиціи заявите... такъ нельзя.

— Ну да, а то какъ же можно, человекъ пруть невѣдомо куда,—послышался голосъ изъ кучки, до этого молча стоявшей, не зная, какъ отнесется баринъ.

— Ваше благородіе... баринъ хорошій!.. сдѣлайте Божецкую милость; заставьте вѣчно Богу молить,—съ отчаяніемъ заговорилъ Антипъ, дѣлая поясной поклонъ,—баба помираетъ... обернуться не успѣю... заставьте вѣкъ Богу молить...

Баринъ, все также брезгливо-жалостливо подобралъ и выпятивъ губу, осматривалъ сверху до низу Антипа;

— Жалуйтесь... мм... э-э... я ничего не могу сдѣлать... жаловаться надо,—и онъ повернулся и пошелъ, выдѣляясь изо всѣхъ, кто былъ на палубѣ, свѣтлымъ пальто, желтыми башмаками и высокимъ бѣлѣвшимъ воротничкомъ, изъ котораго выглядывала голова.

— Слышь ты, жаловаться надо, вотъ и баринъ говорить.

— Да, а то не буду, што-ль... ей-Богу... вотъ придемъ, подамъ заявленіе, заразъ слѣдствіе производства,—говорилъ, нахлобучивая шапку, Антипъ,—што я каторжный, што-ль. Нѣ-ѣтъ, братъ, не тѣ времена... теперича запрещено... крѣпостного права нѣту... нѣ-ѣтъ, братъ!..

— Дуракъ ты, дуракъ!.. и куда ты пойдешь?.. покада пожалуешься, тебя верстовъ съ тыщу провезуть, жалуйся.

— Съ голоду сдохнешь.

Опять та же неподвижная ночь, неподвижный пароходъ, неподвижно и слѣпо глядящій мракъ и безъ цѣли шумящія колеса. Вѣтеръ острый и рѣзкій бѣжалъ вдоль палубы, и только потому и можно было догадаться, что шли полнымъ ходомъ.

Пассажиры устраивались на ночь, кто какъ могъ. Заворачивались съ головой въ одѣяла, въ мѣшки, скорчившись калачикомъ и втянувъ голову въ плечи, лежали на скамьяхъ, на тюкахъ, на ящикахъ, на палубѣ, или, свалаявшись въ комъ по нѣсколько человекъ, неподвижно темнѣли, и оттуда торчали ноги, руки, головы.

Антипъ опять забрался въ шерсть. Съ холоднымъ вѣтромъ изъ кухни приносило тепло и запахъ. И чудилась изба, нагрѣтая печка, баба возится съ пирогами, ребятишки лазаютъ по лавкамъ. Слышно, какъ работаютъ колеса и бѣжить неустанное дрожаніе, и изъ-за него доносятся лязгъ кося, шуршанье падающей травы, Народъ на косовицѣ.

— Ше-есть... шесть... четыре съ половиной... ше-есть... четыре...

Дядя Михѣй, высокій и жилистый, остановился, оперся о косу, отеръ потъ съ лица и лысины и закричалъ:

— Давай шести съ праваго борта!..

Опять косогоръ, бродягъ телки, околица, осинникъ, березовая рошца, чуть тронутая холоднымъ солнцемъ. Пахнеть свѣже печенымъ хлѣбомъ, квасомъ, за печкой шуршать тараканы.

„Э-эхъ!.. — думаетъ Антипъ, — пятнадцать годовъ“...

И онъ теперь понимаетъ почему аккуратно каждый мѣсяцъ посылалъ домой деньги. Тутъ родился, тутъ жилъ, тутъ и помирать. Какъ живая стояла деревня, со всеми интересами, съ бѣдностью, лошадинымъ трудомъ, съ вольнымъ воздухомъ полей.

— „Э-эхъ!.. пятнадцать годовъ!“ ..

— Ванька, чортъ!.. да куда ты сундучокъ запропастилъ?

Надъ жнивьемъ носится чибисъ и жалобно кричить:

— Чьи-ви... чьи-ви...

— Пя-а-ать... пя-а-ать... четыре съ половиной... пя-а-ать!..

„Пятнадцать!“ — поправляетъ Антипъ и радостно думаетъ: — „молотьба зачалась... зерно-то... зерно — золото!“

И онъ съ наслажденіемъ запускаетъ руку въ островерхую живую кучу свѣже намолоченнаго хлѣба и вытаскиваетъ полную пригоршню вонючей густой отвратительной жидкости... Золото!.. Бочка зеленая неподвижно стоитъ, впряженная кляча, неподвижны молчаливыя улицы, церкви, театры, дома, мимо которыхъ онъ ѣздитъ каждую почъ, въ которыхъ люди, и которые пѣмы для него такъ же, какъ деревья въ лѣсу... Золото!..

„Э-эхъ, пятнадцать годовъ!..“

— Убью-у-у!!..

— Господа старики... кабы не прошибиться... дѣйствительно, Сидорка—воръ,—говорить Антипъ степенно,—ну только съ конями ни разу не поймали. Въ Сибирь загнать человѣка—полгоря, да какъ отмаливать грѣхъ будемъ, ежели понапрасну. Кабы ошибочка не вышла. Вы караульте. Ежели накроете, такъ и Сибири не нада—кнутовище въ задъ, и шабашъ.

— Убью-у-у!..—куражится Сидорка.

— Извѣстно, пьяный,—говорить Антипъ, и хочетъ отойти, и не можетъ—ноги по колѣно увязли въ землѣ, и Сидорка наваливается огромный, и растеть, и кричить уже безъ перерыва такъ, что ушамъ больно, и глаза у него—волчьи, свѣтятся, какъ огни.

— Уууу-у-у-у!..

Ближе, ближе.

Антипъ подымаетъ голову.

— Уууу-у-у-у...—несется, разрастаясь, изъ холодной ночи, и отъ этого тяжелаго звука самый мракъ, густой и неподвижный, кажется, колеблется.

Кругомъ смутно, неясно выступаютъ чьи-то руки, головы, ноги, смутно видѣются очертанія тюковъ, а дальше безграничное море непроглядной темноты.

И въ этой тьмѣ встаетъ огненное чудище. Тысячи голубоватыхъ лучей, сіяя и искрещиваясь, изламываются и дробятся въ рѣкѣ, тѣсня нехотя, злобно и густо разступающуюся тьму. Видны странные и неопредѣленные контуры, не мигая смотреть красный и зеленый глазъ, и, высоко вознесшись, отдѣленная тьмой, плыветъ одиноко бѣлая звѣзда.

Антипъ не можетъ разобраться и понять, и ему хочется опять къ околицѣ, на косогоръ, на покось съ дядей Михѣемъ... „Ку-уда... назадъ“... И онъ трясется на бочкѣ, и бочка грохочетъ подъ нимъ желѣзнымъ грохотомъ, и неподвижно и мертво стоятъ каменные

громады, заслоняя и околицу, и косогоръ, и телокъ, и людей, заслоняя самую ночь.

Баба машетъ рукой и что-то говорить, но Антипъ изъ-за непрерывнаго грохота, потрясающаго ночь, не можетъ разобрать и трясется все съ той же улыбкой скуки и привычки къ своему ночному дѣлу.

„Ахъ ты, сердяга... измаялась... пятнадцать годовъ!..“

И съ щемящей, новой, незнакомой тоской онъ выбирается изъ тюковъ, подымается и протираетъ глаза. Множество огней, странно висящихъ во тьмѣ, удаляются, тускнутъ и гаснутъ, и вмѣстѣ съ ними удаляется непрерывающійся могучій шумъ, и слабые отголоски его тонуть въ шумѣ колесъ.

Опять одна тьма. Вѣтеръ. Антипъ ежится. Угреватый, въ картузѣ, лежитъ согнувшись, натянувъ на голову и на выльзающія ноги пальто. Ему холодно, и онъ скрипитъ зубами и стонетъ во снѣ. Длинный свернулся калачикомъ, и можно подумать это—мальчикъ.

Антипъ съ минуту стоитъ и вдругъ вспоминаетъ все, бьетъ себя объ полы:

— Ахъ ты, Божже мой!

Потомъ опять стоитъ, озираясь, и снова лѣзетъ въ шерсть. Сонъ тяжелый и черный, какъ ночь, наваливается, и онъ спитъ тяжело-неподвижно, безъ сновидній.

VII.

— Антипъ!

Кто-то закричалъ пронзительно-тонкимъ голосомъ. Антипъ вскопился, какъ ужаленный.

— А?!

Возлѣ никого не было.

Холодная рѣка, берегъ, длинно протянувшаяся надъ горизонтомъ бѣлесая полоса выступали изъ рѣдвущей мглы.

Пассажиры, разбуженные предутреннимъ холодомъ, подымались съ заспанными, въ красныхъ рубцахъ лицами, потирая руки, поеживаясь, грѣясь движеніемъ.

Пароходъ шелъ поперекъ, и берегъ плылъ по водѣ ближе, ближе, и вода, холодно поблескивая, влажно лизала темные столбы пристани.

Когда навалились и положили сходни, Антипъ перекинулъ опустѣвшій мѣшокъ черезъ плечо и пошелъ. Онъ пошелъ спокойно и увѣренно, какъ будто ничего не случилось, и все шло, какъ надо. Онъ прошелъ по гнущимся сходнямъ до конца, и пароходъ, какъ тяжело давившій кошмаръ, остался позади. Матросъ, стоявшій у конца сходенъ, загородилъ дорогу и оттолкнулъ назадъ.

— А?.. ты чего?.. милый человекъ...—удивленно и добродушно ухмыляясь, спросилъ Антипъ.

— Ступай... ступай назадъ... ступа-ай...—и матросъ продолжалъ толкать его до самаго парохода.

Та привычка, которая пятнадцать лѣтъ гоняла Антипа между каменными нѣмыми громадами, погнала безъ сопротивленія на пароходъ. Антипъ шелъ ухмыляясь и бормоча:

— Оказія... што такое... а?..

Отвалили. Пристань поплыла прочь.

Первые лучи глянувшего изъ-за синей тучи солнца холодно блеснули по водѣ. И въ странной связи съ ними по палубѣ пронесся крикъ ужаса многихъ человѣческихъ голосовъ:

— А-а!.. гляди... гляди!..

Фигура съ насмѣшливо оттопыреннымъ назадъ полшубкомъ мелькнула за бортъ. Всѣ кинулись къ борту, перегнулись, жадными глазами лова расходящійся по водѣ и убѣгающій отъ парохода кругъ. Погрузившись краемъ, плыла шапка, также убѣгая назадъ отъ парохода.

— Гляди, гляди... вонъ онъ... бьется, сердешный, къ берегу...

Колеса оглушительно заработали назадъ. Матросы рвались, какъ бѣшеные, спуская шлюпку.

— Мѣшокъ тянетъ...

— Да гдѣ?..

— Вонъ онъ... волоса моетъ...

— Кончено... шабашъ!..

— Опять выплылъ... вонъ онъ...

— О Господи!..

Сдавленный паръ, дрожь, оглушительно шипѣлъ. Истерическій бабій крикъ визгливо метался по пароходу. Плакали дѣти. На прыгавшей подъ ногами лодкѣ матросы, задыхаясь и рискуя каждую минуту опрокинуться за бортъ, ловили что-то баграми въ весело колеблющейся водѣ.

Уже высоко поднялось солнце, когда пароходъ пошелъ дальше. На палубѣ стояло возбужденіе и безпкойный говоръ. Матросамъ нельзя было показываться.

— Ишь отбѣлся, идолъ пузатый!..

— Морда скоро треснетъ... Людей топите, на этомъ и жируете...

— Сволочи!..

— За что человѣка утопили!.. за девять гривенъ? Чтобъ вамъ ни дна, ни покрывки...

— И-и, проклятые!.. какъ вы на свѣтъ-то Божій смотрѣть будете... анахемы!..

Работали колеса. Дышала труба. Свѣтило холодное солнце. Убѣгала назадъ сердитая рѣка, и все бѣжалъ впередъ синій горизонтъ, дальнія деревни, мельницы, зубчатая лента синѣющаго лѣса.

СКИТАЛЕЦЪ.

КАНДАЛЫ.

I.

— Вы свободны! — сказалъ мнѣ жандармскій ротмистръ, вставая. Опъ ловко звякнулъ шпорами и саблей въ металлическихъ познахъ и сдѣлалъ рукой элегантный, нѣсколько театральный жестъ.

Прокуроръ и товарищъ прокурора тоже встали въ знакъ уваженія къ свободѣ. Они стояли впереди по одну сторону меня, ротмистръ по другую, и когда я двинулся съ мѣста—они разступились и дали мнѣ дорогу.

Я вышелъ изъ тюремной канцелярии.

Съ меня взяли подписку, что впредь до окончанія „дѣла“ я буду жить въ селѣ Кандалахъ, мѣстѣ моей родины. По документамъ я числился крестьяниномъ этого села, изъ котораго уѣхалъ лѣтъ двадцать тому назадъ, еще въ ранней юности. Ни земли, ни хозяйства я никогда не имѣлъ, земледѣлемъ не занимался и въ Кандалахъ у меня не было ни кола, ни двора и ни одной знакомой души. И вотъ въ этой-то давно забытой „деревнѣ“, вѣроятно, придется проторчать всю зиму на положеніи „заподозрѣннаго“!.. Хороша свобода!

Я отправился на „родину“ съ первымъ же поѣздомъ желѣзной дороги и все время пути злился, тщетно припоминая „село родное“ и его обитателей.

Мнѣ вспоминались дѣтство и отрочество, проведенныя въ этомъ селѣ, и недружелюбное отношеніе мужиковъ и ребятъ ко мнѣ, „некрестьянину“, голяку, сыну деревенскаго столяра.

Вспомнилась ихъ суровая религіозность и раскольничья косность. Еще въ дѣтствѣ заподозрѣнный мужиками въ томъ, что изъ меня вырастетъ нѣчто враждебное крестьянству, я теперь, черезъ двадцать лѣтъ, возвращаясь къ нимъ уже въ качествѣ патентованнаго „врага народа“ и долженъ буду жить среди нихъ, окруженный ихъ дикой ненавистью, подъ властью станового, подъ надзоромъ урядника, старшины, сотскаго и десятскихъ...

Свобода!..

И невольно въ памяти моей, какъ сонъ или сказка, вставало большое село съ широкой улицей и кирпичной, красной церковью съ пятью бѣлыми главами, опоясанное извилистой рѣчкой, за ней луга и дремучій дубовый лѣсъ, за лѣсомъ быстрый и глубокій рукавъ Волги — Проранъ, каждый годъ мѣнявшій свое русло, а вдали, за Волгой — могучая синяя гора „Батракъ“.

Вспоминалось почему-то лѣтнее воскресное утро, наивные, простодушные звуки пастушьей свирѣли, слышныя сквозь мой сладкій дѣтскій сонъ, и малиновые звуки церковнаго колокола... Кудяхтанье куръ... И солнце, ласковое, доброе солнце, шутливо протягивалось сквозь щели закрытыхъ ставней и щекотало меня тонкимъ и длиннымъ лучомъ своимъ, словно вылитымъ изъ теплаго мягкаго золота.

Вспоминались дѣвки въ яркихъ нарядахъ, крупныя, дородныя, въ коротенькихъ плисовыхъ душегрѣйкахъ со сборками и разноцвѣтными пуговицами сзади... Дѣвки идутъ серединой широкой улицы, выстроившись въ рядъ, и звонкими свирѣльными голосами поютъ протяжныя пѣсни... Стоитъ погожая ведренняя осень, въ прозрачномъ небѣ летятъ тенета, а лѣсъ издали кажется одѣтымъ въ золото и пурпуръ. Идутъ и поютъ дѣвки, а на завалинкѣ большой старостиной избы, на площади противъ церкви сидятъ старики — всѣ въ

длиннополыхъ суконныхъ кафтанахъ, въ черныхъ високихъ шляпахъ гречневикомъ, степенные, крупные старики съ длинными, сѣдыми бородами...

Вспоминался зимній обликъ села: широкая улица занесена снѣгомъ, и только чернѣетъ дорога, изрытая ухабами отъ постоянныхъ обозовъ. И обозы эти, длинные, крѣпкіе, тяжело нагруженные, снаряженные въ далекій путь: большіе розвальни обшиты рогожами, а лошади, сильныя и тяжелыя, идутъ мѣрнымъ ходкимъ шагомъ...

На площади около кабака и торговыхъ лавокъ каждый зимній вечеръ собираются ребятишки, хлопаютъ рукавицами и кричатъ: „давай-давай-давай!“ Это начинается зимняя забава—кулачный бой. Дерутся сначала дѣти, а когда стемнѣетъ — выходятъ взрослые... И бьются стѣна на стѣну молодые парни, плечистые мужики и даже длиннородые старики, и надъ всѣмъ селомъ до полуночи стонъ стоитъ отъ воя бойцовъ... Кое-гдѣ краснѣютъ въ окнахъ огоньки, да зимняя луна свѣтитъ печально и сказочно, крупными звѣздами падаетъ снѣгъ и влаженъ тихій воздухъ снѣжной мягкой зимы...

Вспомнилась еще картина сельской масленицы. Все село выѣзжало кататься. Сани двигались по широкой улицѣ всей массой, отъ одного ряда избъ до другого, шагомъ, въ шумной тѣсотѣ. И лошади почти у всѣхъ были хорошія, сбруя гремѣла и блестѣла мѣдными бляхами, серебрянымъ наборомъ, бубенцами и колокольцами. Доѣхавъ до конца села, всѣ останавливались таборомъ, сбивались въ кучу, и въ центрѣ ея оказывался какой-нибудь острословъ-прибауточникъ, произносившій для всеобщей забавы длинныя прибаутки о масленицѣ. Потомъ ѣхали обратно, опять безпорядочной массой, наводняя собой всю улицу, и гулъ стоялъ надъ селомъ отъ саннаго скрипа, звона сбруи, криковъ, ржанія лошадей, пѣсенъ, ругани и смѣха.

И все: плечистыя фигуры мужиковъ въ суконныхъ кафтанахъ, солидныя избы, толстыя дѣвки, сытыя лошади, крѣпкая сбруя, кулачные бои и праздничное пьянство—все говорило о мужичьемъ благополучіи, зажиточности, силѣ и здоровьи. Больныхъ, горькихъ пьяницъ или слабоумныхъ почти не было: былъ только на все пятидесячное населеніе Кандаловъ одинъ дурачокъ—Гриша Рѣпинъ, хромой и сухорукій, ходившій въ длинной посконной рубахѣ, да и тотъ имѣлъ наружность Геркулеса съ шапкой черныхъ кудрей и роскошной окладистой бородой, обладалъ большой физической силой, но былъ безвреденъ, кротокъ, послушенъ и богомоленъ.

Село изстари считалось богатымъ, хлѣбнымъ. Почти каждый велъ большое, крѣпкое хозяйство, держались большими семьями, средній крестьянинъ, не считавшійся богатымъ, имѣлъ до двадцати рабочихъ лошадей и жеребца для выѣзда, пять-шесть коровъ и сотни овецъ. Имѣли залежныя деньги, дѣдовскія кубышки. Надъ селомъ возвышалось три или четыре каменныхъ двухъэтажныхъ дома, принадлежавшихъ уже настоящимъ богачамъ, хлѣботорговцамъ, воровавшимъ десятками тысячъ.

Кандалинцы были государственными крестьянами, никогда не знали крѣпостного права и были извѣстны самоуправствомъ и своеволіемъ. Село лежало на большомъ тракту и встарину промышляло воровствомъ, грабежомъ и разбоями на большой дорогѣ и на Волгѣ.

Почти половина села принадлежала къ различнымъ раскольническимъ толкамъ, и это были самые богатые, самые скупые, прижимистые, кремнистые и религіозные мужики. Православные по своимъ понятіямъ были тоже въ душѣ раскольниками и отличались отъ нихъ только большею мягкостью, распущенностью и равнодушіемъ къ религіи.

Но тѣмъ не менѣе, послѣ масленицы и чисто-языческихъ пиршествъ, когда съ высокой красной колокольни густо и сытно неслись протяжные зовы „мірскаго“ колокола, всѣ они проникались покаянно-религіознымъ настроеніемъ и начинали „говѣть“.

Въ раннее зимнее утро, когда на темномъ небѣ еще мигали звѣзды,—по улицѣ уже тянулся народъ въ церковь, къ заутрени, а потомъ къ обѣднѣ, въ сумерки къ вечернѣ и такъ ежедневно весь великій постъ: одни „говѣли“ на первой недѣлѣ, другіе на второй и т. д. И просторная каменная церковь съ золоченымъ рѣзнымъ иконостасомъ, мѣдными вызолоченными хоругвями и „спасомъ“ въ куполѣ была полна молящихся, и всѣ они были въ крытыхъ сукномъ шубнякахъ, съ волосами, остриженными по раскольничьи „въ кружало“ и густо, разъ на все время говѣнія, напитанными коровьимъ масломъ. Истоиво крестились они и падали ницъ, когда на амвонѣ выходилъ старый протопопъ, служившій въ Кандалахъ безсмынно тридцать пять лѣтъ, низенькій, плотный, съ длинной толстоволосой бородой, съ крупными чертами лица и суровымъ, властнымъ взглядомъ. Мужики звали его „тятенькой“, боялись и слушались, какъ дѣти, а у „тятеньки“ нравъ былъ крутой, Кандалы онъ считалъ своею вотчиной, себя—неограниченнымъ властелиномъ, а сельскія общественныя дѣла—своимъ личнымъ дѣломъ. За тридцать пять лѣтъ онъ такъ сжился съ кандалинцами, что никто не помнилъ и не понималъ иного отношенія священника къ прихожанамъ, какъ властное вмѣшательство въ жизнь общества, семьи и личности. Онъ былъ законоучителемъ въ школѣ и больно хлесталъ учениковъ по щекамъ своей коротенькой, но увѣсистой десницей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ билъ онъ и взрослыхъ, и всѣ находили это въ порядкѣ вещей. Однажды онъ побилъ даже лицо интеллигентное—фельдшера, который долгое время былъ съ нимъ во враждѣ и, нако-

нецъ, смирясь, пришелъ къ нему на масленицѣ въ „прощеный день“ попросить прощенія. Протопопъ не простилъ его, а въ тотъ моментъ, когда кудрявый фельдшеръ по обряду поклонился ему въ ноги — схватилъ его обѣими руками за волосы, долго возилъ наединѣ по горницѣ, выволокъ за волосы же по корридору на крыльцо и сбросилъ въ снѣгъ.

Протопопъ не вѣрилъ въ Бога и никогда не говорилъ въ церкви проповѣдей. Дѣти у него давно уже всѣ были взрослыми, и онъ жилъ въ старомъ поповскомъ домѣ съ густымъ палисадникомъ только вдвоемъ съ престарѣлой протопопицей, маленькой, сморщенной и жалкой, которая трепетала передъ нимъ и пила запоемъ, пряча водку въ дровахъ, плетняхъ и соломѣ.

Секретъ неограниченной власти протопопа надъ вольными землепашцами заключался въ его желѣзной энергіи, умѣ и близкомъ знаніи своихъ прихожанъ. Раскольниковъ онъ не преслѣдовалъ, былъ богатъ и не унижался до вымогательства за требы и по сбору: щедрыя даянія лились къ нему и безъ этого. И когда, наконецъ, въ епархію прислали новаго архіерея и архіерей началъ перетасовывать духовенство — то перевелъ и протопопа въ городъ, не внявъ его просьбѣ оставить его умереть на старомъ, насиженномъ мѣстѣ.

И въ день отъѣзда, отслуживъ обѣдню, онъ сказалъ народу единственную, первую и послѣднюю проповѣдь или, скорѣе, прощальную коротенькую рѣчь. И когда онъ стоялъ на амвонѣ лицомъ къ народу, маленькій, въ одной рясѣ и эпитрахили, со скрещенными на груди руками, то слезы, крупныя и тяжелыя, текли по его длинной, прямой бородѣ, и обычно суровое лицо его стало въ эту минуту добрымъ, кроткимъ и печальнымъ.

И плакалъ народъ, провожая его, и не хотѣлъ другого „тятеньки“, и видно было, что любилъ онъ своего суроваго, драчливаго протопопа.

Недолго прожилъ онъ въ городѣ, на новомъ мѣстѣ: скоро дошелъ въ Кандалы слухъ, что умеръ „тятенька“, а увѣжалъ онъ еще крѣпкимъ и бодрымъ, хотя и было ему семьдесятъ лѣтъ.

Прислали на его мѣсто новаго благочиннаго, высокаго, съ длинной рыжей бородой, съ большой семьей и такого худого и тонкаго въ талии, что сразу же пошелъ слухъ о постничествѣ и святости его. Обращался онъ ласково, „тятенькой“ звать себя не велѣлъ, обѣдню служилъ долго и каждый праздникъ говорилъ длинныя обличительныя проповѣди, а когда ходилъ по собору, то бралъ сколько дадутъ, къ раскольникамъ же совсѣмъ не пошелъ... Обижались раскольники и зазывали его.

Заговорило село о святомъ, безкорыстномъ священникѣ.

Но прошло немного времени—перемѣнился новый благочинный, не выдержалъ: сталъ „драть“ съ живого и съ мертваго, на раскольниковъ архіерею доносы писать, а отъ „мірскихъ“ дѣлъ въ сторонѣ стоять, не радѣлъ, не вникалъ и ни въ чемъ не хотѣлъ понять кандалинцевъ.

И сразу не влюбились его мужики и ничего ему не прощали: ни рѣзкаго слова, ни гостей, ни пѣсенъ, ни папиросъ, ни высокихъ цѣнъ за требы, а болѣе всего ошибки своей не могли забыть, что благочинный святымъ не оказался.

И вся жизнь ихъ, обычай, понятія, умственные интересы, вѣрованія и даже самое невѣріе и раскольниковство—все вращалось около религіи, вытекало изъ нея и было проникнуто ея настроеніемъ. Даже стремленіе нѣкоторыхъ къ просвѣщенію, свѣтской книгѣ и вольнодумству — тоже исходило изъ вопросовъ религіозныхъ.

И мнѣ стали припоминяться кандалинскіе „вольнодумцы“.

Прежде всего всталъ въ моей памяти Кузьма, по прозванію—Челякъ. Челякомъ у кандалинцевъ называлось глубокое большое ведро, которымъ мѣряютъ зерновой хлѣбъ. Онъ былъ похожъ на это ведро: маленькій, но весь выпуклый, какъ цилиндръ. Всю его широкую грудь покрывала окладистая борода каштановаго цвѣта, рябоватое лицо всегда носило выраженіе важности и напряженнаго мышленія, косматыя брови хмурились, а изъ-подъ бровей смотрѣли бѣгающіе, выпученные глазки оловяннаго цвѣта. Онъ былъ сельскимъ писаремъ и ходилъ въ „пеньжакъ“ и тяжелыхъ сапогахъ. Низенькій, но увѣсистый и важный, онъ какъ неразмолотымъ житомъ, полонъ былъ неразработанныхъ, тяжелыхъ думъ.

Еще молодымъ парнемъ ушелъ онъ въ расколъ изъ большой православной семьи и служилъ по найму въ работникахъ. Но и расколъ его не удовлетворилъ, и онъ ушелъ изъ раскола, а къ церкви все-таки не возвратился. И жилъ онъ безъ религіи, все время тревожно занятый отрицаніемъ ея. Когда ему удалось сдѣлаться сельскимъ писаремъ — онъ близко познакомился съ мѣстными богатѣями—Воробьевымъ и Листратовымъ, которые тоже ни во что не вѣрили, кромѣ денегъ. Они орудовали мірскими дѣлами, торговали хлѣбомъ и жили на купеческій ладъ. Въ домахъ ихъ были вѣнскіе стулья, мягкая мебель, зеркала. Они выписывали столичную и провинціальную газеты и два толстыхъ журнала. Считали себя людьми образованными. Мужиковъ презирали за невѣжество. Младшій братъ Листратова учился въ петербургскомъ университетѣ, лѣтомъ пріѣзжалъ къ брату, привозилъ запрещенныя книги, и вся компанія—Листратовъ, Воробьевъ и Челякъ съ жадностью зачитывались ими.

Но просвѣщенный образъ мыслей не помѣшалъ имъ, однако, спекулировать арендой участка удѣльной земли, которую они съ большимъ барышемъ сдавали своимъ

односельчанамъ. Разбогатѣлъ отъ казенной земли и Челякъ, сталь толще, важнѣе и глубокомысленнѣе. Купилъ домъ, садъ и уже окончательно упразднилъ изъ своей жизни религію.

И какъ противовѣсь этимъ „новымъ“ людямъ деревни вспомнился мнѣ старикъ Неулыбовъ, тоже кандалинскій богачъ, закадычный другъ и поклонникъ стараго протопопа, благообразный, съ длинными сѣдыми кудрями, милосердный благодѣтель бѣдныхъ людей. Народъ любилъ этого справедливаго старозавѣтнаго человѣка. Онъ былъ добръ и жалостливъ. Помогалъ. Прощалъ долги. Ни съ кѣмъ не судился. Вель дѣла на совѣсть и честное слово, по старинному. И богатство его было чистое, взятое отъ плодородія земли и умноженное доброю Волгой, по которой словно шла тогда золотая волна.

Вспомнился пріемный сынъ его Федька Неулыбовъ, смуглый, черноволосый мальчишка, съ которымъ вмѣстѣ бѣгали мы въ сельскую школу. Старикъ души въ немъ не чаялъ. Постоянно говорилъ о немъ. Мечталъ увидѣть его хозяиномъ и стремился обезпечить его будущее. „По наукѣ“ онъ не пустилъ его дальше сельской школы, чтобы не забылъ онъ Бога и не ушелъ въ другой міръ изъ родного гнѣзда. А чтобы сынъ не избаловался—старикъ женилъ его чуть ли не шестнадцати лѣтъ, исхлопотавъ на это особое разрѣшеніе архіерея... Невѣсту взяли изъ-за Волги, тоже изъ богатаго дома, и домъ этотъ стоялъ на самомъ берегу ея у подножія горбатой Батрацкой горы.

Свадебные пиры Феде Неулыбова были похожи на пиры древнихъ: такъ много на нихъ пили и ѣли. Съ перваго же дня пировъ вся орава гостей и родни не разставалась и пьянствовала гурьбой, переходя по очереди изъ дома въ домъ другъ къ другу, переѣзжая цѣлымъ таборомъ изъ села въ село. По пьяному дѣлу многіе обморозились, изувѣчились, но никто на это не

обращалъ вниманія. Шутили жестоко: кто-то кому-то ради забавы откусилъ носъ подъ предлогомъ поцѣлуя. Пьянаго зпящаго Челяка схватили прямо съ постели въ одномъ бѣльѣ, вытащили на трескучій морозъ, положили въ сани и повезли на другой конецъ села, гдѣ происходилъ пиръ. По дорогѣ встрѣтили татарина и долго приставали къ нему, предлагая купить пьяную свинью. Пока доѣхали—раздѣтый Челякъ зачоченѣлъ: его, безчувственного, внесли въ избу, положили на полъ, ножемъ разжали зубы и влили въ ротъ коньяку. Черезъ часъ Челякъ — уже одѣтый и приведенный въ чувство—плясалъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Вмѣсто водки пили коньякъ и пили его стаканами и ковшами въ гомерическомъ количествѣ. Опьяненіе ни на кого болѣзненно не дѣйствовало, возбуждая только всеобщее бурное веселье. И такъ пили они каждый день съ поздней осени до масленицы болѣе трехъ мѣсяцевъ, и только наступленіе великаго поста положило конецъ пиршеству. И въ этомъ дикомъ и широкое разгулѣ чувствовалось что-то древне-сильное, языческое, первобытное.

За все время свадьбы пропито было семь тысячъ рублей.

Очухавшись, принялись „говѣть“.

Такъ жилали встарину кандалинцы.

II.

Часа въ четыре вечера, въ сумеркахъ сѣраго осенняго дня, почтовый поѣздъ остановился у станціи „Кандалы“. Я помнилъ эту станцію: она была и теперь все такая же, какъ прежде, выкрашенная въ казенную, коричневую краску, скучная, какъ всѣ маленькія станціи.

Въ полуверстѣ отъ нея, подъ горой, въ ложбинѣ,

сѣрѣло мое родное село и торчала, съ дѣтства знакомая мнѣ, красная колокольня.

Никто на станціи не узналъ меня и я не зналъ никого. Какой-то захудалый мужиченко съ кнутомъ подъ мышкой предложилъ мнѣ „довезти“ меня и подкатилъ съ внутренней стороны вокзала на заморенной лошаденкѣ, запряженной въ старую, кособокую бричку.

— Къ кому везти-то?—спросилъ онъ меня.

Я подумалъ и наудачу сказалъ:

— Къ Воробьеву.

Ямщикъ ничего не сказалъ и задергалъ возжами. Лошаденка побѣжала по грязной осенней дорогѣ. Бричка жалобно задрезжала.

Поѣздъ свистнулъ и, выбрасывая клубы черного дыма, помчался дальше. Когда онъ скрылся въ ложбинѣ и желѣзные звуки его колесъ замерли въ воздухъ—меня охватила странная, непривычная тишина осенняго деревенскаго поля. Лошаденка сѣменила до странности медленно, и казалось мнѣ, что вся жизнь умчалась отъ меня впередъ съ быстротою локомотива и вотъ стоитъ опять предо мной родная деревня моя, стоитъ попрежнему, на прежнемъ мѣстѣ, сѣрая, тихая, печальная, позабытая цѣлымъ свѣтомъ.

Большія вѣтряныя мельницы плавно и медленно шевелили гигантскими крыльями, тихо скрипѣли и жалостно стонали о чемъ-то, словно обезсиленные, умирающіе великаны.

А безжизненное, словно обглоданное кѣмъ-то, поле печально уходило въ даль, сѣрое небо темнѣло и медленно сгущались тихія осеннія сумерки.

И въ тишинѣ, какъ глубокій вздохъ, издалека прозвучалъ грустный мѣдный голосъ и долго плылъ, дрожалъ и таялъ.

Колоколъ звонить.

Всплываютъ въ душѣ моей позабытыя старыя грезы, встаютъ печальные, тихо вздыхающіе призраки. Какъ

вечернія тѣни, протянулись они изъ далекаго прошлаго и становятся все длиннѣй и сумрачнѣй.

Словно золотыя облака на горизонтѣ, освѣщенные умирающими лучами заката, долго и грустно блѣкнутъ они, тонуть въ сумракъ ночи, распыляются легкимъ туманомъ и падаютъ на мое сердце вечернею теплою росой.

Тихо, словно приближаясь издалека, звучить въ душѣ моей жалобный, чуть слышный, хоръ... Грустныя блѣдныя дѣвушки, взявшись за руки, медленнымъ хороводомъ проходятъ предо мной и томительно-сладко поютъ о чемъ-то невозвратно-погибшемъ и роняютъ изъ вѣнковъ своихъ сухіе мертвыя цвѣты.

И все кажется, что удаляется и замираетъ вдали печальное похоронное пѣніе.

Колоколь звонить.

Подъ горой, за селомъ, въ зеленыхъ мшистыхъ берегахъ, обрамленныхъ густымъ камышемъ, лежитъ зеркально-глубокое озеро, и вода въ немъ прозрачна до самаго дна, и купаются въ ней широкіе плавучіе листья, что растутъ въ водѣ на длинныхъ, тонкихъ стебляхъ. За озеромъ вьется узкій, глубокій ручей, весь обросшій зеленой задумчивой осокой и плавучей водяной травой. Надъ нимъ шумитъ дремучій дубовый лѣсъ и уходитъ онъ до горизонта, вплоть до старыхъ осокорей, что возвышаются надъ всѣмъ лѣсомъ, что вѣпились исполинскими корнями въ глинистый высокій берегъ Прорана. Отдѣлился онъ отъ Волги и каждый годъ ищетъ себѣ новую дорогу. А весной, соединяясь, они разливаются, какъ море, затопляютъ лѣсъ и подходятъ къ жилищамъ людей.

Но сбываетъ вода—и дремучій лѣсъ рядится въ новыя наряды: поляны заростають высокою, сочною травой, и ландыши поютъ воздухъ сладкимъ ароматомъ, и весь длинный солнечный день невидимка-кукушка оглашаетъ зеленый лѣсъ мѣрнымъ своимъ кукованьемъ.

За осокорями, на широкомъ Проранѣ, есть островъ Зуморъ, весь въ сочной, высокой травѣ, и пестрѣютъ на островѣ рубахи косцовъ, шуршать и звенять стальные, блестящія косы, пѣсни женщинъ, сгребавшихъ сѣно, далеко несутся по рѣкѣ, а Проранъ и Волга обнялись, разлились и уходятъ сверкающей равниной въ даль, къ чуть видной голубой Батрацкой горѣ, и только противъ Зумора, на высокомъ берегу Прорана, торжественно и мощно стоятъ великаны-осокори и вѣчно звенять высоко въ небѣ невидными снизу верхушками своими... Шумъ ихъ сливается съ музыкой волнъ буйнаго Прорана и кажется дивною пѣсней дремучаго лѣса.

И вездѣ: надъ Прораномъ и въ лѣсу, на озерѣ и надъ ручьемъ—вездѣ вспоминается мнѣ лѣсной бродяга, подростокъ въ бѣлой рубахѣ, нелюдимый сынъ столяра, бѣдный мечтатель съ головой, полной несбыточныхъ замысловъ, одинокій, застѣнчивый сынъ столяра.

Колоколь звонить... звонить...

Совсѣмъ ужъ стемнѣло. Мы ѣдемъ по широкой пустой улицѣ большого бѣднаго села... Избы словно ушли въ землю, покосились, измельчали, смотрять растерянно, уныло. Кое-гдѣ въ слезящихся, обмазанныхъ красной глиной окнахъ, тускло мигаютъ огоньки, и смотреть оттуда угрюмая, грубая бѣдность.

На мосту, при въѣздѣ въ село, намъ встрѣтились двѣ страшныхъ фигуры: босенкомъ, въ какихъ-то длинныхъ балахонахъ, съ желтыми, истощенными лицами... Они сидѣли въ рядѣ на краю моста, безопасно болтали босыми грязными ногами и вели между собой какой-то бессмысленный разговоръ, по-дѣтски картавя и неестественно размахивая руками.

— Это наши дурачки!..—слегка обернулся ко мнѣ мужиченко: — блажные... завсегда вмѣстѣ ходять.. хе-хе!.. дружные!..

Онъ слегка подхлестнулъ клячу и добавилъ, усмѣхался:

— Объ чемъ говорить?.. Господи знаетъ!

— А Гриша Рѣпинъ—живъ?—спросилъ я.

— Померъ Гриша... а на мѣсто его — новыхъ двое родилось... умножается народъ... ну и дураковъ больше...

Идіоты о чемъ-то спорили между собой, но при нашемъ приближеніи прекратили разговоръ и уставились на меня мутными глазами, потомъ переглянулись и, показывая другъ другу вслѣдъ намъ костлявыми, грязными пальцами, начали хохотать бессмысленнымъ животнымъ хохотомъ.

Осмѣянный идіотами, я въѣхалъ въ родное село.

На широкой песчаной площади попрежнему стояла большая красная церковь, только площадь стала больше и дома кругомъ почти всѣ измѣнились, за исключеніемъ волостного правленія. Рядомъ съ нимъ прежде была министерская школа; теперь на ея мѣстѣ возвышался двухъэтажный каменный домъ съ вѣвѣской: „Учительская семинарія духовнаго вѣдомства“, а надъ вѣвѣской водруженъ былъ огромный золоченый крестъ.

Новая министерская школа и женское училище были выстроены по другую сторону площади, тамъ же была больница съ квартирой врача, а на углу стоялъ, какъ и прежде, „шатровый“ домъ Воробьева, съ зеленой желѣзной крышей; противъ него, черезъ площадь, виднѣлся домъ Челяка, тоже шатровый, но только похуже.

Отпустивъ извозчика, я вошелъ къ Воробьеву. Внутренность его дома была все та же, что и прежде: изъ прихожей виднѣлся залъ съ высокими трактирными зеркалами и вѣнскими стульями, расставленными вдоль стѣнъ въ скучномъ однообразіи. Въ домѣ царствовали чистота, тишина и скука. Въ залѣ за столомъ сидѣлъ и что-то читалъ самъ хозяинъ. Чтобы обратить на себя вниманіе—я кашлянулъ, но онъ не пошевелился. Ска-

заль „здравствуйте“—не поднимаетъ головы. Тогда я снялъ пальто и, войдя въ заль, повторилъ громко:

— Здравствуйте!

Воробьевъ поднялъ голову и уставился на меня изумленно:

— Не узнали?—спросилъ я.

— Ась?

— Не узнали, говорю?

— Узналъ, какъ не узнать?.. Больно похожъ на отца-то! Да вы громче говорите, я, вѣдь, плохо слышу.

— Что такъ?

— Да ужъ давно, лѣтъ пятнадцать... еще на свадьбѣ Неулыбова уши-то застудилъ... съ тѣхъ самыхъ поръ... А вы по какимъ дѣламъ въ наши мѣста? на долго ли?

— Жить пріѣхалъ!—отвѣчалъ я и началъ рассказывать ему о своемъ положеніи.

Воробьевъ заволновался.

У него было типичное мужичье лицо съ небольшою сѣренькой бороденкой, покрытое, какъ налетомъ, цѣлою сѣтью мелкихъ морщинъ, и пріятный, пѣвучій теноръ, которымъ онъ когда-то подпѣвалъ дьячку на лѣвомъ клиросѣ. Руки у него были не по росту большія, узловатая, мужичья, фигура въ просторномъ пиджакѣ и брюкахъ—коренастая.

— Вотъ квартиру мнѣ надо, на всю зиму!—закончилъ я свое повѣствованіе.

— Да, да!—подхватилъ глухой:—квартиру! У меня-то пегдѣ... у Челяка ежели, такъ у него двѣ учительши живутъ, а вотъ къ Неулыбову, къ Федору, въ самый бы разъ тебя: у него весь передъ пустой... и не топятъ, а живетъ онъ бѣдно, ему бы на руку было!.. Я сейчасъ пошлю за Челякомъ, онъ запряжетъ лошадь, и съѣздимъ: Неулыбовъ-то, вѣдь чай, помнишь, далеко отсюда живетъ, на томъ концѣ...

Онъ вышелъ въ переднюю и послалъ кого-то къ Челяку.

— Какъ у васъ тутъ тихо, на селѣ-то! — сказалъ я:—словно вымерли всѣ!

— Тихо?—переспросилъ Воробьевъ:—это только снаружи тихо, а ежели разобрать, да вникнуть...—онъ махнулъ рукой и подозрительно покосился на окошко.— Не больно тихо...

— А что?

— Волненіе пошло въ народъ... шатаніе ума,—таинственно наклонясь ко мнѣ, сказалъ старикъ.—Почитай, что въ каждой избѣ дѣти съ отцами на ножахъ—палачутся. На сходѣ стоишь стоишь. Разбились на партіи, и каждая, значить, свою линію гнетъ. Такое идетъ!.. чуть не до драки... Зашевелился народъ! обѣдняли всѣ... озлились... А земскій разжигаетъ: за одно только несниманіе шапки человекъ по двадцати разомъ въ арестанку садить, урядникъ парней да дѣвокъ съ „улицы“ гонить, пѣсни пѣть не велить... Вотъ оно съ виду-то и тихо... А внутри—кипитъ у каждого!

Ему не хотѣлось говорить громко, онъ все ближе наклонялся ко мнѣ и гудѣлъ, оглушая меня...

— Какія же у васъ на сходѣ партіи?—спросилъ я.

— Да оно не на сходѣ только, а вездѣ и во всемъ... Само собой—особо вредная для всѣхъ партія это—земскій начальникъ, старшина съ писаремъ, урядникъ, да попы... Противъ нихъ всѣ встаютъ... Старшина у насъ—прямо разбойникъ. Ну, противъ нихъ: врачъ да учителя, учителей теперь у насъ много... ничего, хорошій народъ... полезный намъ... потому —мужики, вотъ мы съ Челякомъ, Неулыбовъ и другіе. А то есть еще совсѣмъ молодые мужики... молодежь... Задача-то у всѣхъ одна, ну только что молодые горячатся много и лѣзутъ въ открытую... А мы ведемъ линію исподволь, подогоньку...

Онъ замолчалъ, окинулъ меня испытующимъ взглядомъ умныхъ, но уже тусклыхъ глазъ, расчесалъ пальцами бороду и уже другимъ тономъ сказалъ:

— Сразу-то все не расскажешь... Вотъ поживешь у насъ—увидишь. Ну, пока что—пойдемъ-ка чай пить!

Мы вышли въ столовую, освѣщенную большой висячей лампой; на столѣ кипѣлъ большой мѣдный самоваръ и все уже было готово для чаепитія.

Вышла жена Воробьева, пожилая, но еще сохранившая слѣды красоты, худая, высокая, вся въ черномъ, серьезная, молчаливая. Она церемонно, по старинному, поклонилась мнѣ глубокимъ пояснымъ поклономъ и церемонно же пригласила „откушать“ чаю. Я помнилъ ее еще очень красивой, молодой. Кажется, что происходила она изъ раскольниковъ семьи.

За чаемъ я спросилъ Воробьева о томъ, какъ живетъ теперь Челякъ, какъ живетъ Неулыбовъ. И Воробьевъ, громкимъ голосомъ глухого, повѣдалъ мнѣ, что Челякъ давно уже „прогорѣлъ“ на посѣвахъ и капиталу теперь не имѣетъ никакого, кромѣ дома, фруктоваго сада и мучной лавки. Разорились почти все кандалинскіе богачи... Никого изъ нихъ теперь и въ селѣ нѣтъ. Листратовъ переѣхалъ въ городъ. Но самая несчастная судьба постигла Неулыбовыхъ.

Счастье вообще давно уже отвернулось отъ кандалищевъ... Словно что-то оборвалось, закрылось, померкло. Почему-то начались изъ года въ годъ засухи, неурожаи, торговля упала, Волга стала мелѣть, мужики - бѣднѣть, а крестьянскіе богачи одинъ за другимъ разоряться. Были ужасныя голодовки всеѣмъ селомъ. И въ голодные года мужики почему-то особенно сильно дрались зимой на кулачки... По всей ночи дрались, до озвѣрбія... Урядникъ пріѣзжалъ верхомъ разгонять и ничего не могъ подѣлать. Неулыбовы лишились всего сразу: подошли платежи, за себя и за другихъ, уже потерпѣвшихъ крахъ, за которыхъ старикъ Неулыбовъ имѣлъ неосторожность поручиться—и все исчезло въ одинъ день: арестовали недостроенную паровую мельницу, садъ, деньги... Домъ сгорѣлъ незастрахованнымъ.

Старикъ поступилъ въ городъ приказчикомъ, а жена Федора сошла съ ума отъ горя. Пришлось ему везти ее въ городъ въ сумасшедшій домъ. Поѣхали на пароходъ по Волгѣ. Это было въ темную и теплую лѣтнюю ночь. Федоръ сидѣлъ въ каютѣ вдвоемъ съ безумной и плакалъ, глядя на нее. Должно быть, онъ очень любилъ ее, да и у самого-то голова шла кругомъ. Федоръ и теперь со слезами и ужасомъ вспоминаетъ объ этой ночи. Онъ рассказываетъ, что когда они оба заснули въ каютѣ — ему приснилось, что все это — и разореніе, и сумасшествіе жены — только страшный сонъ и что необходимо проснуться, но какая-то темная тѣнь наклонилась надъ нимъ и душилъ его, и отъ этого онъ опять почувствовалъ тоску и ощущеніе несчастья, какъ будто кто-то ударилъ его въ сердце... Онъ проснулся, оглядѣлся — жены нѣтъ. Кинулся на палубу. Заря. Волга плещется. Пароходъ вздымаетъ волны. И тутъ онъ увидѣлъ свою жену. Духъ у него захватило. Члены словно оледенѣли: блѣдная, въ бѣлой ночной рубахѣ, въ бѣломъ платкѣ, она уже спустила ноги за бортъ. Онъ не помнитъ, что потомъ было. Помнитъ, что въ рукахъ у него остался только бѣлый головной платокъ, который онъ же и подарилъ ей когда-то, въ счастливые дни.

И случилось такъ, что обнаженный трупъ ея прибило волнами и выбросило на берегъ какъ разъ у Батрацкой горы, къ дому ея родителей.

Съ тѣхъ поръ Федоръ выпивку сталъ любить, потому — бросилъ все, ребенка своего отдалъ родителямъ покойной жены, тестю съ тещей, а самъ — скрылся.

Уѣхавъ онъ въ Сибирь, на постройку желѣзной дороги, и семь лѣтъ не было о немъ ни слуху, ни духу.

И вотъ всего только года два, какъ онъ воротился и кое-какъ устроился въ старомъ, обгорѣломъ домѣ. Добылъ мѣсто при земствѣ — агентомъ, получаетъ руб-

лей двѣсти въ годъ, на нихъ и живетъ. Женился на пожилой вдовѣ—для мальчишки. Жмутся въ заднихъ комнатахъ, а весь передъ—заколоченъ. Все миновалось. Не вернуть ему богатства.

Глухой рассказывалъ объ этомъ безстрастно, ровнымъ голосомъ, медленно хлебая чай. Жена его, плотно сжавъ красивыя, тонкія губы, молча разливала чай.

Въ корридорѣ стукнула дверь, слышались тяжелые, быстрые шаги и на порогѣ комнаты, на моментъ остановившись, появился Челякъ. Онъ былъ все такой же низенькій, цилиндрической, въ сѣромъ „пеньжакѣ“ и тяжелыхъ сапогахъ. Только борода его, прежде каштановая, стала теперь сѣрвовой, да маленькіе оловянные глаза пучились напряженнѣе, чѣмъ въ былое время.

Мы съ нимъ по-пріятельски расцѣловались. Узнавъ отъ меня, что я остаюсь въ Кандалахъ на всю зиму, Челякъ тяжелой рукой хлопнулъ меня по плечу и радостно воскликнулъ:

— Не въ томъ сила, что кобыла сива! Ничего! Проживешь! а намъ это на руку, вотъ въ чемъ дѣло!

— Вамъ-то что?—удивился я.

— А какъ же?—возразилъ Челякъ:—да намъ только тебя и недоставало! въ самый разъ пріѣхалъ!.. То есть до зарѣву нужно намъ писателя... во—какъ! Ну, чтобы боекъ былъ!

Пріятели весело размѣялись. Даже Воробыха сдержанно улыбнулась, наливая Челяку стаканъ крѣпкаго чая. Челякъ усѣлся за столъ противъ меня, налить блюдечко до краевъ, но, прежде, чѣмъ пить, разгладилъ широкую бороду, сгребъ ее на одну сторону и, пытливо посмотрѣвъ на меня, спросилъ:

— Въ губернской газетѣ—пишешь?

— Пищу.

— И въ столичныхъ можешь?

— Могу и въ столичныхъ.

— Здорово!

Онъ ткнулъ въ бокъ сидѣвшаго рядомъ Воробьева.

— Слышалъ? Теперича мы „ихъ“ припугнемъ! Ужъ одно то, что онъ пріѣхалъ—на нихъ подѣйствуетъ!

— Подождутся!—подтвердилъ Воробьевъ, кивая головой.

И они оба какъ-то бережно и хозяйственно осмотрѣли меня, точно новую, только-что выписанную и необходимо-нужную имъ машину. Потомъ озабоченно принялись толковать о томъ, согласится ли Неулыбовъ пустить меня на квартиру.

— Пустить!—увѣренно сказалъ Челякъ.

— Навѣрное пустить!—отозвался глухой:—а ежели будетъ заминаться—уговоримъ!

— Уговоримъ!—повторилъ Челякъ.

Затѣмъ, поглощая неимоверное количество чая, они стали говорить о „сходѣ“, который былъ вчера и гдѣ Челякъ провалился съ какимъ-то „вопросомъ“.

— Ты не умѣлъ — сбрендилъ!—посмѣивался надъ нимъ Воробьевъ:—а я бы на твоёмъ мѣстѣ не провалился: хочешь—я тебѣ все это на слѣдующемъ сходѣ направлю?

Потомъ заговорили о попахъ, о земскомъ, о врачѣ.

— Врачъ у насъ,—говорилъ Воробьевъ,—онъ всѣмъ хорошъ, дѣйствительно, можно сказать — дѣятель, и народъ его любитъ. Ну, а вотъ за одно только нельзя къ нему полнаго довѣрія имѣть: съ попами якшается! А они для насъ — люди вредные... И начальство они... та же полиція... Въ этомъ у него—большая ошибка!

Когда заговорили о попахъ, Челякъ даже вскочить и взволнованно забѣгалъ по комнатѣ, тяжело громахая огромными сапогами.

— Въ прошлый разъ,—начальонъ,—встрѣчается мнѣ на площади Матюшинскій—самый изъ нихъ главный ябедникъ—и говорить: что это я тебя никогда въ церкви не вижу? что, ты—молоканинъ, что ли? И потомъ, гово-

рить, до меня дошло, будто мужикамъ ты разныя бредни болтаешь, умствуешь относительно таинствъ и прочее? Это какъ? Смотри!—Я, говорю, батюшка, не молоканинъ, а только что въ церковь хожу, когда есть мое къ тому желаніе, и опять же—время... А загонять меня туда силой—что толку... Что касася разговоровъ съ мужиками то конечно, мы, мужики, обо всемъ промежду себя говоримъ, а понятія ни объ чемъ, по глупости нашей, не имѣемъ. Вы бы, говорю, батюшка, какъ пастырь духовный, должны намъ объяснять, наставлятъ насъ. Я, молъ, вотъ все хочу спросить васъ: растолкуйте мнѣ, какъ надо понимать таинства: что—всѣ они равны между собой, али нѣтъ? Онъ подумалъ, и—строго таково—говорить: конечно—всѣ равны, да тебѣ-то что до этого? А какъ же, говорю, коли всѣ равны, расцѣпка-то у васъ имъ разная? За исповѣдь вы берете двѣ копейки, а за свадьбу пятнадцать рублей? Какъ онъ закричитъ на меня! Подогомъ застучалъ! Подлецъ, говоритъ, ты, а не прихожанинъ! Я, говоритъ, тебя... Да куда, молъ, вы, батюшка, меня изъ мужиковъ-то можете разжаловать? ниже-то мужика--куда можете поставить?

Челякъ, довольный собою, захохоталъ и на выпученныхъ глазахъ его мелькнули слезы.

— Сплавить бы его!—замѣтилъ Воробьевъ:—больно смутьяны!

— Въ прошломъ году,—обратился ко мнѣ Челякъ,—мы такъ отъ одного духовнаго лица избавились: я поспорилъ его съ другимъ попомъ, тотъ на него доносъ и настрочилъ и, значить,—карамболомъ...

Челякъ сдѣлалъ билліардный жестъ.

— Чѣмъ же у васъ попы нехороши?—спросилъ я.

— Да что ужъ, какіе это пастыри?—возразилъ Воробьевъ, пренебрежительно усмѣхаясь.--Одинъ надъ другимъ норовятъ выслужиться передъ архиреемъ, да повышение получить и все за счетъ мужичишекъ. Старовѣровъ ловятъ, обыскиваютъ, книжки старовѣрскія

запрещенныя отбирають, съ жандармами перенюхиваются! Совѣсьмъ нестойщіе люди!

— Хуже, видно, стараго-то, „тятеньки“?

— Еще бы! тотъ хоть дрался, а за мужиковъ передъ начальствомъ горой стоялъ, а эти...

— Ну, а земскій каковъ?

Друзья только руками замахали.

— Отставной маёръ, пьяница и воръ!—брякнулъ Челябинскъ:— вмѣстѣ со старшиной воруютъ и другъ друга покрываютъ! Давно ужъ подсудимая скамья по нимъ тоскуеть. Старшина разбогатѣлъ на мірской шеѣ, мужиковъ въ морду бьетъ, въ арестанкѣ гноить. Духовному вѣдомству мірскую землю продалъ. Ну, на что намъ, примѣрно, семинарія? мужики въ ней не учатся, а выходятъ изъ нея учителя церковно-приходскихъ школъ! И вѣдь это все онъ устроилъ, и землю, и домъ поворотилъ такъ, будто бы мужики сами изъ усердія пожертвовали!..

Челяскъ погладилъ бороду и неожиданно добавилъ:

— Однако, мы такую политику подводимъ, чтобы земскій смѣстилъ его! Изъ-за этого мы къ маёру и въ гости ходимъ. Не знай, что выйдетъ?

— Какъ? вы ходите къ земскому?

— Ходимъ Играемъ въ дружбу! Ну, да не поздоровится ему отъ нашей дружбы. Намъ бы только старшину свергнуть!..

— А что думаютъ мужики о вашей дружбѣ съ земскимъ?—спросилъ я.

— Да вѣдь какъ же иначе?—уклончиво отвѣчалъ Воробьевъ:— стоитъ ли съ земскимъ ссориться? Ежели, скажемъ, скачатъ его съ шеи, такъ другого пришлютъ—пожалуй, и похуже, а съ этимъ, хоть онъ и мошенникъ—все же можно ладить... Все-таки и насъ онъ побаивается! Вонъ врачъ и всѣ наши образованные ругаютъ насъ за это... и говорятъ, что ничего, молъ, у васъ не выйдетъ, а я имъ отвѣчаю: вѣдь это вамъ, господа,

хорошо такъ говорить, вы у насъ годъ-другой побудете, а потомъ васъ и переведутъ въ другое мѣсто... мы же—здѣсь постоянно. Намъ такъ нельзя!.. Мы—исподволь, полегоньку, свое возьмемъ!

— Чего же вы хотите?

— А проведемъ въ старшины челоѵька нашего характера... кого-нибудь изъ молодыхъ... Чтобы легче стало народу. Намъ выгодноѣ—за народомъ быть, на его сторонѣ...

— Да, мы—за народъ, за бѣдноту!—подтвердилъ. разглаживая бороду, Челякъ:—намъ иначе нельзя, какъ мы сами—мужики!

Въ такихъ разговорахъ они закончили чаепитіе, осушивъ весь самоваръ, и стали собираться къ Неулыбову. Въ прихожей Челякъ опять похлопалъ меня по плечу и сказалъ заискивающе:

— А старшину ты какъ-нибудь раздѣлай въ газетѣ! а? Ей-Богу! Сдѣлай намъ это дѣло! Мы его тогда—по Божьи... съ Господомъ! Хе-хе-хе!

И два кулака, ратующихъ „за народъ“, съ неожиданной заботливостью повели меня къ выходу, гдѣ уже стояла сытая, рыжая лошадь, запряженная въ бричку.

III.

Я поселился у Неулыбова.

Онъ жилъ въ двухъ заднихъ комнатахъ одноэтажнаго каменнаго дома. Домъ этотъ былъ когда-то двухъ-этажнымъ, но послѣ пожара остался только низъ, который кое-какъ покрыли тесомъ, отчего домъ принялъ жалкій, смѣшной и печальный видъ.

Я занялъ двѣ переднія комнаты, кое-какъ обставленные старой мягкой мебелью. Каменные стѣны, вмѣсто обой выкрашенные въ темную краску, были плохо оштукатурены, промерзли безъ топлива, отсырѣли и постоянно выдѣляли изъ себя мутную влагу, которая

текла по нимъ тихими слезами. Домъ словно плакалъ о быломъ.

Самъ Федька Неулыбовъ, котораго я помнилъ мальчикомъ, оказался тридцатилѣтнимъ человѣкомъ съ преждевременной сѣдиной на вискахъ коротко-остриженной головы, съ рѣзкими складками горечи около рта и добродушнымъ одутловатымъ лицомъ съ рѣденькой черной бороденкой. Ходилъ онъ дома въ блузѣ и высокихъ валеныхъ сапогахъ. Ни лошади, ни коровы и вообще никакого хозяйства у него не было. Работы по агентству—тоже. И онъ цѣлыми днями изнывалъ отъ бездѣлья. Жилъ Федоръ Неулыбовъ на свѣтѣ какъ бы нехотя, не ища въ своей жизни какого-либо смысла. Жилъ мечтой о возрожденіи, о томъ времени, когда кончится аренда мельницы и сада, а настоящее, съ его тусклымъ бездѣльемъ и постояннымъ безденежьемъ, положеніе бобыля и пролетарія — вызывало въ немъ скуку, тоску и озлобленіе.

И это недовольство своимъ положеніемъ сближало его съ вѣчно-недовольнымъ и дѣятельнымъ Челякомъ и было главной причиной его участія въ борьбѣ кандалинцевъ съ властями. Оба они въ прошломъ потеряли богатство и потому живѣе бѣдняковъ чувствовали бѣдность и больнѣе страдали отъ несправедливостей и униженій.

Жизнь моя въ родномъ селѣ могла бы казаться сносной, если бы не отравлялъ ее своеобразный надзоръ за мной простодушной сельской полиціи. Каждый день, часовъ около шести утра, когда было еще темно, въ квартиру мою, не смотря на протестъ Неулыбова и его жены, приходили десятскіе съ бляхами на груди, съ длинными палками, въ гроыхающихъ сапогахъ и будили меня, желая удостовѣриться, не убѣжалъ ли я. Робко, но настойчиво влѣзали они въ мою спальню и, видя меня вскочившимъ съ постели и ругающимся, успокаивались. Я посылалъ ихъ ко всѣмъ чертямъ,

выталкивалъ въ шею, они бормотали что-то въ свое оправданіе и уходили. Но вечеромъ, когда я ложился спать, они снова являлись, наполняя домъ грохотомъ своихъ ногъ и палокъ—и опять повторялась утренняя сцена.

— Убирайтесь къ чорту!—кричалъ я.

Добродушные бородатые мужики чесали въ затылкахъ и гудѣли:

— Низвините... никакъ невозможно... становой строго приказалъ...

— Вонъ!

— Дерется, вѣдь, онъ... становой-то!.. пожалѣй ты насъ... Какъ мы, значить, наблюдатели за тобой...—говорили они, ухмыляясь. Обязанность слѣдить за мной—смѣшила и забавляла ихъ.

Являлся Неулыбовъ, стыдилъ и выпроваживалъ вонъ „наблюдателей“, а утромъ, на разсвѣтъ, они опять приходили.

По вечерамъ къ намъ пріѣзжалъ Челякъ. Появлялся самоваръ, бутылка водки и мы просиживали до полуночи въ разговорахъ все о томъ же, все о сверженіи старшины и о преданіи суду маіора, о писарѣ, о попахъ, объ урядникѣ, выбившемъ нагайкою глазъ мужику, о результатахъ послѣдняго „схода“, о народномъ домѣ, гдѣ по воскресеньямъ попы читали акаѳисты, называя ихъ „религіозно-нравственнымъ чтеніемъ“, и о врачѣ, который затѣялъ поставить въ народномъ домѣ пѣсу „Бѣдность не порокъ“.

И на эти наши засѣданія почти всегда являлся Вареоломей, сосѣдскій парень, сынъ закоренѣлаго раскольника Лукьяна. Семья Лукьяна была громадная, человѣкъ въ двадцать, всѣ его четыре сына были жеваты, имѣли кучу ребятъ, но не дѣлились, подчиняясь твердой волѣ отца, воспитанные въ строгой раскольничьей нравственности. Всѣ они, какъ и самъ Лукьянъ, были молчаливые, замкнутые, упрямые. По воскресень-

ямъ ходили молиться въ „моленную“, а въ остальные дни совершали всей семьей моленія у себя дома, въ избѣ, при чемъ всѣ становились на колѣни передъ большимъ кіотомъ, полнымъ старыхъ, потемнѣвшихъ иконъ и пѣли въ унисонъ печальные, однообразные стихи. Впереди всѣхъ стоялъ на колѣняхъ самъ Лукьянъ со своимъ иконописно-суровымъ лицомъ и большой свѣтло-рыжей бородой еще почти безъ сѣдинъ. Онъ широко осѣнялъ себя двуперстнымъ крестомъ и клалъ земные поклоны, касаясь лысымъ лбомъ маленькой шелковой подушечки, засаленной отъ долгаго употребленія

Но самый младшій и любимый сынъ Лукьяна— Варѣоломей — не участвовалъ въ этихъ моленіяхъ и даже не ходилъ въ моленную. Не ходилъ, конечно, и въ церковь.

Онъ читалъ книги.

Компанія молодыхъ мужиковъ съ Варѣоломеемъ во главѣ выписывала газету вскладчину и получала откуда-то изъ-за Волги, изъ скитовъ таинственныя раскольничьи книги, но не старинныя, а новыя, написанныя литературнымъ языкомъ и напечатанныя гражданскимъ шрифтомъ. Видѣлъ я у Варѣоломея также и сочиненія русскихъ писателей—Толстого, Достоевскаго. Въ общественной библіотекѣ кандалинскаго народнаго дома, находившейся подъ непосредственнымъ покровительствомъ земскаго начальника, этихъ книгъ не было: она была полна „духовно-нравственной“ литературой и газетами „Свѣтъ“, „Гражданинъ“ и какими-то органами „для крестьянъ“. Изъ этой библіотеки мужики книгъ не брали, предпочитая покупать иныя книги и выписывать другія газеты на свои деньги.

Центральнымъ лицомъ среди читающей мужицкой молодежи былъ Варѣоломей.

Когда-то мы съ нимъ вмѣстѣ учились въ кандалинской школѣ: я былъ уже въ самомъ старшемъ классѣ, а

онъ—въ младшемъ. Я помогаль учителю и училъ Варѳоломея читать. Тогда онъ былъ кудрявымъ, бѣлокурымъ бутузомъ съ громадными синими глазами и серьезнымъ личикомъ.

Теперь ему было двадцать пять лѣтъ, но на видъ казалось гораздо меньше, такъ какъ у него не росло ни усовъ, ни бороды. Тонкій, нѣжнаго сложенія, съ бѣднымъ одухотвореннымъ лицомъ, съ бѣлыми кудрями и какимъ-то особеннымъ, „неземнымъ“ выраженіемъ громадныхъ продолговатыхъ глазъ, изъ которыхъ словно исходили мягкіе, голубые лучи, онъ мнѣ казался похожимъ на изображенія юныхъ великомучениковъ первыхъ вѣковъ христіанства.

Отступничество Варѳоломея отъ церкви и отъ моленной очень удручало Лукьяна, тѣмъ болѣе, что это отрицаніе всего стараго въ расколѣ было среди кандалинскихъ раскольниковъ чѣмъ-то вродѣ новой секты, охватившей исключительно молодежь. Но Лукьянъ уже не могъ сломить Варѳоломея и въ моментъ моего появленія въ Кандалахъ почти примирился съ вольнодумствомъ сына.

Тѣмъ не менѣе Варѳоломей пряталъ отъ него свои газеты и книги, а для чтенія ихъ приходилъ къ намъ. Въ то время, какъ мы, сидя вокругъ самовара, обсуждали злободневные кандалинскіе вопросы, молчаливый Варѳоломей, разостлавъ на сосѣднемъ столѣ или подоконникѣ газету, лежалъ на ней всей грудью и, водя пальцемъ подъ строкой, углублялся въ чтеніе.

Иногда онъ забывался и неожиданно вскрикивалъ:

— Въ Кіевѣ рабочіе забастовали!

Или:

— А студенты-то!.. опять!..

Но тотчасъ же конфузился и умолкалъ, еще крѣпче и обстоятельнѣе налегая грудью на газету.

Иногда мы съ Неулыбовымъ отпраплялись вечеромъ въ гости къ Челяку и тогда насъ отвозилъ туда на

рѣзвой буланой лошадеикѣ Варѣоломей, сдѣлавшейся моимъ постояннымъ ямщикомъ.

Челякъ лучшія комнаты своего дома „сдавалъ“ учительницамъ, а самъ, какъ и Неулыбовъ, довольствовался двумя задними комнатами и кухней.

Насъ встрѣчала дородная, красивая жена Челяка, выше его ростомъ, блѣлая, съ привѣтливыми, веселыми глазами. Эти глаза она держала обыкновенно скромно-опущенными, говорила мало, но всегда остроумно, и даже въ молчаніи ея чувствовался притаившійся бѣсъ, дремлющая сила. Должно быть, и характеръ у нея былъ настойчивый и властный: извѣстно было, что кряжистый Челякъ постоянно ведетъ съ ней упорную борьбу за свою независимость, и на этомъ равновѣсіи двухъ силъ покоилось ихъ семейное счастье.

Впрочемъ, она тоже вздыхала о быломъ богатствѣ мужа, кратко мелькнувшемъ въ ея жизни, и сочувствовала его борьбѣ съ „властями“ не безъ радужныхъ надеждъ: ей хотѣлось быть старшинихой.

Занавѣски оконъ плотно задвигались, съ потолка ярко свѣтила большая лампа подъ жестянымъ абажуромъ, столъ, накрытый клѣтчатою скатертью, ставили посреди комнаты, хозяйка приносила тяжелый кипящій самоваръ, выставляла варенья и соленья, а Челякъ озабоченно исчезалъ въ сѣни и являлся оттуда съ громадной ведерной бутылью-настойки темно-вишневаго цвѣта, изъ которой онъ наполнял маленькій графинчикъ, и опять бережно уносилъ колоссальную бутылъ куда-то во тьму чулана, продѣлывая все это съ какой-то особенной торжественностью и уваженіемъ къ большой бутылѣ. Настойку, изобрѣтенную имъ самимъ, онъ называлъ „путаницей“ за тѣ послѣдствія, которыя она ему причиняла, выпитая въ большомъ количествѣ.

Варѣоломей, не пившій „путаницы“, удовлетворялся стаканомъ чая и уходилъ въ кухню, гдѣ и предавался весь вечеръ чтенію; мы же не безъ торжественности присту-

пали къ чаепитію, а потомъ къ „путаницѣ“, при чемъ пила и жена Челяка, разливавшая чай. Едва мы успѣвали выпить по рюмкѣ, какъ дверь медленно отворялась и въ нее неуклюже влѣзалъ крякающій, глухой Воробьевъ, и тогда мы снова и безъ конца обсуждали общественные кандалинскіе вопросы.

Къ предстоящему „сходу“ „партія“ надѣялась прижать земскаго начальника угрозой разоблаченія его „уголовныхъ“ продѣлокъ; ключъ къ нимъ и улики уже находились въ рукахъ Челяка; такимъ путемъ хотѣли принудить его смѣстить старшину. Послѣ низложенія старшины предполагалось открыть карты, вѣроломно измѣнить „маіору“ и предать его въ руки правосудія.

— Мы его—по Божьи!..—мечтательно говорилъ Челякъ и развивалъ передъ нами хитро-задуманный планъ, полный дипломатическихъ тонкостей, уловокъ, увертокъ, казуистики и политики.

Въ одинъ изъ подобныхъ моментовъ въ темную маленькую прихожую вошелъ кто-то въ длинномъ черномъ пальто, высокій и стройный. Появленіе этой фигуры вызвало радостные возгласы всей компаніи.

А пришедшій, снявъ пальто, остановился на минуту въ дверяхъ, осмотрѣлъ всѣхъ насъ немного иронически и улыбнулся удивительно-славной русской улыбкой.

Это былъ хорошо одѣтый красивый господинъ лѣтъ около тридцати съ длинными, небрежно-вьющимися волосами и подстриженной свѣтлой бородой. Умные, немножко печальные, немножко ироническіе глаза его какъ-то ужъ очень хорошо усмѣхались и влекли къ себѣ.

Мнѣ показалось, что я уже гдѣ-то видѣлъ его, любилъ его. Ну, да, конечно, это онъ, старый знакомый, докторъ Астровъ, талантливая натура на фонѣ деревенской жизни, чеховскій докторъ Астровъ, но только помолодѣвшій, вытрезвившійся, воодушевленный чѣмъ-то.

Онъ вошелъ въ комнату, высокій, стройный, распо-

лагающий къ себѣ и, протягивая мнѣ руку, отрекомендовался съ легкой тѣнью добродушной ироніи въ голосѣ:

— Здѣшній земскій врачъ!

IV.

Зимой всѣ событія сгруппировались, и развязка ихъ произошла въ одинъ день.

Еще наканунѣ врачъ прислалъ мнѣ „почетный билетъ“ съ приглашеніемъ быть утромъ въ народномъ домѣ на открытіи „сельско-хозяйственнаго общества“. Въ этотъ же день предстоялъ „сходъ“ для избранія старшины на новое трехлѣтіе, а вечеромъ предполагался первый любительскій спектакль въ народномъ домѣ — „Бѣдность не порокъ“.

Челякъ пропустилъ моментъ „прижать“ земскаго начальника, ревизія давно уже прошла и маіоръ имѣлъ время исправить перерасходы, уничтожить опасные документы и спрятать всѣ концы въ воду. Обѣщаніе объ увольненіи старшины онъ теперь могъ позабыть безнаказанно.

Такъ и случилось.

Мы съ Неудыбовымъ пришли въ народный домъ, когда тамъ почти всѣ уже были въ сборѣ. Это каменное зданіе, выстроенное подъ безконтрольнымъ завѣдываніемъ земскаго начальника, стоило очень дорого, было построено плохо, и походило на длинный, низкій сарай. Внутренность его представляла изъ себя продолговатый залъ со скамьями „для народа“ и нѣсколькими рядами вѣнскихъ стульевъ впереди для „чистой публики“.

Въ глубинѣ зала была устроена маленькая сцена.

Залъ кишѣлъ мужиками.

Впереди, около сцены, собралась мѣстная интеллигенція.

Врачъ, замѣтивъ меня, улыбнулся, пошелъ ко мнѣ навстрѣчу, схватилъ подъ руку и повелъ къ „интеллигенціи“—знакомиться.

Кандалинская „интеллигенція“ состояла изъ двухъ учителей министерской школы, двухъ учительницъ, трехъ учителей „духовнаго вѣдомства“ и четырехъ священниковъ, которые тоже учительствовали въ „семинаріи“. Священники всѣ были молодые и самаго современнаго типа: интеллигентные, фраватоватые, въ очкахъ и воротничкахъ, съ манерами „свѣтскихъ“ людей.

Тутъ же были Воробьевъ и Челякъ.

Всѣ дожидались появленія земскаго начальника, старшины и писаря, чтобы начать засѣданіе.

Въ залѣ стоялъ сдержанный гулъ толпы.

Мужики сидѣли и стояли кучками, полупропотомъ разговаривая между собой. У „интеллигенціи“ тоже шелъ свой разговоръ, на минуту прерванный моимъ приходомъ

— Ну-съ, такъ вотъ,—звучнымъ жирнымъ баритономъ говорилъ священникъ высокаго роста въ щегольской рясѣ и безукоризненной чистоты воротничкахъ:— я утверждаю, что не всякаго писателя можно давать мужику... Мужикъ—это дитя, которое еще нужно воспитывать. Какое, напримѣръ, вліяніе можетъ оказать на него, скажемъ, Достоевскій? Этотъ большой духъ?! Самое разлагающее. Къ чему все это мужику? Развѣ онъ разберется въ этомъ? Помилуйте!.. Ему нужна здоровая, удобоваримая пища, и волей-неволей, просвѣщая народъ, любя его, заботясь о немъ, мы должны ограничивать, такъ сказать,—фильтровать...

Онъ говорилъ самоувѣренно, бойко и складно, подробно развивая эту не новую мысль. Лицо у него было рябое, непріятное, глаза умные, холодные; свѣтлые, кудластые волосы, еще не успѣвшіе вырасти длинными, лежали кошкой.

— Это—академикъ!—шепнулъ мнѣ Челякъ:—учительствуетъ въ семинаріи!

Врачъ отвелъ меня въ сторону, поближе къ мужикамъ и сталъ было говорить о желательномъ составѣ членовъ предполагаемаго „Общества“.

Но ему помѣшали мужики.

Я давно уже чувствовалъ, что они смотрятъ на меня и говорятъ обо мнѣ. И вотъ теперь ихъ говоръ становился все яснѣе, гуще и громче. Наконецъ, мнѣ стало слышаться, что они повторяютъ мое имя.

— Капитонъ!—громко крикнулъ кто-то изъ нихъ.

Мужики окружили меня.

— Али не узнаешь насъ?— раздавались голоса:— чай, вмѣстѣ въ школу-то бѣгали, играли вмѣстѣ! Помнишь?

Я озирался и видѣлъ кругомъ себя бородатыхъ, большею частью еще не старыя лица. И было въ этихъ лицахъ что-то истомленное, выстраданное и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе одухотворенное, чѣмъ въ прежнихъ мужицкихъ лицахъ. Должно быть, уже не было прежняго богатства, сытости и благополучія, не было и здоровья отцовъ, но лица были живѣе, нервнѣе, осмысленнѣе. Общее выраженіе ихъ лицъ было такое, словно они устали страдать, устали ждать.

Одинъ по одному они подходили ко мнѣ, жали руку и говорили:

— Филата помнишь? это я!

— А я Золинъ!

— А Микишку-то неужто не узналъ?

Нѣкоторыхъ я вспомнилъ и узналъ, многихъ не могъ узнать, но со всѣми долженъ былъ расцѣловаться и рассказать о себѣ.

Все это были мои сверстники, товарищи. Возвращаясь въ родное село и боясь отчужденности и вражды мужиковъ, я, оказалось, упустилъ изъ виду одно простое обстоятельство, что тѣ мужики, суевѣрные, грубые и косные, которые двадцать лѣтъ назадъ ненавидѣли

такихъ, какъ я, давно уже состарились, сидять за печкой или умерли, а вмѣсто ихъ живутъ и дѣйствуютъ вотъ эти, новые мужики, съ новыми понятіями.

— А мы ужъ давно слѣдимъ за тобой... по газетъ... все читали, что ты тамъ пишешь!

Да, это были совсѣмъ такі новые люди, грамотные, имѣющіе понятіе о газетѣ, о книгѣ, любящіе писателей. И то, что я писалъ и дѣлалъ тамъ, далеко, въ городѣ, было извѣстно имъ и вызывало въ нихъ сочувствіе и одобреніе. Оказалось, что мое литераторство и даже моя „поднадзорность“ служили въ ихъ глазахъ признаками моей порядочности, что перо газетчика въ моихъ рукахъ они считаютъ оружіемъ, поднятымъ на защиту ихъ. И они говорили мнѣ объ этомъ по своему, простыми словами, какъ умѣли.

Пока я съ ними разговаривалъ, пріѣхало начальство: земскій, старшина и писарь.

Отставной маіоръ — высокій, прямой старикъ съ желтоватыми сѣдыми усами и краснымъ носомъ — сбросилъ николаевскую шивель и дворянскую фуражку на руки сотскаго и, вытирая усы платкомъ, походкой военного направился прямо на сцену, гдѣ уже былъ приготовленъ длинный столъ, накрытый зеленымъ сукномъ. За нимъ шелъ старшина, плотный, въ суконной поддевкѣ, съ коротко-подстриженной сѣдой бородой, съ мѣдной цѣпью на шеѣ. Онъ имѣлъ видъ добраго, благо-разумнаго мужичка, преданнаго начальству. Шестіе заключалъ волостной писарь въ пиджакѣ и косовороткѣ, съ большой книгой подъ мышкой и выраженіемъ административной строгости на полномъ рябоватомъ лицѣ.

Мужики молча встали. Шумъ затихъ. И въ этой неестественной напряженной тишинѣ сельскія власти гуськомъ прошли сквозь толпу и размѣстились за зеленымъ столомъ.

Маіоръ сильно откашлялся и, ни на кого не глядя, рѣзко позвонилъ въ предсѣдательскій колокольчикъ. Засѣданіе началось.

Черезъ часъ въ залѣ народнаго дома происходило что-то, похожее на скандалъ: послѣ закрытой баллотировки оказалось, что предсѣдателемъ правленія вновь открываемаго общества огромнымъ большинствомъ голосовъ избранъ кандалинскій земскій врачъ.

Это было дерзостью со стороны мужиковъ, такъ какъ самъ „маіоръ“ желалъ быть избраннымъ. Онъ кусалъ концы своихъ желтыхъ усовъ и, наклоняясь къ старшинѣ, говорилъ ему что-то съ негодующимъ видомъ. Старшина подставлялъ ухо и кивалъ головой. Въ залѣ стоялъ гвалтъ.

Врачъ отказывался отъ чести быть предсѣдателемъ сельско-хозяйственнаго общества, просилъ сдѣлать новую баллотировку, избирать другого. Онъ вышелъ на эстраду и оттуда смущенно кланялся „народу“, прижимая руки къ груди.

— Не могу... да не могу же!..—повторялъ онъ.

Но толпа восторженно ревѣла. При самомъ началѣ засѣданія врачъ взялъ на себя трудъ изложить имъ суть учреждаемаго общества и сдѣлалъ это такъ хорошо, что мужики увлеклись.

— Просимъ! Просимъ!—кричали они.

Впереди всѣхъ стоялъ большой рыжій мужикъ въ дубленомъ полушубкѣ и оралъ зычнымъ голосомъ, покрывая всѣхъ:

— Не надо намъ другого! Коли будетъ другой, то и въ общество не поидемъ! Мы тебѣ вѣримъ.

И вдругъ гаркнулъ изо всей силы:

— Облокотились мы на тебя!

Вся толпа засмѣялась мѣткому словечку. Но эта сцена, повидимому, оскорбляла земскаго начальника:

въ сопровожденіи старшины и писаря онъ презрительно оставилъ пародный домъ.

Врача принудили предсѣдательствовать. Засѣданіе провелъ онъ хорошо, по всеѣмъ правиламъ этого искусства. Выбирали членовъ правленія общества, ревизионной комиссіи и проч.

Сформировавшись, новорожденное общество тотчасъ же открыло свое первое засѣданіе и начало дѣйствовать.

Прямо изъ народнаго дома все мы отправились на „сходъ“.

Были уже сумерки, когда мы съ Неулыбовымъ возвращались домой со схода пѣшкомъ, усталые, разбитые, унылые: на сходѣ произошелъ скандалъ: по настоянію земскаго начальника былъ выбранъ прежній старшина, Челякъ за дерзости былъ связанъ веревками и посаженъ въ „арестантскую“, а предполагавшійся спектакль въ народномъ домѣ запрещенъ земскимъ начальникомъ съ наложеніемъ на двери дома печати, охранять которую были посланы сотскіе.

Такъ побѣждена была партія Челяка, а также и все остальные кандалинскія партіи.

— Ничего не попишешь!—вздыхая, говорилъ Неулыбовъ:—власть!

Мы шли серединой безлюдной улицы, по снѣжной дорогѣ, и морозный снѣгъ жалобно и злобно скрипѣлъ подъ нашими шагами. Кое-гдѣ въ избахъ зажигались огоньки, а на небѣ одна за другой вспыхивали серебряныя звѣзды. На селѣ было тихо и безжизненно.

Тишину сельскаго зимняго вечера нарушала только доносившаяся издалека пѣсня: навстрѣчу намъ медленно шли два подростка-парня и, обнявшись, пѣли какую-то заунывную пѣсню: это не была „Матаня“, столь обычная теперь въ деревнѣ: пѣсня напоминала волно-

образныя, печальныя поля съ безконечною далью и ширью и звучала поэтической грустью. Голоса ихъ то расходились, то догоняли другъ друга и протяжно дрожали въ сумеречномъ воздухѣ.

Поровнявшись съ нами, ребята умолкли, вѣжливо приподняли шапки, а потомъ опять обнялись и, удаляясь, продолжали прерванную пѣсню.

Мы на минуту остановились, чтобы скрипъ шаговъ не помѣшалъ разобрать слова. Они пѣли:

„Сердце мохомъ обростаетъ...“

„Весь измученный народъ...“

— Ишь ты!—вздохнулъ Неулыбовъ.

Навстрѣчу торопливо шла, почти бѣжала, какая-то баба.

— А никакъ это моя жена?—встрепенулся онъ:—чего тамъ еще?

Баба дѣйствительно оказалась женой Неулыбова. Толстая тридцатипятилѣтняя половина моего хозяина захыхалась отъ бѣга и была въ какомъ-то необыкновенномъ волненіи.

— Что ты? куда ты?—допрашивалъ ее мужъ.

— Къ вамъ... охъ, бѣда-то какая...

Она глубоко перевела духъ и понизила голосъ до шопота:

— Варѳоломея взяли!

— Кто взялъ? Когда? Куда?

— Охъ, не знаю... Начальники пріѣхали... изъ города... Лукьянову избу всю перерыли... книги нашли... увезли и книги, и Варѳоломея...

Повернувшись ко мнѣ, она добавила:

— Про васъ его спрашивали.

— Тьфу!—плюнулъ Федька.

Мы все трое прибавили шагъ.

Въ избѣ Лукьяна свѣтился огонь.

— Заглянемъ!—сказалъ Неулыбовъ,

Мы подошли къ старой задумчивой Лукьяновой избѣ.

Сквозь двойныя окна смутно доносилось глухое, печальное пѣніе хора мужскихъ и женскихъ голосовъ.

Я заглянулъ въ окно.

Тамъ происходило „моленіе“. Вся семья была на колѣняхъ.

И впереди всѣхъ стоялъ Лукьянъ съ рукой, сложенной въ двуперстный крестъ и энергично поднятой кверху. Губы его шевелились. Борода тряслась. Видъ у него былъ трагическій.

Онъ словно съ вопросомъ и укоромъ обращался къ Богу отцовъ, онъ проклиналъ то непонятное, новое, что идетъ откуда-то на его дѣтей и внуковъ, ломаетъ старую вѣру и сметаешь старую жизнь.

V.

... Миновали холодные, хмурые дни, обезсилѣли зимнія вьюги, побѣждали съ горъ звенящіе ручьи, засіяло радостное солнце и опять пришла весна съ зеленою, нѣжной листвою, съ птичьими пѣснями, съ шумными волнами половодья.

Степь одѣлась изумрудомъ, убралась цвѣтами, а таинственная Волга снова подошла къ селу, незамѣтно подобралась откуда-то издалека и весело засмѣялась около насъ, зазвенѣла мутными волнами, засверкала на солнцѣ, какъ море, залила все поля, сады и перелѣски—вплоть до горизонта, гдѣ синѣлъ горбатый, терпѣливо-задумчивый, одинокій Батракъ.

Въ одно раннее весеннее утро, едва только забрезжилъ свѣтъ, я проснулся отъ чьихъ-то тяжелыхъ шаговъ.

— Вставай!—громко прозвучалъ надо мной голосъ Челяка.

Я открылъ глаза; онъ ходилъ изъ угла въ уголъ

по моей опустѣвшей комнатѣ, изъ которой уже были вынесены всѣ мои вещи: я уѣзжалъ изъ Кандаловъ, вѣроятно, надолго, быть можетъ навсегда. Предо мною снова открывался свободный, вольный путь... Весна пришла!

— Вставай!—повторялъ Челякъ.—Федоръ уже повезъ твои вещи на пароходъ, а я за тобой зашелъ: айда.

Накапунѣ я просилъ его зайти за мной, такъ какъ хотѣлъ пройтись пѣшкомъ до пристани и взглянуть на родныя мѣста, которыхъ не видѣлъ съ дѣтства.

— Вотъ теперь разоспался и небось не хочется пѣшкомъ-то идти: вѣдь тутъ версты три будетъ!

— Ничего!—отвѣчалъ я:—вѣдь я двадцать лѣтъ не видалъ ни Займища, ни Озера, ни Прорана, ни Зумора!

— Хватился! чай, лѣсъ-то мы давнымъ—давно вырубилъ, а порубку скотиной потравили, Озеро высохло, а Зумора и совсѣмъ нѣтъ: его размыло!

— Какъ такъ?—спросилъ я, невольно изумляясь:—куда же все это подѣвалось?

Челякъ молча гладилъ бороду, сдвинулъ ее вѣтромъ на лѣвое плечо и смотрѣлъ на меня, усмѣхаясь.

— Вставай!—сказалъ онъ.

Я всталъ, живо одѣлся, и мы вышли.

Занималась заря. Небо, свободное отъ облаковъ, обѣщало ведренный день. Чуть-чуть потягивалъ свѣжій утренній вѣтерокъ, слегка покалывая щеки.

Когда мы вышли на открытый спускъ съ горы—глазамъ моимъ предстала неожиданно печальная картина: вмѣсто дремучаго лѣса, котораго невольно ждали мои глаза—разстиралось голое поле: даже пни были выкорчеваны.

На мѣстѣ дѣвственнаго Озера была сухая котловина. Ручей, такъ живописно покоившійся прежде подъ тѣнью дубовъ, дремавшій въ зеленыхъ берегахъ, обрамленныхъ осокой, теперь одиноко струился, чуть замѣтный, какъ змѣйка, на плоской, однообразной равнинѣ.

Мы пошли по дорогѣ, которая прежде вилась лѣсною чащей.

Теперь кругомъ было безжизненное поле, выгонъ, затоптанный стадомъ, безъ травы, безъ деревца.

— Волга еще не дошла сюда,—говорилъ Челякъ,—травы-то и вѣтъ! Только одно и спасеніе для нашихъ лошадей, что за Прораномъ!

— Постой, да вѣдь за Прораномъ песчаная коса?

— Это было прежде! Теперь и Проранъ перешелъ на другое мѣсто: гдѣ былъ Проранъ—теперича лѣсъ, а гдѣ былъ Зуморъ, да осокори, да Шиповая поляна—тутъ нынче Проранъ!

— А осокори? Куда дѣлись эти колоссальные, поэтическіе осокори?..

— А мы ихъ подѣлили!—спокойно отвѣчалъ Челякъ.

Вскорѣ мы вышли на обрывистый высокій берегъ.

Внизу блестялъ Проранъ.

Теперь онъ былъ шире и могучѣе Волги. Онъ кипѣлъ бѣлоснѣжной пѣной, кружась въ стремительномъ, веселомъ быстрякѣ. Онъ мчался и бурлилъ, размывая берега, унося въ головокружительной пляскѣ волнъ трупы огромныхъ вывороченныхъ съ корнемъ деревьевъ.

Проранъ веселился.

Въ воздухѣ стоялъ торжественный гулъ отъ его могучаго бѣга.

А заря все разгоралась, нѣжнымъ пурпуромъ отливая на завиткахъ пѣнистыхъ звенящихъ волнъ... Волны крутились винтомъ и радостно пѣли о веснѣ...

На другой сторонѣ Прорана, по всему берегу зеленѣлъ высокій и густой хворостнякъ, ивнякъ, ветлы, осокори...

Этотъ молодой лѣсъ, уходившій вдаль, словно поднявшійся со дна рѣки, такъ и прыскалъ, такъ и выпиралъ изъ земли сочными, густыми гребнями, буйною гривой.

Проранъ, бушуя, огибаль его и широко разливался вдали, гдѣ принимала къ себѣ строптивыя волны его спокойная старая Волга.

Въ этой новой для меня картинѣ я не могъ отыскать ничего знакомаго.

Все было незнаваемо.

Та родная природа, съ которой были связаны мое дѣтство и юность, воспоминаніями о которой утѣшалъ я себя всю жизнь, когда бродилъ по чужимъ краямъ, исчезла, уничтожилась, унесена волнами и существовала теперь только въ моихъ воспоминаніяхъ.

Старый лѣсъ погибъ, но зато растетъ новый, молодой, свѣжій лѣсъ.

Я долго стоялъ на обрывѣ, смотрѣлъ на веселье Прорана и думалъ, и въ моемъ сердцѣ печаль и радость дружно обнимались, какъ двѣ подруги.

Вдали чуть слышно звонилъ, замирая, старый кандалинскій колоколь, и малиновые звуки его, доносимые утреннимъ вѣтромъ, сливались съ торжественнымъ гуломъ Прорана.

Солнце всходило.

Челякъ стоялъ рядомъ со мной и ждалъ, что я скажу.

Наконецъ, онъ спросилъ меня:

— О чемъ ты думаешь?

— Я не могу узнать этого мѣста!—отвѣчалъ я:—тутъ все новое!

Тогда онъ сказалъ совершенно спокойно:

— Старое унесло водою!

Д. АЙЗМАНЪ.

ЛЕДОХОДЪ.

15*

I.

Пароходика еще не было видно, но надъ зеленой бной высокихъ камышей, загораживавшей рѣку по и до самой половинны, уже клубился жиденъкій, буй дымокъ, и на пристани поднялась лѣнивая возня. Люди и хлопотали, и галдѣли, что-то тащили и убили, но замѣтно было, что все это они продѣлываютъ по, безъ увлеченія и интереса, по привычкѣ, изъ нелинейной необходимости, скучной и пудной. Даже рунись нехотя, и одинъ только пароходный агентъ, жий, кривоногий еврей, въ грязномъ, чесучовомъ джакѣ, съ изумительно длинными, отвисшими карнами, орломъ носился взадъ и впередъ и во всю отку, съ видимымъ наслажденіемъ, оралъ и отдавалъ иказанія.

На пристани,—двухъ десяткахъ гнилыхъ, осклизлыхъ окъ,—этотъ щупленькій человѣчекъ былъ царемъ. Бсь была его сила и власть, и ужъ онъ пользовался мь счастьемъ, широко и съ упоеніемъ. Онъ командвалъ съ такой суетливостью, съ такой напряженной крикливой озабоченностью, какъ если бы и пристани, пароходнику, и всѣмъ людямъ, на немъ находившимся, ожала немедленная и страшная опасность. Онъ брался, угрожалъ, ужасался, раздавалъ подзатыльники,—тарый извозчикъ Описимъ Заверюха, поджидавшій сажировъ, не дерзалъ взойти на пристань, а скрыся на берегу, за будкой, и изъ этого безопаснаго ека, задумчиво поглядывая на орла въ чесучѣ, онько бормоталъ:

— Отто окаянный!.. Правду люди кажутъ: не агентъ, а а гинтъ *).

— Прочь оттудова!—горланилъ орелъ, указывая короткой рукой на молоденькую, лѣтъ семнадцати, дѣвушку, стоящую на краю пристани.—Мамзель, потрудитесь оттудова прочь!.. Ишь, смотри-ка на нее! Думаетъ, когда въ шляпкѣ, такъ надо тамъ стать... Колотушку съ парохода будутъ бросать. Колотушка очень станетъ разбирать, кто въ шляпкѣ, кто въ платкѣ. Такъ по головѣ трахнетъ — мое почтеніе...

Пароходъ выползъ, наконецъ, изъ-за камышей.

Гулко хлопая колесами и распространяя тяжелый смрадъ — смѣсь запаховъ машины, соленой рыбы и дыма, — грязневѣкій, убогій, съ хрипомъ, съ храпомъ, вздрагивая и покачиваясь, подошелъ онъ къ пристани и павалился ободраннымъ бокомъ на край ея. И оттого, что пассажиры—ихъ было десятка три—столпились на одной сторонѣ, хранящій Левіаѳанъ накренился на эту сторону, а другую быстро поднималъ кверху.

— Назадъ! На той бокъ, на той бокъ! — отчаянно затопалъ ногами агентъ.—Назадъ, мазепы, арестанты...

Пассажиры почти всѣ были палубные,—народъ бѣдный, обшмыганный и покорный. Класныхъ было всего трое: какой-то военный, сѣдолодая дама съ четырьмя одинаковыми собачками и судебный слѣдователь, который былъ до того пьянъ, что сходя съ парохода чуть не свалился въ воду.

— Билеты ваши, билеты подавайте, черти, мазены босоногіе... Благодарю васъ, барыня. — Дама съ четырьмя собачками величественно прошла передъ агентомъ. — Билеты наготовьте!

Однимъ изъ первыхъ сошелъ съ парохода молодой человекъ лѣтъ двадцати-двухъ, смуглый, худощавый, съ легкимъ пушкомъ на подбородкѣ, съ большими,

По-еврейски — собака.

ласково улыбающимися глазами. Онъ улыбался своей сестрѣ, — той самой молоденькой барышнѣ, которой только-что угрожалъ колотушкой распорядительный агентъ въ чесучѣ. Но дѣвушка еще не замѣтила пріѣхавшаго и, съ видимой тревогой, глазами искала его въ толпѣ на пароходѣ.

— Вотъ же я, Соня!—сказалъ молодой человѣкъ, и взялъ сестру за руку.

— Ахъ, Яковы!

Они обнялись и крѣпко расцѣловались.

— Уходите-съ отсюда, уходите!—свирѣпо заоралъ вдругъ агентъ. — Отъ, нашли мѣсто гдѣ цаловаться! Что ты на нихъ скажешь, а!

Держась за руки, молодые люди отошли въ сторону.

— Здоровь?.. Пріѣхалъ благополучно?

— Вполнѣ благополучно... Дома какъ?.. А ты ничего... выглядишь хорошо.

Въ глазахъ Якова, оглядывавшаго сестру, появилось то выраженіе безпокойства и тайнаго страха, которое часто бываетъ у человѣка, когда онъ близкому, горячо любимому существу, говоритъ слова ободренія, а самъ словамъ этимъ не вѣритъ, и весь холодѣетъ и сжимается оттого, что вѣрить нельзя...

— Да, мнѣ лучше, я поправляюсь... Ну что же, рассказывай, парижанинъ, говори: вѣдь много интереснаго видѣлъ.

— Господинъ... баринъ... пожалуйста чемоданъ... Извозчика надо?..

— Я повезу.

— Вотъ я повезу.

— Вотъ лучше я.

На пристани и на берегу, между извозчиками, шла уже отчаянная борьба за сѣдока, и человѣкъ десять накинулось теперь на Сою и ея брата. Рвали изъ ихъ рукъ чемоданы, рвали ихъ самихъ, тащили за полы, за рукава, расхваливали своихъ лошадей, свои фур-

гоны, самихъ себя, и съ умоляющими нотами и жестами просили „дать заработокъ“.

Яковъ остановился въ смущеніи: картина давно знакомая, хорошо знакомая; но за два года отсутствія онъ уже отвыкъ отъ нея, и теперь эта дикая борьба за грошовый заработокъ производила на него особенно гнетущее, почти ошеломляющее впечатлѣніе. Онъ стоялъ растерянный, и ему какъ-то неловко и совѣстно было, что есть у него вещи, чемоданъ, подушки, что его упрашиваютъ, въ немъ вуждаются, что отъ него зависитъ „осчастливить“ извозчика, предоставивъ отвозить себя...

— Господинъ... баринъ... дозвольте... я дешево возьму, я отнесу ваши вещи.

Сѣдой, измученный еврей, фигуркой похожій на мальчика, угасшими глазами смотрѣлъ на Якова и протягивалъ къ нему руки, какъ въ молитвѣ.

— Я отнесу... за пять копѣекъ... до дому, до вашего, до самой квартиры... куда надо... куда захочете.

Но уже одинъ изъ извозчиковъ вырвалъ изъ рукъ Якова чемоданы и, взваливъ ихъ на свой фургоны, сталъ взбираться на него самъ.

— Садитесь же, что ихъ слушать! Развѣ они что понимаютъ! Развѣ у нихъ кони!—весело горланилъ извозчикъ-побѣдитель.—Ползуть, какъ вошь по струнѣ. А я васъ доставлю въ двадцать минутъ, въ одинъ моментъ... Посмотрите, какой фургоны, прямо экспресный поѣздъ, и больше ничего... Садитесь, садитесь, сейчасъ увидите, какъ полетитъ.

Сѣдой еврей съ тоской и болью смотрѣлъ на чемоданы Якова, которыхъ ему бы, пожалуй, и не поднять, и губы его беззвучно шептали...

II.

„Экспрессный поѣздъ“ тронулся.

Дорога шла вдоль рѣчного берега, и грязь была тѣсь такая, что лошади, жалкія и облѣзлыя, съ язвами на спинѣ и опухольями на шеѣ и колѣняхъ, еле втаскивали ноги. Весной рѣка здѣсь разливалась и бѣса на полтора превращала окрестности въ непроходимую топь. И теперь еще, лѣтѣ, у камышей, сверло обширное болото, гнилое и смрадное. Ядовитыя спаренія желтоватою мутью тяжело стлались надъ кавой поверхностью, медленно, но неудержимо разлизались по сторонамъ, обволакивали и городъ, и деревни и развивали въ нихъ злыя болѣзни...

Во время разлива къ рѣкѣ добираться приходилось „орой“, и это было мученіемъ и для лошадей, и для людей. Къ концу апрѣля, когда подсыхало, ѣздили же „низомъ“ по мѣстности, которая не измѣнила своего вида съ самаго того момента, когда ее создалъ сподь...

И теперь по этой мѣстности тащилось нѣсколько дводъ и плелись люди, изломанные и скрюченные дѣ тяжестью огромныхъ узловъ...

Направо отъ дороги поднимался крутой, сѣрый обвалъ, усѣянный множествомъ небольшихъ камней. Тѣсь были каменоломни. Рѣзали камень, возили въ родъ, но тамъ онъ никому не былъ нуженъ, такъ къ ужъ нѣсколько лѣтъ кряду были неурожаи, дѣла ни плохо, и никто не строился... Мѣстами къ дорогѣ сбѣгала открытая степь, и въ ней все было выжжено засыпано пылью, и только кое-гдѣ торчали умирающіе стебли будяка, да одинокіе кусты колючекъ...

Все вокругъ имѣло видъ убогій, жалкій, все говорило о нищетѣ, неустройствѣ,—и болью подавленности,

и тоской умираюя вѣяло отъ разбросанныхъ мѣстами хать и отъ встрѣчавшихся изрѣдка человѣческихъ фигуръ...

— Такъ рассказывай же, — обратилась Соня къ брату. — Я такъ ждала тебя... Видѣлъ ты много... Видѣлъ Герцля?

— Видѣлъ...

Въ глазахъ дѣвушки отразилась не то зависть, не то нетерпѣніе.

— Необыкновенный онъ, правда? Удивительный?

— Ничего необыкновеннаго я въ немъ не нашель, — спокойно отвѣтилъ Яковъ. — Удивительно только то, что человѣкъ этотъ могъ увлечь за собой такъ много неглуныхъ людей.

Соня встрепенулась.

— Такъ!.. ты все прежній!.. На тебя ничто не вліяетъ, и ты все-таки противникъ сіонизма.

— А ты полагала, что если согласишься на Герцля, то такъ сейчасъ же и перебѣжишь на его сторону? — усмѣхнулся Яковъ.

— Не могу я это слышать! — На лицѣ Сони появилось выраженіе острой боли. — Я ужъ вижу, въ чемъ дѣло: ты сейчасъ станешь мнѣ пѣть про „общую работу“, про великіе идеалы всего русскаго народа, и все такое... А я тебѣ скажу, что все это слова, слова и слова... И химера.

— Разумѣется... Зато ужъ возсозданіе еврейскаго царства — не химера.

— Конечно, нѣтъ! — съ силой сказала Соня. — Это вещь трудная, страшно трудная, но это ни въ какомъ случаѣ не химера... Это не химера уже потому, что этого хочетъ народъ, — понимаешь? — весь народъ! А если чего-нибудь хочетъ цѣлый народъ, то онъ своего добьется.

— „Цѣлый народъ, цѣлый народъ“... Въ томъ-то и штука, что народъ вовсе не съ вами. Народъ **хочетъ**

обновить свою жизнь, но народъ нисколько не стремится въ Сіонъ.

— Нѣтъ, онъ туда стремится! Онъ стремится туда, потому что лучше васъ, искалѣченныхъ, слабыхъ и сбитыхъ съ толку неврастениковъ, понимаетъ, что внѣ Сіона никакое обновленіе для него невозможно...

Соня очень походила на брата: тотъ же носъ съ горбинкой, тѣ же темные, выразительные глаза, тѣ же полныя губы и продолговатый овалъ лица. Но у нея щеки были впалыя, глаза глубже, и лежали подъ ними густыя, синеватыя тѣни. И вся она была какъ-то нервнѣе, стремительнѣе брата, сосредоточеннѣе и строже. Въ голосѣ Якова порою слышалось сомнѣніе, иронія,— нѣжная, печальная иронія, та самая, которая не дешево обходится, которая рождаетъ въ сердцѣ и боль, и тоску, а иногда и холодное отчаяніе. Соня же сомнѣній не знала, не любила ни ироній, ни шутокъ, говорила всегда серьезно, а спорила съ горячностью, со страстью, съ вѣрой незыблемой. Она не любила недоумковъ, презирала колебанія, рубила съ плеча, и ужъ если вѣрила или любила, то до самозабвенія, до абсурдныхъ словъ и поступковъ. Ея лицо, когда она спорила, дѣлалось строгимъ, суровымъ, глаза разгорались, разгорались и щеки, и при взглядѣ на нее становилось ясно, что переубѣдить ее, или даже только поколебать, невозможно — такъ же невозможно, какъ невозможно сдѣлать холоднымъ огонь... И еще становилось ясно, что недолговѣчна она, эта хрупкая дѣвушка, съ узенькими плечиками, съ тоненькой шеей, съ голосомъ, въ которомъ и ненависть мятежника, и пламень пророка, и ужасъ передъ тяжестью жизни...

— И погоди, погоди! посмотришь, что будетъ съ нашимъ движеніемъ лѣтъ черезъ восемь, десять!— вскричала Соня.

III.

Яковъ не отвѣтилъ. Но нѣсколько минутъ спустя, обводя задумчивымъ взглядомъ разстилавшійся впереди унылый пейзажъ, онъ глухо проговорилъ:

— Если бы нашлись знающіе, предприимчивые люди, какой отличный портъ можно бы здѣсь создать! А теперь хлѣбъ грузится за десять верстъ отъ города, по такой вотъ дорогѣ, и доставка его, отъ города до пристани стоитъ въ шесть разъ дороже, чѣмъ доставка отъ пристани до Лондона... Почти каждый годъ наводненія уносятъ у нищаго населенія послѣдній скарбъ... Потому все гнѣтъ, разлагается, мучаютъ лихорадки, тифы, мрутъ безъ числа... И голодовки, и безправіе, и насиліе, и темнота духовная... ужасъ!..

Соня молчала, но по лицу ея проходили какія-то странныя тѣни, и было видно, что слова брата ее раздражаютъ и злятъ...

Подвода поднялась на пригорокъ. Грязи уже не было, а посылась тучею густая, сѣрая пыль, и сквозь мутную пелену ея затемнѣли кривые и жалкіе домишки городка, тяжелый куполь собора и огромное зданіе тюрьмы...

Навстрѣчу плелась телѣга съ длиннымъ дышломъ, но лошадка была одна, и это напоминало искалѣченнаго однорукаго человѣка. На телѣгѣ пьяная баба издавала дикіе, пронзительные возгласы,—она не то плакала, не то пѣла, а мужикъ, тоже пьяный, оглашалъ воздухъ скверной руганью и дѣятельно стегалъ кнутомъ то по одинокой клячкѣ, то по бабѣ... И бѣлѣли вдали кладбищенскіе кресты и небольшая церковка, и отъ этого крики пьяныхъ людей казались чѣмъ-то непонятнымъ, неправдоподобнымъ...

— Наводненія, отсутствіе порта, тифы и вся эта

нищета и уродства — мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла,—угрюмо проговорила Соня.—Ни малѣйшаго!

— Это легко понять,—усмѣхнулся Яковъ,—потому что наводненіе еврейскіе дома вѣдь обходитъ, и тифъ и лихорадки тоже вѣдь въ нихъ не проникаютъ... Что за ребячество, Соня!—повысилъ онъ голосъ.—Развѣ ты и въ самомъ дѣлѣ не видишь связи между этой общей неурядицей и положеніемъ нашего народа?

— Очень ясно вижу. Но я вижу и то, что когда вся неурядица исчезнетъ, и сдѣлается въ Россіи рай земной, намъ все-таки будетъ здѣсь скверно.

Въ выраженіяхъ горячихъ и торопливыхъ Соня стала развивать свою мысль. Другіе народы никогда не сживутся съ евреями,—это доказано цѣлымъ рядомъ вѣковъ. Евреи много дѣлали для націй, среди которыхъ жили, двигали впередъ науку, искусство, совершенствовали формы общественной жизни, были всегда первыми въ рядахъ борцовъ за свободу, отдавали всю свою энергію, свои силы и дарованія, и жизнь, и за все это имъ платили потомъ жестокостями, кровавыми расправами, презрѣніемъ и гнетомъ. Евреи вездѣ были паріями, и теперь они тоже паріи,—даже въ самыхъ передовыхъ странахъ, даже тамъ, гдѣ они пользуются всѣми политическими правами. И такъ оно будетъ всегда, всегда... И выходъ поэтому ясенъ: домой, къ себѣ. И не жить больше среди чужихъ, и для чужихъ не работать.

— Все это пустое,—сказалъ Яковъ.

И онъ сталъ разбивать доводы сестры.

Онъ расходился съ Соней во всемъ. По его мнѣнію, между христіаниномъ-рабочимъ и евреемъ-рабочимъ больше общаго, чѣмъ между евреемъ-рабочимъ и евреемъ-банкиромъ. Раздѣляютъ людей не принадлежность ихъ къ той или иной религіи или національности, а классовыя перегородки. Если даже предположить, что евреямъ удалось бы создать свое госу-

дарство, то и въ этомъ своемъ углу власть и сила, и всѣ богатства захвачены были бы кучкой патриціевъ, а народъ томился бы въ рабствѣ. Феодалъ еврей нисколько не лучше феодала иныхъ національностей. Все дѣло въ классовыхъ перегородахъ. Когда эти перегородки будутъ спесены—всѣ люди объединятся въ одну семью, не будетъ ни паріевъ, ни патриціевъ, и евреи сравнятся со всѣми.

— Вздорь!..—перебивала брата Соня,—ты говоришь чистѣйшій вздоръ. Я сейчасъ тебѣ это докажу.

Споръ разгорался, ожесточался.

И уже перешли спорщики на личности, и осыпали другъ друга колкостями, обвиненіями, укорами. Соня упрекала брата въ черствости, въ легкомысліи, въ шаблонномъ мышленіи, въ томъ, что онъ „нахватался жалкихъ идеекъ“, которыя не сумѣлъ даже переварить. Яковъ обвинялъ сестру въ узости, въ чудовищномъ невѣжествѣ, въ „кугельномъ патриотизмѣ“, отъ котораго просто тошнить.

IV.

„Экспресный поѣздъ“, тѣмъ временемъ, переѣхалъ черезъ мостъ,—жалкое ветхое сооруженіе, которое трепетно колыхалось и стонало подъ колесами подводы. Оно стонало такъ жалобно и громко, что становилось жутко, и начинало казаться, будто ѣдешь по живому, страдающему тѣлу... За мостомъ лежали кладбища русское и еврейское. И послѣ смерти люди чуждались другъ друга, уходили въ разныя стороны и огораживались длинными каменными заборами...

На русскомъ кладбищѣ были деревья, пестрѣли вѣнки и цвѣты, кресты стояли высокіе, свѣтлые. Чувствовалась какая-то ласковая уютность, какая-то осо-

бенная задумчивая прелесть. Тихо было здѣсь и грустно, и хорошо смиреніемъ наполнялась душа, и такъ хотѣлось жалости, милосердія, прошенія... А по другую сторону оврага, гдѣ хоронили евреевъ, не было и признаковъ растительности, и все тамъ было сурово и страшно. Въ испуганную толпу сбились тяжелыя надмогильныя плиты, и чернымъ ужасомъ вѣяло и отъ нихъ, и отъ лежавшаго спереди еще незанятаго пространства... Изъ глубины, зигзагами пробиваясь межъ мрачныхъ камней, шелъ глухой и мучительный стонъ, онъ вырывался на свободное мѣсто, выпрямлялся здѣсь, протягивался, и долго трепеталъ, пугающій и непонятный... Можетъ быть, рыдали дѣти надъ отцовской могилой, можетъ быть, мать убивалась надъ трупомъ первенца, можетъ быть, плакали сами камни—нѣмые свидѣтели неизбывной человѣческой боли...

Начался и городъ.

Показались наполовину поглощенные землей уродливые домишки, изъязвленные желтыми пятнами кизяка и черными наплепками грязи; потянулись канавы, полныя темной жижи и обросшія по краямъ игловидными колючками. Изъ канавъ шелъ удушливый смрадъ, онъ смѣшивался съ горькимъ запахомъ копоти отъ случившагося наканунѣ огромнаго пожара, и отъ этого трудно было дышать. У канавъ и посреди улицы, въ пыли, возились еврейскія дѣти, полунагія, босыя, и лица у всѣхъ были болѣзненные, зеленые, а у нѣкоторыхъ покрыты чирьями. На перекресткѣ двухъ улицъ, у обгорѣлой бани, съ блаженной улыбкой на отвислыхъ губахъ, стоялъ паренекъ, лѣтъ шестнадцати, въ одной рубахѣ, а дѣти съ радостнымъ визгомъ задирали ему рубаху и плевали на голое тѣло. Паренекъ быть полоумный, онъ не противился дѣтямъ и тихо хихикалъ. Временами онъ вскидывалъ къ небу свои тусклые, большіе глаза и точно искалъ тамъ кого-то. Но никого не было въ чудномъ небѣ, и полоумный

переводилъ глаза на мучившихъ его дѣтей и начиналъ тихо и быстро бормотать...

— Шлемка, Шлемка, отгони отъ меня собаку, — кашляя и задыхаясь, всхлипывала сидѣвшая на завалинкѣ парализованная женщина. — Шлемка, отчего же ты не идешь?

Шлемка не являлся, а собака, тощая, съ облѣзлымъ бокомъ, съ кровью на мордѣ, не торопясь и тихо рыча, со всѣхъ сторонъ обнюхивала неподвижнаго человѣка и тыкала въ него окровавленной мордой..

Всѣ люди, которые встрѣчались на улицѣ, были жалкіе и хилые, и лица у нихъ были блѣдныя, удрученныя и какія-то встревоженныя. Точно производили гдѣ-то далеко, въ невѣдомомъ краю, сортировку, отбирали всѣхъ сильныхъ, цвѣтущихъ и довольныхъ и оставляли на мѣстѣ, а все, что было больного, искалѣченнаго, изнуреннаго, отсылали сюда. И оттого скорбью и уныніемъ вѣяло здѣсь отъ всего, — и отъ жалкихъ лачугъ, темныхъ, полуразрушенныхъ, и отъ черной земли, изъязвленной зловонными лужами, и отъ самого неба, затянутаго мутною, грязно-желтою тучей... Вся улица, весь околотокъ, весь почти городокъ былъ царствомъ великой нужды, и боли, и муки, и горестныхъ вздоховъ, и неизбывныхъ, бездонныхъ страданій...

Соня продолжала говорить и горячиться, но вниманіе Якова отвлечено было къ другому, и онъ не возражалъ сестрѣ, да почти и не слушалъ ея. Глаза его, выражавшіе печаль и затаенную боль, тихо блуждали по сторонамъ...

Въ этомъ городкѣ Яковъ родился, здѣсь онъ выросъ, онъ зналъ чуть не всѣхъ его жителей, зналъ въ подробностяхъ ихъ тяжелую, горькую жизнь.

Самъ сытый и здоровый, еще мальчуганомъ, онъ ужасался тяжести этой жизни, и она вызывала въ немъ и напряженныя думы, и мятежныя чувства. Онъ, страдая, на кого-то негодовалъ, кого-то яростно про-

клиналъ, угрожалъ кому-то, злобно и гнѣвно, и сулилъ жестокою мечь и расправу... Онъ рѣшилъ всѣ силы свои отдавать на то, чтобы исправить, перестроить и обновить эту страшную жизнь. Но что надо дѣлать—онъ не зналъ. Онъ учился. Ученіе не шло ему въ голову. И сидя за уроками, а позднѣе за лекціями, онъ все время томился и думалъ, что дѣлаетъ не то, что нужно... Университетъ пришлось ему оставить съ перваго же курса, и это не только не опечалило его, а, наоборотъ, обрадовало: онъ сталъ свободнымъ и могъ приступить къ дѣятельности „самой нужной“. Но скоро онъ сказалъ себѣ, что въ сущности не знаетъ все-таки, какая она, эта „самая нужная дѣятельность“. Онъ присматривался, вдумывался, читалъ—и все боялся, усомнѣвался... Одно время онъ тоже увлекался сіонизмомъ,—собиралъ „шекеля“, организовалъ кружокъ, читалъ въ немъ рефераты, агитировалъ всячески,—но дѣлать это какъ-то нерѣшительно, вяло, безъ должнаго увлеченія, а порою даже съ чувствомъ недоумѣнія и досады; и уже думалъ онъ, что такова несчастная особенность его темперамента—всегда колебаться и ощупывать, и пугался онъ этого, и негодовалъ на это, и страдалъ отъ этого сильно...

— Ничего не могу, ничего изъ меня не выйдетъ,—съ тоской и со страхомъ говорилъ онъ себѣ:—неврастеникъ, слабнякъ, и нѣтъ во мнѣ ни силы, ни порыва, ни огня...

Онъ становился мраченъ и угрюмъ, онъ страдалъ глубоко и постоянно, и темной и ненужной казалась ему его жизнь.

Онъ уѣхалъ потомъ въ Парижъ—учиться медицинѣ, какъ сказалъ онъ отцу. Но за два года пребыванія въ Парижѣ онъ едва ли двадцать разъ посѣтилъ лекціи... Были здѣсь встрѣчи съ людьми цѣльными и сильными, съ людьми мысли и темперамента, и были разговоры глубокіе и страстные. И книги были, —такія, о которыхъ

въ придавленномъ Мертвоводскѣ и не слышали... Все больше и больше свѣта проливалось въ голову Якова, больше огня въ его сердце, и дорога его скоро развернулась передъ нимъ вѣрная и понятная... Остаться на чужбинѣ дальше уже нельзя было, и онъ рѣшилъ вернуться домой, къ работѣ...

Бодрымъ и гнѣвнымъ ѣхалъ онъ на родину, полный рѣшимости и силы. И здѣсь, при видѣ родныхъ мѣсть, такихъ несчастныхъ, такихъ убогихъ, онъ вдругъ почувствовалъ себя еще болѣе сильнымъ, еще болѣе рѣшительнымъ. Ненависть затопляла его сердце, и гнѣвъ загорался въ глазахъ...

Онъ продолжалъ смотрѣть по сторонамъ, на темныя берлоги. Тамъ гнѣютъ ремесленники, у которыхъ нѣтъ заказовъ, мелкіе служащіе, у которыхъ нѣтъ мѣсть, мелкіе торговцы, у которыхъ нѣтъ товара. Безработные рабочіе, люди, не знающіе, куда броситься, люди безъ подобія опредѣленныхъ занятій; они маклеруютъ, попрошайничаютъ, паразитствуютъ, нищенствуютъ—среди другихъ, тоже маклерующихъ, тоже паразитствующихъ, но въ чуть-чуть болѣе крупныхъ размѣрахъ.

Насильственно сгущенная тѣма душитъ тутъ всѣхъ. Искусственно прививаются пороки, уродуется и искореняется все, что есть въ сердцахъ высокаго, человѣчнаго.

Всѣ конкурируютъ между собой и враждуютъ, и грызутся, и ябедничаютъ, и доносятъ. Сброшенные въ кучу, сжатые желѣзнымъ кольцомъ, люди въ бѣшеной свалкѣ, въ дикомъ напряженіи давятъ другъ друга и озлобляютъ, ожесточаютъ и растаптываютъ и, постоянно униженные, постоянно оплеванные, угрожаемые и истребляемые, въ судорогахъ голода, въ корчахъ болѣзней, рвутъ жалкій случайный кусокъ на тысячу крохъ. Больныя дѣти больныхъ отцовъ рождаютъ больное потомство, и младенцы уже въ чревѣ матери поражены туберкулезомъ, сифилисомъ и безуміемъ. Со скрючен-

ными ногами, со вадутыми животами, съ глазами гнойными, покрытыя язвами и корою скверныхъ сыпей, изуродованныя, безкровныя, въ смрадѣ и грязи, какъ щенята въ выгребной ямѣ, копошатся здѣсь дѣти и мрутъ массаи, не узнавъ сытости, не узнавъ, что такое часть безъ страданія.

Въ тоскѣ и страхѣ проходитъ здѣсь жизнь, здѣсь нѣтъ мѣста передышкѣ, здѣсь не видятъ къ себѣ милосердія. Нѣтъ пощады, нѣтъ поддержки, гаснутъ просвѣты и гибнетъ надежда. Стонъ, стоящій надъ кладбищемъ, еще мучительнѣе бьется здѣсь. Угрозы перемѣшались съ пресмыкательствомъ, съ проклятіями униженная мольба. Здѣсь люди похожи на привидѣнія и дни ихъ ужасны, какъ кошмаръ, а сны мучительны, какъ дѣйствительность.

Но развѣ духъ погасъ?..

Развѣ не бродятъ здѣсь высокія мысли, не бурлятъ горячія чувства, мечтанія свѣтлыя не расцвѣтаютъ, не проявляется воля сильная, и крѣпкіе, какъ гранитъ, не выходятъ отсюда гордые люди?..

О, изумительный, единственный, чудесный народъ!..

V.

Подвода остановилась у небольшого, чистенькаго, свѣтлокоричневаго домика, съ крылечкомъ и параднымъ ходомъ.

На нижней ступенькѣ крыльца стояла невысокая женщина лѣтъ пятидесяти, худошавая и блѣдная, — мать Якова, Шейна. У нея было больное колѣно, доктора велѣли ей лежать въ постели, и потому она не поѣхала встрѣчать сына. Но здѣсь, на крыльцѣ, она поджидала, опираясь на костыль, уже больше часа, и съ радостной тревогой вперяла глаза въ даль, стараясь сквозь желтую мглу удушливой пыли разглядѣть подводу съ дорогимъ человѣкомъ

Туть же, подлѣ Шейны, стояла босоногая, шекастая дѣвчонка, Марфушка, и глуповатое, но милое лицо ея, тоже нетерпѣливое и взволнованное, когда подвода, наконецъ, подѣхала и остановилась, освѣтилось вдругъ такой радостью, такимъ счастьемъ, какъ если бы пріѣхалъ не панничъ—чужой человѣкъ, котораго Марфушка никогда и въ глаза не видала, а родной ея, долго жданный и горячо любимый братъ...

Яковъ нѣжно обнялъ мать, и бережно поддерживая, повелъ въ домъ.

— Гдѣ же отецъ?—спросилъ онъ.

— Не знаешь его?— отвѣтила Шейна;—онъ же всегда долженъ опоздать. Въ Гнилушкину экономію поѣхалъ, къ князю Абаmeliку, рапсъ покупать. Отложить нельзя было: князь вечеромъ уѣзжаетъ за границу... Марфушка! Вылупила глаза!.. Возьми же чемоданъ.

Шекастая дѣвчонка, въ стыдливомъ восхищеніи слѣдовавшая за пріѣхавшимъ и не сводившая съ него сіяющихъ, почти благодарныхъ глазъ, громко взвизгнула и, задыхаясь отъ восторга, кинулась обратно къ крыльцу, за чемоданомъ.

Войдя въ домъ, Яковъ снялъ съ себя пиджакъ и жилетъ и сталъ умываться. Мать, прихрамывая и стуча костылемъ, не переставая суетилась около него.

Въ первый разъ разсталась она съ сыномъ на такое долгое время, и теперь, при встрѣчѣ, переживала чувства, совершенно неизвѣданныя, новыя. Каріе глаза ея, обыкновенно тусклые и усталые, теперь сильно ожились, они смотрѣли и весело, и скорбно, временами на нихъ набѣгали слезы, и женщина эта сама не понимала отъ чего—отъ радости, отъ умиленія, отъ темнаго ли предчувствія...

Сони въ комнатѣ не было: братъ говорилъ чортъ знаетъ что, оказался человѣкомъ чуждымъ, и она рѣшила, что его надо игнорировать. Она твердо рѣшила

его игнорировать... Но не успѣлъ Яковъ окончить умываніе, какъ она появилась въ дверяхъ и заговорила:

— Какъ вы не понимаете того, что служите въ чужомъ станѣ!.. Вашими руками загребають жаръ, разрушаютъ классовыя перегородки, а когда ихъ разрушатъ, васъ выпрутъ вонъ и ничего вамъ не дадутъ.

И когда Яковъ отвѣтилъ, что никто ничего не будетъ давать, и что евреи сами себѣ возьмутъ то же, что возьмутъ и другіе, Соня стала доказывать, что „взять не позволять“. У евреевъ берутъ все,—ихъ грудь, ихъ кровь, ихъ геніевъ, Меерберовъ, Лассалей, Гейне, Спинозъ,—а потомъ имъ предлагаютъ ассимилироваться, раствориться. Всѣ націи могутъ жить, даже самыя ничтожныя--албанская, черногорская, сербская,—и только еврейство должно умереть, раствориться. И вѣдь этого требуютъ лучшіе люди. А между тѣмъ отъ кого получаютъ весь свой свѣтъ эти лучшіе люди? Кто ихъ Богъ и пророкъ? Еврей Марксъ. О, отчего Карлъ Марксъ не носилъ чисто еврейскаго имени, отчего не назывался онъ Мордухъ? Эти господа, которые требуютъ, чтобы еврейство растворилось, назывались бы теперь не марксистами, а мордухистами.

Якова споръ сталъ тяготить.

Сейчасъ по пріѣздѣ, не раздѣвшись, не умывшись, не разспросивъ о родныхъ, не поговоривъ даже съ матерью, которая съ такой нѣжностью и такъ жадно на него смотритъ и ждетъ его рассказовъ, его вниманія, онъ ввязался въ это крикливое перебрасываніе горячими тирадами, и это такъ утомительно и раздражаетъ... А Соня больна, и споръ ее такъ волнуетъ, она кашляетъ и задыхается, и схватывается за сердце... Надо бы прекратить, надо бы сейчасъ прекратить...

Но Якову неудержимо хотѣлось сдѣлать одно только маленькое, заключительное, послѣднее возраженіе,—за тѣмъ слѣдовало другое, третье, а Соня, даже не вы-

слушавъ брата, съ своей стороны затопляла его горячимъ потокомъ гнѣвныхъ, стремительныхъ словъ.

Съ тоской и съ тревогой слушала своихъ дѣтей Шейна. Она вздыхала, разводила руками, бросала умоляющіе взгляды то на сына, то на дочь, а временами, набравшись храбрости, изловчалась вставить слово, другое, и все пыталась увести дѣтей въ столовую...

А въ сосѣдней комнатѣ, притаившись, съ большой кастрюлей въ рукахъ, стояла Марфушка, и съ изумленіемъ, сердитая, смотрѣла черезъ растворенную дверь на то, что происходило передъ ней. Столько было разговоровъ о пріѣздѣ панича, съ такимъ нетерпѣніемъ его ожидали, такъ нѣжно мечтали о дорогомъ гостѣ, такія для него наготовили вкусныя печенія и варенья— и вдругъ, на вотъ тебѣ...

— Тільки що въ хату—и яка свара!

И Марфушка негодовала всѣмъ своимъ простымъ и чувствительнымъ сердцемъ. Уже она ненавидѣла „оцего чортяку“, и была лютымъ врагомъ ему. Она слушала, слушала,—и все больше и больше закипала.

— У-у, горластый! Ажъ злякалась...

Полная огорченія и обиды, ушла она на кухню, забрала тамъ цѣлую гору мѣдной посуды и выйдя во дворъ, на кучу песку, принялась за чистку. До нея долетали голоса и Сони, и Якова, но она не хотѣла ихъ слушать, и, чтобы оградить себя, она затянула пѣсню—да такъ визгливо, да такъ ожесточенно, что когда минутъ черезъ пять подѣхалъ къ воротамъ Соломонъ Розенфельдъ, мужъ Шейны, и издали взволнованно крикнулъ: „А что пріѣхалъ нашъ гость?“—то она ничего не слышала и не отвѣтила.

— Пріѣхалъ нашъ гость?—повторилъ Розенфельдъ, торопливо слѣзая съ брички.

Не оглядываясь на хозяина, отчаянно визжа пескомъ по ярко сверкающей мѣди, Марфушка сердито буркнула:

— Пріѣхаль.

И почти не понижая голоса, она добавила:

— Хай бы вінъ тобі сказывся, чортяка патлаты!

VI.

Появленіе отца заставило Соню и Якова нѣсколько успокоиться. Пошли поцѣлуи, обычныя восклицанія, разспросы... Шейна воспользовалась измѣнившимися обстоятельствами и увлекла всѣхъ въ столовую.

Усѣлись вокругъ стола, и завязался живої, пестрый разговоръ—о заграницѣ, объ ученіи, о томъ, какъ свободно и легко живется евреямъ во Франціи, о новыхъ ограниченіяхъ для нихъ въ Россіи, о торговлѣ, объ урожаѣ...

Соломону Розенфельду было съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ, но на видъ ему можно было дать всѣ шестьдесятъ,—такъ сѣда была его, въ свое время темно-руссая, борода, такъ устало было его изборожденное морщинами мертвенно-желтое лицо. Движенія, впрочемъ, были у него довольно живыя, даже порывистыя, онъ быстро ходилъ, быстро и горячо говорилъ, и смѣялся громко и легко. И волосы на головѣ его, бѣлые, какъ сметана, торчали густые и плотные, какъ у юноши.

Онъ „занимался пшеницей“, былъ агентомъ крупной экспортной фирмы, и въ урожайные годы „крутилъ дѣла“. На фонѣ мѣстной нищеты онъ считался человекомъ зажиточнымъ; на самомъ же дѣлѣ у него не было никакого состоянія, и это потому, что большую часть его заработка выматывало изъ него коммерческое начальство. И даже домишко Розенфельда былъ заложенъ у того же все-высасывающаго начальства.

Розенфельдъ былъ человекъ неглупый, довольно чистый въ смыслѣ нравственномъ и пользовался въ

городѣ уваженіемъ и вліяніемъ. При старомъ городо-
вомъ положеніи, когда евреи могли быть избираемы,
его неизмѣнно выбирали въ гласные и даже, если онъ
не отказывался самъ, въ члены управы. Онъ не игралъ
въ карты, не ходилъ въ клубъ, въ свободные зимніе
вечера любилъ читать, и бѣда была только та, что
книгъ въ городкѣ почти не имѣлось. Самоучкой онъ
одолѣлъ—съ грѣхомъ пополамъ, впрочемъ,—нѣмецкій
языкъ, и въ его конторѣ, за стеклянными дверцами
ясеневаго шкапчика можно было видѣть ряды томи-
ковъ,—сочиненія Гёте, Шиллера, Гейне и другихъ нѣ-
мецкихъ авторовъ.

— А ты порядкомъ измѣнился,—сказалъ Розен-
фельдъ, вглядываясь въ сына.—Борода... и угрюмый
такой сталъ... Въ твои годы не надо быть угрюмымъ,
успѣешь еще... Еще будетъ время намучиться.

— Развѣ еврей можетъ не быть угрюмъ,—вставила
Шейна.—Слава Богу, подумать есть о чемъ... Кажется,
о чемъ должно передумать еврейское пятилѣтнее дитя,
то русскому хлопцу даже до самой свадьбы въ голову
не придетъ.

— Во всякомъ случаѣ, сегодня серьезность и всякая
тамъ хмурость въ сторону,—весело проговорилъ Розен-
фельдъ, быстро пересаживаясь на другой стулъ.—
Можно себѣ иногда позволить имѣть и свободное
лицо.

— Ты правъ, папаша, совершенно правъ.

Яковъ дружески улыбнулся отцу. Онъ и самъ очень
не прочь былъ имѣть теперь и „свободное лицо“, и
свободную душу. Такъ хотѣлось покоя, такъ нуженъ
былъ отдыхъ послѣ семидневнаго путешествія третьимъ
классомъ, послѣ массы наблюденій, сопоставленій и
размышленій, горькимъ бременемъ навалившихся на
сердце за время этого путешествія.

И обстановка была теперь такая, что спокойствіе
могло бы пролиться въ душу. Мягкій сумеречный

свѣтъ, самоваръ, котораго не видишь за границей, чистая скатерть, всѣ эти домашніе коржики и варенья, и старая, наивная, нѣсколько смѣшная мебель, и нѣжное, ласково-печальное лицо матери, и товарищески-дружелюбный тонъ отца, хоть и посѣдѣвшаго еще сильнѣе, но все же подвижного, бойкаго, и такого милаго, милаго,—все это настраивало на какой-то добродушный, тихій, дружескій ладъ, трогало и умиляло. И хотѣлось упиться этимъ умилениемъ, хотѣлось хоть на время забыть обо всемъ грозномъ и жуткомъ,—о вопросахъ мучительныхъ, объ идейномъ разладѣ, о томъ, что дѣлается тамъ, за стѣнами этой старенькой столовой, хотѣлось довѣриться ей, родной и ласковой, отдаться, покориться...

Но что-то мѣшало Якову... Что-то жесткое и несдвигающееся давило ему душу, и онъ чувствовалъ себя неловко, стѣсненно. Точно посадили его въ тотъ узкій промежутокъ, между буфетомъ и стѣной, на который неволью устремлялись его глаза...

Его глаза устремлялись туда для того, чтобы не встрѣчаться со взглядами сестры. Соня сидѣла мрачная, тревожная, почти злобная. Было видно, что она осуждаетъ и это чаепитіе, и эти пустые разговоры, тяготится, и съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда это окончится. Она походила на большое темное облако, которое въ лѣтній день проносится надъ кроткою нивой, и все разрастается, и все чернѣетъ, и оттуда, сверху, высматриваетъ мѣсто, на которое нужно ринуться грознымъ и буйнымъ дождемъ.

— Сонечка, ты сидишь такая надутая, точно Яша у тебя жениха отбилъ, пробовалъ пошутить Розенфельдъ.

Соня сдѣлала видъ, что улыбается, и старику стало стыдно: онъ почувствовалъ, что шутка вышла плоской и неумѣстной...

Послѣ нѣкоторой паузы опять пошли разговоры о

пустякахъ, легкіе и вадорные разговоры,—тѣ именно, которые такъ хотѣлось бы вести теперь Якову, и которые, однако же, мущали его и конфузили.

Стемнѣло. Зажгли лампу и убрали самоваръ.

Пришло нѣсколько знакомыхъ и родственниковъ. Уже поль-города знало о пріѣздѣ Якова, и всѣмъ хотѣлось взглянуть на небо, заграничнаго человѣка. Разговоръ сдѣлался оживленный, шумный. Какъ-то незамѣтно исчезла Соня, пронесло облако мимо, и Якову стало легче на душѣ, и онъ болталъ безъ умолку.

Просвѣтлѣло и лицо Шейны, она все топталась около сына и, желая сдѣлать ему что-нибудь пріятное, причиняла массу маленькихъ огорченій и неудобствъ. Но ему отъ всего этого было весело, онъ радостно смѣялся и, разнѣжничавшись, по-дѣтски ласкался къ матери и цѣловалъ ее. А потомъ, вдругъ вспомнивъ, бросился къ чемодану и сталъ вытаскивать изъ него подарки. Матери онъ привезъ шелковый кружевной шарфъ, сестрѣ вѣеръ, отцу табачницу съ видомъ Эйфелевой башни.

Публика осматривала подарки, ощупывала, взвѣшивала на ладони, обмахивалась вѣеромъ, изумлялась и почтительно расхваливала чистоту и изящество заграничной работы. Маклеръ Халанай, глупое, льстивое и плутоватое существо, долго ощупывалъ кружевной шарфъ, съ авторитетнымъ видомъ глубокаго, многоопытнаго знатока, и, чмокая языкомъ и таинственно щуря воровскіе глаза, приставалъ ко всѣмъ.

— Убратите ваше вниманіе!.. Вы только убратите вниманіе!..

Всѣ обращали вниманіе и находили, что дѣйствительно—шарфъ необыкновенный. И только одна Марфушка, приходившая накрывать на столъ къ ужину, на подарки почти не взглянула. Она латинскихъ изреченій не знала, о существованіи данайцевъ, дары при-

носящихъ, и не подозрѣвала, но отъ врага своихъ хозяевъ не хотѣла и подарка,—даже и для нихъ самихъ.

— Ну, что же вы скажете на моего француза?— развалившись въ креслѣ и совершенно размякнувъ, спрашивалъ гостей счастливый Розенфельдъ.

— Наполёнъ! Настоящій Наполёнъ!— убѣжденно отвѣчалъ знатокъ Халанай.

VII.

Часамъ къ одиннадцати, когда уже отужинали, и гости почти всѣ разошлись, вернулась Соня.

Лицо у нея было крайне усталое, но довольное и веселое. Она подѣла къ отцу и начала рассказывать о своихъ дѣлахъ. Дѣла шли отлично: число членовъ сіонистскаго кружка возрастало удивительно быстро. Въ субботу прочтетъ рефератъ извѣстный ораторъ Кременецкій, котораго выписали изъ Вильны. Въ сіонистскомъ хедерѣ, гдѣ обучаютъ и воспитываютъ въ строго сіонистскомъ духѣ, успѣхи просто поразительные. Дѣти чудесно читаютъ и говорятъ по-древнееврейски, и невозможно слушать безъ волненія, какъ они на этомъ языкѣ поютъ о близкомъ переселеніи въ св. Землю.

Съ выраженіемъ счастливымъ и умиленнымъ рассказывала обо всемъ этомъ Соня, и она совсѣмъ не замѣчала, что дыханіе у нея частое и прерывистое, и что щеки ея горятъ въ лихорадкѣ.

Сначала она обращалась почти исключительно къ отцу, но скоро пересѣла къ брату.

Теперь она говорила съ нимъ тономъ горделивымъ, слегка снисходительнымъ, а временами прорывались у нея нотки чисто отеческія. Она готова была ласково пожуричь заблудшаго и въ награду за чистосердечное раскаяніе подарить полной амнистіей... Впрочемъ, эта снисходительность потомъ исчезла, и Соня, вся затоп-

ленная нѣжностью и добротой, уже безъ всякихъ заднихъ мыслей и плановъ просто и безхитростно дѣлилась своими радостями съ Яковомъ, и онъ уже не былъ противникомъ, котораго нужно было побѣдить, а единомышленникомъ, добрымъ другомъ, горячо любимымъ братомъ, къ которому такъ и рвалась переполненная, свѣтло настроенная душа, который и посочувствуетъ, и посоветуетъ, и порадуется, и загорится вмѣстѣ съ ней при побѣдѣ, и отъ нея же неудачи поникнетъ...

Яковъ странно чувствовалъ себя отъ этого. Все, что говорила сестра, казалось ему наивнымъ, нелѣпымъ. Гнилью и тлѣніемъ, удушливымъ запахомъ плѣсени вѣяло на него отъ ея идеаловъ. Она была на ложномъ пути, на вредномъ пути—и ему хотѣлось это крикнуть ей, объяснить, доказать. И онъ даже не чувствовалъ себя больше усталымъ, и слова и мысли въ немъ хлопотали и бились, и рвались наружу.

Но онъ смущенно взглядывалъ на горячія щеки сестры, на ея странно расширившіяся, недобрымъ блескомъ блестящія глаза,—и холодъ и страхъ проливались къ нему въ сердце, и уста смыкались...

А молчать тоже было трудно. Молчать нельзя было: очевидно, она молчаніе принимаетъ за сочувствіе. Онъ не возражаетъ, не споритъ, значить соглашается. Своимъ молчаніемъ онъ поддерживаеетъ въ ней это заблужденіе, и это прямо нечестно... И кромѣ того, обидно за свои идеалы, которые попираются этими уродливыми разсужденіями узкой и близорукой сіонистки...

Сося же, ласковая и кроткая, воодушевляясь все больше и больше, и вся сіяя, рассказывала брату, что и сама уже научилась довольно сносно писать по-древнееврейски, что въ Іерусалимѣ устраивается національная бібліотека, и что сіонистскіе кружки организовались теперь и въ Пекинѣ, и въ Іоганесбургѣ...

— Самые дѣятельные сіонисты—это не Герцль, не Нордау,—не выдержалъ, наконецъ, Яковъ, мрачно смотрѣвшій куда-то въ сторону,—а Суворинъ и Крушеванъ. Породили сіонизмъ, распространяютъ его и укрѣпляютъ не тѣ, кого вы считаете вашими вождями, а тѣ, которые насъ бьютъ. Пусть завтра обстоятельства улучшатся, пусть прекратятся погромы и будетъ удвоена процентная норма въ гимназіяхъ,—и сіонизмъ получитъ самый серьезный ударъ.

Соня быстро, какъ если бы ея внезапно коснулись раскаленнымъ желѣзомъ, вскочила съ дивана.

— Оставь! Оставь!—вскрикнула она, замахавъ руками.

— Пусть уничтожатъ процентную норму совсѣмъ и выпустятъ насъ изъ „черты“, и сіонизмъ очень скоро умретъ естественной смертью,—не мѣняя тона, и съ тѣмъ же сумрачнымъ, упрямымъ лицомъ договорилъ Яковъ.

— Яшенька, ты же такъ усталъ,—встревоженно поднялась вдругъ Шейна:—ты даже не отдохнулъ съ дороги, не полежалъ. Поди, ляжь.

— Да, я пойду:..

— Это возмутительно! — съ силой, но вполголоса проговорила Соня, вздернувъ плечами.

Сразу и до послѣднихъ слѣдовъ исчезло ея благодушное, ласковое настроеніе, и цѣлое море вдругъ отдѣлило ее отъ брата:..

— Это такъ низменно, такъ жалко,—сказала Соня,—это такъ пошло, что я... что... — она подбѣжала къ Якову.—Это только вы, мелкіе, пошлые, нищіе духомъ люди, можете такъ смотрѣть на вещи. Огромное, великолѣпное движеніе, которое раскинулось по всему земному шару, вы думаете остановить удвоеніемъ процентной нормы, какой-нибудь гнусной взяткой:..

— Мы не будемъ останавливать твое огромное дви-

женіе,—силсясь быть спокойнымъ, сказалъ Яковъ.—Оно само собой остановится.

— Черта, процентная норма, игнатъевскія „временныя правила“—вотъ что васъ тяготитъ!.. Жалкіе вы люди! За чечевичную похлебку гражданскихъ правъ вы продадите и народъ, и его культуру, и его духъ.

— Яшенька, ты же сказалъ...—начала было Шейна.

Но Соня загородила ей дорогу и съ вызывающимъ видомъ стала передъ братомъ. Она встревожена, возмущена была до глубины души. Передъ ней стоялъ теперь не противникъ даже, а врагъ—почти предатель. И слова, которыми она его осыпала, были похожи на вылетающіе изъ кратера раскаленные камни.

— Вы рабы, вы несчастное порожденіе двухтысячелѣтняго ига. Вы любите цѣловать кулакъ, который разбиваетъ вамъ черепъ! И лучшія грезы ваши не идутъ дальше того, что настанетъ когда-нибудь счастливая пора, когда будутъ бить уже не въ лицо, а въ затылокъ. Холопы!

— Васъ называютъ фантазерами, утопистами,—кричалъ Яковъ:—я и такъ васъ не назову. Вы и не безумцы, вы просто человѣчки съ крохотнымъ мозгомъ.

— Постой, постой, Яковъ, - вмѣшался старый Розенфельдъ.—Это ты напрасно: среди сіонистовъ есть люди ученые, большіе профессора и знаменитые мыслители...

— Соломонъ! оставь хоть ты!—съ отчаяніемъ бросилась къ мужу Шейна.

— Вотъ какой у нихъ мозгъ,—отмѣривалъ у себя на мизинцѣ Яковъ.—Невѣжды, тупицы...

Съ лицомъ хмурымъ и злымъ онъ доказывалъ, что исторія не знаетъ примѣровъ, когда государства создавались бы по заказу. Люди жили для себя, искали хлѣба, работы, безопасности для семьи, организовывали самозащиту, а государство выросло само собою, какъ естественный и неизбѣжный результатъ напращенныхъ заботъ cadaго о своемъ собственномъ

благополучіи. Сіонисты же всякаго изголодавашагося, большого, избитаго еврея, еле спасашагося отъ кулака и топора громилы, хотять заставить думать и работать не для себя и своихъ дѣтей, а для какого-то химерическаго государства. Прутъ противъ незыблемыхъ законовъ исторіи и природы, и думаютъ, что заставятъ солнце всходить съ запада...

— Исторія не знаетъ примѣровъ! — саркастически восклицала Соня. — Какой ужасъ! Исторія не знаетъ, а мы покажемъ эти примѣры. Вы—рабы, рабы всего, вы рабы и исторіи. Вы ея рабы, а мы ея повелители. Мы сдѣлаемъ то, что до насъ не дѣлалъ никто. Мы и исторіи укажемъ новые пути!..

VIII.

И долго еще стоялъ этотъ споръ подъ кровлей Ро-зевфельдовъ и дѣлался онъ все страстнѣе и бурнѣе.

Спаль городокъ.

Спали голодные, измученные, униженные люди,—но сонъ не давалъ имъ успокоенія и мира, и они и во снѣ вскрикивали и метались. Вся пережитая боль, весь испытанный ужасъ, вся горькая тоска долгихъ, долгихъ черныхъ дней—отливались въ дикія безумныя видѣнія, и, несчетныя, носились видѣнія подъ низкими потолка-ми смрадныхъ конуръ и давили здѣсь и взрослыхъ, и дѣтей. Чернымъ сопмомъ кружились они, побѣдныя и ликующія, и захлебываясь, въ страшномъ молчаніи, пили кровь,—человѣческую кровь... Богъ не останавливалъ жестокаго пира. И только два юныхъ человѣка,—дѣвушка, пораженная смертельной болѣзью, и ея братъ, быть можетъ, тоже носившій уже въ себѣ страшное имя того же недуга—со страстью, съ гнѣвомъ, съ затаенными слезами, трепеща и сгорая, шли на роковую борьбу..

Рѣзкимъ приступомъ раздирающаго, гулкаго кашля Сою внезапно перегнуло пополамъ, и она быстро схва-

тилась за край стола. Спина ея, узкая, сутулая, сильно колыхалась отъ непрекращавшихся внутреннихъ толчковъ, и колыхался и столъ. Звуки кашля, трепетные, зловѣщїе, наполнили комнату и бились во всѣхъ углахъ ея.

— Боже мой, Боже мой!—въ отчаяніи стонала Шейна, прижимая къ груди ладони.—Когда это окончится!..

— Тише, будетъ тебѣ...—вполголоса сказалъ женѣ старый Розенфельдъ, самъ растерянный и возбужденный.—Погоди, сейчасъ они разойдутся... Яковъ?—присительно посмотрѣлъ онъ на сына.—Видишь вѣдь...

— Ухожу, ухожу,—торопливо пробормоталъ Яковъ и взялъ со стола давно приготовленныя для него свѣчку и спички.

— Мы не растворимся!—выпрямилась вдругъ Соня. Она платкомъ вытирала затопленные слезами глаза и мокроту съ губъ.

— Нѣ-ѣ-ѣтъ, мы не растворимся! Въ святую землю, подъ сѣнь вѣковыхъ кедровъ, къ могиламъ великихъ и святыхъ вождей, къ могиламъ пророковъ и царей, слагавшихъ псалмы, поведемъ мы народъ нашъ! И чудо свершится. Всѣ страданія народа, и вся невинно-пролитая кровь его, и слезы его, и живьемъ сожженныя тѣла, и женщины опозоренныя, и съ крышъ на камни сброшенныя дѣти,—всѣ замученные и раздавленные, всѣ стоны ихъ и молитвы, и предсмертные хрипы—все претворится въ радость и сіяніе для грядущихъ поколѣній!.. Говорю тебѣ, что такъ оно будетъ! Чудо должно быть, чудо должно быть!.. И человѣчество пойдетъ за нами, мы озаримъ ему путь! Мы разъ уже дали ему Бога, и мы снова спасемъ его. Впереди всѣхъ пойдемъ мы, я вѣрю! Свѣтлые, сильные, радостные! И умиролюбивые народы, обрѣвшіе новаго Бога, послѣдуютъ за нами... И тогда пусть! Пусть тогда наступитъ всеобщее сіяніе, и пусть создастся на землѣ одинъ, единственный и высшій народъ!

Соня окончила звонкой, острой нотой. И въ ухахъ Якова эта нота царила еще долго послѣ того, какъ дѣвушка умолкла.

Онъ съ изумленіемъ, потрясенный, смотрѣлъ на сестру.

Какъ высшее, непонятное, откуда-то сверху сошедшее существо, какъ пророкъ, стояла она, вдругъ выросшая, прямая, вся осіянная свѣтомъ энтузіазма, вся преображенная огнемъ вдохновенія. Мощь, великая мощь несокрушимаго, всепобѣждающаго духа была въ ея глазахъ, въ поднятой кверху рукѣ, въ сверканіи бѣлыхъ и острыхъ зубовъ.

И все притихло въ домѣ и затихло. И только за окномъ какъ будто что-то трепетно шелестѣло, и тамъ становилось свѣтлѣе. Злобные призраки, чернымъ сонмомъ носившіеся по спящему городку и терзавшіе его, дрогнули въ испугъ и стали разсѣваться и исчезать...

Яковъ стоялъ неподвижно, съ мѣднымъ подсвѣчникомъ въ одной рукѣ, съ полуоткрытой коробкой шведскихъ спичекъ въ другой, и не зналъ, что дѣлать.

Моменты высокаго душевнаго подъема были знакомы и ему, но то, что происходило теперь съ Соней, поразило его и смутило.

— Истерія... бредъ...—подползали къ нему смрадные, липкія, какъ ящерица, слова. Но онъ раздавилъ ихъ съ омерзѣніемъ и гнѣвомъ.

И ему хотѣлось подойти къ сестрѣ, взять ее за руку... поклониться ей, —но онъ не посмѣлъ... или ему было стыдно... И онъ продолжалъ стоять, съ подсвѣчникомъ и спичками, и не зналъ, что дѣлать.

А у Сони красная капля выступила въ углу рта, и это походило на то, что дѣвушка держала во рту булавку съ коралловой головкой. Мгновеніе кораллъъ продержался, потомъ дрогнулъ, покатился внизъ, и на подбородкѣ повисъ, оставивъ на смуглой кожѣ алый слѣдъ.

— Дитя мое, Сонечка, доченька!—взмолилась Шейна, схвативъ дочь за обѣ руки:— что хочешь дѣлай со мной... въ другой разъ... въ другой разъ я тебѣ уступлю... а теперь пойдемъ... отдохни.

Соня посмотрѣла на мать,—прямо въ глаза ея,—и лицо у ней сдѣлалось вдругъ скорбнымъ и нѣжнымъ. Она провела платкомъ по подбородку, тихо вздохнула и, поддерживаемая матерью, пошла къ дверямъ.

Яковъ, не шевелясь, исподлобья смотрѣлъ на удаляющуюся сестру; и когда та скрылась за дверь, глаза его продолжали упираться въ притворенную дверь...

Онъ тихо пожалъ потомъ плечами и чиркнулъ спичкой по коробочкѣ. Спичка сломалась, не вспыхнувъ. Яковъ положилъ тогда коробочку на подсвѣчникъ и съ незажженной свѣчой направился въ свою комнату. Шелъ онъ на цыпочкахъ, осторожно опуская ноги, и отчего шелъ такъ—не зналъ, и объ этомъ не думалъ.

И Соломонъ Розенфельдъ тоже безшумно, и какъ будто крадучись, вышелъ изъ этой комнаты и исчезъ въ мутномъ сумракѣ обширной конторы.

Глаза старика полны были странной тревоги, и пальцы судорожно путались въ бѣлой, какъ саванъ, бородѣ...

Всколыхнулось все, встревожилось, бьется и ищетъ выхода, рветъ оковы и съ грохотомъ сноситъ преграды. Молодою кровью орошается крутая дорога, пламенемъ сгорающихъ душъ освѣщается она,—и гдѣ же конецъ. конецъ?

Вокругъ стenanья, вопли, неслыханная и безумная боль... Спать городокъ... Черезъ нѣсколько часовъ онъ проснется, — и какъ и вчера, какъ и завтра, день полонъ будетъ униженія, и страха, и скорби, и лишеній,—лишевій, какихъ не можетъ выносить человѣкъ. Больные младенцы припадутъ къ высохшимъ грудямъ изнуренныхъ матерей, и не найдя въ нихъ молока, безъ плача, для котораго тоже вѣдь силы нужны, будутъ корчиться отъ жгучаго голода. И ихъ изсушенныя ма-

тери, и ихъ полуживые отцы, посинѣлыми, потрескавшимися губами, блуждая угасшими взорами, въ замираніи страха, въ тоскѣ безпросвѣтности, разбитыми, изъязвленными голосами будутъ что-то говорить, объ эмиграціи, о странахъ на томъ краю океана, о хлѣбѣ, о правдѣ, о жизни...

И о Богѣ будутъ говорить они, о великомъ и милосердомъ Богѣ, все же не оставляющемъ народа своего и посылающемъ ему дѣтей, крѣпкихъ и сильныхъ, — дѣтей, которыя бьются и ищутъ выхода, рвутъ оковы и съ грохотомъ сносятъ преграды, — дѣтей, которыя кровью своею орошаютъ крутую дорогу и пламенемъ сгорающихъ душъ своихъ озаряютъ глубокія дали ея..

И скоро конецъ, конецъ...

IX.

— Соломонъ, — проговорила Шейна, поднимая къ мужу убитое, смоченное слезами лицо. — Соломонъ...

Она уже минутъ пять сидѣла въ конторѣ, на длинной деревянной скамьѣ, но взволнованный, поглощенный своими думами, старикъ Розенфельдъ ея не замѣчалъ.

— Погибли наши дѣти, — съ тихимъ рыданіемъ говорила Шейна: — погибли...

Смертельная скорбь дрожала въ ея голосѣ.

— На старости лѣтъ мы останемся одни... одиноки, какъ камни...

Старикъ молчалъ.

— Людямъ счастье, — продолжала Шейна: — какая-нибудь Меерштейниха, кто она? Кто былъ ея мужъ? процентщикъ, доносчикъ, послѣдній человѣкъ! И ея дѣти кто такія? грубые характеры, мужланы — всѣ въдь это скажутъ. А посмотри, какъ они пристроены: одинъ — докторъ, другой — инженеръ и получаетъ шесть тысячъ

дочка за агентомъ варшавскаго банка... А наши... Со-
нечка... если она не оставитъ этого сіонизма... не знаю,
переживетъ ли она осень, а Яша... — Шейна затрепетала:—его у насъ отнимуть...

Розенфельдъ держался обѣими руками за рукоятку
копировальнаго пресса и сумрачно уткнулся глазами
въ землю.

— Надо, чтобы мы переговорили съ ними,—вдругъ
переставъ плакать сказала Шейна.—Пусть они пожа-
лѣють насъ. Я буду на колѣняхъ молить... Я буду
землю цѣловать передъ ними, я все сдѣлаю...

— Не поможетъ!—рѣзко оборвалъ Розенфельдъ.—
Ничего не поможетъ! Мы ничего не можемъ и они
сами тоже ничего не могутъ. Ты понимаешь это?.. Ты
сидишь дома, ты не знаешь, что дѣлается.. Черные
дни настали на землѣ, какъ гора жизнь давить людей.
Міръ гибнетъ! Камни кровью залиты, и въ Бугѣ не
вода, а кровь человѣческая течетъ.. Идешь по улицѣ,
ѣдешь полемъ, ночью гдѣ-нибудь на площади очу-
тишься, никого нѣтъ, а плачь такъ и звенить... Я знаю?
Можетъ быть, это мертвецы плачутъ и молятъ за насъ
Бога. Невозможно больше терпѣть, невозможно!..

Старикъ снялъ руки съ копировальнаго пресса и
сложилъ ихъ на груди. Въ тускло-освѣщенной, про-
сторной и пустой конторѣ, среди безмолвія ночи, сѣдой,
блѣдный, съ сверкающими, смятенными глазами, онъ
на разстроенную, убитую Шейну производилъ впечат-
лѣніе жуткое, пугающее. Онъ казался загадочнымъ,
дикимъ; что-то таинственное и опасное было въ немъ,
и блѣдная женщина вдругъ сгорбилась вся, съежилась
и забилась въ уголокъ.

— Невозможно!—шипящимъ шопотомъ сказалъ ста-
рикъ, вшиваясь въ жену глазами. — Это ледоходъ!..
Выйди во время ледохода на берегъ и поставь заборъ,
перегороди льду дорогу,—поможетъ?.. Когда все уже

взломилось и ищетъ выхода, и несется впередъ — поможетъ тебѣ?

Старикъ сдѣлалъ шагъ къ женѣ и нагнулъ голову.

— И я и не хочу, чтобы помогло, — отчетливо, раздѣляя слоги и напирая на нихъ, сказалъ онъ. — Дѣти Меерштейнихи, ты говоришь: дѣти доносчика процентщика?.. Пусть! Пусть! А мои дѣти... Моя молодость далека, свою жизнь я потерялъ, я ничего не сдѣлалъ... Я въ конторской передней воспитался, я темный человѣкъ, я остался ничтожнымъ пшеничникомъ. Но меня Богъ благословилъ дѣтьми, — и они пусть идутъ!..

Онъ на мгновение остановился.

— Я не знаю, кто изъ нихъ правъ: Яковъ или Соня, но... — Онъ поднялъ кулакъ и сдѣлалъ такой жестъ, какъ если бы забивалъ гвоздь. — Пусть они идутъ! пусть они идутъ!.. — съ силой сказалъ онъ и отвернулся.

Онъ отвернулся, — и страхъ вдругъ объялъ его, темный, позорный, въ мучительный трепетъ ввергающей страхъ.

Коралловая капля въ углу сжатаго рта сверкнула во мракѣ, и шопотъ предсмертный прохрипѣлъ, и потянулось подъ погребальное пѣніе черное шествіе... И другое шествіе затуманилось въ глубинѣ, уже не черное, а сѣрое... Кандалы забряцали, сверкнули штыки... Вокругъ снѣга, и льды, и дикіе звѣри, и дикіе люди, и почъ, которой нѣтъ конца, и мука, которой нѣтъ исхода...

Нѣтъ дѣтей, нѣтъ дѣтей. нѣтъ дѣтей...

И онъ, старыи и больной, всю жизнь страдавшій и носившій ярмо для дѣтей, одинъ остался ко склону дней своихъ съ Шейной, и безъ словъ сидятъ они другъ противъ друга, сдавленные пустотой, замученные думой, одинокіе и вѣмые, какъ камни...

И усталое, высохшее тѣло старика трепетало отъ тяжкаго и ненавистнаго страха.

Нѣтъ дѣтей... нѣтъ дѣтей... нѣтъ дѣтей...

X.

А Шейна, поднявъ голову, съ новымъ чувствомъ смотрѣла на мужа...

И ей было страшно, и ей было больно, но что-то бодрое и величавое забилося въ ея груди...

Въ эту минуту она не завидовала Меерштейнихъ.

Понятнымъ сдѣлался мужъ, роднѣе стали вдругъ дѣти, — и въ глазахъ загорѣлось выраженіе гордаго вызова...

Леонидъ Андреевъ.

В О Р Ъ.

1.

Федоръ Юрасовъ, воръ, трижды судившійся за кражи, собрался въ гости къ своей прежней любовницѣ, проституткѣ, жившей верстъ за семьдесятъ отъ Москвы. На вокзалѣ онъ сидѣлъ въ буфетѣ перваго класса, ѣлъ пирожки и пилъ пиво, и ему прислуживалъ человѣкъ во фракѣ; а потомъ, когда все двинулись къ вагонамъ, вмѣшался въ толпу и какъ-то нечаянно, подчиняясь общему возбужденію, вытащилъ кошелекъ у сосѣда, пожилого господина. Денегъ у Юрасова было достаточно, даже много, и эта случайная, необдуманная кража могла только повредить ему. Такъ оно и случилось. Господинъ, кажется, замѣтилъ покражу, потому что очень пристально и странно взглянулъ на Юрасова, и хотя не остановился, но нѣсколько разъ оглянулся на него. Второй разъ онъ увидѣлъ господина уже изъ окна вагона: очень взволнованный и растерянный, со шляпой въ рукахъ, господинъ быстро шелъ по платформѣ и заглядывалъ въ лица, смотрѣлъ назадъ и кого-то искалъ въ окнахъ вагоновъ. Къ счастью, пробилъ третій звонокъ, и поѣздъ тронулся. Юрасовъ осторожно выглянулъ: господинъ, все еще со шляпой въ рукахъ, стоялъ въ концѣ платформы и внимательно осматривалъ пробѣгающіе вагоны, точно отсчитывая ихъ; и въ его толстыхъ ногахъ, разставленныхъ неловко, какъ попало, чувствовалась все та же растерянность и удивленіе. Онъ стоялъ, а ему, вѣроятно, казалось, что онъ идетъ: такъ смѣшно и необыкновенно были разставлены его ноги.

Юрасовъ выпрямился, выгнувъ назадъ колѣна, отчего почувствовалъ себя еще выше, прямѣе и молодцоватѣе, и съ ласковой довѣрчивостью обѣими руками расправилъ усы. Усы у него были красивые, огромные, свѣтлые, какъ два золотые серпа, выступавшіе по краямъ лица; и пока пальцы нѣжились пріятнымъ ощущеніемъ мягкихъ и пушистыхъ волосъ, сѣрые глаза съ безпредметной, наивной суровостью глядѣли внизъ— на переплетающіеся рельсы сосѣднихъ путей. Со своими металлическими отблесками и безшумными извилами они похожи были на торопливо убѣгающихъ змѣй.

Сосчитавъ въ уборной украденныя деньги— ихъ оказалось двадцать четыре рубля съ мелочью— Юрасовъ брезгливо повертѣлъ въ рукахъ кошелекъ: былъ онъ старый, засаленный, и плохо закрывался, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ него пахло духами, какъ будто очень долго онъ находился въ рукахъ женщины. Этотъ запахъ, немного нечистый, но возбуждающій, пріятно напомнилъ Юрасову ту, къ которой онъ ѣхалъ, и улыбнувшись, веселый, безпечный, расположенный къ дружелюбной бесѣдѣ, онъ пошелъ въ вагонъ. Теперь онъ старался быть, какъ всѣ, вѣжливымъ, приличнымъ, скромнымъ; на немъ было надѣто пальто изъ настоящаго англійскаго сукна и желтыя ботинки, и онъ вѣрилъ въ нихъ, въ пальто и въ ботинки, и былъ убѣжденъ, что всѣ принимаютъ его за молодого нѣмца, бухгалтера изъ какого-нибудь солиднаго торговаго дома. По газетамъ онъ всегда слѣдилъ за биржей, зналъ курсъ всѣхъ цѣнныхъ бумагъ, умѣлъ разговаривать о коммерческомъ дѣлѣ, и иногда ему казалось, что онъ, дѣйствительно, не крестьянинъ Федоръ Юрасовъ, воръ, трижды судившійся за кражи и сидѣвшій въ тюрьмѣ, а молодой порядочный нѣмецъ, по фамиліи Вальтеръ, по имени Генрихъ. Генрихъ— звала его та, къ которой онъ ѣхалъ; товарищи звали его „нѣмцемъ“.

— Это мѣсто свободно?—вѣжливо освѣдомился онъ, хотя сразу видно было, что мѣсто свободно, такъ какъ на двухъ диванчикахъ сидѣло только двое, отставной офицеръ, старичокъ, и дама съ покупками, повидимому, дачница. Никто ему не отвѣтилъ, и съ изысканной аккуратностью онъ опустился на мягкія пружины дивана, осторожно вытянулъ длинныя ноги въ желтыхъ ботинкахъ и снялъ шляпу. Потомъ дружелюбно оглядѣлъ старичка-офицера и даму и положилъ на колѣно свою широкую, бѣлую руку такъ, чтобы сразу замѣтили на мизинцѣ перстень съ огромнымъ брилліантомъ. Брилліантъ былъ фальшивый и сверкалъ старательно и голо, и всѣ дѣйствительно замѣтили, но ничего не сказали, не улыбнулись и не стали дружелюбнѣе. Старикъ перевернулъ газету на новую страницу, дама, молоденькая и красивая, уставилась въ окно. И уже со смутнымъ предчувствіемъ, что онъ открытъ, что его опять почему-то не приняли за молодого нѣмца, Юрасовъ тихонько спряталъ руку, которая показалась ему слишкомъ большою и слишкомъ бѣлою, и вполне приличнымъ голосомъ спросилъ:

— На дачу изволите ѣхать?

Дама сдѣлала видъ, что не слышитъ, и что она очень задумалась. Юрасовъ хорошо зналъ это противное выраженіе лица, когда человѣкъ безуспѣшно и злобно прячетъ насторожившееся вниманіе и становится чужимъ, мучительно чужимъ. И, отвернувшись, онъ спросилъ у офицера:

— Будьте любезны справиться въ газетѣ, какъ стоятъ Рыбинскія? Я что-то не припомню.

Старикъ медленно отложилъ газету и, сурово оттянувъ губы книзу, уставился на него подслѣповатыми, какъ будто обиженными глазами.

— Что? Не слышу?

Юрасовъ повторилъ, и пока онъ говорилъ, старательно раздѣляя слова, старикъ-офицеръ неодобрительно

оглядѣлъ его, какъ внука, который напалилъ, или солдата, у котораго не все по формѣ, и понемногу началъ сердиться. Кожа на его черепѣ между рѣдкихъ сѣдыхъ волосъ покраснѣла, и подбородокъ задвигался.

— Не знаю,—сердито буркнулъ онъ.—Не знаю. Ничего тутъ нѣтъ такого. Не понимаю, о чемъ только люди спрашиваютъ.

И уже снова взявшись за газетный листъ, нѣсколько разъ опускалъ его, чтобъ взглянуть сердито на надѣдливаго господина. И тогда всѣ люди въ вагонѣ показались Юрасову злыми и чуждыми, и странно стало, что онъ сидитъ на мягкомъ пружинномъ диванѣ, и съ глухой тоской и злобой вспомнилось, какъ постоянно и всюду среди порядочныхъ людей онъ встрѣчалъ эту, иногда затаенную, а часто открытую, прямую вражду. На немъ пальто изъ настоящаго англійскаго сукна и желтыя ботинки, и драгоценный перстень, а они какъ будто не видятъ этого, а видятъ что-то другое, свое, чего онъ не можетъ найти ни въ зеркалѣ, ни въ сознаниі. Въ зеркалѣ онъ такой же, какъ всѣ, и даже лучше. На немъ не написано, что онъ крестьянинъ Федоръ Юрасовъ, воръ, трижды судившійся за кражи, а не молодой нѣмецъ Генрихъ Вальтеръ. И это неуловимое, непонятное, предательское, что видятъ въ немъ всѣ, а только онъ одинъ не видитъ и не знаетъ, будитъ въ немъ обычную глухую тревогу и страхъ. Ему хочется бѣжать и, оглядываясь подозрительно и остро, совсѣмъ теперь не похожій на честнаго нѣмца-бухгалтера, онъ выходитъ большими и сильными шагами.

II.

Было начало іюня мѣсяца, и все передъ глазами, до самой дальней неподвижной полоски лѣсовъ, зеленѣло молодо и сильно. Зеленѣла трава, зеленѣли листья

на деревьяхъ, зеленѣли посадки въ оголенныхъ еще огородахъ, и все было такъ углублено въ себя, такъ занято собою, такъ глубоко погружено въ молчаливую творческую думу, что если бы у травы и у деревьевъ было лицо, всѣ лица были бы обращены къ землѣ, всѣ лица были бы задумчивы и чужды, всѣ уста были бы скованы огромнымъ, бездоннымъ молчаніемъ. И Юрасовъ, блѣдный, печальный, одиноко стоящій на зыбкой площадкѣ вагона, тревожно почувствовалъ эту стихійную необъятную думу, и отъ прекрасныхъ, молчаливо загадочныхъ полей на него повѣяло тѣмъ же холодомъ отчужденія, какъ отъ людей въ вагонѣ. Высоко надъ полями стояло небо и тоже смотрѣло въ себя; гдѣ-то за спиной Юрасова заходило солнце и по всему простору земли разстилало длинные, прямые лучи,—и никто не смотрѣлъ на него въ этой пустынѣ, никто не думалъ о немъ и не зналъ. Въ городѣ, гдѣ Юрасовъ родился и выросъ, у домовъ и улицъ есть глаза, и они смотрятъ ими на людей, одни враждебно и зло, другіе ласково,—а здѣсь никто не смотритъ на него и не знаетъ о немъ. И вагоны задумчивы: тотъ, на которомъ находится Юрасовъ, бѣжитъ нагнувшись и сердито покачиваясь; другой, сзади, бѣжитъ не быстрѣе, но медленнѣе, какъ будто самъ собой, и тоже какъ будто смотреть въ землю и прислушивается. А по низу, подъ вагонами, стелется разноголосый грохотъ и шумъ: то какъ пѣсня, то какъ музыка, то какъ чей-то чужой и непонятный разговоръ—и все о чужомъ, все о далекомъ.

Есть тутъ и люди. Маленькіе, они что-то дѣлаютъ въ этой зеленой пустынѣ, и имъ не страшно. И даже весело имъ: вотъ откуда-то принесся обрывокъ пѣсни, и утонулъ въ грохотѣ и музыкѣ колесъ. Есть тутъ и дома. Маленькіе, они разбросались свободно, и окна ихъ смотрятъ въ поле, прямо въ поле. Если ночью подойти къ окну, то увидишь поле—открытое, свобод-

ное, темное поле. И сегодня, и вчера, и каждый день, и каждую ночь проходятъ здѣсь поѣзда, и каждый день раскидывается здѣсь это тихое поле съ маленькими людьми и домами. Вчера Юрасовъ въ эту пору сидѣлъ въ ресторанѣ „Прогрессъ“ и не думалъ ни о какомъ полѣ, а оно было, такое же, какъ сегодня, такое же тихое, красивое, о чемъ-то думающее. Вотъ прошла небольшая роща изъ старыхъ большихъ березъ съ грачинными гнѣздами въ зеленыхъ верхушкахъ. И вчера, пока Юрасовъ сидѣлъ въ ресторанѣ „Прогрессъ“, пилъ водку, галдѣлъ съ товарищами и смотрѣлъ на аквариумъ, въ которомъ плаваютъ бессонныя рыбы,—все такъ же глубоко-покойно стояли эти березы, и мракъ былъ подъ ними и вокругъ нихъ.

Со странной мыслью, что только городъ—настоящее, а это все призракъ, и что если закрыть глаза, и потомъ открыть ихъ, то никакого поля не будетъ—Юрасовъ крѣпко зажмурился и притихъ. И сразу стало такъ хорошо и необыкновенно, что уже не захотѣлось снова открывать глазъ, да и не пужно было: исчезли мысли и сомнѣнія, и глухая постоянная тревога; тѣло безвольно и сладко колыхалось въ тактъ колыханіямъ вагона, и по лицу нѣжно струился теплый и осторожный воздухъ полей. Онъ довѣрчиво поднималъ пушистые усы и шелестѣлъ въ ушахъ, а внизу подъ ногами разстилался ровный и мелодичный шумъ колесъ, похожій на музыку, на пѣсню, на чей-то разговоръ о далекомъ, грустномъ и миломъ. И Юрасову смутно грезилось, что отъ самыхъ ногъ его, отъ склоненной головы и лица, трепетно чувствующаго мягкую пустоту пространства—начинается зелено-голубая бездна, полная тихихъ словъ и робкой, притаившейся ласки. И такъ странно: какъ будто гдѣ-то далеко шелъ тихій и теплый дождь.

Поѣздъ замедлилъ бѣгъ и остановился на мгновение, на одну минуту. И сразу, со всѣхъ сторонъ, Юрасова

охватила такая необъятная и сказочная тишина, какъ будто это была не минута, пока стоялъ поѣздъ, а годы, десятки лѣтъ, вѣчность. И все было тихо: темный, маленькій камень, прильнувшій къ желѣзному рельсу, уголь красной крытой платформы, низенькой и пустынной, трава на откосѣ. Пахло березовымъ листомъ, дугами, свѣжимъ навозомъ—и этотъ запахъ былъ все той же всевременною необъятной тишиною. На смежное полотно, неуклюже цѣпляясь за поручни, соскочилъ какой-то пассажиръ и пошелъ. И такой былъ онъ странный, необыкновенный въ этой тишинѣ, какъ птица, которая всегда летаетъ, а теперь вздумала пойти. Здѣсь нужно летать, а онъ шелъ, и тропинка была длинная, безвѣстная, а шаги его маленькіе и короткіе. И такъ смѣшно перебиралъ онъ ногами—въ этой необъятной тишинѣ.

Безшумно, точно самъ стыдясь своей громогласности, двинулся поѣздъ и только за версту отъ тихой платформы, когда безслѣдно сгинула она въ зелени лѣса и полей, свободно загрохоталъ онъ всѣми звеньями своего желѣзнаго туловища. Юрасовъ въ волненіи прошелся по площадкѣ, такой высокой, худощавый, гибкій, безсознательно расправилъ усы, глядя куда-то вверхъ блестящими глазами, и жадно прильнулъ къ желѣзной задвижкѣ, съ той стороны вагона, гдѣ опу-скалось за горизонтъ красное, огромное солнце. Онъ что-то нашелъ; онъ понялъ что-то, что всю жизнь ускользало отъ него и дѣлало эту жизнь такой неуклюжею и тяжелой, какъ тотъ пассажиръ, которому нужно было бы летѣть, какъ птицѣ, а онъ шелъ.

— Да, да,—серьезно и озабоченно твердилъ онъ и рѣшительно покачивалъ головою. — Конечно, такъ. Да. Да.

И колеса гулко и разноголосо подтверждали: „Конечно, такъ, да, да“, „Конечно, такъ, да, да“. И какъ будто такъ и нужно было: не говорить, а пѣть,—Юра-

совъ запѣлъ сперва тихонько, потомъ все громче и громче, пока не слился его голосъ со звономъ и грохотомъ желѣза. И тактомъ для этой пѣсни былъ стукъ колесъ, а мелодіей—вся гибкая и прозрачная волна звуковъ. Но словъ не было. Они не успѣвали сложиться: далекія, и смутныя, и страшно широкія, какъ поле, они пробѣгали гдѣ-то съ безумной быстротою, и человѣческій голосъ свободно и легко слѣдовалъ за ними. Онъ поднимался и падалъ; и стлался по землѣ, скользя по лугамъ, пронизывая лѣсную чащу; и легко возносился къ небу, теряясь въ его безбрежности. Когда весною выпускаютъ птицу на свободу, она должна летѣть такъ, какъ этотъ голосъ: безъ цѣли, безъ дороги, стремясь исчертить, обнять, почувствовать всю звонкую ширь небеснаго пространства. Такъ, вѣроятно, запѣли бы сами зеленыя поля, если бы дать имъ голосъ; такъ поютъ въ лѣтніе тихіе вечера тѣ маленькіе люди, что копошатся надъ чѣмъ-то въ зеленой пустынѣ.

Юрасовъ пѣлъ, и багровый отсвѣтъ заходящаго солнца горѣлъ на его лицѣ, на его пальто изъ англійскаго сукна и желтыхъ ботинкахъ. Онъ пѣлъ, провожая солнце, и все грустнѣе становилась его пѣсня: какъ будто почувствовала птица всю звонкую ширь небеснаго пространства, содрогнулась невѣдомою тоскою и зоветъ кого-то: прійди.

Солнце зашло, и сѣрая паутина легла на тихую землю и тихое небо. Сѣрая паутина легла на лицо, меркнуть на немъ послѣдніе отблески заката и мертвѣеть оно. Прійди ко мнѣ! Отчего ты не приходишь? Солнце зашло, и темнѣютъ поля. Отчего ты не приходишь? Солнце зашло, и темнѣютъ поля. Такъ одиноко и такъ больно одинокому сердцу. Такъ одиноко, такъ больно. Прійди. Солнце зашло. Темнѣютъ поля. Прійди же, прійди!

Такъ плакала его душа. А поля все темнѣли, и

только небо надъ ушедшимъ солнцемъ стало еще свѣтлѣе и глубже, какъ прекрасное лицо, обращенное къ тому, кого любить и кто тихо, тихо уходитъ.

III.

Прослѣдовалъ контроль, и кондукторъ вскользъ, грубо замѣтилъ Юрасову:

— На площадкѣ стоять нельзя. Идите въ вагонъ.

И ушелъ, сердито хлопнувъ дверью. И такъ же сердито Юрасовъ послалъ ему вдогонку:

— Болванъ!

Ему подумалось, что все это, и грубыя слова, и сердитое хлопанье дверью, все это идетъ оттуда, отъ порядочныхъ людей въ вагонѣ. И снова, чувствуя себя нѣмцемъ, Генрихомъ Вальтеромъ, онъ обидчиво и раздраженно, высоко поднимая плечи, говорилъ воображаемому солидному господину:

— Нѣтъ, какіе грубіяны! Всегда и всѣ стоятъ на площадкѣ, а онъ: нельзя. Чортъ знаетъ, что!

Потомъ была остановка съ ея внезапной и властной тишиною. Теперь, къ ночи, трава и лѣсъ пахли еще зильнѣе, и сходящіе люди уже не казались такими смѣшными и тяжелыми: прозрачныя сумерки точно открыли ихъ, и двѣ женщины въ свѣтлыхъ платьяхъ, казалось, не пошли, а полетѣли, какъ лебеди. И снова стало хорошо и грустно, и захотѣлось пѣть—но голосъ не слушался, на языкъ подвертывались какія-то ненужныя и скучныя слова, и пѣсня не выходила. Хотѣлось задуматься, заплакать сладко и безутѣшно, а вмѣсто того, все представлялся какой-то солидный господинъ, которому онъ говоритъ вразумительно и вѣско:

— А вы замѣтили, какъ поднимаются Сормовскія?

И темныя, сдвинувшіяся поля снова думали о чемъ-то своемъ, были непонятны, холодны и чужды. Разно-

голосо и безтолково толкались колеса, и казалось, что всѣ они цѣпляются другъ за друга и другъ другу мѣшajúть. Что-то стучало между ними и скрипѣло ржавымъ скрипомъ, что-то отрывисто шаркало: было похоже на толпу пьяныхъ, глупыхъ, безтолково блуждающихъ людей. Потомъ эти люди стали собираться въ кучку, перестраиваться, и всѣ запестрѣли яркими кафе-шантанными костюмами. Потомъ двинулись впередъ и всѣ разомъ пьянымъ, разгульнымъ хоромъ гаркнули:

— Маланья моя, лупо-гла-за-я...

Такъ омерзительно живо вспомнилась Юрасову эта пѣсня, которую онъ слышалъ во всѣхъ городскихъ садахъ, которую пѣли его товарищи и онъ самъ, что захотѣлось отмахиваться отъ нея руками, какъ отъ чего-то живого, какъ отъ камней, брошенныхъ изъ-за угла. И такая жестокая власть была въ этихъ жутко-безсмысленныхъ словахъ, липкихъ и наглыхъ, что весь длинный поѣздъ сотнею крутящихся колесъ подхватилъ ихъ:

— Маланья моя, лупо-гла-зая...

Что-то безформенное и чудовищное, мутное и липкое тысячами толстыхъ губъ присасывалось къ Юрасову, цѣловало его мокрыми нечистыми поцѣлуями, гоготало. И орало оно тысячами глотокъ, свистало, выло, клубилось по землѣ, какъ бѣшеное. Широкими круглыми рожамъ представлялись колеса, и сквозь безстыжій смѣхъ, уносясь въ пьяномъ вихрѣ, каждое стучало и выло:

— Маланья моя, лупоглазая...

И только поля молчали. Холодные и спокойные, глубоко погруженные въ чистую творческую думу, они ничего не знали о человѣкѣ далекаго каменнаго города, и чужды были его душѣ, встревоженной и ошеломленной мучительными воспоминаніями. Поѣздъ уносилъ Юрасова впередъ, а эта наглая и бессмысленная пѣсня

звала его назадъ, въ городъ, тащила грубо и жестоко, какъ бѣглеца — неудачника, пойманнаго на порогѣ тюрьмы. Онъ еще упирается, онъ еще тянется руками къ неизвѣданному счастливому простору, а въ головѣ его уже встають, какъ роковая неизбѣжность, жестокия картины неволи среди каменныхъ стѣнъ и желѣзныхъ рѣшетокъ. И то, что поля такъ холодны и равнодушны и не хотятъ ему помочь, какъ чужому, наполняетъ Юрасова чувствомъ безысходнаго одиночества. И Юрасовъ пугается—такъ неожиданно, такъ огромно и ужасно это чувство, выбрасывающее его изъ жизни, какъ мертваго. Если бы онъ заснулъ на тысячу лѣтъ и проснулся среди новаго міра и новыхъ людей, онъ не былъ бы болѣе одинокъ, болѣе чуждъ всему, чѣмъ теперь. Онъ хочетъ вызвать въ памяти что-нибудь близкое, милое, но его нѣтъ, а наглая пѣсня реветъ въ поработанномъ мозгу и родитъ печальныя и жуткія воспоминанія, бросающія тѣнь на всю его жизнь. Вотъ тотъ же садъ, гдѣ пѣли эту „Маланью“. И въ этомъ саду онъ укралъ что-то, и его ловили, и всѣ были пьяны: и онъ, и тѣ, кто гнались за нимъ съ крикомъ и свистомъ. Онъ спрятался гдѣ-то, въ какомъ-то темномъ углу, въ черной дырѣ, и его потеряли. Онъ долго сидѣлъ тамъ, возлѣ какихъ-то старыхъ досокъ, изъ которыхъ торчали гвозди, рядомъ съ развалившейся бочкою засохшей извести; чувствовались свѣжесть и покой разрыхленной земли и молодымъ тополемъ сильно пахло, а по дорожкамъ, недалеко отъ него, гуляли разодѣтые люди, и музыка играла. Прошла мимо сѣрая кошка, задумчивая, равнодушная къ говору и музыкѣ,—такая неожиданная въ этомъ мѣстѣ. И она была добрая кошка: Юрасовъ позвалъ ее: „кысь-кысь“, и она подошла, помурлыкала, потерлась у его колѣнъ и дала поцѣловать себя въ мягкую мордочку, пахнущую мѣхомъ и селедкой. Отъ его поцѣлуевъ она зачхала и ушла, такая важная и

равнодушная, какъ высокопоставленная дама, а онъ послѣ этого вылѣзъ изъ своей засады, и его схватили.

Но тамъ была хоть кошка, а здѣсь только равнодушныя и сытыя поля, и Юрасовъ начинаетъ ненавидѣть ихъ всею силою своего одиночества. Если бы дать ему силу, онъ забросалъ бы ихъ камнями; онъ собралъ бы тысячу людей и велѣлъ бы вытоптать догола эту нѣжную, лживую зелень, которая всѣхъ радуешь, а изъ его сердца пьетъ послѣднюю кровь. Зачѣмъ онъ поѣхалъ? Теперь онъ сидѣлъ бы въ ресторанѣ „Прогрессъ“ и пилъ бы вино, и разговаривалъ, и смѣялся. И онъ начинаетъ ненавидѣть ту, къ которой ѣдетъ, убогую и грязную подругу своей грязной жизни. Теперь она богатая, и сама содержитъ дѣвушекъ для продажи; она любитъ его и даетъ ему денегъ, сколько онъ захочетъ, а онъ пріѣдетъ и изобьетъ ее до крови, до поросячьяго визга. А потомъ онъ напьется пьянъ и будетъ плакать, душить себя за горло и пѣть, рыдая:

— Маланья моя...

Но колеса уже не поютъ. Устало, какъ больныя дѣти, они жалобно рокочутъ и точно жмутся другъ къ другу, ища ласки и покоя. Съ высоты спокойно глядитъ на него строгое звѣздное небо и со всѣхъ сторонъ обнимаетъ его строгая, дѣвственная тьма полей, и одинокіе огоньки въ ней — какъ слезы чистой жалости на прекрасномъ задумчивомъ лицѣ. А далеко впереди маячитъ зарево станціонныхъ огней, и оттуда, отъ этого свѣтлаго пятна, вмѣстѣ съ теплымъ и свѣжимъ воздухомъ ночи, прилетаютъ мягкіе и нѣжные звуки музыки. Кошмаръ исчезъ,—и съ привычной легкостью человѣка, который не имѣетъ мѣста на землѣ, Юрасовъ сразу забываетъ его и взволнованно прислушивается, улавливая знакомую мелодію.

— Танцуютъ!—говоритъ онъ и вдохновенно улыбается и счастливыми глазами оглядывается кругомъ,

поглаживая себя руками, точно обмываясь.—Танцуютъ!
Ахъ ты, чортъ возьми. Танцуютъ!

Расправляетъ плечи, незамѣтно выгибается въ тактъ знакомому танцу, весь наполняется живымъ чувствомъ ритмическаго, красиваго движенія. Онъ очень любитъ танцы, и, когда танцуетъ, становится очень добръ, ласковъ и нѣженъ, и уже не бываетъ ни нѣмцемъ Генрихомъ Вальтеромъ, ни Федоромъ Юрасовымъ, воровомъ, котораго постоянно судятъ за кражи, а къмъ-то третьимъ, о комъ онъ ничего не знаетъ. И когда съ порывомъ вѣтра рой звуковъ уносится въ темное поле — Юрасовъ пугается, что это навсегда, и чуть не плачетъ. Но еще болѣе громкими и радостными, словно силъ набравшись въ темномъ полѣ, возвращаются умчавшіеся звуки, и Юрасовъ счастливо улыбается:

— Танцуютъ. Ахъ ты, чортъ возьми!

IV.

Возлѣ самой станціи танцовали. Дачники устроили балъ: пригласили музыку, навѣшали вокругъ площадки красныхъ и синихъ фонариковъ, загнавъ ночную тьму на самую верхушку деревьевъ. Гимназисты, барышни въ свѣтлыхъ платьяхъ, студенты, какой-то молоденькій офицеръ со шпорами, такой молоденькій, какъ будто онъ нарочно нарядился военнымъ,—плавно кружились по широкой площадкѣ, поднимая песокъ ногами и развѣвающимися платьями. При обманчивомъ, сумеречномъ свѣтѣ фонариковъ всѣ люди казались красивыми, а сами танцующіе — какими-то необыкновенными существами, трогательными въ своей воздушности и чистотѣ. Кругомъ ночь, а они танцуютъ; если только на десять шаговъ отойти въ сторону отъ круга, необъятный всевластный мракъ поглотитъ

человѣка,—а они танцуютъ, и музыка играетъ для нихъ такъ обаятельно, такъ задумчиво и нѣжно.

Поѣздъ стоитъ пять минутъ, и Юрасовъ вмѣшивается въ толпу любопытныхъ: темнымъ безцвѣтнымъ кольцомъ облегли они площадку и цѣпко держатся за проволоку, такіе непутные, безцвѣтные. И одни изъ нихъ улыбаются странною осторожною улыбкой, другіе хмуры и печальны—той особенной блѣдной печалью, какая родится у людей при видѣ чужого веселья. Но Юрасову весело: вдохновеннымъ взглядомъ знатока онъ приглядывается къ танцорамъ, одобряетъ, легонько притоптываетъ ногой и внезапно рѣшается:

— Не поѣду. Останусь танцовать!

Изъ круга, небрежно раздвигая толпу, выходятъ двое: дѣвушка въ бѣломъ и высокій юноша, почти такой же высокій, какъ Юрасовъ. Вдоль полусонныхъ вагоновъ, въ конецъ досчатой, платформы, гдѣ сторожка насушился мракъ, идутъ они, красивые, и какъ будто несутъ съ собою частицу свѣта: Юрасову положительно кажется, что дѣвушка свѣтится—такъ бѣло ея платье, такъ черны брови на ея бѣломъ лицѣ. Съ увѣренностью человѣка, который хорошо танцуетъ, Юрасовъ нагоняетъ идущихъ и спрашиваетъ:

— Скажите, пожалуйста, гдѣ здѣсь можно достать билеты на танцы?

У юноши нѣтъ усовъ. Строгимъ взглядомъ въ пользу оборота онъ окидываетъ Юрасова и отвѣчаетъ:

— Здѣсь только свои.

— Я проѣзжій. Меня зовутъ Генрихъ Вальтеръ.

— Вамъ же сказано: здѣсь только свои.

— Меня зовутъ Генрихъ Вальтеръ, Генрихъ Вальтеръ.

— Послушайте! — юноша угрожающе останавливается, но дѣвушка въ бѣломъ увлекаетъ его. Если бы она только взглянула на Генриха Вальтера! Но она не смотритъ и, вся бѣлая, свѣтящаяся, какъ облако про-

тиву луны, долго еще свѣтится во мракѣ, и безшумно таетъ въ немъ.

— И не надо!—гордо вслѣдъ имъ шепчетъ Юрасовъ, а въ душѣ его становится такъ бѣло и холодно, какъ будто снѣгъ тамъ выпалъ—бѣлый, чистый, мертвый снѣгъ. Поѣздъ еще стоитъ почему-то, и Юрасовъ прохаживается вдоль вагоновъ, такой красивый, строгій и важный въ своемъ холодномъ отчаяніи, что теперь никто не принялъ бы его за вора, трижды судившагося за кражи и много мѣсяцевъ сидѣвшаго въ тюрьмѣ. И онъ спокоенъ, все видитъ, все слышитъ и понимаетъ, и только ноги у него, какъ резиновыя — не чувствуютъ земли, да въ душѣ что-то умираетъ, тихо, спокойно, безъ боли и содроганія. Вотъ и умерло оно.

Музыка снова играетъ, и въ ея плавные танцующіе звуки вмѣшиваются отрывки страннаго пугающаго разговора:

— Слушайте, кондукторъ, отчего не идетъ поѣздъ?

Юрасовъ замедляетъ шаги и вслушивается. Кондукторъ сзади равнодушно отвѣчаетъ:

— Стоить, стало быть, есть причина. Машинистъ танцовать пошелъ.

Пассажиръ смѣется, и Юрасовъ идетъ дальше. На обратномъ пути онъ слышитъ, какъ два кондуктора говорятъ:

— Будто онъ въ этомъ поѣздѣ.

— А кто же его видѣлъ?

— Да никто не видалъ. Жандармъ сказывалъ.

— Вретъ твой жандармъ, вотъ что. Тоже не глупѣе его люди...

Бьетъ звонокъ, и Юрасовъ одну минуту въ нерѣшимости. Но съ той стороны, гдѣ танцы, идетъ дѣвушка въ бѣломъ съ кѣмъ-то подъ руку, и онъ вскакиваетъ на площадку и переходитъ на другую ея сторону. Такъ онъ и не видитъ ни дѣвушки въ бѣломъ

ни танцующихъ; только музыка на одно мгновеніе обдаетъ его затылокъ волною горячихъ звуковъ, и все пропадаетъ въ темнотѣ и молчаніи ночи. Онъ одинъ на зыбкой площадкѣ вагона, среди смутныхъ силуэтовъ ночи; все движется, все идетъ куда-то, не задѣвая его, такое постороннее и призрачное, какъ образы сна для спящаго человѣка.

V.

Толкнувъ дверь Юрасова и не замѣтивъ его, черезъ площадку быстро прошелъ кондукторъ съ фонаремъ и скрылся за слѣдующей дверью. Ни его шаговъ, ни даже хлопанья двери не было слышно за грохотомъ поѣзда, но вся его смутная, расплывающаяся фигура съ торопливыми, наступающими движеніями произвела впечатлѣніе мгновеннаго, рѣзко оборваннаго вскрика. Юрасовъ похолодѣлъ, что-то быстро соображая—и, какъ огонь, вспыхнула въ его мозгу, въ его сердцѣ, во всемъ его тѣлѣ одна огромная и страшная мысль: его ловятъ. О немъ телеграфировали, его видѣли, его узнали, и теперь ловятъ по вагонамъ. Тотъ „онъ“, о которомъ такъ загадочно говорили кондуктора, есть именно Юрасовъ; и такъ страшно—узнать и найти себя въ какомъ-то безличномъ „онъ“, о которомъ говорятъ посторонніе незнакомые люди.

И теперь они продолжаютъ говорить о „немъ“. ищутъ „его“. Да, тамъ, отъ послѣдняго вагона идутъ, онъ чувствуетъ это чутьемъ опытнаго звѣря. Трое или четверо, съ фонарями, они разсматриваютъ пассажировъ, заглядываютъ въ темные углы, будятъ спящихъ, шепчутся между собою—и шагъ за шагомъ, съ роковой постепенностью, съ безпощадной неизбѣжностью приближаются къ „нему“, къ Юрасову, къ тому, кто стоитъ на площадкѣ и прислушивается, вытянувъ шею.

И поѣздъ несется съ свирѣпой быстротой, и колеса уже не поютъ и не говорятъ. Они кричатъ желѣзными голосами, они шепчутся потаенно и глухо, они визжатъ въ дикомъ упоеніи злобою—остервенѣлая стая разбуженныхъ псовъ.

Юрасовъ стискиваетъ зубы и, принуждая себя къ неподвижности, соображаетъ: спрыгнуть при такой быстротѣ нельзя, до ближайшей остановки еще далеко; нужно пройти на передъ поѣзда и тамъ ждать. Пока они обыщутъ всѣ вагоны, можетъ что-нибудь случиться—та же остановка или замедленіе хода, и онъ соскочить. И въ первую дверь онъ входитъ спокойно, улыбаясь, чтобы не казаться подозрительнымъ, держа наготовѣ изысканно вѣжливое и убѣдительное „rag-don!“—но въ полутемномъ вагонѣ третьяго класса такъ людно, такъ перепутано все въ хаосѣ мѣшковъ, сундуковъ, отовсюду протянутыхъ ногъ, что онъ теряетъ надежду добраться до выхода и теряется въ чувствѣ новаго неожиданнаго страха. Какъ пробиться сквозь эту стѣну? Люди спятъ, но ихъ цѣпкія ноги отовсюду тянутся къ проходу и загораживаютъ его: онѣ выходятъ откуда-то снизу, онѣ свисаютъ съ полокъ, задѣвая голову и плечи, онѣ перекидываются съ одной лавочки на другую—вяляя, какъ будто податливыя и страшно враждебныя въ своемъ стремленіи вернуться на прежнее мѣсто, принять прежнюю позу. Какъ пружины, онѣ сгибаются и выпрямляются вновь, грубо и мертво толкая Юрасова, наводя на него ужасъ своимъ бессмысленнымъ и грознымъ сопротивленіемъ. Наконецъ, онъ у двери, но, какъ желѣзные болты, ее перегородиваютъ двѣ ноги въ огромныхъ сборчатыхъ саноггахъ; злобно отброшенныя, онѣ упрямо и тупо возвращаются къ двери, упираются въ нее, выгибаются такъ, будто у нихъ совсѣмъ нѣтъ костей—и въ узенькую щель едва пролѣзаетъ Юрасовъ. Онъ думалъ, что это уже площадка, а это только новое отдѣленіе вагона—

съ тою же частою сѣтью нагроможденныхъ вещей и точно оторванныхъ человѣческихъ членовъ. И когда, нагнувшись, какъ быкъ, онъ добирается до площадки, глаза его бессмысленны, какъ у быка, и темный ужасъ животного, которое преслѣдуютъ, и оно ничего не понимаетъ, охватываетъ его чернымъ заколдованнымъ кругомъ. Онъ дышетъ тяжело, прислушивается, ловить въ грохотѣ колесъ звуки приближающейся погони и, нагнувшись, какъ быкъ, преодолевая ужасъ, идетъ къ темной, безмолвной двери. А за нею снова безтолковая борьба, снова бессмысленное и грозное сопротивленіе злыхъ человѣческихъ ногъ.

Въ вагонѣ перваго класса, въ узкомъ корридорчикѣ, столпилась у открытаго окна кучка знакомыхъ между собою пассажировъ, которымъ не спится. Они стоятъ, сидятъ на выдвинутыхъ лавочкахъ, и одна молоденькая дама съ вьющимися волосами смотритъ въ окно. Вѣтеръ колышетъ занавѣску, отбрасываетъ назадъ колечки волосъ, и Юрасову кажется, что вѣтеръ пахнетъ какими-то тяжелыми, искусственными, городскими духами.

— Pardon!—говоритъ онъ съ тоскою.—Pardon!

Мужчины медленно и неохотно разступаются, оглядывая недружелюбно Юрасова; дама въ окошкѣ не слышитъ, и другая смѣшная дама долго трогаетъ ее за круглое обтянутое плечо. Наконецъ, она поворачивается и, прежде чѣмъ дать дорогу, медленно и страшно долго осматриваетъ Юрасова, его желтыя ботинки и пальто изъ настоящаго англійскаго сукна. Въ глазахъ у нея темнота ночи, и она щурится, точно раздумывая, пропустить этого господина или нѣтъ.

— Pardon!—говоритъ Юрасовъ умоляюще, и дама съ своей шелестящей шелковой юбкою неохотно придвигается къ стѣнѣ.

А потомъ снова эти ужасные вагоны третьяго класса—какъ-будто уже десятки, сотни ихъ прошелъ онъ, а впереди новыя площадки, новыя неподатливыя двери

и цѣпкія, злыя, свирѣпыя ноги. Вотъ, наконецъ, послѣдняя площадка, и передъ нею темная, глухая стѣна багажнаго вагона, и Юрасовъ на минуту замираетъ, точно перестаетъ существовать совсѣмъ. Что-то бѣжитъ мимо, что-то грохочетъ, и покачивается полъ подъ сгибающимися, дрожащими ногами.

И вдругъ онъ чувствуетъ: стѣна, холодная и твердая стѣна, на которую онъ измученно оперся, тихо и настойчиво отталкиваетъ его. Толкнетъ, и снова толкнетъ—какъ живая, какъ хитрый и осторожный врагъ, несмѣющій напасть открыто. И все то, что испыталъ и увидѣлъ Юрасовъ, сплетается въ его мозгу въ одну дикую картину огромной безпощадной погони. Ему кажется, что весь міръ, который онъ считалъ равнодушнымъ и чужимъ, теперь поднялся и гонится за нимъ, задыхаясь и стеноя отъ злобы: и эти сытыя, враждебныя поля, и задумчивая дама въ окошкѣ, и эти переплетающіяся, тупо упрямыя и злыя ноги. Они сейчасъ сонны и вялы, но ихъ поднять, и всею своей топчущей громадой онъ устремится за нимъ, прыгая, скача, давя все, что встрѣтится на пути. Онъ одинъ—а ихъ тысячи, ихъ миллионы, онъ весь міръ: онъ сзади его и впереди, и со всѣхъ сторонъ, и иногда цѣтъ отъ нихъ спасенья.

Вагоны мчатся, раскачиваются бѣшено, толкаются и похожи они на бѣшенныхъ желѣзныхъ чудовищъ, на коротенькихъ ножкахъ, которыя согнулись, хитро прилегли къ землѣ и гонятся. На площадкѣ темно, и нигдѣ нѣтъ намека на свѣтъ, а то, что проносится передъ глазами безформенно, мутно и непонятно. Какія-то тѣни на длинныхъ, задомъ шагающихъ ногахъ, какія-то призрачныя груды, то подступающія къ самому вагону, то мгновенно исчезающія въ ровномъ, безграничномъ мракѣ. Умерли зеленыя поля и лѣсъ, одни ихъ зловѣщія тѣни безшумно рѣютъ надъ грохочущимъ поѣздомъ, а тамъ за нѣсколько вагоновъ сзади,

быть можетъ, за четыре, быть можетъ, только за одинъ, также безшумно крадутся тѣ. Трое или четверо, съ фонаремъ, они осторожно разсматриваютъ пассажировъ, переглядываются, шепчутся и съ дикой, смѣшной и жуткой медленностью подвигаются къ нему. Вотъ они растворили еще однѣ двери... еще однѣ двери...

Послѣднимъ усиліемъ воли Юрасовъ принуждаетъ себя къ спокойствію и, медленно оглядѣвши, лѣзетъ на крышу вагона. Онъ всталъ на узенькую желѣзную полосу, закрывающую входъ и перегнувшись, закинулъ руки вверхъ; онъ почти виситъ надъ мутною, живою, зловѣщей пустотой, охватывающей холоднымъ вѣтромъ его ноги. Руки скользятъ по желѣзу крыши, хватаются за желобъ, и онъ мягко гнется, какъ бумажный; ноги тщетно ищутъ опоры и желтыя ботинки, твердая, словно дерево, безнадежно трутся вокругъ гладкаго, такого же твердаго столба — и одну секунду Юрасовъ переживаетъ чувство паденія. Но уже въ воздухѣ, изогнувшись тѣломъ, какъ падающая кошка, онъ мѣняетъ направленіе и попадаетъ на площадку, одновременно ощущая сильную боль въ колѣнѣ, которымъ обо что-то ударился, и слыша трескъ разрывающейся матеріи. Это зацѣпилось и разорвалось пальто. И не думая о боли, и не думая ни о чемъ, Юрасовъ ошупываетъ вырванный клочъ, какъ будто это самое важное, печально качаетъ головой и причмокиваетъ: тсс!..

Послѣ неудачной попытки Юрасовъ слабѣетъ и ему хочется лечь на полъ, заплакать и сказать: берите меня. И онъ уже выбираетъ мѣсто, гдѣ бы лечь, когда въ памяти встаютъ вагоны и переплетающіяся ноги, и онъ ясно слышитъ: тѣ, трое или четверо, съ фонарями, идутъ. И снова бессмысленный животный ужасъ овладѣваетъ имъ и бросаетъ его по площадкѣ, какъ мячъ, отъ одного конца къ другому. И уже снова онъ хочетъ, бессознательно повторяясь, лѣзть на крышу вагона — когда огненный, хриплый, широкозѣвный ревъ

не то свистъ, не то крикъ, ни на что не похожій, врывается въ его уши и гасить сознание. То засвисталъ надъ головой паровозъ, привѣтствуя встрѣчный поѣздъ, а Юрасову почудилось что-то безконечно ужасное, послѣднее въ ужасѣ своемъ, безповоротное. Какъ будто мѣръ настигъ его и всѣми своими голосами выкрикнулъ одно огромное:

— А-га-а-а!..

И когда изъ мрака впереди пронесся отвѣтный, все растущій, все приближающійся ревъ, и на рельсы смежнаго полотна легъ вкрадчивый свѣтъ надвигающагося курьерскаго поѣзда, онъ отбросилъ желѣзную перекладину и спрыгнулъ туда, гдѣ совсѣмъ близко змѣнились освѣщенные рельсы. Больно ударился обо что-то зубами, нѣсколько разъ перевернулся, и когда поднялъ лицо со смятыми усами и беззубымъ ртомъ, — прямо падъ нимъ висѣли три какіе-то фонаря, три неяркія лампы за выпуклыми стеклами.

Значенія ихъ онъ не понялъ.

М. ГОРЬКІЙ.

РАЗСКАЗЪ ФИЛИППА
ВАСИЛЬЕВИЧА.

...Я сидѣлъ въ городскомъ саду на скамьѣ подѣ деревьями, вѣтеръ сердито встряхивалъ черныя мокрая вѣтви надѣ моей головой и, срывая послѣдніе листья, уносилъ ихъ подѣ гору къ широкой мутной рѣкѣ, а рѣка дышала въ небо сырымъ холодомъ.

За рѣкой, въ желтомъ бархатѣ поблекшей травы, блестяло маленькое озеро, въ немъ печально отражалось тусклое небо осени: въ небѣ таялъ блѣдный дискъ луны. Солнце давно опустилось за темную стѣну далекаго лѣса, и багровая полоса зари, среди тяжелыхъ сизыхъ тучъ, казалась огненнымъ потокомъ въ тѣснинахъ горъ.

— Послушайте...—тихо сказалъ кто-то около меня.

Я обернулся—у скамьи стоялъ высокій, плохо одѣтый молодой человекъ; шумъ деревьевъ заглушилъ его шаги, и я не слышалъ, когда онъ подошелъ.

— Дайте мнѣ на хлѣбъ!—продолжалъ онъ, понижая голосъ. Голова его наклонилась, онъ отступилъ на шагъ, но шляпы не снялъ. Это понравилось мнѣ. Я молча сунулъ руку въ карманъ.

— Не много!—быстро предупредилъ онъ и гордо поднималъ голову.—Вы думаете—попрошайка? Нѣтъ... просто безъ работы... очень голоденъ... Вѣрите?

— Вѣрю,—сказалъ я.

Лицо у него было скуластое, глаза большіе, мягко-сѣрые, глубоко ушедшіе подѣ высокій лобъ.

— Спасибо!—угрюмо отвѣтилъ онъ, принимая деньги длинной рукой, дрожащей отъ холода или стыда:— Спасибо... Теперь —пойду ѣсть..

Я всталъ и пошелъ рядомъ съ нимъ. Мнѣ что-то нравилось въ немъ, онъ возбуждалъ мое любопытство, поэтому я спросилъ его:

— Не могу ли я быть болѣе полезнымъ для васъ?

— Найдите работу!—быстро воскликнулъ онъ.— Можете?

— Попробую...

— Я стосковался о работѣ, какъ о хлѣбѣ,—говорилъ онъ, шагая рядомъ со мной.—Мнѣ тяжело и стыдно просить... я могу работать! Но въ этомъ городѣ—людей больше, чѣмъ работы... какъ вездѣ!—И онъ усмѣхнулся...

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ я.

— Платонъ Багровъ... Я, видите ли, крестьянинъ, кончилъ сельскую школу, я хорошо учился, и учительница очень любила меня... Ей удалось уговорить старушку-помѣщицу отдать меня въ гимназію...

Подъ глазами у него были большія темныя пятна. Его носъ хрящеватый, съ горбинкой, покраснѣлъ отъ холода. Юноша засунулъ руки въ карманы старыхъ брюкъ, согнулъ спину и зябко передергивалъ широкими плечами. Тонкій пиджакъ, застегнутый до горла, высокіе стоптанные сапоги и старая, измятая шляпа дѣлали его похожимъ на шарманщика. Говорилъ онъ спокойно, безъ грусти, безъ жалобы въ голосѣ и такъ точно онъ самъ внимательно вслушивался въ свою рѣчь и провѣрялъ ее.

— Въ гимназіи я былъ четыре года; когда я сидѣлъ во второмъ классѣ, умерла мать—заплуталась въ полѣ и замерзла; отецъ умеръ еще раньше, а когда перешелъ въ четвертый, умерла эта помѣщица... Наслѣдники ея уже не захотѣли платить за меня, и пришлось уйти изъ гимназіи... На этомъ мое образованіе кончилось...

Какая-то дама, обогнавъ, толкнула его—онъ быстро

вскинулъ голову, посмотрѣлъ на нее, поднялъ руку къ шляпѣ и глухо сказалъ:

— Извините!

Дама, не оглянувшись на него, прошла. Онъ плотно сжалъ губы и потомъ, улыбаясь, сказалъ:

— Какъ люди привыкли толкать другъ друга... какъ будто—толкнуть, это ничего не значить...

Мы пришли въ трактиръ, заняли столикъ въ углу маленькой комнатки, прокопченной табакомъ, я спросилъ себѣ пива, а онъ, ожидая, когда ему принесутъ ѣсть, вполголоса рассказывалъ мнѣ, осматриваясь вокругъ:

— Первое время я жилъ у одного изъ сторожей гимназій, потомъ онъ устроилъ меня въ бакалейную лавочку мальчикомъ, но мой хозяинъ оказался пьяница и драчунъ—я ушелъ отъ него...

Половой поставилъ на столъ тарелку съ хлѣбомъ. Платонъ тотчасъ же взялъ кусокъ, но рука у него странно дрогнула, онъ быстро взглянулъ на меня, положилъ хлѣбъ обратно и продолжалъ, опустивъ голову:

— Тогда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, теперь—девятнадцать, черезъ два года надо идти въ солдаты. За пять лѣтъ я очень много видѣлъ, жилъ въ разныхъ городахъ, работалъ у водопроводчика, садовника, былъ разсыльнымъ въ редакціи одной южной газеты, ловилъ рыбу въ Азовскомъ морѣ, былъ и на Каспій—много я испыталъ! Смотрѣлъ, думалъ... и—знаете—плохо устроена жизнь!

Половой принесъ миску чего-то мутнаго и крѣпко пахучаго. Платонъ глубоко и жадно потянулъ носомъ воздухъ, подвинулъ обѣими руками миску къ себѣ, и, не прерывая рѣчь, сталъ наливать супъ въ тарелку.

— Я очень люблю читать и у меня правило—треть заработка тратить на книги... Прочитавъ, я, конечно,

продаю книгу... это всегда жалко, но вѣдь не таскать же ихъ съ собой... Я не люблю жить на одномъ мѣстѣ долго... хочется видѣть какъ можно больше, хочется быть образованнымъ... все понимать...

— Быть образованнымъ—прекрасное желаніе, но, мнѣ кажется, для этого надо долго сидѣть на одномъ мѣстѣ. Однако—вы кушайте!—сказаль я, видя, какъ раздуваются его ноздри, обоняя запахъ пищи... Онъ улыбнулся и началъ ѣсть, безуспѣшно стараясь скрыть отъ меня голодную жадность.

Было нѣсколько странно слышать его простую рѣчь, въ которой звучаль какой-то неуловимый ритмъ и глубокая серьезность, казалось бы, не свойственная годамъ юности. Онъ немного рисовался своей гладкой рѣчью и было замѣтно, что онъ торопится убѣдить меня въ своей интеллигентности... Теперь, видя, съ какой острой жадностью онъ ѣсть, я старался не смотрѣть на него, чтобы не смутить, и осматриваль комнату.

Въ другомъ ея углу сидѣль, сдвинувъ фуражку на затылокъ, какой-то телеграфистъ. Онъ тяжело навалился грудью на столъ и угрюмо разсматриваль стоявшую предъ нимъ полубутылку водки. Надъ нимъ летали большія черныя мухи, наполняя воздухъ недовольнымъ и тревожнымъ жужжаньемъ, онѣ путались въ пыльных листьяхъ цвѣтовъ на окнахъ и съ разлета тупо бились въ стекла. Въ комнатѣ стояль душной запахъ табаку, кислой капусты, герани и водки...

Вошелъ какой-то высокій, угреватый человекъ, сѣлъ за столикъ противъ телеграфиста, молча налилъ рюмку водки, выпилъ, тщательно обсосаль свои рыжіе усы и басомъ спросилъ:

— Какъ живешь?

Телеграфистъ откинулся на спинку стула, шлепнулъ ладонью по столу и озлобленно отвѣтилъ:

— У меня такое настроеніе... чтобы стекла бить!

— Жалуйся! — посовѣтовалъ рыжій, наливая еще водки.

— Къ чорту! Всѣ жалуются... а кто слушаетъ?

Платонъ, усмѣхнувшись, взглянулъ на меня и тихо заговорилъ:

— Я—не пью, но очень люблю сидѣть въ трактирахъ... интересно! Всегда подслушаешь какія-то особенныя слова... поймаешь мысль...

— Все это уродливо и скучно,—замѣтилъ я.—Если вы любите читать—читайте больше, вѣдь въ книгахъ вы найдете мысли болѣе цѣнныя, чѣмъ въ трактирахъ,—не такъ ли?

— Д-да, конечно!—почему-то не сразу согласился онъ и, помолчавъ, добавилъ:—хотя, знаете, иногда подумаешь и подъ уродливыми словами увидишь ту самую мысль, которую вычиталъ въ книгѣ... Тогда и книгѣ больше вѣришь, и люди кажутся лучше... умнѣе...

— У васъ были знакомые интеллигенты?—спросилъ я.

— Когда я служилъ въ редакціи—да, были.. Сотрудники очень хорошо относились ко мнѣ... давали книги... и еще былъ у меня въ Ростовѣ одинъ знакомый,—онъ столяръ, но очень образованный человекъ, у него была цѣлая библіотека,—медленно сказалъ Платонъ.

Онъ немного опьянѣлъ отъ сытости и, видимо, ему хотѣлось спать; глаза его помутнѣли. Я поднялся, далъ ему свой адресъ, сказалъ, чтобы онъ завтра же пришелъ ко мнѣ, и протянулъ ему руку. Онъ крѣпко пожалъ ее и, кивнувъ головой, просто сказалъ:

— Спасибо!

Я не замѣтилъ, чтобы онъ былъ тронутъ моимъ отношеніемъ къ нему и, хотя, разумѣется, не ждалъ благодарности, однако, эта его сухость—или что-то другое—не очень понравилась мнѣ. Мы всѣ обязаны цѣнить взаимныя услуги другъ другу, это необходимо въ общежитіи...

Когда я вышелъ на улицу, было уже темно. Длинная вереница фонарей, сверкая, тянулась во тьму; дулъ вѣтеръ, огоньки вздрагивали...

— А ему, должно быть, холодно въ легкомъ пиджакѣ,—подумалъ я о Платонѣ Багровѣ...

* * *

Мнѣ удалось найти для Платона мѣсто дворника въ домѣ моего знакомаго, очень милаго старика,—нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ отказался отъ чтенія лекцій въ университетѣ и теперь скромно жилъ на покой, занятый изслѣдованіемъ о какомъ-то паразитѣ пшеницы.

Домикъ у него былъ маленькій, славный; онъ стоялъ на окраинѣ города и лѣтомъ, окруженный со всѣхъ сторонъ старыми липами, окутанный густыми волнами акаціи и сирени, смотрѣлъ изъ моря зелени гостеприимнымъ, тихимъ и чистымъ островомъ.

У профессора была дочь—маленькая дѣвица съ голубыми глазами и звонкимъ смѣхомъ, веселая, балованная и безпечная. Она недурно играла на роялѣ, рисовала, читала изящную литературу и всегда носила бѣлыя платья,—они шли къ ней, какъ идетъ къ березкѣ ея бѣлая кора. Она всегда была окружена подругами, такими же изящными, какъ и сама она, у нея часто бывали студенты, благовоспитанные юноши, увлекавшіеся искусствомъ. Въ комнатѣ нижняго этажа каждый вечеръ было шумно и весело, играли, спорили, читали стихи, танцовали, а старый профессоръ сидѣлъ гдѣ-нибудь въ углу и, поглаживая сѣдую бороду, усмѣхался веселью молодежи. Все было просто, весело и пріятно...

Я часто бывалъ въ этомъ домѣ и каждый разъ встрѣчалъ Платона. Теперь лицо у него пополнило, круги подъ глазами исчезли, онъ носилъ толстую черную фуфайку, одѣтую на цвѣтную рубаху, черные ша-

ровары и высокіе кожаные сапоги. Этимъ, не совсѣмъ обычнымъ костюмомъ, онъ, должно быть, хотѣлъ подчеркнуть себя въ глазахъ людей. Высокій и костлявый, онъ былъ угловатъ въ движеніяхъ. Его темные короткіе волосы немного вились, глаза смотрѣли вдумчиво, спокойно и въ скуластомъ лицѣ было что-то значительное.

Видя меня въ комнатахъ, онъ ласково и молча кивалъ мнѣ головой,—онъ былъ настолько тактиченъ, что никогда не заговаривалъ со мной при хозяйвахъ, должно быть чувствуя, что этимъ онъ поставилъ бы меня да и себя въ неловкое положеніе предъ ними... Но встрѣчая его на дворѣ, одинъ на одинъ, я подавалъ ему руку, и мы вступали въ бесѣду.

— Ну, какъ вамъ нравится здѣсь, Платонъ?

— Ничего!—добродушно отвѣчалъ онъ.—Свободнаго времени не такъ много, какъ я думалъ, но все-таки я могу читать... Думаю, что много хорошаго получу я въ этомъ домѣ. Много видѣть, чувствовать, работать, думать—вотъ, жизнь! Вѣрно?

— Да, да!—одобрительно говорилъ я, любуясь его оживленіемъ.—И главное, читайте побольше хорошихъ книгъ... Ну, а какъ вамъ нравятся хозяйева?

— Славные, должно быть, люди... уже одно то, что они не ругаются и вообще не грубы съ прислугой, благодать! Рѣдко это встрѣтишь... Барышня забавная! Бѣгаетъ, визжитъ, дѣлаетъ гримаски... всегда чистенькая, точно холеный поросенокъ!

Мнѣ не понравился этотъ отзывъ о Лидіи Алексѣевнѣ,—отрицательное отношеніе прислуги къ хозяйвамъ вполнѣ понятно, но Платонъ—человѣкъ интеллигентный и долженъ понимать, что такимъ отношеніемъ къ своей хозяйкѣ онъ опускается до психологіи судомоекъ. Я ничего не сказалъ ему по этому поводу, а онъ, улыбаясь, продолжалъ:

— Она—славная, все-таки! Добрая, милая и, хотъ

капризничаетъ, — а къ людямъ относится хорошо... иногда кричить на горничную, но это не обидно, это— дѣтское...

— Она только на годъ моложе васъ,— замѣтилъ я.

— Ничего не значить!— спокойно возразилъ онъ.— Годы бываютъ разные... время надо измѣрять количествомъ и качествомъ впечатлѣній... Что она видѣла и знаетъ?

Онъ любилъ хвастнуть своимъ житейскимъ опытомъ, это тоже надоѣдало мнѣ. И я имѣлъ основаніе не вѣрить ему, я нѣсколько разъ замѣчалъ, что, когда Лидія Алексѣевна проходила мимо дворника, его рука подозрительно торопливо взлетала къ шапкѣ, голова покорно склонялась предъ нею и весь онъ смѣшно и угловато сгибался, точно боясь испугать дѣвушку своей длинной фигурой, подобной плохо выстроенной колокольнѣ,— онъ былъ чудовищно нескладенъ и великъ въ сравненіи со своей хозяйкой. Я не понималъ значенія этихъ поклоновъ, но Лидочка замѣтила ихъ. Это естественно: глаза врача всегда прекрасно видятъ; смѣшное въ мужчинѣ всего скорѣе доступно зрѣнію женщины...

И вотъ веселая дѣвушка обратила особенное вниманіе на дворника: она ласково улыбалась ему, иногда дарила его парой незначительныхъ словъ, а однажды, когда онъ кололъ дрова, даже спросила его— не усталъ ли онъ?

Какъ-то разъ она попросила меня снова рассказать ей мою встрѣчу съ Платономъ. Я исполнилъ ея желаніе и въ заключеніе сказалъ:

— Онъ слишкомъ самонадѣянъ... считая себя исключительной личностью, онъ, по моему, способенъ забрать себя въ голову Богъ знаетъ что!

Она не обратила вниманія на мои слова...

— Чудакъ онъ,— сказала она, задумчиво улыбаясь. —

Такой смѣшной, длинный... и все философствуетъ тамъ, въ кухнѣ... а надъ нимъ смѣются за это...

Потомъ она разказала мнѣ, что прислуга дома считаетъ Платона полоумнымъ за то, что онъ не ухаживаетъ за горничными, не сидитъ въ праздники у воротъ, истребляя сѣмена подсолнуховъ, а все только читаетъ какія-то книжки.

Все его поведеніе въ глазахъ кухарки и горничныхъ было несвойственно дворнику; говорилъ онъ много, непонятно, всѣхъ чему-то поучалъ и его рѣчи раздражали людей въ кухнѣ.

— Нужно посовѣтовать ему сдать экзаменъ на учителя и пусть онъ отправится въ деревню, просвѣщать народъ,—сказалъ я.

— Да,—согласилась Лидія Алексѣевна,—это лучше для него... Здѣсь онъ не на мѣстѣ...

И, должно быть, съ этого момента она усилила свое вниманіе къ Платону—не потому, конечно, что думала открыть въ немъ переодѣтаго принца сказки, а просто ей было любопытно узнать, какъ чувствуетъ и разсуждаетъ человѣкъ, который мететь дворъ ея дома...

Наступала весна. Прилетѣли грачи. Въ старыхъ липахъ надъ крышей дома, цѣлыми днями, не умолкая раздавался громкій крикъ хлопотливыхъ птицъ.

Я замѣтилъ, что глаза Платона смотрятъ какъ-то странно дальше того, что было передъ ними, какъ будто они упорно ищутъ нѣчто необходимо нужное ему, не находятъ и, удивленно расширяясь, улыбаются невеселой улыбкой... Онъ сталъ молчаливъ, и въ движеніяхъ его явилась какая-то растерянность... Однажды, въ тихій апрѣльскій вечеръ, запирая за мной ворота, онъ негромко спросилъ:

— Можно мнѣ прійти къ вамъ завтра?

— Пожалуйста,—сказалъ я.—Между пятью и шестью вечера... До свиданія! Между пятью и шестью...

Онъ пришелъ аккуратно въ это время, пришелъ

одѣтый, какъ всегда, въ свою фуфайку, смущенно улыбнулся мнѣ и тяжело сѣлъ къ столу.

Я заговорилъ о прочитанныхъ имъ книгахъ, но это, видимо, не интересовало его: онъ отвѣчалъ раасѣянно, неохотно и смотрѣлъ печальными глазами куда-то черезъ мою голову или сквозь мое лицо. Печаль не шла къ его скуластой фѣзиономіи и въ ней было что-то смѣшное.

— Какъ поживаете? — спросилъ я.

— Н-не важно я чувствую себя... Неловко мнѣ стало въ этомъ домѣ... Такой вѣдь хорошій, чистый домъ... и люди умные, добрые... Думалъ — вотъ около нихъ я приведу себя въ порядокъ... научусь у нихъ многому... Однако, это не выходитъ... Голова ничего не принимаетъ... тоска какая-то... И я даже... стихи писать началъ, право!

Онъ сконфуженно взглянулъ на меня и спросилъ негромко:

— Вамъ это смѣшно?

— Нѣтъ, нисколько! — успокоилъ я его. — Прочитайте мнѣ стихи, — можно?

Онъ кивнулъ головой, усмѣхнулся невеселыми глазами, положилъ локти на столъ, опустилъ на нихъ свою лохматую голову и глухимъ голосомъ отрывисто заговорилъ:

— Ночь пришла. Сажу я у окна,

Садъ уснулъ. Въ немъ—тьма и тишина.

Я смотрю въ нѣмую ночи тьму

И душа моя кричитьъ невольно:

Почему мнѣ тяжело и больно?

Почему?

Отъ его стиховъ пахло махоркой, отъ его сапогъ — дегтемъ, фуфайка на локтяхъ была протерта, у ворота она не имѣла пуговицъ, и я видѣлъ, какъ тяжело и сильно бились жилы на шеѣ Платона. Онъ неподвижно сидѣлъ и, глядя въ столъ, читалъ:

— Нѣтъ нигдѣ душѣ моей отвѣта...
 Душной тьмою все кругомъ одѣто...
 Спитъ земля и влажный воздухъ нѣмь...
 Только мое сердце громко бьется —
 О, зачѣмъ она всегда смѣется?
 О, зачѣмъ?

Онъ замолчалъ, поднялъ голову и брови его вопро-
 сительно поднялись.

— Ну, что? — спросилъ онъ.

Мнѣ было жалко парня и я хотѣлъ обратить его
 лирику въ шутку.

— Не хорошо! — сказалъ я, усмѣхаясь.. — Нужно,
 чтобъ или оба смѣялись, или ужъ оба плакали... это
 было бы лучше! Есть у васъ еще стихи?

— Есть, — тихо сказалъ онъ и, снова ощутивъ голову,
 медленно и грустно началъ читать:

Прощай! Душа — тоской полна...
 Я вновь, какъ прежде, одинокъ
 И снова жизнь моя темна.
 Прощай, мой ясный огонекъ!..
 Прощай!

Прощай. Я поднялъ паруса,
 Стою печально у руля,
 И рѣзвыхъ чаекъ голоса
 Да бѣлой пѣны полоса —
 Все, чѣмъ прощается земля
 Со мной.. Прощай!

Глухой голосъ его звучалъ однотонно и невольно
 напоминалъ мнѣ о чтеніи псалтыря надъ усопшимъ.
 Онъ помолчалъ, взглянулъ на меня и, вздохнувъ, про-
 должалъ:

— Даль моря мнѣ грозитъ бѣдой
 И червь тоски мнѣ душу гложетъ,
 И грозно воетъ валъ сѣдой...
 Но—море всей своей водой
 Тебя изъ сердца смыть не можетъ!..
 Прощай!

Онъ замолчалъ и сидѣлъ неподвижно. Мнѣ было тяжело и неловко предъ нимъ, я боялся, что онъ, пожалуй, заплачетъ, и не впасть, какъ помочь ему? Подумавъ, я рѣшилъ дѣйствовать какъ хирургъ — сразу отсѣчь ненужное. Я всталъ, подошелъ къ нему и, положивъ руку на плечо его, спросилъ:

— Вы — влюбились?

— Ну, да, — тихо сказалъ онъ.

— Кто она? Горничная Феклуша?

Онъ удивленно поднялъ брови и спокойно отвѣтилъ:

— Сама Лидія Алексѣевна...

Разумѣется, я зналъ это, но не ожидалъ, что онъ скажетъ такъ прямо и мнѣ не хотѣлось слышать объ этомъ изъ его устъ. Мнѣ было немного неприятно и очень смѣшно.

— Послушайте, голубчикъ, — заговорилъ я какъ могъ серьезно и ласково:— поймите, что вѣдь это же — забавно!

— Забавно?—тихо вскричалъ онъ и глаза его удивленно расширились.

— Ну, да! — сказалъ я.—Мнѣ прямо - таки трудно говорить съ вами серьезно...

— Почему?—повторилъ онъ свой сдавленный крикъ.

— Да вы подумайте — вамъ девятнадцать лѣтъ... ну, вы, тамъ, кое-что видѣли, кое-что знаете, но, — развѣ вы пара ей? Она — дѣвушка образованная, съ тонкими вкусами... ей органически враждебно все грубое... да не въ этомъ дѣло, наконецъ! — а въ полной невозможности такого сочетанія, какъ она и вы... Человѣкъ неглупый, вы сами должны чувствовать эту невозможность... ее нужно именно чувствовать!

— А я - не чувствую...—тихо, но упрямо сказалъ онъ и тѣмъ же тономъ спросилъ:

— Развѣ я не человѣкъ, какъ всѣ?

Я пожалъ плечами и снова началъ говорить ему, а онъ смотрѣлъ на меня сѣрыми глазами; въ нихъ свѣ-

тилось упрямство, и я видѣлъ, что мои слова не дѣйствуютъ на него.

— И, наконецъ,—сказалъ я, отходя въ сторону отъ Платона,—я знаю, что Лидія Алексѣевна любитъ меня...

Онъ медленно всталъ со стула, плотно сжалъ губы, сгорбился и, забывъ подать мнѣ руку, ушелъ...

Я посмотрѣлъ вслѣдъ ему и почувствовалъ, что мнѣ надо серьезно вмѣшаться въ эту забавную, но непріятную исторію...

* * *

На другой же день, вечеромъ, я пришелъ къ Лидіи Алексѣевнѣ и, осторожно, чтобы не очень насмѣшить ее, но въ то же время достаточно внушительно, сказалъ ей, что, пожалуй, будетъ лучше, если она перестанетъ обращать вниманіе на своего дворника.

— Почему? — удивленно спросила она.— Онъ такой забавный!.. Съ нимъ, знаете, очень интересно говорить... Иногда его рассказы, несмотря на ихъ грубость, такъ прогательны... и такъ ярко рисуютъ жизнь простыхъ людей... Почему же, деспотъ, я не должна разговаривать съ нимъ?

Тогда я сказалъ прямо, что Платонъ влюбился въ нее и что первая любовь, какова бы она ни была, на всю жизнь формируетъ сердце мужчины... Она брезгливо вздрогнула, ея глазки сдѣлались круглыми отъ изумленія, щеки ярко вспыхнули и она взволнованно забѣгала по комнатѣ, обиженная и смущенная.

— Какъ онъ смѣетъ!—растерянно восклицала она.— Онъ? У него же... всегда потныя руки... и такія красныя... и уши тоже красныя... Но,—какъ я сама не догадалась? Вотъ... смѣшной! Мнѣ и жалко его... и это такъ не хорошо... грубо! Вы говорите—сочинилъ стихи?

— Даже, кажется, недурные,—замѣтилъ я.

— О, чудакъ! Нѣтъ, какъ же это я сама не замѣ-

тила? Право, это интересно... влюбленный демократъ... романъ! Ахъ, Боже мой! Но что же теперь съ нимъ дѣлать, Филиппъ Васильевичъ? Необходимо отказать ему отъ мѣста, да?

— Отнюдь— не сейчасъ!—посоветовалъ я.—Зачѣмъ же оскорблять человѣка, когда можно обойтись безъ этого? Отказать ему отъ мѣста, конечно, необходимо, но нужно сдѣлать это осторожно... не вдругъ... Подождите!

— Я бы хотѣла все-таки посмотрѣть его стихи,—задумчиво сказала она...

Послѣ я искренно и горько раскаялся въ томъ, что далъ такой совѣтъ, упустивъ изъ вида ребяческое легкомысліе Лидочки.

На другой же день я уѣхалъ изъ города, а черезъ два-три дня уже всѣ въ домѣ знали, что дворникъ влюбленъ въ барышню. Происходили,—какъ я потомъ узналъ,—веселія и, надо сказать правду, злыя сценки.

— Платонъ!—звала Лидочка.

Онъ являлся.

— Вы любите меня?—ласково спрашивала она.

— Да!—твердо говорилъ дворникъ.

— Очень?

— Да,—повторялъ онъ.

— И если бы я попросила васъ о чемъ-нибудь,—мечтательно разсматривая его скуластое лицо, таинственно и тихо говорила Лидочка,—вѣдь вы все сдѣлаете для меня, Платонъ?

— Все!—съ непоколебимой увѣренностью отвѣчалъ дворникъ.

— Ну, если такъ,—восторженно улыбаясь, продолжала она,—если такъ, дорогой мой Платонъ...

Лицо ея становилось печальнымъ и, глубоко вздыхая, она заканчивала:

— Поставьте самоваръ...

А въ глазахъ ея сверкала веселая улыбка.

Онъ шелъ, низко опустивъ голову, и ставилъ самоваръ, а скулы у него становились все острѣе и глаза все глубже уходили подъ лобъ.

Иногда Лидочка, распросивъ Платона о силѣ его любви, заставляла его вымыть ея грязныя калоши, или посылала его съ запиской къ подругѣ, и ко всему, о чемъ она его просила, она всегда примѣшивала его любовь, всегда говорила съ нимъ отъ имени его любви.

Вечеромъ, когда собирались гости, она звала Платона, заставляла его читать стихи, и онъ читалъ, низко опустивъ голову и не глядя ни на кого. Его хвалили, улыбаясь, онъ кланялся, а лицо у него было неподвижно, точно каменное. Лидочка при немъ же говорила гостямъ:

— Вѣдь недурно, не правда ли? Иногда печатаются стихи хуже этихъ. Эти—неловки, но искренны... мнѣ извѣстно, что поэтъ дѣйствительно влюбленъ и—безнадежно! На пути къ его счастью стоятъ сословныя предразсудки и холодное сердце той, которую онъ воспѣваетъ...

Я нахожу, что она обращалась съ юношей неосторожно и незаслуженно зло... Мнѣ кажется, что его любовь—оскорбляла ея самолюбіе и она немножко мстила за это бѣдняку... Впрочемъ—и всѣ другіе относились къ нему не лучше. Старикъ—профессоръ былъ очень добрый человѣкъ, онъ любилъ любовью мудреца всѣхъ насѣкомыхъ, но и онъ находилъ удовольствіе въ шуткахъ надъ юношей.

— Послушайте, поэтъ!—говорилъ онъ.—Убѣдительно прошу васъ, не наваливайте вы такъ много навоза на грядки для спаржи! Я не однажды говорилъ вамъ это, а вы все забываете... и я останусь безъ спаржи, если дѣло пойдетъ такъ плохо... Я, впрочемъ, не сержусь, я понимаю ваше положеніе... хе-хе! Васъ влечетъ въ Аркадію... Что-жь? Законно: въ дѣтствѣ человѣкъ бо-

лѣтъ корью и скарлатиной, въ юности онъ влюбляется, пишетъ стихи и мечтаетъ о подвигахъ... трата времени не очень полезная для жизни... но все же это лучше, чѣмъ благоразуміе старости!

Профессоръ всегда говорилъ длинно и краснорѣчиво его было скучновато, но ему оно нравилось.

Шутила и прислуга—она, конечно, шутила проще и грубѣе. И, очевидно, всѣ шутки попадали въ цѣль очень мѣтко, ибо цѣль была достаточно велика. Но изобрѣтательнѣе всѣхъ была Лидочка,—я не могу скрыть этого и не одобряю, конечно.

Вечерами, при лунѣ, она красиво и задумчиво садилась у открытаго окна и громко говорила подругамъ о томъ, что любовь—не знаетъ преградъ, что для нея—нѣтъ дворянъ, нѣтъ крестьянъ, а есть только мужчина, человекъ, любимый. А Платонъ слышалъ это.

Потомъ она звала его, смотрѣла холодно и сухо въ его лицо и заставляла что-нибудь сдѣлать для нея.

Она играла меланхолическія пьесы, нѣжно трогавшія душу влюбленнаго мягкими и ласковыми аккордами, она пѣла нѣжные, тихія пѣсенки, въ которыхъ звучало ожиданіе ласки и тоска о миломъ, и все это она дѣлала такъ, чтобы дворникъ видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ...

Однажды онъ подошелъ къ ней въ саду и сказалъ:

— Зачѣмъ вы смѣтаетесь надо мной? Не смѣйтесь, не надо... что смѣшиного въ томъ, что я люблю васъ? Скоро я уйду изъ этого города... мнѣ хочется помнить васъ ласковой, доброй... не мучайте меня!

Лицо у него было сѣрое, брови опустились и между ними лежала угрюмая складка. Говорилъ онъ тихо и стоялъ неподвижно, но Лидочка чего-то испугалась въ немъ и убѣжала, ни слова не сказавъ ему.

А на другой день она не могла отказать себѣ въ

удовольствіи еще немножко помучить его, призвала въ комнаты и заставила читать стихи передъ двумя ея подругами. Въ стихахъ шла рѣчь о молодомъ, крѣпкомъ дубѣ,—одна изъ его вѣтокъ коснулась лица королевы, и королева приказала срубить дубъ. Стихи были неуклюжіе; барышни, слушая ихъ, улыбались...

Кончилось это тѣмъ, что однажды утромъ я получилъ телеграмму отъ Лидочки:

„Пожалуйста немедленно прѣѣзжайте Платономъ несчастіе Лиды“.

Она встрѣтила меня растерянная, блѣдная, полубольная.

— Вы знаете—онъ застрѣлился!

— Неужели?—воскликнулъ я, тяжело пораженный.

— Да, да! вотъ вамъ!—нервно бѣгая по комнатамъ, говорила она.—И въ этомъ виноваты вы, вы!

— Я?

— Конечно! Надо было тогда же, сразу отказать ему отъ мѣста, а вы сказали—это нельзя! Вотъ теперь... Бѣдный! Мнѣ его жалко...

На глазахъ у нея сверкали слезы, видно было, что она не спала ночь и много плакала.

— Если бъ я знала, что онъ такъ... серьезно... я бы не позволяла себѣ шутить, — говорила она, приложивъ платокъ къ лицу и вздрагивая.—Говорятъ, онъ еще живъ... поѣзжайте къ нему! Я не могу... я потомъ.. Пана такъ разстроены... и всѣмъ его жалко... вѣдь онъ былъ такой оригинальный!

Дитя! Она и тутъ говорила о немъ, какъ о сломанной игрушкѣ...

Я тотчасъ же поѣхалъ въ больницу и по дорогѣ печально думалъ о Платонѣ. Онъ мнѣ казался такимъ крѣпкимъ, твердымъ—и вотъ, при первомъ же столкновеніи съ жизнью, онъ опрокинутъ и разбитъ. И этой неустойчивости, вполнѣ понятной у культурнаго чело-

вѣка, живущаго нервной жизнью, я не понималъ въ Платонѣ...

Онъ лежалъ вверхъ лицомъ, желтый, безкровный, съ морщинами на лицѣ, глаза у него потемнѣли, стали огромными, и въ нихъ неподвижно застыла тоска и боль. Зубы онъ крѣпко сжалъ, и скулы у него выдавались острыми углами. Его длинная жилистая рука безсильно свѣсилась съ койки, касаясь пальцами пола. Онъ долго смотрѣлъ мнѣ въ лицо какимъ-то большимъ, тяжелымъ взглядомъ и—молчалъ... Наконецъ, сквозь зубы скрипящимъ голосомъ, задыхаясь отъ слабости, онъ съ усиленіемъ сказалъ мнѣ:

— Спросите ихъ... вотъ я—работалъ на нихъ... чтобы имъ жилось удобнѣе и чище... за что же они изувѣчили меня? Спросите ихъ...

И глаза его медленно закрылись. Я поднялъ его руку, положилъ ее на колѣни себѣ и ласково заговорилъ:

— Въ этомъ нѣтъ преступленія, мой другъ, это—ошибка, недоразумѣніе... не надо судить людей такъ строго... Вотъ—выздоровѣете вы, и—все это... разъяснится... Вѣдь вы же знаете—они хорошие люди.

Онъ тихо потянулъ руку съ моихъ колѣнъ, и она снова безсильно скатилась на полъ. Не открывая глазъ онъ сказалъ:

— Тамъ у меня... остались книги... пошлите ихъ въ Ростовъ... столяру Евсѣю Скрябину... не забудьте!

— Хорошо, я пошлю!

Вынувъ записную книжку, я занесъ въ нее его порученіе и адресъ столяра, а онъ все лежалъ неподвижно. Въ груди его глухо хрипѣло, и огромныя, темныя пятна на мѣстѣ глазъ дѣлали его лицо мертвымъ.

Я смотрѣлъ на него, молчалъ и мнѣ было неловко оставаться, неловко уйти.

Наконецъ, онъ открылъ глаза и, увидавъ меня, процепталъ;

— Уходите!

— До свиданія!—сказаль я, снова поднявъ его руку и пожимая ее. Онъ не отвѣтилъ мнѣ ни звукомъ, ни движеніемъ руки.

Медленно, съ непріятнымъ, ѣдкимъ чувствомъ въ груди, я пошелъ изъ палаты и когда вышелъ въ корридоръ, то услыхаль хриплый голосъ Платона:

— Сидѣлка... не пускайте ко мнѣ... никого...

Очевидно, онъ думаль, что придетъ Лидочка.

Ночью онъ умеръ.

...Исполняя его обѣщаніе, я послаль въ Ростовъ книги, оставленныя имъ—свои тетрадки со стихами онъ сжегъ въ печи, сказала мнѣ прислуга,—но среди книгъ мнѣ попался перечеркнутый листокъ почтовой бумаги, и на немъ торопливо были написаны вотъ эти, полныя юношескаго паэоса строки:

„Медленно и долго поднимался я съ низу жизни къ вамъ, на вершину ея, и на все въ пути моемъ я смотрѣлъ жадными глазами соглядая, идущаго въ землю обѣтованную“...

Я взялъ листокъ себѣ на память о Платонѣ, недавно, роаясь въ столѣ нашель его и вспомнилъ о юношѣ... и—вотъ разсказаль о немъ, какъ умѣль...

Въ товариществѣ „ЗНАНИЕ“ поступили въ продажу:

Ш Е Л Л И.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ ПЕРЕВОДѢ К. Д. БАЛЬМОНТА.

Новое трехтомное переработанное издание:

Вышелъ **ТОМЪ ПЕРВЫЙ.** *Содержаніе:*

1. Лирика: 186 стихотвореній.
2. Царица Мабъ. Поэма.
3. Примѣчанія Шелли къ «Царицѣ Мабъ».
4. Демонъ міра. Поэма.

5. Аласторъ. Поэма.
- Голіографюра Джардена, изображающая Шелли.
- Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.

Цѣна 2 р.

Вышелъ **ТОМЪ ВТОРОЙ.** *Содержаніе:*

1. Возмущеніе Ислама (Лаонъ и Цитна). Поэма.
2. Царевичъ Атанизъ. Отрывокъ.
3. Строчки, написанныя среди Египетскихъ холмовъ.
4. Розалинда и Елена. Современная элегія.

5. Юлианъ и Мадала. Бесѣда.
6. Освобожденный Прометей. Лирическая драма.
7. Ченчи. Трагедія.
- Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.

Цѣна 2 р.

Вышелъ **ТОМЪ ТРЕТІЙ.** *Содержаніе:*

1. Маскарадъ анархін. Поэма.
2. Письмо къ Маріи Джисборнъ. Въ стихахъ.
3. Велшебница Атласа. Поэма.
4. Эпицихидионъ. Поэма.
5. Адонаисъ. Элегія.
6. Эллада. Лирическая драма.
7. Отрывки неоконченной драмы.
8. Карлъ Первый. Драматическіе отрывки.
9. Торжество жизни. Поэма.
10. Ассасины. Отрывокъ изъ романа.
11. Колыбель.
12. О любви.
13. Размышленія о метафизикѣ.
14. Размышленія о морали.

15. О будущемъ состояніи.
16. О литературѣ, искусствахъ и правахъ аэцианъ.
17. Объ одномъ мѣстѣ въ Критонѣ.
18. Критическія замѣчанія о скульптурѣ флорентинской галлерей.
19. Арка Тита.
20. О возрожденіи литературы.
21. О смертной казни.
22. О жизни.
23. Въ защиту поэзии.
- Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.
- Къ третьему тому приложена статья «Эдуардъ Даудъ. Очеркъ жизни Шелли».

Цѣна 2 р.

Съ выходомъ третьяго тома изданіе закончено.

Выписывающіе изъ склада товарищества „ЗНАНИЕ“ за пересылку не платятъ. Просятъ обращаться исключительно по адресу: Контора т-ва „ЗНАНИЕ“, Спб., Невскій. 92

1. Эсхиль. СКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ	— р. 30 к.
2. Софокль. ЭДИПЪ ЦАРЬ	— » 40 »
3. Софокль. ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНѢ	— » 40 »
4. Софокль. АНТИГОНА	— » 40 »
5. Эврипидъ. МЕДЕЯ	— » 40 »
6. Эврипидъ. ИППОЛИТЬ	— » 40 »
<i>Примѣчаніе:</i> Всѣ шесть трагедій переведены съ греческаго Д. С. Мережковскимъ. Въ стихахъ. При каждой—портретъ автора.	
7. Платонъ. ПИРЬ	— » 60 »
Философская поэма. <i>Иллюстраціи:</i> снимки съ бюстовъ Платона, Сократа, Аристофана, Алкивиада; картины пира по древне-греческимъ вазамъ; снимки со статуй и рельефовъ; снимки съ картины «Пирь» Фейдъбаха.	
8. Байронъ. МАНФРЕДЪ	— » 40 »
9. Шелли. ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ	— » 50 »
10. Шелли. ЧЕНЧИ	— » 50 »
11. Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙВАТѢ	2 » — »
Переводъ И. А. Бунина. Въ стихахъ. <i>Роскошно-иллюстрированное</i> изданіе: около 400 рисунковъ въ текстѣ; портретъ Лонгфелло и 22 большихъ рисунка на отдельныхъ таблицахъ.	
12. Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙВАТѢ	— » 80 »
<i>Дешевое</i> изданіе: тотъ-же переводъ, тѣ-же 400 рис. въ текстѣ; 22 таблицы и портретъ Лонгфелло; только бумага и форматъ другіе.	
13. Красинскій. ИРИДИОНЪ	— » 60 »
14. Бьёрнсонъ. ПЕРЧАТКА	— » 40 »
15. Гауптманъ. РОЗА БЕРНДЪ	— » 50 »
16. Золя. УГЛЕКОПЫ	1 » — »
17. Гёте. ФАУСТЪ. Обѣ части. Переводъ въ прозѣ
П. И. Вейнберга, съ примѣчаніями переводчика	2 » — »

Выписывающіе изъ склада товарищества «ЗНАНИЕ» за пересылку не платятъ. Просятъ обращаться исключительно по адресу Контора т-ва «ЗНАНИЕ». Спб., Невскій, 92.

Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ.

Роскошно иллюстрированное изданіе. Переводъ въ стихахъ И. А. Бунина. Рисунки американскаго художника Ремингтона. Портретъ Лонгфелло; около 400 иллюстрацій въ текстѣ; 22 большихъ рис. на отдѣльныхъ таблицахъ. Цѣна 2 рубля.

Дешевое изданіе. Портретъ Лонгфелло; около 400 рис. въ текстѣ, 22 рис. на отдѣльныхъ табл. Тотъ же переводъ, тѣ же иллюстраціи, какъ въ роскошномъ изданіи, но бумага и форматъ другіе. Цѣна 80 коп.

Отзывы печати о переводѣ Ив. А. Бунина.

... Во всемирной литературѣ немного есть эпическихъ произведеній, которыя по художественной красотѣ превосходили бы «Пѣснь о Гайаватѣ»... Переводъ исполненъ прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ. (*Русск. Вѣдомости*).

«Лонгфелло принадлежитъ къ благороднѣйшимъ поэтамъ нашего вѣка не только по своему исключительному поэтическому дарованію, но и по широкимъ интересамъ и высоко гуманному настроенію... Въ Великобританіи онъ занимаетъ мѣсто въ ряду величайшихъ поэтовъ... Лучшая поэма его — «Пѣснь о Гайаватѣ». Переводчикъ вполне успешно справился со своей нелегкой задачей, сумѣвъ сохранить необыкновенную простоту стиля подлинника, не ослабивъ его могучей образности, что очень рѣдко случается съ нашими стихотвореніями»... (*Миръ Божій*).

«Пѣснь о Гайаватѣ» — одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній знаменитаго американскаго поэта... Благородный и величественный образъ Гайавати, постоянно борющагося со зломъ и глубоко страдающаго за людей, производить необыкновенно облагораживающее, возвышающее впечатлѣніе... Незаурядный переводъ г. Бунина сдѣланъ по подлиннику съ величайшей тщательностью, стихъ его легокъ и музыкаленъ, образы поэтичны, тонъ выдержанъ прекрасно и какъ нельзя лучше передаетъ то величественное впечатлѣніе, какое и должна производить «Пѣснь о Гайаватѣ»... (*Смыслъ Отечества*).

«Знаменитая поэма Лонгфелло дождалась, наконецъ, дѣйствительно талантливаго, а въ большой своей части и прямо образцоваго перевода, принадлежащаго перу нашего молодого беллетриста Ив. А. Бунина»... (*Жизнь*, 1900 г.)

«Пѣснь о Гайаватѣ» принадлежитъ къ крупнѣйшимъ жемчужинамъ мировой поэзіи... Переводъ И. А. Бунина положительно превосходенъ: онъ музыкаленъ, поэтиченъ, передаетъ вполне духъ подлинника и вообще очень близокъ къ нему»... (*Дионею, Од. Листокъ*).

«Пѣснь о Гайаватѣ» — одна изъ тѣхъ рѣдкихъ книгъ, которыя съ первыхъ же страницъ захватываютъ высокой и свѣтлой поэзіей. Г. Бунинъ далъ больше, чѣмъ хорошій переводъ, онъ далъ произведеніе, отличающееся всею предѣстью оригинала»... (*Вѣстникъ Воспитанія*).

СБОРНИКЪ ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНИЕ“

I. КНИГА ПЕРВАЯ:

— Л. Андреевъ. Жизнь Василя Фивейскаго.—Ив. Бунинъ. Стихотворенія.—Ив. Бунинъ. Черноземъ.—В. Вересаевъ. Передъ заѣздой.—Н. Гаринъ. Деревенская драма.—М. Горькій. Человѣкъ.—С. Гусевъ-Оренбургскій. Въ приходѣ.—А. Серафимовичъ. Въ пути.—Н. Телешевъ. Между двухъ береговъ.—*Цѣна 1 р.*

II. КНИГА ВТОРАЯ:

— А. Купринъ. Мирное житіе.—Скиталець. Стихотворенія.—А. Чеховъ. Вишневый садъ.—Е. Чириковъ. На порукахъ.—С. Юшкевичъ. Еврей.—*Цѣна 1 р.*

III. КНИГА ТРЕТЬЯ:

— Скиталець. Памяти Чехова.—А. Купринъ. Памяти Чехова.—М. Горькій. Дачники.—Ив. Бунинъ. Памяти Чехова.—Л. Андреевъ. Красный смѣхъ.—*Цѣна 1 р.*

IV. КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ:

— С. Найденовъ. Авдотьяна жизнь.—С. Гусевъ-Оренбургскій. Страна отцовъ.—А. Лукьяновъ. Кузнецъ.—М. Горькій. Тюрма.—*Цѣна 1 р.*

V. КНИГА ПЯТАЯ:

— Е. Чириковъ. Иванъ Миранычъ.—Н. Телешовъ. Черною ночью.—А. Серафимовичъ. Заяць.—Скиталець. Кандалы.—Д. Айзманъ. Ледоходъ.—Л. Андреевъ. Воръ.—М. Горькій. Разсказъ Филиппа Васильевича.—*Цѣна 1 р.*

Выписывающіе изъ склада товарищества «ЗНАНИЕ» за пересылку не платятъ. Просятъ обращаться исключительно по адресу: Контора т-ва «ЗНАНИЕ», Спб., Невскій, 92.

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

VI.

СБОРНИКЪ

ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“ ЗА 1905 ГОДЪ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

А. Купринъ. Поединокъ.
Ив. Бунинъ. Стихотворенія.
М. Горькій. Букоёмовъ.
Скиталець. Стихотворенія.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1905.

Тип. Монтевидео, уг. Конной ул., и Телѣжнаго пер., д. № 3—5.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
А. Купринъ. Поединокъ	1
Ив. Бунинъ. Стихотворенія	289
М. Горькій. Букоёмовъ, Карпъ Ивановичъ	295
Скиталець. Стихотворенія	313

А. КУПРИНЪ.

П О Е Д И Н О К Ъ.

„Максиму Горькому

с чувством искренней дружбы

и глубокого уважения

эту повесть посвящает автор“.

I.

Вечернія занятія въ 6-й ротѣ подходили къ концу, и младшіе офицеры все чаще и нетерпѣливѣе посматривали на часы. Изучался практически уставъ гарнизонной службы. По всему плацу солдаты стояли вразбросъ: около тополей, окаймлявшихъ шоссе, около гимнастическихъ машинъ, возлѣ дверей ротной школы, у прицѣльныхъ станковъ. Все это были воображаемые посты, какъ, на примѣръ, постъ у порохового погреба, у знамени, въ караульномъ домѣ, у денежнаго ящика. Между ними ходили разводящіе и ставили часовыхъ; производилась смѣна карауловъ; унтеръ-офицеры провѣряли посты и испытывали познанія своихъ солдатъ, стараясь—то хитростью выманить у часового его винтовку, то заставить его сойти съ мѣста, то всучить ему на сохраненіе какую-нибудь вещь, большею частью, собственную фуражку. Старослуживые, тверже знавшіе эту игрушечную казуистику, отвѣчали въ такихъ случаяхъ преувеличенно суровымъ тономъ: „отходи. Не имѣю права никому отдавать ружье, кромѣ какъ получу приказаніе отъ самого Государя“. Но молодые путались. Они еще не умѣли отдѣлать шутки, примѣра, отъ настоящихъ требованій службы и впадали то въ одну, то въ другую крайность.

— Хлѣбниковъ! Дѣволъ косорукой, — кричалъ маленькій, круглый и шустрый ефрейторъ Шаповаленко, и въ голосѣ его слышалось начальственное страданіе.—

Я—жь тебѣ училъ, училъ дурня! Ты же чье сейчасъ приказанье сполнилъ? Арестованнаго? А, чтобъ тебя!.. Отвѣчай, для чего ты поставленъ на постъ?

Въ третьемъ взводѣ произошло серьезное замѣшательство. Молодой солдатъ Мухамеджиновъ, татаринъ, едва понимавшій и говорившій по русски, окончательно былъ сбитъ съ толку подвохами своего начальства—и дѣйствительнаго и воображаемаго. Онъ вдругъ развѣрнулъ, взялъ ружье на руку и на всѣ убѣжденія и приказанія отвѣчалъ однимъ рѣшительнымъ словомъ:

— З-заколу!

— Да, постой... да, дуракъ ты... -- уговаривалъ его унтеръ-офицеръ Бобылевъ. — Вѣдь я кто? Я же твой караульный начальникъ, стало быть...

— Заколу!—кричалъ татаринъ испуганно и злобно и съ глазами, налившимися кровью, нервно совалъ штыкомъ во всякаго, кто къ нему приближался. Вокругъ него собралась кучка солдатъ, обрадовавшихся смѣшному приключенію и минутному роздыху въ недоушемъ учены.

Ротный командиръ, капитанъ Слива пошелъ разбирать дѣло. Пока онъ плелся вялой походкой, сгорбившись и волоча ноги, на другой конецъ плаца, младшіе офицеры сошлись вмѣстѣ, поболтать и покурить. Ихъ было трое: поручикъ Вѣткинъ—лысый, усатый человекъ лѣтъ 33-хъ, весельчакъ, говорунъ, пѣвунъ и пьяница, подпоручикъ Ромашовъ, служившій всего второй годъ въ полку, и подпрапорщикъ Лбовъ, живой стройный мальчикъ съ лукаво-ласково-глупыми глазами и съ вѣчной улыбкой на толстыхъ, наивныхъ губахъ, — весь точно начиненный старыми офицерскими анекдотами.

— Свинство,—сказалъ Вѣткинъ, взглянувъ на свои мельхиоровые часы и сердито щелкнувъ крышкой.—Какого чорта онъ держитъ до сихъ поръ роту? Эеіопъ!

— А вы бы ему это объяснили, Павелъ Павлычъ, — посовѣтоваль съ хитрымъ лицомъ Лбовъ.

— Чорта съ два. Подите, объясняйте сами. Главное — что? Главное — вѣдь это все напрасно. Всегда они передъ смотрами горячку порютъ. И всегда переборщатъ. Задержаютъ солдата, замучаютъ, затуркаютъ, а на смотру онъ будетъ стоять, какъ тотъ пень. Знаете, извѣстный случай, какъ два ротныхъ командира поспорили, чей солдатъ больше съѣсть хлѣба. Выбрали они оба жесточайшихъ обжоръ. Пары было большое. Вотъ одинъ солдатъ съѣлъ семь фунтовъ и отвалился, больше не можетъ. Ротный сейчасъ на фельдфебеля. Ты что же, такой, развѣтакой, подвелъ меня? А фельдфебель только глазами лупаетъ. „Такъ что не могу знать, вашескродіе, что съ имъ случилось. Утромъ дѣлали лепертицію — восемь фунтовъ стрескалъ въ одинъ присѣсть...“ Такъ вотъ и наши... Репетять безъ толку, а на смотру сядутъ въ калошу.

— Вчера... — Лбовъ вдругъ прыснулъ отъ смѣха. — Вчера ужъ во всѣхъ ротахъ кончили занятія, я иду на квартиру, часовъ ужъ восемь, пожалуй, темно совсѣмъ. Смотрю въ одинадцатой ротѣ сигналы учать. Хоромъ. „Наве-ди, до груди, по-па-ди!“ Я спрашиваю поручика Андрусевича: почему это у васъ до сихъ поръ идетъ такая музыка? А онъ говоритъ: это мы, вродѣ собакъ, на луну воемъ.

— Все надоѣло. Кюка! — сказалъ Вѣткинъ и зѣвнулъ. — Пойдите-ка, кто это ѣдетъ верхомъ? Кажется, Бекъ?

— Да. Бекъ-Агамаловъ, — рѣшилъ зоркій Лбовъ. — Какъ красиво сидить.

— Очень красиво, — согласился Ромашовъ. — По моему, онъ лучше всякаго кавалериста ѣздитъ. О-о-о! Заплясала. Кокетничаетъ Бекъ.

По шоссе медленно ѣхалъ верхомъ офицеръ въ бѣлыхъ перчаткахъ и въ адъютантскомъ мундирѣ. Подъ

нимъ была высокая длинная лошадь золотистой масти съ короткимъ, по англійски, хвостомъ. Она горячилась, нетерпѣливо мотала крутой, собранной мундштукомъ шей и часто перебирала тонкими ногами.

— Павелъ Павлычъ, это правда, что онъ природный черкесь?—спросилъ Ромашовъ у Вѣткина.

— Я думаю, правда. Иногда, дѣйствительно, армяшки выдають себя за черкесовъ и за лезгинъ, но Бекъ вообще, кажется, не вретъ. Да, вы посмотрите, каковъ онъ на лошади.

— Подождите, я ему крикну,—сказаль Лбовъ.

Онъ приложилъ руки ко рту рупоромъ и закричалъ сдавленнымъ голосомъ, такъ чтобы не слышалъ ротный командиръ.

— Поручикъ Агамаловъ! Бекъ!

Офицеръ, ѣхавшій верхомъ, натянулъ поводья, остановился на секунду и обернулся вправо. Потомъ, повернувъ лошадь въ эту сторону, и слегка согнувшись въ сѣдлѣ, онъ заставилъ ее упругимъ движеніемъ перепрыгнуть черезъ канаву и сдержаннымъ галопомъ поскакаль къ офицерамъ.

Онъ былъ меньше средняго роста, сухой, жилистый, очень сильный. Лицо его, съ покатымъ назадъ лбомъ, тонкимъ горбатымъ носомъ и рѣшительными, крѣпкими губами было мужественно и красиво и еще до сихъ поръ не утратило характерной восточной блѣдности—одновременно смуглой и матовой.

— Здравствуй, Бекъ,—сказаль Вѣткинъ.—Ты передъ кѣмъ тамъ выфинчиваль? Дѣвцы?

Бекъ-Агамаловъ пожималь руки офицерамъ, низко и небрежно склоняясь съ сѣдла. Онъ улыбнулся, и казалось, что его бѣлые, стиснутые зубы бросили отраженный свѣтъ на весь низъ его лица и на маленькіе черные, холеные усы.

— Ходили тамъ двѣ хорошенькія жидовочки. Да мнѣ что? Я нуль вниманія.

— Знаемъ мы, какъ вы плохо въ шашки играете! — мотнулъ головой Вѣткинъ

— Послушайте, госиода,—заговорилъ Лбовъ и опять заранѣ засмѣялся.—Вы знаете, что сказалъ генераль Дохтуровъ о пѣхотныхъ адъютантахъ? Это къ тебѣ, Бекъ, относится. Что они самые отчаянные наѣзники во всеиъ мирѣ...

— Не ври, фендрикъ! — сказалъ Бекъ-Агамаловъ. Онъ толкнулъ лошадь шенкелями и сдѣлалъ видъ, что хочетъ наѣхать на подпрапорщика.

— Ей-Богу же! У всѣхъ у нихъ, говоритъ, не лошади, а какія-то гитары, шкапы, -- съ запаломъ, хромя, криволазья, опоенныя. А дашь ему приказаніе— знай себѣ жарить, куда попало, во весь карьеръ. Заборъ— такъ заборъ, оврагъ— такъ оврагъ. Черезъ кусты валяетъ. Поводья упустилъ, стремена растерялъ, шапка къ чорту! Лихіе ѣздоки!

— Что слышно новаго, Бекъ?—спросилъ Вѣткинъ.

— Что новаго? Ничего новаго. Сейчасъ, вотъ только что, засталъ полковой командиръ въ собраніи подполковника Леха. Разорался на него такъ, что на соборной площади было слышно. А Лехъ пьянъ, какъ змій, не можетъ папу-маму выговорить. Стоитъ на мѣстѣ и качается, руки за спину заложилъ. А Шульговичъ какъ рявкнетъ на него: „когда разговариваете съ полковымъ командиромъ, извольте руки на задницѣ не держать!“ И прислуга здѣсь же была.

— Крѣпко завинчено!—сказалъ Вѣткинъ съ усмѣшкой — не то иронической, не то поощрительной. — Въ четвертой ротѣ онъ вчера, говорятъ, кричалъ: что вы мнѣ уставъ въ носъ тычете? Я — для васъ уставъ, и никакихъ больше разговоровъ! Я здѣсь царь и Богъ!

Лбовъ вдругъ опять засмѣялся своимъ мыслямъ.

— А вотъ еще, госиода, былъ случай съ адъютантомъ въ N-скомъ полку...

— Заткнитесь, Лбовъ,—серьезно замѣтилъ ему Вѣткинъ.—Экъ васъ прорвало сегодня.

— Есть и еще новость, — продолжалъ Бекъ-Агамаловъ. Онъ снова повернулъ лошадь передомъ ко Лбову и, шутя, сталъ наѣзжать на него. Лошадь мотала головой и фыркала, разбрасывая вокругъ себя пѣну. — Есть и еще новость. Командиръ во всѣхъ ротахъ требуетъ отъ офицеровъ рубку чучель. Въ девятой ротѣ такого холоду нагналъ, что ужасъ. Епифанова закаталъ подъ арестъ за то, что шапка оказалась не отточена... Чего ты трусишь, фендрикъ!—крикнулъ вдругъ Бекъ-Агамаловъ на подпрапорщика.—Привыкай. Самъ вѣдь будешь когда-нибудь адъютантомъ. Будешь сидѣть на лошади, какъ жареный воробей на блюдѣ.

— Ну, ты, азиатъ!.. Убирайся со своимъ одромъ дохлымъ,—отмахивался Лбовъ отъ лошадиной морды. — Ты слыхалъ, Бекъ, какъ въ N-скомъ полку одинъ адъютантъ купилъ лошадь изъ цирка? Выѣхалъ на ней на смотръ, а она вдругъ передъ самымъ командующимъ войсками начала испанскимъ шагомъ парадировать. Знаешь, такъ: ноги вверхъ и этакъ сбоку на бокъ. Врѣзался, наконецъ, въ головную роту—суматоха, крикъ, безобразіе. А лошадь—никакого вниманія, знай себѣ испанскимъ шагомъ раздѣлываетъ. Такъ командующій сдѣлалъ рупоръ — вотъ такъ вотъ—и кричитъ: „Поручи-икъ, тѣмъ же аллюромъ на гауптвахту, на 21 день, ма-арршъ!..“

— Э, пустяки,—сморщился Вѣткинъ. —Слушай, Бекъ, ты намъ съ этой рубкой, дѣйствительно сюрпризъ преподнесъ. Это значить что же? Совсѣмъ свободнаго времени не останется? Вотъ и намъ вчера эту уроду принесли.

Онъ показалъ на середину плаца, гдѣ стояло сдѣланное изъ сырой глины чучело, представлявшее нѣкоторое подобіе человѣческой фигуры, только безъ рукъ и безъ ногъ.

— Что же вы? Рубили?—спросилъ съ любопытствомъ Бекъ-Агамаловъ.—Ромашовъ, вы не пробовали?

— Нѣтъ еще.

— Тоже! Стану я ерундой заниматься,—заворчалъ Вѣткинъ.—Когда это у меня время, чтобы рубить. Съ девяти утра, до шести вечера только и знаешь, что торчишь здѣсь. Едва успѣешь пожрать и водки выпить. Я имъ, слава Богу, не мальчикъ дался...

— Чудакъ. Да вѣдь надо же офицеру умѣть владѣть шашкой.

— Зачѣмъ это, спрашивается? На войнѣ? При те-перешнемъ огнестрѣльномъ оружіи тебя и на сто шаговъ не подпустятъ. На кой мнѣ чортъ твоя шашка? Я не кавалеристъ. А понадобится, я ужъ лучше возьму ружье да прикладомъ — бацъ, бацъ, по башкамъ. Это вѣрнѣе.

— Ну, хорошо, а въ мирное время? Мало ли сколько можетъ быть случаевъ. Бунтъ, возмущеніе тамъ, или что...

— Такъ что же? Причемъ же здѣсь опять-таки шашка? Не буду же я заниматься черной работой, съчь людямъ головы! Ро-ота, пли!—и дѣло въ шляпѣ...

Бекъ-Агамаловъ сдѣлалъ недовольное лицо.

— Э, ты все глупишь, Павелъ Павлычъ. Нѣтъ, ты отвѣчай серьезно. Вотъ идешь ты гдѣ-нибудь на гулянья, или въ театрѣ, или, положимъ, тебя въ ресторанѣ оскорбилъ какой-нибудь шпакъ... возьмемъ крайность -- дасть тебѣ какой-нибудь штатскій пощечину. Ты что же будешь дѣлать?

Вѣткинъ поднялъ кверху плечи и презрительно поджалъ губы.

— Н-ну! Во-первыхъ, меня никакой шпакъ не ударить, потому что бьютъ только того, кто боится, что его побьютъ. А во-вторыхъ... ну, что же я сдѣлаю? Бацну въ него изъ револьвера.

— А если револьверъ дома остался? — спросилъ Лбовъ...

— Ну, чортъ... ну, съѣзжу за нимъ... Вотъ глупости. Былъ же случай, что оскорбили одного корнета въ кафе-шантанѣ. И онъ съѣздить домой на извозчикѣ, привезъ револьверъ и ухлопалъ двухъ какихъ-то рябчиковъ. И все!..

Бекъ-Агамаловъ съ досадою покачалъ головой.

— Знаю. Слышалъ. Однако, судъ призналъ, что онъ дѣйствовалъ съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ, и приговорилъ его. Что же тутъ хорошаго? Нѣтъ ужъ я, если бы меня кто оскорбилъ, или ударилъ...

Онъ не договорилъ, но такъ крѣпко сжалъ въ кулакъ свою маленькую руку, державшую поводья, что она задрожала. Лбовъ вдругъ затрясся отъ смѣха и приснулъ.

— Опять! — строго замѣтилъ Вѣткинъ.

— Господа... пожалуйте... Ха-ха-ха. Въ М-скомъ полку былъ случай. Подпрапорщикъ Краузе въ благородномъ собраніи сдѣлалъ скандалъ. Тогда буфетчикъ схватилъ его за погонъ и почти оторвалъ. Тогда Краузе вынулъ револьверъ — рразъ ему въ голову! На мѣстѣ! Тутъ ему еще какой-то адвокатишко подвернулся, онъ и его — ббахъ! Ну, понятно, всѣ разбѣжались. А тогда Краузе спокойно пошелъ себѣ въ лагерь, на переднюю линейку, къ знамени. Часовой окрикиваетъ: „кто идетъ?“ — „Подпрапорщикъ Краузе, умереть подъ знаменемъ!“ Легъ и прострѣлилъ себѣ руку. Потомъ судъ его оправдалъ.

— Молодчина! — сказалъ Бекъ-Агамаловъ.

Начался обычный, любимый молодыми офицерами разговоръ о случаяхъ неожиданныхъ кровавыхъ расправъ на мѣстѣ, и о томъ, какъ эти случаи проходили почти всегда безнаказанно. Въ одномъ маленькомъ городишкѣ безусый пьяный корнетъ врубился съ шашкой въ толпу евреевъ, у которыхъ онъ предвари-

тельно „разнесъ пасхальную кучку“. Въ Кіевѣ пѣхотный подпоручикъ зарубилъ въ танцевальномъ залѣ студента на смерть за то, что тотъ толкнулъ его локтемъ у буфета. Въ какомъ-то большомъ городѣ — не то въ Москвѣ, не то въ Петербургѣ, — офицеръ застрѣлилъ, „какъ с-собаку“, штатскаго, который въ ресторанѣ сдѣлалъ ему замѣчаніе, что порядочные люди къ незнакомымъ дамамъ не пристають.

Ромашовъ, который до сихъ поръ молчалъ, вдругъ, краснѣя отъ замѣшательства, безъ надобности поправляя очки и откашливаясь, вмѣшался въ разговоръ:

— А вотъ, господа, что я скажу съ своей стороны. Буфетчика я, положимъ, не считаю... да... Но если штатскій... какъ бы это сказать?... Да... Ну, если онъ порядочный человѣкъ, дворянинъ и такъ далѣе... зачѣмъ же я буду на него, безоружнаго, нападать съ пашкой? Отчего же я не могу у него потребовать удовлетворенія? Все-таки же мы люди культурные такъ сказать...

— Э, чепуху вы говорите, Ромашовъ, — перебилъ его Вѣткинъ. — Вы потребуеете удовлетворенія, а онъ скажетъ: „Нѣтъ э-э-э... я, знаете ли, вѣзбще э-э... не признаю дуэли. Я противникъ кровопролитія... И кромѣ того, э-э... у насъ есть мировой судья...“ Вотъ, и ходите тогда всю жизнь съ битой мордой.

Бекъ-Агамаловъ широко улыбнулся своей сіяющей улыбкой.

— Что? Ага! Соглашаешься со мной? Я тебѣ, Вѣткинъ, говорю: учись рубкѣ. У насъ на Кавказѣ всѣ съ дѣтства учатся. На прутьяхъ, на бараньихъ тушахъ, на водѣ...

— А на людяхъ? — вставилъ Лбовъ.

— И на людяхъ, — спокойно отвѣтилъ Бекъ-Агамаловъ. — Да еще какъ рубять! Однимъ ударомъ разсѣкаютъ человѣка отъ плеча къ бедру, наискось. Вотъ это ударъ! А то, что и мараться.

— А ты, Бекъ, можешь такъ?

Бекъ-Агамаловъ вздохнулъ съ сожалѣніемъ.

— Нѣтъ, не могу... Барашка молодого пополамъ пересѣку... пробовалъ даже телячью тушу... а человекъ, пожалуй, нѣтъ... не разрублю. Голову снесу къ чорту, это я знаю, а такъ, чтобы наискось... нѣтъ. Мой отецъ это дѣлалъ легко...

— А ну-ка, господа, пойдѣмте, попробуемъ, — сказалъ Лбовъ молящимъ тономъ, съ загорѣвшимися глазами.—Бекъ, милочка, пожалуйста, пойдѣмъ...

Офицеры подошли къ глиняному чучелу. Первымъ рубилъ Вѣткинъ. Придавъ озвѣрѣлое выраженіе своему доброму, простоватому лицу, онъ изо всей силы, съ большимъ, неловкимъ размахомъ, ударилъ по глинѣ. Въ то же время онъ невольно издалъ горломъ тотъ характерный звукъ—хрясь!—который дѣлаютъ мясники, когда рубятъ говядину. Лезвіе вошло въ глину на четверть аршина, и Вѣткинъ съ трудомъ вывязилъ его оттуда.

— Плохо!—замѣтилъ, покачавъ головой, Бекъ-Агамаловъ.—Вы—Ромашовъ...

Ромашовъ вытащилъ шашку изъ ноженъ и сконфуженно поправилъ рукой очки. Онъ былъ средняго роста, худошавъ и хотя довольно силенъ для своего сложенія, но, отъ большой застѣнчивости, неловокъ. Фехтовать на эспадронахъ онъ не умѣлъ даже въ училищѣ, а за полтора года службы и совсѣмъ забылъ это искусство. Занеся высоко надъ головой оружіе, онъ въ то же время инстинктивно выставилъ впередъ лѣвую руку.

— Руку!—крикнулъ Бекъ-Агамаловъ.

Но было уже поздно. Конецъ шашки только лишь слегка черкнулъ по глинѣ. Ожидавшій большаго сопротивленія, Ромашовъ потерялъ равновѣсіе и пошатнулся. Лезвіе шашки, ударившись объ его вытянутую

впередъ руку, сорвало лоскутокъ кожи у основанія указательнаго пальца. Брызнула кровь.

— Эхъ! Вотъ видите!—воскликнулъ сердито Бекъ-Агамаловъ, слѣзая съ лошади.—Такъ и руку недолго отрубить. Развѣ же можно такъ обращаться съ оружіемъ? Да, ничего, пустяки, завяжите платкомъ потуже. Институтка. Подержи коня, фендрикъ. Вотъ, смотрите. Главная суть удара—не въ плечѣ и не въ локтѣ, а вотъ здѣсь, въ сгибѣ кисти. Онъ сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ кругообразныхъ движеній кистью правой руки, и клинокъ шашки превратился надъ его головой въ одинъ сплошной, сверкающій кругъ.—Теперь смотрите: лѣвую руку я убираю назадъ, за спину. Когда вы наносите ударъ, то не бейте и не рубите предметъ, а рѣжьте его, какъ бы пилите, отдергивайте шашку назадъ, понимаете? И притомъ помните твердо: плоскость шашки должна быть непремѣнно наклонна къ плоскости удара, непремѣнно. Отъ этого уголъ становится острѣе. Вотъ, смотрите.

Бекъ-Агамаловъ отошелъ на два шага отъ глинянаго болвана, впился въ него острымъ прицѣвливающимся взглядомъ и вдругъ, блеснувъ шашкой высоко въ воздухъ, страшнымъ, неуловимымъ для глазъ движеніемъ, весь упавъ напередъ, нанесъ быстрый, какъ молнія, ударъ. Ромашовъ слышалъ только, какъ пронзительно свистнулъ разрѣзанный воздухъ, и тотчасъ же верхняя половина чучела мягко и тяжело шлепнулась на землю. Плоскость отрѣза была гладка, точно отполированная.

— Ахъ, чертъ! Вотъ это—ударъ!—воскликнулъ восхищенный Лбовъ.—Бекъ, голубчикъ, пожалуйста, еще разъ.

— А ну-ка, Бекъ, еще,—попросилъ Вѣткинъ.

Но Бекъ-Агамаловъ, точно боясь испортить произведенный эффектъ, улыбаясь, вкладывалъ шашку въ ножны. Онъ тяжело дышалъ и весь онъ въ эту ми-

нуту, съ широко раскрытыми злобными глазами, съ горбатымъ носомъ и съ оскаленными зубами былъ похожъ на какую-то хищную, злую и гордую птицу.

— Это что? Это развѣ рубка,—говорилъ онъ съ напускнымъ пренебреженіемъ.—Моему отцу, на Кавказѣ, было шестьдесятъ лѣтъ, а онъ лошади перерубалъ шею. Пополамъ! Надо, дѣти мои, постоянно упражняться. У насъ вотъ какъ дѣлаютъ: поставятъ ивовый пруть въ тиски и рубятъ, или воду пустятъ сверху тоненькой струйкой и рубятъ. Если нѣтъ брызговъ, значитъ ударъ былъ вѣрный. Ну, Любовь, теперь ты.

Къ Вѣткину подбѣжалъ съ испуганнымъ видомъ унтеръ-офицеръ Бобылевъ.

— Ваше благородіе... Командиръ полка ѣдутъ!

— Сми-ирррна! — закричалъ протяжно, строго и возбужденно капитанъ Слива съ другого конца площади. Офицеры торопливо разошлись по своимъ взводамъ.

Большая неуклюжая коляска медленно съѣхала съ шоссе на плацъ и остановилась. Изъ нея съ одной стороны тяжело вылѣзъ, наклонивъ весь кузовъ на бокъ, полковой командиръ, а съ другой легко соскочилъ на землю полковой адъютантъ штабсъ-капитанъ Федоровскій,—высокій, щеголеватый офицеръ.

— Здорово, шестая!—послышался густой, спокойный голосъ полковника. Солдаты громко и нестройно закричали съ разныхъ угловъ плаца: „здравія желаемъ, ваш-о-о-о!“ Офицеры приложили руки къ козырькамъ фуражекъ.

— Прошу продолжать занятія,—сказалъ командиръ полка и подошелъ къ ближайшему взводу.

Полковникъ Шульговичъ былъ сильно не въ духѣ. Онъ обходилъ взводы, предлагалъ солдатамъ вопросы изъ гарнизонной службы и время отъ времени ругался матерными словами съ той особенной молодече-

ской виртуозностью, которая въ этихъ случаяхъ при-
суща старымъ фронтовымъ служакамъ. Солдаты точно
гипнотизировалъ пристальный, упорный взглядъ его
старчески-блѣдныхъ, выцвѣтшихъ, строгихъ глазъ, и
они смотрѣли на него, не моргая, едва дыша, вытя-
гиваясь въ ужасъ всѣмъ тѣломъ. Полковникъ былъ
огромный, тучный, осанистый старикъ. Его мясистое
лицо, очень широкое въ скулахъ, сужалось вверхъ,
ко лбу, а снизу переходило въ густую серебряную
бороду заступомъ, и такимъ образомъ имѣло форму
большого, тяжелаго ромба. Брови были сѣдые, лохма-
тые, грозныя. Говорилъ онъ, почти не повышая тона,
но каждый звукъ его необыкновеннаго, знаменитаго
въ дивизіи голоса,—голоса, которымъ онъ, кстати ска-
зать, сдѣлалъ всю свою служебную карьеру,—былъ
ясно слышенъ въ самыхъ дальнихъ мѣстахъ обшир-
наго плаца, и даже по шоссе.

— Ты кто такой?—отрывисто спросилъ полковникъ,
внезапно остановившись передъ молодымъ солдатомъ
Шарафутдиновымъ, стоявшимъ у гимнастическаго за-
бора.

— Рядовой шестой роты Шарафутдиновъ, ваша
высокоблагородія!—старательно и хрипло крикнулъ
татаринъ.

— Дуракъ! Я тебя спрашиваю, на какой постъ ты
наряженъ?

Солдаты, растерявшись отъ окрика и сердитаго ко-
мандирскаго вида, молчали и только моргали вѣ-
ками.

— Н-ну?—возвысилъ голосъ Шульговичъ.

— Который лицо часовой... неприкосновенно...—
залепеталъ наобумъ татаринъ.—Не могу знать, ваша
высокоблагородія,—закончилъ онъ вдругъ тихо и рѣ-
шительно.

Полное лицо командира покраснѣло густымъ, кир-
пичнымъ, старческимъ румянцемъ, а его кустистыя брови

гнѣвно сдвинулись. Онъ обернулся вокругъ себя и рѣзко спросилъ:

— Кто здѣсь младшій офицеръ?

Ромашовъ выдвинулся впередъ и приложилъ руку къ фуражкѣ.

— Я, г. полковникъ.

— А-а! Подпоручикъ Ромашовъ. Хорошо вы, должно быть, занимаетесь съ людьми. Колѣни вмѣстѣ!—гаркнулъ вдругъ Шульговичъ, выкатывая глаза.—Какъ стоите въ присутствіи своего полкового командира? Капитанъ Слива, ставлю вамъ на видъ, что вашъ субалтернъ-офицеръ не умѣетъ себя держать передъ начальствомъ при исполненіи служебныхъ обязанностей... Ты, собачья душа,—повернулся Шульговичъ къ Шарафутдинову,—кто у тебя полковой командиръ?

— Не могу знать,—отвѣтилъ съ уныніемъ, но поспѣшно и твердо татаринъ.

— У!.. Я тебя спрашиваю, кто твой командиръ полка? Кто—я? Понимаешь, я, я, я, я, я!..—И Шульговичъ нѣсколько разъ изо всей силы ударилъ себя ладонью по груди.

— Не могу знать...

——...выругался полковникъ длинной, въ двадцать словъ, запутанной и циничной фразой.—Капитанъ Слива, извольте сейчасъ же поставить этого сукинаго сына подъ ружье съ полной выкладкой. Пусть сгніетъ, каналья, подъ ружьемъ. Вы, подпоручикъ, больше о бабьихъ хвостахъ думаете, чѣмъ о службѣ-съ. Вальсы танцуете, Поль-де-Коковъ читаете... Что же это—солдатъ, по вашему?—ткнулъ онъ пальцемъ въ губы Шарафутдинову.—Это—срамъ, позоръ, омерзѣніе, а не солдатъ. Фамилію своего полкового командира не знаетъ... У-д-ди-вляюсь вамъ, подпоручикъ!..

Ромашовъ глядѣлъ въ сѣдое, красное, раздраженное лицо и чувствовалъ, какъ у него отъ обиды и отъ волненія колотится сердце и темнѣетъ передъ

глазами... И вдругъ, почти неожиданно для самого себя, онъ сказалъ глухо:

— Это — татаринъ, г. полковникъ. Онъ ничего не понимаетъ по-русски, и кромѣ того...

У Шульговича мгновенно поблѣднѣло лицо, запрыгали дряблыя щеки, и глаза сдѣлались совсѣмъ пустыми и страшными.

— Что? — заревѣлъ онъ такимъ неестественно-оглушительнымъ голосомъ, что еврейскіе мальчишки, сидѣвшіе около шоссе на заборѣ, посыпались, какъ воробьи, въ разныя стороны. — Что? Разговаривать? Ма-ал-чаты! Молокосось, прапорщикъ позволяетъ себѣ... Поручикъ Федоровскій, объявите въ сегодняшнемъ приказѣ о томъ, что я подвергаю подпоручика Ромашова домашнему аресту на четверо сутокъ за непониманіе воинской дисциплины. А капитану Сливѣ объявляю строгій выговоръ за то, что не умѣетъ внушить своимъ младшимъ офицерамъ настоящихъ понятій о служебномъ долгѣ.

Адъютантъ съ почтительнымъ и безстрастнымъ видомъ отдалъ честь. Слива, сгорбившись, стоялъ съ деревяннымъ, ничего не выражающимъ лицомъ и все время держалъ трясущуюся руку у козырька фуражки.

— Стыдно вамъ-съ, капитанъ Слива-съ, — ворчалъ Шульговичъ, постепенно успокаиваясь. — Одинъ изъ лучшихъ офицеровъ въ полку, старый служака — и такъ распускаете молодежь. Подтягивайте ихъ, жучьте ихъ безъ стѣсненія. Нечего съ ними стѣсняться. Не барышни, не размокнуть...

Онъ круто повернулся и, въ сопровожденіи адъютанта пошелъ къ коляскѣ. И пока онъ садился, пока коляска повернула на шоссе и скрылась за зданіемъ ротной школы, — на плацу стояла робкая, недоумѣлая тишина.

— Эхъ, ба-тень-ка! — съ презрѣніемъ, сухо и недру-

желюбно сказалъ Слива нѣсколько минутъ спустя, когда офицеры расходились по домамъ.—Дернуло васъ разговаривать. Стояли бы и молчали, если ужъ Богъ убилъ. Теперь вотъ мнѣ изъ-за васъ въ приказѣ выговоръ. И на кой мнѣ чортъ васъ въ роту прислали? Нужны вы мнѣ, какъ собакѣ пятая нога. Вамъ бы сиську сосать, а не...

Онъ не договорилъ, устало махнулъ рукой и, повернувшись спиной къ молодому офицеру, весь сгорбившись, опустившись, поплелся домой, въ свою грязную, старческую, холостую квартиру. Ромашовъ поглядѣлъ ему вслѣдъ, на его унылую, узкую и длинную спину, и вдругъ почувствовалъ, что въ его сердцѣ, сквозь горечь недавней обиды и публичнаго позора, шевелится сожалѣніе къ этому одинокому, огрубѣвшему, никѣмъ не любимому человѣку, у котораго во всемъ мірѣ остались только двѣ привязанности: строевая красота своей роты и тихое, уединенное ежедневное пьянство, по вечерамъ,—„до подушки“, какъ выражались въ полку старые залойные бурбоны.

И такъ какъ у Ромашова была немножко смѣшная, наивная привычка, часто свойственная очень молодымъ людямъ—думать о самомъ себѣ въ третьемъ лицѣ, словами шаблонныхъ романовъ, то и теперь онъ произнесъ внутренно:

—Его добрые, выразительные глаза подернулись облакомъ грусти...

II.

Солдаты разошлись повзводно на квартиры. Плацъ опустѣлъ. Ромашовъ нѣкоторое время стоялъ въ нерѣшимости на шоссе. Уже не въ первый разъ за полтора года своей офицерской службы испытывалъ онъ это мучительное сознание своего одиночества, за-

терянности среди чужихъ, недоброжелательныхъ или равнодушныхъ людей,—это тоскливое чувство незнанія, куда дѣвать сегодняшній вечеръ. Мысли о своей квартирѣ, объ офицерскомъ собраніи были ему противны. Въ собраніи теперь пустота; навѣрно, два подпрапорщика играютъ на скверномъ, маленькомъ билліардѣ, пьютъ пиво, курятъ и надъ каждымъ шаромъ ожесточенно божатся и сквернословятъ; въ комнатахъ стоитъ застарѣлый запахъ плохого кухмистерскаго обѣда—скучно!..

— Пойду на вокзалъ,—сказаль самъ себѣ Ромашовъ.—Все равно.

Въ бѣдномъ еврейскомъ мѣстечкѣ не было ни одного ресторана. Клубы, какъ военный, такъ и гражданскій, находились въ самомъ жалкомъ, запущенномъ видѣ, и поэтому вокзалъ служилъ единственнымъ мѣстомъ, куда обыватели ѣздили частенько покутить и встряхнуться, и даже поиграть въ карты. Ѣздили туда и дамы къ приходу пассажирскихъ поѣздовъ, что служило маленькимъ разнообразіемъ въ глубокой скукѣ провинціальной жизни.

Ромашовъ любилъ ходить на вокзалъ по вечерамъ, къ курьерскому поѣзду, который останавливался здѣсь въ послѣдній разъ передъ прусской границей. Со страннымъ очарованіемъ, взволнованно слѣдилъ онъ, какъ къ станціи, стремительно выскочивъ изъ-за поворота, подлеталъ на всѣхъ парахъ этотъ поѣздъ, состоявшій всего изъ пяти новенькихъ, блестящихъ вагоновъ, какъ быстро росли и разгорались его огненные глаза, бросавшіе впередъ себя на рельсы свѣтлыя пятна, и какъ онъ, уже готовый проскочить станцію, мгновенно, съ шипѣніемъ и грохотомъ, останавливался— „точно великанъ, ухватившійся съ разбѣга за скалу“, думаль Ромашовъ. Изъ вагоновъ, сіяющихъ насквозь веселыми праздничными огнями, выходили красивыя, нарядныя, выхоленныя дамы въ удивительныхъ шляхахъ, въ необычно-

венно изящныхъ костюмахъ, выходили штатскіе господа, прекрасно одѣтые, беззаботно самоувѣренные, съ громкими барскими голосами, съ французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, съ свободными жестами, съ дѣливымъ смѣхомъ. Никто изъ нихъ никогда, даже мелькомъ, не обращалъ вниманія на Ромашова, но онъ видѣлъ въ нихъ кусочекъ какого-то недоступнаго, изысканнаго, великолѣпнаго міра, гдѣ жизнь—вѣчный праздникъ и торжество...

Проходило восемь минутъ. Звенѣлъ звонокъ, свистѣлъ паровозъ, и сіяющій поѣздъ отходилъ отъ станціи. Торопливо тушились огни на перронѣ и въ буфетѣ. Сразу наступали темные будни. И Ромашовъ всегда подолгу съ тихой, мечтательной грустью слѣдилъ за краснымъ фонарикомъ, который плавно раскачивался сзади послѣдняго вагона, уходя во мракъ ночи и становясь едва замѣтной искоркой.

— Пойду на вокзалъ,—подумалъ Ромашовъ. Но тотчасъ же онъ поглядѣлъ на свои калоши и покраснѣлъ отъ колючаго стыда. Это были тяжелыя резиновыя калоши въ полторы четверти глубиной, облѣпленныя доверху густой, какъ тѣсто, черной грязью. Такія калоши носили всѣ офицеры въ полку. Потомъ онъ посмотрѣлъ на свою шинель, обрѣзанную, тоже ради грязи, по колѣна, съ висящей внизу бахромой, съ засаленными и растянутыми петлями, и вздохнулъ. На прошлой недѣлѣ, когда онъ проходилъ по платформѣ мимо того же курьерскаго поѣзда, онъ замѣтилъ высокую, стройную, очень красивую даму въ черномъ платьѣ, стоявшую въ дверяхъ вагона I класса. Она была безъ шляпы, и Ромашовъ быстро, но отчетливо успѣлъ разглядѣть ея тонкій, правильный носъ и прелестныя маленькія и полныя губы, и блестящіе черные, волнистые волосы, которые отъ прямого пробора посрединѣ головы спускались внизъ къ щекамъ, закрывая виски, концы бровей и уши. Сзади нея, выглядывая изъ-за ея плеча,

стоялъ рослый молодой человекъ, въ свѣтлой парѣ, съ надменнымъ лицомъ и съ усами вверхъ, какъ у императора Вильгельма, даже похожій нѣсколько на Вильгельма. Дама тоже посмотрѣла на Ромашова и, какъ ему показалось, посмотрѣла пристально, со вниманіемъ, и, проходя мимо нея, подпоручикъ подумалъ, по своему обыкновенію: „глаза прекрасной незнакомки съ удовольствіемъ остановились на стройной, худощавой фигурѣ молодого офицера“. Но когда, пройдя десять шаговъ, Ромашовъ внезапно обернулся назадъ, чтобы еще разъ встрѣтить взглядъ красивой дамы, онъ увидѣлъ, что и она, и ея спутникъ съ увлеченіемъ смѣются, глядя ему вслѣдъ. Тогда Ромашовъ вдругъ съ поразительной ясностью и какъ будто со стороны представилъ себѣ самого себя, свои калоши, шинель, блѣдное лицо, близорукость, свою обычную растерянность и неловкость, вспомнилъ свою, только-что сейчасъ подуманную красивую фразу и покраснѣлъ мучительно, до острой боли, отъ нестерпимаго стыда. И даже теперь, идя одинъ въ полутьмѣ весенняго вечера, онъ опять, еще разъ покраснѣлъ отъ стыда за этотъ прошлый стыдъ.

— Нѣтъ, куда ужъ на вокзалъ, — прошепталъ съ горькой безнадежностью Ромашовъ. — Похожу немного, а потомъ домой...

Было начало апрѣля. Сумерки сгущались незамѣтно для глаза. Тополи, окаймлявшіе шоссе, бѣлые, низкіе домики съ черепичными крышами по сторонамъ дороги, фигуры рѣдкихъ прохожихъ — все почернѣло, утратило цвѣта и перспективу; всѣ предметы обратились въ черные, плоскіе силуэты, но очертанія ихъ съ прелестной четкостью стояли въ смугломъ воздухѣ. На западѣ за городомъ горѣла заря. Точно въ жерло раскаленнаго, пылающаго жидкимъ золотомъ вулкана сваливались тяжелыя, сизыя облака и рдѣли кроваво-красными и янтарными, и фіолетовыми огнями. А надъ

вулканомъ поднималось куполомъ вверхъ, зеленѣя бирюзой и аквамагриномъ, кроткое, вечернее весеннее небо.

Медленно идя по шоссе, съ трудомъ волоча ноги въ огромныхъ калошахъ, Ромашовъ неотступно глядѣлъ на этотъ волшебный пожаръ. Какъ и всегда, съ самаго дѣтства, ему чудилась за яркой вечерней зарей какая-то таинственная, свѣтозарная жизнь. Точно тамъ, далеко-далеко за облаками и за горизонтомъ, пылалъ подъ невидимымъ отсюда солнцемъ чудесный, ослѣпительно-прекрасный городъ скрытый отъ глазъ тучами, проникнутыми внутреннимъ огнемъ. Тамъ сверкали нестерпимымъ блескомъ мостовыя изъ золотыхъ плитокъ, возвышались причудливые купола и башни съ пурпурными крышами, сверкали брилліанты въ окнахъ, трепетали въ воздухѣ яркіе, разноцвѣтные флаги. И чудилось, что въ этомъ далекомъ и сказочномъ городѣ живутъ радостные, ликующіе люди, вся жизнь которыхъ похожа на сладкую музыку, у которыхъ даже задумчивость, даже грусть — очаровательно-нѣжны и прекрасны. Ходятъ они по сіяющимъ площадямъ, по тѣнистымъ садамъ, между цвѣтами и фонтанами, ходятъ, богоподобные, свѣтлые, полные неопикуемой радости, не знающіе преградъ въ счастьи и желаніяхъ, не омраченные ни скорбью, ни стыдомъ, ни заботой...

Неожиданно вспомнилась Ромашову недавняя сцена на плацу, грубые крики полковнаго командира, чувство пережитой обиды, чувство острой и въ то же время мальчишеской неловкости передъ солдатами. Всего больнѣе было для него то, что на него кричали совсѣмъ точно такъ же, какъ и онъ иногда кричалъ на этихъ молчаливыхъ свидѣтелей его сегодняшняго позора, и въ этомъ сознаніи было что-то уничтожавшее разницу положеній, что-то принижавшее его офицерское и, какъ онъ думалъ, человѣческое достоинство.

И въ немъ тотчасъ же, точно въ мальчикѣ—въ

немъ, и въ самомъ дѣлѣ, осталось еще много ребяческаго—закипѣли мстительныя, фантастическія, опьяняющія мечты.—Глупости! Вся жизнь передо мной!—думалъ Ромашовъ и, въ увлеченіи своими мыслями, онъ зашагалъ бодрѣе и задышалъ глубже.—Вотъ, на зло имъ всѣмъ, завтра же съ утра засяду за книги, подготовлюсь и поступлю въ академію. Трудъ! О, трудомъ можно сдѣлать все, что захочешь. Взять только себя въ руки. Буду зубрить, какъ бѣшеный... И вотъ, неожиданно для всѣхъ, я выдерживаю блистательно экзаменъ. И тогда навѣрно всѣ они скажутъ: что же тутъ такого удивительнаго? Мы были заранѣе въ этомъ увѣрены. Такой способный, милый, талантливый молодой человѣкъ.

И Ромашовъ поразительно живо увидѣлъ себя ученымъ офицеромъ генеральнаго штаба, подающимъ громадныя надежды... Имя его записано въ академіи на золотую доску. Профессора предрекаютъ ему блестящую будущность, предлагаютъ остаться при академіи, но—нѣтъ—онъ идетъ въ строй. Надо отбывать срокъ командованія ротой. Непремѣнно, ужъ непремѣнно въ своемъ полку. Вотъ, онъ пріѣзжаетъ сюда—изящный, снисходительно-небрежный, корректный и дерзко-вѣжливый, какъ тѣ офицеры генеральнаго штаба, которыхъ онъ видѣлъ на прошлогоднихъ большихъ маневрахъ и на съемкахъ. Отъ общества офицеровъ онъ сторонится. Грубыя армейскія привычки, фамиллярность, карты, попойки—нѣтъ, это не для него: онъ помнитъ, что здѣсь только этапъ на пути его дальнѣйшей карьеры и славы.

Вотъ начались манервы. Большой двухсторонній бой. Полковникъ Шульговичъ не понимаетъ диспозиціи, путается, суетитъ людей и самъ суетится—ему уже дѣлалъ два раза замѣчаніе черезъ ординарцевъ командиръ корпуса. „Ну, капитанъ, выручайте,—обращается онъ къ Ромашову.—Знаете, по старой дружбѣ.

Помните, хе-хе-хе, какъ мы съ вами ссорились. Ужь, пожалуиста“. Лицо сконфуженное и заискивающее. Но Ромашовъ, безукоризненно отдавая честь и подавшись впередъ на сѣдлѣ, отвѣчаетъ съ спокойно-высокомъ-фр-нымъ видомъ: „Виновать, г. полковникъ... Это—ваша обязанность распорядиться передвиженіями полка. Мое дѣло—принимать приказанія и исполнять ихъ“... А ужь отъ командира корпуса летитъ третій ординарецъ съ новымъ выговоромъ.

Блестящій офицеръ генеральнаго штаба Ромашовъ идетъ все выше и выше по пути служебной карьеры... Вотъ вспыхнуло возмущеніе рабочихъ на большомъ сталелитейномъ заводѣ. Спѣшно вытребована рота Ромашова. Ночь, зарево пожара, огромная воющая толпа, летятъ камни... Стройный, красивый капитанъ выходитъ впередъ роты. Это Ромашовъ. „Братцы,—обращается онъ къ рабочимъ,—въ третій и послѣдній разъ предупреждаю, что буду стрѣлять“!.. Крики, свистъ, хохоть... Камень ударяетъ въ плечо Ромашову, но его мужественное, открытое лицо остается спокойнымъ. Онъ поворачивается назадъ, къ солдатамъ, у которыхъ глаза пылаютъ гнѣвомъ, потому что обидѣли ихъ обожаемаго начальника. „Прямо по толпѣ, пальба ротою... Рота-а, пли“!.. Сто выстрѣловъ сливаются въ одинъ... Ревъ ужаса. Десятки мертвыхъ и раненыхъ валяются въ кучу... Остальные бѣгутъ въ беспорядкѣ, нѣкоторые становятся на колѣни, умоляя о пощадѣ. Бунтъ усмиренъ. Ромашова ждетъ впереди благодарность начальства и награда за примѣрное мужество.

А тамъ война... Нѣтъ, до войны лучше Ромашовъ поѣдетъ военнымъ шпиономъ въ Германію. Изучить нѣмецкій языкъ до полного совершенства и поѣдетъ. Какая упоительная отвага! Одинъ, совсѣмъ одинъ, съ нѣмецкимъ паспортомъ въ карманѣ, съ шарманкой за плечами. Обязательно съ шарманкой. Ходитъ изъ города въ городъ, вертитъ ручку шарманки, собираетъ

пфенниги, притворяется дуракомъ и въ то же время потихоньку снимаетъ планы укрѣпленій, складовъ, казармъ, лагерей. Кругомъ вѣчная опасность. Свое правительство отступилось отъ него, онъ внѣ законовъ. Удастся ему достать цѣнные свѣдѣнія—у него деньги, чины, положеніе, извѣстность, нѣтъ—его разстрѣляютъ безъ суда, безъ всякихъ формальностей, рано утромъ во рву какого-нибудь косога копонира. Вотъ ему сострадательно предлагаютъ завязать глаза бѣлой косынкой, но онъ съ гордостью швыряетъ ее на землю. „Или вы думаете, что настоящій офицеръ боится поглядѣть въ лицо смерти“? Старый полковникъ говорить участливо: послушайте, вы молоды, мой сынъ въ такомъ же возрастѣ, какъ и вы. Назовите вашу фамилію, назовите только вашу національность, и мы замѣнимъ вамъ смертную казнь заключеніемъ“.—Но Ромашовъ перебиваетъ его съ холодной вѣжливостью: „Это напрасно, полковникъ, благодарю васъ. Дѣлайте свое дѣло“. Затѣмъ онъ обращается ко взводу стрѣлковъ. „Солдаты, — говоритъ онъ твердымъ голосомъ, конечно, по-нѣмецки, — прошу васъ о товарищеской услугѣ: цѣльтесь въ сердце!“ Чувствительный лейтенантъ, едва скрывая слезы, машетъ бѣлымъ платкомъ. Залпъ...

Эта картина вышла въ воображеніи такой живой и яркой, что Ромашовъ, уже давно шагавшій частыми, большими шагами и глубоко дышавшій, вдругъ задрожалъ и въ ужасѣ остановился на мѣстѣ со сжатыми судорожно кулаками и бьющимся сердцемъ. Но тотчасъ же, слабо и виновато улыбнувшись самому себѣ въ темнотѣ, онъ съежился и продолжалъ путь.

Но скоро быстрыя, какъ потокъ, неодолимая мечты опять овладѣли имъ. Началась ожесточенная, кровопролитная война съ Пруссіей и Австріей. Огромное поле сраженія, трупы, гранаты, кровь, смерть! Это генеральный бой, рѣшающій всю судьбу кампаніи. Подъ

ходятъ послѣдніе резервы, ждуть съ минуты на минуту появленія въ тылу непріятеля обходной русской колонны. Надо выдержать ужасный натискъ врага, надо удержаться во что бы то ни стало. И самый страшный огонь, самыя яростныя усилія непріятеля направлены на Керенскій полкъ. Солдаты дерутся, какъ львы, они ни разу не поколебались, хотя ряды ихъ съ каждой секундой тають подъ градомъ вражескихъ выстрѣловъ. Историческій моментъ! Продержаться бы еще минуту, двѣ, и побѣда будетъ вырвана у противника. Но полковникъ Шульговичъ въ смятеніи; онъ храбръ — это безспорно, но его первы не выдерживаютъ этого ужаса. Онъ закрываетъ глаза, содрогаются, блѣднѣетъ... Вотъ онъ уже сдѣлалъ знакъ горнисту играть отступленіе, вотъ уже солдатъ приложилъ рожокъ къ губамъ, но въ эту секунду изъ-за холма на взмыленной арабской лошади вылетаетъ начальникъ дивизионнаго штаба, полковникъ Ромашовъ. „Полковникъ, не смѣть отступать! Здѣсь рѣшается судьба Россіи!“.. Шульговичъ вспыхиваетъ: „Полковникъ! здѣсь я командую и я отвѣчаю передъ Богомъ и Государемъ! Я не могу держать свой полкъ подъ разстрѣломъ. Горнистъ, отбой!“ Но Ромашовъ уже выхватилъ изъ рукъ трубача рожокъ. „Ребята, впередъ! Царь и родина смотрятъ на васъ! Ура!“ Бѣшено, съ потрясающимъ крикомъ ринулись солдаты впередъ, вслѣдъ за Ромашовымъ. Все смѣшалось, заволочлось дымомъ, покатилося куда-то въ пропасть. Непріятельскіе ряды дрогнули и отступаютъ въ беспорядкѣ. А сзади ихъ, далеко за холмами уже блестятъ штыки свѣжей, обходной колонны. „Ура, братцы, побѣда!“...

Ромашовъ, который теперь уже не шель а бѣжалъ, оживленно жестикулируя, вдругъ остановился и съ трудомъ пришелъ въ себя. По его спинѣ, по рукамъ и ногамъ, подъ одеждой, по голому тѣлу, казалось, бѣтали чьи-то холодные пальцы, волосы на головѣ ше-

велились, глаза рѣзало отъ восторженныхъ слезъ. Онъ и самъ не замѣтилъ, какъ дошелъ до своего дома, и теперь, очнувшись отъ пылкихъ грезъ, съ удивленіемъ глядѣлъ на хорошо знакомыя ему ворота, на жидкій фруктовый садъ за ними и на бѣлый, крошечный флигелекъ въ глубинѣ сада.

— Какія, однако, глупости лѣзутъ въ башку!—прошепталъ онъ сконфуженно. И его голова робко ушла въ приподнятыя кверху плечи.

III.

Придя къ себѣ, Ромашовъ, какъ былъ въ пальто, не снявъ даже шапки, легъ на кровать и долго лежалъ, не двигаясь, тупо и пристально глядя въ потолокъ. У него болѣла голова и ломило спину, а въ душѣ была такая пустота, точно тамъ никогда не рождалось ни мыслей, ни воспоминаній, ни чувствъ: не ощущалось даже ни раздраженія, ни скуки, а просто лежало что-то большое, темное и равнодушное.

За окномъ мягко гасли грустныя и нѣжныя, зеленоватыя апрѣльскія сумерки. Въ сѣняхъ тихо возился денщикъ, осторожно гремя чѣмъ-то металлическимъ.

— Вотъ странно,—говорилъ про себя Ромашовъ:— гдѣ-то я читалъ, что человѣкъ не можетъ ни одной секунды не думать. А я вотъ лежу и ни о чемъ не думаю. Такъ ли это? Нѣтъ, я сейчасъ думалъ о томъ, что ничего не думаю,—значить, все-таки какое-то колесо въ мозгу вертѣлось. И вотъ сейчасъ опять провѣряю себя, стало быть, опять-таки думаю...

И онъ до тѣхъ поръ разбирался въ этихъ нудныхъ, запутанныхъ мысляхъ, пока ему вдругъ не стало почти физически противно: какъ будто у него подъ черепомъ расплылась сѣрая, грязная паутина, отъ которой ни-

какъ нельзя было освободиться. Онъ поднялъ голову съ подушки и крикнулъ:

— Гайнанъ!..

Въ снѣгахъ что-то грохнуло и покатилося, должно быть, самоварная труба. Въ комнату ворвался денщикъ, такъ быстро и съ такимъ шумомъ отворивъ и затворивъ дверь, точно за нимъ гнались сзади.

— Я, ваше благородіе!—крикнулъ Гайнанъ испуганнымъ голосомъ.

— Отъ поручика Николаева никто не былъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!—крикнулъ Гайнанъ.

Между офицеромъ и денщикомъ давно уже установились простыя, довѣрчивыя, даже нѣсколько любовно-фамиллярныя отношенія. Но, когда дѣло доходило до казенныхъ оффиціальныхъ отвѣтовъ, вродѣ „точно такъ“, „никакъ нѣтъ“, „здравія желаю“, „не могу знать“, то Гайнанъ невольно выкрикивалъ ихъ тѣмъ деревяннымъ, ненатуральнымъ, бессмысленнымъ крикомъ, какимъ всегда говорятъ солдаты съ офицерами въ строю. Это была безсознательная привычка, которая вѣлася въ него съ первыхъ дней его новобранства и, вѣроятно, засѣла на всю жизнь.

Гайнанъ былъ родомъ черемись, а по религіи—идолопоклонникъ. Послѣднее обстоятельство почему-то очень льстило Ромашову. Въ полку между молодыми офицерами была распространена довольно наивная мальчишеская, смѣхотворная игра: обучать денщиковъ разнымъ диковиннымъ, необыкновеннымъ вещамъ. Вѣткинъ, напримѣръ, когда къ нему приходили въ гости товарищи, обыкновенно спрашивалъ своего денщика молдаванина: „а что, Бузескулъ, осталось у насъ въ погребѣ еще шампанское?“ Бузескулъ отвѣчалъ на это совершенно серьезно: „никакъ нѣтъ, ваше благородіе, вчера изволили выпить послѣднюю дюжину“.— Другой офицеръ подпоручикъ Епифановъ любилъ зада-

вать своему денщику мудреные, пожалуй, вряд ли ему самому понятные вопросы. „Какого ты мнѣнія, другъ мой, — спрашивалъ онъ, — о реставраціи монархическаго начала въ современной Франціи?“ И денщикъ, не сморгнувъ, отвѣчалъ: „точно такъ, ваше благородіе, это выходитъ очень хорошо“. Поручикъ Бобетинскій училъ денщика катехизису, и тотъ безъ запинки отвѣчалъ на самые удивительные, оторванные отъ всего, вопросы: „Почему сіе важно въ третьихъ?“ — „Сіе въ третьихъ не важно“, или — „Какого мнѣнія о семъ Святая Церковь?“ — „Святая Церковь о семъ умалчиваетъ“. У него же денщикъ декламировалъ съ нелѣпыми трагическими жестами монологъ Пимена изъ Бориса Годунова. Распространена была также манера заставлятъ денщиковъ говорить по-французски: бонжуръ, мусье, боннъ нюить, мусье, вуле ву дю те, мусье, — и все въ томъ же родѣ, что придумывалось отъ скуки, отъ узости замкнутой жизни, отъ отсутствія другихъ интересовъ, кромѣ служебныхъ.

Ромашовъ часто разговаривалъ съ Гайнаномъ о его богахъ, о которыхъ, впрочемъ, самъ черемисъ имѣлъ довольно темныя и скудныя понятія, а также, въ особенности, о томъ, какъ онъ принималъ присягу на вѣрность престолу и родинѣ. А принималъ онъ присягу, дѣйствительно, весьма оригинально. Въ то время когда формулу присяги читалъ: православнымъ — священникъ, католикамъ — ксендзъ, евреямъ — раввинъ, протестантамъ, за неимѣніемъ пастора — штабсъ-капитанъ Дицъ, а магометанамъ — поручикъ Бекъ-Агамаловъ, — съ Гайнаномъ была совсѣмъ особая исторія. Полковой адъютантъ поднесъ поочередно ему и двумъ его землякамъ и единовѣрцамъ по куску хлѣба съ солью на остріѣ шашки, и тѣ, не касаясь хлѣба руками, брали его ртомъ и тутъ же съѣли. Символическій смыслъ этого обряда былъ, кажется, таковъ: вотъ я съѣлъ хлѣбъ и соль на службѣ у новаго хозяина, — пусть же меня

покараетъ желѣзо, если я буду невѣренъ. Гайнанъ, по-видимому, нѣсколько гордился этимъ исключительнымъ обрядомъ и охотно о немъ вспоминалъ. А такъ какъ съ каждымъ новымъ разомъ онъ вносилъ въ свой рассказъ все новыя и новыя подробности, то въ концѣ концовъ у него получилась какая-то фантастическая, невѣроятно-нелѣпая и, вправду, смѣшная сказка, весьма занимавшая Ромашова и приходившихъ къ нему подпоручиковъ.

Гайнанъ и теперь думалъ, что поручикъ сейчасъ же начнетъ съ нимъ привычный разговоръ о богахъ и о присягѣ, и потому стоялъ и хитро улыбался въ ожиданіи. Но Ромашовъ сказалъ вяло:

— Ну, хорошо... ступай себѣ...

— Суртукъ тебѣ новый приготовить, ваше благородіе?—заботливо спросилъ Гайнанъ.

Ромашовъ молчалъ и колебался. Ему хотѣлось сказать—да, потомъ—нѣтъ, потомъ опять—да. Онъ глубоко, по дѣтски, въ нѣсколько пріемовъ, вздохнулъ и отвѣтилъ уныло:

— Нѣтъ ужъ, Гайнанъ... зачѣмъ ужъ... Богъ съ ними... Давай, братецъ, самоваръ, да потомъ сбѣгаешь въ собраніе за ужиномъ. Что ужъ!

„Сегодня нарочно не пойду,—упрямо, но бессильно подумалъ онъ.—Невозможно каждый день надоѣдать людямъ, да и... вовсе мнѣ тамъ, кажется, не рады.

Въ умѣ это рѣшеніе казалось твердымъ, но гдѣ-то глубоко и потаенно въ душѣ, почти не проникая въ сознаніе, копошилась увѣренность, что онъ сегодня, какъ и вчера, какъ дѣлалъ это почти ежедневно въ послѣдніе три мѣсяца, все-таки пойдетъ къ Николаевымъ. Каждый день, уходя отъ нихъ въ 12 часовъ ночи, онъ, со стыдомъ и раздраженіемъ на собственную безхарактерность, давалъ себѣ честное слово пропустить недѣлю или двѣ, а то и вовсе перестать ходить къ нимъ. И пока онъ шелъ къ себѣ, пока ложился въ постель,

пока засыпаль, онъ вѣриль тому, что ему будетъ легко сдержать свое слово. Но проходила ночь, медленно и противно волочился день, наступаль вечеръ, и его опять болѣзненно и неудержимо тянуло въ этотъ чистый, свѣтлый дсмъ, въ уютныя комнаты, къ этимъ спокойнымъ и веселымъ людямъ и, главное, къ сладостному обаянію женской красоты, ласки и кокетства.

Ромашовъ сѣлъ на кровати. Становилось темно, но онъ еще хорошо видѣль всю свою комнату. О, какъ надоѣло ему видѣть каждый день все тѣ же убогіе и немногочисленные предметы его „обстановки“. Лампа съ розовымъ колпакомъ-тюльпаномъ на крошечномъ письменномъ столѣ, рядомъ съ круглымъ, торопливо стучащимъ будильникомъ и чернильницей въ видѣ мопса; на стѣнѣ вдоль кровати войлочный коверъ съ изображеніемъ тигра и верхового арапа съ копьемъ; жиденькая этажерка съ книгами въ одномъ углу, а въ другомъ фантастическій силуэтъ віолончельнаго футляра; надъ единственнымъ окномъ соломенная штора, свернутая въ трубку; около двери простыня, закрывающая вѣшалку съ платьемъ. У каждого холостого офицера, у каждого подпрапорщика были неизмѣнно точно такія же вещи, за исключеніемъ, впрочемъ, віолончели; ее Ромашовъ взялъ изъ полкового оркестра, гдѣ она была совсѣмъ ненужна, но, не выучивъ даже мажорной гаммы, забросилъ и ее и музыку еще годъ тому назадъ.

Годъ тому назадъ съ небольшимъ, Ромашовъ, только что выйдя изъ военнаго училища, съ наслажденіемъ и гордостью обзаводился этими пошлыми предметами. Собственная квартира, собственные вещи, возможность покупать, выбирать по своему усмотрѣнію, устраиваться по своему вкусу — все это наполняло самолюбивымъ восторгомъ душу двадцатилѣтняго мальчика, вчера только сидѣвшаго на ученической скамейкѣ и ходившаго къ чаю и завтраку въ строю, вмѣстѣ съ то-

варищами. И какъ много было надеждъ и плановъ въ то время, когда покупались эти жалкіе предметы роскоши!.. Какая строгая программа жизни намѣчалась. Въ первые два года—основательное знакомство съ классической литературой, систематическое изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ, занятія музыкой. Въ послѣдній годъ подготовка къ академіи. Необходимо было слѣдить за общественной жизнью, за литературой и наукой, и для этого Ромашовъ подписался на газету и на ежемѣсячный популярный журналъ. Для самообразования были приобрѣтены: Психологія Вундта, Физиологія Льюиса, „Самодѣятельность“ Смайльса...

И вотъ книги лежатъ уже девять мѣсяцевъ на этажеркѣ, и Гайнанъ забываетъ сметать съ нихъ пыль, газеты съ неразорванными бандеролями валяются подъ письменнымъ столомъ, журналъ больше не высылаютъ за невзносъ очередной полугодовой платы, а самъ подпоручикъ Ромашовъ пьетъ много водки въ собраніи, имѣетъ длинную, грязную и скучную связь съ полковой дамой, съ которой вмѣстѣ обманываетъ ея чахоточнаго и ревниваго мужа, играетъ въ штоссъ и все чаще и чаще тяготится и службой, и товарищами, и собственной жизнью.

— Виновать, ваше благородіе! --крикнулъ денщикъ, внезапно съ грохотомъ выскочивъ изъ сѣней. Но тотчасъ же онъ заговорилъ совершенно другимъ, простымъ и добродушнымъ тономъ:

— Забылъ сказать. Тебѣ отъ барыни Петерсонъ письма пришла. Денщикъ принесть, велѣлъ тебѣ отвѣтъ писать.

Ромашовъ, поморщившись, разорвалъ длинный, узкій розовый конвертъ, на углу котораго летѣлъ голубь съ письмомъ въ зубахъ.

— Зажги лампу, Гайнанъ, — приказалъ онъ денщику.

Милый, дорогой, усатенькій Жоржикъ, — читалъ

Ромашовъ хорошо знакомыя ему, катящіяся внизъ, неряшливыя строки.—Ты не былъ у насъ вотъ уже цѣлую недѣлю, и я такъ за тобой скучилась, что всю прошлую ночь проплакала. Помни одно, что если ты хочешь съ меня смѣяться, то я этой измѣны не перенесу. Одинъ глотокъ изъ пузырька съ морфіемъ, и я перестану навѣкъ страдать, а тебя сгрызетъ совѣсть. Приходи непременно сегодня въ 7^{1/2} часовъ вечера. *Его* не будетъ дома, онъ будетъ на тактическихъ занятіяхъ, и я тебя крѣпко, крѣпко, крѣпко разцѣлую, какъ только смогу. Приходи же. Цѣлую тебя 1000000000... разъ. Вся твоя Раиса.

PS. Помнишь ли милая вѣтки могучія
Ивы надъ этой рѣкой
Ты мнѣ дарила лобзанія гжучія
Ихъ раздѣлялъ я съ тобой

P.

PPS. Вы непременно, непременно должны быть въ собраніи на вечерѣ въ слѣдующую субботу. Я васъ завтра приглашаю на 3 кадрили. По значенію!!!!!!

R. P.

И, наконецъ, въ самомъ низу четвертой страницы было изображено слѣдующее:

Отъ письма пахло знакомыми духами — персидской сиренью, капли этихъ духовъ желтыми пятнами засохли кое-гдѣ на бумагѣ, и подъ ними многія буквы расплылись въ разныя стороны. Этотъ приторный запахъ, вмѣстѣ съ пошло-игривымъ тономъ письма, вмѣстѣ съ зыплымъ въ воображеніи рыжеволосымъ, малень-

кимъ, лживымъ лицомъ, вдругъ поднялъ въ Ромашовѣ нестерпимое отвращеніе. Онъ со злобнымъ наслажденіемъ разорвалъ письмо пополамъ, потомъ сложилъ и разорвалъ на четыре части, и еще, и еще, и когда, наконецъ, рукамъ стало трудно рвать, бросилъ клочки подъ столъ, крѣпко стиснувъ и оскаливъ зубы. И все таки Ромашовъ въ эту секунду успѣлъ, по своей привычкѣ, подумать о самомъ себѣ картинно въ третьемъ лицѣ.

„И онъ разсмѣялся горькимъ, презрительнымъ смѣхомъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сейчасъ же понялъ, что непременно пойдетъ къ Николаевымъ. „Но это ужъ въ самый, самый послѣдній разъ!“—пробовалъ онъ обмануть самого себя. И ему сразу стало весело и спокойно.

— Гайнанъ, одѣваться!

Онъ съ нетерпѣніемъ умылся, надѣлъ новый сюртукъ, надушилъ чистый носовой платокъ цвѣточнымъ одеколономъ. Но, когда онъ, уже совсѣмъ одѣтый, собрался выходить, его неожиданно остановилъ Гайнанъ.

— Ваше благородіе! — сказалъ черемись необычнымъ — мягкимъ и просительнымъ тономъ и вдругъ затанцовалъ на мѣстѣ. Онъ всегда такъ танцевалъ, когда сильно волновался или смущался чѣмъ-нибудь: выдвигалъ то одно, то другое колѣно впередъ, поводилъ плечами, вытягивалъ и прямилъ шею и нервно шевелилъ пальцами опущенныхъ рукъ.

— Что тебѣ еще?

— Ваше благородіе, хочу тебѣ, поджаласта, очень попросить. Подари мнѣ бѣлый господишь.

— Что такое? Какой бѣлый господишь?

— А который велѣлъ выбросить. Вотъ этотъ, вотъ...

Онъ показалъ пальцемъ за печку, гдѣ стоялъ на полу бюстъ Пушкина, прибрѣтенный какъ-то Ромашовымъ у захожаго разносчика. Этотъ бюстъ, кстати, избражавшій, несмотря на надпись на немъ, стараго еврей-

скаго маклера, а не великаго русскаго поэта, былъ такъ уродливо сработанъ, такъ засиженъ мухами и такъ намозолилъ Ромашову глаза, что онъ, дѣйствительно, приказалъ на-дняхъ Гайнану выбросить его на дворъ.

— Зачѣмъ онъ тебѣ? — спросилъ подпоручикъ, смѣясь. — Да бери, сдѣлай милость, бери. Я очень радъ. Мнѣ не нужно. Только зачѣмъ тебѣ?

Гайнанъ молчалъ и переминался съ ноги на ногу.

— Ну да, ладно, Богъ съ тобой, — сказалъ Ромашовъ. — Только ты знаешь, кто это?

Гайнанъ ласково и смущенно улыбнулся и затанцовалъ пуще прежняго.

— Я не знаю!.. — И утеръ рукавомъ губы.

— Не знаешь — такъ знай. Это — Пушкинъ. Александръ Сергѣичъ Пушкинъ. Понялъ? Повтори за мной: Александръ Сергѣичъ...

— Бесіевъ, — повторилъ рѣшительно Гайнанъ.

— Бесіевъ? Ну пусть будетъ Бесіевъ, — согласился Ромашовъ. — Однако, я ушелъ. Если придутъ отъ Петерсоновъ, скажешь, что подпоручикъ ушелъ, а куда, неизвѣстно. Понялъ? А если что-нибудь по службѣ, то бѣги за мной на квартиру поручика Николаева. Прощай, старина!.. Возьми изъ собранія мой ужинъ и можешь его съѣсть.

Онъ дружелюбно хлопнулъ по плечу черемиса, который въ отвѣтъ молча улыбнулся ему широко, радостно и фамиллярно.

IV.

На дворѣ стояла совершенно черная, непроницаемая ночь, такъ что сначала Ромашову приходилось, точно слѣпому, ощупывать передъ собой дорогу. Ноги его въ огромныхъ калошахъ уходили глубоко въ густую, какъ рахатъ-лукумъ, грязь и вытѣзали оттуда съ

какимъ-то свистомъ и чавканьемъ. Иногда одну изъ калошь засасывало такъ сильно, что изъ нея выскакивала нога, и тогда Ромашову приходилось, балансируя на одной ногѣ, другой ногой впотьмахъ наугадъ отыскивать исчезнувшую калошу.

Мѣстечко точно вымерло, даже собаки не лаяли. Изъ оконъ низенькихъ бѣлыхъ домовъ кое-гдѣ струился туманными прямыми полосами свѣтъ и длинными косяками ложился на желто-бурую блестящую землю. Но отъ мокрыхъ и липкихъ заборовъ, вдоль которыхъ все время держался Ромашовъ, отъ сырой коры тополей, отъ дорожной грязи—пахло чѣмъ-то весеннимъ, крѣпкимъ, счастливымъ, чѣмъ-то безсознательно и весело раздражающимъ. Даже сильный вѣтеръ, стремительно носившійся по улицамъ, дулъ по весеннему, неровно, прерывисто, точно вздрагивая, путаясь и шая.

Передъ домомъ, который занимали Николаевы, подпоручикъ остановился, охваченный минутной слабостью и колебаніемъ. Маленькія окна были закрыты плотными коричневыми занавѣсками, но за ними чувствовался ровный, яркій свѣтъ. Въ одномъ мѣстѣ портьера загнулась, образовавъ длинную, узкую щель. Ромашовъ припалъ головой къ стеклу, волнуясь и стараясь дышать какъ можно тише, точно его могли услышать въ комнатѣ.

Онъ увидѣлъ лицо и плечи Александры Петровны, сидѣвшей глубоко и немного сгорбившись на знакомомъ диванѣ зеленого рипса. По этой позѣ и по легкимъ движеніямъ тѣла, по опущенной низко головѣ, видно было, что она занята рукодѣльемъ.

Вотъ она внезапно выпрямилась, подняла голову вверхъ и глубоко передохнула... Губы ея шевелятся... „Что она говоритъ?“—думалъ Ромашовъ.—Вотъ—улыбнулась. Какъ это странно—глядѣть сквозь окно на говорящаго человѣка и не слышать его!

Улыбка внезапно сошла съ лица Александры Петровны,

лобъ нахмурился. Опять быстро, съ настойчивымъ въ раженіемъ зашевелились губы, и вдругъ опять улыбка—шаловливая и насмѣшливая. Вотъ покачала головой медленно и отрицательно. „Можетъ быть это променя?“—робко подумаль Ромашовъ. Чѣмъ-то тихимъ, чистымъ, безопасно-спокойнымъ вѣяло на него отъ этой молодой женщины, которую онъ разсматриваль теперь, точно нарисованную на какой-то живой, милой, давно знакомой картинѣ. „Шурочка!“—прошепталь Ромашовъ нѣжно.

Александра Петровна неожиданно подняла лицо отъ работы и быстро, съ тревожнымъ выраженіемъ повернула его къ окну. Ромашову показалось, что она смотритъ прямо ему въ глаза. У него отъ испуга сжалось и похолодѣло сердце, и онъ поспѣшно отпрянулъ за выступъ стѣны. На одну минуту ему стало совѣстно. Онъ уже почти готовъ былъ вернуться домой, но преодолѣль себя и черезъ калитку прошелъ въ кухню.

Въ то время, когда денщикъ Николаевыхъ снималь съ него грязныя калоши и очищаль ему кухонной тряпкой сапоги, а онъ протираль платкомъ запотѣвшіе въ теплѣ очки, поднося ихъ вплотную къ близорукимъ глазамъ, изъ гостиной послышался звонкій голосъ Александры Петровны:

— Степанъ, это приказъ принесли?

„Это она нарочно! — подумаль, точно казня себя, подпоручикъ. — Знаеть, вѣдь, что я всегда въ такое время прихожу“.

— Нѣтъ, это я, Александра Петровна,—крикнуль онъ въ дверь фальшивымъ голосомъ.

— А! Ромочка! Ну, входите, входите. Чего вы тамъ застряли? Володя, это Ромашовъ пришелъ.

Ромашовъ вошелъ, смущенно и неловко сгорбившись и безъ нужды потирая руки.

— Воображаю, какъ я вамъ надоѣль, Александра Петровна.

Онъ сказалъ это, думая, что у него выйдетъ весело и развязно, но вышло неловко и, какъ ему тотчасъ же показалось, страшно-неестественно.

— Опять за глупости!—воскликнула Александра Петровна.—Садитесь, будемъ чай пить.

Глядя ему въ глаза внимательно и ясно, она, по обыкновенію, энергично пожала своей маленькой, теплой и мягкой рукой его холодную руку.

Николаевъ сидѣлъ спиной къ нимъ, у стола, заваленнаго книгами, атласами и чертежами. Онъ въ этомъ году долженъ былъ держать экзамень въ академію генеральнаго штаба и весь годъ упорно, безъ отдыха готовился къ нему. Это былъ уже третій экзамень, такъ какъ два года подрядъ онъ проваливался.

Не оборачиваясь назадъ, глядя въ раскрытую передъ нимъ книгу, Николаевъ протянулъ Ромашову руку черезъ плечо и сказалъ спокойнымъ густымъ голосомъ:

— Здравствуйте, Юрій Алексѣвичъ. Новостей нѣтъ? Шурочка! дай ему чаю. Ужъ простите меня, я занятъ.

„Конечно, я напрасно пришелъ,—опять съ отчаяніемъ подумалъ Ромашовъ.—О, я дуракъ!“

— Нѣтъ, какія же новости... Центавръ разнесъ въ собраніи подполковника Леха. Тотъ былъ совсѣмъ пьянъ, говорятъ. Вездѣ въ ротaxъ требуетъ рубку чучель... Епифанова закаталъ подъ арестъ.

— Да?—разсѣянно переспросилъ Николаевъ.—Скажите, пожалуйста.

— Мнѣ тоже влетѣло—на четверо сутокъ... Однимъ словомъ, новости старыя.

Ромашову казалось, что голосъ у него какой-то ненатуральный и такой сдавленный, точно въ горлѣ что-то застряло. „Какимъ я, должно быть, кажусь жалкимъ!“—подумалъ онъ, но тотчасъ же успокоилъ себя тѣмъ обычнымъ пріемомъ, къ которому часто прибѣгаютъ застѣнчивые люди. „Вѣдь это всегда, когда конфузишься, то думаешь, что всѣ это видятъ, а на са-

момъ дѣлѣ только тебѣ это замѣтно, а другимъ вовсе нѣтъ“.

Онъ сѣлъ на кресло рядомъ съ Шурочкой, которая, быстро мелькая крючкомъ, вязала какое-то кружево. Она никогда не сидѣла безъ дѣла, и всѣ скатерти, салфеточки, абажуры и занавѣски въ домѣ были связаны ея руками.

Ромашовъ осторожно взялъ пальцами нитку, шедшую отъ клубка къ ея рукѣ, и спросилъ:

— Какъ называется это вязанье?

— Гипюръ. Вы въ десятый разъ спрашиваете.

Шурочка вдругъ быстро, внимательно взглянула на подпоручика и такъ же быстро опустила глаза на вязанье. Но сейчасъ же опять подняла ихъ и засмѣялась.

— Да, вы ничего, Юрій Алексѣичъ... вы посидите и оправьтесь немного. Оправьсь! какъ у васъ командуютъ.

Ромашовъ вздохнулъ и покосился на могучую шею Николаева, рѣзко бѣлѣвшую надъ воротникомъ сѣрой тужурки.

— Счастливецъ Владиміръ Ефимычъ, — сказалъ онъ. — Вотъ, лѣтомъ въ Петербургъ поѣдетъ... въ академію поступить.

— Ну, это еще надо посмотрѣть! — задорно, по адресу мужа, воскликнула Шурочка. — Два раза съ позоромъ возвращались въ полкъ. Теперь ужъ въ послѣдній.

Николаевъ обернулся назадъ. Его воинственное и доброе лицо, съ пушистыми усами, покраснѣло, а большіе, темные, воловьи глаза сердито блеснули.

— Не болтай глупостей, Шурочка! Я сказалъ — выдержи — и выдержи. — Онъ крѣпко стукнулъ ребромъ ладони по столу. — Ты только сидишь и каркаешь. Я сказалъ!..

— Я сказалъ! — передразнила его жена и тоже, какъ и онъ, ударила маленькой смуглой ладонью по колѣну. — А ты вотъ лучше скажи-ка мнѣ: какимъ усло-

віямъ долженъ удовлетворять боевой порядокъ части? Вы знаете,—бойко и лукаво засмѣялась она глазами Ромашову,—я вѣдь лучше его тактику знаю. Ну-ка, ты, Володя, офицеръ генеральнаго штаба,—какимъ условіямъ?

— Глупости, Шурочка, отстань,—недовольно буркнулъ Николаевъ. Но вдругъ онъ вмѣстѣ со стуломъ повернулся лицомъ къ женѣ, и въ его широко раскрывшихся красивыхъ и глуповатыхъ глазахъ показалось растерянное недоумѣніе, почти испугъ.

— Постой, дѣвочка, а вѣдь я и въ самомъ дѣлѣ не все помню. Боевой порядокъ? Боевой порядокъ долженъ быть такъ построены, чтобы онъ какъ можно меньше терялъ отъ огня, потомъ, чтобы было удобно командовать... Потомъ... постой...

— За постой деньги платятъ,—торжествующе перебила Шурочка. И она заговорила скороговоркой, точно первая ученица, опустивъ вѣки и покачиваясь:

— Боевой порядокъ долженъ удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: поворотливости, подвижности, гибкости, удобству командованія, приспособляемости къ мѣстности: онъ долженъ возможно меньше терпѣть отъ огня, легко свертываться и развертываться и быстро переходить въ походный порядокъ... Все!..

Она открыла глаза, съ трудомъ перевела духъ и, обративъ смѣющееся, подвижное лицо къ Ромашову, спросила:

— Хорошо?

— Чортъ, какая память!—завистливо, но съ восхищеніемъ произнесъ Николаевъ, углубляясь въ свои тетрадки.

— Мы вѣдь все вмѣстѣ,—пояснила Шурочка.—Я бы хоть сейчасъ выдержала экзамень. Самое главное,—она ударила по воздуху вязальнымъ крючкомъ,—самое главное—система. Наша система—это мое изобрѣтеніе, моя гордость. Ежедневно мы прохо-

димъ кусокъ изъ математики, кусокъ изъ военныхъ наукъ—вотъ артиллерія мнѣ, правда, не дается: все какія-то противныя формулы, особенно въ баллистикѣ,—потомъ кусочекъ изъ уставовъ. Затѣмъ черезъ день оба языка, и черезъ день географія съ исторіей.

— А русскій?—спросилъ Ромашовъ изъ вѣжливости.

— Русскій? Это—пустое. Правописаніе по Гроту мы уже одолѣли. А сочиненія вѣдь извѣстно—какія. Одни и тѣ же каждый годъ. Рага расет, рага bellum. Характеристика Онѣгина въ связи съ его эпохой...

И вдругъ, вся оживившись, отнимая изъ рукъ подпоручика нитку, какъ бы для того, чтобы его ничто не развлекало, она страстно заговорила о томъ, что составляло весь интересъ, всю главную суть ея теперешней жизни.

— Я не могу, не могу здѣсь оставаться, Ромочка! Поймите меня! Остаться здѣсь—это значитъ опуститься, стать полковой дамой, ходить на ваши дикіе вечера, сплетничать, интриговать и злиться по поводу разныхъ суточныхъ и прогонныхъ... какихъ-то грошей!.. брррр... устраивать поочередно съ пріятельницами эти пошлые „балки“, играть въ винтъ... Вотъ, вы говорите, у насъ уютно. Да посмотрите же, ради Бога, на это мѣщанское благополучіе! Эти філе и гипюрчики—я ихъ сама связала, это платье, которое я сама передѣлывала, этотъ омерзительный мохнатенькій коверъ изъ кусочковъ... все это гадость, гадость! Поймите же, милый Ромочка, что мнѣ нужно общество, большое, настоящее общество, свѣтъ, музыка, поклоненіе, тонкая лесть, умные собесѣдники. Вы знаете, Володя пороку не выдумаетъ, но онъ честный, смѣлый, трудолюбивый человѣкъ. Пусть онъ только пройдетъ въ генеральный штабъ, и—клянусь—я ему сдѣлаю блестящую карьеру. Я знаю языки, я сумѣю себя держать

въ какомъ угодно обществѣ, во мнѣ есть—я не знаю, какъ это выразить—есть такая гибкость души, что я всюду найдусь, ко всему сумѣю приспособиться... Наконецъ, Ромочка, поглядите на меня, поглядите внимательно. Неужели я ужъ такъ неинтересна, какъ чело-
вѣкъ, и некрасива, какъ женщина, чтобы мнѣ всю жизнь киснуть въ этой труппѣ, въ этомъ гадкомъ мѣстечкѣ, котораго нѣтъ ни на одной географической картѣ!

И она, поспѣшно закрывъ лицо платкомъ, вдругъ расплакалась злыми, самолюбивыми, гордыми слезами.

Мужъ, обезпокоенный, съ недоумѣвающимъ и растеряннымъ видомъ тотчасъ же подбѣжалъ къ ней. Но Шурочка уже успѣла справиться съ собой и отняла платокъ отъ лица. Слезъ больше не было, хотя глаза ея еще сверкали злобнымъ, страстнымъ огонькомъ.

— Ничего, Володя, ничего, милый,—отстранила она его рукой. И уже со смѣхомъ обращаясь къ Ромашову и опять отнимая у него изъ рукъ нитку, она спросила съ капризнымъ и кокетливымъ смѣхомъ:

— Отвѣчайте же, неуклюжій Ромочка, хороша я или нѣтъ? Если женщина напрашивается на комплиментъ, то не отвѣтитъ ей—верхъ невѣжливости!

— Шурочка, ну какъ тебѣ не стыдно,—разсудительно произнесъ съ своего мѣста Николаевъ.

Ромашовъ страдальчески-застѣнчиво улыбнулся, но вдругъ отвѣтилъ чуть-чуть задрожавшимъ голосомъ, серьезно и печально:

— Очень красивы!..

Шурочка крѣпко зажмурила глаза и шаловливо затрясла головой, такъ что разбившіеся волосы запрыгали у нея по лбу.

— Ро-омочка, какой вы смѣшно-ой!—пропѣла она тоненькимъ дѣтскимъ голоскомъ. А подпоручикъ, покраснѣвъ, подумалъ про себя, по обыкновенію:

„Его сердце было жестоко разбито“...

Всѣ помолчали. Шурочка быстро мелькала крючкомъ. Владиміръ Ефимовичъ, переводившій на нѣмецкій языкъ фразы изъ самоучителя Туссена и Лангештедта, тихонько бормоталъ себѣ ихъ подъ носъ. Слышно было, какъ потрескивалъ и шипѣлъ огонь въ лампѣ, прикрытой желтымъ, шелковымъ абажуромъ, въ видѣ шатра. Ромашовъ опять завладѣлъ ниткой и потихоньку, еле замѣтно для самого себя, потягивалъ ее изъ рукъ молодой женщины. Ему доставляло тонкое и нѣжное наслажденіе чувствовать, какъ руки Шурочки безсознательно сопротивлялись его осторожнымъ усиліямъ. Казалось, что какой-то таинственный, связывающій и волнующій токъ струился по этой ниткѣ.

Въ то же время онъ сбоку, незамѣтно, но неотступно глядѣлъ на ея склоненную внизъ голову и думалъ, едва-едва шевеля губами, произнося слова внутри себя, молчаливымъ шопотомъ, точно ведя съ Шурочкой интимный и чувственный разговоръ:

— Какъ она смѣло спросила: хороша ли я? О! ты прекрасна! Милая! Вотъ я сижу и гляжу на тебя—какое счастье! Слушай же: я расскажу тебѣ, какъ ты красива. Слушай. У тебя блѣдное и смуглое лицо. Страстное лицо. И на немъ красныя, горящія губы—какъ онѣ должны цѣловать! и глаза, окруженные желтоватой тѣнью... Когда ты смотришь прямо, то бѣлки твоихъ глазъ—чуть-чуть голубые, а въ большихъ зрачкахъ мутная, глубокая синева. Ты не брюнетка, но въ тебѣ есть что то цыганское. Но зато твои волосы такъ чисты и тонки и сходятся сзади въ узелъ съ такимъ аккуратнымъ, наивнымъ и дѣловитымъ выраженіемъ, что хочется тихонько потрогать ихъ пальцами. Ты маленькая, ты легкая, я бы поднялъ тебя на руки, какъ ребенка. Но ты гибкая и сильная, у тебя грудь, какъ у дѣвушки, ты вся—порывистая, подвижная. На лѣ-

вомъ ухѣ, внизу, у тебя маленькая родинка, точно слѣдь отъ сережки—это прелестно!...

— Вы не читали въ газетахъ объ офицерскомъ поединкѣ?—спросила вдругъ Шурочка.

Ромашовъ встрепенулся и съ трудомъ отвелъ отъ нея глаза.

— Нѣтъ не читаль. Но слышалъ. А что?

— Конечно, вы, по обыкновенію, ничего не читаете. Право, Юрій Алексѣевичъ, вы опускаетесь. Помоему, вышло что-то нелѣпое. Я понимаю: поединки между офицерами—необходимая и разумная вещь,—Шурочка убѣдительно прижала вязанье къ груди.— Но зачѣмъ такая безтактность? Подумайте: одинъ поручикъ оскорбилъ другого. Оскорбленіе тяжелое, и общество офицеровъ постановляетъ поединокъ. Но дальше идетъ чепуха и глупость. Условія—прямо вродѣ смертной казни: пятнадцать шаговъ дистанціи и драться до тяжелой раны... Если оба противника стоятъ на ногахъ, выстрѣлы возобновляются. Но вѣдь это—бойня, это... я не знаю, что! Но, погодите, это только цвѣточки. На мѣсто дуэли пріѣзжаютъ всѣ офицеры полка, чуть ли даже не полковныя дамы, и даже гдѣ-то въ кустахъ помѣщается фотографъ. Вѣдь это ужасъ, Ромочка! И несчастный подпоручикъ, фендрикъ, какъ говоритъ Володя, вродѣ васъ, да еще, вдобавокъ, обиженный, а не обидчикъ, получаетъ послѣ третьяго выстрѣла страшную рану въ животъ и къ вечеру умираетъ въ мученіяхъ. А у него, оказывается, была старушка мать и сестра, старая барышня, которыя съ нимъ жили, вотъ какъ у нашего Михина... Да, послушайте же: для чего, кому нужно было дѣлать изъ поединка такую кровавую буффонаду? И это, замѣйте, на самыхъ первыхъ порахъ, сейчасъ же послѣ разрѣшенія поединковъ. И вотъ повѣрьте мнѣ, повѣрьте! — воскликнула Шурочка, сверкая загорѣвшимися глазами: — сейчасъ же сантименталь-

ные противники офицерскихъ дуэлей — о, я знаю этихъ презрѣнныхъ либеральныхъ трусовъ — сейчасъ же они загалдятъ: ахъ, варварство! ахъ, пережитокъ дикихъ временъ! ахъ, братоубійство!..

— Однако, вы кровожадны, Александра Петровна! — вставилъ Ромашовъ.

— Не кровожадна — нѣтъ! — рѣзко возразила она. — Я жалостлива. Я жучка, который мнѣ щекочетъ шею, сниму и постараюсь не сдѣлать ему больно. Но, — попробуйте понять, Ромашовъ, — здѣсь простая логика. Для чего офицеры? Для войны? Что для войны раньше всего требуется? Смѣлость, гордость, умѣнье не сморгнуть передъ смертью. Гдѣ эти качества всего ярче проявляются въ мирное время? Въ дуэляхъ. Вотъ и все. Кажется, ясно. Именно, не французскимъ офицерамъ необходимы поединки, — потому что понятіе о чести, да еще преувеличенное, въ крови у каждаго француза, — не нѣмецкимъ, потому что отъ рожденія всѣ нѣмцы порядочны и дисциплинированы, а намъ, намъ, намъ! Тогда у насъ не будетъ въ офицерской средѣ карточныхъ шуллеровъ, какъ Арчаковскій, или безпросыпныхъ пьяницъ, вродѣ вашего Назанскаго; тогда само собой выведется амикошонство, фамиллярное зубоскальство въ собраніи, при прислугѣ, это ваше взаимное сквернословіе, пусканіе въ голову другъ другу графиновъ, съ цѣлью все-таки не попасть, а промахнуться. Тогда вы не будете за глаза такъ поносить другъ друга. У офицера каждое слово должно быть взвѣшено. Офицеръ — это образецъ корректности. И потомъ, что за нѣжности: боязнь выстрѣла! Ваша профессія — рисковать жизнью. Ахъ, да что!

Она капризно оборвала свою рѣчь и съ сердцемъ ушла въ работу. Опять стало тихо.

— Шурочка, какъ перевести по-нѣмецки — соперникъ? — спросилъ Николаевъ, подымая голову отъ книги.

— Соперникъ? — Шурочка задумчиво потрогала крючкомъ проборъ своихъ мягкихъ волосъ:—А скажи всю фразу.

— Тутъ сказано... сейчасъ, сейчасъ... Нашъ заграничный соперникъ...

— Unser ausländischer Nebenbuhler,—быстро, тотчасъ же перевела Шурочка.

— Унзеръ,—повторилъ шопотомъ Ромашовъ, мечтательно заглядѣвшись на огонь лампы.—„Когда ее что-нибудь взволнуетъ,—подумалъ онъ,—то слова у нея вылетаютъ такъ стремительно, звонко и отчетливо, точно сыплется дробь на серебряный подносъ“. — Унзеръ — какое смѣшное слово... Унзеръ, унзеръ, унзеръ...

— Что вы шепчете, Ромочка?—вдругъ строго спросила Александра Петровна.—Не смѣйте бредить въ моемъ присутствіи.

Онъ улыбнулся разсѣянной улыбкой.

— Я не брежу... Я все повторялъ про себя: унзеръ, унзеръ. Какое смѣшное слово...

— Что за глупости... Унзеръ? Отчего смѣшное?

— Видите ли...—Онъ затруднялся, какъ объяснить свою мысль.—Если долго повторять какое-нибудь одно слово и вдумываться въ него, то оно вдругъ потеряетъ смыслъ и станетъ такимъ... какъ бы вамъ сказать...

— Ахъ знаю, знаю!—торопливо и радостно перебила его Шурочка.—Но только это теперь не такъ легко дѣлать, а вотъ раньше, въ дѣтствѣ—ахъ какъ это было забавно!..

— Да, да, именно въ дѣтствѣ. Да.

— Какъ же, я отлично помню. Даже помню слово, которое меня особенно поражало: „можетъ-быть“. Я все качалась съ закрытыми глазами и твердила: „можетъ быть, можетъ быть“... И вдругъ совсѣмъ позабывала, что оно значить, даже старалась — и не могла вспомнить. Мнѣ все казалось, будто это какое-то коричневое, красноватое пятно съ двумя хвостиками. Правда вѣдь?

Ромашовъ съ нѣжностью поглядѣлъ на нее.

— Какъ это странно, что у насъ однѣ и тѣ же мысли,—сказалъ онъ тихо.—А узерь, понимаете, это что-то высокое-высокое, что-то худощавое и съ жаломъ. Вродѣ какъ какое-то длинное, тонкое насѣкомое, и очень злое.

— Узерь?—Шурочка подняла голову и, прищурясь, посмотрѣла вдаль, въ темный уголь комнаты, стараясь представить себѣ то, о чемъ говорилъ Ромашовъ.—Нѣтъ, погодите: это что-то зеленое, острое. Ну да, ну да, конечно же—насѣкомое! Вродѣ кузнечика, только противнѣе и злѣе... Фу, какіе мы съ вами глупые, Ромочка.

— А то вотъ еще бываетъ,—началъ таинственно Ромашовъ,—и опять-таки въ дѣтствѣ это было гораздо ярче. Произношу я какое-нибудь слово и стараюсь тянуть его какъ можно дольше. Растягиваю безконечно каждую букву. И вдругъ на одинъ моментъ мнѣ сдѣлается такъ странно, странно,—какъ будто бы все вокругъ меня исчезло. И тогда мнѣ дѣлается удивительно, что это я говорю, что я живу, что я думаю.

— О, я тоже это знаю!—весело подхватила Шурочка.— Но только не такъ. Я, бывало, затаиваю дыханіе, пока хватить силъ, и думаю: вотъ, я не дышу, и теперь еще не дышу, и вотъ до сихъ поръ, и до сихъ, и до сихъ... И тогда наступало это странное. Я чувствовала, какъ мимо меня проходило время. Нѣтъ, это не то: можетъ быть, вовсе времени не было. Это нельзя объяснить.

Ромашовъ глядѣлъ на нее восхищенными глазами и повторялъ глухимъ, счастливымъ, тихимъ голосомъ:

— Да, да... этого нельзя объяснить. Это странно... Это необъяснимо.

— Ну, однако, господа психологіи, или какъ васъ тамъ, довольно, пора ужинать,—сказалъ Николаевъ, вставая со стула. Отъ долгаго сидѣнья у него затекли

ноги и заболѣла спина. Вытянувшись во весь ростъ, онъ сильно потянулся вверхъ руками и выгнулъ грудь, и все его большое, мускулистое тѣло захрустѣло въ суставахъ отъ этого мощнаго движенія.

Въ крошечной, но хорошенькой столовой, ярко освѣщенной висячей фарфоровой матово-бѣлой лампой, была накрыта холодная закуска. Николаевъ не пилъ, но для Ромашова былъ поставленъ графинчикъ съ водкой. Собравъ свое милое лицо въ брезгливую гримасу, Шурочка спросила небрежно, какъ она и часто спрашивала:

— Вы, конечно, не можете безъ этой гадости обойтись?

Ромашовъ виновато улынулся и отъ замѣшательства поперхнулся водкой и закашлялся.

— Какъ вамъ не совѣстно!—наставительно замѣтила хозяйка.—Еще и пить-то не умѣете, а тоже... Я понимаю, вашему возлюбленному Назанскому простиительно, онъ отпѣтый человѣкъ, но вамъ-то зачѣмъ? Молодой такой, славный, способный мальчикъ, а безъ водки не сядетъ за столъ... Ну зачѣмъ? Это все Назанскій васъ портить.

Ея мужъ, читавшій въ это время только-что принесенный приказъ, вдругъ воскликнулъ:

— Ахъ, кстати: Назанскій увольняется въ отпускъ на одинъ мѣсяцъ по домашнимъ обстоятельствамъ. Тю-тю-у! Это значитъ—запилъ? Вы, Юрій Алексѣичъ, навѣрно, его видѣли? Что онъ, закурилъ?

Ромашовъ смущенно заморгалъ вѣками.

— Нѣтъ, я не замѣтилъ. Впрочемъ, кажется, пьетъ...

— Вашъ Назанскій—противный!—съ озлобленіемъ, сдержаннымъ, низкимъ голосомъ сказала Шурочка.—Если бы отъ меня зависѣло, я бы такихъ людей стрѣляла, какъ бѣшеныхъ собакъ. Такіе офицеры — позоръ для полка, мерзость!

Тотчасъ же послѣ ужина, Николаевъ, который ѣлъ такъ же много и усердно, какъ и занимался своими

науками, сталъ зѣвать и, наконецъ, откровенно замѣтилъ:

— Господа, а что, если бы на минутку пойти поспать? „Соснуть“, какъ говорилось въ старыхъ, добрыхъ романахъ.

— Это—совершенно справедливо, Владиміръ Ефимычъ,—подхватилъ Ромашовъ съ какой-то, какъ ему самому показалось, торопливой и угодливой развязностью. Въ то же время, вставая изъ-за стола, онъ подумалъ уныло:

— Да. Со мной здѣсь не церемонятся. И зачѣмъ только я лѣзу?

У него было такое впечатлѣніе, какъ будто Николаевъ съ удовольствіемъ выгоняетъ его изъ дому. Но тѣмъ не менѣе, прощаясь съ нимъ нарочно раньше, чѣмъ съ Шурочкой, онъ думалъ съ наслажденіемъ, что вотъ, сію минуту, онъ почувствуетъ крѣпкое и ласкающее пожатіе милой женской руки. Объ этомъ онъ думалъ каждый разъ, уходя. И, когда этотъ моментъ наступилъ, то онъ до такой степени весь ушелъ душою въ это очаровательное пожатіе, что не слышалъ, какъ Шурочка сказала ему:

— Вы, смотрите, не забывайте насъ. Здѣсь вамъ всегда рады. Чѣмъ пьянствовать со своимъ Назанскимъ, сидите лучше у насъ. Только помните: мы съ вами не церемонимся.

Онъ услышалъ эти слова въ своемъ сознаніи и понималъ ихъ, только выйдя на улицу.

— Да, со мной не церемонятся,—прошепталъ онъ съ той горькой обидчивостью, къ которой такъ болѣзненно склонны молодые и самолюбивые люди его возраста.

V.

Ромашовъ вышелъ на крыльцо. Ночь стала точно еще гуще, еще чернѣе и теплѣе. Подпоручикъ ощупью шелъ вдоль плетня, держась за него руками, и дожидался, пока его глаза привыкнутъ къ мраку. Въ это время дверь, ведущая въ кухню Николаевыхъ, вдругъ открылась, выбросивъ на мгновеніе въ темноту большую полосу туманнаго желтаго свѣта. Кто-то зашлепалъ по грязи, и Ромашовъ услышалъ сердитый голосъ денщика Николаевыхъ, Степана:

— Ходить, ходить каждыиъ день. И чего ходить, чортъ его знаетъ!..

А другой солдатскій голосъ, незнакомый подпоручику, отвѣтилъ равнодушно, вмѣстѣ съ продолжительнымъ, лѣнивымъ зѣвкомъ:

— Дѣла, братецъ ты мой... Съ жиру это все. Ну, прощевай, что ли, Степанъ.

— Прощай, Баулинъ. Заходи когда.

Ромашовъ прилипъ къ забору. Отъ остраго стыда онъ покраснѣлъ, несмотря на темноту; все тѣло его покрылось сразу испариной, и точно тысячи иголокъ закололи его кожу на ногахъ и на спинѣ. „Кончено! Даже денщики смѣются“,—подумалъ онъ съ отчаяніемъ. Тотчасъ же ему припомнился весь сегодняшній вечеръ, и въ разныхъ словахъ, въ тонѣ фразъ, во взглядахъ, которыми обмѣнивались хозяева, онъ сразу увидѣлъ много незамѣченныхъ имъ раньше мелочей, которыя, какъ ему теперь казалось, свидѣтельствовали о небрежности и о насмѣшкѣ, о нетерпѣливомъ раздраженіи противъ надоедливаго гостя.

— Какой позоръ, какой позоръ!—шепталъ подпоручикъ, не двигаясь съ мѣста.—Дойти до того, что тебя едва терпятъ, когда ты приходишь... Нѣтъ, довольно. Теперь я ужъ твердо знаю, что довольно!

Въ гостиной у Николаевыхъ потухъ огонь. „Вотъ они уже въ спальнѣ“,—подумалъ Ромашовъ и необыкновенно ясно представилъ себѣ, какъ Николаевы, лежа съ спать, раздѣваются другъ при другѣ съ привычнымъ равнодушіемъ и безстыдствомъ давно женатыхъ людей и говорятъ о немъ. Она въ одной юбкѣ причесываетъ передъ зеркаломъ на ночь волосы. Владиміръ Ефимовичъ, сидитъ въ нижнемъ бѣльѣ на кровати, снимаетъ сапогъ и, краснѣя отъ усилія, говоритъ сердито и сонно: „Мнѣ, знаешь, Шурочка, твой Ромашовъ надоѣлъ вотъ до какихъ поръ. Удивляюсь, чего ты съ нимъ такъ возишься“? А Шурочка, не выпуская изо рта шпилекъ и не оборачиваясь, отвѣчаетъ ему въ зеркало недовольнымъ тономъ: „Вовсе онъ не мой, а твой!..“

Прошло еще пять минутъ, пока Ромашовъ, терзаемый этими мучительными и горькими мыслями, рѣшился двинуться дальше. Мимо всего длиннаго плетня, ограждавшаго домъ Николаевыхъ, онъ прошелъ крадучись, осторожно вытаскивая ноги изъ грязи, какъ будто его могли услышать и поймать на чемъ-то нехорошемъ. Домой идти ему не хотѣлось: даже было жутко и противно вспомнить о своей узкой и длинной, объ одномъ окнѣ, комнатѣ со всѣми надоѣвшими до отвращенія предметами. „Вотъ, на зло ей, пойду къ Назанскому, — рѣшилъ онъ внезапно, и сразу почувствовалъ въ этомъ какое-то мстительное удовлетвореніе.— Она выговаривала мнѣ за дружбу съ Назанскимъ, такъ, вотъ же, на зло! И пускай!..“

Поднявъ глаза къ небу и крѣпко прижавъ руку къ груди, онъ съ жаромъ сказалъ про себя: „Клянусь, клянусь, что я въ послѣдній разъ приходилъ къ нимъ. Не хочу больше испытывать такого униженія. Клянусь!“

И сейчасъ же, по своей привычкѣ, прибавилъ мысленно:

— Его выразительные черные глаза сверкали рѣшимостью и презрѣніемъ!

Хотя глаза у него были вовсе не черные, а самые обыкновенные—желтоватые, съ зеленымъ ободкомъ.

Назанскій снималъ комнату у своего товарища поручика Зегржта. Этотъ Зегржтъ былъ, вѣроятно, самымъ старымъ поручикомъ во всей русской арміи, несмотря на безукоризненную службу и на участіе въ турецкой кампаніи. Какимъ-то роковымъ и необъяснимымъ образомъ ему не везло въ чиновпроизводствѣ. Онъ былъ вдовъ, съ четырьмя маленькими дѣтьми, и все-таки кое-какъ изворачивался на своемъ 48-ми-рублевомъ жалованьи. Онъ снималъ большія квартиры и сдавалъ ихъ по комнатамъ холостымъ офицерамъ, держалъ столовниковъ, разводилъ куръ и индюшекъ, умѣлъ какъ то особенно дешево и заблаговременно покупать дрова. Дѣтей своихъ онъ самъ купалъ въ корытцахъ, самъ лѣчилъ ихъ домашней аптечкой и шилъ имъ на швейной машинѣ лифчики, панталончики и рубашечки. Еще до женитьбы Зегржтъ, какъ и очень многіе холостые офицеры, пристрастился къ ручнымъ, женскимъ работамъ, теперь же его заставляла заниматься ими крутая нужда. Злые языки говорили про него, что онъ тайно, подъ рукой, отсылаетъ свои рукодѣлья куда-то на продажу.

Но всѣ эти мелочныя хозяйственныя ухищренія плохо помогали Зегржту. Домашняя птица дохла отъ повальныхъ болѣзней, комнаты пустовали, нахлѣбники ругались изъ-за плохого стола и не платили денегъ, и періодически, раза четыре въ годъ, можно было видѣть, какъ худой, длинный, бородатый Зегржтъ, съ растеряннымъ потнымъ лицомъ, носился по городу, въ чаяніи перехватить гдѣ-нибудь денегъ, причемъ его блинообразная фуражка сидѣла козырькомъ на боку, а древняя николаевская шинель, сшитая еще до войны, трепетала и развѣвалась у него за плечами, на подобіе крыльевъ.

Теперь у него въ комнатахъ свѣтился огонь, и, по-

дойдя къ окну, Ромашовъ увидѣлъ самого Зегржта. Онъ сидѣлъ у круглаго стола подѣ висячей лампой и, низко наклонивъ свою плѣшивую голову съ измызганнымъ, морщинистымъ и кроткимъ лицомъ, вышивалъ красной бумагой какую-то полотняную вставку, должно быть грудь для малороссійской рубашки. Ромашовъ побарабанилъ въ стекло. Зегржтъ вздрогнулъ, отложилъ работу въ сторону и подошелъ къ окну.

— Это я, Адамъ Иванычъ. Отворите-ка на секунду, — сказалъ Ромашовъ.

Зегржтъ влѣзъ на подоконникъ и просунулъ въ форточку свой лысый лобъ и свалывшуюся на одинъ бокъ жидкую бороду.

— Это вы, подпоручикъ Ромашовъ? А что?

— Назанскій дома?

— Дома, дома. Куда-жъ ему идти? Ахъ, Господи, — борода Зегржта затряслась въ форточкѣ, — морочить мнѣ голову вашъ Назанскій. Второй мѣсяцъ посылаю ему обѣды, а онъ все только общается заплатить. Когда онъ переѣзжалъ, я его убѣдительно просилъ, во избѣжаніе недоразумѣній...

— Да, да, да... это... въ самомъ дѣлѣ... — перебилъ разсѣянно Ромашовъ — А, скажите, каковъ онъ? Можно его видѣть?

— Думаю, можно... Ходить все по комнатѣ. — Зегржтъ на секунду прислушался. — Вотъ и теперь ходитъ. Вы понимаете, я ему ясно говорилъ: во избѣжаніе недоразумѣній, условимся, чтобы плата...

— Извините, Адамъ Иванычъ, я сейчасъ, — прервалъ его Ромашовъ. — Если позволите, я зайду въ другой разъ. Очень спѣшное дѣло...

Онъ прошелъ дальше и завернулъ за уголъ. Въ глубинѣ палисадника, у Назанскаго горѣлъ огонь. Одно изъ оконъ было раскрыто настежь. Самъ Назанскій, безъ сюртука, въ нижней рубашкѣ, разстегнутой у ворота, ходилъ взадъ и впередъ быстрыми шагами

по комнатѣ; его бѣлая фигура и золотоволосая голова то мелькали въ просвѣтахъ оконъ, то скрывались за простѣнками. Ромашовъ перелѣзъ черезъ заборъ палисадника и окликнулъ его.

— Кто это?—спокойно, точно онъ ожидалъ оклика, спросилъ Назанскій, высунувшись наружу черезъ подоконникъ.—А, это вы, Георгій Алексѣичъ? Подождите: черезъ двери вамъ будетъ далеко и темно. Лѣзьте въ окно. Давайте вашу руку.

Комната у Назанскаго была еще бѣднѣе, чѣмъ у Ромашова. Вдоль стѣны у окна стояла узенькая, низкая, вся вогнувшаяся дугой кровать, такая тощая, точно на ея желѣзкахъ лежало всего одно только розовое пикейное одѣяло; у другой стѣны—простой некрашенный столъ и двѣ грубыхъ табуретки. Въ одномъ изъ угловъ комнаты былъ плотно пригнанъ, на манеръ кіота, узенькій деревянный поставецъ. Въ ногахъ кровати помѣщался кожаный рыжій чемоданъ, весь облѣпленный желѣзно-дорожными бумажками. Кромѣ этихъ предметовъ, не считая лампы на столѣ, въ комнатѣ не было больше ни одной вещи.

— Здравствуйте, мой дорогой,—сказалъ Назанскій, крѣпко пожимая и встряхивая руку Ромашова и глядя ему прямо въ глаза задумчивыми, прекрасными голубыми глазами. — Садитесь-ка вотъ здѣсь, на кровать. Вы слышали, что я подалъ рапортъ о болѣзни?

— Да. Мнѣ сейчасъ объ этомъ говорилъ Николаевъ.

Опять Ромашову вспомнились ужасныя слова денщика Степана, и лицо его страдальчески сморщилось.

— А! Вы были у Николаевыхъ? — вдругъ съ живостью и съ видимымъ интересомъ спросилъ Назанскій.—Вы часто бываете у нихъ?

Какой-то смутный инстинктъ осторожности, вызванный необычнымъ тономъ этого вопроса, заставилъ Ромашова солгать, и онъ отвѣтилъ небрежно:

— Нѣтъ, совсѣмъ не часто. Такъ, случайно зашелъ.

Назанскій, ходившій взадъ и впередъ по комнатѣ, остановился около поставца и отворилъ его. Тамъ на полкѣ стоялъ графинъ съ водкой, и лежало яблоко, разрѣзанное аккуратными, тонкими ломтями. Стоя спиной къ гостю, онъ торопливо налилъ себѣ рюмку и выпилъ. Ромашовъ видѣлъ, какъ конвульсивно содрогнулась его спина подъ тонкой полотняной рубашкой.

— Не хотите ли?— предложилъ Назанскій, указывая на поставецъ.— Закуска не богатая, но, если голодны, можно соорудить яичницу. Можно воздѣйствовать на Адама, перваго человѣка.

— Спасибо. Я потомъ.

Назанскій прошелся по комнатѣ, засунувъ руки въ карманы. Сдѣлавъ два конца, онъ заговорилъ, точно продолжая только-что прерванную бесѣду.

— Да. Такъ вотъ я все хожу и все думаю. И, знаете, Ромашовъ, я счастливъ. Въ полку завтра всѣ скажутъ, что у меня запой. А что-жъ, это, пожалуй, и вѣрно, только это не совсѣмъ такъ. Я теперь счастливъ, а вовсе не боленъ и не страдаю. Въ обыкновенное время мой умъ и моя воля подавлены. Я сливаюсь тогда съ голодной, трусливой серединой и бываю пошлъ, скупчень самому себѣ, благоразумень и расудителень. Я ненавижу, напримѣръ, военную службу, но служу. Почему я служу? Да чертъ его знаетъ, почему! Потому что мнѣ съ дѣтства твердили и теперь всѣ кругомъ говорятъ, что самое главное въ жизни это — служить и быть сытымъ и хорошо одѣтымъ. А философія, говорятъ они, это чепуха, это хорошо тому, кому нечего дѣлать, кому маменька оставила наслѣдство. И вотъ я дѣлаю вещи, къ которымъ у меня совершенно не лежитъ душа, исполняю, ради животнаго страха жизни, приказанія, которыя мнѣ кажутся порой жестокими, а порой бессмысленными. Мое существованіе однообразно, какъ заборъ, и сѣро, какъ солдатское сукно. Я не смѣю задуматься — не говорю о томъ, чтобы разсуждать

вслухъ—о любви, о красотѣ, о моихъ отношеніяхъ къ чelовѣчеству, о природѣ, о равенствѣ и счастіи людей, о поэзіи, о Богѣ. Они смѣются: ха-ха-ха, это все философія!... Смѣшно и дико и непозволительно думать офицеру армейской пѣхоты о возвышенныхъ матеріяхъ. Это философія, чортъ возьми, слѣдовательно, чепуха, праздная и нелѣпая болтовня.

— Но это—главное въ жизни,—задумчиво произнесъ Ромашовъ.

— И вотъ наступаетъ для меня это время, которое они зовутъ такимъ жестокимъ именемъ,—продолжалъ, не слушая его, Назанскій. Онъ все ходилъ взадъ и впередъ и по временамъ дѣлалъ убѣдительные жесты, обращаясь, впрочемъ, не къ Ромашову, а къ двумъ противоположнымъ угламъ, до которыхъ по очереди доходилъ.—Это время моей свободы, Ромашовъ, свободы духа, воли и ума! Я живу тогда, можетъ быть, странной, но глубокой, чудесной внутренней жизнью. Такой полной жизнью! Все, что я видѣлъ, о чемъ читалъ или слышалъ,—все оживляется во мнѣ, все пріобрѣтаетъ необычайно яркій свѣтъ и глубокій, бездонный смѣсль. Тогда память моя—точно музей рѣдкихъ откровеній. Понимаете—я Ротшильдъ! Беру первое, что мнѣ попадается, и размышляю о немъ долго, проникновенно, съ наслажденіемъ. О лицахъ, о встрѣчахъ, о характерахъ, о книгахъ, о женщинахъ—ахъ, особенно о женщинахъ и о женской любви!.. Иногда я думаю объ ушедшихъ великихъ людяхъ, о мученикахъ науки, о мудрецахъ и герояхъ и объ ихъ удивительныхъ словахъ. Я не вѣрю въ Бога, Ромашовъ, но иногда я думаю о святыхъ угодникахъ, подвижникахъ и страсто-терпцахъ и возобновляю въ памяти каноны и умили-тельные акафисты. Я вѣдь, дорогой мой, въ бурсѣ учился, и память у меня чудовищная. Думаю я обо всемъ объ этомъ и, случается, такъ вдругъ иногда горячо прочувствую чужую радость, или чужую скорбь,

или безсмертную красоту какого-нибудь поступка, что жожу, вотъ такъ, одинъ... и плачу, — страстно, жарко плачу...

Ромашовъ потихоньку всталъ съ кровати и сѣлъ съ ногами на открытое окно, такъ что его спина и подошвы упирались въ косяки рамы. Отсюда, изъ освѣщенной комнаты, ночь казалась еще темнѣе, еще глубже, еще таинственнѣе. Теплый, порывистый, но беззвучный вѣтеръ шевелилъ внизу подъ окномъ черные листья какихъ-то низенькихъ кустовъ. И въ этомъ мягкомъ воздухѣ, полномъ странныхъ весеннихъ ароматовъ, въ этой тишинѣ, темнотѣ, въ этихъ преувеличенно яркихъ и точно теплыхъ звѣздахъ—чувствовалось тайное и страстное броженіе, угадывалась жажда материнства и расточительное сладострастіе земли, растеній, деревьевъ,—цѣлаго міра.

А Назанскій все ходилъ по комнатѣ и говорилъ, не глядя на Ромашова, точно обращаясь къ стѣнамъ и къ угламъ комнаты:

— Мысль въ эти часы бѣжитъ такъ прихотливо, такъ пестро и такъ неожиданно. Умъ становится острымъ и яркимъ, воображеніе—точно потокъ! Всѣ вещи и лица, которыя я вызываю, стоятъ передо мною такъ рельефно и такъ восхитительно-ясно, точно я вижу ихъ въ камеръ-обскурѣ. Я знаю, я знаю, мой милый, что это обостреніе чувствъ, все это духовное озареніе—увы!—ничто иное, какъ фізіологическое дѣйствіе алкоголя на нервную систему. Сначала, когда я впервые испыталъ этотъ чудный подъемъ внутренней жизни, я думалъ, что это—само вдохновеніе. Но нѣтъ: въ немъ нѣтъ ничего творческаго, нѣтъ даже ничего прочнаго. Это просто болѣзненный процессъ. Это просто внезапныя приливы, которые съ каждымъ разомъ все больше и больше развѣдаютъ дно. Да. Но все-таки это безуміе сладко мнѣ и... къ чорту спасительная бережливость и вмѣстѣ съ ней къ чорту ду-

рацкая надежда прожить до ста десяти лѣтъ и попасть въ газетную смѣсь, какъ рѣдкій примѣръ долголѣтія... Я счастливъ—и все тутъ!

Назанскій опять подошелъ къ поставцу и, выпивъ, аккуратно притворилъ дверцы. Ромашовъ лѣнливо, почти безсознательно всталъ и сдѣлалъ то же самое.

— О чемъ же вы думали передъ моимъ приходомъ, Василиій Нилычъ?—спросилъ онъ, садясь попрежнему на подоконникъ.

Но Назанскій почти не слышалъ его вопроса.

— Какое, напримѣръ, наслажденіе—мечтать о женщинахъ!—воскликнулъ онъ, дойдя до дальняго угла и обращаясь къ этому углу съ широкимъ, убѣдительнымъ жестомъ.—Нѣтъ, не грязно думать. Зачѣмъ? Никогда не надо дѣлать человѣка, даже въ мысляхъ, участникомъ зла, а тѣмъ болѣе грязи. Я думаю часто о нѣжныхъ, чистыхъ, изящныхъ женщинахъ, объ ихъ свѣтлыхъ слезахъ и прелестныхъ улыбкахъ, думаю о молодыхъ цѣломудренныхъ матеряхъ, о любовницахъ, идущихъ ради любви на смерть, о прекрасныхъ, невинныхъ и гордыхъ дѣвушкахъ съ бѣлоснѣжной душой, знающихъ все и ничего не боящихся. Такихъ женщинъ нѣтъ. Впрочемъ, я неправъ. Навѣрно, Ромашовъ, такія женщины есть, но мы съ вами ихъ никогда не увидимъ. Вы еще, можете быть, увидите, но я—нѣтъ.

Онъ стоялъ теперь передъ Ромашовымъ и глядѣлъ ему прямо въ лицо, но, по мечтательному выраженію его глазъ и по неопредѣленной улыбкѣ, блуждавшей вокругъ его губъ, было замѣтно, что онъ не видитъ своего собесѣдника. Никогда еще лицо Назанскаго, даже въ его лучшія, трезвыя минуты не казалось Ромашову такимъ красивымъ и интереснымъ. Золотые волосы падали крупными цѣльными локонами вокругъ его высокаго, чистаго лба, густая, четырехугольной формы, рыжая небольшая борода лежала правильными волнами, точно нагоффрированная, и вся его массивная и изящ-

ная голова, съ обнаженной шеей благороднаго рисунка, была похожа на голову одного изъ тѣхъ греческихъ героевъ или мудрецовъ, великолѣпные бюсты которыхъ Ромашовъ видѣлъ гдѣ-то на гравюрахъ. Ясные, чуть-чуть влажные, голубые глаза смотрѣли оживленно, умно и кротко. Даже цвѣтъ этого красиваго, правильнаго лица поражалъ своимъ ровнымъ, нѣжнымъ, розовымъ тономъ, и только очень опытный взглядъ различилъ бы въ этой кажущейся свѣжести, вмѣстѣ съ нѣкоторой опухлостью чертъ—результатъ алкогольнаго воспаленія крови.

— Любовь! Къ женщинѣ! Какая бездна тайны! Какое наслажденіе и какое острое, сладкое страданіе!—вдругъ воскликнулъ восторженно Назанскій. Онъ въ волненіи схватилъ себя руками за волосы и опять метнулся въ уголъ, но, дойдя до него, остановился, повернулся лицомъ къ Ромашову и весело захохоталъ. Подпоручикъ съ тревогой слѣдилъ за нимъ.

— Вспомнилась мнѣ одна смѣшная исторія,—добродушно и просто заговорилъ Назанскій.—Эхъ, мысли-то у меня какъ прыгаютъ!.. Сидѣлъ я однажды въ Рязани на станціи „Ока“ и ждалъ парохода. Ждать приходилось, пожалуй, около сутокъ—это было во время весенняго разлива—и я, вы, конечно, понимаете, свилъ себѣ гнѣздо въ буфетѣ. А за буфетомъ стояла дѣвушка, такъ лѣтъ 18-ти,—такая, знаете ли, некрасивая, въ оспинкахъ, но бойкая такая, черноглазая, съ чудесной улыбкой и, въ концѣ концовъ, премилая. И было насъ только трое на станціи: она, я и маленькій бѣлобрысый телеграфистикъ. Впрочемъ, былъ и ея отецъ, знаете—такая красная, толстая, сивая подрядческая морда—вродѣ стараго и свирѣпаго меделянскаго пса. Но отецъ былъ какъ бы за кулисами. Выйдетъ на двѣ минуты за прилавокъ и все зѣваетъ, и все чешетъ подъ жилетомъ брюхо; не можетъ никакъ глазъ разлѣпить. Потомъ уйдетъ опять спать. Но телеграфистикъ

приходилъ постоянно. Помню, облокотится онъ на стойку локтями и молчить. И она молчить, смотреть въ окно, на разливъ. А тамъ вдругъ юноша запоетъ говоркомъ:

Лю-любовь— что такое?
 Что тако-ое любовь?
 Это чувство неземное,
 Что волнуетъ нашу кровь.

И опять замолчить. А черезъ пять минутъ она замурлычетъ: „Лю-любовь— что такое? Что такое любовь?..“ Знаете, такой по-ошленькій-пошленькій мотивчикъ. Должно быть, оба слышали его гдѣ-нибудь въ опереткѣ или съ эстрады... небось, нарочно въ городъ пѣшкомъ ходили. Да. Попоютъ и опять помолчатъ. А потомъ она, какъ будто незамѣтно, все поглядывая въ окошечко, глядь—и забудетъ руку на стойкѣ, а онъ возьметъ ее въ свои руки и перебираетъ палецъ за пальцемъ. И опять: „Лю-любовь— что такое?..“ На дворѣ—весна, разливъ, томность. И такъ они круглыя сутки. Тогда эта „любовь“ мнѣ порядкомъ надоѣла, а теперь, знаете, трогательно вспомнить. Вѣдь такимъ манеромъ они, должно быть, любезничали до меня недѣли двѣ, а можетъ быть, и послѣ меня съ мѣсяцъ. И я только потомъ почувствовалъ, какое это счастье, какой лучъ свѣта въ ихъ бѣдной, узенькой-узенькой жизни, ограниченной еще больше, чѣмъ наша вельпая жизнь,—о, куда!—въ сто разъ больше!.. Впрочемъ... Пойдите-ка, Ромашовъ. Мысли у меня путаются. Къ чему это я о телеграфистѣ?

Назанскій опять подошелъ къ поставцу. Но онъ не пилъ, а, повернувшись спиной къ Ромашову, мучительно теръ лобъ и крѣпко сжималъ виски пальцами правой руки. И въ этомъ нервномъ движеніи было что-то жалкое, безсильное, приниженное.

— Вы говорили о женской любви,—о безднѣ, о тайнѣ, о радости,—напомнилъ Ромашовъ.

— Да, любовь!—воскликнулъ Назанскій ликующимъ голосомъ. Онъ быстро выпилъ рюмку, отвернулся съ загорѣвшимися глазами отъ поставца и торопливо утеръ губы рукавомъ рубашки.—Любовь!—Кто понимаетъ ее? Изъ нея сдѣлали тему для грязныхъ, помойныхъ оперетокъ, для похабныхъ карточекъ, для мерзкихъ анекдотовъ, для мерзкихъ-мерзкихъ стишковъ. Это мы, офицеры, сдѣлали. Вчера у меня былъ Дицъ. Онъ сидѣлъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ теперъ сидите вы. Онъ игралъ своимъ золотымъ пенснэ и говорилъ о женщинахъ. Ромашовъ, дорогой мой,—если бы животныя, напримѣръ, собаки, обладали даромъ пониманія человѣческой рѣчи, и если бы одна изъ нихъ услышала вчера Дица, ей-Богу, она ушла бы изъ комнаты отъ стыда. Вы знаете—Дицъ хорошій человѣкъ, да и всѣ хорошіе, Ромашовъ,—дурныхъ людей нѣтъ. Но онъ стыдится иначе говорить о женщинахъ, стыдится изъ боязни потерять свое реномэ циника, развратника и побѣдителя. Тутъ какой-то общій обманъ, какое-то напускное мужское молодечество, какое-то хвастливое презрѣніе къ женщинѣ. И все это оттого, что для большинства въ любви, въ обладаніи женщиной, понимаете—въ окончательномъ обладаніи—таится что-то грубо-животное, что-то эгоистичное, только для себя, что-то сокровенно-низменное, блудливсе и постыдное—чорты! я не умѣю этого выразить. И оттого-то у большинства вслѣдъ за обладаніемъ идетъ холодность, отвращеніе и вражда. Оттого-то люди и отвели для любви ночь, такъ же какъ для воровства и для убійства... Тутъ, дорогой мой, природа устроила для людей какую-то засаду—съ приманкой и съ петлей.

— Это—правда,—тихо и печально согласился Ромашовъ.

— Нѣтъ, неправда!—громко крикнулъ Назанскій.—А я вамъ говорю—неправда. Природа, какъ и во всемъ, распорядилась геніально. То-то и дѣло, что для пору-

чика Дица вслѣдъ за любовью идетъ брезгливость и пресыщеніе, а для Данте вся любовь—прелестъ, очарованіе, весна! Нѣтъ, нѣтъ, не думайте: я говорю о любви въ самомъ прямомъ, тѣлесномъ смыслѣ. Но она—удѣлъ избранниковъ. Вотъ вамъ примѣръ: всѣ люди обладаютъ музыкальнымъ слухомъ, но у милліоновъ онъ какъ у трески, или какъ у штабсъ-капитана Васильченка, а одинъ изъ этого милліона—Бетховень. Такъ во всемъ: въ поэзіи, въ художествѣ, въ мудрости... И любовь, говорю я вамъ, имѣетъ свои вершины, доступныя лишь единицамъ изъ милліоновъ.

Онъ подошелъ къ окну, прислонился лбомъ къ углу стѣны рядомъ съ Ромашовымъ и, задумчиво глядя въ теплый мракъ весенней ночи, заговорилъ вздрагивающимъ, глубокимъ, проникновеннымъ голосомъ:

— О, какъ мы не умѣемъ цѣнить ея тонкихъ, неувелимыхъ прелестей. мы—грубые, лѣнныя, недалекно-видныя. Понимаете ли вы, сколько разнообразнаго счастья и очаровательныхъ мученій заключается въ нераздѣленной, безнадежной любви? Когда я былъ помоложе, во мнѣ жила одна грѣза: влюбиться въ недосыгаемую, необыкновенную женщину, такую, знаете ли, съ которой у меня никогда и ничего не можетъ быть общаго. Влюбиться и всю жизнь, всѣ мысли посвящать ей. Все равно: наняться поденщикомъ, поступить въ лакеи, въ кучера, — переодѣваться, хитрить, чтобы только хоть разъ въ годъ случайно увидѣть ее, поцѣловать слѣды ея ногъ на лѣстницѣ, чтобы—о, какое безумное блаженство—разъ въ жизни прикоснуться къ ея платью.

— И кончить сумасшествіемъ, — мрачно сказалъ Ромашовъ.

— Ахъ, милый мой, не все ли равно!—возразилъ съ пылкостью Назанскій и опять нервно забѣгалъ по комнатѣ.—Можетъ быть—почемъ знать?—вы тогда-то и вступите въ блаженную, сказочную жизнь. Ну, хо-

рошо: вы сойдете съ ума отъ этой удивительной, невѣроятной любви, а поручикъ Дицъ сойдетъ съ ума отъ прогрессивнаго паралича и отъ гадкихъ болѣзней. Что же лучше? Но подумайте только, какое счастье—стоять цѣлую ночь на другой сторонѣ улицы, въ тѣни, и глядѣть въ окно обожаемой женщины. Вотъ освѣтилось оно изнутри, на занавѣскѣ движется тѣнь. Не она ли это? Что она дѣлаетъ? Что думаетъ? Погасъ свѣтъ. Спи мирно, моя радость, спи, возлюбленная моя!.. И день уже полонъ—это побѣда! Дни, мѣсяцы, годы—употреблять всѣ силы изобрѣтательности и настойчивости, и вотъ — великій, умопомрачительный восторгъ: у тебя въ рукахъ ея платокъ, бумажка отъ конфекты, оброненная афиша. Она ничего не знаетъ о тебѣ, никогда не услышитъ о тебѣ, глаза ея скользятъ по тебѣ, не видя, но ты тутъ, подлѣ, всегда обожающій, всегда готовый отдать за нее—нѣтъ, зачѣмъ за нее—за ея капризъ, за ея мужа, за любовника, за ея любимую собачонку—отдать и жизнь, и честь, и все, что только возможно отдать! Ромашовъ, такихъ радостей не знаютъ красавцы и побѣдители.

— О, какъ это вѣрно. Какъ хорошо все, что вы говорите! — воскликнулъ взволнованный Ромашовъ. Онъ уже давно всталъ съ подоконника и такъ же, какъ и Назанскій, ходилъ по узкой длинной комнатѣ, ежеминутно сталкиваясь съ нимъ и останавливаясь. — Какія мысли приходятъ вамъ въ голову! Я вамъ расскажу про себя. Я былъ влюбленъ въ одну... женщину. Это было не здѣсь, не здѣсь, еще въ Москвѣ... я былъ... юнкеромъ. Но она не знала объ этомъ. И мнѣ доставляло чудесное удовольствіе сидѣть около нея и, когда она что-нибудь работала, взять нитку и тихонько тянуть къ себѣ. Только и всего. Она не замѣчала этого, совсѣмъ не замѣчала, а у меня отъ счастья кружилась голова.

— Да, да, я понимаю,—кивалъ головой Назанскій,

весело и ласково улыбаясь.—Я понимаю васъ. Это—точно проволока, точно электрической токъ? Да? Какое-то тонкое, нѣжное общеніе? Ахъ, милый мой, жизнь такъ прекрасна!..

Назанскій замолчалъ, растроганный своими мыслями, и его голубые глаза, наполнившись слезами, заблестѣли. Ромашова также охватила какая-то неопредѣленная, мягкая жалость и немного истеричное умиленіе. Эти чувства относились одинаково и къ Назанскому, и къ нему самому.

—Василій Нилычъ, я удивляюсь вамъ,—сказалъ онъ, взявъ Назанскаго за обѣ руки и крѣпко сжимая ихъ.—Вы—такой талантливый, чуткій, широкой человѣкъ и вотъ... точно нарочно губите себя. О, нѣтъ, нѣтъ, я не смѣю читать вамъ пошлой морали... я сама... Но что, если бы вы встрѣтили въ своей жизни женщину, которая сумѣла бы васъ оцѣнить и была бы васъ достойна. Я часто объ этомъ думаю!..

Назанскій остановился и долго смотрѣлъ въ раскрытое окно.

—Женщина...—протянулъ онъ задумчиво.—Да! Я вамъ расскажу,—воскликнулъ онъ вдругъ рѣшительно.—Я встрѣтился одинъ-единственный разъ въ жизни съ чудной, необыкновенной женщиной. Съ дѣвушкой... Но знаете, какъ это у Гейне: „она была достойна любви, и онъ любилъ ее, но онъ былъ недостоинъ любви, и она не любила его“. Она разлюбила меня за то, что я пью... впрочемъ, я не знаю, можетъ быть, я и пью оттого, что она меня разлюбила. Она... ея здѣсь тоже нѣтъ... это было давно. Вѣдь вы знаете, я прослужилъ сначала три года, потомъ былъ четыре года въ запасѣ, а потомъ три года тому назадъ опять поступилъ въ полкъ. Между нами не было романа. Всего — десять - пятнадцать встрѣчъ, пять-шесть интимныхъ разговоровъ. Но—думали ли вы когда-нибудь о неотразимой, обаятельной власти прошедшаго? Такъ вотъ, въ этихъ невинныхъ

мелочахъ—все мое богатство. Я люблю ее до сихъ поръ. Подождите, Ромашовъ... Вы стоите этого. Я вамъ прочту ея единственное письмо — первое и послѣднее, которое она мнѣ написала.

Онъ сѣлъ на корточки передъ чемоданомъ и сталъ неторопливо переворачивать въ немъ какія-то бумаги. Въ то же время онъ продолжалъ говорить:

— Пожалуй, она никогда и никого не любила, кромѣ себя. Въ ней пропасть властолюбія, какая-то злая и гордая сила. И въ то же время она—такая добрая, женственная, бесконечно-милая. Точно въ ней два человѣка: одинъ съ сухимъ, эгоистичнымъ умомъ,— другой съ нѣжнымъ и страстнымъ сердцемъ. Вотъ оно, читайте, Ромашовъ. Что сверху—это лишнее.— Назанскій отогнулъ нѣсколько строкъ сверху.— Вотъ отсюда. Читайте.

Что-то, казалось, постороннее, ударило Ромашову въ голову, и вся комната пошатнулась передъ его глазами. Письмо было написано крупнымъ нервнымъ, тонкимъ почеркомъ, который могъ принадлежать только одной Александрѣ Петровнѣ—такъ онъ былъ своеобразенъ, неправиленъ и изященъ. Ромашовъ, часто получавшій отъ нея записки съ приглашеніями на обѣдъ и на партію винта, могъ бы узнать этотъ почеркъ изъ тысячи различныхъ писемъ.

„...и горько, и тяжело произнести его,—читалъ онъ изъ-подъ руки Назанскаго.— Но вы сами сдѣлали все, чтобы привести наше знакомство къ такому печальному концу. Больше всего въ жизни я стыжусь лжи, всегда идущей отъ трусости и отъ слабости, и потому не стану вамъ лгать. Я любила васъ и до сихъ поръ еще люблю, и знаю, что мнѣ не скоро и не легко будетъ уйти отъ этого чувства. Но, въ концѣ концовъ, я все-таки одержу надъ нимъ побѣду. Что было бы, если бы я поступила иначе? Во мнѣ, правда, хватило бы силъ и самоотверженности быть вожатымъ, нянькой,

сестрой милосердія при безвольномъ, опустившемся, нравственно разлагающемся человѣкѣ, но я ненавижу чувства жалости и постоянного унижительнаго всепрощенія, и не хочу, чтобы *вы* ихъ во мнѣ возбуждали. Я не хочу, чтобы *вы* питались милостыней состраданія и собачьей преданности. А другимъ вы быть не можете, несмотря на вашъ умъ и прекрасную душу. Скажите честно, искренно, вѣдь не можете? Ахъ, дорогой Василій Нилычъ, если бы вы могли! Если бы! Къ вамъ стремится все мое сердце, всѣ мои желанія, я люблю васъ. Но вы сами не захотѣли меня. Вѣдь для любимаго человѣка можно перевернуть весь міръ, а я васъ просила такъ о немногомъ. Вы не можете?

Прощайте. Мысленно цѣлую васъ въ лобъ... какъ покойника, потому что вы умерли для меня. Совѣтую это письмо уничтожить. Не потому, чтобы я чего-нибудь боялась, но потому, что современемъ оно будетъ для васъ источникомъ тоски и мучительныхъ воспоминаній. Еще разъ повторяю...“

— Дальше вамъ неинтересно,—сказалъ Назанскій, вынимая изъ рукъ Ромашова письмо.—Это было ея единственное письмо ко мнѣ.

— Что же было потомъ?—съ трудомъ спросилъ Ромашовъ.

— Потомъ? Потомъ мы не видались больше. Она... она уѣхала куда-то и, кажется, вышла замужъ за... одного инженера. Это второстепенное.

— И вы никогда не бываете у Александры Петровны?

Эти слова Ромашовъ сказалъ совсѣмъ шопотомъ, но оба офицера вздрогнули отъ нихъ и долго не могли отвести глазъ другъ отъ друга. Въ эти нѣсколько секундъ между ними точно раздвинулись всѣ преграды человѣческой хитрости, притворства и непроницаемости, и они свободно читали въ душахъ другъ у друга. Они сразу поняли сотню вещей, ко-

торыя до сихъ поръ таили про себя, и весь ихъ сегоднѣшній разговоръ принялъ вдругъ какой-то особыи, глубокой, точно трагической смыслъ.

— Какъ? И вы—тоже?—тихо, съ выраженіемъ безумнаго страха въ глазахъ, произнесъ, наконецъ, Назанскій. Но онъ тотчасъ же опомнился и съ натянутымъ смѣхомъ воскликнулъ:

— Фу, какое недоразумѣніе! Мы съ вами совсѣмъ удалились отъ темы. Письмо, которое я вамъ показала, писано сто лѣтъ тому назадъ, и эта женщина живетъ теперь гдѣ-то далеко, кажется, въ Закавказьѣ... Итакъ, на чемъ же мы остановились?

— Мнѣ пора домой, Василій Нилычъ. Поздно,—сказалъ Ромашовъ, вставая.

Назанскій не сталъ его удерживать. Простились они не холодно и не сухо, но точно стыдась другъ друга. Ромашовъ теперь еще болѣе былъ увѣренъ, что письмо писано Шурочкой. Идя домой, онъ все время думалъ объ этомъ письмѣ, и самъ не могъ понять, какія чувства оно въ немъ возбуждало. Тутъ была и ревнивая зависть къ Назанскому—ревность къ прошлому, и какое-то торжествующее злое сожалѣніе къ Николаеву, но въ то же время была и какая-то новая надежда—неопредѣленная, туманная, но сладкая и манящая. Точно это письмо и ему давало въ руки какую-то таинственную, незримую нить, идущую въ будущее.

Вѣтеръ утихъ.

Ночь была полна глубокой тишиной, и темнота ея казалась бархатной и теплой. Но тайная, творческая жизнь чуялась въ безсонномъ воздухѣ, въ спокойствіи невидимыхъ деревьевъ, въ запахѣ земли. Ромашовъ шелъ, не видя дороги, и ему все представлялось, что вотъ-вотъ кто-то могучій, властный и ласковый дохнетъ ему въ лицо жаркимъ дыханіемъ. И была у него въ душѣ ревнивая грусть по его прежнимъ, дѣтскимъ,

такимъ яркимъ и невозвратимымъ вѣснамъ, была тихая беззлобная зависть къ своему чистому, нѣжному прошлому...

Придя къ себѣ, онъ засталъ вторую записку отъ Раисы Александровны Петерсонъ. Она вельпымъ и выпреннимъ слогомъ писала о коварномъ обманѣ, о томъ, что она все понимаетъ, и о всѣхъ ужасахъ мести, на которые способно разбитое женское сердце.

„Я знаю, что мнѣ теперь дѣлать!—говорилось въ письмѣ.—Если только я не умру на чахотку отъ вашего подлаго поведенія, то повѣрьте, я жестоко отплачу вамъ. Можетъ быть, вы думаете, что никто не знаетъ, гдѣ вы бываете каждый вечеръ? Слѣпецъ! И у стѣнъ есть уши. Мнѣ извѣстенъ каждый вашъ шагъ. Но, все равно, съ вашей наружностью и краснорѣчіемъ, вы тамъ ничего не добьетесь, кромѣ того, что Н. васъ вышвырнетъ за дверь, какъ щенка. А со мной совѣтую вамъ быть осторожнѣе. Я не изъ тѣхъ женщинъ, которыя прощаютъ нанесенныя обиды.

Владѣть кинжаломъ я умѣю,
Я близъ Кавказа рождена!!!

Прежде ваша, теперь ничья
Раиса.

Р. S. Непремѣнно будьте въ ту субботу въ собраніи. Намъ надо объясниться. Я для васъ оставлю 3 кадрили, но ужъ теперь *не по значенію!*

Р. П.

Глупостью, пошлостью, провинціальнымъ болотомъ и злой сплетней повѣяло на Ромашова отъ этого безграмотнаго и безтолковаго письма. И самъ себѣ онъ показался съ ногъ до головы запачканнымъ тяжелой, несмываемой грязью, которую на него наложила эта связь съ нелюбимой женщиной, связь, тянувшаяся почти полгода. Онъ легъ въ постель, удрученный,

точно раздавленный всѣмъ нынѣшнимъ днемъ, и, уже засыпая, подумалъ про себя словами, которыя онъ слышалъ вечеромъ отъ Назанскаго:

— Его мысли были сѣры, какъ солдатское сукно.

Онъ заснулъ скоро, тяжелымъ сномъ. И какъ это всегда съ нимъ бывало въ послѣднее время, послѣ крупныхъ огорченій, онъ увидѣлъ себя во снѣ мальчикомъ. Не было грязи, тоски, однообразія жизни, въ тѣлѣ чувствовалась бодрость, душа была свѣтла и чиста и играла безсознательной радостью. И весь міръ былъ свѣтелъ и чистъ, а посреди его — милая, знакомая улицы Москвы блистали тѣмъ прекраснымъ сіяніемъ, какое можно видѣть только во снѣ. Но гдѣ-то на краю этого ликующаго міра, далеко на горизонтѣ, оставалось темное, зловѣщее пятно: тамъ притаился сѣренькій, унылый городишка съ тяжелой и скучной службой, съ ротными школами, съ пьянствомъ въ собраніи, съ тяжестью и противной любовной связью, съ тоской и одиночествомъ. Вся жизнь звенѣла и сіяла радостью, но темное враждебное пятно тайно, какъ черный призракъ, подстерегало Ромашова и ждало своей очереди. И одинъ, маленькій Ромашовъ — чистый, беззаботный, невинный, — страстно плакалъ о своемъ старшемъ двойникѣ, уходящемъ, точно расплывающемся въ этой злобной тѣмѣ.

Среди ночи онъ проснулся и замѣтилъ, что его подушка влажна отъ слезъ. Онъ не могъ сразу удержать ихъ, и онѣ еще долго сбѣгали по его щекамъ теплыми, мокрыми быстрыми струйками.

VI.

За исключеніемъ немногихъ честолюбцевъ и карьеристовъ, всѣ офицеры несли службу, какъ принудительную, неприятную, опротивѣвшую барщину, томясь

ею и не любя ее. Младшіе офицеры, совсѣмъ школьнически, опаздывали на занятія и потихоньку убѣгали съ нихъ, если знали, что имъ за это не достанется. Ротные командиры, большею частью, люди многосемейные, погруженные въ домашнія дразги и въ романы своихъ женъ, придавленные жестокой бѣдностью и жизнью сверхъ средствъ, кряхтѣли подъ бременемъ непомѣрныхъ расходовъ и векселей. Они строили заплату на заплатѣ, хватая деньги въ одномъ мѣстѣ, чтобы заткнуть долгъ въ другомъ; многіе изъ нихъ рѣшались—и, чаще всего, по настоянію своихъ женъ, заимствовать деньги изъ ротныхъ суммъ или изъ платы, приходившейся солдатамъ за вольныя работы; иные по мѣсяцамъ и даже годамъ задерживали денежныя солдатскія письма, которыя они, по правиламъ, должны были распечатывать. Нѣкоторые только и жили, что винтомъ, штоссомъ и ландскнехтомъ; кое-кто игралъ нечисто, — объ этомъ знали, но смотрѣли сквозь пальцы. При этомъ, всѣ сильно пьянствовали: какъ въ собраніи, такъ и въ гостяхъ другъ у друга, иные же, вродѣ Сливы,—въ одиночку.

Такимъ образомъ, офицерамъ даже некогда было серьезно относиться къ своимъ обязанностямъ. Обыкновенно весь внутренній механизмъ роты приводилъ въ движеніе и регулировалъ фельдфебель; онъ же велъ всю канцелярскую отчетность и держалъ ротнаго командира незамѣтно, но крѣпко, въ своихъ жилистыхъ, многоопытныхъ рукахъ. На службу ротные ходили съ такимъ же отвращеніемъ, какъ и субалтернъ-офицеры и „подтягивали фендриковъ“ только для соблюденія престижа, а еще рѣже изъ властолюбиваго самодурства.

Батальонные командиры ровно ничего не дѣлали, особенно зимой. Есть въ арміи два такихъ промежуточныхъ званія—батальоннаго и бригаднаго командировъ: начальники эти всегда находятся въ самомъ неопредѣленномъ и бездѣятельномъ положеніи. Лѣтомъ

имъ все-таки приходилось дѣлать батальонныя ученя, участвовать въ полковыхъ и дивизионныхъ занятіяхъ и нести трудности маневровъ. Въ свободное же время они сидѣли въ собраніи, съ усердіемъ читали „Инвалидъ“ и спорили о чинопроизводствѣ, играли въ карты, позволяли охотно младшимъ офицерамъ угощать себя; устраивали у себя на домахъ вечеринки и старались выдавать своихъ многочисленныхъ дочерей замужъ.

Однако, передъ большими смотрами всѣ, отъ мала до велика, подтягивались и тянули другъ друга. Тогда уже не знали отдыха, наверстывая лишними часами занятій и напряженной, хотя и безтолковой, энергіей то, что было пропущено. Съ силами солдатъ не считались, доводя людей до изнуренія. Ротные жестоко рѣзали и осаживали младшихъ офицеровъ, младшіе офицеры сквернословили неестественно и безобразно, унтеръ-офицеры, охрипшіе отъ ругани, жестоко дрались. Впрочемъ, дрались и не одни только унтеръ-офицеры.

Такіе дни бывали настоящей страдой, и о воскресномъ отдыхѣ, съ лишними часами сна, мечталъ, какъ о райскомъ блаженствѣ, весь полкъ, начиная съ командира, до послѣдняго затрепаннаго и замурзаннаго денщика.

Этой весной въ полку усиленно готовились къ майскому параду. Стало навѣрно извѣстнымъ, что смотръ будетъ производить командиръ корпуса, взыскательный боевой генералъ, извѣстный въ міровой военной литературѣ своими записками о войнѣ карлистовъ и о франко-прусской кампаніи 1870-го года, въ которыхъ онъ участвовалъ въ качествѣ волонтера. Еще болѣе широкою извѣстностью пользовались его указы, написанные въ лапидарномъ суворовскомъ духѣ. Провинившихся подчиненныхъ онъ раздѣлывалъ въ этихъ приказахъ со свойственнымъ ему хлесткимъ и грубымъ сарказмомъ, котораго офицеры боялись больше всякихъ дисциплинарныхъ наказаній. Поэтому въ ротахъ шла,

вотъ уже двѣ недѣли, поспѣшная, лихорадочная работа, и воскресный день съ одинаковымъ нетерпѣніемъ ожидался какъ усталыми офицерами, такъ и задерганными, ошалѣвшими солдатами.

Но для Ромашова, благодаря аресту, пропала вся прелесть этого сладкаго отдыха. Всталъ онъ очень рано и, какъ ни старался, не могъ потомъ заснуть. Онъ вяло одѣвался, съ отвращеніемъ пилъ чай и даже разъ за что-то грубо прикрикнулъ на Гайнана, который, какъ и всегда, былъ веселъ, подвиженъ и неуклюжъ, какъ молодой щенокъ.

Въ сѣрой разстегнутой тужуркѣ кружился Ромашовъ по своей крошечной комнатѣ, задѣвая ногами за ножки кровати, а локтями за шаткую пыльную этажерку. Въ первый разъ за полтора года—и то благодаря несчастному и случайному обстоятельству, онъ остался наединѣ съ самимъ собою. Прежде этому мѣшала служба, дежурства, вечера въ собраніи, карточная игра, ухаживанье за Петерсонъ, вечера у Николаевыхъ. Иногда, если и случался свободный, ничѣмъ не наполненный часъ, то Ромашовъ, томимый скукой и бездѣльемъ, точно боясь самого себя, торопливо бѣжалъ въ клубъ или къ знакомымъ, или просто на улицу, до встрѣчи съ кѣмъ-нибудь изъ холостыхъ товарищей, что всегда кончалось выпивкой. Теперь же онъ съ тоской думалъ, что впереди—цѣлый день одиночества, и въ голову ему лѣзли все такія странныя, неудобныя и ненужныя мысли.

Въ городѣ зазвонили къ поздней обѣднѣ. Сквозь вторую, еще не выставленную раму, до Ромашова доносились дрожащія, точно рождающіеся одинъ изъ другого, звуки благовѣста, по весеннему очаровательно грустные. Сейчас же за окномъ начинался садъ, гдѣ во множествѣ росли черешни, всѣ бѣлыя отъ цвѣтовъ, круглыя и кудрявыя, точно стадо бѣлоспѣжныхъ овецъ, точно толпа дѣвочекъ въ бѣлыхъ платьяхъ. Между

ними тамъ и сямъ возвышались стройные, прямые тополи съ вѣтками, молитвенно устремленными вверхъ, въ небо, и широко раскидывали свои мощныя куполообразныя вершины старые каштаны; деревья были еще пусты и чернѣли голыми сучьями, но уже начинали, едва замѣтно для глаза, желтѣть первой, пушистой, радостной зеленью. Утро выдалось ясное, яркое, влажное. Деревья тихо вздрагивали и медленно качались. Чувствовалось, что между ними бродить ласковый прохладный вѣтерокъ и заигрываетъ, и шалить и, наклоняя цвѣты книзу, цѣлуетъ ихъ.

Изъ окна, направо, была видна черезъ ворота часть грязной черной улицы, съ чьимъ-то заборомъ по ту сторону. Вдоль этого забора, бережно ступая ногами въ сухія мѣста, медленно проходили люди. „У нихъ цѣлый день еще впереди,—думалъ Ромашовъ, завистливо слѣдя за ними глазами,—оттого они и не торопятся. Цѣлый свободный день!“

И ему вдругъ нетерпѣливо, страстно, до слезъ захотѣлось сейчасъ же одѣться и уйти изъ комнаты. Его потянуло не въ собраніе, какъ всегда, а просто на улицу, на воздухъ. Онъ какъ будто не зналъ раньше цѣны свободѣ, и теперь самъ удивлялся тому, какъ много счастья можетъ заключаться въ простой возможности идти, куда хочешь, повернуть въ любой переулокъ, выйти на площадь, зайти въ церковь и дѣлать это не боясь, не думая о послѣдствіяхъ. Эта возможность вдругъ представилась ему какимъ-то огромнымъ праздникомъ души.

И вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнилось ему, какъ въ раннемъ дѣтствѣ, еще до корпуса, мать наказывала его тѣмъ, что привязывала тоненькой ниткой за ногу къ кровати, а сама уходила. И маленькій Ромашовъ сидѣлъ покорно цѣлыми часами. Онъ ни на секунду не задумывался надъ тѣмъ, чтобы убѣжать изъ дому на весь день, хотя бы для этого приходилось спускаться

по водосточному жолобу изъ окна 2-го этажа, онъ часто, ускользнувъ такимъ образомъ, увязывался на другой конецъ Москвы за военной музыкой или за похоронами, онъ отважно воровалъ у матери сахаръ, варенье и папиросы для старшихъ товарищей, но нитка!—нитка оказывала на него странное, гипнотизирующее дѣйствие. Онъ даже боялся натягивать ее немного посильнѣе, чтобы она какъ-нибудь не лопнула. Здѣсь былъ не страхъ наказанія и, конечно, не добросовѣстность и не раскаяніе, а именно гипнозъ, нѣчто въ родѣ суевѣрнаго страха передъ могущественными и непостижимыми дѣйствіями взрослыхъ, нѣчто вродѣ почтительнаго ужаса дикаря передъ магическимъ кругомъ шамана.

„И вотъ я теперь сижу, какъ школьникъ, какъ мальчикъ, привязанный за ногу, — думалъ Ромашовъ, слоняясь по комнатѣ. — Дверь открыта, мнѣ хочется идти, куда хочу, дѣлать, что хочу, говорить, смѣяться— а я сижу на ниткѣ. Это я сижу. Я. Вѣдь это—Я! Но вѣдь это только онъ рѣшилъ, что я долженъ сидѣть. Я не давалъ своего согласія.

— Я!—Ромашовъ остановился среди комнаты и съ разставленными врозь ногами, опустивъ голову внизъ, крѣпко задумался.—Я! Я! Я!—вдругъ воскликнулъ онъ громко, съ удивленіемъ, точно въ первый разъ понявъ это короткое слово.—Кто же это стоитъ здѣсь и смотритъ внизъ, на черную щель въ полу? Это—Я. О, какъ странно!.. Я-а,—протянулъ онъ медленно, вникая всѣмъ сознаниемъ въ этотъ звукъ.

Онъ разсѣянно и неловко улыбнулся, но тотчасъ же нахмурился и поблѣднѣлъ отъ напряженія мысли. Подобное съ нимъ случалось нерѣдко за послѣдніе пять—шесть лѣтъ, какъ оно бываетъ почти со всѣми молодыми* людьми въ періодъ созрѣванія души. Простая истина, поговорка, общеизвѣстное изреченіе, смыслъ котораго онъ давно уже механически зналъ, вдругъ, благодаря какому-то внезапному внутреннему освѣще-

ню, приобрѣтали глубокое философское значеніе, и тогда ему казалось, что онъ впервые ихъ слышитъ, почти самъ открылъ ихъ. Онъ даже помнилъ, какъ *это* было съ нимъ въ первый разъ. Въ корпусѣ, на урокъ закона Божія, священникъ толковалъ притчу о рабочихъ, переносившихъ камни. Одинъ носилъ сначала мелкіе, а потомъ приступилъ къ тяжелымъ и послѣднихъ камней ужъ не могъ дотащить; другой же поступилъ наоборотъ и кончилъ свою работу благополучно. Для Ромашова вдругъ сразу отверзлась цѣлая бездна практической мудрости, скрытой въ этой безхитростной притчѣ, которую онъ зналъ и понималъ съ тѣхъ поръ, какъ выучился читать. То же самое случилось вскорѣ съ знакомой поговоркой: „семь разъ отмѣрай—одинъ разъ отрѣжь“. Въ одинъ какой-то счастливый, проникновенный мигъ онъ понялъ въ ней все: благоразуміе, дальновидность, осторожную бережливость, расчетъ. Огромный житейскій опытъ уложился въ этихъ пяти-шести словахъ. Такъ и теперь, его вдругъ ошеломило и потрясло неожиданно-яркое сознание своей индивидуальности...

„Я—это внутри,—думалъ Ромашовъ,—а все остальное — это постороннее, это — не Я. Вотъ эта комната, улица, деревья, небо, полковой командиръ, поручикъ Андрусевичъ, служба, знамя, солдаты — все это не Я. Нѣтъ, нѣтъ, это не Я. Вотъ мои руки и ноги, — Ромашовъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на свои руки, поднеся ихъ близко къ лицу и точно впервые разглядывая ихъ,—нѣтъ, это все—не Я. А вотъ я ущипну себя за руку... да, вотъ такъ... это—Я. Я вижу руку, поднимаю ее кверху — это Я. То, что я теперь думаю, это тоже Я. И если я захочу пойти, это Я. И вотъ я остановился—это Я“.

„О, какъ это странно, какъ просто и какъ изумительно. Можетъ быть, у всѣхъ есть это Я? А, можетъ быть, не у всѣхъ? Можетъ быть, ни у кого, кромѣ

меня? А что—если есть? Вотъ — стоять передо мной сто солдатъ, я кричу имъ: „глаза направо!“ — и сто человекъ, изъ которыхъ у каждаго есть свое Я, и которые во мнѣ видятъ что-то чужое, постороннее, не Я, — они всѣ сразу поворачиваютъ головы направо. Но я не различаю ихъ другъ отъ друга, они — масса. А для полковника Шульговича, можетъ быть, и я, и Вѣткинъ, и Лбовъ, и всѣ поручики и капитаны также сливаются въ одно лицо, и мы ему также чужіе, и онъ не отличаетъ насъ другъ отъ друга?“

Загрѣмѣла дверь, и въ комнату вскочилъ Гайнанъ. Переминаясь съ ноги на ногу и вздергивая плечами, точно приплясывая, онъ крикнулъ:

— Ваша блягородія. Буфенчикъ больше не давайтъ папировсовъ. Говорить, поручикъ Скрябинъ не велѣлъ тебѣ въ долгъ давать.

— Ахъ, чортъ! — вырвалось у Ромашова. — Ну, иди, иди себѣ... Какъ же я буду безъ папирсовъ?.. Ну, все равно, можешь идти, Гайнанъ.

„О чемъ я сейчасъ думалъ? — спросилъ самого себя Ромашовъ, оставшись одинъ. Онъ потерялъ нить мыслей и, по непривычкѣ думать послѣдовательно, не могъ сразу найти ее. — О чемъ я сейчасъ думалъ? О чемъ-то важномъ и нужномъ... Постой: надо вернуться назадъ... Сижу подъ арестомъ... по улицѣ ходятъ люди... въ дѣтствѣ мама привязывала... Меня привязывала... Да, да... У солдата — тоже — Я... Полковникъ Шульговичъ... Вспомнилъ... Ну, теперь дальше, дальше...“

„Я сижу въ комнатѣ. Незапертъ. Хочу и не смѣю выйти изъ нея. Отчего не смѣю? Сдѣлалъ ли я какое-нибудь преступленіе? воровство? убійство? Нѣтъ: говоря съ другимъ, постороннимъ мнѣ человекомъ, я не держалъ ногъ вмѣстѣ и что-то сказалъ. Можетъ быть, я былъ долженъ держать ноги вмѣстѣ? Почему? Неужели это важно? Неужели это — главное въ жизни? Вотъ пройдетъ еще двадцать-тридцать лѣтъ — одна секунда въ

томъ времени, которое было до меня и будетъ послѣ меня. Одна секунда! Мое Я погаснетъ, точно лампа, у которой прикрутили фитиль. Но лампу зажгутъ снова, и снова, и снова, а Меня уже не будетъ. И не будетъ ни этой комнаты, ни неба, ни полка, ни всего войска, ни звѣздъ, ни земного шара, ни моихъ рукъ и ногъ... Потому что не будетъ Меня...

„Да, да... это такъ... Ну, хорошо... подожди... надо постепенно... ну, дальше... Меня не будетъ. Было темно, кто-то зажегъ мою жизнь и сейчасъ же потушилъ ее, и опять стало темно навсегда, на вѣки вѣковъ... Что же я дѣлалъ въ этотъ коротенькій мигъ? Я держалъ руки по швамъ и каблукъ вмѣстѣ, тянулъ носокъ внизъ при маршировкѣ, кричалъ во все горло: „на плечо“, ругался и злился изъ-за приклада, „недовернутаго на себя“, трепеталъ передъ сотнями людей... Зачѣмъ? Эти призраки, которые умрутъ съ моимъ Я, заставляли меня дѣлать сотни ненужныхъ мнѣ и неприятныхъ вещей, и за это оскорбляли и унижали Меня. Меня!! Почему же мое Я подчинялось призракамъ?“

Ромашовъ сѣлъ къ столу, облокотился на него и сжалъ голову руками. Онъ съ трудомъ удерживалъ эти необычныя для него, разбѣгающіяся мысли.

„Гмъ... а ты позабылъ? Отечество? Колыбель? Прахъ отцовъ? Алтари?.. А воинская честь и дисциплина? Кто будетъ защищать твою родину, если въ нее вторгнутся иноземные враги?.. Да, но я умру, и не будетъ больше ни родины, ни враговъ, ни чести. Они живутъ, пока живеть мое сознание. Но—исчезни родина и честь, и мундиръ, и всѣ великія слова—мое Я останется неприкосновеннымъ. Стало быть, все-таки мое Я важнѣе всѣхъ этихъ понятій о долгѣ, о чести, о любви? Вотъ я служу... А вдругъ мое Я скажетъ: не хочу! Нѣтъ—не мое Я, а больше... весь милліонъ Я, составляющихъ армію, нѣтъ—еще больше—всѣ Я, населяющіе земной шаръ, вдругъ скажутъ: не хочу! И сейчасъ же война станеть

немыслимой, и ужь никогда, никогда не будетъ этихъ „ряды вдвой!“ и „полуоборотъ направо!“—потому что въ нихъ не будетъ надобности. Да, да, да! Это вѣрно, это вѣрно!—закричалъ внутри Ромашова какой-то торжествующій голосъ.—Вся эта военная доблесть, и дисциплина, и чинопочитаніе, и честь мундира, и вся военная наука—все зиждется только на томъ, что человѣчество не хочетъ, или не умѣетъ, или не смѣетъ сказать „не хочу!“

„Что же такое все это хитро-сложенное зданіе военного ремесла? Ничто, пуфъ, зданіе, висящее на воздухѣ, основанное даже не на двухъ короткихъ словахъ „не хочу“, а только на томъ, что эти слова почему-то до сихъ поръ не произнесены людьми. Мое Я никогда вѣдь не скажетъ: „не хочу ѣсть, не хочу дышать, не хочу видѣть“. Но если ему предложить умереть, оно непременно, непременно скажетъ—„не хочу“. Что же такое тогда война съ ея неизбѣжными смертями и все военное искусство, изучающее лучшіе способы убивать? Міровая ошибка? Ослѣпленіе?

„Нѣтъ, ты постой, подожди... Должно быть, я самъ ошибаюсь. Не можетъ быть, чтобы я не ошибался, потому что это „не хочу“—такъ просто, такъ естественно, что должно было бы придти въ голову каждому. Ну, хорошо, ну, разберемся. Положимъ, завтра, положимъ, сію секунду эта мысль пришла въ голову всѣмъ: русскимъ, нѣмцамъ, англичанамъ, японцамъ... И вотъ уже нѣтъ больше войны, нѣтъ офицеровъ и солдатъ, всѣ разошлись по домамъ. Что же будетъ? Да, что будетъ тогда? Я знаю, Шульговичъ мнѣ на это отвѣтитъ: тогда придутъ къ намъ неожиданно и отнимутъ у насъ земли и дома, вытопчутъ пашни, уведутъ нашихъ женъ и сестеръ. А бунтовщики? Соціалисты? Революціонеры?.. Да нѣтъ же, это неправда. Вѣдь все, все человѣчество сказало—не хочу кровопролитія. Кто же тогда пойдетъ съ оружіемъ и съ насиліемъ? Никто.

Что же случится? Или, можетъ быть, тогда всѣ помирятся? уступать другъ другу? подѣлятся? простятъ? Господи, что же будетъ?

Ромашовъ не замѣтилъ, занятый своими мыслями, какъ Гайнанъ тихо подошелъ къ нему сзади и вдругъ протянулъ черезъ его плечо руку. Онъ вздрогнулъ и слегка вскрикнулъ отъ испуга.

— Что тебѣ надо, чортъ!..

Гайнанъ положилъ на столъ коричневую бумажную пачку.

— Тебѣ!—сказалъ онъ фамиллярно и ласково, и Ромашовъ почувствовалъ, что онъ дружески улыбается за его спиной.—Тебѣ папиросы. Куры!

Ромашовъ посмотрѣлъ на пачку. На ней было напечатано: папиросы „Трубачъ“, цѣна 3 коп. 20 шт.

— Что это такое? Зачѣмъ?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.—Откуда ты взялъ?

— Вижу, тебѣ папиросовъ нѣтъ. Купилъ за свой деньга. Куры, пожалуйста, куры. Ничего Дару тебѣ.

Гайнанъ сконфузился и стремглавъ выбѣжалъ изъ комнаты, оглушительно хлопнувъ дверью. Подпоручикъ закурилъ папиросу. Въ комнатѣ запахло сургучемъ и жжеными перьями.

„О милый!—подумалъ растроганный Ромашовъ.—Я на него сержусь, кричу, заставляю его по вечерамъ снимать съ меня не только сапоги, но носки и брюки. А онъ вотъ купилъ мнѣ папиросъ за свои жалкія, послѣднія, солдатскія копѣйки. „Куры, пожалуйста!“ . За что же это?..

Онъ опять всталъ и, заложивъ руки за спину, зашагалъ по комнатѣ.

„Вотъ ихъ сто человѣкъ въ нашей ротѣ. И каждый изъ нихъ—человѣкъ съ мыслями, съ чувствами, со своимъ особеннымъ характеромъ, съ житейскимъ опытомъ, съ личными привязанностями и антипатіями. Знаю ли я что-нибудь о нихъ? Нѣтъ—ничего, кромѣ

ихъ физиономій. Вотъ они съ праваго фланга: Солтысъ, Рябошапка, Веденѣвъ, Егоровъ, Ящишинъ... Сѣрня, однообразныя лица. Что я сдѣлалъ, чтобы прикоснуться душой къ ихъ душамъ, своимъ Я къ ихнему Я?—Ничего.

Ромашову вдругъ вспомнился одинъ ненастный вечеръ поздней осени. Нѣсколько офицеровъ, и вмѣстѣ съ ними Ромашовъ, сидѣли въ собраніи и пили водку, когда вбѣжалъ фельдфебель 9 роты Гуменюкъ и, запыхавшись, крикнулъ своему ротному командиру:

— Ваше высокоблагородіе, молодыхъ пригнали!..

Да, именно пригнали. Они стояли на полковомъ дворѣ, сбившись въ кучу, подъ дождемъ, точно стадо испуганныхъ и покорныхъ животныхъ, и глядѣли недовѣрчиво, исподлобья. Но у всѣхъ у нихъ были особья лица. Можетъ быть, это такъ казалось отъ разнообразія одеждъ? „Этотъ вотъ, навѣрно, былъ слесаремъ,—думалъ тогда Ромашовъ, проходя мимо и вглядываясь въ лица,—а этотъ, должно быть, весельчакъ и мастеръ играть на гармоніи. Этотъ—грамотный, расторопный и жуликоватый, съ быстрымъ, складнымъ говоркомъ—не былъ ли онъ раньше въ половыхъ?“ И видно было также, что ихъ, дѣйствительно, пригнали, что еще нѣсколько дней тому назадъ ихъ съ воемъ и причитаніями провожали бабы и дѣти, и что они сами молодецествовали и крѣпились, чтобы не заплакать сквозь пьяный, рекрутскій угаръ... Но, прошелъ годъ, и вотъ они стоятъ длинной, мертвой шеренгой—сѣрые, обезличенные, деревянные — *солдаты!* Они не хотѣли идти. *Ихъ Я не хотѣло.* Господи, гдѣ же причины этого страшнаго недоразумѣнія? Гдѣ начало этого узла? Или все это—то же самое, что извѣстный опытъ съ пѣтухомъ? Наклонять пѣтуху голову къ столу—онъ бьется. Но проведутъ ему мѣломъ черту по носу и потомъ дальше по столу, и онъ ужъ думаетъ, что его привязали, и сидитъ, не шелохнувшись, выпучивъ глаза, въ какомъ-то сверхъестественномъ ужасѣ.

Ромашовъ дошелъ до кровати и повалился на нее.

„Что же мнѣ остается дѣлать, въ такомъ случаѣ?— сурово, почти злобно спросилъ онъ самого себя.— Да, что мнѣ дѣлать? Уйти со службы? Но, что ты знаешь? что умѣешь дѣлать? Сначала пансіонъ, потомъ кадетскій корпусъ, военное училище, замкнутая офицерская жизнь... Зналъ ли ты борьбу? нужду? Нѣтъ, ты жилъ на всемъ готовомъ, думая, какъ институтка, что французскія булки растутъ на деревьяхъ. Попробуй-ка, уйди. Тебя заклюютъ, ты сопьешься, ты упадешь на первомъ шагу въ самостоятельной жизни. Постой. Кто изъ офицеровъ, о которыхъ ты знаешь, ушелъ добровольно со службы? Да никто. Всѣ они цѣпляются за свое офицерство, потому что вѣдь они больше никуда не годятся, ничего не знаютъ. А если и уйдутъ, то ходятъ потомъ въ засаленной фуражкѣ съ околышкомъ: „Эйе ла бонте... благородный русскій офицеръ... компрене ву...“ Ахъ, что же мнѣ дѣлать! Что же мнѣ дѣлать!..

— Арестантикъ, арестантикъ! — зазвенѣлъ подъ окномъ ясный женскій голосъ.

Ромашовъ вскочилъ съ кровати и подбѣжалъ къ окну. На дворѣ стояла Шурочка. Она, закрывая глаза съ боковъ ладонями отъ свѣта, близко прильнула смѣющимся, свѣжимъ лицомъ къ стеклу и говорила нараспѣвъ:

— Пода-айте бѣ-ѣдному заключенненькому...

Ромашовъ взялся было за скобу, но вспомнилъ, что окно еще не выставлено. Тогда, охваченный внезапнымъ порывомъ веселой рѣшимости, онъ изо всѣхъ силъ дернулъ къ себѣ раму. Она поддалась и съ трескомъ распахнулась, осыпавъ голову Ромашова кусками извѣстки и сухой замазки. Прохладный воздухъ, наполненный вѣжнымъ, тонкимъ и радостнымъ благоуханіемъ бѣлыхъ цвѣтовъ, потокомъ ворвался въ комнату.

— Вотъ такъ! Вотъ такъ надо искать выхода!— закричалъ въ душѣ Ромашова смѣющийся ликующей голосъ.

— Ромочка! Сумасшедшій! Что вы дѣлаете?

Онъ взялъ ея протянутую черезъ окно маленькую руку, крѣпко облитую коричневой перчаткой, и смѣло поцѣловалъ ее сначала сверху, а потомъ снизу, въ сгибѣ, въ кругленькую дырочку надъ пуговицами. Онъ никогда не дѣлалъ этого раньше, но она безсознательно, точно подчиняясь той волнѣ восторженной отваги, которая такъ внезапно взмыла въ немъ, не противилась его поцѣлуямъ и только глядѣла на него со смущеннымъ удивленіемъ и улыбаясь.

— Александра Петровна! Какъ мнѣ благодарить васъ. Милая!

— Ромочка, да что это съ вами? Чему вы обрадовались?— сказала она, смѣясь, но все еще пристально и съ любопытствомъ вглядываясь въ Ромашова.— У васъ глаза блестятъ. Пойдите, я вамъ калачикъ принесла, какъ арестованному. Сегодня у насъ чудесные яблочные пирожки, сладкіе... Степанъ, да несите же корзинку.

Онъ смотрѣлъ на нее сіяющими, влюбленными глазами, не выпуская ея руки изъ своей,—она опять не сопротивлялась этому—и говорилъ поспѣшно:

— Ахъ, если бы вы знали, о чемъ я думалъ нынче все утро... Если бы вы только знали! Но это потомъ...

— Да, потомъ... Вотъ идетъ мой супругъ и повелитель... Пустите руку. Какой вы сегодня удивительный, Юрій Алексѣичъ. Даже похорошѣли.

Къ окну подошелъ Николаевъ. Онъ хмурился и не совсѣмъ любезно поздоровался съ Ромашовымъ.

— Иди, Шурочка, иди,—торопилъ онъ жену.— Это же, Богъ знаетъ, что такое. Вы, право, оба сумасшедшіе. Дойдетъ до командира—что хорошаго! Вѣдь онъ подъ арестомъ. Прощайте, Ромашовъ. Заходите.

— Заходите, Юрій Алексѣевичъ,— повторила и Шурочка. Она отошла отъ окна, но тотчасъ же вернулась и сказала быстрымъ шопотомъ:

— Слушайте, Ромочка: нѣтъ, правда, не забывайте

насъ. У меня единственный человекъ, съ кѣмъ я, какъ съ другомъ—это вы. Слышите? Только не смѣйте дѣлать на меня такихъ бараньихъ глазъ. А то и видѣть васъ не хочу. Пожалуйста, Ромочка, не воображайте о себѣ. Вы и не мужчина вовсе.

VII.

Въ половинѣ четвертаго къ Ромашову заѣхалъ полковой адъютантъ, поручикъ Федоровскій. Это былъ высокій и, какъ выражались полковныя дамы, представительный молодой человекъ съ холодными глазами и съ усами, продолженными до плечъ густыми подусниками. Онъ держалъ себя преувеличенно-вѣжливо, но строго-официально съ младшими офицерами, ни съ кѣмъ не дружилъ и былъ высокаго мнѣнія о своемъ служебномъ положеніи. Ротные командиры въ немъ заискивали.

Зайдя въ комнату, онъ бѣгло окинулъ прищуренными глазами всю жалкую обстановку Ромашова. Подпоручикъ, который въ это время лежалъ на кровати, быстро вскочилъ и, краснѣя, сталъ торопливо застегивать пуговицы тужурки.

— Я къ вамъ по порученію командира полка,—сказалъ Федоровскій сухимъ тономъ,—потрудитесь одѣться и ѣхать со мною.

— Виновать... я сейчасъ... форма одежды обыкновенная? Простите, я по домашнему.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь. Сюртукъ. Если вы позволите, я бы присѣлъ?

— Ахъ, извините. Прошу васъ. Не угодно ли чаю?—заторопился Ромашовъ.

— Нѣтъ, благодарю. Пожалуйста, поскорѣе.

Онъ, не снимая пальто и перчатокъ, сѣлъ на стулъ и, пока Ромашовъ одѣвался, волнуясь, безъ надобности

суетясь и конфузаясь за свою не особенно чистую сорочку, онъ сидѣлъ все время прямо и неподвижно съ каменнымъ лицомъ, держа руки на эфесѣ пашки.

— Вы не знаете, зачѣмъ меня зовутъ?

Адъютантъ пожалъ плечами.

— Станный вопросъ. Откуда же я могу знать? Вамъ это должно быть, безъ сомнѣнія, лучше моего извѣстно... Готовы? Совѣтую вамъ продѣть португезу подъ погонь, а не сверху. Вы знаете, какъ командиръ полка этого не любитъ. Вотъ такъ... Ну-съ, поѣдемте.

У воротъ стояла коляска, запряженная парю рослыхъ раскормленныхъ полковыхъ коней. Офицеры сѣли и поѣхали. Ромашовъ изъ вѣжливости старался держаться бокомъ, чтобы не тѣснить адъютанта, а тотъ какъ будто вовсе не замѣчалъ этого. По дорогѣ имъ встрѣтился Вѣткинъ. Онъ обмѣнялся съ адъютантомъ честью, но тотчасъ же за спиной его сдѣлалъ обернувшемуся Ромашову особый непередаваемый юмористическій жестъ, который какъ будто говорилъ: „что, братъ, поволокли тебя на расправу?“ Встрѣчались и еще офицеры. Иные изъ нихъ внимательно, другіе съ удивленіемъ, а нѣкоторые точно съ насмѣшкой глядѣли на Ромашова, и онъ невольно ежился подъ ихъ взглядами.

Полковникъ Шульговичъ не сразу принялъ Ромашова: у него былъ кто-то въ кабинетѣ. Пришлось ждать въ полутемной передней, гдѣ пахло яблоками, нафталиномъ, свѣже-лакированной мебелью и еще чѣмъ-то особеннымъ, не непріятнымъ, чѣмъ пахнутъ одежда и вещи въ зажиточныхъ аккуратныхъ нѣмецкихъ семействахъ. Тотчасъ въ передней, Ромашовъ нѣсколько разъ взглядывалъ на себя въ стѣнное трюмо, оправленное въ свѣтлую ясеневую раму, и всякій разъ его собственное лицо казалось ему противно-блѣднымъ, некрасивымъ и какимъ-то неестественнымъ, скрутку—слишкомъ заношеннымъ, а погоны черезчуръ помятыми.

Сначала изъ кабинета доносился только глухой однотонный звукъ низкаго командирскаго баса. Словъ не было слышно, но по сердитымъ раскатистымъ интонаціямъ можно было догадаться, что полковникъ кого-то распекаетъ съ настойчивымъ и непреклоннымъ гнѣвомъ. Это продолжалось минутъ пять. Потомъ Шульговичъ вдругъ замолчалъ; послышался чей-то дрожащій умоляющій голосъ, и вдругъ, послѣ мгновенной паузы, Ромашовъ явственно, до послѣдняго оттѣнка, услышалъ слова, произнесенныя со страшнымъ выраженіемъ высокомерія, негодованія и презрѣнія:

— Что вы мнѣ очки втираете? Дѣти? Жена? Плевать я хочу на вашихъ дѣтей! Прежде чѣмъ надѣлать дѣтей, вы бы подумали, чѣмъ ихъ кормить. Что? Ага, теперь—виновать, господинъ полковникъ. Господинъ полковникъ въ нашемъ дѣлѣ ничѣмъ не виновать. Вы, капитанъ, знайте, что если господинъ полковникъ теперь не отдаетъ васъ подъ судъ, то я этимъ совершаю преступленіе по службѣ. Что-о-о? Извольте ма-ал-чать! Не ошибка-съ, а преступленіе-съ. Вамъ мѣсто не въ полку, а вы сами знаете—гдѣ. Что?

Опять задрезжалъ робкій молящій голосъ, такой жалкій, что въ немъ, казалось, не было ничего человеческого. „Господи, что же это?—подумалъ Ромашовъ, который точно приклеился около трюмо, глядя прямо въ свое поблѣднѣвшее лицо и не видя его, чувствуя, какъ у него покатилося и болѣзненно затрепыхалось сердце.— Господи, какой ужасъ!..“

Жалобный голосъ говорилъ довольно долго. Когда онъ кончилъ, опять раскатился глубокой басъ командира, но теперь болѣе спокойный и смягченный, точно Шульговичъ уже успѣлъ вылить свой гнѣвъ въ крикъ и удовлетворилъ свою жажду власти видомъ чужого униженія.

Онъ говорилъ отрывисто:

— Хорошо-съ. Въ послѣдній разъ. Но пом-ни-те,

это въ послѣдній разъ. Слышите? Зарубите это на своемъ красномъ пьяномъ носу. Если до меня еще разъ дойдутъ слухи, что вы пьянствуете... Что? Ладно, ладно, знаю я ваши обѣщанія. Роту мнѣ чтобъ подготовили къ смотру. Не рота, а б.....ъ! Черезъ недѣлю прїѣду самъ и посмотрю... Ну, а затѣмъ вотъ вамъ мой совѣтъ-съ: первымъ дѣломъ очиститесь вы съ солдатскими деньгами и съ отчетностью. Слышите? Это чтобы завтра же было сдѣлано. Что? А мнѣ что за дѣло? Хоть родите... Затѣмъ, капитанъ, я васъ не держу. Имѣю честь кланяться.

Кто-то нерѣшительно завозился въ кабинетъ и на цыпочкахъ, скрипя сапогами, пошелъ къ выходу. Но его сейчасъ же остановилъ голосъ командира, ставшій вдругъ черезчуръ суровымъ, чтобы не быть поддѣльнымъ.

— Пстой-ка, пойди сюда, чортова перечница... Небось побѣжишь къ жидишкамъ? А? Векселя писать? Эхъ ты, дура, дура, дурья ты голова... Ну, ужъ на тебѣ, дьяволъ тебѣ въ печень! Одна, двѣ... разъ, двѣ, три, четыре... Триста. Больше не могу. Отдашь, когда сможешь. Фу, чортъ, что за гадость вы дѣлаете, капитанъ!—заоралъ полковникъ, возвышая голосъ по восходящей гаммѣ, —не смѣйте никогда этого дѣлать! Это низость!.. Однако, маршъ, маршъ, маршъ! Къ чорту-съ, къ чорту-съ. Мое почтеніе-съ!..

Въ переднюю вошелъ, весь красный, съ каплями пота на носу и на вискахъ и съ перевернутымъ, смущеннымъ лицомъ, маленькій капитанъ Свѣтовидовъ. Правая рука была у него въ карманѣ и судорожно хрустѣла новенькими бумажками. Увидѣвъ Ромашова, онъ засѣменилъ ногами, шутовски-неестественно захихикалъ и крѣпко вцѣпился своей влажной, горячей, трясущейся рукой въ руку подпоручика. Глаза у него напряженно и конфузливо бѣгали и, въ то же время, точно щупали Ромашова: слыхалъ онъ, или нѣтъ?

— Лють! Аки тигра! — развязно и приниженно зашепталъ онъ, кивая по направленію кабинета, — но, ничего! — Свѣтовидовъ быстро и нервно перекрестился два раза. — Ничего. Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ, Господи!

— Бон-да-рен-ко! — крикнулъ изъ-за стѣны полковой командиръ, и звукъ его огромнаго голоса сразу наполнилъ всѣ закоулки дома и, казалось, заколебаль тонкія перегородки передней. Онъ никогда не употреблялъ въ дѣло звонка, полагаясь на свое необыкновенное горло. — Бондаренко! Кто тамъ есть еще? Проси.

— Аки скимень! — шепнулъ Свѣтовидовъ съ кривой улыбкой. — Прощайте, поручикъ. Желаю вамъ легкаго пару.

Изъ дверей выюркнулъ денщикъ — типичный командирскій денщикъ, съ благообразно-наглымъ лицомъ, съ маслянымъ проборомъ сбоку головы, въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ. Онъ сказалъ почтительнымъ тономъ, но въ то же время дерзко, даже чуть-чуть прищурившись, глядя прямо въ глаза подпоручику:

— Ихъ высокоблагородіе просятъ ваше благородіе.

Онъ отворилъ дверь въ кабинетъ, стоя бокомъ, и самъ попятился назадъ, давая дорогу. Ромашовъ вошелъ.

Полковникъ Шульговичъ сидѣлъ за столомъ, въ лѣвомъ углу отъ входа. Онъ былъ въ сѣрой тужуркѣ, изъ которой виднѣлось великолѣпное блестящее бѣлье. Мясистыя красныя руки лежали на ручкахъ деревяннаго кресла. Огромное старческое лицо съ сѣдой короткой щеткой волосъ на головѣ и съ бѣлой бородой клиномъ, было сурово и холодно. Безцвѣтные свѣтлые глаза глядѣли враждебно. На поклонъ подпоручика онъ коротко кивнулъ головой. Ромашовъ вдругъ замѣтилъ у него въ ухѣ серебряную серьгу, въ видѣ полумѣсяца съ крестомъ, и подумалъ: „а вѣдь я этой серьги раньше не видалъ“.

— Нехорошо-съ, — началъ командиръ рычащимъ ба-

сомъ, раздававшимся точно изъ глубины его живота, и сдѣлалъ длинную паузу.—Стыдно-съ!—продолжалъ онъ, повышая голосъ,—служите безъ году недѣлю, а начинаете хвостомъ крутить. Имѣю многія основанія быть вами недовольнымъ. Помилуйте, что же это такое? Командиръ полка дѣлаетъ ему замѣчаніе, а онъ, несчастный прапорщикъ, фендрикъ—позволяетъ себѣ возражать какую-то ерундистику. Безобразіе!—вдругъ закричалъ полковникъ такъ оглушительно, что Ромашовъ вадрогнулъ.—Немысленно! Развратъ!

Ромашовъ угрюмо смотрѣлъ вбокъ и ему казалось, что никакая сила въ мірѣ не можетъ заставить его перевести глаза и поглядѣть въ лицо полковнику. „Гдѣ мое я?—вдругъ насмѣшливо пронеслось у него въ головѣ.—Вотъ ты долженъ стоять навытяжку и молчать“.

— Какими путями до меня дошло, я ужъ этого не буду вамъ передавать, но мнѣ извѣстно доподлинно, что вы пьете. Это омерзительно. Мальчишка, желторотый птенецъ, только-что вышедшій изъ школы, и напивается въ собраніи, какъ послѣдній сапожный подмастерье. Я, милый мой, все знаю; отъ меня ничто не укроется. Мнѣ извѣстно многое, о чемъ вы даже не подозреваете. Что-жъ—если хотите катиться внизъ по наклонной плоскости—воля ваша. Но говорю вамъ въ послѣдній разъ: вникните въ мои слова. Такъ всегда бываетъ, мой другъ: начинаютъ рюмочкой, потомъ другой, а потомъ, глядь, и кончаютъ жизнь подъ заборомъ. Внѣдрите себѣ это въ голову-съ. А кромѣ того, знайте: мы терпѣливы, но вѣдь и ангельское терпѣніе можетъ лопнуть... Смотрите, не доводите насъ до крайности. Вы одинъ, а общество офицеровъ, это цѣлая семья. Значитъ, всегда можно и того... за хвостъ и изъ компаніи вонъ.

„Я стою, я молчу,—съ тоской думалъ Ромашовъ, глядя неотступно на серьгу въ ухѣ полковника,—а

мнѣ нужно было бы сказать, что я и самъ не дорожу этой семьей и хоть сейчасъ готовъ вырваться изъ нея, уйти въ запасъ. Сказать? Посмѣю ли я?“—Сердце у Ромашова опять дрогнуло и заколотилось, онъ даже сдѣлалъ какое-то безсильное движеніе губами и проглотилъ слюну, но попрежнему оставался неподвижнымъ.

— Да и вообще ваше поведеніе...—продолжалъ жестокимъ тономъ Шульговичъ.—Вотъ вы въ прошломъ году, не успѣвъ прослужить и года, просились, на примѣръ, въ отпускъ. Говорили что-то такое о болѣзни вашей матушки, показывали тамъ письмо какое-то отъ нея... Что-жъ, я не смѣю, понимаете ли—не смѣю не вѣрить своему офицеру. Разъ вы говорите—матушка, пусть будетъ матушка. Что-жъ, всяко бываетъ. Но знаете—все это какъ-то одно къ одному и, понимаете...

Ромашовъ давно уже чувствовалъ, какъ у него начало, сначала едва замѣтно, а потомъ все сильнѣе и сильнѣе дрожать колѣно правой ноги. Наконецъ, это произвольное нервное движеніе стало такъ замѣтно, что отъ него задрожало все тѣло. Это было очень пеловко и очень непріятно, и Ромашовъ со стыдомъ думалъ, что Шульговичъ можетъ принять эту дрожь за проявленіе страха передъ нимъ. Но когда полковникъ заговорилъ о его матери, кровь вдругъ горячимъ, охмѣляющимъ потокомъ кинулась въ голову Ромашову, и дрожь мгновенно прекратилась. Въ первый разъ онъ поднималъ глаза кверху и въ упоръ посмотрѣлъ прямо въ переносицу Шульговичу съ ненавистью, съ твердымъ и—это онъ самъ чувствовалъ у себя на лицѣ—съ дерзкимъ выраженіемъ, которое сразу какъ будто уничтожило огромную лѣстницу, раздѣляющую маленькаго подчиненнаго отъ грознаго начальника. Вся комната вдругъ потемнѣла, точно въ ней задернулись занавѣски. Густой голосъ командира

упалъ въ какую-то беззвучную глубину. Наступилъ промежутокъ чудовищной темноты и тишины, — безъ мыслей, безъ воли, безъ всякихъ внѣшнихъ впечатлѣній, почти безъ сознанія, кромѣ одного страшнаго убѣжденія, что сейчасъ, вотъ сію минуту, произойдетъ что-то нелѣпое, непоправимое, ужасное. Станный, точно чужой голосъ шепнулъ вдругъ извнѣ въ ухо Ромашову: „сейчасъ я его ударю“, и Ромашовъ медленно перевелъ глаза на мясистую, большую старческую щеку...

Затѣмъ, какъ во снѣ, увидѣлъ онъ, еще не понимая этого, что въ глазахъ Шульговича попеременно отразились удивленіе, страхъ, тревога, жалость... Безумная, неизбѣжная волна, захватившая такъ грозно и такъ стихійно душу Ромашова, вдругъ упала, растаяла, отхлынула далеко. Ромашовъ, точно просыпаясь, глубоко и сильно вздохнулъ. Все стало сразу простымъ и обыденнымъ въ его глазахъ. Шульговичъ суетливо показывалъ ему на стулъ и говорилъ съ неожиданной, грубоватой лаской:

— Фу, чортъ... какой же вы обидчивый... Да садитесь же, чортъ васъ задери! Ну, да... всѣ вы вотъ такъ. Смотрите на меня, какъ на звѣря. Кричить, молъ, старый хрѣнь безъ толку, безъ смысла, чортъ бы его дралъ. А я,—густой голосъ заколыхался теплыми взволнованными нотами—а я, ей-Богу, мой милый, люблю васъ всѣхъ, какъ своихъ дѣтей. Что же, вы думаете, не страдаю я за васъ? Не болѣю? Эхъ, господа, господа, не понимаете вы меня. Ну, ладно, ну, погорячился я, перехватилъ черезъ край—развѣ же можно на старика сердиться? Э-эхъ—молодежь. Ну, миръ,—кончено. Руку. И пойдемъ обѣдать.

Ромашовъ молча поклонился и пожалъ протянутую ему руку, большую, пухлую и холодную руку. Чувство обиды у него прошло, но ему не было легче. Послѣ сегодняшнихъ, утреннихъ важныхъ и гордыхъ

мыслей, онъ чувствовалъ себя теперь маленькимъ, жалкимъ, блѣднымъ школьникомъ, какимъ-то нелюбимымъ, робкимъ и заброшеннымъ мальчуганомъ, и этотъ переходъ былъ постыденъ. И потому-то идя въ столовую вслѣдъ за полковникомъ, онъ подумалъ про себя, по своей привычкѣ, въ третьемъ лицѣ:

— Мрачное раздумье бороздило его чело.

Шульговичъ былъ бездѣтенъ. Къ столу вышла его жена, полная, крупная, важная и молчаливая дама, безъ шеи, со многими подбородками. Несмотря на рипсе-пез и на высокофранный взглядъ, лицо у нея было простоватое и производило такое впечатлѣнiе, какъ будто его на-спѣхъ, бокомъ, выпекли изъ тѣста, — съ изюминками, вмѣсто глазъ. Вслѣдъ за ней, часто шаркая ногами, приплелась древняя мамаша полковника, маленькая, глухая, но еще бодрая, ядовитая и властная старушонка. Пристально и безцеремонно разглядывая Ромашова снизу вверхъ, черезъ верхъ очковъ, она протянула ему и ткнула прямо въ губы свою крошечную, темную, всю сморщенную руку, похожую на кусочекъ мощей. Затѣмъ обратилась къ полковнику и спросила такимъ тономъ, какъ будто бы, кромѣ ихъ двоихъ, въ столовой никого не было:

— Это кто же такой? Не помню что-то.

Шульговичъ сложилъ ладони рукъ въ трубу около рта и закричалъ старушкѣ въ самое ухо:

— Подпоручикъ Ромашовъ, мамаша. Прекрасный офицеръ... фронтовикъ и молодчинище... изъ кадетскаго корпуса.

— Ахъ, да! — спохватился онъ вдругъ. — Вѣдь вы, подпоручикъ, кажется, нашъ, пензенскій?

— Точно такъ, господинъ полковникъ, пензенскій.

— Ну, да, ну, да... Я теперь вспомнилъ. Вѣдь мы же земляки съ вами. Наровчатскаго уѣзда, кажется?

— Точно такъ. Наровчатскаго.

— Ну, да... Какъ же это я забылъ? Наровчатъ,

одни колышки торчатъ. А мы—Инсарскіе. Мамаша!—опять затрубилъ онъ матери на ухо,—подпоручикъ Ромашовъ—нашъ, пензенскій!.. Изъ Наровчата!.. Землякъ!..

— А-а!—Старушка многозначительно повела бровями.—Такъ, такъ, такъ... То-то, я думаю... Значить, вы, выходить, сынокъ Сергѣя Петровича Шишкина?

— Мамаша! Ошиблись! Подпоручика фамилія—Ромашовъ, а совсѣмъ не Шишкинъ!..

— Вотъ, вотъ, вотъ... Я и говорю... Сергѣй-то Петровича я не знала... По наслышкѣ только. А вотъ Петра Петровича—того даже очень часто видѣла. Имѣнья, почитай, рядомъ были. Очень, оч-чень пріятно, молодой человѣкъ... Похвально съ вашей стороны.

— Ну, пошла теперь скрипѣтъ, старая скворешница, — сказалъ полковникъ вполголоса, съ грубымъ добродушіемъ. — Садитесь, подпоручикъ... Поручикъ Федоровскій!—крикнулъ онъ въ дверь.—Кончайте тамъ и идите пить водку!..

Въ столовую быстро вошелъ адъютантъ, который, по заведенному во многихъ полкахъ обычаю, обѣдалъ всегда у командира. Мягко и развязно позвякивая шпорами, онъ подошелъ къ отдѣльному майоликовому столику съ закуской, налилъ себѣ водки и, не торопясь, выпилъ и закусилъ. Ромашовъ почувствовалъ къ нему зависть и какое то смѣшное, мелкое уваженіе.

— А вы водки? — спросилъ Шульговичъ. — Вѣдь пьете?

— Нѣтъ. Благодарю покорно. Мнѣ что-то не хочется,—отвѣтилъ Ромашовъ сиплымъ голосомъ и прокашлялся.

— И-и пре-екрасно. Самое лучшее. Желаю и впредь также.

Обѣдъ былъ сытный и вкусный. Видно было, что бездѣтные полковникъ и полковница прилѣпились къ невинной страстишкѣ—хорошо поѣсть. Подавали ду-

шистый супъ изъ молодыхъ кореньевъ и зелени, жаренаго леща съ кашей, прекрасно откормленную домашнюю утку и спаржу. На столѣ стояли три бутылки—съ бѣлымъ и краснымъ виномъ и съ мадерой,— правда, уже начатыя и заткнутыя серебряными фигурными пробками, но дорогія, хорошихъ иностранныхъ марокъ. Полковникъ—точно недавній гнѣвъ прекрасно повліялъ на его аппетитъ—ѣлъ съ особеннымъ вкусомъ, и такъ красиво, что на него пріятно было смотрѣть. Онъ все время мило и грубо шутилъ. Когда подали спаржу, онъ, глубже засовывая за воротникъ тужурки ослѣпительно бѣлую, жесткую салфетку, сказалъ весело:

— Если бы я былъ царь, всегда бы ѣлъ спаржу!

Но раньше, за рыбой, онъ не утерпѣлъ и закричалъ на Ромашова начальническимъ тономъ:

— Подпоручикъ! Извольте отложить ножикъ въ сторону. Рыбу и котлеты ѣдятъ исключительно вилкой. Нехорошо-съ! Офицеръ долженъ умѣть ѣсть. Каждый офицеръ можетъ быть приглашаемъ къ высочайшему столу. Помните это.

Ромашовъ сидѣлъ за обѣдомъ неловкій, стѣсненный, не зная, куда дѣвать руки, большей частью, держа ихъ подъ столомъ и заплетая въ косички бахромку скатерти. Онъ давно уже отвыкъ отъ хорошей семейной обстановки, отъ приличной и комфортабельной мебели, отъ порядка за столомъ. И все время терзала его одна и та же мысль: „Вѣдь это же противно, это такая слабость и трусость съ моей стороны, что я не могъ, не посмѣлъ отказаться отъ этого унижительнаго обѣда. Ну вотъ я сейчасъ встану, сдѣлаю общій поклонъ и уйду. Пусть думаютъ, что хотятъ. Вѣдь не съѣстъ же онъ меня? Не отниметъ моей души, мыслей, сознанія? Уйду ли?“ И опять, съ робко замирающимъ сердцемъ, блѣднѣя отъ внутренняго волненія, досадуя на самого себя, онъ чувствовалъ, что не въ состояніи это сдѣлать.

Наступилъ уже вечеръ, когда подали кофе. Красные, косые лучи солнца ворвались въ окна и заиграли яркими мѣдными пятнами на темныхъ обояхъ, на скатерти, на хрусталѣ, на лицахъ обѣдающихъ. Всѣ притихли въ какомъ-то грустномъ обаяніи этого вечерняго часа.

— Когда я былъ еще прапорщикомъ,—заговорилъ вдругъ Шульговичъ,—у насъ былъ командиръ бригады, генераль Фофановъ. Такой милый старикашка, боевой офицеръ, но чуть ли не изъ кантонистовъ. Помню онъ, бывало, подойдетъ на смотру къ барабанщику—ужасно любилъ барабанъ—подойдетъ и скажетъ: а ну-ка, братецъ, сыграй мнѣ что-нибудь меланхолическое. Да. Такъ этотъ генераль, когда у него собирались гости, всегда уходилъ спать аккуратно въ одиннадцать. Бывало, обратится къ гостямъ и скажетъ: Ну, господа, ѣшьте, пейте, вешелитесь, а я иду въ объятія Нептуна. Ему говорятъ: „Морфея, ваше превосходительство?“—Э, вше равно: ижъ одной минералогіи... Такъ и я теперь, господа,—Шульговичъ всталъ и положилъ на спинку стула салфетку—тоже иду въ объятія Нептуна. Вы свободны, господа офицеры.

Офицера встали и вытянулись. „Ироническая горькая улыбка показалась на его тонкихъ губахъ“—подумалъ Ромашовъ, но только подумалъ, потому что лицо у него въ эту минуту было жалкое, блѣдное и некрасиво-почтительное.

Опять шелъ Ромашовъ домой, чувствуя себя одинокимъ, тоскующимъ, потерявшимся въ какомъ-то чужомъ, темномъ и враждебномъ мѣстѣ. Опять горѣла на западѣ въ сизыхъ, нагроможденныхъ, тяжелыхъ тучахъ красно-янтарная заря, и опять Ромашову чудился далеко за чертой горизонта, за домами и полями, прекрасный фантастическій городъ, съ жизнью, полной красоты, изящества и счастья.

На улицахъ быстро темнѣло. По шоссе бѣгали съ виз-

гомъ еврейскіе ребятишки. Гдѣ-то на завалинкахъ, у воротъ, у калитокъ, въ садахъ звенѣлъ женскій смѣхъ, звенѣлъ непрерывно и возбужденно, съ какой-то горячей, животной, радостной дрожью, какъ звенить онъ только ранней весной. И вмѣстѣ съ тихой, задумчивой грустью въ душѣ Ромашова рождались странныя смутныя воспоминанія и сожалѣнія о никогда не бывшемъ счастьи и о прошлыхъ еще болѣе прекрасныхъ веснахъ, а въ сердцѣ шевелилось неясное и сладкое предчувствіе грядущей любви...

Когда онъ пришелъ домой, то засталъ Гайнана въ его темномъ чуланѣ передъ бюстомъ Пушкина. Великій поэтъ былъ весь вымазанъ масломъ, и горѣвшая передъ нимъ свѣча бросала глянцевитыя пятна на носъ, на толстыя губы и на жилистую шею. Самъ же Гайнанъ, сидя по-турецки на трехъ доскахъ, замѣнявшихъ ему кровать, качался взадъ и впередъ и бормоталъ нараспѣвъ что-то тягучее и монотонное.

— Гайнанъ!—окликнулъ его Ромашовъ.

Денщикъ вздрогнулъ и, вскочивъ съ кровати, вытянулся. На лицѣ его отразились испугъ и замѣшательство.

— Алла?—спросилъ Ромашовъ дружелюбно.

Безусый, мальчишескій ротъ черемиса весь растянулся въ длинную улыбку, отъ которой при огнѣ свѣчи засверкали его великолѣпные, бѣлые зубы.

— Алла, ваша блягородія!

— Ну, ну, ну... Сиди себѣ, сиди.—Ромашовъ ласково погладилъ денщика по плечу.—Все равно, Гайнанъ, у тебя Алла, у меня Алла. Одинъ, братецъ, Алла у всѣхъ человѣковъ.

„Славный Гайнанъ,—подумалъ подпоручикъ, идя въ комнату.—А я вотъ не смѣю пожать ему руку. Да, не могу, не смѣю. О, чертъ! Надо будетъ съ нынѣшняго дня самому одѣваться и раздѣваться. Свинство заставлятъ это дѣлать за себя другого человѣка.

Въ этотъ вечеръ онъ не пошелъ въ собраніе, а досталъ изъ ящика толстую, разлинованную тетрадь, исписанную мелкимъ неровнымъ почеркомъ, и писалъ до глубокой ночи. Эта была третья по счету, сочиняемая Ромашовымъ повѣсть, подъ заглавіемъ „Послѣдній роковой дебютъ“. Подпоручикъ самъ стыдился своихъ литературныхъ занятій и никому въ мірѣ, ни за что не признался бы въ нихъ.

VIII.

Казармы для помѣщенія полка только-что начали строить на окраинѣ мѣстечка, за желѣзной дорогой, на такъ называемомъ выгонѣ, а до ихъ окончанія полкъ со всѣми своими учрежденіями былъ расквартированъ по частнымъ квартирамъ. Офицерское собраніе занимало небольшой одноэтажный домикъ, который былъ расположенъ глаголемъ: въ длинной сторонѣ, шедшей вдоль улицы, помѣщались танцевальная зала и гостиная, а короткую, простиравшуюся вглубь грязнаго двора, занимали—столовая, кухня и „номера“ для пріѣзжихъ офицеровъ. Эти двѣ половины были связаны между собою чѣмъ-то вродѣ запутаннаго, узкаго, колѣнчатаго корридора; каждое колѣно соединялось съ другимъ дверями, и такимъ образомъ получился рядъ крошечныхъ комнатушекъ, которыя служили — буфетомъ, билліардной, карточной, передней и дамской уборной. Такъ какъ всѣ эти помѣщенія, кромѣ столовой, были обыкновенно необитаемы и никогда не провѣтривались, то въ нихъ стоялъ сыроватый, кислый, нежной воздухъ, къ которому примѣшивался особый запахъ отъ старой ковровой обивки, покрывавшей мебель.

Ромашовъ пришелъ въ собраніе въ 9 часовъ. Пять-шесть холостыхъ офицеровъ уже сошлись на вечеръ, но дамы еще не сѣзжались. Между ними издавна су-

ществовало странное соревнованіе въ знаніи хорошаго тона, а этотъ тонъ считалъ позорнымъ для дамы являться одной изъ первыхъ на балъ. Музыканты уже сидѣли на своихъ мѣстахъ въ стеклянной галлерей, соединявшейся однимъ большимъ многостекольнымъ окномъ съ залой. Въ залѣ по стѣнамъ горѣли въ простѣнкахъ между окнами трехлапые бра, а съ потолка спускалась люстра съ хрустальными дрожащими подвѣсками. Благодаря яркому освѣщенію, эта большая комната съ голыми стѣнами, оклеенными бѣлыми обоями, съ вѣнскими стульями по бокамъ, съ тюлевыми занавѣсками на окнахъ, казалась особенно пустой.

Въ билліардной два баталіонныхъ адъютанта, поручики Бекъ-Агамаловъ и Олизаръ, котораго всѣ въ полку называли графомъ Олизаромъ, играли въ пять шаровъ на пиво. Олизаръ—длинный, тонкій, прилизанный, напомаженный—молодой старикъ, съ голымъ, но морщинистымъ хлыщеватымъ лицомъ, все время сыпалъ билліардными прибаутками. Бекъ-Агамаловъ проигрывалъ и сердился. На ихъ игру глядѣлъ, сидя на подоконникѣ, штабсъ-капитанъ Лещенко, унылый человекъ сорока пяти лѣтъ, способный однимъ своимъ видомъ навести тоску: все у него въ лицѣ и фигурѣ висѣло внизъ съ видомъ самой безнадежной меланхолии: висѣлъ внизъ, точно стручокъ перца, длинный, мясистый, красный и дряблый носъ; свисали до подбородка двумя тонкими, бурыми нитками усы; брови спускались отъ переносья внизъ къ вискамъ, придавая его глазамъ вѣчно плаксивое выраженіе; даже старенькій сюртукъ болтался на его покатыхъ плечахъ и впалой груди, какъ на вѣшалкѣ. Лещенко ничего не пилъ, не игралъ въ карты и даже не курилъ. Но ему доставляло странное, непонятное другимъ удовольствіе торчать въ карточной или въ билліардной комнатѣ за спинами игроковъ, или въ столовой, когда тамъ особенно кутили. По цѣлымъ часамъ онъ просиживалъ тамъ, молчаливый

и унылый, не произнося ни слова. Въ полку къ этому всё привыкли, и даже игра и попойка какъ-то не вязались, если въ собраніи не было безмолвнаго Лещенка.

Поздоровавшись съ тремя офицерами, Ромашовъ сѣлъ рядомъ съ Лещенкомъ, который предупредительно отодвинулся въ сторону, вздохнулъ и поглядѣлъ на молодого офицера грустными и преданными собачьими глазами.

— Какъ здоровье Марьи Викторовны? — спросилъ Ромашовъ тѣмъ развязнымъ и умышленно громкимъ голосомъ, какимъ говорятъ съ глухими и туго понимающими людьми и какимъ съ Лещенко въ полку говорили всё, даже подпрапорщики.

— Спасибо, голубчикъ, — съ тяжелымъ вздохомъ отвѣтилъ Лещенко. — Конечно, нервы у нея... Такое время теперь.

— А отчего же вы не вмѣстѣ съ супругой? Или, можетъ быть, Марья Викторовна не собирается сегодня?

— Нѣтъ. Какъ же. Будетъ. Она будетъ, голубчикъ. Только, видите ли, мѣсть нѣтъ въ фэзтонѣ. Онѣ съ Раисой Александровной пополамъ взяли экипажъ, ну и, понимаете, голубчикъ, говорятъ мнѣ: „у тебя, говорятъ, сапожища грязные, ты намъ платья испортишь“.

— Круазе въ середину! Тонкая рѣзь. Вынимай шара изъ лузы, Бекъ! — крикнулъ Олизарь.

— Ты сначала дѣлай шара, а потомъ я выну, — сердито отозвался Бекъ-Агамаловъ.

Лещенко забралъ въ ротъ бурые кончики усовъ и сосредоточенно пожевалъ ихъ.

У меня къ вамъ просьба, голубчикъ Юрій Алексѣичъ, — сказалъ онъ просительно и запинаясь, — сегодня вѣдь вы распорядитель танцевъ?

— Да. Чортъ бы ихъ побралъ. Назначили. Я крутился, крутился передъ полковымъ адъютантомъ, хотѣлъ даже написать рапортъ о болѣзни. Но развѣ съ

нимъ сговоришь? „Подайте,—говорить,—свидѣтельство врача“.

— Вотъ я васъ и хочу попросить, голубчикъ, — продолжалъ Лещенко умильнымъ тономъ. — Богъ ужъ съ ней, устройте, чтобы она не очень сидѣла. Знаете, прошу васъ по-товарищески.

— Марью Викторовну?

— Ну да. Пожалуйста ужъ.

— Желтый дуплетъ въ уголь,—заказалъ Бекъ-Агамаловъ. Ему было неудобно играть вслѣдствіе его небольшого роста, и онъ долженъ былъ тянуться на животъ черезъ билліардъ. Отъ напряженія его лицо покраснѣло, и на лбу вздулись, точно ижица, двѣ сходящіяся къ переносью жилы.

— Жамаись! — увѣренно дразнилъ его Олизарь. — Этого даже я не сдѣлаю.

Кій Агамалова съ сухимъ трескомъ скользнулъ по шару, но шаръ не сдвинулся съ мѣста.

— Киксъ!—радостно закричалъ Олизарь и затанцовалъ канканъ вокругъ билліарда. — Когда ты слышь храпышь, дюша мой?

Агамаловъ стукнулъ толстымъ концомъ кія о полъ.

— А ты не смѣй подъ руку говорить!—крикнулъ онъ, сверкая черными глазами.—Я игру брошу.

— Нэ кирпичись, дюша мой. кровь испортышь. Модистку въ уголь!..

Къ Ромашову подскочилъ одинъ изъ вѣстовыхъ, наряженныхъ на дежурство въ переднюю, чтобы раздѣвать пріѣзжающихъ дамъ.

— Ваше благородіе, васъ барыня просятъ въ залу.

Тамъ уже прохаживались медленно взадъ и впередъ три дамы, только-что пріѣхавшія,—всѣ три—пожилыя. Самая старшая изъ нихъ, жена завѣдующаго хозяйствомъ, Анна Ивановна Мигуцова, обратилась къ Ромашову строгимъ и жеманнымъ тономъ, капризно

растягивая концы словъ и со свѣтской важностью кивая головой...

— Подпоручикъ Ромашо-овъ, прикажите сыграть что-нибудь для слу-уха. Пожа-алуйста...

— Слушаю-сь.—Ромашовъ поклонился и подошелъ къ музыкантскому окну.—Зиссерманъ,—крикнулъ онъ старостѣ оркестра,—валяй для слуха!

Сквозь раскрытое окно галлерей грянули первые раскаты увертюры изъ „Жизни за Царя“, и въ тактъ имъ заколебались вверхъ и внизъ языки свѣчей.

Дамы понемногу съѣзжались. Прежде, годъ тому назадъ, Ромашовъ ужасно любилъ эти минуты передъ баломъ, когда, по своимъ дирижерскимъ обязанностямъ, онъ встрѣчалъ въ передней входящихъ дамъ. Какими таинственными и прелестными казались онѣ ему, когда, возбужденныя свѣтомъ, музыкой и ожиданіемъ танцевъ, онѣ съ веселой суетой освобождались отъ своихъ капоровъ, боа и шубокъ. вмѣстѣ съ женскимъ смѣхомъ и звонкой болтовней, тѣсная передняя вдругъ наполнялась запахомъ мороза, духовъ, пудры и лайковыхъ перчатокъ,—неуловимымъ, глубоко волнующимъ запахомъ нарядныхъ и красивыхъ женщинъ передъ баломъ. Какими блестящими и влюбленными казались ему ихъ глаза въ зеркалахъ, передъ которыми онѣ наскоро поправляли свои прически. Какой музыкой звучалъ шелестъ и шорохъ ихъ юбокъ. Какая ласка чувствовалась въ прикосновеніи ихъ маленькихъ рукъ, ихъ шарфовъ и вѣровъ!..

Теперь это очарованіе прошло, и Ромашовъ зналъ, что навсегда. Онъ не безъ нѣкотораго стыда понималъ теперь, что многое въ этомъ очарованіи было почерпнуто изъ чтенія французскихъ плохихъ романовъ, въ которыхъ неизмѣнно описывается, какъ Гюставъ и Арманъ, пріѣхавъ на балъ въ русское посольство, проходили черезъ вестибюль. Онъ зналъ также, что полковныя дамы по годамъ носятъ одно и то же „шикар-

ное“ платье, дѣлая жалкія попытки обновлять его къ особенно пышнымъ вечерамъ, а перчатки чистятъ бензиномъ. Ему смѣшнымъ и претенціознымъ казалось ихъ общее пристрастіе къ разнымъ эгреткамъ, шарфикамъ, огромнымъ поддѣльнымъ камнямъ, къ перьямъ и обилію лентъ: въ этомъ сказывалась какая-то тряпичная, безвкусная, домашняго издѣлія, роскошь. Онъ употребляли жирныя бѣлила и румяна, но неумѣло и грубо до наивности: у иныхъ отъ этихъ средствъ лица принимали зловѣщій синеватый оттѣнокъ. Но непріятнѣе всего было для Ромашова то, что онъ, какъ и всѣ въ полку, зналъ закулисныя исторіи каждаго бала, каждаго платья, чуть ли не каждой кокетливой фразы; онъ зналъ, какъ за ними скрывались: жалкая бѣдность, усилія, ухищренія, сплетни, взаимная ненависть, безсильная, провинціальная игра въ свѣтскость и. наконецъ, скучныя, пошлыя связи...

Пріѣхалъ капитанъ Тальманъ съ женой: оба очень высокіе, плотные; она — нѣжная, рассыпчатая блондинка, онъ — со смуглымъ, разбойничьимъ лицомъ, съ безпре-
станнымъ кашлемъ и хриплымъ голосомъ. Ромашовъ ужъ заранѣе зналъ, что сейчасъ Тальманъ скажетъ свою обычную фразу, и онъ, дѣйствительно, бѣгая цыганскими глазами, просипѣлъ:

— А что, подпоручикъ, въ карточной уже винтятъ?

— Нѣтъ еще. Всѣ въ столовой.

— Нѣтъ еще? Знаешь, Сонечка, я того... пойду въ столовую — „Инвалиды“ пробѣжать. Вы, милый Ромашовъ, попасите ее... ну, тамъ, какую-нибудь кадрилицию.

Потомъ въ переднюю впорхнуло семейство Лыкачевыхъ — цѣлый выводокъ хорошенькихъ, смѣшливыхъ и картавыхъ барышень, во главѣ съ матерью — маленькой, живой женщиной, которая въ 40 лѣтъ танцевала безъ устали и постоянно рожала дѣтей — „между второй и третьей кадрилию“, какъ говорилъ про нее полковой острякъ Арчаковскій.

Барышни, разнообразно картавя, смѣясь и перебивая другъ дружку, набросились на Ромашова:

— Отчего вы къ намъ не пыходили?

— Звой, звой, звой!..

-- Нехолосый, нехолосый, нехолосый!

— Звой, звой!..

— Пыглашаю васъ на пейвую кадъиль.

— Mesdames!.. mesdames! — говорилъ Ромашовъ, изображая изъ себя, противъ воли, любезнаго кавалера и расшаркиваясь во всѣ стороны.

Въ это время онъ случайно взглянулъ на входную дверь и увидалъ за ея стекломъ худое и губастое лицо Райсы Александровны Петерсонъ, подъ бѣлымъ платкомъ, коробкой надѣтымъ поверхъ шляпы. Ромашовъ поспѣшно, совсѣмъ по-мальчишески, юркнулъ въ гостиную. Но, какъ ни былъ коротокъ этотъ мигъ, и какъ ни старался подпоручикъ увѣрить себя, что Райса его не замѣтила, — все-таки онъ чувствовалъ тревогу: въ выраженіи маленькихъ глазъ его любовницы почудилось ему что-то новое и безпокойное, какая-то жесткая, злобная и увѣренная угроза.

Онъ прошелъ въ столовую. Тамъ уже набралось много народа; почти всѣ мѣста за длиннымъ, покрытымъ клеенкой столомъ были заняты. Синій табачный дымъ колыхался въ воздухѣ. Пахло горѣлымъ масломъ изъ кухни. Двѣ или три группы офицеровъ уже начинали выпивать и закусывать. Кое-кто читалъ газеты. Густой и пестрый шумъ голосовъ сливался со стукомъ ножей, щелканьемъ билліардныхъ шаровъ и хлопаньемъ кухонной двери. По ногамъ тянуло холодомъ изъ сѣней.

Ромашовъ отыскалъ поручика Бобетинскаго и подошелъ къ нему. Бобетинскій стоялъ около стола, засунувъ руки въ карманы брюкъ, раскачиваясь на носкахъ и на каблукахъ и щура глаза отъ дыма папироски. Ромашовъ тронулъ его за рукавъ.

— Чтѣ? — обернулся онъ и, вынувъ одну руку изъ

кармана, не переставая щуриться, съ изысканнымъ видомъ покрутилъ длинный рыжій усъ, скосивъ на него глаза и оставивъ локоть вверхъ.—А-а! Это вы? Эчень пріятно...

Онъ всегда говорилъ такимъ ломанымъ, вычурнымъ тономъ, подражая, какъ онъ самъ думалъ, гвардейской золотой молодежи. Онъ былъ о себѣ высококачественнаго мнѣнія, считая себя знатокомъ лошадей и женщинъ, прекраснымъ танцоромъ и при томъ изящнымъ, великосвѣтскимъ, но, несмотря на свои 24 года, уже пожившимъ и разочарованнымъ человѣкомъ. Поэтому онъ всегда держалъ плечи картинно поднятыми кверху, скверно французилъ, ходилъ разслабленной походкой и, когда говорилъ, дѣлалъ усталые, небрежные жесты.

— Петръ Ѡаддеевичъ, милый, пожалуйста, подирижируйте нынче за меня,—попросилъ Ромашовъ.

— Ме, монъ ами! — Бобетинскій поднялъ кверху плечи и брови и сдѣлалъ глупые глаза.—Но... мой другъ,—перевелъ онъ по-русски.—Съ какой стати? Пуркуа? Право, вы меня... какъ это говорится?... вы меня эдивляете!

— Дорогой мой, пожалуйста...

— Пойдите... Во-первыхъ, безъ фэ-милъ-ярностей. Чтэ это тэкое—дорогой, тэкой-сякой е цетера?

— Ну, умоляю васъ, Петръ Ѡаддеевичъ... Голова болить... и горло... положительно не могу.

Ромашовъ долго и убѣдительно упрашивалъ товарища. Наконецъ, онъ даже рѣшилъ пустить въ дѣло лесть. Вѣдь никто же въ полку не умѣетъ такъ красиво и разнообразно вести танцы, какъ Петръ Ѡаддеевичъ. И кромѣ того, объ этомъ также просила одна дама...

— Дама?..—Бобетинскій сдѣлалъ разсѣянное и меланхолическое лицо.—Дама? Другъ мой, въ мои годы... Онъ разсмѣялся съ дѣланной горечью и разочарованіемъ.—Что такое женшина? Ха-ха-ха... Юнъ енигмъ! Ну, хорошо, я, такъ и быть, согласенъ... Я согласенъ.

И такимъ же разочарованнымъ голосомъ онъ вдругъ прибавилъ.

— Монъ шеръ ами, а нѣтъ ли у васъ... какъ это называется... трехъ рублей?

— Къ сожалѣнiю!..—вздыхнулъ Ромашовъ.

— А рубля?

— Мм!..

— Деагреабль-съ... Ничего не подѣлаешь. Ну, пойдемте, въ такомъ случаѣ, выпьемъ водки.

— Увы! И кредита нѣтъ, Петръ Ѡаддеевичъ.

— Да-а? О повръ анфанъ!.. Все равно, пойдемъ.— Бобетинскiй сдѣлалъ широкии и небрежный жестъ великодушiя.—Я васъ привѣтствую.

Въ столовой, между тѣмъ, разговоръ становился болѣе громкимъ и въ то же время болѣе интереснымъ для всѣхъ присутствующихъ. Говорили объ офицерскихъ поединкахъ, только-что тогда разрѣшенныхъ, и мнѣнiя расходились.

Больше всѣхъ овладѣлъ бесѣдой поручикъ Арчаковскiй — личность довольно темная, едва ли не шулеръ. Про него, втихомолку, рассказывали, что еще до поступления въ полкъ, во время пребыванiя въ запасѣ, онъ служилъ смотрителемъ на почтовой станции и былъ преданъ суду за то, что ударомъ кулака убилъ какого-то ямщика.

— Это хорошо дуэль въ гварди—для разныхъ тамъ лоботрясовъ и фигель-миглей, — говорилъ грубо Арчаковскiй,—а у насъ... Ну, хорошо, я холостой... положимъ я съ Василь Василичемъ Липскимъ напился въ собранiи и въ пьяномъ видѣ закатилъ ему въ ухо. Что же намъ дѣлать? Если онъ со мною не захочетъ стрѣляться—вонъ изъ полка; спрашивается, что его дѣти будутъ жрать? А вышелъ онъ на поединокъ, я ему влѣплю пулю въ животъ, и опять дѣтямъ кусать нечего... Че-пуха все.

— Гето... ты подожди... ты повремени, — перебилъ

его старый и пьяный подполковникъ Лехъ, держа въ одной рукѣ рюмку, а кистью другой руки дѣлая слабыя движенія въ воздухѣ,—ты понимаешь, что такое честь мундира?.. Гето, братецъ ты мой, та-акая штука... Честь, она... вотъ, я помню, случай у насъ былъ въ Темрюкскомъ полку въ 1862-омъ году.

— Ну, знаете, вашихъ случаевъ не переслушаешь,—развязно перебилъ его Арчаковскій, — расскажете еще что-нибудь, что было за царя Гороха.

— Гето, братецъ... ахъ, какой ты дерзкій... Ты еще мальчишка, а я гето... Былъ, я говорю, такой случай...

— Только кровь можетъ смыть пятно обиды, — вмѣшался напыщеннымъ тономъ поручикъ Бобетинскій и по пѣтушину подпалъ кверху плечи.

— Гето, былъ у насъ прапорщикъ Солуха,— силится продолжать Лехъ.

Къ столу подошелъ, выйдя изъ буфета, командиръ первой роты капитанъ Осадчій.

— Я слышу, что у васъ разговоръ о поединкахъ. Интересно послушать,—сказалъ онъ густымъ, рыкающимъ басомъ, сразу покрывая всѣ голоса. — Здравія желаю, господинъ полковникъ. Здравствуйте, господа.

— А, Колосъ Родосскій, — ласково привѣтствовалъ его Лехъ.—Гето... садись ты около меня, памятникъ ты этакій... Водочки выпьешь со мною?

— И весьма,—низкой октавой отвѣтилъ Осадчій.

Этотъ офицеръ всегда производилъ странное и раздражающее впечатлѣніе на Ромашова, возбуждая въ немъ чувство, похожее на страхъ и на любопытство. Осадчій славился, какъ и полковникъ Шульговичъ, не только въ полку, но и во всей дивизіи своимъ необыкновеннымъ, по размѣрамъ и красотѣ, голосомъ, а также огромнымъ ростомъ и страшной физической силой. Былъ онъ извѣстенъ также и своимъ замѣчательнымъ знаніемъ строевой службы. Его иногда, для пользы службы, переводили изъ одной роты въ другую, и въ

теченіе полугода онъ умѣлъ дѣлать изъ самыхъ распущенныхъ, захудалыхъ командъ нѣчто похожее по стройности и исполнительности на огромную машину, пропитанную нечеловѣческимъ трепетомъ передъ своимъ начальникомъ. Его обаяніе и власть были тѣмъ болѣе непонятны для товарищей, что онъ не только никогда не дрался, но даже и бранился лишь въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ. Ромашову всегда чужалось въ его прекрасномъ, сумрачномъ лицѣ, странная блѣдность котораго еще сильнѣе отгѣнялась черными, почти синими волосами, — что-то напряженное, сдержанное и жестокое, что-то присущее не человѣку, а огромному сильному звѣрю. Часто, незамѣтно наблюдая за нимъ откуда-нибудь издали, Ромашовъ воображалъ себѣ, каковъ долженъ быть этотъ человѣкъ въ гнѣвѣ, и, думая объ этомъ, блѣднѣлъ отъ ужаса и сжималъ холодѣвшіе пальцы. И теперь онъ, не отрываясь, глядѣлъ, какъ этотъ самоувѣренный сильный человѣкъ спокойно сажился у стѣны, на предупредительно подвинутомъ ему стулѣ.

Осадчій выпилъ водки, разгрызъ съ хрустомъ рѣдису и спросилъ равнодушно:

— Ну-съ, итакъ, какое же резюме почтеннаго собранія?

— Гето, братецъ ты мой, я сейчасъ рассказываю... Былъ у насъ случай, когда я служилъ въ Темрюкскомъ полку. Поручикъ фонъ-Зоонъ, — его солдаты звали „Подъ звонъ“ — такъ онъ тоже однажды въ собраніи...

Но его перебилъ Липскій, сорокалѣтній штабсъ-капитанъ, румяный и толстый, который, несмотря на свои годы, держалъ себя въ офицерскомъ обществѣ шуткомъ и почему-то усвоилъ себѣ странный и смѣшной тонъ — избалованнаго, но любимаго всѣми комичнаго мальчугана.

— Позвольте, господинъ капитанъ, я вкратцѣ. Вотъ поручикъ Арчаковскій говоритъ, что дуэль — чепуха.

„Треба, каже, якъ у насъ у бурсѣ—далъ раза по по-тылицѣ и квитъ“. Затѣмъ дебатировалъ поручикъ Бобетинскій, требовавшій крови. Потомъ господинъ полковникъ тщетно тщились рассказать анекдотъ изъ своей прежней жизни, но до сихъ поръ имъ это, кажется, не удалось. Затѣмъ, въ самомъ началѣ разсказа, подпоручикъ Михинъ заявили подъ шумокъ о своемъ собственномъ мнѣніи, но, въ виду недостаточности голосовыхъ средствъ и свойственной имъ цѣломудренной стыдливости, мнѣніе это выслушано не было.

Подпоручикъ Михинъ, маленькій, слабогрудый юноша, со смуглымъ, рябымъ и веснушчатымъ лицомъ, на которомъ робко, почти испуганно глядѣли нѣжные темные глаза, вдругъ покраснѣлъ до слезъ.

— Я только, господа... Я, господа, можетъ быть, ошибаюсь,—заговорилъ онъ, заикаясь и смущенно комкая свое безбородое лицо руками.—Но по-моему, т. е. я такъ полагаю... нужно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разбираться. Иногда дуэль полезна, это безусловно, и каждый изъ насъ, конечно, выйдетъ къ барьеру. Безусловно. Но иногда, знаете, это... можетъ быть, высшая честь заключается въ томъ, чтобы... это... безусловно простить... Ну, я не знаю, какіе еще могутъ быть случаи... вотъ...

— Эхъ, вы, Декадентъ Ивановичъ,—грубо махнулъ на него рукой Арчаковскій,—тряпку вамъ сосать.

— Гето, да дайте же мнѣ, братцы, высказаться!

Сразу покрывая всѣ голоса могучимъ звукомъ своего голоса, заговорилъ Осадчій.

— Дуэль, господа, непременно должна быть съ тяжелымъ исходомъ, иначе это абсурдъ! Иначе это будетъ только дурацкая жалость, уступка, снисходительность, комедія. Пятьдесятъ шаговъ дистанціи и по одному выстрѣлу. Я вамъ говорю: изъ этого выйдетъ одна только пошлость, вотъ именно вродѣ тѣхъ французскихъ дуэлей, о которыхъ мы чи-

таемъ въ газетахъ. Пришли, пострѣляли изъ пистолетовъ, а потомъ въ газетахъ сообщаютъ протоколъ поединка: „дуэль, по счастью, окончилась благополучно. Противники обмѣнялись выстрѣлами, не причинивъ другъ другу вреда, но выказавъ при этомъ отмѣнное мужество. За завтракомъ недавніе враги обмѣнялись дружескимъ рукопожатіемъ“. Такая дуэль, господа, чепуха. И никакого улучшенія въ наше общество она не внесетъ.

Ему сразу отвѣтило нѣсколько голосовъ. Лехъ, который въ продолженіе его рѣчи не разъ покушался докончить свой рассказъ, опять, было, началъ: „а вотъ, гето, я, братцы мои... да слушайте же, жеребцы вы“. Но его не слушали, и онъ попеременно перебѣгалъ глазами отъ одного офицера къ другому, ища сочувствующаго взгляда. Отъ него всѣ небрежно отворачивались, увлеченные споромъ, и онъ скорбно поминалъ отяжелѣвшей головой. Наконецъ, онъ поймалъ глазами глаза Ромашова. Молодой офицеръ по опыту зналъ, какъ тяжело переживать подобныя минуты, когда слова, много разъ повторяемая, точно виснутъ безъ поддержки въ воздухѣ, и когда какой-то колючій стыдъ заставляеть упорно и безнадежно къ нимъ возвращаться. Поэтому-то онъ и не уклонился отъ подполковника, и тотъ, обрадованный, потащилъ его за рукавъ къ столу.

— Гето... хоть ты меня выслушай, прапоръ, — говорилъ Лехъ горестно, — садись, выпей-ка водочки... Они, братецъ мой, всѣ — шалыганы. — Лехъ слабо махнулъ на спорящихъ офицеровъ кистью руки, — гавъ, гавъ, гавъ, а опыта у нихъ нѣтъ. Я хотѣлъ рассказать, какой у насъ былъ случай...

Держа одной рукой рюмку, а свободной рукой размахивая такъ, какъ будто бы онъ управлялъ хоромъ, и мотая опущенной головой, Лехъ началъ рассказывать одинъ изъ своихъ безчисленныхъ рассказовъ, ко-

торыми онъ былъ нафаршированъ, какъ колбаса ливеромъ, и которыхъ онъ никогда не могъ довести до конца, благодаря вѣчнымъ отступленіямъ, вставкамъ, сравненіямъ и загадкамъ. Теперешній его анекдотъ заключался въ томъ, что одинъ офицеръ предложилъ другому—это, конечно, было въ незапамятныя времена—американскую дуэль, причемъ въ видѣ жребія имъ служилъ четъ или нечетъ на рублевой бумажкѣ. И вотъ, кто-то изъ нихъ—трудно было понять, кто именно,—Подъ-Звонъ или Солуха, прибѣгнувъ къ мошенничеству: „Гето, братецъ ты мой, взялъ да и склеилъ двѣ бумажки вмѣстѣ и вышло, что на одной сторонѣ четъ, а на другой нечетъ. Стали они, братецъ ты мой, тянуть... Этотъ и говорить тому“...

Но и на этотъ разъ полковникъ не успѣлъ, по обыкновенію, докончить своего анекдота, потому что въ буфетъ игриво скользнула Раиса Александровна Петерсонъ. Стоя въ дверяхъ столовой, но не входя въ нее (что, вообще, было не принято), она крикнула веселымъ и капризнымъ голосомъ, какимъ кричатъ балованныя, но любимыя всѣми дѣвочки:

— Господа, ну что-о же это такое! Дамы ужъ давно съѣхались, а вы тутъ сидите и угощаетесь! Мы хотимъ танцевать!

Два-три молодыхъ офицера встали, чтобы идти въ залъ; другіе продолжали сидѣть и курить и разговаривать, не обращая на кокетливую даму никакого вниманія, зато старій Лехъ косвенными мелкими шажками подошелъ къ ней и, сложивъ руки крестомъ и проливая себѣ на грудь изъ рюмки водку, воскликнулъ съ пьянымъ умиленіемъ:

— Божественная! И какъ это начальство позволяетъ шуществовать такой красотѣ! Рру-учку!.. Лобзнуть!..

— Юрій Алексѣевичъ,—продолжала щебетать Петерсонъ,—вѣдь вы, кажется, на сегодня назначены? Хорошъ, нечего сказать, дирижеръ!

— Миль пардонъ, мадамъ. Се ма фотъ!.. Это моя вина,—воскликнулъ Бобетинскій, подлетая къ ней. На ходу онъ быстро шаркалъ ногами, присѣдалъ, балансировалъ туловищемъ и раскачивалъ опущенными руками съ такимъ видомъ, какъ будто онъ выдѣлывалъ подготовительныя па какого-то веселаго балетнаго танца.—Ваш-шу руку. Востръ мэнъ, мадамъ. Господа въ залу, въ залу!

Онъ понесся подъ руку съ Петерсонъ, гордо закинувъ кверху голову, и уже изъ другой комнаты доносился его голосъ—свѣтскаго, какъ онъ воображалъ, дирижера:

— Месье, приглашайте дамъ на вальсъ! Музыканты, вальсъ!

— Простите, господинъ полковникъ, мои обязанности призываютъ меня,—сказалъ Ромашовъ.

— Эхъ, братецъ ты мой,—съ сокрушеніемъ поникъ головой Лехъ.—И ты такой же перець, какъ и они всѣ... Гето... постой, постой, прапорщикъ... Ты слыхалъ про Мольтку? Про великаго молчальника, фельдмаршала... гето... и стратега Мольтке?

— Господинъ полковникъ, право же...

— А ты не егози... Сія притча краткая... Великій молчальникъ посѣщалъ офицерскія собранія и, когда обѣдалъ, то... гето... клалъ передъ собою на столъ кошелекъ, набитый, братецъ ты мой, золотомъ. Рѣшилъ онъ въ умѣ отдать этотъ кошелекъ тому офицеру, отъ котораго онъ хотъ разъ услышитъ въ собраніи дѣльное слово. Но такъ и умеръ старикъ, проживъ на свѣтѣ сто девяносто лѣтъ, а кошелекъ его, такъ, братецъ ты мой, и остался цѣлымъ. Что? Раскусилъ сей орѣхъ? Ну, теперъ иди себѣ, братецъ. Иди, иди, воробушекъ... попрыгай...

IX.

Въ залѣ, которая, казалось, вся дрожала отъ оглушительныхъ звуковъ вальса, вертѣлись двѣ пары. Бобетинскій, распустивъ лскти, точно крылья, быстро сѣменилъ ногами вокругъ высокой Тальманъ, танцовавшей съ величавымъ спокойствіемъ каменнаго монумента. Рослый, патлатый Арчаковскій кружилъ вокругъ себя маленькую, розовенькую младшую Лыкачеву, слегка согнувшись надъ нею и глядя ей въ проборъ; не выдѣляя па, онъ лишь лѣнливо и небрежно переступалъ ногами, какъ танцуютъ обыкновенно съ дѣтми. Пятнадцать другихъ дамъ сидѣли вдоль стѣнъ въ полномъ одиночествѣ и старались дѣлать видъ, что это для нихъ все равно. Какъ и всегда бывало на полѣ выхъ собраніяхъ, кавалеровъ оказалось вчетверо меньше, чѣмъ дамъ, и начало вечера обѣщало быть скучнымъ.

Петерсонъ, только-что открывшая балъ, что всегда для дамъ служило предметомъ особой гордости, теперь пошла съ тонкимъ, стройнымъ Олизаромъ. Онъ держалъ ея руку точно припиленной къ своему лѣвому бедру; она же томно опиралась подбородкомъ на другую руку, лежавшую у него на плечѣ, а голову повернула назадъ, къ залѣ, въ манерномъ и неестественномъ положеніи. Окончивъ туръ, она нарочно сѣла неподалеку отъ Ромашова, стоявшаго около дверей дамской уборной. Она быстро обмахивалась вѣеромъ и, глядя на склонившагося передъ ней Олизара, говорила съ пѣвучей томностью:

— Нѣтъ, ск'жи-ите, графъ, отчего мнѣ всегда такъ жарко? Ум'ляю васъ—ск'жи-ите!..

Олизаръ сдѣлалъ полупоклонъ, звякнулъ шпорами и провелъ рукой по усамъ въ одну и въ другую сторону.

— Сударыня, этого даже Мартынъ Задека не скажетъ.

И, такъ какъ въ это время Олизаръ глядѣль на ея плоское декольте, она стала часто и неестественно-глубоко дышать.

— Ахъ, у меня всегда возвышенная температура!— продолжала Раиса Александровна, намекая улыбкой на то, что за ея словами кроется какой-то особенный, неприличный смысл.—Такой ужъ у меня горячій темпераментъ!!.

Олизаръ коротко и неопредѣленно заржалъ.

Ромашовъ стоялъ, глядѣль искоса на Петерсонъ и думалъ съ отвращеніемъ: „О, какая она противная“. И отъ мысли о прежней физической близости съ этой женщиной у него было такое ощущеніе, точно онъ не мылся нѣсколько мѣсяцевъ и не перемѣнялъ бѣлья.

— Да, да, да, вы не смѣйтесь, графъ. Вы не знаете, что моя мать гречанка!

— И говоритъ какъ противно,—думалъ Ромашовъ.— Странно, что я до сихъ поръ этого не замѣчалъ. Она говоритъ такъ, какъ будто бы у нея хроническій насморкъ, или полипъ въ носу: „боя бать гречадка“.

Въ это время Петерсонъ обернулась къ Ромашову и вызывающе посмотрѣла на него прищуренными глазами.

Ромашовъ, по привычкѣ, сказалъ мысленно:

„Лицо его стало непроницаемо, какъ маска“.

— Здравствуйте, Юрій Алексѣевичъ! Что же вы не подойдете поздороваться?—запѣла Раиса Александровна.

Ромашовъ подошелъ. Она со злыми, ставшими вдругъ необыкновенно маленькими и острыми зрачками глазъ, крѣпко сжала его руку.

— Я по вашей просьбѣ оставила вамъ третью кадрили. Надѣюсь, вы не забыли?

Ромашовъ поклонился.

— Какой вы нелюбезный,—продолжала кривляться

Петерсонъ.—Вамъ бы слѣдовало сказать: аншанте, мадамъ, — „адшадте бадабъ“ — услышалъ Ромашовъ.— Графъ, правда, онъ мѣшокъ?

— Какъ же... Я помню,—неувѣренно забормоталъ Ромашовъ.—Благодарю за честь.

Бобетинскій мало способствовалъ оживленію вечера. Онъ дирижировалъ съ разочарованнымъ и устало-покровительственнымъ видомъ, точно исполняя какую-то страшно надоѣвшую ему, но очень важную для всѣхъ другихъ обязанность. Но передъ третьей кадрилию онъ оживился и, пролетая по залѣ, точно на конькахъ по льду, быстрыми, скользящими шагами, особенно громко выкрикнулъ:

— Кадриль-монстръ! Кавалье ангаже во дамъ!

Ромашовъ съ Райсой Александровной стали недалеко отъ музыкантскаго окна, имѣя vis-à-vis Михина и жену Лещенка, которая едва достигала до плеча своего кавалера. Къ третьей кадрили танцующихъ замѣтно прибавилось, такъ что пары должны были расположиться и вдоль залы, и поперекъ. И тѣмъ и другимъ приходилось танцевать по очереди, и потому каждую фигуру играли по два раза.

— Надо объясниться, надо положить конецъ,—думалъ Ромашовъ, оглушаемый грохотомъ барабана и мѣдными звуками, рвавшимися изъ окна.—Довольно! „На его лицѣ лежала несокрушимая рѣшимость“.

У полковыхъ дирижеровъ установились издавна нѣкоторые особенные приемы и милыя шутки. Такъ, въ третьей кадрили всегда считалось необходимымъ путать фигуры и дѣлать, какъ будто неумышленно, веселыя ошибки, которыя всегда возбуждали неизмѣнную сумятицу и хохотъ. И Бобетинскій, начавъ кадриль-монстръ неожиданно со второй фигуры, то представлялъ кавалеровъ дѣлать соло и тотчасъ же, точно спохватившись, возвращалъ ихъ къ дамамъ, то устраи-

валь grand-gond и, перемѣшавъ его, заставлялъ кавалеровъ отыскивать дамъ.

— Медамъ, авансе... виновать, рѣкуле! Кавалье соло! Пардонъ, назадъ, бальясе авекъ во дамъ! Да назадъ же!

Раиса Александровна тѣмъ временемъ говорила язвительнымъ тономъ, задыхаясь отъ злобы, но дѣлая такую улыбку, какъ будто бы разговоръ шелъ о самыхъ веселыхъ и пріятныхъ вещахъ.

— Я не позволю такъ со мною обращаться. Слышите? Я вамъ не дѣвчонка. Да. И такъ порядочные люди не поступаютъ. Да.

— Не будемъ сердиться, Раиса Александровна, — убѣдительно и мягко попросилъ Ромашовъ.

— О, слишкомъ много чести—сердиться! Я могу только презирать васъ. Но издѣваться надъ собою я не позволю никому. Почему вы не потрудились отвѣтить на мое письмо?

— Но меня ваше письмо не застало дома, клянусь вамъ.

— Ха! Вы мнѣ морочите голову! Точно я не знаю, гдѣ вы бываете... Но будьте увѣрены...

— Кавалье, анъ аванъ! Ронъ де кавалье. А гошъ! Налѣво, налѣво! Да налѣво же, господа! Эхъ, ничего не понимаютъ! Плю де ля ви, месье,—кричалъ Бобетинскій, увлекая тавцоровъ въ быстрый круговоротъ и отчаянно топая ногами.

— Я знаю всѣ интриги этой женщины, этой лилипутки,—продолжала Раиса, когда Ромашовъ вернулся на мѣсто.—Только напрасно она такъ много о себѣ воображаетъ! Что она дочь проворовавшагося нотариуса...

— Я попросилъ бы при мнѣ такъ не отзываться о моихъ знакомыхъ,—сурово остановилъ Ромашовъ.

Тогда произошла грубая сцена. Петерсонъ разразилась безобразною бранью по адресу Шурочки. Она уже забыла о своихъ дѣланныхъ улыбкахъ и, вся въ

пятнахъ, старалась перекричать музыку своимъ насморочнымъ голосомъ. Ромашовъ же краснѣлъ до настоящихъ слезъ отъ своего безсилія и растерянности, и отъ боли за оскорбляемую Шурочку, и оттого, что ему, сквозь оглушительные звуки кадрили не удавалось вставить ни одного слова, и, главное, потому, что на нихъ уже начинали обращать вниманіе.

— Да, да, у нея отецъ проворовался, ей нечего подымать носъ!—кричала Петерсонъ.—Скажите, пожалуйста, она намъ негнужитъ. Мы и про нее тоже кое-что знаемъ! Да!

— Я васъ прошу,—лепеталъ Ромашовъ.

— Постойте, вы съ ней еще увидите мои когти. Я раскрою глаза этому дураку Николаеву, котораго она третій годъ не можетъ пропихнуть въ академію. И куда ему поступить, когда онъ, дуракъ, не видитъ, что у него подъ носомъ дѣлается. Да и то сказать—и поклонникъ же у нея!..

— Мазурка женераль! Променадъ!— кричалъ Бобетинскій, проносясь вдоль залы, весь наклонившись впередъ, въ позѣ летящаго архангела.

Полъ задрожалъ и ритмично заколыхался подъ тяжелымъ топотомъ ногъ, въ тактъ мазуркѣ зазвенѣли подвѣски у люстры, играя разноцвѣтными огнями, и мѣрно заколыхались тюлевья занавѣси на окнахъ.

— Отчего намъ не разстаться миролюбиво, тихо?— кротко спросилъ Ромашовъ. Въ душѣ онъ чувствовалъ, что эта женщина вселяетъ въ него вмѣстѣ съ отвращеніемъ какую-то мелкую, гнусную, но непобѣдимую трусость.—Вы меня не любите больше... Простимся же добрыми друзьями.

— А-а! Вы мнѣ хотите зубы заговорить? Не беспокойтесь, мой милый,—она произнесла „бой билый“,—я не изъ тѣхъ, кого бросаютъ. Я сама бросаю, когда захочу. Но я не могу достаточно надивиться на вашу низость...

— Кончимъ же скорѣе,—нетерпѣливо, глухимъ голосомъ, стиснувъ зубы проговорилъ Ромашовъ.

— Антрактъ пять минутъ. Кавалье оккупе во дамъ!— крикнулъ дирижеръ.

— Да, когда я этого захочу. Вы подло обманывали меня. Я пожертвовала для васъ всѣмъ, отдала вамъ все, что можетъ отдать честная женщина... Я не смѣла взглянуть въ глаза моему мужу, этому идеальному, прекрасному человѣку. Для васъ я забыла обязанности жены и матери. О, зачѣмъ, зачѣмъ я не осталась вѣрной ему!

— По-ло-жимъ!— Ромашовъ не могъ удержаться отъ улыбки. Ея многочисленные романы со всѣми молодыми офицерами, прїѣзжавшими на службу, были прекрасно извѣстны въ полку, такъ же, впрочемъ, какъ и всѣ любовныя исторіи, происходившія между всѣми семьюдесятью пятью офицерами и ихъ женами и родственницами. Ему теперь вспомнились выраженія вродѣ: „мой дуракъ“, „этотъ презрѣнный человѣкъ“, „этотъ болванъ, который вѣчно торчитъ“ и другія, не менѣе сильныя выраженія, расточаемыя Райсой въ письмахъ и устно о своемъ мужѣ.

— А! вы еще имѣете наглость смѣяться! Хорошо же!— вспыхнула Райса.— Намъ начинать!— спохватилась она и, взявъ за руку своего кавалера, засѣмнила впередъ, граціозно раскачивая туловище на бедрахъ и напряженно улыбаясь. Когда они кончили фигуру, ея лицо опять сразу приняло сердитое выраженіе, „точно у разозленнаго насѣкомаго“, подумаль Ромашовъ.

— Я этого не прощу вамъ. Слышите ли, никогда! Я знаю, почему вы такъ подло, такъ низко хотите уйти отъ меня. Такъ не будетъ же того, что вы затѣяли, не будетъ, не будетъ, не будетъ! Вмѣсто того, чтобы прямо и честно сказать, что вы меня больше не любите, вы предпочитали обманывать меня и пользо-

ваться мной, какъ женщиной, какъ самкой... На всякій случай, если тамъ не удастся. Ха-ха-ха!

— Ну, хорошо, будемъ говорить на-чистоту,—со сдержанной яростью заговорилъ Ромашовъ. Онъ все больше блѣднѣлъ и кусалъ губы.—Вы сами этого захотѣли. Да, это правда: я не люблю васъ.

— Ахъ, скажи-ите, какъ мнѣ это обидно!

— И не любилъ никогда. Какъ и вы меня, впрочемъ, Мы оба играли какую-то гадкую, лживую и грязную игру, какой-то пошлый любительскій фарсъ. Я прекрасно, отлично понялъ васъ, Раиса Александровна. Вамъ не нужно было ни нѣжности, ни любви, ни простой привязанности. Вы слишкомъ мелки и ничтожны для этого. Потому что,—Ромашову вдругъ вспомнились слова Назанскаго,—потому что любить могутъ только избранныя, только утонченныя натуры!

— Ха, это, конечно, вы избранная натура?

Опять загремѣла музыка. Ромашовъ съ ненавистью поглядѣлъ въ окно на сіяющее мѣдное жерло тромбона, который со свирѣпымъ равнодушіемъ точно выплевывалъ въ залу рывкающіе и хрипящіе звуки. И солдатъ, который игралъ на немъ, надувъ щеки, выпучивъ остекленѣвшія глаза и посинѣвъ отъ напряженія, былъ ему ненавистенъ.

— Не станемъ спорить. Можетъ, я и не стою настоящей любви, но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, что вамъ, съ вашими узкими провинціальными воззрѣніями и съ провинціальнымъ честолюбіемъ, надо непременно, чтобы васъ кто-нибудь „окружалъ“, и чтобы другіе видѣли это. Или, вы думаете, я не понимаю смысла этой вашей фамильярности со мной на вечерахъ, этихъ нѣжныхъ взглядовъ, этого повелительнаго и интимнаго тона, въ то время, когда на насъ смотрѣли посторонніе? Да, да, непременно, чтобы смотрѣли. Иначе вся эта игра для васъ не имѣетъ смысла. Вамъ

не любви отъ меня нужно было, а того, чтобы всѣ видѣли васъ лишній разъ скомпрометированной.

— Для этого я могла бы выбрать кого-нибудь лучше и поинтереснѣе васъ,—съ напыщенной гордостью возразила Петерсонъ.

— Не безпокойтесь, этимъ вы меня не уязвите. Да, я повторяю: вамъ нужно только, чтобы кого-нибудь считали вашимъ рабомъ, новымъ рабомъ вашей неотразимости. А время идетъ, а рабы все рѣже и рѣже. И для того, чтобы не потерять послѣдняго вздыхателя, вы, холодная, безстрастная, приносите въ жертву и ваши семейныя обязанности, и вашу вѣрность супружескому алтарю.

— Нѣтъ, вы еще обо мнѣ услышите!—зло и многозначительно прошептала Раиса.

Черезъ всю залу, пятясь и отскакивая отъ танцующихъ паръ, къ нимъ подошелъ мужъ Раисы, капитанъ Петерсонъ. Это былъ худой, чахоточный человекъ, съ лысымъ желтымъ черепомъ и черными глазами—влажными и ласковыми, но съ затаеннымъ злобнымъ огонькомъ. Про него говорили, что онъ былъ безумно влюбленъ въ свою жену, влюбленъ до такой степени, что велъ нѣжную, слащавую и фальшивую дружбу со всѣми ея поклонниками. Также было извѣстно, что онъ платилъ имъ ненавистью, вѣроломствомъ и всевозможными служебными подвохами, едва только они съ облегченіемъ и радостью уходили отъ его жены.

Онъ еще издали неестественно улыбался своими синими, облипшими вокругъ рта губами.

— Танцуешь, Раечка? Здравствуйте, дорогой Жоржикъ. Что васъ такъ давно не видно? Мы такъ къ вамъ привыкли, что, право, ужъ соскучились безъ васъ.

— Такъ... какъ-то... все занятія,—забормоталъ Ромашовъ.

— Знаемъ мы ваши занятія,—погрозилъ пальцемъ Петерсонъ и засмѣялся, точно завизжалъ. Но его чер-

ные глаза съ желтыми бѣлками пытливо и тревожно перебѣгали съ лица жены на лицо Ромашова.

— А я, признаться, думалъ, что вы поссорились. Гляжу, сидите и о чемъ-то горячитесь. Что у васъ?

Ромашовъ молчалъ, смущенно глядя на худую, темную и жилистую шею Петерсона. Но Раиса сказала съ той наглой увѣренностью, которую она всегда проявляла во лжи:

— Юрій Алексѣевичъ все философствуетъ. Говорить, что танцы отжили свое время и что танцевать глупо и смѣшно.

— А самъ пляшетъ,— съ ехиднымъ добродушіемъ замѣтилъ Петерсонъ.— Ну, танцуйте, дѣти мои, танцуйте, я вамъ не мѣшаю.

Едва онъ отошелъ, Раиса сказала съ напускнымъ чувствомъ:

— И этого святого, необыкновеннаго человѣка я обманывала!.. И ради кого же! О, если бы онъ зналъ, если-бъ онъ только зналъ!

— Маз-зурка женераль!—закричалъ Бобетинскій.— Кавалеры отбиваютъ дамъ!

Отъ долгаго движенія разгоряченныхъ тѣлъ и отъ пыли, подымавшейся съ паркета, въ залѣ стало душно, и огни свѣчей обратились въ желтыя туманныя пятна. Теперь танцовало много паръ, и такъ какъ мѣста не хватало, то каждая пара топталась въ ограниченномъ пространствѣ: танцующіе тѣснились и толкали другъ друга. Фигура, которую предложилъ дирижеръ, заключалась въ томъ, что свободный кавалеръ преслѣдовалъ какую-нибудь танцующую пару. Вертясь вокругъ нея и выдѣлывая въ то же время па мазурки, что выходило смѣшнымъ и нелѣпымъ, онъ старался улучшить моментъ, когда дама станетъ къ нему лицомъ. Тогда онъ быстро хлопалъ въ ладоши, что означало, что онъ отбилъ даму. Но другой кавалеръ старался помѣшать ему сдѣлать это и всячески поворачивалъ и дергалъ свою

даму изъ стороны въ сторону; а самъ то пытался, то скакалъ бокомъ и даже пускалъ въ ходъ лѣвый свободный локоть, нацѣливая его въ грудь противнику. Отъ этой фигуры всегда происходила въ залѣ неловкая, грубая и некрасивая суета.

— Актриса!—хрипло зашептала Ромашовъ, наклоняясь близко къ Раисѣ. — Васъ смѣшно и жалко слушать.

— Вы, кажется, пьяны! — брезгливо воскликнула Раиса и кинула на Ромашова тотъ взглядъ, которымъ въ романахъ героини мѣряютъ злодѣевъ съ головы до ногъ.

— Нѣтъ, скажите, зачѣмъ вы обманули меня? — злобно восклицалъ Ромашовъ. — Вы отдались мнѣ только для того, чтобы я не ушелъ отъ васъ. О, если-бъ вы это сдѣлали по любви, ну, хоть не по любви, а по одной только чувственности. Я бы понялъ это. Но вѣдь вы изъ одной распущенности, изъ низкаго тщеславія. Неужели васъ не ужасаетъ мысль, какъ гадки мы были съ вами оба, принадлежа другъ другу безъ любви, отъ скуки, для развлечения, даже безъ любопытства, а такъ... какъ горничныя въ праздники грызутъ подсолнушки. Поймите же: это хуже того, когда женщина отдается за деньги. Тамъ нужда, соблазнъ... Поймите, мнѣ стыдно, мнѣ гадко думать объ этомъ холодномъ, безцѣльномъ, объ этомъ неизвиняемомъ развратѣ!

Съ холоднымъ потомъ на лбу онъ потухшими, скучающими глазами глядѣлъ на танцующихъ. Вотъ проплыла, не глядя на своего кавалера, едва перебирая ногами, съ неподвижными плечами и съ обиженнымъ видомъ суровой недотроги величественная Тальманъ и рядомъ съ ней веселый, скачущій козломъ Епифановъ. Вотъ маленькая Лыкачева, вся пунцовая, съ сіяющими глазами, съ обнаженной бѣлой, невинной дѣвической шейкой... Вотъ Олизаръ на тонкихъ ногахъ, прямыхъ и стройныхъ, точно ножки циркуля. Ромашовъ глядѣлъ и чувствовалъ головную боль и желаніе плакать. А

рядомъ съ нимъ Раиса, блѣдная отъ злости, говорила съ преувеличеннымъ театральнымъ сарказмомъ.

— Прелестно! Пѣхотный офицеръ въ роли Юсифа Прекраснаго!

— Да, да, именно въ роли... — вспыхнулъ Ромашовъ. — Самъ знаю, что это смѣшно и пошло... Но я не стыжусь скорбѣть о своей утраченной чистотѣ, о простой физической чистотѣ. Мы оба добровольно влѣзли въ помойную яму, и я чувствую, что теперь я не посмѣю никогда полюбить хорошей, свѣжей любовью. И въ этомъ виноваты вы—слышите: вы, вы, вы! Вы старше и опытнѣе меня, вы уже достаточно искусились въ дѣлѣ любви.

Петерсонъ съ величественнымъ негодованіемъ поднялась со стула.

— Довольно! — сказала она драматическимъ тономъ.—Вы добились, чего хотѣли. Я ненавижу васъ! Надѣюсь, что съ этого дня вы прекратите посѣщенія нашего дома, гдѣ васъ принимали, какъ родного, кормили и поили васъ, но вы оказались такимъ негодяемъ. Какъ я жалѣю, что не могу открыть всего мужу. Это святой человѣкъ, я молюсь на него, и открыть ему все—значило бы убить его. Но, повѣрьте, онъ сумѣлъ бы отомстить за оскорбленную беззащитную женщину!

Ромашовъ стоялъ противъ нея и, болѣзненно щурясь сквозь очки, глядѣлъ на ея большой, тонкій, увядшій ротъ, искривленный отъ злости. Изъ окна неслись оглушительные звуки музыки, съ упорнымъ постоянствомъ кашлялъ ненавистный тромбонъ, а настойчивые удары турецкаго барабана раздавались точно въ самой головѣ Ромашова. Онъ слышалъ слова Раисы только урывками и не понималъ ихъ. Но ему казалось, что и они, какъ и звуки барабана, бьютъ его прямо въ голову и сотрясаютъ ему мозгъ.

Раиса съ трескомъ сложила вѣрвь.

— О подлець-мерзавецъ! — прошептала она трагически и быстро пошла черезъ залу въ уборную.

Все было кончено, но Ромашовъ не чувствовалъ ожидаемаго удовлетворенія, и съ души его не спала внезапно, какъ онъ раньше представлялъ себѣ, грязная и грубая тяжесть. Нѣтъ, теперь онъ чувствовалъ, что поступилъ нехорошо, трусливо и неискренно, сваливъ всю нравственную вину на ограниченную и жалкую женщину, и воображалъ себѣ ея горечь, растерянность и бессильную злобу, воображалъ ея горькія слезы и распухшіе красные глаза, тамъ, въ уборной.

— Я падаю, я падаю,—думалъ онъ съ отвращеніемъ и со скукой.— Что за жизнь! Что-то тѣсное, сѣрое и грязное... Эта развратная и ненужная связь, пьянство, тоска, убійственное однообразіе службы, и хоть бы одно живое слово, хоть бы одинъ моментъ чистой радости. Книги, музыка, наука—гдѣ все это?

Онъ пошелъ опять въ столовую. Тамъ Осадчій и товарищъ Ромашова по ротѣ Вѣткинъ провожали подъ руки къ выходнымъ дверямъ совершенно опьянѣвшаго Леха, который слабо и беспомощно моталъ головой и увѣрялъ, что онъ архіерей. Осадчій съ серьезнымъ лицомъ говорилъ рокочущей октавой, по-протодіаконски:

— Благослови, преосвященнѣйшій владыко. Вррремя начатія служенія...

По мѣрѣ того, какъ танцевальный вечеръ приходилъ къ концу, въ столовой становилось еще шумнѣе. Воздухъ такъ былъ наполненъ табачнымъ дымомъ, что сидящіе на разныхъ концахъ стола, едва могли разглядѣть другъ друга. Въ одномъ углу пѣли, у окна, собравшись кучкой, рассказывали непристойные анекдоты, служившіе обычной приправой всѣхъ ужиновъ и обѣдовъ.

— Нѣтъ, вѣтъ, господа... позвольте, вотъ я вамъ расскажу,—кричалъ Арчаковскій.—Приходитъ однажды

солдатъ на постой къ хохлу. А у хохла кра-асивая жинка! Вотъ солдатъ и думаетъ: какъ бы мнѣ это...

Едва онъ кончалъ, его прерывалъ ожидавшій нетерпѣливо своей очереди Василій Васильевичъ Липскій.

— Нѣтъ это что, господа... А вотъ я знаю одинъ анекдотъ.

И онъ еще не успѣвалъ кончить, какъ слѣдующій торопился со своимъ рассказомъ.

— А вотъ тоже, господа. Дѣло было въ Одессѣ и при томъ случай...

Всѣ анекдоты были скверные, похабные и неостроумные, и, какъ это всегда бываетъ, возбуждалъ смѣхъ только одинъ изъ рассказчиковъ, самый увѣренный и циничный.

Вѣткинъ, вернувшійся со двора, гдѣ онъ усаживалъ Леха въ экипажъ, пригласилъ къ столу Ромашова.

— Садитесь-ка, Жоржинька... Раздавимъ. Я сегодня богатъ, какъ жидъ. Вчера выигралъ и сегодня опять буду метать банкъ.

Ромашова тянуло поговорить по душѣ, излить кому-нибудь свою тоску и отвращеніе къ жизни. Выпивая рюмку за рюмкой, онъ глядѣлъ на Вѣткина умоляющими глазами и говорилъ убѣдительнымъ, теплымъ, дрожащимъ голосомъ:

— Мы всѣ, Павелъ Павлычъ, всѣ позабыли, что есть другая жизнь. Гдѣ-то, я не знаю гдѣ, живутъ совсѣмъ, совсѣмъ другіе люди, и жизнь у нихъ такая полная, такая радостная, такая настоящая. Гдѣ-то люди борются, страдаютъ, любятъ широко и сильно... Другъ мой, *какъ* мы живемъ! Какъ мы живемъ!

— Н-да, братъ, что ужъ тутъ говорить, жизнь,—вяло отвѣтилъ Павелъ Павловичъ. —Но, вообще... это, братъ, одна натурфилософія и энергетика. Послушай, голубчикъ, что т-такое за штука—энергетика?

— О, что мы дѣлаемъ! — волновался Ромашовъ.—

Сегодня напьемся пьяные, завтра въ роту—разъ, два, лѣвой, правой,—вечеромъ опять будемъ пить, а послѣ-завтра опять въ роту. Неужели вся жизнь въ этомъ? Нѣтъ, вы подумайте только—вся, вся жизнь.

Вѣткинъ поглядѣлъ на него мутными глазами, точно сквозь какую-то пленку, икнулъ и вдругъ запѣлъ тоненькимъ, дребезжащимъ теноркомъ:

Въ тиши жила,
Въ лѣсу жила,
И вер'тено крути-ила...

— Плюнь на все, ангель, и береги здоровье.

И отъ всей своей души
Прялочку любила.

Пойдемъ играть, Ромашевичъ-Ромашковскій, я тебѣ займу красенькую.

„Никому это не понятно. Нѣтъ у меня близкаго человѣка“,—подумалъ горестно Ромашовъ. На мгновение вспомнилась ему Шурочка, такая сильная, такая гордая, красивая, и что-то томное, сладкое и безнадежное заняло у него около сердца.

Онъ до свѣта оставался въ собраніи, глядѣлъ, какъ играютъ въ штоссъ, и самъ принималъ въ игрѣ участіе, но безъ удовольствія и безъ увлеченія. Однажды онъ увидѣлъ, какъ Арчаковскій, занимавшій отдѣльный столикъ съ двумя подпрапорщиками, довольно неумѣло передернулъ, выбросивъ двѣ карты сразу въ свою сторону. Ромашовъ хотѣлъ было вмѣшаться, сдѣлать замѣчаніе, но тотчасъ же остановился и равнодушно подумалъ: „эхъ, все равно. Ничего этимъ не поправлю“.

Вѣткинъ, проигравшій свои милліоны въ пять минутъ, сидѣлъ на стулѣ и спалъ, блѣдный, съ разинутымъ ртомъ. Рядомъ съ Ромашовымъ уныло глядѣлъ на игру Лещенко, и трудно было понять, какая сила заставляеть сидѣть его здѣсь часами съ такимъ тоскли-

вымъ выраженіемъ лица. Разсвѣло. Оплывшія свѣчи горѣли желтыми длинными огнями и мигали. Лица играющихъ офицеровъ были блѣдны и казались измученными. А Ромашовъ все глядѣлъ на карты, на кучи серебра и бумажекъ, на зеленое сукно, исписанное мѣломъ, и въ его отяжелѣвшей, отуманенной головѣ вяло бродили все однѣ и тѣ же мысли: о своемъ паденіи и о нечистотѣ скучной, однообразной жизни.

X.

Было золотое, но холодное — настоящее весеннее утро. Цвѣла черемуха.

Ромашовъ, до сихъ поръ не приучившійся справляться со своимъ молодымъ сномъ, по обыкновенію, опоздалъ на утреннія занятія и съ непріятнымъ чувствомъ стыда и тревоги подходилъ къ плацу, на которомъ училась его рота. Въ этихъ знакомыхъ ему чувствахъ всегда было много унизительнаго для молодого офицера, а ротный командиръ, капитанъ Слива, умѣлъ дѣлать ихъ еще болѣе острыми и обидными.

Этотъ человѣкъ представлялъ собою грубый и тяжелый осколокъ прежней, отошедшей въ область преданія, жестокой дисциплины, съ повальнымъ драньемъ, мелочной формалистикой, маршировкой въ три темпа и кулачной расправой. Даже въ полку, который, благодаря условіямъ дикой провинціальной жизни, не отличался особенно гуманнымъ направленіемъ, онъ являлся какимъ-то диковиннымъ памятникомъ этой свирѣлой военной старины, и о немъ передавалось много курьезныхъ, почти невѣроятныхъ анекдотовъ. Все, что не выходило за предѣлы строя, устава и роты, и что онъ презрительно называлъ чепухой и мандрагоріей, безусловно для него не существовало. Влача во всю свою жизнь

суровую служебную лямку, онъ не прочелъ ни одной книги и ни одной газеты, кромѣ развѣ официальной части „Инвалида“. Всякія развлеченія вродѣ танцевъ, любительскихъ спектаклей и т. п. онъ презиралъ всей своей загрубѣлой душой, и не было такихъ грязныхъ и скверныхъ выраженій, какія онъ не прилагалъ бы къ нимъ изъ своего солдатскаго лексикона. Рассказывали про него—и это могло быть правдой—что въ одну чудесную весеннюю ночь, когда онъ сидѣлъ у открытаго окна и провѣрялъ ротную отчетность, въ кустахъ рядомъ съ нимъ запѣлъ соловей. Слива послушалъ, послушалъ и вдругъ крикнулъ денщику: З-захарчукъ! п-прогони эту п-птицу ка-камнемъ. М-мѣшаетъ...

Этотъ вялый, опустившійся на видѣ, человекъ былъ страшно суровъ съ солдатами и не только позволялъ драться унтеръ-офицерамъ, но и самъ билъ жестоко, до крови, до того, что провинившійся падалъ съ ногъ подъ его ударами. Зато къ солдатскимъ нуждамъ онъ былъ внимателенъ до тонкости: денегъ не задерживалъ и каждый день слѣдилъ лично за ротнымъ котломъ. Только въ одной 5-й ротѣ люди выглядѣли сытѣе и веселѣе, чѣмъ у него.

Но молодыхъ офицеровъ Слива жучилъ и подтягивалъ, употребляя безцеремонные, хлесткіе приемы, которымъ его врожденный хохлацкій юморъ придавалъ особую ѣдкость. Если, напримѣръ, на ученіи субалтернъ-офицеръ сбивался съ ноги, онъ кричалъ, слегка заикаясь, по привычкѣ:

— Отъ из-звольте. Уся рота, ч-чортъ бы ее побралъ, идетъ не въ ногу. Одинъ п-подпоручикъ идетъ въ ногу.

Иногда же, обругавъ всю роту матерными словами, онъ поспѣшно, но ѣдко прибавлялъ:

— З-за исключеніемъ г-гасподъ офицеровъ и под-прапорщика.

Но особенно онъ бывалъ жестокъ и утѣснителенъ

въ тѣхъ случаяхъ, когда младшій офицеръ опаздызалъ въ роту, и это чаще всего испытывалъ на себѣ Ромашовъ. Еще издали замѣтивъ подпоручика, Слива командовалъ ротѣ „смирно“, точно устраивая опоздающему иронически-почетную встрѣчу, а самъ неподвижно, съ часами въ рукахъ слѣдилъ, какъ Ромашовъ, спотыкаясь отъ стыда и путаясь въ шашкѣ, долго не могъ найти своего мѣста. Иногда же онъ съ яростною вѣжливостью спрашивалъ, не стѣсняясь того, что это слышали солдаты: „я думаю, подпоручикъ, вы п-позволите продолжать?“ Въ другой разъ освѣдомлялся съ предупредительной заботливостью, но умышленно громко, о томъ, какъ подпоручикъ спалъ и что видѣлъ во снѣ? И только продѣлавъ одну изъ этихъ штукъ, онъ отводилъ Ромашова въ сторону и, глядя на него въ упоръ круглыми рыбьими глазами, дѣлалъ ему грубый выговоръ.

— Эхъ, все равно ужь! — думалъ съ отчаяніемъ Ромашовъ, подходя къ ротѣ. — И здѣсь плохо, и тамъ плохо,—одно къ одному. Пропала моя жизнь!

Ротный командиръ, поручикъ Вѣткинъ, Лбовъ и фельдфебель стояли посрединѣ плаца, и всѣ вмѣстѣ обернулись на подходившаго Ромашова. Солдаты тоже повернули къ нему головы. Въ эту минуту Ромашовъ представилъ себѣ самого себя — сконфуженнаго, идущаго неловкой походкой подъ устремленными на него глазами, и ему стало еще непріятнѣе.

„Но, можетъ быть, это вовсе не такъ ужь позорно?—пробовалъ онъ мысленно себя утѣшить, по привычкѣ многихъ застѣнчивыхъ людей.—Можетъ быть, это только мнѣ кажется такимъ острымъ, а другимъ, право, все равно. Ну, вотъ, я представляю себѣ, что опоздалъ не я, а Лбовъ, а я стою на мѣстѣ и смотрю, какъ онъ подходитъ. Ну, и ничего особеннаго: Лбовъ—какъ Лбовъ... Все пустяки,—рѣшилъ онъ наконецъ и сразу успокоился. — Положимъ, совѣстно... Но вѣдь не мѣ-

сяцъ же это будетъ длиться, и даже не недѣлю, не день. Да и вся жизнь такъ коротка, что все въ ней забывается“.

Противъ обыкновенія, Слива почти не обратилъ на него вниманія и не выкинулъ ни одной изъ своихъ шуточекъ. Только, когда Ромашовъ остановился въ шагѣ отъ него, съ почитительно приложенной рукой къ козырьку и сдвинутыми вмѣстѣ ногами, онъ сказалъ, подавая ему для пожатія свои вялые пальцы, похожіе на пять холодныхъ сосисокъ:

— Прошу помнить, подпоручикъ, что вы обязаны быть въ ротѣ за пять минутъ до прихода старшаго субалтернъ-офицера и за десять до ротнаго командира.

— Виновать, господинъ капитанъ,— деревяннымъ голосомъ отвѣтилъ Ромашовъ.

— Отъ извольте, — виновать!.. Все спите. Во снѣ шубы не сошьешь. Прошу господь офицеровъ идти къ своимъ взводамъ.

Вся рота была по частямъ разбросана на плацу. Дѣлали повзводно утреннюю гимнастику. Солдаты стояли шеренгами на шагъ разстоянія другъ отъ друга, съ разстегнутыми, для облегченія движеній, мундирами. Расторопный унтеръ-офицеръ Бобылевъ, изъ полуроты Ромашова, почитительно косясь на подходящаго офицера, командовалъ зычнымъ голосомъ, вытягивая впередъ нижнюю челюсть и дѣлая косые глаза:

— Подыманіе на носки и плавное присѣданіе. Рук-и-и... на-бедрь!

И потомъ затанулъ, нараспѣвъ, низкимъ голосомъ:

— Начина-а-ай!

— Ра-азъ! — запѣли въ унисонъ солдаты и медленно присѣли на корточки, а Бобылевъ, тоже сидя на корточкахъ, обводилъ шеренгу строгимъ молодцоватымъ взглядомъ.

А рядомъ маленькій вертлявый ефрейторъ Свро-

штанъ выкрикивалъ тонкимъ, рѣкимъ и срывающимся, какъ у молодого пѣтушка, голосомъ:

— Выпадъ съ лѣвой и правой ноги, съ выбрасываньемъ соотвѣтствующей руки. Товсь! Начинай! Ать-два, ать-два!—и десять молодыхъ здоровыхъ голосовъ кричали отрывисто и старательно: гау, гау, гау, гау!

— Стой!—выкрикнулъ пронзительно Сѣроштанъ. — Ла-апшинь! Ты тамъ что такъ семетрично дурака валяешь? Суешь кулаками, точно рязанская баба уфатомъ: хоу, хоу!.. Дѣлай у меня движенія чисто, матери твоей чортъ!

Потомъ унтеръ-офицеры бѣглымъ шагомъ развели взводы къ машинамъ, которыя стояли въ разныхъ концахъ плаца. Подпрапорщикъ Лбовъ, сильный, ловкій мальчикъ и отличный гимнастъ, быстро снялъ съ себя шинель и мундиръ и, оставшись въ одной голубой ситцевой рубашкѣ, первый подбѣжалъ къ параллельнымъ брусьямъ. Ставъ руками на ихъ концы, онъ въ три приема раскачался и вдругъ, описавъ всѣмъ тѣломъ полный кругъ, такъ что на одинъ моментъ его ноги находились прямо надъ головой, онъ съ силой оттолкнулся отъ брусьевъ, пролетѣлъ упругой дугой на полторы сажени впередъ, перевернувшись въ воздухѣ, и ловко, по кошачьи, присѣлъ на землю.

— Подпрапорщикъ Лбовъ! Опять фокусничаете! — притворно-строго окрикнулъ его Слива. Старый „бурбонъ“ въ глубинѣ души питалъ слабость къ подпрапорщику, какъ къ отличному фронтовику и тонкому знатоку устава. — Показывайте то, что требуется заставленіемъ. Здѣсь вамъ не балаганъ на Святой недѣлѣ.

— Слушаю, господинъ капитанъ!—весело гаркнулъ Лбовъ. — Слушаю, но не исполняю, — подмигнулъ онъ Ромашову.

Четвертый взводъ упражнялся на наклонной лѣстницѣ. Одинъ за другимъ солдаты подходили къ ней,

брались за перекладину, подтягивались на мускулахъ и лѣзли на рукахъ вверхъ. Унтеръ-офицеръ Шаповаленко стоялъ внизу и дѣлалъ замѣчанія:

— Не болтай ногами. Носки вверхъ!

Очередь дошла до лѣво-фланговаго солдатика Хлѣбникова, который служилъ въ ротѣ общимъ помѣщеніемъ. Часто, глядя на него, Ромашовъ удивлялся, какъ могли взять на военную службу этого жалкаго, замореннаго человѣка, почти карлика, съ грязнымъ безусымъ лицомъ въ кулачокъ. И когда подпоручикъ встрѣчался съ его бессмысленными глазами, въ которыхъ, какъ будто разъ навсегда, съ самаго дня рожденія, застылъ тупой, покорный ужасъ, то въ его сердцѣ шевелилось что-то странное, похожее на скуку и на угрызеніе совѣсти.

Хлѣбниковъ висѣлъ на рукахъ безобразный, неуклюжій, точно давленникъ.

— Подтягивайся, собачья морда, подтягивайся-а! — кричалъ унтеръ-офицеръ.—Ну, вверхъ!

Хлѣбниковъ дѣлалъ усилія подняться, но лишь безпомощно дрыгалъ ногами и раскачивался изъ стороны въ сторону. На секунду онъ обернулъ въ сторону и внизъ свое сѣрое маленькое лицо, на которомъ жалко и нелѣпо торчалъ вздернутый кверху грязный носъ. И вдругъ, оторвавшись отъ перекладины, упалъ мѣшкомъ на землю.

— А-а! Не жалеешь дѣлать гимнастическія упражненія! — заоралъ унтеръ-офицеръ.—Ты, подлець, мнѣ весь взводъ нарушаешь! Я-т-тебѣ!

— Шаповаленко, не смѣть драться! — крикнулъ Ромашовъ, весь вспыхнувъ отъ стыда и гнѣва. — Не смѣй этого дѣлать никогда! — крикнулъ онъ, подбѣжавъ къ унтеръ-офицеру и схвативъ его за плечо.

Шаповаленко вытянулся въ струнку и приложилъ руку къ козырьку. Въ его глазахъ, ставшихъ сразу

по-солдатски безмысленными, дрожала, однако, чуть замѣтная насмѣшливая улыбка.

— Слушаю, ваше благородіе. Только позвольте вамъ доложить: никакой съ имъ возможности нѣтъ.

Хлѣбниковъ стоялъ рядомъ, сгорбившись; онъ тупо смотрѣлъ на офицера и вытиралъ ребромъ ладони носъ. Съ чувствомъ остраго и бесполезнаго сожалѣнія Ромашовъ отвернулся отъ него и пошелъ къ третьему взводу.

Послѣ гимнастики, когда людямъ данъ былъ десятиминутный отдыхъ, офицеры опять сошлись вмѣстѣ на серединѣ плаца, у параллельныхъ брусьевъ. Разговоръ сейчасъ же зашелъ о предстоящемъ майскомъ парадѣ.

— Отъ извольте угадать, гдѣ нарвешься!—говорилъ Слива, разводя руками и пуча съ изумленіемъ водянистые глаза.—То есть, скажу я вамъ: именно, у каждаго генерала своя фантазія. Помню я, былъ у насъ генералъ-лейтенантъ Львовичъ, командиръ корпуса. Онъ изъ инженеровъ къ намъ попалъ. Такъ при немъ мы только и занимались однимъ самоокапываньемъ. Уставъ, приемы, маршировка—все по-боку. Съ утра до вечера строили всякіе ложементы, матери ихъ бить! Лѣтомъ изъ земли, зимой изъ снѣга. Весь полкъ ходилъ перепачканный съ ногъ до головы въ глину. Командиръ десятой роты, капитанъ Алейниковъ, царство ему небесное, былъ представленъ къ Аннѣ за то, что въ два часа построилъ какой-то тамъ люнетъ, чи барбетъ.

— Ловко,—вставилъ Лбовъ.

— Потомъ, — это ужъ на вашей памяти, Павелъ Павлычъ,—стрѣльба при генералѣ Арагонскомъ.

— А!—Примостився стрѣляти?—засмѣялся Вѣткинъ.

— Что это такое?—спросилъ Ромашовъ.

Слива презрительно махнулъ рукою.

— А это то, что тогда у насъ только и было въ

умѣ, что наставленія для обученія стрѣльбѣ. Солдаты одинъ отвѣчалъ „Вѣрую“ на смотру, такъ онъ такъ и сказалъ, вмѣсто „при Понтійстѣмъ Пилатѣ“ — „примостився стрѣляти“. До того головы всѣмъ забили! Указательный палецъ звали не указательнымъ, а спусковымъ; а вмѣсто праваго глаза — былъ прицѣльный глазъ.

— А помните, Афанасій Кирилычъ, какъ теорію зубрили?—сказалъ Вѣткинъ.—Траекторія, деривація.. Ей-богу, я самъ ничего не понималъ. Бывало, скажешь солдату: вотъ тебѣ ружье, смотри въ дуло. Что видишь? „Бачу воображаемую линію, которая называется осью ствола“. Но за то уже стрѣляли. Помните, Афанасій Кирилычъ?

— Ну, какъ же. За стрѣльбу наша дивизія попала въ заграничныя газеты. Десять процентовъ свѣше отличнаго—отъ извольте. Однако, и жулили мы, б-ба-тющки мои! Изъ одного полка въ другой брали взаймы хорошихъ стрѣлковъ. А то, бывало, рота стрѣляетъ сама по себѣ, а изъ блиндажа младшіе офицеры жарятъ изъ револьверовъ. Одна рота такъ отличилась, что стали считать, а въ мишени на пять пуль больше, чѣмъ выпустили. Сто пять процентовъ попаданія. Спасибо, фельфебель успѣлъ клейстеромъ замазать.

— А при Слесаревѣ, помните шрейберовскую гимнастику?

— Еще бы не помнить! Вотъ она у меня гдѣ сидитъ. Балеты танцовали. Да мало ли ихъ еще было, генераловъ этихъ, чортъ бы ихъ дралъ. Но все это, скажу вамъ, господа, чепуха и мандрагорія въ сравненіи съ теперешнимъ. Это ужъ, что называется—пріидите, послѣднее цѣлованіе. Прежде, по крайности, знали, что съ тебя спросятъ, а теперь? Ахъ, помилуйте, солдатикъ—ближній, нужна гуманность. Дррать его надо, расподлеца! Ахъ, развитіе умственныхъ способностей, быстрота и соображеніе. Суворовцы! Не знаете теперь, чему солдата и

учить. Отъ извольте, выдумалъ новую штуку, сквозную аттаку...

— Да, это не шоколадъ!— сочувственно кивнулъ головою Вѣткинъ.

— Стоишь, какъ тотъ болванъ, а на тебя казашишки во весь карьеръ дуютъ. И насквозь! Ну-ка, попробуй— посторонись-ка. Сейчасъ приказъ: „у капитана такого-то слабые нервы. Пусть помнитъ, что на службѣ его никто насильно не удерживаетъ“.

— Лукавый старикашка,—сказалъ Вѣткинъ. — Онъ въ Ю—скомъ полку какую штуку удралъ. Завелъ роту въ огромную лужу и велитъ ротному командовать „ложись!“ Тотъ помялся, однако, командуетъ— „ложись!“ Солдаты растерялись, думаютъ, что не разслышали. А генераль при нижнихъ чинахъ давай пушить командира: „какъ ведете роту! Бѣлоручки! Нѣженки! Если здѣсь въ лужу бояться лечь, то какъ въ военное время вы ихъ подымете, если они подъ огнемъ непріятеля залягутъ куда-нибудь въ ровъ? Не солдаты у васъ, а бабы и командиръ—баба! На абвахту!“

— Сильно сказано!—восхитился Вѣткинъ.

— А что пользы? При людяхъ срамятъ командира, а потомъ говорятъ о дисциплинѣ. Какая тутъ къ бису дисциплина! А ударить его, каналю, не смѣй. Нѣ-ѣ-ѣтъ... Помилуйте—онъ личность, онъ человѣкъ! Нѣтъ-съ, въ прежнее время никакихъ личностей не было, и лупили ихъ, скотовъ, какъ сидоровыхъ козъ, а у насъ были и Севастополь, и итальянскій походъ, и всякая такая вещь. Ты меня хоть отъ службы увольняй, а я все-таки, когда мерзавецъ этого заслужилъ, я загляну ему куда слѣдуетъ! Это вѣрно.

— Бить солдата безчестно,—глухо возразилъ молчавшій до сихъ поръ Ромашовъ.—Нельзя бить человѣка, который не только не можетъ тебѣ отвѣтить, но даже не имѣетъ права поднять руку къ лицу, чтобы

защититься отъ удара. Не смѣть даже отклонить голову. Это стыдно!

Слива уничтожающе прищурился и сбоку, сверху внизъ, выпятивъ впередъ нижнюю губу подъ короткими сѣдьющими усами, оглядѣлъ съ ногъ до головы Ромашова.

— Что т-такое?—протянулъ онъ тономъ крайняго презрѣнія.

Ромашовъ поблѣднѣлъ. У него похолодѣло въ груди и въ животѣ, а сердце забилося, точно во всемъ тѣлѣ сразу.

— Я сказалъ, что это нехорошо... Да, и повторяю... вотъ что,—сказалъ онъ несвязно, но настойчиво.

— Скажи т-те, пожалуйста!—тонко пропѣлъ Слива.—Видали мы такихъ миндальниковъ, не беспокойтесь. Сами черезъ годъ, если только васъ не выпрутъ изъ полка, будете по мордасамъ щелкать. Въ а-атличнѣйшемъ видѣ. Не хуже меня.

Ромашовъ поглядѣлъ на него въ упоръ съ ненавистью и сказалъ почти шопотомъ:

— Если вы будете бить солдатъ, я на васъ подамъ рапортъ командиру полка.

— Что-съ?—крикнулъ грозно Слива, но тотчасъ же оборвался.—Однако, довольно-съ этой чепухи-съ,—сказалъ онъ сухо. Вы, подпоручикъ, еще молоды, чтобы учить старыхъ боевыхъ офицеровъ, прослужившихъ съ честью двадцать пять лѣтъ своему государю. Прошу гг. офицеровъ идти въ ротную школу,—закончилъ онъ сердито.

Онъ рѣзко повернулся къ офицерамъ спиной.

— Охота вамъ была ввязываться?—примирительно заговорилъ Вѣткинъ, идя рядомъ съ Ромашовымъ.—Сами видите, что эта слива не изъ сладкихъ. Вы еще не знаете его, какъ я знаю. Онъ вамъ такихъ вещей наговорить, что не будете знать, куда дѣваться. А возразите,—онъ васъ подъ арестъ законопатитъ.

— Да, послушайте, Павелъ Павлычъ, это же вѣдь не служба, это — изувѣрство какое-то! — со слезами гнѣва и обиды въ голосѣ воскликнулъ Ромашовъ. — Эти старыя барабанныя шкуры издѣваются надъ нами! Они нарочно стараются поддерживать въ отношеніяхъ между офицерами грубость, солдафонство, какое-то циничное молодечество.

— Ну-да, это, конечно, такъ, — подтвердилъ равнодушно Вѣткинъ и зѣвнулъ. А Ромашовъ продолжалъ съ горячностью:

— Ну, кому нужно, зачѣмъ это подтягиваніе, ораніе, грубые окрики? Ахъ, я совсѣмъ, совсѣмъ не то ожидалъ найти, когда сталъ офицеромъ. Никогда я не забуду перваго впечатлѣнія. Я только три дня былъ въ полку, и меня оборвалъ этотъ рыжій пономарь Арчаковскій. Я, въ собраніи, въ разговорѣ назвалъ его поручикомъ, потому что и онъ меня называлъ подпоручикомъ. И онъ, хотя сидѣлъ рядомъ со мной, и мы вмѣстѣ пили пиво, закричалъ на меня: „во-первыхъ, я вамъ не поручикъ, а г. поручикъ, а во-вторыхъ... во-вторыхъ извольте встать, когда вамъ дѣлаетъ замѣчаніе старшій въ чинѣ!“ И я всталъ и стоялъ передъ нимъ, какъ оплеванный, пока его не осадилъ подполковникъ Лехъ. Нѣтъ, нѣтъ, не говорите вичего, Павелъ Павловичъ. Мнѣ все это до такой степени надоѣло и опротивѣло!..

XI.

Въ ротной школѣ занимались „словесностью“. Въ тѣсной комнатѣ, на скамейкахъ, составленныхъ четырехугольникомъ, сидѣли лицами внутрь солдаты третьяго взвода. Въ серединѣ этого четырехугольника ходилъ взадъ и впередъ ефрейторъ Сѣроштанъ. Рядомъ, въ такомъ же четырехугольникѣ, также ходилъ взадъ и

впередь другой унтеръ-офицеръ полуроты—Шаповаленко.

— Бандаренко!—выкрикнулъ зычнымъ голосомъ Сѣроштанъ.

Бондаренко, ударившись обѣими ногами объ полъ, вскочилъ прямо и быстро, какъ деревянная кукла съ заводомъ.

— Ежели ты, примѣрно, Бондаренко, стоишь у строю съ ружомъ, а къ тебѣ подходитъ начальство и спрашиваетъ: „что у тебя въ рукахъ, Бондаренко?“ Что ты долженъ отвѣчать?

— Ружо, дяденька?—догадывается Бондаренко.

— Брепешь. Развѣ-жь это ружо? Ты бы еще сказалъ по-деревенски: рушница. То дома было ружо, а на службѣ зовется просто: малокалиберная, скорострѣльная, пѣхотная винтовка, системы Бердана, номеръ второй, со скользящимъ затворомъ. Повтори, сукинъ сынъ!

Бондаренко скороговоркой повторяетъ слова, которыя онъ зналъ, конечно, и раньше.

— Садись!—командуетъ милостиво Сѣроштанъ.—А для чего она тебѣ дана? На этотъ вопросъ отвѣтить мнѣ...—онъ обводитъ строгими глазами всѣхъ подчиненныхъ поочередно,—Шевчукъ!

Шевчукъ встаетъ съ угрюмымъ видомъ и отвѣчаетъ глухимъ басомъ, медленно и въ носъ и такъ отрывая фразы, точно онъ ставитъ послѣ нихъ точки.

— Вона мини дана для того. Щобъ я въ мирное время дѣлалъ съ ею ружейные приемы. А въ военное время защищалъ престолъ и отечество отъ враговъ.—Онъ помолчалъ, шмыгнулъ носомъ и мрачно добавилъ:—Какъ унутреннихъ, такъ и унѣшнихъ.

— Такъ. Ты хорошо знаешь, Шевчукъ, только мямлишь. Солдатъ долженъ имѣть въ себѣ веселость, какъ орелъ. Садись. Теперь скажи, Овечкинъ: кого мы называемъ врагами унѣшними?

Разбитной орловецъ Овечкинъ, въ голосѣ котораго

слышится слащавая скороговорка бывшего мелочного приказчика, отвѣчаетъ быстро и щеголевато, захлебываясь отъ удовольствія:

— Въшними врагами мы называемъ всѣ тѣ самыя государства, съ которыми намъ приходится вести войну. Французы, нѣмцы, атальянцы, турки, ивропейцы...

— Годи,—обрываетъ его Сѣроштанъ,— этого уже въ уставѣ не значитъ. Садись, Овечкинъ. А теперь скажетъ мнѣ... Архиповъ! Кого мы называемъ врагами у-нутрен-ни-ми?

Послѣднихъ два слова онъ произносить особенно громко и вѣско, точно подчеркивая ихъ, и бросаетъ многозначительный взглядъ въ сторону вольноопредѣляющагося Маркусона.

Неуклюжій, рябой Архиповъ упорно молчитъ, глядя въ окно ротной школы. Дѣльный, умный и ловкій паренъ въ службы, онъ держитъ себя на занятіяхъ совершеннымъ идиотомъ. Очевидно, это происходитъ оттого, что его здоровый умъ, привыкшій наблюдать и обдумывать простыя и ясныя явленія деревенскаго обихода, никакъ не можетъ уловить связи между преподаваемою ему „словесностью“ и дѣйствительной жизнью. Поэтому онъ не понимаетъ и не можетъ заучить самыхъ простыхъ вещей къ великому удивленію и негодованію своего взводнаго начальника.

— Н-ну! долго я тебя буду ждать, пока ты соберешься?—начинаетъ сердиться Сѣроштанъ.

— Нутренними врагами... врагами...

— Не знаешь?—грозно воскликнулъ Сѣроштанъ и двинулся было на Архипова, но, покосившись на офицера, только затрясъ головой и сдѣлалъ Архипову страшные глаза.—Ну, слухай. Унутренними врагами мы называемъ усѣхъ, сопротивляющихся закону. Напримѣръ, кого?..—онъ встрѣчаетъ искательные глаза Овечкина.—Скажи хоть ты, Овечкинъ.

Овечкинъ вскакиваетъ и радостно кричитъ:

— Такъ что бунтовщики, студенты, конокрады, жида и поляки!

Рядомъ занимается со своимъ взводомъ Шаповаленко. Расхаживая между скамейками онъ пѣвучимъ тонкимъ голосомъ задаетъ вопросы по солдатской памяткѣ, которую держитъ въ рукахъ.

— Солтысь, что такое часовой?

Солтысь, литвинь, даваясь и тараща глаза отъ старанія, выкрикиваетъ:

— Часовой есть лицо неприкосновенное.

— Ну-да, такъ, а еще?

— Часовой есть солдатъ, поставленный на какой-либо постъ съ оружіемъ въ рукахъ.

— Правильно. Вижу, Солтысь, что ты уже начинаешь стараться. А для чего ты поставленъ на постъ, Пахоруковъ?

— Чтобы не спать, не дремалъ, не курилъ и ни отъ кого не принималъ ниякихъ вещей и подарковъ.

— А честь?

— И чтобы отдавалъ установленную честь господамъ проѣзжающимъ офицерамъ.

— Такъ. Садись.

Шаповаленко давно уже замѣтилъ ироническую улыбку вольноопредѣляющагося Фокина, и потому выкрикиваетъ съ особенной строгостью:

— Вольный опредѣляющій! Кто же такъ встаетъ? Если начальство спрашиваетъ, то вставать надо швидко, какъ пружина. Что есть знамя?

Вольноопредѣляющійся Фокинъ, съ университетскимъ значкомъ на груди, стоитъ передъ унтеръ-офицеромъ въ почтительной позѣ. Но его молодые сѣрые глаза искрятся веселой насмѣшкой.

— Знамя есть священная воинская хоругвь, подъ которой...

— Брешете!—сердито обрываетъ его Шаповаленко и ударяетъ памяткой по ладони.

— Нѣтъ, я говорю вѣрно,—упрямо, но спокойно говорить Фокинъ.

— Что-о!? Если начальство говорить нѣтъ, значитъ нѣтъ!

— Посмотрите сами въ уставъ.

— Якъ я унтеръ-офицеръ, то я и уставъ знаю лучше вашего. Скаж-жите! Всякій вольный опредѣляющій задается на макароны. А, можетъ, я самъ захочу податься въ юнкерское училище на обученіе? Почему вы знаете? Что это такое за хоругъ? Хе-руг-ва! А отнюдь не хоругъ. Священная воинская херугва, вродѣ какъ образъ.

— Шаповаленко, не спорь, — вмѣшивается Ромашовъ.—Продолжай занятія.

— Слушаю, ваше благородіе!—вытягивается Шаповаленко,—только дозвоьте вашему благородію доложить—все этотъ вольный опредѣляющій умствують.

— Ладно, ладно, дальше!

— Слушаю, вашбродь... Хлѣбниковъ! Кто у насъ командиръ корпуса?

Хлѣбниковъ растерянными глазами глядитъ на унтеръ-офицера. Изъ его раскрытаго рта вырывается, точно у осипшей вороны, одинокій шипящій звукъ.

— Раскачивайся!—злбно кричитъ на него унтеръ-офицеръ.

— Его...

— Ну,—Его... Ну, что-жъ будетъ дальше?

Ромашовъ, который въ эту минуту отвернулся въ сторону, слышитъ, какъ Шаповаленко прибавляетъ пониженнымъ тономъ, хрипло:

— Вотъ, погоди, я тебѣ послѣ ученія разглажу морду-то! — И такъ какъ Ромашовъ въ эту секунду повертывается къ нему, онъ произноситъ громко и равнодушно:

— Его высокопревосходительство... Ну что-жъ ты, Хлѣбниковъ, дальше!..

— Его... инфантеріи... лейтенантъ, — испуганно и отрывисто бормочеть Хлѣбниковъ.

— А-а-а! — хрипять, стиснувъ зубы, Шаповаленко, — Ну, что я съ тобой, Хлѣбниковъ, буду дѣлать? Бьюсь, бьюсь я съ тобой, а ты совсѣмъ, какъ верблюдь, только роговъ у тебя нема. Никакого старанія. Стой такъ до конца словесности столбомъ. А послѣ обѣда явишься ко мнѣ, буду отдѣльно съ тобой заниматься. Греченко! Кто у насъ командиръ корпуса?

„Такъ сегодня, такъ будетъ завтра и послѣзавтра. Все одно и то же до самаго конца моей жизни, — думалъ Ромашовъ, ходя отъ взвода къ взводу. — Бросить все, уйти?.. Тоска!..“

Послѣ словесности люди занимались на дворѣ приготовительными къ стрѣльбѣ упражненіями. Въ то время, какъ въ одной части люди цѣлили въ зеркало, а въ другой стрѣляли дробинками въ мишень, — въ третьей наводили винтовки въ цѣль на приборъ Ливчака. Во второмъ взводѣ подпрапорщикъ Лбовъ заливался на весь плацъ веселымъ звонкимъ теноркомъ:

— Пря-мо... по колоннѣ... па-альба ротою... ать, два! Рота-а... — онъ затягивалъ послѣдній звукъ, дѣлалъ паузу и потомъ отрывисто бросалъ:

— Или!

Щелкали ударники. А Лбовъ, радостно щеголяя голосомъ, снова заливался:

— Къ но-о-о... ипъ!..

Слива ходилъ отъ взвода къ взводу, сгорбленный, вялый, поправлялъ стойку и дѣлалъ короткія грубыя замѣчанія.

— Убери брюхо! Стоишь, какъ беременная баба! Какъ ружье держишь? — ты не дьяконъ со свѣчой! Что ротъ разинулъ, Карташовъ? Каши захотѣлъ? Гдѣ трынички? Фельдфебель, поставитъ Карташова на часъ послѣ ученія подъ ружье. Кан-наля! Какъ шинель

скаталь, Веденѣвъ? Ни начала, ни конца, ни бытія своего не имѣть. Балбесъ!

Послѣ стрѣльбы люди составили ружья и легли около нихъ на молодой весенней травкѣ, уже выбитой кое-гдѣ солдатскими сапогами. Было тепло и ясно. Въ воздухѣ пахло молодыми листочками тополей, которые двумя рядами росли вдоль шоссе. Вѣткинъ опять подошелъ къ Ромашову.

— Плюньте, Юрій Алексѣевичъ, — сказалъ онъ Ромашову, беря его подъ руку. — Стоитъ ли? Вотъ кончимъ ученіе, пойдемъ въ собраніе, тяпнемъ по рюмкѣ и все пройдетъ. А?

— Скучно мнѣ, милый Павелъ Павловичъ, — тоскливо произнесъ Ромашовъ.

— Что говорить, невесело, — сказалъ Вѣткинъ. — Но какъ же иначе? Надо же людей учить дѣлу. А вдругъ война?

— Развѣ что война? — уныло согласился Ромашовъ. — А зачѣмъ война? Можетъ быть, все это какая-то общая ошибка, какое-то всемірное заблужденіе, помѣшательство? Развѣ естественно убивать?

— Э-э, развели философію. Какого чорта! А если на насъ вдругъ нападутъ нѣмцы? Кто будетъ Россію защищать?

— Я вѣдь ничего не знаю и не говорю, Павелъ Павлычъ, — жалобно и кротко возразилъ Ромашовъ, — я ничего, ничего не знаю. Но вотъ, напримѣръ, Сѣверо-Американская война, или тоже буры, а при Наполеонѣ — гверильясы, и еще шуаны во время революціи... Дрались же, когда приходила надобность! Простые землепашцы, пастухи...

— То буры... Экъ вы приравняли... Это дѣло десятое. А по-моему, если такъ думать, то ужъ лучше не служить. Да и вообще, въ нашемъ дѣлѣ думать не полагается. Только вопросъ: куда же мы съ вами дѣнемся, если не будемъ служить? Куда мы годимся,

когда мы только и знаемъ—лѣвой, правой,—а больше ни бе, ни ме, ни кукуреку. Умирать мы умѣемъ, это вѣрно. И умремъ, дьяволь насъ задави, когда потребуютъ. По крайности, не даромъ хлѣбъ ѣли. Такъ-то, господинъ филозофъ. Пойдемъ послѣ ученья со мной въ собраніе.

— Что-жь, пойдете, — равнодушно согласился Ромашовъ. — Собственно говоря, это свинство такъ ежедневно проводить время. А вы правду говорите, что если такъ думать, то ужъ лучше совсѣмъ не слушать.

Разговаривая, они ходили взадъ и впередъ по плацу и остановились около четвертаго взвода. Солдаты сидѣли и лежали на землѣ около составленныхъ ружей. Нѣкоторые ѣли хлѣбъ, который солдаты ѣдятъ весь день съ утра до вечера и при всѣхъ обстоятельствахъ: на смотрѣхъ, на привалахъ во время маневровъ, въ церкви передъ исповѣдью и даже передъ тѣлеснымъ наказаніемъ.

Ромашовъ услышалъ, какъ чей-то равнодушно-задирающій голосъ окликнулъ:

-- Хлѣбниковъ, а Хлѣбниковъ!..

— А?—угрюмо въ носъ отозвался Хлѣбниковъ.

-- Ты что дома дѣлалъ?

— Робиль,—сонно отвѣтилъ Хлѣбниковъ.

— Да что робиль-то, дурья голова?

— Все. Землю пахаль, за скотиной ходиль.

— Чего ты къ нему привязался? — вмѣшивается старослуживый солдатъ, дядька Шпыневъ.—Извѣстно, чего робиль: робять сиськой кормиль.

Ромашовъ мимоходомъ взглянулъ на сѣрое, жалкое, голое лицо Хлѣбникова, и опять въ душѣ его заскребло какое-то неловкое больное чувство.

— Въ ружье!—крикнулъ съ середины плаца Слива.— Господа офицеры, по мѣстамъ!

Залязгали ружья, цѣпляясь штыкомъ за штыкъ.

Солдаты, суетливо одергиваясь, становились на свои мѣста.

— Рравняйсь!—скомандоваль Слива.—Смиррна!

Затѣмъ, подойдя ближе къ ротѣ, онъ закричалъ нараспѣвъ:

— Ружейные приемы, по раздѣленіямъ, счетъ вслухъ...

Рота, ша-ай... на кра-уль!

— Рразъ! — гаркнули солдаты и коротко вѣбросили ружья кверху.

Слива медленно обошелъ строй, дѣлая отрывистыя замѣчанія:— „доверни прикладъ, выше штыкъ, прикладъ на себя“. Потомъ онъ опять вернулся передъ роту и скомандоваль:

— Дѣла-ай... два!

— Два!—крикнули солдаты.

И опять Слива пошелъ по строю провѣрять чистоту и правильность приема.

Послѣ ружейныхъ приемовъ по раздѣленіямъ, шли приемы безъ раздѣленій, потомъ повороты, вздваиваніе рядовъ, примыканіе и размыканіе и другія разныя построенія. Ромашовъ исполнялъ, какъ автоматъ, все, что отъ него требовалось уставомъ, но у него не выходили изъ головы слова, небрежно оброненныя Вѣткинымъ: „если такъ думать, то нечего и служить. Надо уходить со службы“. И всѣ эти хитрости военнаго устава: ловкость поворотовъ, лихость ружейныхъ приемовъ, крѣпкая постановка ноги въ маршировкѣ, а вмѣстѣ съ ними всѣ эти тактики и фортификаціи, на которыя онъ убилъ девять лучшихъ лѣтъ своей жизни, которыя должны были наполнить и всю его остальную жизнь и которыя еще такъ недавно казались ему такимъ важнымъ и мудрымъ дѣломъ, все это вдругъ представилось ему чѣмъ-то скучнымъ, неестественнымъ, выдуманымъ, чѣмъ-то безцѣльнымъ и празднымъ, порожденнымъ всеобщимъ міровымъ самообманомъ, чѣмъ то похожимъ на нелѣпый бредъ.

Когда же ученіе окончилось, они пошли съ Вѣткинымъ въ собраніе и вдвоемъ съ нимъ выпили очень много водки. Ромашовъ, почти потерявъ сознаніе, пѣловался съ Вѣткинымъ, плакалъ у него на плечѣ громкими истеричными слезами, жалуясь на пустоту и тоску жизни, и на то, что его никто не понимаетъ, и на то, что его не любитъ „одна женщина“, а кто она—этого никто никогда не узнаетъ; Вѣткинъ же хлопалъ рюмку за рюмкой и только время отъ времени говорилъ съ презрительной жалостью:

— Одно скверно, Ромашовъ, не умѣете вы пить. Выпили рюмку и раскисли.

Потомъ вдругъ онъ ударялъ кулакомъ по столу и кричалъ грозно:

— А велятъ умереть—умремъ!

— Умремъ,—жалобно отвѣчалъ Ромашовъ.—Что—умереть? Это чепуха—умереть... Душа болитъ у меня...

Ромашовъ не помнилъ, какъ онъ добрался домой и кто его уложилъ въ постель. Ему представлялось, что онъ плаваетъ въ густомъ синемъ туманѣ, по которому разсыпаны миллиарды-миллиардовъ микроскопическихъ искорокъ. Этотъ туманъ медленно колыхался вверхъ и внизъ, подымая и опуская въ своихъ движеніяхъ тѣло Ромашова, и отъ этой ритмичной качки сердце подпоручика ослабѣвало, замирало и томилось въ отвратительномъ, раздражающемъ чувствѣ тошноты. Голова казалась распухшей до огромныхъ размѣровъ, и въ ней чей-то неотступный, безжалостный голосъ кричалъ, причиняя Ромашову страшную боль:

— Дѣла-ай разъ!.. дѣла-ай два!

XII.

День 23-го апрѣля былъ для Ромашова очень хлопотливымъ и очень страннымъ днемъ. Часовъ въ 10 утра, когда подпоручикъ лежалъ еще въ постели, пришелъ Степанъ, денщикъ Николаевыхъ, съ запиской отъ Александры Петровны.

„Милый Ромочка,—писала она,—я бы вовсе не удивилась, если бы узнала, что вы забыли о томъ, что сегодня день нашихъ общихъ именинъ. Такъ вотъ, напоминаю вамъ объ этомъ. *Несмотря ни на что*, я все-таки хочу васъ сегодня видѣть! Только не приходите поздравлять днемъ, а прямо къ 5-ти часамъ. Поѣдемъ пикникомъ на Дубечную.

Ваша А. Н.“

Письмо дрожало въ рукахъ у Ромашова, когда онъ его читалъ. Уже цѣлую недѣлю не видалъ онъ милаго,—то ласковаго, то насмѣшливаго, то дружески-внимательнаго лица Шурочки, не чувствовалъ на себѣ ея нѣжнаго и властнаго обаянія. „Сегодня!“—радостно сказалъ внутри его ликующій шопотъ.

— Сегодня!—громко крикнулъ Ромашовъ, и босой соскочилъ съ кровати на полъ.—Гайнанъ, умываться! Вошелъ Гайнанъ.

— Ваша благородія, тамъ денщикъ стоитъ. Спрашиваетъ: будешь писать отвѣтъ?

— Вотъ такъ-такъ!—Ромашовъ вытаращилъ глаза и слегка присѣлъ.—Ссс... Надо бы ему на чай, а у меня ничего нѣтъ.—Онъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на денщика.

Гайнанъ широко и радостно улыбнулся.

— Мне тоже ничего нѣтъ!.. Тебѣ нѣтъ, мне нѣтъ. Э, чего тамъ! Она и такъ пойдетъ.

Быстро промелькнула въ памяти Ромашова черная весенняя ночь, грязь, мокрый, скользкій плетень, къ

которому онъ прижался, и равнодушный голось Степана изъ темноты: „ходить, ходить каждый день“... Вспомнился ему и собственный нестерпимый стыдь. О, какихъ будущихъ блаженствъ не отдалъ бы теперь подпоручикъ за двугривенный, за одинъ двугривенный!

Ромашовъ судорожно и крѣпко потеръ руками лицо и даже крякнулъ отъ волненія.

— Гайнанъ,—сказаль онъ шопотомъ, боязливо косясь на дверь,—Гайнанъ, ты поди скажи ему, что подпоручикъ вечеромъ непременно дадутъ ему на чай. Слышшь: непременно.

Ромашовъ переживаль теперь острую денежную нужду. Кредитъ былъ прекращень ему повсюду: въ буфетъ, въ офицерской экономической лавочкѣ, въ офицерскомъ капиталѣ... Можно было брать только обѣдъ и ужинъ въ собраніи, и то безъ водки и закуски. У него даже не было ни чаю, ни сахару. Оставалась только, по какой-то насмѣшливой игрѣ случая, огромная жестянка кофе. Ромашовъ мужественно пилъ его по утрамъ безъ сахару, а вслѣдъ за нимъ, съ такой же покорностью судьбѣ, допиваль его Гайнанъ.

И теперъ, съ гримасами отвращенія прихлебывая черную, крѣпкую, горькую бурду, подпоручикъ глубоко задумался надъ своимъ положеніемъ. „Гм... во-первыхъ, какъ явиться безъ подарка? Конфеты или перчатки? Впрочемъ, неизвѣстно, какой номеръ она носить. Конфеты? Лучше бы всего духи: конфеты здѣсь отвратительныя... Вѣрь?.. гм... Да, конечно, лучше духи. Она любитъ Эссъ-букé. Потомъ расходи на пикникъ; извозчикъ туда—обратно, скажемъ—пять, на чай Степану—ррубли! Да-съ, господинъ подпоручикъ Ромашовъ, безъ десяти рублей вамъ не обойтись.

И онъ сталъ перебирать въ умѣ всѣ ресурсы. Жалованье? Но не далѣе, какъ вчера, онъ росписался на

получательной вѣдомости: „разсчетъ вѣренъ. Подпоручикъ Ромашовъ“. Все его жалованье было аккуратно разнесено по графамъ, въ числѣ которыхъ значилось и удержаніе по частнымъ векселямъ; подпоручику не пришлось получить ни копѣйки. Можетъ быть, попросить впередъ? Это средство пробовалось имъ, по крайней мѣрѣ, тридцать разъ, но всегда безъ успѣха. Казначеемъ былъ штабсъ-капитанъ Дорошенко, — человекъ мрачный и суровый, особенно къ „фендрикамъ“. Въ турецкую войну онъ былъ раненъ, но въ самое неудобное и непочетное мѣсто—въ пятку. Вѣчныя подтруниванія и остроты надъ его раной (которую онъ, однако, получилъ не въ бѣгствѣ, а въ то время, когда, обернувшись къ своему взводу, командовалъ наступленіемъ) сдѣлали то, что, отправившись на войну жизнерадостнымъ прапорщикомъ, онъ вернулся съ нея желчнымъ и раздражительнымъ ипохондриккомъ. Нѣтъ, Дорошенко не дастъ денегъ, а тѣмъ болѣе подпоручику, который уже третій мѣсяцъ пишетъ: разсчетъ вѣренъ.

„Но не будемъ унывать!—говорилъ самъ себѣ Ромашовъ.—Переберемъ въ памяти всѣхъ офицеровъ. Начнемъ съ ротныхъ. По порядку. Первая рота — Осадчій“.

Передъ Ромашовымъ встало удивительное, красивое лицо Осадчаго, съ его тяжелымъ, звѣринымъ взглядомъ. Нѣтъ—кто угодно, только не онъ. Только не онъ. Вторая рота — Тальманъ. Милый Тальманъ: онъ вѣчно и всюду хватаетъ рубли, даже у подпрапорщиковъ. Хутынской?

Ромашовъ задумался. Шальная, мальчишеская мысль мелькнула у него въ головѣ: пойти и попросить займы у полкового командира. „Воображаю! Навѣрно, сначала оцѣпенѣетъ отъ ужаса, потомъ задрожитъ отъ бѣшенства, а потомъ выпалитъ, какъ изъ мортиры: Что-о? Ма-ал-чать!“

Подпоручикъ расхохотался. Нѣтъ, все равно, что-

нибудь да придумается! День, начавшійся такъ радостно, не можетъ быть неудачнымъ. Это неуловимо, это непостижимо, но оно всегда безошибочно чувствуется гдѣ-то въ глубинѣ, за сознаниемъ.

Капитанъ Дювернуа? Его солдаты смѣшно называютъ: Доверни-нога. А вотъ тоже, говорятъ,—былъ какой-то генералъ Будбергъ фонъ-Шауфусъ,—такъ его солдаты окрестили: Будка за цехаузомъ. Нѣтъ; Дювернуа скупъ и не любитъ меня—я это знаю...

Такъ перебралъ онъ всѣхъ ротныхъ командировъ отъ 1-ой роты до 16-ой и даже до нестроевой, потому со вздохомъ перешелъ къ младшимъ офицерамъ. Онъ еще не терялъ увѣренности въ успѣхѣхъ, но уже начиналъ смутно беспокоиться, какъ вдругъ одно имя сверкнуло у него въ головѣ: „Подполковникъ Рафальскій!“

— Рафальскій. А я-то ломалъ голову!.. Гайнанъ! Сюртукъ, перчатки, пальто—живо!

Подполковникъ Рафальскій, командиръ 4-го батальона, былъ старый причудливый холостякъ, котораго въ полку, шутя и, конечно, за глаза, звали полковникомъ Бремомъ. Онъ ни у кого изъ товарищей не бывалъ, отдѣляясь только официальными визитами на Пасху и на Новый годъ, а къ службѣ относился такъ небрежно, что постоянно получалъ выговоры въ приказахъ и жестокіе разносы на ученьяхъ. Все свое время, всѣ заботы и всю неиспользованную способность сердца къ любви и къ привязанности, онъ отдавалъ своимъ милымъ звѣрямъ—птицамъ, рыбамъ и четвероногимъ, которыхъ у него былъ цѣлый—большой и оригинальный звѣринецъ. Полковныя дамы, въ глубинѣ души уязвленные его невниманіемъ къ нимъ, говорили, что онѣ не понимаютъ, какъ это можно бывать у Рафальскаго: „ахъ, это такой ужасъ, эти звѣри! И притомъ, извините за выраженіе—запахъ! фи!“

Всѣ свои сбереженія полковникъ Бремъ тратилъ на

звѣринецъ. Этотъ чудакъ ограничилъ свои потребности послѣдней степенью необходимаго; носилъ шинель и мундиръ Богъ знаетъ какого срока, спалъ кое-какъ, ѣлъ изъ котла 15-ой роты, причемъ все-таки вносилъ въ этотъ котель сумму, для солдатскаго приварка, болѣе чѣмъ значительную. Но товарищамъ, особенно младшимъ офицерамъ, онъ, когда бывалъ при деньгахъ, рѣдко отказывалъ въ небольшихъ одолженіяхъ. Справедливость требуетъ прибавить, что отдавать ему долги считалось какъ-то непринятымъ, даже смѣшнымъ—на то онъ и слылъ чудакомъ, полковникомъ Бремомъ.

Безпутные прапорщики, вродѣ Лбова, идя къ нему просить взаймы два цѣлковыхъ, такъ и говорили: „иду смотрѣть звѣринецъ“. Это былъ подходъ къ сердцу и къ карману стараго холостяка. „Иванъ Антонычъ, нѣтъ ли новенькихъ звѣрковъ? Покажите, пожалуйста. Такъ вы все это интересно рассказываете“...

Ромашовъ также нерѣдко бывалъ у него, но пока безъ корыстныхъ цѣлей: онъ и въ самомъ дѣлѣ любилъ животныхъ какой-то особенной, нѣжной и чувственной любовью. Въ Москвѣ, будучи кадетомъ и потомъ юнкеромъ, онъ гораздо охотнѣе ходилъ въ циркъ, чѣмъ въ театръ, а еще охотнѣе въ зоологическій садъ и во всѣ звѣринцы. Мечтой его дѣтства было—имѣть сен-бернара; теперь же онъ мечталъ тайно о должности батальоннаго адъютанта, чтобы пріобрѣсти лошадь. Но обѣимъ мечтамъ не суждено было осуществиться: въ дѣтствѣ—изъ-за той бѣдности, въ которой жила его семья, а адъютантомъ его врядъ ли могли бы назначить, такъ какъ онъ не обладалъ „представительной фигурой“.

Онъ вышелъ изъ дому. Теплый весенній воздухъ съ нѣжной лаской гладилъ его щеки. Земля, недавно обсохшая послѣ дождя, поддавалась подъ ногами съ пріятной упругостью. Изъ-за заборовъ густо и низко свѣшивались на улицу бѣлыя шапки черемухи и ли-

ловья—сирени. Что-то вдругъ съ необыкновенной силой расширилось въ груди Ромашова, какъ будто бы онъ собирался летѣть. Оглянувшись кругомъ и видя, что на улицѣ никого нѣтъ, онъ вынулъ изъ кармана Шурочкино письмо, перечиталъ его и крѣпко прижался губами къ ея подписи.

— Милое небо! Милыя деревья!—прошепталъ онъ съ влажными глазами.

Полковникъ Бремъ жилъ въ глубинѣ двора, обнесеннаго высокой зеленой рѣшеткой. На калиткѣ была краткая надпись: „Безъ звонка не входить. Собаки!“ Ромашовъ позвонилъ. Изъ калитки вышелъ вихрастый, лѣнивый, заспанный денщикъ.

— Полковникъ дома?

— Пожалуйте, ваше благородіе.

— Да ты, поди, доложи сначала.

— Ничего, пожалуйста такъ,—денщикъ сонно почесалъ ляшку.—Они этого не любятъ, чтобы, напримѣръ, докладывать...

Ромашовъ пошелъ вдоль кирпичатой дорожки къ дому. Изъ-за угла выскочили два огромныхъ молодыхъ карноухихъ дога мышастаго цвѣта. Одинъ изъ нихъ громко, но добродушно залаялъ. Ромашовъ пошелкалъ ему пальцами, и догъ принялся оживленно метаться передними ногами то вправо, то влѣво и еще громче лаять. Товарищъ же его шелъ по пятамъ за подпоручикомъ и, вытянувъ морду, съ любопытствомъ принюхивался къ поламъ его шинели. Въ глубинѣ двора, на зеленой молодой травѣ стоялъ маленькій осликъ. Онъ мирно дремалъ подъ весеннимъ солнцемъ, жмурясь и двигая ушами отъ удовольствія. Здѣсь же бродили куры и разноцвѣтные пѣтухи, утки и китайскіе гуси съ наростами на носахъ; раздрачительно кричали цесарки, а великолѣпный индюкъ, распутивъ хвостъ и чертя крыльями землю, надменно и сладострастно кружился вокругъ тонкошейхъ индюшекъ. У корыта

лежала бокомъ на землѣ громадная, розовая іоркширская свинья.

Полковникъ Бремъ, одѣтый въ кожаную шведскую куртку, стоялъ у окна, спиною къ двери и не замѣтилъ, какъ вошелъ Ромашовъ. Онъ возился около стекляннаго акваріума, запустивъ въ него руку по локоть. Ромашовъ долженъ былъ два раза громко прокашляться, прежде чѣмъ Бремъ повернулъ назадъ свое худое, бородатое, длинное лицо въ старинныхъ черепаховыхъ очкахъ.

— А-а, подпоручикъ Ромашовъ! Милости просимъ, милости просимъ...—сказалъ Рафальскій привѣтливо.— Простите, не подаю руки—мокрая. А я, видите ли, нѣкоторымъ образомъ, новый сифонъ устанавливаю. Упро-стилъ прежній и вышло чудесно. Хотите чаю?

— Покорно благодарю. Пить уже. Я, господинъ полковникъ, пришелъ...

— Вы слышали: носятся слухи, что полкъ переведутъ въ другой городъ,—говорилъ Рафальскій, точно продолжая только-что прерванный разговоръ.--Вы понимаете, я, нѣкоторымъ образомъ, просто въ отчаяніи. Вообразите себѣ, ну какъ я своихъ рыбъ буду перевозить? Половина вѣдь подохнетъ. А акваріумъ? Стекла—посмотрите вы сами—въ полторы сажени длинной. Ахъ, батеньки!—вдругъ перескочилъ онъ на другой предметъ,—какой акваріумъ я видалъ въ Севастополѣ! Водоемы... нѣкоторымъ образомъ... ей-Богу, вотъ въ эту комнату, каменные, съ проточной морской водой. Электричество! Стоишь и смотришь сверху, какъ это рыбѣ живетъ. Бѣлуги, акулы, скаты, морскіе пѣтухи—ахъ, миленькіе мои! Или, нѣкоторымъ образомъ, морской котъ: представьте себѣ этакій блинъ,—аршина полтора въ діаметръ и шевелить краями, понимаете, этакъ волнообразно, а сзади хвостъ, какъ стрѣла... Я часа два стоялъ... Чему вы смѣтаетесь?

— Простите... Я только-что замѣтилъ; у васъ на плечѣ сидитъ бѣлая мышь.

— Ахъ ты, мошенница, куда забралась!—Рафальскій повернулъ голову и издалъ губами звукъ, вродѣ по-цѣлуя, но необыкновенно тонкій, похожій на мышинный пискъ. Маленькій, бѣлый, красноглазый звѣрекъ спустился къ нему до самага лица и вздрагивая всѣмъ тѣльцемъ, сталъ суетливо тыкаться мордочкой въ бороду и въ ротъ человѣку.

— Какъ они васъ знаютъ!—сказалъ Ромашовъ.

— Да... знаютъ.—Рафальскій вздохнулъ и покачалъ головой. — А вотъ то-то и бѣда, что мы-то ихъ не знаемъ. Люди выдрессировали собаку, приспособили, нѣкоторымъ образомъ, лошадь, приручили кошку, а что это за существа такія, этого мы даже знать не хотимъ. Иной ученый всю жизнь, нѣкоторымъ образомъ, чортъ бы его побралъ, посвятить на объясненіе какого то ерундовскаго допотопнаго слова, и ужъ такая ему за это честь, что заживо въ святые превозносятся. А тутъ... возьмите вы хоть тѣхъ же самыхъ собакъ. Живутъ съ нами бокъ о бокъ живыя, мыслящія, разумныя животныя, и хоть бы одинъ приватъ-доцентъ удостоилъ заняться ихъ психологіей!

— Можетъ быть, есть какіе-нибудь труды, но мы ихъ не знаемъ?—робко предположилъ Ромашовъ.

— Труды? Гм... конечно, есть, и капитальнѣйшіе. Вотъ, поглядите, даже у меня— цѣлая библіотека.—Подполковникъ указалъ рукой на рядъ шкафовъ вдоль стѣны.—Умно пишутъ и проникновенно. Знанія огромнѣйшія! Какіе приборы, какіе остроумные способы... Но не то, вовсе не то, о чемъ я говорю! Никто изъ нихъ, нѣкоторымъ образомъ, не догадался задаться цѣлью—ну хоть бы прослѣдить внимательно одинъ только день собаки или кошки. Ты вотъ поди-ка, понаблюдай-ка: какъ собака живетъ, что она думаетъ, какъ хитритъ, какъ страдаетъ, какъ радуется. Послушайте: я видаль, чего

добиваются отъ животныхъ клоуны. Поразительно!.. Вообразите себѣ гипнозъ, нѣкоторымъ образомъ, настоящей, неподдѣльный гипнозъ! Что мнѣ одинъ клоунъ показывалъ въ Кіевѣ въ гостинницѣ—это удивительно, просто невѣроятно! Но вѣдь вы подумайте — клоунъ клоунъ! А что, если бы этимъ занялся серьезный естествоиспытатель, вооруженный знаніемъ, съ ихъ замѣчательнымъ умѣньемъ обставлять опыты, съ ихъ научными средствами. О, какія бы поразительныя вещи мы услышали объ умственныхъ способностяхъ собаки, объ ея характерѣ, о знаніи чиселъ, да мало ли о чемъ! Цѣлый міръ—огромный, интересный міръ. Ну, вотъ, какъ хотите, а я убѣжденъ, на примѣръ, что у собакъ есть свой языкъ и, нѣкоторымъ образомъ, весьма обширный языкъ.

— Такъ отчего же они этимъ до сихъ поръ не занялись, Иванъ Антоновичъ?—спросилъ Ромашовъ,—это же такъ просто!

Рафальскій язвительно засмѣялся.

— Именно оттого... хе-хе-хе, — что просто. Именно оттого. Веревка—вервѣе простое. Для него, во-первыхъ, собака,—что такое? Позвоночное, млекопитающее, хищное, изъ породы собаковыхъ и такъ далѣе. Все это вѣрно. Нѣтъ, но ты подойди къ собакѣ, какъ къ человеку, какъ къ ребенку, какъ къ мыслящему существу. Право, они со своей научной гордостью недалеко отъ мужика, полагающаго, что у собаки, нѣкоторымъ образомъ, вмѣсто души паръ.

Онъ замолчалъ и принялся, сердито сопя и кряхтя, возиться надъ гуттаперчевой трубкой, которую онъ прилаживалъ ко дну акваріума. Ромашовъ собрался съ духомъ.

— Иванъ Антоновичъ, у меня къ вамъ большая, большая просьба...

— Денегъ?

— Право, совѣстно васъ беспокоить. Да мнѣ немного, рублей съ десятокъ. Скоро отдать не общаюсь, но...

Иванъ Антоновичъ вынулъ руки изъ воды и сталь вытирать ихъ полотенцемъ.

— Десять могу. Больше не могу, а десять съ превеликимъ удовольствіемъ. Вамъ, небось, на глупости? Ну, ну, ну, я шучу. Пойдемте.

Онъ повелъ его за собою черезъ всю квартиру, состоявшую изъ пяти-шести комнатъ. Не было въ нихъ ни мебели, ни занавѣсокъ. Воздухъ былъ пропитанъ острымъ запахомъ, свойственнымъ жилью мелкихъ хищниковъ. Полы были загажены до того, что по нимъ скользили ноги.

Во всѣхъ углахъ были устроены норки и логовища, въ видѣ будочекъ, пустыхъ пней, бочекъ безъ доньевъ. Въ двухъ комнатахъ стояли развѣсистыя деревья, — одно для птицъ, другое для куницъ и бѣлокъ, съ искусственными дуплами и гнѣздами. Съ томъ, какъ были приспособлены эти звѣриныя жилища, чувствовалась заботливая обдуманность, любовь къ животнымъ и большая наблюдательность.

— Видите вы этого звѣря? — Рафальскій показалъ пальцемъ на маленькую конурку, окруженную частой загородкой изъ колючей проволоки. Изъ ея полукруглаго отверстія, величиной съ донце стакана, сверкали двѣ черныя яркія точки. — Это самое хищное, самое, нѣкоторымъ образомъ, свирѣпое животное во всемъ мірѣ. Хорекъ. Нѣтъ, вы не думайте, — передъ нимъ всѣ эти львы и пантеры — кроткіе телята. Левъ съѣлъ свой пудъ мяса и отвалился, — смотритъ благодушно, какъ доѣдаютъ шакалы. А этотъ миленькій прохвость, если заберется въ курятникъ, — ни одной курицы не оставитъ — непременно у каждой перекуситъ воть тутъ, сзади, мозжечокъ. До тѣхъ поръ не успокоится, подлець. И притомъ самый дикій, самый неприручимый изъ всѣхъ звѣрей. У, ты, злодѣй!

Онъ сунуль руку за загородку. Изъ круглой дверки тотчасъ же высунулась маленькая разъяренная мордочка съ разинутой пастью, въ которой сверкали бѣлые острые зубки. Хорекъ быстро то показывался, то прятался, сопровождая это звуками, похожими на сердитый кашель.

— Видите, каковъ? А вѣдь цѣлый годъ его кормлю...

Подполковникъ, повидимому, совсѣмъ забылъ о просьбѣ Ромашова. Онъ водилъ его отъ норы къ норѣ и показывалъ ему своихъ любимцевъ, говоря о нихъ съ такимъ увлеченіемъ и съ такой нѣжностью, съ такимъ знаніемъ ихъ обычаевъ и характеровъ, точно дѣло шло о его добрыхъ, милыхъ знакомыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, для любителя, да еще живущаго въ захолустномъ городишкѣ, у него была порядочная коллекція: бѣлыя мыши, кролики, морскія свинки, ежи, сурки, нѣсколько ядовитыхъ змѣй въ стеклянныхъ ящикахъ, нѣсколько сортовъ ящерицъ, двѣ обезьяны-мартышки, черный австралійскій заяцъ и рѣдкій, прекрасный экземпляръ ангорской кошки.

— Что? Хороша? — спросилъ Рафальскій, указывая на кошку. — Неправда ли, нѣкоторымъ образомъ, прелесть? Но не уважаю. Глупа. Глупѣе всѣхъ кошекъ. Вотъ опять! — вдругъ оживился онъ. — Опять вамъ доказательство, какъ мы небрежны къ психикѣ нашихъ домашнихъ животныхъ. Что мы знаемъ о кошкѣ? А лошади? А коровы? А свиньи? Знаете, кто еще замѣчательно уменъ? Это свинья. Да, да, вы не смѣйтесь, — Ромашовъ и не думалъ смѣяться, — свиньи страшно умны. У меня кабанъ въ прошломъ году какую штуку выдумалъ. Привозили мнѣ барду съ сахарнаго завода, нѣкоторымъ образомъ, для огорода и для свиней. Такъ ему, видите ли, не хватало терпѣнія дожидаться. Возчикъ уйдетъ за моимъ денщикомъ, а онъ зубами возьметъ и вытащитъ затычку изъ бочки. Барда, знаете, лется, а онъ себѣ блаженствуетъ. Да это что еще:

одинъ разъ онъ не только вынулъ затычку, а отнесъ ее на огородъ и зарылъ въ грядку. Вотъ вамъ и свинья. Признаться — Рафальскій прищурилъ одинъ глазъ и сдѣлалъ хитрое лицо—признаться, я о своихъ свиньяхъ маленькую статеечку пишу... Только шш!.. секретъ... никому. Какъ-то неловко: подполковникъ славной русской арміи и вдругъ—о свиньяхъ. Теперь у меня вотъ, іоркширы. Видали? Хотите, пойдѣмъ поглядѣть? Тамъ у меня на дворѣ есть еще барсучокъ молоденькій, премилый барсучишка... Пойдемте?

— Простите, Иванъ Антоновичъ, — замялся Ромашовъ.—Я бы съ радостью. Но только, ей-Богу, нѣтъ времени.

Рафальскій ударилъ себя ладонью по лбу.

— Ахъ, батюшки! Извините вы меня, ради Бога. Я то, старый, разболтался... Ну, ну, ну, идемъ скорѣе.

Они вошли въ маленькую голую комнату, гдѣ буквально ничего не было, кромѣ низкой походной кровати, полотно которой провисло, точно дно лодки; ночного столика и табуретки. Рафальскій отодвинулъ ящикъ столика и досталъ деньги.

— Очень радъ служить вамъ, подпоручикъ, очень радъ. Ну, вотъ... какія еще тамъ благодарности!.. Пустое... Я радъ... Заходите, когда есть время. Потолкуемъ.

Выйдя на улицу, Ромашовъ тотчасъ же наткнулся на Вѣткина. Усы у Павла Павловича были лихо растрепаны, а фуражка съ приплюснутыми на бокахъ для франтовства, полями, ухарски сидѣла набекрень.

— А-а! Принцъ Гамлетъ!—крикнулъ радостно Вѣткинъ.—Откуда и куда? Фу, чортъ, вы сіяете, точно именинникъ.

— Я и есть именинникъ,—улыбнулся Ромашовъ.

— Да? Божественно. Позвольте заключить въ пылкія объятія!

Они тутъ же, на улицѣ, крѣпко расцѣловались.

— Можетъ быть, по этому случаю зайдёмъ въ собраніе? Возьмёмъ точію по единой, какъ говорить нашъ великосвѣтскій другъ Арчаковскій?—предложилъ Вѣткинъ.

— Не могу, Павелъ Павлычъ. Тороплюсь. Впрочемъ, кажется, вы сегодня уже подрѣзались?

— О-о-о! — Вѣткинъ значительно и гордо кивнулъ подбородкомъ вверхъ. — Я сегодня продѣлалъ такую комбинацію, что у любого министра финансовъ жи вотъ бы заболѣлъ отъ зависти.

— Именно?

Комбинація Вѣткина оказалась весьма простой, но не лишенной остроумія, причемъ главное участіе въ ней принималъ полковой портной Хаймъ. Онъ взялъ отъ Вѣткина росписку въ полученіи мундирной пары, но на самомъ дѣлѣ изобрѣтательный Павелъ Павловичъ получилъ отъ портного не мундиръ, а тридцать рублей наличными деньгами.

— И въ концѣ концовъ, оба мы остались довольны, — говорилъ ликующій Вѣткинъ:—и жидъ доволенъ, потому что вмѣсто своихъ тридцати рублей получить изъ обмундировальной кассы сорокъ пять, и я доволенъ, потому что взогрѣю сегодня въ собраніи всѣхъ этихъ игрчишекъ. Что? Ловко обстряпано?

— Ловко!—согласился Ромашовъ.—Приму къ свѣдѣнію на слѣдующій разъ. Однако, прощайте, Павелъ Павловичъ. Желаю счастливой карты.

Они разошлись. Но черезъ минуту Вѣткинъ окликнулъ товарища. Ромашовъ обернулся.

— Звѣринецъ смотрѣли?—лукаво спросилъ Вѣткинъ, указывая черезъ плечо большимъ пальцемъ на домъ Рафальскаго.

Ромашовъ кивнулъ головой и сказалъ съ убѣжденіемъ:

— Бремъ у насъ славный человѣкъ. Такой милый!

— Что и говорить! — согласился Вѣткинъ. — Только-психъ!

ХІІІ.

Подъѣзжая около 5-ти часовъ къ дому, который занимали Николаевы, Ромашовъ съ удивленіемъ почувствовалъ, что его утренняя радостная увѣренность въ успѣхъ нынѣшняго дня смѣнилась въ немъ какимъ-то страннымъ, безпричиннымъ безпокойствомъ. Онъ чувствовалъ, что случилось это не вдругъ, не сейчасъ, а когда-то гораздо раньше; очевидно, тревога нарастала въ его душѣ постепенно и незамѣтно, начиная съ какого-то ускользнувшего момента. Что это могло быть? Съ нимъ происходили подобныя явленія и прежде, съ самаго ранняго дѣтства, и онъ зналъ, что для того, чтобы успокоиться, надо отыскать первоначальную причину этой смутной тревоги. Однажды, промучившись такимъ образомъ цѣлый день, онъ только къ вечеру вспомнилъ, что въ полдень, переходя на станціи черезъ рельсы, онъ былъ оглушенъ неожиданнымъ свисткомъ паровоза, испугался и, самъ этого не замѣтивъ, пришелъ въ дурное настроеніе; но—вспомнилъ, и ему сразу стало легко и даже весело.

И онъ принялся быстро перебирать въ памяти всѣ впечатлѣнія дня въ обратномъ порядкѣ. Магазины Свидерскаго; духи; нанялъ извозчика Лейбу — онъ чудесно ѣздитъ; справлялся на почтѣ, который часъ: великолѣпное утро; Степанъ... Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, Степанъ? Но нѣтъ — для Степана лежитъ отдѣльно въ карманѣ приготовленный рубль. Что же это такое? Что?

У забора уже стояли три пароконные экипажа. Двое денщиковъ держали въ поводу осѣдланыхъ лошадей: бурога стараго мерина, купленнаго недавно Олизаромъ изъ кавалерійскаго брака, и стройную не-

герпѣливую, съ сердитымъ огненнымъ глазомъ, золотую кобылу Бекъ-Агамалова.

„Ахъ — письмо! — вдругъ вспыхнуло въ памяти Ромашова. — Эта странная фраза: *несмотря ни на что...* И подчеркнуто... Значить, что-то есть? Можетъ быть, Николаевъ сердится на меня! Ревнуетъ? Можетъ быть, какая-нибудь сплетня? Николаевъ былъ въ послѣдніе дни такъ сухъ со мною. Нѣтъ, нѣтъ, проѣду мимо!“

— Дальше! — крикнулъ онъ извозчику.

Но тотчасъ же онъ — не услышалъ и не увидѣлъ, а скорѣе почувствовалъ, какъ дверь въ домъ отворилась — почувствовалъ по сладкому и бурному бѣнію своего сердца.

— Ромочка! Куда же это вы? — раздался сзади него веселый, звонкій голосъ Александры Петровны.

Онъ дернулъ Лейбу за кушакъ и выпрыгнулъ изъ экипажа. Шурочка стояла въ черной рамѣ раскрытой двери. На ней было бѣлое гладкое платье съ красными цвѣтами за поясомъ, съ праваго бока; тѣ же цвѣты ярко и тепло краснѣли въ ея волосахъ. Странно: Ромашовъ зналъ безошибочно, что это — она, и все-таки точно не узнавалъ ее. Чувствовалось въ ней что-то новое, праздничное и сіяющее.

Въ то время, когда Ромашовъ бормоталъ свои поздравленія, она, не выпуская его руки изъ своей, нѣжнымъ и фамиллярнымъ усиліемъ заставила его войти вмѣстѣ съ ней въ темную переднюю. И вмѣстѣ съ тѣмъ она говорила быстро и вполголоса:

— Спасибо, Ромочка, что пріѣхали. Ахъ, я такъ боялась, что вы откажетесь. Слушайте: будьте сегодня милы и веселы. Не обращайтесь ни на что вниманія. Вы смѣшной: чуть васъ тронешь, вы и завяли. Такая вы стыдливая мимоза.

— Александра Петровна... сегодня ваше письмо такъ смутило меня. Тамъ есть одна фраза.

— Милый, милый, не надо!.. Она взяла обѣ его руки

и крѣпко сжимала ихъ, глядя ему прямо въ глаза. Въ этомъ взглядѣ было опять что-то совершенно незнакомое Ромашову — какая-то ласкающая нѣжность и пристальность, и беспокойство, а еще дальше, въ загадочной глубинѣ синихъ зрачковъ таилось что-то странное, недоступное пониманію, говорящее на скрытомъ, темномъ языкѣ души...

— Пожалуйста, не надо. Не думайте сегодня объ этомъ... Неужели вамъ не довольно того, что я все время стерегла, какъ вы проѣдете. Я вѣдь знаю, какой вы трусишка. Не смѣйте на меня такъ глядѣть!

Она смущенно засмѣялась и высвободила свои руки.

— Ну, довольно... Ромочка, неловкій, опять вы не цѣлуете рукъ! Вотъ такъ. Теперь другую. Такъ. Умница. Идемте. Не забудьте же, — проговорила она торопливымъ, горячимъ шопотомъ, — сегодня нашъ день. Царица Александра и ея рыцарь Георгій. Слышите? Идемте.

— Вотъ, позвольте вамъ... Скромный даръ...

— Что это? Духи? Какія вы глупости дѣлаете! Нѣтъ, нѣтъ, я шучу. Спасибо вамъ, милый Ромочка. Володя! — сказала она громко и непринужденно, входя въ гостиную. — Вотъ намъ и еще одинъ компаньонъ для пикника. И еще вдобавокъ именинникъ.

Въ гостиной было шумно и безпорядочно, какъ всегда бываетъ передъ общимъ отъѣздомъ. Густой табачный дымъ казался небесно-голубымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его прорѣзывали, стремясь изъ оконъ, наклонные снопы весенняго солнца. Посреди гостиной стояли, оживленно говоря, семь или восемь офицеровъ. и изъ нихъ громче всѣхъ кричалъ своимъ осипшимъ голосомъ, ежесекундно кашляя, высскій Тальманъ. Тутъ были: капитанъ Осадчій и неразлучные адъютанты Олизаръ съ Бекъ-Агамаловымъ, и поручикъ Андруевичъ, маленькій бойкій человекъ, съ острымъ крысинымъ личикомъ, и еще кто-то, кого Ромашовъ сразу

не разглядѣть. Софья Павловна Тальманъ, улыбающаяся, напудренная и подкрашенная, похожая на большую нарядную куклу, сидѣла на диванѣ, съ двумя сестрами подпоручика Михина. Обѣ барышни были въ одинаковыхъ простенькихъ, своей работы, но милыхъ платьяхъ, бѣлыхъ съ зелеными лентами; обѣ розовыя, черповолосыя, темноглазыя и въ веснушкахъ; у обѣихъ были ослѣпительно бѣлые, но неправильно расположенные зубы, что, однако, придавало ихъ свѣжимъ ртамъ особую, своеобразную прелесть; обѣ хорошенькія и веселыя, чрезвычайно похожія одна на другую и вмѣстѣ съ тѣмъ на своего очень некрасиваго брата. Изъ полковыхъ дамъ была еще приглашена жена поручика Андрусевича, маленькая, бѣлолицая толстуха, глупая и смѣшная, любительница всякихъ двусмысленностей и сальныхъ анекдотовъ, а также хорошенькія болтливыя и картавыя барышни Лыкачевы.

Какъ и всегда въ офицерскомъ обществѣ, дамы держались врозь отъ мужчинъ, отдѣльной кучкой. Около нихъ сидѣлъ, небрежно и фатовски развалясь въ креслѣ, одинъ штабсъ-капитанъ Дицъ. Этотъ офицеръ, похожій своей затянutoй фигурой и типомъ своего поношеннаго и самоувѣреннаго лица, на прусскихъ офицеровъ, какъ ихъ рисуютъ въ нѣмецкихъ карриатурахъ, былъ переведенъ въ пѣхотный полкъ изъ гвардіи, за какую-то темную, скандальную исторію. Онъ отличался непоколебимымъ апломбомъ въ обращеніи съ мужчинами и наглою предпримчивостью—съ дамами и велъ большую, всегда счастливую карточную игру, но не въ офицерскомъ собраніи, а въ гражданскомъ клубѣ, въ домахъ городскихъ чиновниковъ и у окрестныхъ польскихъ помѣщиковъ. Его въ полку не любили, но побаивались, и всѣ какъ-то смутно ожидали отъ него въ будущемъ какой-нибудь грязной и громкой выходки. Говорили, что онъ находится въ связи съ молоденькой женой дряхлаго бригаднаго ко-

мандира, который жилъ въ томъ же городѣ. Было также навѣрно извѣстно о его близости съ ш-те Тальманъ: ради нея его и приглашали обыкновенно въ гости—этого требовали своеобразные законы полковой вѣжливости и вниманія.

— Очень радъ, очень радъ, — говорилъ Николаевъ, идя навстрѣчу Ромашову, — тѣмъ лучше. Отчего же вы утромъ не приѣхали къ пирогу?

Онъ говорилъ это радушно, съ любезной улыбкой, но въ его голосѣ и глазахъ Ромашовъ ясно уловилъ то же самое отчужденное, дѣланное и сухое выраженіе, которое онъ почти безсознательно чувствовалъ, встрѣчаясь съ Николаевымъ, все послѣднее время.

„Онъ меня не любитъ, — рѣшилъ быстро про себя Ромашовъ.—Что онъ? Сердится? Ревнуетъ? Надоѣлъ я ему?“

— Знаете... у насъ идетъ въ ротъ осмотръ оружія, — отважно солгалъ Ромашовъ. — Готовимся къ смотру, нѣтъ отдыха даже въ праздники... Однако, я положительно сконфуженъ... Я никакъ не предполагалъ, что у васъ пикникъ, и вышло такъ, точно я напросился. Право, мнѣ совѣстно...

Николаевъ широко улыбнулся и съ оскорбительной любезностью потрепалъ Ромашова по плечу.

— О, нѣтъ, что вы, мой любезный... Больше народу — веселѣе... что за китайскія церемоніи!.. Только, воть, не знаю, какъ насчетъ мѣстъ въ фаэтонахъ. Ну, да разсядемся какъ-нибудь.

— У меня экипажъ, — успокоилъ его Ромашовъ, едва замѣтно уклоняясь плечомъ отъ руки Николаева. — Наоборотъ, я съ удовольствіемъ готовъ его предоста-вить въ ваше распоряженіе.

Онъ оглянулся и встрѣтился глазами съ Шурочкой. „Спасибо, милый!“ — сказалъ ей теплый, попрежнему странно-внимательный взглядъ. — „Какая она сегодня удивительная!“ — подумалъ Ромашовъ.

— Ну вотъ и чудесно.—Николаевъ посмотрѣлъ на часы.—Что-жъ, господа, -- сказалъ онъ вопросительно, -- можно, пожалуй, и ѣхать?

-- Ёхать такъ ѣхать — сказалъ попугай, когда его коть Васька тащилъ за хвостъ изъ клѣтки, — шутовски воскликнулъ Олизаръ.

Всѣ поднялись съ восклицаніями и со смѣхомъ; дамы разыскивали свои шляпы и зонтики и надѣвали перчатки, Тальманъ, страдавшій бронхитомъ, кричалъ на всю комнату, о томъ, чтобы не забыли теплыхъ платковъ; поднялась оживленная суматоха.

Маленькій Михинъ отвелъ Ромашова въ сторону.

— Юрій Алексѣичъ, у меня къ вамъ просьба, — сказалъ онъ.—Очень прошу васъ объ этомъ. Поѣзжайте, пожалуйста, съ моими сестрами, иначе съ ними сядетъ Дицъ, а мнѣ это чрезвычайно непріятно. Онъ всегда такія гадости говоритъ дѣвочкамъ, что онѣ просто готовы плакать. Право, я врагъ всякаго насилія, но, ей Богу, когда-нибудь дамъ ему по мордѣ!..

Ромашову очень хотѣлось ѣхать вмѣстѣ съ Шурочкой, но такъ какъ Михинъ всегда былъ ему пріятель, и такъ какъ чистые, ясные глаза этого славнаго мальчика глядѣли съ умоляющимъ выраженіемъ, а также и потому, что душа Ромашова была въ эту минуту вся наполнена большимъ радостнымъ чувствомъ, онъ не могъ отказать и согласился.

У крыльца долго и шумно разсаживались. Ромашовъ помѣстился съ двумя барышнями Михиными. Между экипажами топтался съ обычнымъ угнетеннымъ, безнадежно-унылымъ видомъ штабсъ-капитанъ Лещенко, котораго раньше Ромашовъ не замѣтилъ, и котораго никто не хотѣлъ брать съ собою въ фаязтонъ. Ромашовъ окликнулъ его и предложилъ ему мѣсто рядомъ съ собою на передней скамейкѣ. Лещенко, поглядѣвъ на подпоручика влажными, преданными добрыми глазами, со вздохомъ полѣзъ въ экипажъ.

Наконецъ, всѣ разошлись. Гдѣ-то впереди Олизарь, паясничая и вертясь на своемъ старомъ, лѣнливомъ меринѣ, запѣлъ изъ оперетки:

Сядемъ въ почтовую карету скорѣй,
Сядемъ въ почтовую карету поскорѣ-ѣ-ѣй.

— Рысью ма-а аррршг! — скомандовалъ громовымъ голосомъ Осадчій. Экипажи тронулись.

XIV.

Пикникъ вышелъ не столько веселымъ, сколько крикливымъ и беспорядочно суматошливымъ. Приѣхали за три версты въ Дубечную. Такъ называлась небольшая, десятинь въ пятнадцать, роща, разбросавшаяся на длинномъ пологомъ скатѣ, подошву котораго огибала узенькая свѣтлая рѣчонка. Роща состояла изъ рѣдкихъ, но прекрасныхъ, могучихъ столѣтнихъ дубовъ. У ихъ подножіи густо разросся сплошной кустарникъ, но кое-гдѣ оставались просторныя, прелестныя поляны, свѣжія, веселыя, покрытыя нѣжной и яркой первой зеленью. На одной такой полянѣ уже дожидались посланные впередъ денщики, съ самоварами и корзинами.

Прямо на землѣ разостлали скатерти и стали разсаживаться. Дамы устанавливали закуски и тарелки, мужчины помогали имъ съ шутивнымъ, преувеличенно-любезнымъ видомъ. Олизарь повязался одной салфеткой, какъ фартукомъ, а другую надѣлъ на голову, въ видѣ колпака, и представлялъ повара Лукича изъ офицерскаго клуба. Долго перетасовывали мѣста, чтобы дамы сидѣли непременно въ перемежку съ кавалерами. Приходилось полулежать, полусидѣть въ неудобныхъ позахъ, это было ново и занимательно, и по этому поводу молчаливый Лещенко вдругъ, къ общему удивленію и потѣхѣ, сказалъ съ напыщеннымъ и глупымъ видомъ:

— Мы теперь возлежимъ, точно древне-римскіе греки.

Шурочка посадила рядомъ съ собой съ одной стороны Тальмана, а съ другою Ромашова. Она была необыкновенно разговорчива, весела и казалась такой возбужденной, что это многимъ бросилось въ глаза. Никогда Ромашовъ не находилъ ее такой очаровательно-красивой. Онъ видѣлъ, что въ ней струится, трепещетъ и просится наружу какое-то большое, новое, лихорадочное чувство. Иногда она безъ словъ обращивалась къ Ромашову и смотрѣла на него молча, можетъ быть, только полусекундой больше, чѣмъ слѣдовало бы,—больше, чѣмъ всегда, но всякій разъ въ ея взглядѣ онъ ощущалъ ту же непонятную ему, горячую, притягивающую силу.

Осадчій, сидѣвшій одинъ во главѣ стола, приподнялся и сталъ на колѣни. Постучавъ пожемъ о стаканъ и добившись тишины, онъ заговорилъ низкимъ груднымъ голосомъ, который сочными волнами заколебался въ чистомъ воздухѣ лѣса:

— Ну-съ, господа... Выпьемъ же первую чару за здоровье нашей прекрасной хозяйки и дорогой имениницы. Дай ей Богъ всякаго счастья и чинъ генеральши.

И, высоко поднявъ кверху большую рюмку, онъ заревѣлъ во всю мочь своей страшной глотки:

— Урра!

Казалось, вся роща ахнула отъ этого львиного крика, и гулкіе отзвуки побѣжали между деревьями. Андрусевичъ, сидѣвшій рядомъ съ Осадчимъ, въ комическомъ ужасѣ упалъ навзничъ, притворяясь оглушеннымъ. Остальные дружно закричали. Мужчины пошли къ Шурочкѣ чокаться. Ромашовъ нарочно остался послѣднимъ, и она замѣтила это. Обернувшись къ нему, она, молча и страстно улыбаясь, протянула свой стаканъ съ бѣлымъ виномъ. Глаза ея въ этотъ моментъ вдругъ расширились, потемнѣли, а губы выра-

зительно, но беззвучно зашевелились, произнося какое-то слово. Но тотчасъ же она отвернулась и, смѣясь, заговорила съ Тальманомъ. „Что она сказала?—думалъ Ромашовъ—ахъ, что же она сказала?“—Это волновало и тревожило его. Онъ незамѣтно закрылъ лицо руками и старался воспроизвести губами тѣ же движенія, какія дѣлала Шурочка; онъ хотѣлъ поймать такимъ образомъ эти слова въ своемъ воображеніи, но у него ничего не выходило. „Мой милый?“ „Люблю васъ?“ „Ромочка?“—Нѣтъ не то. Одно онъ зналъ хорошо, что слово было трехсложное.

Потомъ пили за здоровье Николаева и за успѣхъ его на будущей службѣ въ генеральномъ штабѣ, пили въ такомъ духѣ, точно никогда и никто не сомнѣвался, что ему дѣйствительно удастся, наконецъ, поступить въ академію. Потомъ, по предложенію Шурочки, выпили довольно вяло за именинника Ромашова; пили за присутствующихъ дамъ и за всѣхъ присутствующихъ, и за всѣхъ вообще дамъ, и за славу знаменъ родного полка, и за непобѣдимую русскую армию...

Тальманъ, уже достаточно пьяный, поднялся и закричалъ сипло, но растроганно:

— Господа, я предлагаю выпить тостъ за здоровье нашего любимаго, нашего обожаемаго Монарха, за котораго каждый изъ насъ готовъ пролить свою кровь до послѣдней капли крови!

Послѣднія слова онъ выдавилъ изъ себя неожиданно тонкой, свистящей фистулой, потому что у него не хватило въ груди воздуха. Его цыганскіе, разбойничьи, черные глаза съ желтыми бѣлками вдругъ безпомощно и жалко заморгали, и слезы полились по смуглымъ щекамъ.

— Гимнъ, гимнъ! — восторженно потребовала маленькая толстуха Андрусевичъ.

Всѣ встали. Офицеры приложили руки къ козырькамъ. Нестройные, но воодушевленные звуки понеслись

по рощё, и всѣхъ громче, всѣхъ фальшивѣе, съ лицомъ еще болѣе тоскливымъ, чѣмъ обыкновенно, пѣлъ чувствительный штабсъ-капитанъ Лещенко.

Вообще, пили очень много, какъ и всегда, впрочемъ, пили въ полку: въ гостяхъ другъ у друга, въ собраніи, на торжественныхъ обѣдахъ и пикникахъ. Говорили уже всѣ сразу, и отдѣльныхъ голосовъ нельзя было разобрать. Шурочка, выпившая много бѣлаго вина, вся раскраснѣвшаяся, съ глазами, которые отъ расширенныхъ зрачковъ стали совсѣмъ черными, съ влажными красными губами, вдругъ близко склонилась къ Ромашову.

— Я не люблю этихъ провинціальныхъ пикниковъ, въ нихъ есть что-то мелочное и пошлое, — сказала она. — Правда, это нужно было сдѣлать для мужа, передъ отъѣздомъ, но, Боже, какъ все это глупо! Вѣдь все это можно было устроить у насъ дома, въ саду — вы знаете, какой у насъ прекрасный садъ — старый, тѣнистый. И все-таки, не знаю почему, я сегодня безумно счастлива. Господи, какъ я счастлива! Нѣтъ, Ромочка, милый, я знаю почему, и я вамъ это потомъ скажу, я вамъ потомъ скажу... Я скажу... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, Ромочка, я ничего, ничего не знаю.

Вѣки ея прекрасныхъ глазъ полузакрылись, а во всемъ лицѣ было что-то манящее и обѣщающее, и мучительно-нетерпѣливое. Оно стало безстыдно-прекраснымъ, и Ромашовъ, еще не понимая, тайнымъ инстинктомъ чувствовалъ на себѣ страстное волненіе, овладѣвавшее Шурочкой, чувствовалъ по той сладостной дрожи, которая пробѣгала по его рукамъ и ногамъ и по его груди.

— Вы сегодня необыкновенны. Что съ вами? — спросилъ онъ шопотомъ.

Она вдругъ отвѣтила съ какимъ-то наивнымъ и кроткимъ удивленіемъ:

— Я вамъ говорю, что не знаю. Я не знаю. Посмо-

трите: небо голубое, свѣтъ голубой... И у меня самой какое-то чудесное голубое настроеніе, какая-то голубая радость! Налейте мнѣ еще вина, Ромочка, мой милый мальчикъ...

На другомъ концѣ скатерти зашелъ разговоръ о предполагаемой войнѣ съ Германіей, которую тогда многіе считали дѣломъ почти рѣшеннымъ. Завязался споръ, крикливый, въ нѣсколько ртовъ заразъ, безтолковый. Вдругъ послышался сердитый, рѣшительный голосъ Осадчаго. Онъ былъ почти пьянъ, но это выразалось у него только тѣмъ, что его красивое лицо страшно поблѣднѣло, а тяжелый взглядъ большихъ черныхъ глазъ сталъ еще сумрачнѣе.

— Ерунда!—воскликнулъ онъ рѣзко.—Я утверждаю, что все это ерунда. Война выродилась. Все выродилось на свѣтѣ. Дѣти рождаются идиотами, женщины сдѣлались кривобокими, у мужчинъ нервы. „Ахъ—кровь! Ахъ, я падаю въ обморокъ!“—передразнилъ онъ кого-то гнусавымъ тономъ.—И все это оттого, что миновало время настоящей, свирѣпой, беспощадной войны. Развѣ это война? За пятнадцать верстъ въ тебя—бахъ!—и ты возвращаешься домой героемъ. Боже мой, какая, подумаешь, доблесть! Взяли тебя въ плѣнъ—„ахъ, миленькій, ахъ, голубчикъ, не хочешь ли покурить табачку? или, можетъ быть, чайку? тепло ли тебѣ, бѣдненькій? мягко ли?“ У-у!—Осадчій грозно зарычалъ и наклонилъ внизъ голову, точно быкъ, готовый нанести ударъ.—Въ средніе вѣка дрались—это я понимаю. Ночной штурмъ. Весь городъ въ огнѣ. „На три дня отдаю городъ солдатамъ на разграбленіе!“ Ворвались. Кровь и огонь. У бочекъ съ виномъ выбиваются донья. Кровь и вино на улицахъ. О, какъ были веселы эти пиры на развалинахъ! Женщинъ—обнаженныхъ, прекрасныхъ, плачущихъ, тащили за волосы. Жалости не было. Снѣ были сладкой добычей храбрецовъ!..

— Однако, вы не очень распространяйтесь, — замѣтила шуточно Софья Павловна Тальманъ.

— По ночамъ горѣли дома, и дулъ вѣтеръ, и отъ вѣтра качались черныя тѣла на висѣлицахъ, и надъ ними кричали вѣроны. А подъ висѣлицами горѣли костры, и пировали побѣдители. Плѣнныхъ не было. Зачѣмъ плѣнные? Зачѣмъ отрывать для нихъ лишнія силы? А-ахъ! — яростно простоналъ со сжатыми зубами Осадчій, — что это было за смѣлое, что за чудесное время! А битвы! Когда сходились грудь съ грудью и дрались часами, хладнокровно и бѣшено, съ озвѣрѣніемъ и съ поразительнымъ искусствомъ. Какіе были люди, какая страшная физическая сила! Господа! — Онъ поднялся на ноги и выпрямился во весь свой громадный ростъ, и голосъ его зазвенѣлъ восторгомъ и дерзостью. — Господа, я знаю, всѣ вы изъ военныхъ училищъ вынесли золотушныя, жиденькія понятія о современной гуманной войнѣ. Но я пью... Если даже никто не присоединится ко мнѣ, я пью одинъ за радость прежнихъ войнъ, за веселую и кровавую жестокость!

Всѣ молчали, точно подавленные неожиданнымъ экстазомъ этого, обыкновенно мрачнаго, перазговорчиваго человѣка, и глядѣли на него съ любопытствомъ и со страхомъ. Но вдругъ вскочилъ съ своего мѣста Бекъ-Агамаловъ. Онъ сдѣлалъ это такъ внезапно и такъ быстро, что многіе вздрогнули, а одна изъ женщинъ вскрикнула въ испугъ. Его глаза выкатились и дико сверкали, крѣпко сжатые бѣлые зубы были хищно оскалены. Онъ задыхался и не находилъ словъ.

— О, о!.. Вотъ это... вотъ, я понимаю!! А! — Онъ съ судорожной силой, точно со злобой, сжалъ и встряхнулъ руку Осадчаго. — Къ чорту эту кислятину! Къ чорту жалость! А! Р-руби!

Ему нужно было отвести на чемъ-нибудь свою варварскую душу, въ которой въ обычное время тайно

дремала старинная родовая кровожадность. Онъ съ глазами, налившимися кровью, оглянулся кругомъ и вдругъ, выхвативъ изъ ножонъ пашку, съ бѣшенствомъ ударилъ по дубовому кусту. Вѣтки и молодые листья полетѣли на скатерть, осыпавъ, какъ дождемъ, всѣхъ сидящихъ.

— Бекъ! Сумасшедшій! Дикарь!—закричали дамы.

Бекъ-Агамаловъ сразу точно опомнился и сѣлъ. Онъ казался замѣтно сконфуженнымъ за свой неистовый порывъ, но его тонкія поздри, изъ которыхъ съ шумомъ вылетало дыханіе, раздувались и трепетали, а черные глаза, обезображенные гнѣвомъ, исподлобья, но съ вызовомъ обводили присутствующихъ.

Ромашовъ слушалъ и не слушалъ Осадчаго. Онъ испытывалъ странное состояніе, похожее на сонъ, на сладкое опьянѣніе какимъ-то чудеснымъ, не существующимъ на землѣ напитокомъ. Ему казалось, что теплая, нѣжная паутина мягко и лѣнливо окутываетъ все его тѣло и ласково щекочетъ, и наполняетъ душу внутреннимъ, ликующимъ смѣхомъ. Его рука часто, какъ будто неожиданно для него самого, касалась руки Шурочки, но ни онъ, ни она больше не глядѣли другъ на друга. Ромашовъ точно дремалъ. Голоса Осадчаго и Бекъ-Агамалова доносились до него изъ какого-то далекаго, фантастическаго тумана и были понятны, но пусты.

„Осадчій... Онъ жестокій человѣкъ, онъ меня не любитъ,—думалъ Ромашовъ, и тотъ, о комъ онъ думалъ, былъ теперь не прежній Осадчій, а новый, страшно-далекій, и не настоящій, а точно двигающійся на экранѣ живой фотографіи. У Осадчаго жена маленькая, худенькая, жалкая, всегда беременная... Онъ ее никуда съ собой не беретъ... У него въ прошломъ году повѣсился молодой солдатъ. Осадчій... Да... Что такое Осадчій?.. Вотъ теперь Бекъ кричитъ... Кто этотъ человѣкъ? Развѣ я его знаю? Да, я его знаю,

но почему же онъ такой странный, чужой, непонятный мнѣ? А вотъ кто-то сидитъ со мною рядомъ... Кто ты? Отъ тебя исходитъ радость, и я пьянъ отъ этой радости. Голубая радость!.. Вонъ, противъ меня сидитъ Николаевъ. Онъ недоволенъ. Онъ все молчитъ. Глядитъ сюда мимоходомъ, точно скользить глазами. Ахъ, пускай сердится—все равно. О, голубая радость!“

Темнѣло. Тихія лиловыя тѣни отъ деревьевъ легли на полянку. Младшая Михина вдругъ спохватилась:

— Господа, а что же фіалки? Здѣсь, говорятъ, пропасть фіалокъ. Пойдемте собирать.

— Поздно,—замѣтилъ кто-то. — Теперь въ травѣ ничего не увидишь.

— Теперь въ травѣ легче потерять, чѣмъ найти,—сказала Дицъ, скверно засмѣявшись.

— Ну, тогда давайте разложимъ костеръ,—предложилъ Андрусевичъ.

Натаסקали огромную кучу хвороста и прошлогоднихъ сухихъ листьевъ и зажгли костеръ. Широкой столбъ веселаго огня поднялся къ небу. Точно вспугнутыя, сразу исчезли послѣдніе остатки дня, уступивъ мѣсто мраку, который, выйдя изъ рощи, надвинулся на костеръ. Багровыя пятна пугливо затрепетали по вершинамъ дубовъ, и казалось, что деревья зашевелились, закачались, те выглядывая въ красное пространство свѣта, то прячась назадъ въ темноту.

Всѣ встали изъ-за стола. Денщики зажгли свѣчи въ стеклянныхъ колпакахъ. Молодые офицеры шалили, какъ школьники. Олизаръ боролся съ Михинымъ, и, къ удивленію всѣхъ, маленькій, неловкій Михинъ два раза подрядъ бросилъ на землю своего болѣе высокаго и стройнаго противника. Потомъ стали прыгать черезъ огонь. Андрусевичъ представлялъ, какъ бьется объ окно муха и какъ старая птичница ловить курицу, изображалъ, спрятавшись за кусты, звукъ пилы и ножа на

точилъ—онъ на это былъ большой мастеръ. Даже Дицъ довольно ловко жонглировалъ пустыми бутылками.

— Позвольте-ка, господа, вотъ я вамъ покажу замѣчательный фокусъ!—закричалъ вдругъ Тальманъ.— Здѣсь нѣтъ никакой чуда или волшебство, а ничто иной, какъ проворство рукъ. Прошу почтеннѣйшіи публикумъ обратить вниманіе, что у меня нѣтъ никакой предметъ въ рукавъ. Начинаю. Эйвъ, цвей, дрей... алле... гопъ!..

Онъ быстро, при общемъ хохотѣ, вынулъ изъ кармана двѣ новыя колоды картъ и съ трескомъ распечаталъ ихъ одну за другой.

— Преферансъ, господа!—предложилъ онъ.—На свѣжемъ воздухѣ. А?

Осадчій, Николаевъ и Андрусевичъ усѣлись за карты, Лещенко съ глубокимъ вздохомъ помѣстился сзади нихъ. Николаевъ долго, съ ворчливымъ неудовольствіемъ отказывался, но его все-таки уговорили. Садясь, онъ много разъ съ безпокойствомъ оглядывался назадъ, нища глазами Шурочку, но такъ какъ изъ-за свѣта костра ему трудно было присматриваться, то каждый разъ его лицо напряженно морщилось и принимало жалкое, мучительное и некрасивое выраженіе.

Остальные постепенно разбрелись по полянѣ, невдалекѣ отъ костра. Затѣяли было играть въ горѣлки, но эта забава вскорѣ окончилась послѣ того, какъ старшая Михина, которую поймалъ Дицъ, вдругъ раскраснѣлась до слезъ и на-отрѣзъ отказалась играть. Когда она говорила, ея голосъ дрожалъ отъ негодованія и обиды, но причины она все-таки не объяснила.

Ромашовъ пошелъ вглубь роши по узкой тропинкѣ. Онъ самъ не понималъ, чего ожидаетъ, но сердце его сладко и томно ныло отъ неяснаго, блаженнаго предчувствія. Онъ остановился. Сзади него послышался легкій трескъ вѣтокъ, потомъ быстрые шаги и шелестъ шелковой нижней юбки. Шурочка поспѣшно шла къ

нему—легкая и стройная, мелькая, точно свѣтлый лѣсной духъ, своимъ бѣлымъ платьемъ между темными стволами огромныхъ деревьевъ. Ромашовъ пошелъ ей навстрѣчу и безъ словъ обнялъ ее. Шурочка тяжело дышала отъ поспѣшной ходьбы. Ея дыханіе тепло и часто касалось щеки и губъ Ромашова, и онъ ощущалъ, какъ подъ его рукой бьется ея сердце.

— Сядемъ,—сказала Шурочка.

Она опустила на траву и стала поправлять обѣими руками волосы на затылкѣ. Ромашовъ легъ около ея ногъ, и такъ какъ почва въ этомъ мѣстѣ замѣтно опускалась внизъ, то онъ, глядя на нее, видѣлъ только нѣжныя и неясныя очертанія ея шеи и подбородка.

Вдругъ она спросила тихимъ, вздрагивающимъ голосомъ:

— Ромочка, хорошо вамъ?

— Хорошо,—отвѣтилъ онъ. Потомъ подумалъ одну секунду, вспомнилъ весь нынѣшній день и повторилъ горячо:—о да, мнѣ сегодня такъ хорошо, такъ хорошо! Скажите, отчего вы сегодня такая?

— Какая?

Она наклонилась къ нему ближе, вглядываясь въ его глаза, и все ея лицо стало сразу видимымъ Ромашову.

— Вы чѣдная, необыкновенная. Такой прекрасной вы еще никогда не были. Что-то въ васъ поетъ и сіяетъ. Въ васъ что-то новое, загадочное, я не понимаю, что... Но... вы не сердитесь на меня, Александра Петровна... вы не боитесь, что васъ хватятся?

Она тихо засмѣялась, и этотъ низкій, ласкающій смѣхъ отозвался въ груди Ромашова радостной дрожью.

— Милый Ромочка! Милый, добрый, трусливый, милый Ромочка. Я вѣдь вамъ сказала, что этотъ день нашъ. Не думайте ни о чемъ. Ромочка, знаете, отчего я сегодня такая смѣлая? Нѣтъ? Не знаете? Я въ васъ влюблена сегодня. Нѣтъ, нѣтъ, вы не воображайте, это завтра же пройдетъ...

Ромашовъ протянулъ къ ней руки, ища ея тѣла.

— Александра Петровна... Шурочка... Саша!—признесъ онъ умоляюще.

— Не называйте меня Шурочкой, я не хочу этого. Все другое, только не это... Кстати,—вдругъ точно вспомнила она:—какое у васъ славное имя—Георгій. Гораздо лучше, чѣмъ Юрій... Ге-ор-гій!—протянула она медленно, какъ будто вслушиваясь въ звуки этого слова.—Это гордо.

— О милая!—сказалъ Ромашовъ страстно.

— Подождите... Ну, слушайте же. Это самое важное. Я васъ сегодня видѣла во снѣ: Это было удивительно-прекрасно. Мнѣ снилось, будто мы съ вами танцуемъ вальсъ въ какой-то необыкновенной комнатѣ. О, я бы сейчасъ же узнала эту комнату до самыхъ мелочей. Много было ковровъ, горѣлъ красный фонарь, новое піанино блестяло, два окна съ красными занавѣсками—все было красное. Гдѣ-то играла музыка, ея не было видно, и мы съ вами танцовали... Нѣтъ, нѣтъ, только во снѣ можетъ быть такая сладкая, такая чувственная близость. Мы кружились быстро-быстро, но не касались ногами пола, а точно плавали въ воздухѣ и кружились, кружились, кружились. Ахъ, это продолжалось такъ долго и было такъ невыразимо чудно, пріятно... Слушайте, Ромочка, вы летаете во снѣ?

Ромашовъ не сразу отвѣтилъ. Онъ точно вступилъ въ странную, обольстительную, одновременно живую и волшебную сказку. Да сказкой и были: теплота и тьма этой весенней ночи и внимательныя притихшія деревья кругомъ, и странная, милая женщина въ бѣломъ платьѣ, сидѣвшая рядомъ, такъ близко отъ него. И, чтобы очнуться отъ этого обаянія, онъ долженъ былъ сдѣлать надъ собою усиліе.

— Конечно, летаю,—отвѣтилъ онъ.—Но только съ

каждымъ годомъ все ниже и ниже. Прежде, въ дѣтствѣ, я леталъ подь потолкомъ. Ужасно смѣшно было глядѣть на людей сверху: какъ будто они ходятъ вверху ногами. Они меня старались достать половой щеткой, но не могли. А я все летаю, и все смѣюсь. Теперь ужъ этого нѣтъ, теперь я только прыгаю,—сказалъ Ромашовъ со вздохомъ.—Оттолкнусь ногами и лечу надъ землей. Такъ, шаговъ двадцать—и низко, не выше аршина.

Шурочка совсѣмъ опустилась на землю, оперлась о нее локтемъ и положила на ладонь голову. Помолчавъ немного, она продолжала задумчиво:

— И вотъ послѣ этого сна, утромъ, мнѣ захотѣлось васъ видѣть. Ужасно, ужасно захотѣлось. Если бы вы не пришли, я не знаю, что бы я сдѣлала. Я бы, кажется, сама къ вамъ прибѣжала. Потому-то я и просила васъ придти не раньше четырехъ. Я боялась за самое себя. Дорогой мой, понимаете вы теперь меня?

Въ поларшинѣ отъ лица Ромашова лежали ея ноги, скрещенныя одна на другую, двѣ маленькія ножки въ низкихъ туфляхъ и въ черныхъ чулкахъ съ какимъ-то стрѣльчатымъ бѣлымъ узоромъ. Съ отуманенной головой, съ шумомъ въ ушахъ, Ромашовъ вдругъ крѣпко прижался зубами къ этому живому, упругому, холодному, сквозь чулокъ, тѣлу.

— Ромочка... Не надо,—услышалъ онъ надъ собой ея слабый, протяжный и точно лѣнивый голосъ.

Онъ поднялъ голову. И опять все ему показалось въ этотъ мигъ чудесной, таинственной лѣсной сказкой. Ровно подымалась по скату вверху роща съ темной травой и съ черными, рѣдкими, молчаливыми деревьями, которыя неподвижно и чутко прислушивались къ чему-то сквозь дремоту. А на самомъ верху, сквозь густую чащу верхушекъ и дальнихъ стволовъ, надъ ровной, высокой чертой горизонта рдѣла узкая полоса зари—не краснаго и не багроваго цвѣта, а темно-пурпурнаго,

необычайнаго, похожаго на угасающій уголь или на пламя, преломленное сквозь густое красное вино. И на этой горѣ, между черныхъ деревьевъ, въ темной пахучей травѣ, лежала, какъ отдыхающая лѣсная богиня, непонятная, прекрасная бѣлая женщина.

Ромашовъ подвинулся къ ней ближе. Ему казалось, что отъ лица ея идетъ блѣдное сіяніе. Глазъ ея не было видно—вмѣсто нихъ были два большихъ темныхъ пятна, но Ромашовъ чувствовалъ, что она смотритъ на него.

— Это сказка!—прошепталъ онъ тихо, однимъ движеніемъ рта.

— Да, милый, сказка...

Онъ сталъ цѣловать ея платье, отыскалъ ея руку и приникъ лицомъ къ узкой, теплой, душистой ладони и въ то же время онъ говорилъ задыхаясь, обрывающимся голосомъ:

— Саша... Я люблю васъ... Я люблю.

Теперь, поднявшись выше, онъ ясно видѣлъ ея глаза, которые стали огромными, черными и то суживались, то расширялись, и отъ этого причудливо мѣнялось въ темнотѣ все ея знакомо-незнакомое лицо. Онъ жадными, пересохшими губами искалъ ея рта, но она уклонялась отъ него, тихо качала головой и повторяла медленнымъ шопотомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Мой милый, нѣтъ...

— Дорогая моя... Какое счастье!.. Я люблю тебя...—твердилъ Ромашовъ въ какомъ-то блаженномъ бреду.— Я люблю тебя. Посмотри: эта ночь, и тишина, и никого, кромѣ насъ. О счастье мое, какъ я тебя люблю!

Но она говорила шопотомъ „нѣтъ, нѣтъ“, тяжело дыша, лежа всѣмъ тѣломъ на землѣ. Наконецъ, она заговорила еле слышнымъ голосомъ, точно съ трудомъ.

— Ромочка, зачѣмъ вы такой... слабый. Я не хочу скрывать, меня влечетъ къ вамъ, вы мнѣ милы всѣмъ: своей неловкостью, своей чистотой, своей нѣжностью. Я не скажу вамъ, что я васъ люблю, но я о васъ всегда

думаю, я вижу васъ во снѣ, я... чувствую васъ... Меня волнуетъ ваша близость и ваши прикосновенія. Но зачѣмъ вы такой жалкій! Вѣдь жалость—сестра презрѣнія. Подумайте: я не могу уважать васъ. О, если бы вы были сильный.—Она сняла съ головы Ромашова фуражку и стала потихоньку гладить и перебирать его мягкіе волосы.—Если бы вы могли завоевать себѣ большое имя, большое положеніе!..

— Я сдѣлаю, я сдѣлаю это!—тихо воскликнулъ Ромашовъ.—Будьте только моей. Идите ко мнѣ. Я всю жизнь...

Она перебила его съ ласковой и грустной улыбкой, которую онъ услышалъ въ ея тонѣ:

— Вѣрю, что вы хотите, голубчикъ, вѣрю, но вы ничего не сдѣлаете. Я знаю, что нѣтъ. О, если бы я хоть чуть-чуть надѣялась на васъ, я бросила бы все и пошла за вами. Ахъ, Ромочка, славный мой. Я слышала, какая-то легенда говорить, что богъ создалъ сначала всѣхъ людей цѣлыми, а потомъ почему-то разбилъ каждого на двѣ части и разбросалъ по свѣту. И вотъ ищутъ цѣлые вѣка одна половинка другую—и все не находятъ. Дорогой мой, вѣдь мы съ вами—эти двѣ половинки; у насъ все общее: и любимое, и нелюбимое, и мысли, и сны и желанія. Мы понимаемъ другъ друга съ полунамека, съ полуслова, даже безъ словъ, одной душою. И вотъ я должна отказаться отъ тебя. Ахъ, это уже второй разъ въ моей жизни.

— Да, я знаю.

— Онъ говорилъ тебѣ?—спросила Шурочка быстро.

— Нѣтъ, это вышло случайно. Я знаю.

Они замолчали: На небѣ дрожащими зелеными точечками загорались первыя звѣзды. Справа едва-едва доносились голоса, смѣхъ и чье-то пѣніе. Остальная часть роши, погруженная въ мягкій мракъ, была полна священной задумчивой тишиной. Костра отсюда не было видно, но изрѣдка по вершинамъ ближайшихъ дубовъ,

точно отблескъ дальней зарницы, мгновенно пробѣгаль красный, трепещущій свѣтъ. Шурочка тихо гладила голову и лицо Ромашова; когда же онъ находилъ губами ея руку, она сама прижимала ладонь къ его рту.

— Я своего мужа не люблю,—говорила она медленно, точно въ раздумьи.—Онъ грубъ, онъ нечутокъ, неделикатенъ. Ахъ—это стыдно говорить—но мы, женщины, никогда не забываемъ перваго насилія надъ нами. Потомъ, онъ такъ дико ревнивъ. Онъ до сихъ поръ мучитъ меня этимъ несчастнымъ Назанскимъ. Выпытываетъ каждую мелочь, дѣлаетъ такія чудовищныя предположенія, фу!.. Задаетъ мерзкіе вопросы. Господи! Это же былъ невинный, полудѣтскій романъ! Но онъ отъ одного его имени приходитъ въ бѣшенство.

Когда она говорила, ея голосъ поминутно вздрагивалъ, и вздрагивала ея рука, гладившая его голову

— Тебѣ холодно?—спросилъ Ромашовъ.

— Нѣтъ, милый, мнѣ хорошо,—сказала она кротко. И вдругъ съ неожиданной, неудержимой страстью она воскликнула:

— Ахъ, мнѣ такъ хорошо съ тобою, любовь моя!

Тогда онъ началъ робко, неувереннымъ тономъ, взявъ ея руку въ свою и тихонько прикасаясь къ ея тонкимъ пальцамъ:

— Скажи мнѣ... Прошу тебя. Ты вѣдь сама говоришь, что не любишь его... Зачѣмъ же вы вмѣстѣ?..

Но она рѣзко приподнялась съ земли, сѣла и нервно провела руками по лбу и по щекамъ, точно просыпаясь.

— Однако, поздно. Пойдемте. Еще начнутъ разыскивать, пожалуй,—сказала она другимъ, совершенно спокойнымъ голосомъ.

Они встали съ травы и стояли другъ противъ друга, молча, слыша дыханіе другъ друга, глядя въ глаза и не видя ихъ.

— Прощай!—вдругъ воскликнула она звенящимъ голосомъ.—Прощай, мое счастье, мое недолгое счастье!

Она обвила руками вокругъ его шеи и прижалась горячимъ влажнымъ ртомъ къ его губамъ и со сжатыми зубами, со стономъ страсти прильнула къ нему всѣмъ тѣломъ, отъ ногъ до груди. Ромашову почудилось, что черные стволы дубовъ покачнулись въ одну сторону, а земля поплыла въ другую, и что время остановилось.

Потомъ она съ усиленіемъ освободилась изъ его рукъ и сказала твердо:

— Прощай. Довольно. Теперь пойдемъ.

Ромашовъ упалъ передъ ней на траву, почти легъ, обнявъ ея ноги и сталъ цѣловать ея колѣни долгими, крѣпкими поцѣлуями.

— Саша, Сашенька!—лепеталъ онъ безсмысленно,— отчего ты не хочешь отдаться мнѣ? Отчего? Отдайся мнѣ!...

— Пойдемъ, пойдемъ, — торопила она его. — Да встаньте же, Георгій Алексѣевичъ. Насъ хватаютъ. Пойдемте.

Они пошли по тому направленію, гдѣ слышались голоса. У Ромашова подгибались и дрожали ноги и било въ виски. Онъ шатался на ходу.

— Я не хочу обмана,—говорила торопливо и еще задыхаясь Шурочка.—Впрочемъ, нѣтъ, я выше обмана, но я не хочу трусости. Въ обманѣ же—всегда трусость. Я тебѣ скажу правду: я мужу никогда не измѣняла и не измѣню ему до тѣхъ поръ, пока не брошу его почему-нибудь. Но его ласки и поцѣлуи для меня ужасны, они вселяютъ въ меня омерзѣніе. Послушай, я только сейчасъ,—нѣтъ, впрочемъ, еще раньше, когда ду мала о тебѣ, о твоихъ губахъ,—я только теперь поняла, какое невѣроятное наслажденіе, какое блаженство отдать себя любимому человѣку. Но я не хочу трусости, не хочу тайнаго воровства. И потомъ... подожди, нагнись ко мнѣ, милый, я скажу тебѣ на ухо, это стыдно... потомъ—я не хочу ребенка. Фу, какая га-

дость! Оберъ-офицерша, сорокъ восемь рублей жалованья, шестеро дѣтей, пеленки, нищета... О, какой ужась!

Ромашовъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Но вѣдь у васъ мужъ... Это же неизбѣжно, — сказалъ онъ нерѣшительно.

Шурочка громко размѣялась. Въ этомъ смѣхѣ было что-то инстинктивно неприятное, отъ чего пахнуло холодкомъ въ душу Ромашова.

— Ромочка... ой, ой, ой, какой же вы глу-у-пы-ый! — протянула она знакомымъ Ромашову тоненькимъ, дѣтскимъ голоскомъ. — Неужели вы этихъ вещей не понимаете? Нѣтъ, скажите правду — не понимаете?

Онъ растерянно пожалъ плечами. Ему стало какъ будто неловко за свою наивность.

— Извините... но я долженъ сознаться... честное слово...

— Ну, и Богъ съ вами, и не нужно. Какой вы чистый, милый Ромочка! Ну, такъ вотъ, когда вы вырастете, то вы навѣрно вспомните мои слова: что возможно съ мужемъ, то невозможно съ любимымъ человекомъ. Ахъ, да не думайте, пожалуйста, объ этомъ. Это гадко — но что же подѣлаешь.

Они подходили уже къ мѣсту пикника. Изъ-за деревьевъ было видно пламя костра. Корявые стволы, загоравшіе огонь, казались отлитыми изъ чернаго металла, и на ихъ бокахъ мерцалъ красный измѣнчивый свѣтъ.

— Ну, а если я возьму себя въ руки? — спросилъ Ромашовъ. — Если я достигну того же, чего хочеть твой мужъ, или еще большаго? Тогда?

Она прижалась крѣпко къ его плечу щекой и отвѣтила порывисто:

— Тогда — да. Да, да, да.

Они уже вышли на поляну. Сталъ виденъ весь костеръ и маленькія черныя фигуры людей вокругъ него.

— Ромочка, теперь послѣднее,—сказала Александра Петровна торопливо, но съ печалью и тревогой въ голосѣ. Я не хотѣла портить вамъ вечеръ и не говорила. Слушайте, вы не должны у насъ больше бывать.

Онъ остановился изумленный, растерянный.

— Почему же? О Саша!..

— Идемте, идемте... Я не знаю, кто это дѣлаетъ, но мужа осаждаютъ анонимными письмами. Онъ мнѣ не показывалъ, а только вскользь говорилъ объ этомъ. Пишутъ какую-то грязную, площадную гадость про меня и про васъ. Словомъ, прошу васъ, не ходите къ намъ.

— Саша!—умоляюще простоналъ Ромашовъ, протягивая къ ней руки.

— Ахъ, мнѣ это самой больно, мой милый, мой дорогой, мой нѣжный! Но это необходимо. Итакъ, слушайте: я боюсь, что онъ самъ будетъ говорить съ вами объ этомъ. Умоляю васъ, ради Бога, будьте сдержанны. Общайте мнѣ это.

— Хорошо,—произнесъ печально Ромашовъ.

— Ну, вотъ и все. Прощайте, мой бѣдный. Бѣдняжка! Дайте вашу руку. Сожмите крѣпко-крѣпко, такъ, чтобы мнѣ стало больно. Вотъ такъ... Ой!.. Теперь прощайте. Прощай, радость моя!

Не доходя костра, они разошлись. Шурочка пошла прямо вверхъ, а Ромашовъ снизу, обходомъ, вдоль рѣки. Преферансъ еще не окончился, но ихъ отсутствіе было замѣчено. По крайней мѣрѣ, Дицъ такъ нагло поглядѣлъ на подходящаго къ костру Ромашова и такъ неестественно-скверно кашлянулъ, что Ромашову захотѣлось запустить въ него горячей головешкой.

Потомъ онъ видѣлъ, какъ Николаевъ всталъ изъ-за картъ и, отведя Шурочку въ сторону, долго что-то ей говорилъ съ гнѣвными жестами и со злымъ ли-

цомъ. Она вдругъ выпрямилась и сказала ему нѣсколько словъ съ непередаваемымъ выраженіемъ негодованія и презрѣнія. И этотъ большой, сильный чело-вѣкъ вдругъ покорно съежился и отошелъ отъ нея съ видомъ укрощеннаго, но затаившаго злобу дикаго жи-вотнаго.

Вскорѣ пикникъ кончился. Ночь похолодѣла, и отъ рѣвки потянуло сыростью. Запасъ веселости давно истощился, и всѣ развѣзжались усталые, недовольные, не скрывая зѣвоты. Ромашовъ опять сидѣлъ въ эки-пажѣ противъ барышень Михиныхъ и всю дорогу молчалъ. Въ памяти его стояли черныя, спокойныя деревья и темная гора, и кровавая полоса зари надъ ея вершиной, и бѣлая фигура женщины, лежавшей въ темной, пахучей травѣ. Но все-таки сквозь искреннюю, глубокую и острую грусть, онъ время отъ времени думалъ про самого себя патетически:

„Его красивое лицо было подернуто облакомъ скорби“.

XV.

1-го мая полкъ выступилъ въ лагерь, который изъ года въ годъ находился въ одномъ и томъ же мѣствѣ, въ двухъ верстахъ отъ города, по ту сторону желѣзно-дорожнаго полотно. Младшіе офицеры, по положенію, должны были жить въ лагерное время около своихъ ротъ въ деревянныхъ баракахъ, но Ромашовъ остался на городской квартирѣ, потому что офицерское помѣ-щеніе 6-й роты пришло въ страшную ветхость и гро-зило разрушеніемъ, а на ремонтъ его не оказывалось нужныхъ суммъ. Приходилось дѣлать въ день лиш-нихъ четыре конца: на утреннее ученье, потомъ обратно въ собраніе—на обѣдъ, затѣмъ на вечернее ученье и послѣ него снова въ городъ. Это раздражало и уто-

мляло Ромашова. За первые полмѣсяца лагерей онъ похудѣлъ, почернѣлъ, и глаза у него ввалились.

Впрочемъ, и всѣмъ приходилось нелегко: и офицерамъ, и солдатамъ. Готовились къ майскому смотру и не знали ни пощады, ни усталости. Ротные командиры морили свои роты по два и по три лишнихъ часа на плацу. Во время учений со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ ротъ и взводовъ, слышались непрерывно звуки пощечинъ. Часто издали, шаговъ за двѣсти, Ромашовъ наблюдалъ, какъ какой-нибудь разсвирѣпѣвшій ротный принимался хлестать по лицамъ всѣхъ своихъ солдатъ поочередно, отъ лѣваго до праваго фланга. Сначала беззвучный взмахъ руки и—только спустя секунду—сухой трескъ удара и опять, и опять, и опять... Въ этомъ было много жуткаго и омерзительнаго. Унтеръ-офицеры жестоко били своихъ подчиненныхъ за ничтожную ошибку въ словесности, за потерянную ногу при маршировкѣ,—били въ кровь, выбивали зубы, разбивали ударами по уху барабанныя перепонки, валили кулаками на землю. Никому не приходило въ голову жаловаться: наступилъ какой-то общій чудовищный, зловѣщій кошмаръ; какой-то нелѣпый гипнозъ овладѣлъ полкомъ. И все это усугублялось страшной жарой. Май въ этомъ году былъ необыкновенно зноенъ.

У всѣхъ нервы напряглись до послѣдней степени. Въ офицерскомъ собраніи во время обѣдовъ и ужиновъ все чаще и чаще вспыхивали нелѣпые споры, безпричинныя обиды, ссоры. Солдаты осунулись и глядѣли идиотами. Въ рѣдкія минуты отдыха изъ палатокъ не слышалось ни шутокъ, ни смѣха. Однако, ихъ все-таки заставляли по вечерамъ, послѣ переклички, веселиться. И они, собравшись въ кружокъ, съ безучастными лицами равнодушно гаркали:

Для расейскаго солдата
Пули, бонбы ничего,

Съ ними онъ за панибрата,
Все бездѣлки для него.

А потомъ играли на гармоніи плясовую, и фельд-фебель командоваль:

— Грегорашъ, Скворцовъ, у кругъ! Пляши, сукины дѣти!..

Они плясали, но въ этой пляскѣ, какъ и въ пѣніи, было что-то деревянное, мертвое, отъ чего хотѣлось плакать.

Одной только 5-й ротѣ жилось легко и свободно. Выходила она на ученье часомъ позже другихъ, а уходила часомъ раньше. Люди въ ней были всѣ, какъ на подборъ, сытые, бойкіе, глядѣвшіе осмысленно и смѣло въ глаза всякому начальству; даже мундиры и рубахи сидѣли на нихъ какъ-то щеголеватѣе, чѣмъ въ другихъ ротахъ. Командоваль ею капитанъ Стельковскій, странный человѣкъ: холостякъ, довольно богатый для полка—онъ получалъ откуда-то ежемѣсячно около двухсотъ рублей,—очень независимаго характера, державшійся сухо, замкнуто и отдаленно съ товарищами, и, вдобавокъ, развратникъ. Онъ заманивалъ къ себѣ, въ качествѣ прислуги, молоденькихъ, часто несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ, изъ престопаго, и черезъ мѣсяць отпускалъ ихъ домой, по своему щедро наградивъ деньгами, и это продолжалось у него изъ года въ годъ съ непостижимой правильностью. Въ ротѣ у него не дрались и даже не ругались, хотя и не особенно нѣжничали, и все же его рота, по великолѣпному внѣшнему виду и по выучкѣ, не уступила бы любой гвардейской части. Въ высшей степени обладалъ онъ терпѣливой, хладнокровной и увѣренной настойчивостью и умѣлъ передавать ее своимъ унтеръ-офицерамъ. Того, чего достигали въ другихъ ротахъ посредствомъ битья, наказаній, оранья и суматохи въ недѣлю, онъ спокойно добивался въ одинъ день. При этомъ онъ скупно тратилъ слова и рѣдко возвышалъ

голосъ, но, когда говорилъ, то солдаты окаменѣвали. Товарищи относились къ нему непріязненно, солдаты же любили воистину: примѣръ, можетъ быть, единственный во всей русской арміи.

Наступило, наконецъ, 15-ое мая, когда, по распоряженію корпуснаго командира долженъ былъ состояться смотръ. Въ этотъ день во всѣхъ ротахъ, кромѣ пятой, унтеръ-офицеры подняли людей въ четыре часа. Несмотря на теплое утро, невыспавшіеся, зѣвавшіе солдаты дрожали въ своихъ коломянковыхъ рубахахъ. Въ радостномъ свѣтѣ розоваго, безоблачнаго утра ихъ лица казались сѣрыми, глянцевитыми и жалкими.

Въ шесть часовъ явились къ ротамъ офицеры. Общій сборъ полка былъ назначенъ въ 10 часовъ, но ни одному ротному командиру, за исключеніемъ Стельковскаго, не пришла въ голову мысль дать людямъ выспаться и отдохнуть передъ смотромъ. Наоборотъ, въ это утро особенно ревностно и суетливо вбивали имъ въ голову словесность и наставленія къ стрѣльбѣ, особенно густо висѣла въ воздухѣ скверная ругань, и чаще обыкновеннаго слышались толчки и зуботычины.

Въ девять часовъ роты стянулись на плацъ, шагахъ въ пятистахъ впереди лагеря. Тамъ уже стояли длинной прямой линіей, растянувшись на полверсты, шестнадцать ротныхъ желонеровъ съ разноцвѣтными флажками на ружьяхъ. Желонерный офицеръ поручикъ Ковако, одинъ изъ главныхъ героевъ нынѣшняго дня, верхомъ на лошади носился взадъ и впередъ вдоль этой линіи, выравнивая ее, скакалъ съ бѣшенымъ крикомъ, распустивъ поводья, съ шапкой на затылкѣ, весь мокрый и красный отъ старанія. Его шашка отчаянно билась о ребра лошади, а бѣлая, худая лошадь, вся усыпанная отъ старости гречкой и съ бѣльмомъ на правомъ глазу, судорожно вертѣла короткимъ

хвостомъ и издавала въ тактъ своему безобразному галопу рѣзкіе, отрывистые, какъ выстрѣлы, звуки. Сегодня отъ поручика Ковако зависѣло очень многое: по его желонерамъ должны были выстроиться въ безукоризненную нитку всѣ 16 ротъ полка.

Ровно въ безъ десяти минутъ десять вышла изъ лагеря 5-ая рота. Твердо, большимъ частымъ шагомъ, отъ котораго равномѣрно вздрагивала земля, прошли на глазахъ у всего полка эти сто человекъ, всѣ, какъ на подборъ, ловкіе, молодцоватые, прямые, всѣ со свѣжими, чисто вымытыми лицами, съ безкозырками, лихо надвинутыми на правое ухо. Капитанъ Стельковскій, маленькій, худощавый человекъ въ широчайшихъ шароварахъ, шелъ небрежно и не въ ногу, шагахъ въ пяти сбоку праваго фланга и, весело шурясь, наклоняя голову то на одинъ, то на другой бокъ, присматривался къ равненію. Батальонный командиръ, подполковникъ Лехъ, который, какъ и всѣ офицеры, находился съ утра въ нервномъ и безтолковомъ возбужденіи, налетѣлъ было на него съ крикомъ за поздній выходъ на плацъ, но Стельковскій хладнокровно вынулъ часы, посмотрѣлъ на нихъ и отвѣтилъ сухо, почти пренебрежительно:

— Въ приказѣ сказано собраться къ десяти. Теперь безъ трехъ минутъ десять. Я не считаю себя въ правѣ морить людей зря.

— Не разговарива-а-ать!—завопилъ Лехъ, махая руками и задерживая лошадь.—Прошу, гето, молчать, когда вамъ дѣлають замѣчанія по службѣ-ѣ!..

Но онъ все-таки понялъ, что былъ неправъ, и потому сейчасъ же отъѣхалъ и съ ожесточеніемъ набросился на 8-ую роту, въ которой офицеры провѣряли выкладку ранцевъ:

— Гет-то, что за безобразіе! Гето, базаръ устроили? Мелочную лавочку? Гето, на охоту ѣхать—собакъ кормить? О чемъ раньше думали! Одѣваться-а!

Въ четверть . одиннадцатаго стали выравнивать роты. Это было долгое, кропотливое и мучительное занятіе. Отъ желонера до желонера туго натянули на колышки длинныя веревки. Каждый солдатъ первой шеренги долженъ былъ непременно съ математической точностью коснуться веревки самыми кончиками носковъ—въ этомъ заключался особенный строевой шикъ. Но этого было еще мало; требовалось, чтобы въ створѣ развернутыхъ носковъ помѣщался ружейный прикладъ, и чтобы наклонъ всѣхъ солдатскихъ тѣлъ оказался одинаковымъ. И ротные командиры выходили изъ себя, крича: „Ивановъ, подай корпусъ впередъ! Сѣроштанъ, правое плечо доверни въ поле! Лѣвый носокъ назадъ! Еще!“...

Въ половинѣ одиннадцатаго пріѣхалъ полковой командиръ. Подъ нимъ былъ огромный, видный гнѣдой меринъ, весь въ темныхъ яблокахъ, всѣ четыре ноги бѣлыя до колѣнъ. Полковникъ Шульговичъ имѣлъ на лошади внушительный, почти величественный видъ и сидѣлъ прочно, хотя черезчуръ по пѣхотному, на слишкомъ короткихъ стременахъ. Привѣтствуя полкъ, онъ крикнулъ молодцовато, съ наиграннымъ веселымъ задоромъ:

— Здорово, красавцы-ы-ы!..

Ромашовъ вспомнилъ свой 4-ый взводъ и, въ особенности, хилую, младенческую фигуру Хлѣбникова, и не могъ удержаться отъ улыбки. Нечего сказать, хороши красавцы!

При звукахъ полковой музыки, игравшей встрѣчу, вынесли знамена. Началось томительное ожиданіе. Далеко впередъ, до самаго вокзала, откуда ждали корпуснаго командира, тянулась цѣпь махальныхъ, которые должны были сигналами предупредить о прибытіи начальства. Нѣсколько разъ поднималась ложная тревога. Пospѣшно выдергивались колышки съ веревками, полкъ выравнивался, подтягивался, зами-

ралъ въ ожиданіи, но проходило нѣсколько тяжелыхъ минутъ, и людямъ опять позволяли стоять вольно, только не измѣнять положеніе ступней. Впереди, шагахъ въ трехстахъ отъ строя, яркими, разноцвѣтными пятнами пестрѣли дамскія платья, зонтики и шляпки: тамъ стояли полковыя дамы, собравшіяся поглядѣть на парадъ. Ромашовъ зналъ отлично, что Шурочки нѣтъ въ этой свѣтлой, точно праздничной группѣ, но когда онъ глядѣлъ туда,—всякій разъ что-то холодѣло у него около сердца и хотѣлось часто дышать отъ страннаго, безпричиннаго волненія.

Вдругъ, точно вѣтеръ, пугливо пронеслось по рядамъ одно торопливое, короткое слово: „Ѣдетъ, Ѣдетъ!“ Всѣмъ какъ-то сразу стало ясно, что наступила важная, серьезная минута. Солдаты, съ утра задержанные и взвинченные общей нервностью, сами, безъ приказанія, суетливо выравнивались, одергивались и спокойно кашляли.

— Смирна! Желонеры, по мѣста-амъ! — скомандовалъ Шульговичъ.

Скосивъ глаза направо, Ромашовъ увидѣлъ далеко на самомъ краю поля небольшую тѣсную кучку маленькихъ всадниковъ, которые въ легкихъ клубахъ желтоватой пыли быстро приближались къ строю. Шульговичъ со строгимъ и вдохновеннымъ лицомъ отъѣхалъ отъ середины полка на разстояніе, по крайней мѣрѣ, вчетверо большее, чѣмъ требовалось. Щеголя тяжелой красотой приемовъ, поднимавъ кверху свою серебряную бороду, оглядывая черную, неподвижную массу полка грознымъ, радостнымъ и отчаяннымъ взглядомъ, онъ затынулъ голосомъ, покотившимся по всему полю.

— По-олкъ, слуш-а-ай! На крра-а а...

Онъ выдержалъ нарочно длинную паузу, точно наслаждаясь своей огромной властью надъ этими сотнями людей и желая продлить это мгновенное насла-

жденіе, и вдругъ, весь покраснѣвъ отъ усилія, съ напрягшимися на шеѣ жилами, гаркнулъ всей грудью:
— ...уль!..

Разъ-два! Всплеснули руки о ружейные ремни, брякнули затворы о бляхи поясовъ. Съ праваго фланга рѣзко, весело и отчетливо понеслись звуки встрѣчнаго марша. Точно шаловливья, смѣющіяся дѣти, побѣжали толпой рѣзвые флейты и кларнеты, съ побѣднымъ торжествомъ вскрикнули и запѣли высокія мѣдныя трубы, глухіе удары барабана торопили ихъ блестящей бѣгъ, и не поспѣвавшіе за нимъ тяжелые тромбоны ласково ворчали густыми, спокойными, бархатными голосами. На станціи длинно, тонко и чисто засвистѣлъ паровозъ, и этотъ новый мягкій звукъ, вплетаясь въ торжествующіе мѣдныя звуки оркестра, слился съ нимъ въ одну чудесную, радостную гармонію. Какая-то бодрая, смѣлая волна вдругъ подхватила Ромашова, легко и сладко поднимая его на себѣ. Съ проникновенной и веселой ясностью онъ сразу увидѣлъ и блѣдную отъ зноя голубизну неба, и золотой свѣтъ солнца, дрожавшій въ воздухѣ, и теплую зелень дальняго поля—точно онъ не замѣчалъ ихъ раньше—и вдругъ почувствовалъ себя молодымъ, сильнымъ, ловкимъ, гордымъ отъ сознанія, что и онъ принадлежитъ къ этой стройной, неподвижной, могучей массѣ людей, таинственно скованныхъ одной незримой волей...

Шульговичъ, держа обнаженную шашку у самаго лица, тяжелымъ галопомъ поскакалъ навстрѣчу...

Сквозь грубо-веселые, воинственные звуки музыки послышался спокойный круглый голосъ генерала:

— Здорово, первая рота!

Солдаты дружно, старательно и громко закричали. И опять на станціи свистнулъ паровозъ—на этотъ разъ отрывисто, коротко и точно съ задоромъ. Здороваясь поочередно съ ротами, корпусный командиръ медленно ѣхалъ по фронту. Уже Ромашовъ отчетливо видѣть

его грузную, оплывшую фигуру съ крупными поперечными складками кителя подъ грудью и на жирномъ животѣ, и большое квадратное лицо, обращенное къ солдатамъ, и щегольской съ красными вензелями вальтрапъ на видной сѣрой лошади, и костяныя колечки мартингала, и маленькую ногу въ низкомъ лакированномъ сапогѣ.

— Здорово, шестая!

Люди закричали вокругъ Ромашова преувеличенно громко, точно надрываясь отъ собственнаго крика. Генераль увѣренно и небрежно сидѣлъ на лошади, а она, съ налившимися кровью добрыми глазами, красиво выгнувъ шею, сочно похрустывая желѣзомъ мундштука во рту и роняя съ морды легкую бѣлую пѣну, шла частымъ, танцующимъ, гибкимъ шагомъ. „У него виски сѣдые, а усы черные, должно быть нафабреныя“,—мелькнула у Ромашова быстрая мысль.

Сквозь золотые очки, корпусный командиръ внимательно вглядывался своими темными, совсѣмъ молодыми, умными и насмѣшливыми глазами въ каждую пару впивавшихся въ него глазъ. Вотъ онъ поравнялся съ Ромашовымъ и приложилъ руку къ козырьку фуражки. Ромашовъ стоялъ, весь вытянувшись, съ напряженными мускулами ногъ, крѣпко, до боли стиснувъ эфесъ опущенной внизъ шашки. Преданный, счастливый восторгъ вдругъ холодкомъ пробѣжалъ по наружнымъ частямъ его рукъ и ногъ, покрывъ ихъ жесткими пупырышками. И, глядя неотступно въ лицо корпуснаго командира, онъ подумалъ про себя, по своей наивной дѣтской привычкѣ. „Глаза боевого генерала съ удовольствіемъ остановились на стройной, худощавой фигурѣ молодого подпоручика“.

Корпусный командиръ объѣхалъ такимъ образомъ поочередно всѣ роты, здороваясь съ каждой. Сзади него нестройной блестящей группой двигалась свита, около пятнадцати штабныхъ офицеровъ на прекрас-

ныхъ выхолощенныхъ лошадяхъ. Ромашовъ и на нихъ глядѣлъ тѣми же преданными глазами, но никто изъ свиты не обернулся на подпоручика: всѣ эти парады, встрѣчи съ музыкой, эти волненія маленькихъ пѣхотныхъ офицеровъ были для нихъ привычнымъ, давно наскучившимъ дѣломъ. И Ромашовъ со смутной завистью и недоброжелательствомъ почувствовалъ, что эти высокообранные люди живутъ какой-то особой, красивой, недосыгаемой для него, высшей жизнью.

Кто-то издали подаль музыкѣ знакъ перестать играть. Командиръ корпуса крупной рысью ѣхалъ отъ лѣваго фланга къ правому вдоль линіи полка, и за нимъ разнообразно волнующейся, пестрой, парадной вереницей растянулась его свита. Полковникъ Шульговичъ подскакалъ къ 1-й ротѣ. Затягивая поводья своему гнѣдому мерину, завалившись тучнымъ корпусомъ назадъ, онъ крикнулъ тѣмъ неестественно-свирѣпымъ, испуганнымъ и хриплымъ голосомъ, какимъ кричать на пожарахъ брендъ-майоры:

— Капитанъ Осадчій! Выводите роту-у. Жива-а!..

У полкового командира и у Осадчаго на всѣхъ ученьяхъ было постоянное, любовное соревнованіе въ голосахъ. И теперь даже въ 16-й ротѣ была слышна, щегольская металлическая команда Осадчаго:

— Рота, на плечо! Равненіе на середину, шагомъ маршъ!

У него въ ротѣ, путемъ долгаго, упорнаго труда былъ выработанъ при маршировкѣ особый, чрезвычайно рѣдкій и твердый шагъ, причемъ солдаты очень высоко поднимали ногу вверхъ и съ силою бросали ее на землю. Это выходило громко и внушительно и служило предметомъ зависти для другихъ ротныхъ командировъ.

Но не успѣла 1-ая рота сдѣлать и пятидесяти шаговъ, какъ раздался нетерпѣливый окрикъ корпуснаго командира:

— Это что такое? Остановите роту. Остановите! Ротный командиръ, пожалуйста ко мнѣ. Что вы тутъ показываете? Что это: похоронная процессія? факельцугъ? раздвижные солдатики? маршировка въ три темпа? Теперь, капитанъ, не николаевскія времена, когда служили по двадцати пяти лѣтъ. Сколько лишнихъ дней у васъ ушло на этотъ кордебалетъ! Драгоцѣнныхъ дней!

Осадчій стоялъ передъ нимъ высокій, неподвижный, сумрачный, съ опущенной внизъ обнаженной шашкой. Генераль помолчалъ немного и продолжалъ спокойнѣе, съ грустнымъ и насмѣшливымъ выраженіемъ:

— Небось, людей совсѣмъ задержали шагистикой? Эхъ вы, Аники воины. А спроси у васъ... да, вотъ, позвольте, какъ этого молодчика фамилія?

Генераль показалъ пальцемъ на второго отъ праваго фланга солдата.

— Игнатій Михайловъ, ваше превосходительство,—безучастнымъ, солдатскимъ деревяннымъ басомъ отвѣтилъ Осадчій.

— Хорошо-съ. А что вы о немъ знаете? Холостъ онъ? Женатъ? Есть у него дѣти? Можетъ быть, у него есть тамъ, у себя въ деревнѣ, какое-нибудь горе? бѣда? нуждишка? Что?

— Не могу знать, ваше превосходительство. Сто человѣкъ. Трудно запомнить.

— Трудно запомнить!—съ горечью повторилъ генераль.—Ахъ, господа, господа! Сказано въ писаніи: духа не угашайте, а вы что дѣлаете? Вѣдь эта самая святая, сѣрая скотинка, когда дѣло дойдетъ до боя, васъ своей грудью прикроетъ, вынесетъ васъ изъ огня на своихъ плечахъ, на морозѣ васъ своей шинелишкой дырявой прикроетъ, а вы—не могу знать!

И мгновенно раздражаясь, перебирая нервно и безъ нужды поводья, генераль закричалъ черезъ голову Осадчаго на полкового командира:

— Полковникъ, уберите эту роту. И смотрѣть не буду. Уберите, уберите сейчасъ же! Петрушки! Картонные паяцы! Чугунные мозги!

Съ этого и начался провалъ полка. Утомленіе и запуганность солдатъ, бессмысленная жестокость унтеръ-офицеровъ, бездушное, рутинное и халатное отношеніе офицеровъ къ службѣ—все это ясно, но позорно обнаружилось на смотре. Во второй ротѣ люди не знали „Отче нашъ“, въ третьей сами офицеры путались при разсыпномъ строѣ, въ четвертой съ какимъ-то солдатомъ во время ружейныхъ приемовъ сдѣлалось дурно. А, главное, ни въ одной ротѣ не имѣли понятія о приемахъ противъ неожиданныхъ кавалерійскихъ атакъ, хотя готовились къ нимъ и знали ихъ важность. Приемы эти были изобрѣтены и введены въ практику именно самимъ корпуснымъ командиромъ и заключались въ быстрыхъ перестроеніяхъ, требовавшихъ всякій разъ отъ начальниковъ находчивости, быстрой сообразительности и широкой личной инициативы. И на нихъ срывались поочередно всѣ роты, кромѣ пятой.

Посмотрѣвъ роту, генераль удалялъ изъ строя всѣхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и опрашивалъ людей: всѣмъ ли довольны, получаютъ ли все по положенію, нѣтъ ли жалобъ и претензій? Но солдаты дружно гаркали, что они „точно такъ, всѣмъ довольны“. Когда спрашивали 1-ую роту, Ромашовъ слышалъ, какъ сзади него фельдфебель его роты, Рында, говорилъ шипящимъ и угрожающимъ голосомъ:

— Вотъ, объяви мнѣ кто-нибудь претензію! Я ему потомъ такую объявлю претензію!

Зато тѣмъ великолѣпнѣе показала себя пятая рота. Молодцоватые, свѣжіе люди продѣлывали ротное ученіе такимъ легкимъ, бодрымъ и живымъ шагомъ, съ такой ловкостью и свободой, что, казалось, смотрѣть было для нихъ не страшнымъ экзаменомъ, а какой-то веселой и совсѣмъ не трудной забавой. Генераль еще хмурился,

но уже бросилъ имъ: „хорошо, ребята!“—это въ первый разъ за все время смотра.

Приемами противъ атакъ кавалеріи Стельковскій окончательно завоевалъ корпуснаго командира. Самъ генераль указывалъ ему противника внезапными, быстрыми фразами: „кавалерія справа, восемьсотъ шаговъ“, и Стельковскій, не теряясь ни на секунду, сейчасъ же точно и спокойно останавливалъ роту, поворачивалъ ее лицомъ къ воображаемому противнику, скачущему карьеромъ, смыкалъ, экономя время, взводы—головной съ колѣна, второй стоя,—назначалъ прицѣль, давалъ два или три воображаемыхъ залпа и, затѣмъ, командовалъ — „на руку!“ — „Отлично, братцы! Спасибо, молодцы!“—хвалилъ генераль.

Послѣ опроса, рота опять выстроилась развернутымъ строемъ. Но генераль медлилъ ее отпускать. Тихонько проѣзжая вдоль фронта онъ пытливо, съ особеннымъ интересомъ, вглядывался въ солдатскія лица, и тонкая, довольная улыбка свѣтилась сквозь очки въ его умныхъ глазахъ подъ тяжелыми, опухшими вѣками. Вдругъ онъ остановилъ коня и обернулся назадъ, къ начальнику своего штаба.

— Нѣтъ, вы поглядите-ка, полковникъ, каковы у нихъ морды! Пирогами вы ихъ, что ли, кормите, капитанъ? Послушай, эй ты, толсторожій,—указалъ онъ движеніемъ подбородка на одного солдата,—тебя Коваль звать?

— Тошно такъ, ваше превосходительство. Михайло Борійчукъ, — весело, съ довольной дѣтской улыбкой крикнулъ солдатъ.

— Ишь ты, а я думалъ Коваль. Ну, значить, ошибся, — пошутилъ генераль.—Ничего не подѣлаешь. Не удалось...—прибавилъ онъ веселую циничную фразу.

Лицо солдата совсѣмъ расплылось въ глупой и радостной улыбкѣ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство,—крик-

нуль онъ еще громче.—Такъ что у себя въ деревнѣ занимался кузнечнымъ мастерствомъ. Ковалемъ былъ.

— А, вотъ видишь!—Генераль дружелюбно кивнулъ головой. Онъ гордился своимъ знаніемъ солдата.— Что, капитанъ, онъ у васъ хорошій солдатъ?

— Очень хорошій. У меня они всѣ хороши,—отвѣтилъ Стельковскій своимъ обычнымъ самоувѣреннымъ тономъ.

Брови генерала сердито дрогнули, но губы улыбнулись, и отъ этого все его лицо стало добрымъ и старчески-милымъ.

— Ну, это вы, капитанъ, кажется, того... Есть же штрафованные?

— Ни одного, ваше превосходительство. Пятый годъ ни одного.

Генераль грузно нагнулся на сѣдлѣ и протянулъ Стельковскому свою пухлую руку въ бѣлой незастегнутой перчаткѣ.

— Спасибо вамъ великое, родной мой,—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, и его глаза вдругъ заблестѣли слезами. Онъ, какъ и многіе чудаковатые боевые генералы, любилъ иногда поплакать.—Спасибо, утѣшили старика. Спасибо, богатыри!—энергично крикнулъ онъ ротѣ.

Благодаря хорошему впечатлѣнію, оставленному Стельковскимъ, смотръ и 6-й роты прошелъ сравнительно благополучно. Генераль не хвалилъ, но и не бранился. Однако, и 6-ая рота осрамилась, когда солдаты стали колоть соломенные чучела, вшитыя въ деревянные рамы.

— Не такъ, не такъ, не такъ, не такъ!—горячился корпусный командиръ, дергаясь на сѣдлѣ.—Совсѣмъ не такъ! Братцы, слушай меня. Коли отъ сердца, въ самую середку, штыкъ до трубки. Разсердись! Ты не хлѣбъ въ печку сажаешь, а врага колешь...

Прочія роты проваливались одна за другой. Корпусе-

ный командиръ даже пересталъ волноваться и дѣлать свои характерныя, хлесткія замѣчанія и сидѣлъ на лошади молчаливый, сгорбленный, со скучающимъ лицомъ. Пятнадцатую и шестнадцатую роты онъ и совсѣмъ не сталъ смотрѣть, а только сказалъ съ отвращеніемъ, устало махнувъ рукой:

— Ну, это... недоноски какіе-то.

Остался церемоніальный маршъ. Весь полкъ свели въ тѣсную, сомкнутую колонну, пополуротно. Опять выскочили впередъ желонеры и вытянулись противъ праваго фланга, обозначая линію движенія. Становилось невыносимо жарко. Люди изнемогали отъ духоты и отъ тяжелыхъ испареній собственныхъ тѣлъ, скученныхъ въ маломъ пространствѣ, отъ запаха сапогъ, махорки, грязной человѣческой кожи и перевареннаго желудкомъ чернаго хлѣба.

Но передъ церемоніальнымъ маршемъ всѣ ободрились. Офицеры почти упрашивали солдатъ: „братцы, вы ужъ постарайтесь пройти молодцами передъ корпуснымъ. Не осрамите“. И въ этомъ обращеніи начальниковъ съ подчиненными проскальзывало теперь что-то заискивающее, неувѣренное и виноватое. Какъ будто гнѣвъ такой недосыгаемо-высокой особы, какъ корпусный командиръ, вдругъ придавилъ общей тяжестью и офицера и солдата, обезличилъ и уравнивалъ ихъ, и сдѣлалъ въ одинаковой степени испуганными, растерянными и жалкими.

— Полкъ, смирррна-а... Музыканты, на линію-у!-- донеслась издали команда Шульговича.

И всѣ полторы тысячи человѣкъ на секунду зашевелились съ глухимъ, торопливымъ ропотомъ, и вдругъ неподвижно затихли, нервно и сторожко вытянувшись.

Шульговича не было видно. Опять докатился его зычный, разливающийся голосъ:

— Полкъ, на плечо-о-о!..

Четверо батальонныхъ командировъ, повернувшись

на лошадяхъ къ своимъ частямъ, скомандовали въ разбродъ:

— Батальонъ, на пле!..

И напряженно впились глазами въ полкового командира.

Гдѣ-то далеко впереди полка сверкнула въ воздухъ и опустилась внизъ пашка. Это былъ сигналъ для общей команды, и четверо батальонныхъ командировъ разомъ вскрикнули:

— Чо!

Полкъ съ глухимъ дребезгомъ нестройно вскинулъ ружья. Гдѣ-то залязгали штыки.

Тогда Шульговичъ, преувеличенно растягивая слова, торжественно, сурово, радостно и громко, во всю мочь своихъ огромныхъ легкихъ, скомандовалъ:

— Къ це-ре-мо-ні-аль-но-му маршу-у!..

Теперь уже всѣ шестнадцать ротныхъ командировъ, невпопадъ и фальшиво разными голосами запѣли:

— Къ церемоніальному маршу!

И гдѣ-то, въ хвостъ колонны, одинъ отставшій ротный крикнулъ уже послѣ другихъ, заплетающимся и стыдливымъ голосомъ, не договаривая команды:

— Ко церіальному... И тотчасъ же робко оборвался.

— По по-лу-ротна-а!—раскатился Шульговичъ.

-- По полуротно!—тотчасъ же подхватили ротные.

— На двух-зво-одную дистанцію-у! — заливался Шульговичъ.

— На двухзводную дистанцію!..

-- Ра-вненіе на-права-а!

— Равненіе направо!—повторило многоголосое пестрое эхо.

Шульговичъ выждалъ двѣ-три секунды и отрывисто бросилъ:

— Первая полурота—шагомъ!

Глухо доносясь сквозь плотные ряды, низко стелясь

по самой землѣ, раздалась впереди густая команда Осадчаго:

— Первая полурота. Равненіе направо. Шагомъ... Аршъ!

Дружно загрохотали впереди полковые барабанщики.

Видно было сзади, какъ отъ наклоннаго лѣса штыковъ отдѣлилась правильная длинная линія и равномерно закачалась въ воздухѣ.

— Вторая полурота, прямо!—услышалъ Ромашовъ высокій бабій голосъ Арчаковского.

И другая линія штыковъ, уходя, заколебалась. Звукъ барабановъ становился тупѣе и тише, точно онъ опускался внизъ подъ землю, и вдругъ на него налетѣла, смявъ и поваливъ его, веселая, сіяющая, рѣзко красивая волна оркестра. Это подхватила темпъ полковая музыка, и весь полкъ сразу ожилъ и подтянулся: головы поднялись выше, выпрямились стройнѣе тѣла, прояснились сѣрыя, усталыя лица.

Одна за другой отходили полуроты, и съ каждымъ разомъ все ярче, возбужденнѣй и радостнѣй становились звуки полкового марша. Вотъ отхлынула послѣдняя полурота перваго батальона. Подполковникъ Лехъ двинулся впередъ на костлявой вороной лошади, въ сопровожденіи Олизара. У обоихъ пашки „подвысь“ съ кистью руки на уровнѣ лица. Слышна спокойная и, какъ всегда, небрежная команда Стельковского. Высоко надъ штыками плавно заходило древно знамени. Капитанъ Слива вышелъ впередъ — сгорбленный, обрюзгшій, оглядывая строй водянистыми выпученными глазами, длиннорукій, похожій на большую, старую, скучную обезьяну.

— П-первая полурота... п-прямо!

Легкимъ и лихимъ шагомъ выходитъ Ромашовъ передъ середину своей полуроты. Что-то блаженное, красивое и гордое растеть въ его душѣ. Быстро сколь-

зить онъ глазами по лицамъ первой шеренги. „Старый рубака обвелъ своихъ ветерановъ соколинымъ взоромъ“,—мелькаетъ у него въ головѣ пышная фраза, въ то время, когда онъ самъ тянетъ лихо, нараспѣвъ:

— Втор-ая полуро-ота-а...

„Разъ, два!—считаетъ Ромашовъ мысленно и держитъ тактъ одними носками сапогъ.—Нужно подь лѣвую ногу. Лѣвой, правой“. И съ счастливымъ лицомъ, забросивъ назадъ голову, онъ выкрикиваетъ высокимъ, звенящимъ на все поле теноромъ:

— Пряма!

И уже повернувшись, точно на пружинѣ, на одной ногѣ, онъ, не оборачиваясь назадъ, добавляетъ пѣвуче и двумя тонами ниже:

— Ра-авне-еніе направа-а.

Красота момента опьяняетъ его. На секунду ему кажется, что это—музыка обдаетъ его волнами такого жгучаго, ослѣпительнаго свѣта, и что мѣдныя, ликующіе крики падаютъ сверху, съ неба, изъ солнца. Какъ и давеча, при встрѣчѣ,—сладкій, дрожащій холодъ бѣжитъ по его тѣлу и дѣлаетъ кожу жесткой, и приподымаетъ и шевелить волосы на головѣ.

Дружно, въ тактъ музыкѣ, закричала 5-ая рота, отвѣчая на похвалу генерала. Освобожденные отъ живой преграды изъ человѣческихъ тѣлъ, точно радуясь свободѣ, громче и веселѣе побѣжали навстрѣчу Ромашову яркіе звуки марша. Теперь подпоручикъ совсѣмъ отчетливо видитъ впереди и справа отъ себя грузную фигуру генерала на сѣрой лошади, неподвижную свиту сзади него, а еще дальше разноцвѣтную группу дамскихъ платьевъ, которыя въ ослѣпительномъ полуденномъ свѣтѣ кажутся какими-то сказочными горящими цвѣтами. А слѣва блестятъ золотыя поющія трубы оркестра, и Ромашовъ чувствуетъ, что между генераломъ и музыкой протянулась невидимая волшебная нить, которую и радостно и жутко перейти.

Но первая полурота уже вступила въ эту черту. — Хорошо, ребята! — слышится довольный голосъ корпуснаго командира. — А-а-а-а! — подхватываютъ солдаты высокими счастливыми голосами. Еще громче вырываются впередъ звуки музыки. „О милый! — съ умиленіемъ думаетъ Ромашовъ о генералѣ. — Умница!“

Теперь Ромашовъ одинъ. Плавно и упруго, едва касаясь ногами земли, приближается онъ къ завѣтной чертѣ. Голова его дерзко закинута назадъ и съ гордымъ вызовомъ оборочена влѣво. Во всемъ тѣлѣ у него такое ощущеніе легкости и свободы, точно онъ получилъ неожиданную способность летать. И, сознавая себя предметомъ общаго восхищенія, прекраснымъ центромъ всего міра, онъ говоритъ самъ себѣ въ какомъ-то радужномъ восторженномъ снѣ:

— Посмотрите, посмотрите, — это идетъ Ромашовъ. Глаза дамъ сверкали восторгомъ. Разъ, два, лѣвой!.. Впереди полуроты граціозной походкой шель красивый молодой подпоручикъ. Лѣвой, правой!.. „Полковникъ Шульговичъ, вашъ Ромашовъ — одна прелесть, — сказалъ корпусный командиръ, — я бы хотѣлъ имѣть его своимъ адъютантомъ“. Лѣвой...

Еще секунда, еще мгновеніе, и Ромашовъ пересѣкаетъ очарованную нить. Музыка звучитъ безумнымъ героическимъ, огненнымъ торжествомъ. „Сейчасъ похвалить, — думаетъ Ромашовъ, и душа его полна праздничнымъ сіяніемъ. Слышенъ голосъ корпуснаго командира, вотъ голосъ Шульговича, еще чьи-то голоса... — Конечно, генераль похвалилъ, но отчего же солдаты не отвѣчали? Кто-то кричитъ сзади, изъ рядовъ... Что случилось?“

Ромашовъ обернулся назадъ и поблѣднѣлъ. Вся его полурота вмѣсто двухъ прямыхъ стройныхъ линій представляла изъ себя безобразную, изломанную по всѣмъ направленіямъ стѣснившуюся, какъ овечье стадо, толпу. Это случилось оттого, что подпоручикъ, упоенный своимъ восторгомъ и своими пылкими мечтами, самъ не

замѣтилъ того, какъ, шагъ за шагомъ, передвигался отъ середины вправо, насѣдая въ то же время на полуроту и, наконецъ, очутился на ея правомъ флангѣ, смявъ и разстроивъ общее движеніе. Все это Ромашовъ увидѣлъ и понялъ въ одно короткое, какъ мысль, мгновеніе, такъ же какъ увидѣлъ и рядового Хлѣбникова, который ковылялъ одинъ, шагахъ въ двадцати за строемъ, какъ разъ на глазахъ генерала. Онъ упалъ на ходу и теперь, весь въ пыли, догонялъ свою полуроту, низко согнувшись подъ тяжестью аммуниціи, точно бѣжа на четверенькахъ, держа въ одной рукѣ ружье за середину, а другой рукой безпомощно вытирая носъ.

Ромашову вдругъ показалось, что сіяющій майскій день сразу потемнѣлъ, что на его плечи легла мертвая, чужая тяжесть, похожая на песчаную гору, и что музыка заиграла скучно и глухо. И самъ онъ почувствовалъ себя маленькимъ, слабымъ, некрасивымъ, съ вялыми движеніями, съ грузными, неловкими, заплетающимися ногами.

Къ нему уже летѣлъ карьеромъ полковой адъютантъ. Лицо Федоровскаго было красно и перекошено злостью, нижняя челюсть прыгала. Онъ задыхался отъ гнѣва и отъ быстрой скачки. Еще издали онъ началъ яростно кричать, захлебываясь и давясь словами:

— Подпоручикъ... Ромашовъ!.. Командиръ полка объявляетъ вамъ... строжайшій выговоръ... На семь дней... на гауптвахту... въ штабъ дивизіи... Безобразіе, скандалъ. Весь полкъ о и!.. Мальчишка!

Ромашовъ не отвѣчалъ ему, даже не повернулъ къ нему головы. Что-жъ, конечно, онъ имѣетъ право браниться! Вотъ и солдаты слышали, какъ адъютантъ кричалъ на него. „Ну, что-жъ, и пускай слышали, такъ мнѣ и надо, и пускай,—съ острой ненавистью къ самому себѣ подумалъ Ромашовъ.—Все теперь пропало для меня. Я застрѣлюсь. Я опозоренъ навѣки. Все, все пропало для меня. Я смѣшной, я маленькій, у меня

блѣдное, некрасивое лицо, какое-то нелѣпное лицо, противнѣ всѣхъ лицъ на свѣтѣ. Все пропало! Солдаты идутъ сзади меня, смотря на мнѣ въ спину и смѣются, и подталкиваютъ другъ друга локтями. А, можетъ быть, жалѣютъ меня? Нѣтъ, я непременно, непременно застрѣлюсь!“

Полуроты, отходя довольно далеко отъ корпуснаго командира, одна за другой заворачивали лѣвымъ плечомъ и возвращались на прежнее мѣсто, откуда онѣ начали движеніе. Тутъ ихъ перестраивали въ развернутый ротный строй. Пока подходили заднія части, людямъ позволили стоять вольно, а офицеры сошли съ своихъ мѣстъ, чтобы размяться и покурить изъ рукава. Одинъ Ромашовъ оставался въ серединѣ фронта, на правомъ флангѣ своей полуроты. Концомъ обнаженной пашки онъ сосредоточенно ковырялъ землю у своихъ ногъ, и хотя не подымалъ опущенной головы, но чувствовалъ, что со всѣхъ сторонъ на него устремлены любопытные, насмѣшливые и презрительные взгляды.

Капитанъ Слива прошелъ мимо Ромашова и, не останавливаясь, не глядя на него, точно разговаривая самъ съ собой, проворчалъ хрипло, со сдержанной злобой, сквозь сжатые зубы:

— С-сегодня же из-звольте подать рапортъ о п-переводѣ въ д-другую роту.

Потомъ подошелъ Вѣткинъ. Въ его свѣтлыхъ добрыхъ глазахъ и въ углахъ опустившихся губъ Ромашовъ прочелъ то брезгливое и жалостливое выраженіе, съ какимъ люди смотрятъ на раздавленную поѣздомъ собаку. И въ то же время самъ Ромашовъ съ отвращеніемъ почувствовалъ у себя на лицѣ какую-то бессмысленную тусклую улыбку.

— Пойдемъ, покуримъ, Юрій Алексѣичъ,—сказалъ Вѣткинъ. И, чмокнувъ языкомъ и качнувъ головой, онъ прибавилъ съ досадой:

— Эхъ, голубчикъ!..

У Ромашова затряся подбородокъ, а въ гортани стало горько и тѣсно. Едва удерживаясь отъ рыданій, онъ отвѣтилъ обрывающимся, задушеннымъ голосомъ обиженнаго ребенка:

— Нѣтъ ужъ... что ужъ тутъ... я не хочу.

Вѣткинъ отошелъ въ сторону. „Вотъ возьму сейчасъ, подойду и ударю Сливу по щекъ,—мелькнула у Ромашова ни съ того, ни съ сего отчаянная мысль.— Или подойду къ корпусному и скажу: стыдно тебѣ, старому человѣку, играть въ солдатики и мучить людей. Отпусти ихъ отдохнуть. Изъ-за тебя двѣ недѣли били солдатъ“.

Но вдругъ ему вспомнились его недавнія горделивыя мечты о стройномъ красавцѣ-подпоручикѣ, о дамскомъ восторгѣ, объ удовольствіи въ глазахъ боевого генерала—и ему стало такъ стыдно, что онъ мгновенно покраснѣлъ не только лицомъ, но даже грудью и спиной.

— Ты смѣшной, презрѣнный, гадкій человѣкъ!—крикнулъ онъ самому себѣ мысленно.— Знайте же всѣ, что я сегодня застрѣлюсь!

Смотръ кончался. Роты еще нѣсколько разъ продефилировали передъ корпуснымъ командиромъ: сначала по-ротно шагомъ, потомъ бѣгомъ, затѣмъ сомкнутой колонной съ ружьями на перевѣсъ. Генераль какъ будто смягчился немного и нѣсколько разъ похвалилъ солдатъ. Было уже около четырехъ часовъ. Наконецъ, полкъ остановили и приказали людямъ стоять вольно. Штабъ-горнисть затрубилъ „вызовъ начальниковъ“.

— Господа офицеры, къ корпусному командиру!— пронеслось по рядамъ.

Офицеры вышли изъ строя и сплошнымъ кольцомъ окружили корпуснаго командира. Онъ сидѣлъ на лошади, сгорбившись, опустившись, повидимому сильно утомленный, но его умные прищуренные, опухшіе глаза живо и насмѣшливо глядѣли сквозь золотые очки.

— Буду кратко, — заговорилъ онъ отрывисто и въско.— Полкъ никуда не годенъ. Солдатъ не браню, обвиняя начальниковъ. Кучеръ плохъ — и лошади не везутъ. Не вижу въ васъ сердца, пониманія разумной заботы о людяхъ. Помните твердо: „блаженъ, иже душу свою положитъ за други с: оя“. А у васъ одна мысль — лишь бы угодить на смотру начальству. Людей завертѣли, какъ извощичьихъ лошадей. Офицеры имѣютъ запущенный и дикій видъ, какіе-то дьячки въ мундирахъ. Впрочемъ, объ этомъ прочтете въ моемъ приказѣ. Одинъ прапорщикъ, кажется 6-й или 7-й роты, потерялъ равненіе и сдѣлалъ изъ роты кашу. Стыдно. Не требую шагистики въ три темпа, но глазомѣръ и спокойствіе прежде всего.

— Обо мнѣ! — съ ужасомъ подумалъ Ромашовъ, и ему показалось, что всѣ стоящіе здѣсь одновременно обернулись на него. Но никто не пошевелился. Всѣ стояли молчаливые, понурые и неподвижные, не сводя глазъ съ лица генерала.

— Командиру 5-й роты мое горячее спасибо! — продолжалъ корпусный командиръ. — Гдѣ вы, капитанъ? А, вотъ! — Генералъ нѣсколько театрально, двумя руками поднялъ надъ головой фуражку, обнаживъ лысый мощный черепъ, сходящійся шишкой надъ лбомъ, и низко поклонился Стельковскому. — Еще разъ благодарю васъ и съ удовольствіемъ жму вашу руку. Если приведетъ Богъ драться моему корпусу подъ моимъ начальствомъ, — глаза генерала заморгали и засвѣтились слезами, — то, помните, капитанъ, первое опасное дѣло поручу вамъ. А теперь, господа, мое почтеніе-съ. Вы свободны, радъ буду видѣть васъ въ другой разъ, но въ другомъ порядкѣ. Позвольте-ка дорогу коню.

— Ваше превосходительство, — выступилъ впередъ Шульговичъ, — осмѣлюсь предложить отъ имени общества господъ офицеровъ отобѣдать въ нашемъ собраніи. Мы будемъ...

— Нѣтъ, ужъ зачѣмъ!— сухо оборвалъ его генераль.— Премного благодаренъ, я приглашенъ сегодня къ графу Ледоховскому.

Сквозь широкую дорогу, очищенную офицерами, онъ галопомъ поскакалъ къ полку. Люди сами, безъ приказанія, встрепенулись, вытянулись и затихли.

— Спасибо, Н-цы!— твердо и привѣтливо крикнулъ генераль.— Даю вамъ два дня отдыха. А теперь...— онъ весело возвысилъ голосъ.— По палаткамъ бѣгомъ маршъ! Ура!

Казалось, онъ этимъ короткимъ крикомъ сразу толкнулъ весь полкъ. Съ оглушительнымъ радостнымъ ревомъ кинулись полторы тысячи людей въ разныя стороны, и земля затряслась и загудѣла подъ ихъ ногами.

Ромашовъ отдѣлился отъ офицеровъ, толпою возвращавшихся въ городъ, и пошелъ дальней дорогой, черезъ лагерь. Онъ чувствовалъ себя въ эти минуты какимъ-то жалкимъ отщепенцемъ, выброшеннымъ изъ полковой семьи, какимъ-то непріятнымъ, чуждымъ для всѣхъ человѣкомъ и даже не взрослымъ человѣкомъ, а противнымъ, порочнымъ и уродливымъ мальчишкой.

Когда онъ проходилъ сзади палатокъ своей роты, по офицерской линіи, то чей-то сдавленный, но гнѣвный крикъ привлекъ его вниманіе. Онъ остановился на минутку и въ просвѣтѣ между палатками увидѣлъ своего фельдфебеля Рынду, маленькаго, краснолицаго, апоплексическаго крѣпыша, который, неистово и скверно ругаясь, билъ кулаками по лицу Хлѣбникова. У Хлѣбникова было темное, глупое, растерянное лицо, а въ бессмысленныхъ глазахъ свѣтился животный ужасъ. Голова его жалко моталась изъ одной стороны въ другую, и слышно было, какъ при каждомъ ударѣ громко клацали другъ о друга его челюсти.

Ромашовъ торопливо, почти бѣгомъ, прошелъ мимо. У него не было силъ заступиться за Хлѣбникова. И

въ то же время онъ болѣзненно почувствовалъ, что его собственная судьба и судьба этого несчастнаго, забитаго, замученнаго солдатика какъ-то странно, родственно-близко и противно сплелись за нынѣшній день. Точно они были двое калѣкъ, страдающихъ одной и той же болѣзнью и возбуждающихъ въ людяхъ одну и ту же брезгливость. И хотя это сознание одинаковости положеній и внушало Ромашову колючій стыдъ и отвращеніе, но въ немъ было также что-то необычайное, глубокое, истинно-человѣческое.

XVI.

Изъ лагеря въ городъ вела только одна дорога — черезъ полотно желѣзной дороги, которое въ этомъ мѣстѣ проходило въ крутой и глубокой выемкѣ. Ромашовъ по узкой, плотно утопанной, почти отвѣсной тропинкѣ быстро сбѣжалъ внизъ и сталъ съ трудомъ взбираться по другому откосу. Еще съ середины подъема онъ замѣтилъ, что кто-то стоитъ наверху въ кителѣ и въ шинели въ накидку. Остановившись на нѣсколько секундъ и прищурившись, онъ узналъ Николаева.

— Сейчасъ будетъ самое непріятное! — подумалъ Ромашовъ. Сердце у него тоскливо заняло отъ тревожнаго предчувствія. Но онъ все-таки покорно подымался кверху.

Офицеры не видались около пяти дней, но теперь они почему-то не поздоровались при встрѣчѣ, и почему-то Ромашовъ не нашелъ въ этомъ ничего необыкновеннаго — точно иначе и не могло случиться въ этотъ тяжелый, странный день. Ни одинъ изъ нихъ даже не прикоснулся рукой къ фуражкѣ.

— Я нарочно ждалъ васъ здѣсь, Юрій Алексѣичъ, — сказалъ Николаевъ, глядя куда-то вдаль, на лагерь, черезъ плечо Ромашова.

— Къ вашимъ услугамъ, Владиміръ Ефимычъ,— отвѣтилъ Ромашовъ съ фальшивой развязностью, но дрогнувшимъ голосомъ. Онъ нагнулся, сорвалъ прошлогоднюю, сухую, коричневую былинку и сталъ разсѣянно ее жевать. Въ то же время онъ пристально глядѣлъ, какъ въ пуговицахъ на пальто Николаева отражалась его собственная фигура, съ узкой маленькой головкой и крошечными ножками, но безобразно раздутая въ бокахъ.

— Я васъ не задержу, мнѣ только два слова,— сказалъ Николаевъ. Онъ произносилъ слова особенно мягко, съ усиленной вѣжливостью вспыльчиваго и разсерженнаго человѣка, рѣшившаго быть сдержаннымъ. Но такъ какъ разговаривать, избѣгая другъ друга глазами, становилось съ каждой секундой все болѣе неловко, то Ромашовъ предложилъ вопросительно:

— Такъ, пойдете?

Извилистая стѣжка, протоптанная пѣшеходами, пересѣкала большое свекловичное поле. Вдали виднѣлись бѣлые домики и красныя черепичатыя крыши города. Офицеры пошли рядомъ, сторонясь другъ отъ друга и ступая по мясистой, густой, хрустѣвшей подъ ногами зелени. Нѣкоторое время оба молчали. Наконецъ, Николаевъ, переведя широко и громко, съ видимымъ трудомъ, дыханіе, заговорилъ первый:

— Я прежде всего долженъ поставить вопросъ: относитесь ли вы съ должнымъ уваженіемъ къ моей женѣ... къ Александрѣ Петровнѣ?

— Я не понимаю, Владиміръ Ефимовичъ...— возразилъ Ромашовъ.— Я съ своей стороны тоже долженъ спросить васъ...

— Позвольте! — вдругъ загорячился Николаевъ. — Будемъ спрашивать поочередно, сначала я, а потомъ вы. А иначе мы не столкнемся. Будемте говорить прямо и откровенно. Отвѣйте мнѣ прежде всего: интересуетсяъ васъ хоть сколько-нибудь то, что о ней говорятъ и

сплетничаютъ? Ну, словомъ... чортъ!.. ея репутація? Нѣтъ, нѣтъ, подождите, не перебивайте меня... Вѣдь вы, надѣюсь, не будете отрицать того, что вы отъ нея и отъ меня не видѣли ничего, кромѣ хорошаго, и что вы были въ нашемъ домѣ приняты, какъ близкіи, свой человѣкъ, почти какъ родной.

Ромашовъ оступился въ рыхлую землю, неуклюже споткнулся и пробормоталъ стыдливо:

— Повѣрьте, я всегда буду благодаренъ вамъ и Александрѣ Петровнѣ...

— Ахъ, нѣтъ, вовсе не въ этомъ дѣло, вовсе не въ этомъ. Я не ишу вашей благодарности, — разсердился Николаевъ. — Я хочу сказать только то, что моей жены коснулась грязная, лживая сплетня, которая... ну, то есть, въ которую... — Николаевъ часто задышалъ и вытеръ лицо платкомъ. — Ну, словомъ, здѣсь замѣшаны и вы. Мы оба—я и она—мы получаемъ чуть ли не каждый день какія-то подлые, хамскія анонимныя письма. Не стану вамъ ихъ показывать... мнѣ омерзительно это. И вотъ въ этихъ письмахъ говорится... — Николаевъ замаялся на секунду. — Ну, да, чортъ!.. говорится о томъ, что вы—любовникъ Александры Петровны, и что... ухъ, какая подлость!.. ну, и такъ далѣе... что у васъ ежедневно происходятъ какія-то тайныя свиданія, и будто бы весь полкъ объ этомъ знаетъ. Мерзость!

Онъ злобно заскрипѣлъ зубами и сплюнулъ.

— Я знаю, кто писалъ, — тихо сказалъ Ромашовъ, отворачиваясь въ сторону.

— Знаете?—Николаевъ остановился и грубо схватилъ Ромашова за рукавъ. Видно было, что внезапный порывъ гнѣва сразу разбилъ его искусственную сдержанность. Его воловьи глаза расширились, лицо налилось кровью, въ углахъ задрожавшихъ губъ выступила пѣнистая слюна. Онъ яростно закричалъ, весь наклоняясь впередъ и приближая свое лицо въ упоръ къ лицу Ромашова:

— Такъ какъ же вы смѣете молчать, если знаете! Въ вашемъ положеніи долгъ cadaго мало-мальски порядочнаго человѣка—заткнуть ротъ всякой сволочи. Слышите вы!.. армейскій донъ-Жуанъ! Если вы честный человѣкъ, а не какая-нибудь...

Ромашовъ, блѣднѣя, посмотрѣлъ съ ненавистью въ глаза Николаеву. Ноги и руки у него вдругъ страшно отяжелѣли, голова сдѣлалась легкой и точно пустой, а сердце упало куда-то глубоко внизъ и билось тамъ огромными, болѣзненными толчками, сотрясая все тѣло.

— Я попрошу васъ не кричать на меня,—глухо и протяжно произнесъ Ромашовъ.—Говорите приличнѣе, я не позволю вамъ кричать.

— Я вовсе на васъ и не кричу,—все еще грубо, но понижая тонъ, возразилъ Николаевъ.—Я васъ только убѣждаю, хотя имѣю право требовать. Наши прежнія отношенія даютъ мнѣ это право. Если вы хоть сколько-нибудь дорожите чистымъ, незапятнаннымъ именемъ Александры Петровны, то вы должны прекратить эту травлю.

— Хорошо, я сдѣлаю все, что могу,—сухо отвѣтилъ Ромашовъ.

Онъ повернулся и пошелъ впередъ, по серединѣ тропинки. Николаевъ тотчасъ же догналъ его.

— И потомъ... только вы, пожалуйста, не сердитесь...—заговорилъ Николаевъ смягченно, съ отгѣнкомъ замѣшательства.—Ужъ разъ мы начали говорить, то лучше говорить все до конца... Не правда ли?

— Да?—полувопросительно произнесъ Ромашовъ.

— Вы сами видѣли, съ какимъ чувствомъ симпатіи мы къ вамъ относились, то есть я и Александра Петровна. И если я теперь вынужденъ... Ахъ, да вы сами знаете, что въ этомъ паршивомъ городишкѣ нѣтъ ничего страшнѣе сплетни!

— Хорошо,—грустно отвѣтилъ Ромашовъ.—Я перестану у васъ бывать. Вѣдь вы объ этомъ хотѣли про-

сить меня? Ну, хорошо. Впрочемъ, я и самъ рѣшилъ прекратить мои посѣщенія. Нѣсколько дней тому назадъ я зашелъ, всего на пять минутъ, возвратить Александрѣ Петровнѣ ея книги, и, смѣю увѣрить васъ, это въ послѣдній разъ.

— Да... такъ вотъ...—сказалъ неопредѣленно Николаевъ и смущенно замолчалъ. Офицеры въ эту минуту свернули съ тропинки на шоссе. До города оставалось еще шаговъ триста, и такъ какъ говорить было больше не о чемъ, то оба шли рядомъ, молча и не глядя другъ на друга. Ни одинъ не рѣшался—ни остановиться, ни повернуть назадъ. Положеніе становилось съ каждой минутой все болѣе фальшивымъ и натянутымъ.

Наконецъ, около первыхъ домовъ города имъ попался навстрѣчу извозчикъ. Николаевъ окликнулъ его.

— Да... такъ вотъ...—опять нелѣпо промолвилъ онъ, обращаясь къ Ромашову.—Итакъ, до свиданія, Юрій Алексѣичъ.

Они не подали другъ другу рукъ, а только притронулись къ козырькамъ. Но когда Ромашовъ глядѣлъ на удаляющійся въ пыли бѣлый, крѣпкій затылокъ Николаева, онъ вдругъ почувствовалъ себя такимъ оставленнымъ всѣмъ міромъ и такимъ внезапно одинокимъ, какъ будто отъ его жизни только-что отрѣзали что-то самое большое, самое главное.

Онъ медленно пошелъ домой. Гайнанъ встрѣтилъ его на дворѣ, еще издали дружелюбно и весело скаля зубы. Снимая съ подпоручика пальто, онъ все время улыбался отъ удовольствія и, по своему обыкновенію, приплясывалъ на мѣстѣ.

— Твой не обѣдалъ?—спрашивалъ онъ съ участливой фамильярностью.—Небось, голодный? Сейчасъ побѣжу въ собранію, принесу тебѣ обѣдъ.

— Убирайся къ чорту!—визгливо закричалъ на него Ромашовъ.—Убирайся, убирайся и не смѣй заходить

ко мнѣ въ комнату. И, кто бы ни спрашивалъ—меня нѣтъ дома. Хоть бы самъ государь императоръ пришелъ.

Онъ легъ на постель и зарылся головой въ подушку, вцѣпившись въ нее зубами. У него горѣли глаза, что-то колючее, постороннее распирало и въ то же время сжимало горло, и хотѣлось плакать. Онъ жадно искалъ этихъ горячихъ и сладостныхъ слезъ, этихъ долгихъ, горькихъ, облегчающихъ рыданій. И онъ снова и снова нарочно вызывалъ въ воображеніи прошедшій день, сгущая всѣ нынѣшнія обидныя и позорныя происшествія, представляя себѣ самого себя, точно со стороны, оскорбленнымъ, несчастнымъ, слабымъ и заброшеннымъ и жалостно умиляясь надъ собою. Но слезы не приходили.

Потомъ случилось что-то странное. Ромашову показалось, что онъ вовсе не спалъ, даже не задремалъ ни на секунду, а просто въ теченіе одного только момента лежалъ безъ мыслей, закрывъ глаза. И вдругъ онъ неожиданно засталъ себя бодрствующимъ, съ прежней тоской въ душѣ. Но въ комнатѣ уже было темно. Оказалось, что въ этомъ непонятномъ состояніи умственного оцѣпенѣнія прошло болѣе пяти часовъ.

Ему захотѣлось ѣсть. Онъ всталъ, прицѣпилъ шапку, накинулъ шинель на плечи и пошелъ въ собраніе. Это было недалеко, всего шаговъ двѣсти, и туда Ромашовъ всегда ходилъ не съ улицы, а черезъ черный ходъ, какими-то пустырями, огородами и перелазами.

Въ столовой, въ билліардной и на кухнѣ свѣтло горѣли лампы, и оттого грязный, загроможденный дворъ офицерскаго собранія казался чернымъ, точно залитымъ чернилами. Окна были всюду раскрыты настежь. Слышался говоръ, смѣхъ, пѣніе, рѣзкіе удары билліардныхъ шаровъ.

Ромашовъ уже взошелъ на заднее крыльцо, но вдругъ остановился, уловивъ въ столовой раздраженный и на-

смѣшливый голосъ капитана Сливы. Окно было въ двухъ шагахъ и, осторожно заглянувъ въ него, Ромашовъ увидѣлъ сутуловатую спину своего ротного командира.

— В-вся рота идетъ, к-какъ одинъ ч-человѣкъ— ать! ать! ать!—говорилъ Слива, плавно подымая и опуская протянутую ладонь, а *оно одно*, точно на смѣхъ,—о! о!— якъ тотъ козель.—Онъ суетливо и безобразно ткнулъ нѣсколько разъ указательнымъ пальцемъ вверхъ.—Я ему п-прямо сказалъ б-безъ церемоніи: уходите-ка, п-почтеннѣйшій, въ друг-гую роту. А лучше бы вамъ и вовсе изъ п-полка уйти. Какой изъ васъ къ чорту офицеръ? Такъ, м-междометіе какое-то...

Ромашовъ зажмурилъ глаза и съежился. Ему казалось, что если онъ сейчасъ пошевелится, то всѣ сидящіе въ столовой замѣтятъ это и высунутся изъ оконъ. Такъ простоялъ онъ минуту или двѣ. Потомъ, стараясь дышать какъ можно тише, сгорбившись и спрятавъ голову въ плечи, онъ на цыпочкахъ двинулся вдоль стѣны, прошелъ, все ускоряя шагъ, до воротъ и, быстро перебѣжавъ освѣщенную луной улицу, скрылся въ густой тѣни противоположнаго забора.

Ромашовъ долго кружилъ въ этотъ вечеръ по городу, держась все время тѣневыхъ сторонъ, но почти не сознавая, по какимъ улицамъ онъ идетъ. Разъ онъ остановился противъ дома Николаевыхъ, который ярко бѣлѣлъ въ лунномъ свѣтѣ, холодно, глянцевито и странно сіяя своей зеленой, металлической крышей. Улица была мертвенно тиха, безлюдна, и казалась незнакомой. Прямая четкія тѣни отъ домовъ и заборовъ рѣзко дѣлили мостовую пополамъ—одна половина была совсѣмъ черная, а другая тускло блестяла гладкимъ, круглымъ булыжникомъ.

За темно-красными плотными занавѣсками большимъ теплымъ пятномъ горѣлъ свѣтъ лампы. „Милая, неужели ты не чувствуешь, какъ мнѣ грустно, какъ я страдаю, какъ я люблю тебя!“—прошепталъ Ромашовъ,

дѣлая плачущее лицо и крѣпко прижимая обѣ руки къ груди.

Ему вдругъ пришло въ голову заставить Шурочку, чтобы она услышала и поняла его на разстояніи, сквозъ стѣны комнаты. Тогда, сжавъ кулаки такъ сильно, что подъ ногтями сдѣлалось больно, сдѣшпивъ судорожно челюсти, съ ощущеніемъ холодныхъ мурашекъ по всему тѣлу, онъ сталъ твердить въ умѣ, страстно напрягая всю свою волю:

— Посмотри въ окно... Подойди къ занавѣскѣ. Встань съ дивана и подойди къ занавѣскѣ. Выгляни, выгляни, выгляни. Слышишь, я тебѣ приказываю, сейчасъ же подойди къ окну!

Занавѣски оставались неподвижными. „Ты не слышишь меня!—съ горькимъ упрекомъ прошепталъ Ромашовъ.—Ты сидишь теперь съ нимъ рядомъ, около лампы, спокойная, равнодушная, красивая. Ахъ, Боже мой, Боже, какъ я несчастливъ!“

Онъ вздохнулъ и утомленной походкой, низко опустивъ голову, побрелъ дальше.

Онъ проходилъ и мимо квартиры Назанскаго, но тамъ было темно. Ромашову, правда, почудилось, что кто-то бѣлый мелькалъ по неосвѣщенной комнатѣ мимо оконъ, но ему стало почему-то страшно и онъ не рѣшился окликнуть Назанскаго.

Спустя нѣсколько дней, Ромашовъ вспоминалъ, точно далекое, никогда забываемое сновидѣніе, эту фантастическую, почти бредовую прогулку. Онъ самъ не могъ бы сказать, какимъ образомъ очутился онъ около еврейскаго кладбища. Оно находилось за чертой города и взбиралось на гору, обнесенное низкой бѣлой стѣной, тихое и таинственное. Изъ свѣтлой спящей травы печально подымались кверху голые, однообразные, холодные камни, бросавшіе отъ себя одинаковыя, тонкія тѣни. А надъ кладбищемъ безмолвно и строго царствовала торжественная простота уединенія.

Потомъ онъ видѣлъ себя на другомъ концѣ города. Можетъ быть, это и въ самомъ дѣлѣ было во снѣ? Онъ стоялъ на серединѣ длинной, укатанной, блестящей плотины, широко пересѣкавшей Бугъ. Сонная вода густо и лѣнливо колыхалась подъ его ногами, мелодично хлюпая о землю, а мѣсяцъ отражался въ ея зыбкой поверхности дрожащимъ столбомъ, и казалось, что это миллионы серебряныхъ рыбокъ плещутся на водѣ, уходя узкой дорожкой къ дальнему берегу, темному, молчаливому и пустынному. И еще запомнилъ Ромашовъ, что повсюду—и на улицахъ, и за городомъ шель за нимъ сладкій, нѣжно-вкрадчивый аромат цвѣтущей бѣлой акаціи.

Странныя мысли приходили ему въ голову въ эту ночь—одинокія мысли, то печальныя, то жуткія, то мелочно, по-дѣтски смѣшныя. Чаще же всего ему, точно неопытному игроку, проигравшему въ одинъ вечеръ все состояніе, вдругъ представлялось съ соблазнительной ясностью, что вовсе ничего не было неприятнаго, что красивый подпоручикъ Ромашовъ отлично прошелся въ церемониальномъ маршѣ передъ генераломъ, заслуживъ общія похвалы, и что онъ самъ сидитъ теперь вмѣстѣ съ товарищами въ свѣтлой столовой офицерскаго собранія и хохочетъ, и пьетъ красное вино. Но каждый разъ эти мечты обрывались воспоминаніями о брани Федоровскаго, о язвительныхъ словахъ ротнаго командира, о разговорѣ съ Николаевымъ, и Ромашовъ снова чувствовалъ себя непоправимо опозореннымъ и несчастнымъ.

Тайный внутренній инстинктъ привелъ его на то мѣсто, гдѣ онъ разошелся сегодня съ Николаевымъ. Ромашовъ въ это время думалъ о самоубійствѣ, но думалъ безъ рѣшимости и безъ страха, съ какимъ-то скрытымъ, приятно-самолюбивымъ чувствомъ. Обычная, неугомонная фантазія растворила весь ужасъ этой мысли, украсивъ и расцвѣтивъ ее яркими картинами.

„Вотъ Гайнанъ выскочилъ изъ комнаты Ромашова. Лицо искажено испугомъ. Блѣдный, трясущійся, вбѣгаетъ онъ въ офицерскую столовую, которая полна народомъ. Всѣ невольно поднимаются съ мѣстъ при его появленіи. „Ваше высокоблагородіе ... подпоручикъ... застрѣлился!“ съ трудомъ произноситъ Гайнанъ. Общее смятеніе. Лица блѣднѣютъ. Въ глазахъ отражается ужасъ. „Кто застрѣлился? Гдѣ? Какой подпоручикъ?“ „Господа, да вѣдь это денщикъ Ромашова!—узнаетъ кто-то Гайнана.—Это его черемись“. Всѣ бѣгутъ на квартиру, нѣкоторые безъ шапокъ. Ромашовъ лежитъ на кровати. Лужа крови на полу, и въ ней валяется револьверъ Смита и Виссона, казеннаго образца... Сквозь толпу офицеровъ, наполнившихъ маленькую комнату, съ трудомъ пробивается полковой докторъ Знойко.— „Въ високъ!—произноситъ онъ тихо, среди общаго молчанія.—Все кончено“. Кто-то замѣчаетъ вполголоса: „Господа, снимите же шапки!“ Многіе крестятся. Вѣткинъ находитъ на столѣ записку, твердо написанную карандашомъ, и читаетъ ее вслухъ. „Прощаю всѣхъ, умираю по доброй волѣ, жизнь такъ тяжела и печальна! Сообщите поосторожнѣе матери о моей смерти. Георгій Ромашовъ“. Всѣ переглядываются и всѣ читаютъ въ глазахъ другъ у друга одну и ту же безпокойную невысказываемую мысль: „это *мы* его убійцы!“

„Мѣрно покачивается гробъ подъ золотымъ парчевымъ покровомъ, на рукахъ восьми товарищей. Всѣ офицеры идутъ слѣдомъ. Позади ихъ—шестая рота. Капитанъ Слива сурово хмурится. Доброе лицо Вѣткина распухло отъ слезъ, но теперь, на улицѣ, онъ сдерживаетъ себя. Лбовъ плачетъ навзрыдъ, не скрывая и не стыдясь своего горя—милый, добрый мальчикъ! Глубокими, скорбными рыданіями несутся въ весеннемъ воздухѣ звуки похороннаго марша. Тутъ же и всѣ полковыя дамы, и Шурочка. „Я его цѣловала!—думаетъ она съ отчаяніемъ,—я его любила! Я

могла бы его удержать, спасти!“ — „Слишкомъ поздно!“ — думаетъ въ отвѣтъ ей съ горькой улыбкой Ромашовъ“.

„Тихо разговариваютъ между собой офицеры, идущіе за гробомъ. „Эхъ, какъ жаль бѣднягу! Вѣдь какой славный былъ товарищъ, какой прекрасный, способный офицеръ!.. Да... не понимали мы его!“ Сильнѣе рыдаетъ похоронный маршъ. Это — музыка Бетховена „На смерть героя“. А Ромашовъ лежитъ въ гробу, неподвижный, холодный, съ вѣчной улыбкой на губахъ. На груди у него скромный букетъ фіалокъ, — никто не знаетъ, чья рука положила эти цвѣты. Онъ всѣхъ простилъ: и Шурочку, и Сливу, и Федоровскаго, и корпуснаго командира. Пусть же не плачутъ о немъ. Онъ былъ слишкомъ чистъ и прекрасенъ для этой жизни! Ему будетъ лучше тамъ!“

Слезы выступили на глаза, но Ромашовъ не вытиралъ ихъ. Было такъ отрадно вообразать себя оплакиваемымъ, несправедливо обиженнымъ!

Онъ шель теперь вдоль свекловичнаго поля. Низкая толстая ботва пестрѣла путанными бѣлыми и черными пятнами подъ ногами. Просторъ поля, освѣщеннаго луной, точно давилъ Ромашова. Подпоручикъ взобрался на небольшой земляной валикъ и остановился надъ желѣзнодорожной выемкой.

Эта сторона была вся въ черной тѣни, а на другую падалъ ярко-блѣдный свѣтъ, и казалось, на ней можно было рассмотреть каждую травку. Выемка уходила внизъ, какъ темная пропасть; на днѣ ея слабо блестѣли отполированные рельсы. Далеко за выемкой бѣлѣли среди поля правильные ряды остроконечныхъ палатокъ.

Немного ниже гребня выемки, вдоль полотна, шель неширокій уступъ. Ромашовъ спустился къ нему и сѣлъ на траву. Отъ голода и усталости онъ чувствовалъ тошноту, вмѣстѣ съ ощущеніемъ дрожи и слабости въ ногахъ. Большое пустынное поле сзади,

выемка—наполовину въ тѣни, наполовину въ свѣтѣ, смутно-прозрачный воздухъ, росистая трава—все было погружено въ чуткую, крадущуюся тишину, отъ которой гулко шумѣло въ ушахъ. Лишь изрѣдка на станціи вскрикивали маневрирующіе паровозы, и въ молчаніи этой странной ночи ихъ отрывистые свистки принимали живое, тревожное и угрожающее выраженіе.

Ромашовъ легъ на спину. Бѣлыя, легкія облака стояли неподвижно, а надъ ними быстро скользилъ круглый мѣсяцъ. Пусто, громадно и холодно было наверху, и казалось, что все пространство отъ земли до неба наполнено вѣчнымъ ужасомъ и вѣчной тоской. „Тамъ—Богъ!“—подумалъ Ромашовъ, и вдругъ, съ наивнымъ порывомъ скорби, обиды и жалости къ самому себѣ, онъ заговорилъ страстнымъ и горькимъ шопотомъ:

— Богъ! Зачѣмъ Ты отвернулся отъ меня? Я—маленькій, я слабый, я—песчинка, что я сдѣлалъ Тебѣ дурного, Богъ? Ты вѣдь все можешь, Ты добрый, Ты все видишь,—зачѣмъ же Ты несправедливъ ко мнѣ, Богъ?

Но ему стало страшно, и онъ зашепталъ поспѣшно и горячо:

— Нѣтъ, нѣтъ, добрый, милый, прости меня, прости меня! Я не стану больше.—И онъ прибавилъ съ кроткой, обезоруживающей покорностью:—дѣлай со мной все, что Тебѣ угодно. Я всему повинуюсь съ благодарностью.

Такъ онъ говорилъ, и въ то же время у него въ самыхъ далекихъ тайникахъ души шевелилась невинно-лукавая мысль, что его терпѣливая покорность растрогаетъ и смягчитъ всевидящаго Бога, и тогда вдругъ случится чудо, отъ котораго все сегодняшнее—тягостное и непріятное, окажется лишь дурнымъ сномъ.

„Гдѣ ты ту-уть?“—сердито и торопливо закричалъ

паровозъ. А другой подхватилъ низкимъ тономъ, протяжно и съ угрозой:

„Я—ва-ась!“

Что-то зашуршало и мелькнуло на той сторонѣ выемки, на самомъ верху освѣщеннаго откоса. Ромашовъ слегка приподнялъ голову, чтобы лучше видѣть. Что-то сѣрое, безформенное, мало похожее на человѣка, спускалось сверху внизъ, едва выдѣляясь отъ травы въ призрачно-мутномъ свѣтѣ мѣсяца. Только по движенію тѣни, да по легкому шороху катящейся земли, можно было услѣдить за нимъ.

Вотъ оно перешло черезъ рельсы. „Кажется—солдатъ?—мелькнула у Ромашова безпокойная догадка.—Во всякомъ случаѣ, это человѣкъ. Но такъ странно идти можетъ только лунатикъ, или пьяный. Кто это?“

Сѣрый человѣкъ пересѣкъ рельсы и вошелъ въ тѣнь. Теперь стало совсѣмъ ясно видно, что это солдатъ. Онъ медленно и неуклюже вѣбирался наверхъ, скрывшись на нѣкоторое время изъ поля зрѣнія Ромашова. Но прошло двѣ-три минуты, и снизу начала медленно подыматься круглая стриженная голова безъ шапки.

Мутный свѣтъ прямо падалъ на лицо этого человѣка, и Ромашовъ узналъ лѣвофланговаго солдата своей полуроты—Хлѣбникова. Онъ шелъ съ обнаженной головой, держа шапку въ рукѣ, со взглядомъ, безжизненно устремленнымъ впередъ. Казалось, онъ двигался подъ вліяніемъ какой-то чужой, внутренней, таинственной силы. Онъ прошелъ такъ близко около офицера, что почти коснулся его полой своей шинели. Въ зрачкахъ его глазъ яркими, острыми точками отражался лунный свѣтъ.

— Хлѣбниковъ! Ты?—кликнулъ его Ромашовъ.

— Ахъ!—вскрикнулъ солдатъ и вдругъ, остановившись, весь затрепеталъ на одномъ мѣстѣ отъ испуга.

Ромашовъ быстро поднялся. Онъ увидѣлъ передъ

собой мертвое, истерзанное лицо, съ разбитыми, опухшими, окровавленными губами, съ заплывшимъ отъ синяка глазомъ. При ночномъ невѣрномъ свѣтѣ слѣды побоевъ имѣли зловѣщій, преувеличенный видъ. И, глядя на Хлѣбникова, Ромашовъ подумалъ: „вотъ этотъ самый человѣкъ, вмѣстѣ со мной, принесъ сегодня неудачу всему полку. Мы одинаково несчастны“.

— Куда ты, голубчикъ? Что съ тобой?—спросилъ ласково Ромашовъ и, самъ не зная зачѣмъ, положилъ обѣ руки на плечи солдату. Хлѣбниковъ поглядѣлъ на него растеряннымъ, дикимъ взоромъ, но тотчасъ же отвернулся. Губы его чмокнули, медленно раскрылись, и изъ нихъ вырвалось короткое, бессмысленное хрипѣніе. Тупое, раздражающее ощущеніе, похожее на то, которое предшествуетъ обмороку, похожее на приторную щекотку, тягуче заняло въ груди и въ животѣ у Ромашова.

— Тебя били? Да? Ну, скажи же. Да? Сядь здѣсь, сядь со мною.

Онъ потянулъ Хлѣбникова за рукавъ внизъ. Солдатъ, точно складной манекень, какъ-то нелѣпо-легко и послушно упалъ на мокрую траву, рядомъ съ подпоручикомъ.

— Куда ты шель?—спросилъ Ромашовъ.

Хлѣбниковъ молчалъ, сидя въ неловой позѣ съ неестественно выпрямленными ногами. Ромашовъ видѣлъ, какъ его голова постепенно, едва замѣтными толчками опускалась на грудь. Опять послышался подпоручику короткій хриплый звукъ, и въ душѣ у него шевельнулась жуткая жалость.

— Ты хотѣлъ убѣжать? Надѣнь же шапку. Послушай, Хлѣбниковъ, я теперь тебѣ не начальникъ, я самъ — несчастный, одинокій, убитый человѣкъ. Тебѣ тяжело? больно? Поговори же со мной откровенно. Можетъ быть, ты хотѣлъ убить себя?—спрашивалъ Ромашовъ безсвязнымъ шопотомъ.

Что-то щелкнуло и забурчало въ горлѣ у Хлѣбникова, но онъ продолжалъ молчать. Въ то же время Ромашовъ замѣтилъ, что солдатъ дрожить частой, мелкой дрожью; дрожала его голова, дрожали съ тихимъ стукомъ челюсти. На секунду офицеру сдѣлалось страшно. Эта бессонная лихорадочная ночь, чувство одиночества, ровный, матовый, неживой свѣтъ луны, чернѣющая глубина выемки подъ ногами, и рядомъ съ нимъ молчаливый, обезумѣвшій отъ побоевъ солдатъ—все, все представилось ему какимъ-то нелѣпымъ, мучительнымъ оновидѣніемъ, вродѣ тѣхъ сновъ, которые, должно быть будутъ сниться людямъ въ самые послѣдніе дни міра. Но вдругъ приливъ теплаго, самозабвеннаго, безконечнаго состраданія охватилъ его душу. И, чувствуя свое личное горе маленькимъ и пустячнымъ, чувствуя себя взрослымъ и умнымъ въ сравненіи съ этимъ забитымъ, затравленнымъ человѣкомъ, онъ нѣжно и крѣпко обнялъ Хлѣбникова за шею, притянулъ къ себѣ и заговорилъ горячо, со страстной убѣдительностью:

— Хлѣбниковъ, тебѣ плохо? И мнѣ нехорошо, голубчикъ, мнѣ тоже нехорошо, повѣрь мнѣ. Я ничего не понимаю изъ того, что дѣлается на свѣтѣ. Все—какая-то дикая, бессмысленная, жестокая чепуха! Но надо терпѣть, мой милый, надо терпѣть... Это надо.

Низко склоненная голова Хлѣбникова вдругъ упала на колѣни Ромашову. И солдатъ, цѣпко обвивъ руками ноги офицера, прижавшись къ нимъ лицомъ, затрясся всѣмъ тѣломъ, задыхаясь и корчась отъ подавляемыхъ рыданій.

— Не могу больше... — лепеталъ Хлѣбниковъ безсвязно...—не могу я, баринъ, больше... Охъ, Господи... Бьютъ, смѣются... взводный денегъ просить, отдѣленный кричить... Гдѣ взять? Животъ у меня надорванный... еще мальчонкомъ надорвалъ... Кила у меня, баринъ. Охъ, Господи, Господи.

Ромашовъ близко нагнулся надъ головой, которая

изступленно моталась у него на колѣняхъ. Онъ услышалъ запахъ грязнаго, нездороваго тѣла и немыхъ волосъ и прокислый запахъ шинели, которой покрывались во время сна. Безконечная скорбь, ужасъ, непониманіе и глубокая, виноватая жалость переполнили сердце офицера и до боли сжали и стѣснили его. И тихо склоняясь къ стриженной колючей, грязной головѣ, онъ прошепталъ чуть слышно:

— Братъ мой!

Хлѣбниковъ схватилъ руку офицера, и Ромашовъ почувствовалъ на ней, вмѣстѣ съ теплыми каплями слезъ, холодное и липкое прикосновеніе чужихъ губъ. Но онъ не отнималъ свою руку и говорилъ простыя, трогательныя, успокоительныя слова, какія говоритъ взрослый обиженному ребенку.

Потомъ онъ самъ отвелъ Хлѣбникова въ лагерь. Пришлось вызывать дежурнаго по ротѣ унтеръ-офицера Шаповаленко. Тотъ вышелъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, зѣвая, щурясь и почесывая себѣ то спину, то животъ.

Ромашовъ приказалъ ему сейчасъ же смѣнить Хлѣбникова съ дневальства. Шаповаленко пробовалъ было возражать:

— Такъ что, ваше благородіе, *имъ* еще не подошла смѣна!...

— Не разговаривать!—крикнулъ на него Ромашовъ. Скажешь завтра ротному командиру, что я такъ приказалъ... Такъ ты придешь завтра ко мнѣ?—спросилъ онъ Хлѣбникова, и тотъ молча отвѣтилъ ему робкимъ благодарнымъ взглядомъ.

Медленно шелъ Ромашовъ вдоль лагеря, возвращаясь домой. Шопотъ въ одной изъ палатокъ заставилъ его остановиться и прислушаться. Кто-то полузадушеннымъ тягучимъ голосомъ рассказывалъ сказку:

— Во-отъ посылаетъ той самый чортъ до того солдата самага свово главнаго вовше-ебника. Вотъ при

ходить той вовшебникъ и говѣрить: „солдаты, а солдаты, я тебя зѣвну!“ А солдаты ему отвѣчаютъ и говѣрить: ни, ты меня не можешь зѣвну, такъ что я и самъ вовшебникъ!

Ромашовъ опять подошелъ къ выемкѣ. Чувство нелѣпности, сумбурности, непонятности жизни угнетало его. Остановившись на откосѣ, онъ поднялъ глаза вверхъ, къ небу. Тамъ попрежнему былъ холодный просторъ и безконечный ужасъ. И, почти неожиданно для самого себя, поднявъ кулаки надъ головою и потрясая ими, Ромашовъ закричалъ бѣшено:

— Ты! Старый обманщикъ! Если ты что-нибудь можешь и смѣешь, то... ну вотъ: сдѣлай такъ, чтобы я сейчасъ сломалъ себѣ ногу.

Онъ стремглавъ, закрывши глаза, бросился внизъ съ крутого откоса, двумя скачками перепрыгнулъ рельсы и, не останавливаясь, однимъ духомъ взобрался наверхъ. Ноздри у него раздулись, грудь порывисто дышала. Но въ душѣ у него вдругъ вспыхнула гордая, дерзкая и злая отвага.

XVII.

Съ этой ночи въ Ромашовѣ произошелъ глубокий душевный надломъ. Онъ сталъ уединяться отъ общества офицеровъ, обѣдалъ большей частью дома, совсѣмъ не ходилъ на танцевальные вечера въ собраніе и пересталъ пить. Онъ точно созрѣлъ, сдѣлался старше и серьезнѣе за послѣдніе дни, и самъ замѣчалъ это по тому грустному и ровному спокойствію, съ которымъ онъ теперь относился къ людямъ и явленіямъ. Нерѣдко по этому поводу вспоминались ему чьи-то давнымъ давно слышанныя или читанныя имъ смѣшныя слова, что человѣческая жизнь раздѣляется на какіе-то „люстры“—въ каждомъ люстрѣ по 7-ми лѣтъ—и что въ те-

ченіе одного люстра совершенно мѣняется у человѣка составъ его крови и тѣла, его мысли, чувства и характеръ. А Ромашову недавно окончился 21-ый годъ.

Солдатъ Хлѣбниковъ зашелъ къ нему, но лишь по второму напоминанію. Потомъ онъ сталъ заходить чаще. Въ первое время онъ напоминалъ своимъ видомъ голодную, опаршивѣвшую, много битую собаку, пугливо отскакивающую отъ руки, протянутой съ лаской. Но вниманіе и доброта офицера понемногу согрѣли и оттаяли его сердце. Съ совѣстливой и виноватой жалостью узнавалъ Ромашовъ подробности о его жизни. Дома—мать съ пьяницей отцомъ, съ полудиотомъ сыномъ и съ четырьмя малолѣтними дѣвчонками; землю у нихъ насильно и несправедливо отобралъ мѣръ; всѣ ютятся гдѣ-то въ вымороченной избѣ изъ милости того же міра; старшіе работаютъ у чужихъ людей, младшіе ходятъ побираться. Денегъ изъ дома Хлѣбниковъ не получаетъ, а на вольныя работы его не берутъ по слабосилію. Безъ денегъ же, хоть самыхъ маленькихъ, тяжело живется въ солдатахъ: нѣтъ ни чаю, ни сахару, не на что купить даже мыла, необходимо время отъ времени угощать взводнаго и отдѣленнаго водкой въ солдатскомъ буфетѣ, все солдатское жалованье—22 1/2 к. въ мѣс.—идеть на подарки этому начальству. Бьютъ его каждый день, смѣются надъ нимъ, издѣваются, назначаютъ не въ очередь на самыя тяжелыя и неприятыя работы.

Съ удивленіемъ, съ тоской и ужасомъ начинать Ромашовъ понимать, что судьба ежедневно и тѣсно сталкиваетъ его съ сотнями этихъ сѣрыхъ Хлѣбниковыхъ, изъ которыхъ каждый болѣетъ своимъ горемъ, и радуется своимъ радостямъ, но что всѣ они обезличены и придавлены собственнымъ невѣжествомъ, общимъ рабствомъ, начальническимъ равнодушіемъ, произволомъ и насиліемъ. И ужаснѣе всего была мысль, что ни одинъ изъ офицеровъ, какъ до сихъ поръ и

самъ Ромашовъ, даже и не подозрѣваютъ, что сѣрые Хлѣбниковы съ ихъ однообразно-покорными и обезсмысленными лицами—на самомъ дѣлѣ живые люди, а не механическія величины, называемыя ротой, батальономъ, полкомъ...

Ромашовъ кое-что сдѣлалъ для Хлѣбникова, чтобы доставить ему маленькій заработокъ. Въ ротѣ замѣтили это необычайное покровительство офицера солдату. Часто Ромашовъ замѣчалъ, что въ его присутствіи уштеръ-офицеры обращались къ Хлѣбникову съ превеличенной, насмѣшливой вѣжливостью и говорили съ нимъ нарочно слащавыми голосами. Кажется, объ этомъ зналъ и капитанъ Слива. По крайней мѣрѣ, онъ иногда ворчалъ, обращаясь въ пространство:

— От-тъ из-звольте. Либералы п-пошли. Развращаютъ роту. Ихъ д-драть, подлецовъ, надо, а они с-сюсюкаютъ съ ними.

Теперь, когда у Ромашова оставалось больше свободы и уединенія,—все чаще и чаще приходили ему въ голову непривычныя, странныя и сложныя мысли, вродѣ тѣхъ, которыя такъ потрясли его мѣсяць тому назадъ, въ день его ареста. Случалось это обыкновенно послѣ службы, въ сумерки, когда онъ тихо бродилъ въ саду подъ густыми засыпающими деревьями и, одинокій, тоскующій—прислушивался къ гудѣнію вечернихъ жуковъ и глядѣлъ на спокойное, розовое, темнѣющее небо.

Эта новая внутренняя жизнь поражала его своей многообразностью. Раньше онъ не смѣлъ и подозрѣвать, какія радости, какая мощь и какой глубокій интересъ скрываются въ такой простой, обыкновенной вещи, какъ человѣческая мысль.

Онъ уже зналъ теперь твердо, что не останется служить въ арміи и непременно уйдетъ въ запасъ, какъ только минуютъ три обязательные года, которые ему надлежало отбыть за образованіе въ военномъ учи-

лицѣ. Но онъ никакъ не могъ себѣ представить, что онъ будетъ дѣлать, ставши штатскимъ. Поочередно онъ перебиралъ: акцизъ, желѣзную дорогу, коммерцію, думалъ быть управляющимъ имѣніемъ, поступить въ департаментъ. И тутъ впервые онъ съ изумленіемъ представилъ себѣ все разнообразіе занятій и профессій, которымъ отдаются люди. „Откуда берутся,—думалъ онъ, разныя смѣшныя, чудовищныя, нелѣпыя и грязныя специальности? Какимъ, напимѣръ, путемъ вырабатываетъ жизнь тюремщиковъ, акробатовъ, мозольныхъ операторовъ, палачей, актеровъ, собачьихъ цырюльниковъ, жандармовъ, фокусниковъ, проститутковъ, банщиковъ, коноваловъ, могильщиковъ, педелей? Или, можетъ быть, нѣтъ ни одной даже самой пустой, случайной, капризной, насильственной или порочной человѣческой выдумки, которая не нашла бы тотчасъ же исполнителя и слугу?“

Также поражало его, — когда онъ вдумывался поглубже, — то, что огромное большинство интеллигентныхъ профессій основано исключительно на недовѣриіи къ человѣческой честности и такимъ образомъ обслуживаетъ человѣческіе пороки и недостатки. Иначе къ чему были бы повсюду необходимы конторщики, бухгалтеры, чиновники, полиція, таможня, контролеры, инспекторы и надсмотрщики — если бы человѣчество было совершенно?

Онъ думалъ также о священникахъ, докторахъ, педагогахъ, адвокатахъ и судьяхъ — обо всѣхъ этихъ людяхъ, которымъ, по роду ихъ занятій, приходится постоянно соприкасаться съ душами, мыслями и страданіями другихъ людей. И Ромашовъ съ недоумѣніемъ приходилъ къ выводу, что люди этой категоріи скорѣе другихъ черствѣютъ и опускаются, погружаясь въ халатность, въ холодную и мертвую формалистику, въ привычное и постыдное равнодушіе. Онъ зналъ, что существуетъ и еще одна категорія — устроителей внѣш-

няго земного благополучія: инженеры, архитекторы, изобрѣтатели, фабриканты, заводчики. Но они, которые могли бы общими усиліями сдѣлать человѣческую жизнь изумительно прекрасной и удобной,—они служатъ только богатству. Надъ всѣми ими тяготѣетъ страхъ за свою шкуру, животная любовь къ своимъ дѣтенышамъ и къ своему логовищу, боязнь жизни и отсюда трусливая привязанность къ деньгамъ. Кто же, наконецъ, устроить судьбу забитаго Хлѣбникова, накормить, выучить его и скажетъ ему: „Дай мнѣ твою руку, братъ“.

Такимъ образомъ, Ромашовъ неувѣренно, чрезвычайно медленно, но все глубже и глубже вдумывался въ жизненныя явленія. Прежде все казалось такимъ простымъ. Міръ раздѣлялся на двѣ неравныя части: одна, меньшая,—офицерство, которое окружаетъ честь, сила, власть, волшебное достоинство мундира и вмѣстѣ съ мундиромъ почему-то и патентованная храбрость, и физическая сила, и высококомѣрная гордость; другая—огромная и безличная,—штатскіе, иначе—шпаки, штаффиры и рябчики; ихъ презирали; считалось молодецествомъ изругать или побить ни съ того, ни съ сего штатскаго человѣка, потушить объ его носѣ зажженную папирску, надвинуть ему на уши цилиндръ; о такихъ подвигахъ еще въ училищѣ рассказывали другъ другу съ восторгомъ желторотые юнкера. И вотъ теперь, отходя какъ будто въ сторону отъ дѣйствительности, глядя на нее откуда-то, точно изъ потайного угла, изъ щелочки, Ромашовъ начиналъ понемногу понимать, что вся военная служба, съ ея призрачной доблестью, создана жестокимъ, позорнымъ всечеловѣческимъ недоразумѣніемъ. „Какимъ образомъ можетъ существовать сословіе, — спрашивалъ самъ себя Ромашовъ, — которое въ мирное время, не принося ни одной крошечки пользы, поѣдаетъ чужой хлѣбъ и чужое мясо, одѣвается въ чужія одежды, живетъ въ чужихъ

домахъ, а въ военное время—идеть безсмысленно убивать и калѣчить такихъ же людей, какъ они сами?“

И все яснѣй и яснѣй становилась для него мысль, что существуютъ только три гордыхъ призванія чело-вѣка: наука, искусство и свободный физическій трудъ. Съ новой силой возобновились мечты о литературной работѣ. Иногда, когда ему приходилось читать хорошую книгу, проникнутую истиннымъ вдохновеніемъ, онъ мучительно думалъ: „Боже мой, вѣдь это такъ просто, я самъ это думалъ и чувствовалъ. Вѣдь и я могъ бы сдѣлать то же самое!“ Его тянуло написать повѣсть или большой романъ, канвой къ которому послужили бы ужасъ и скука военной жизни. Въ умѣ все складывалось отлично,—картины выходили яркія, фигуры живыя, фабула развивалась и укладывалась въ прихотливо правильный узоръ, и было необычайно весело и занимательно думать объ этомъ. Но когда онъ принимался писать, выходило блѣдно, по-дѣтски вяло, неуклюже, напыщенно или шаблонно. Пока онъ писалъ—быстро и горячо,—онъ самъ не замѣчалъ этихъ недостатковъ, но стоило ему рядомъ съ своими страницами прочитать хоть маленькій отрывокъ изъ великихъ русскихъ творцовъ, какъ имъ овладѣвало безсильное отчаяніе, стыдъ и отвращеніе къ своему искусству.

Съ такими мыслями онъ часто бродилъ теперь по городу въ теплыя ночи конца мая. Незамѣтно для самого себя онъ избиралъ все одну и ту же дорогу—отъ еврейскаго кладбища до плотины и затѣмъ къ желѣзнодорожной насыпи. Иногда случалось, что, увлеченный этой, новой для него, страстной головной работой, онъ не замѣчалъ пройденнаго пути и вдругъ, приходя въ себя и точно просыпаясь, онъ съ удивленіемъ видѣлъ, что находится на другомъ концѣ города.

И каждую ночь онъ проходилъ мимо оконъ Шурочки, проходилъ по другой сторонѣ улицы, крадучись, сдерживая дыхание, съ бьющимся сердцемъ, чувствуя себя

такъ, какъ будто онъ совершаетъ какое-то тайное, постыдное воровское дѣло. Когда въ гостиной у Николаевыхъ тушили лампу, и тускло блестяли отъ мѣсяца черныя стекла оконъ, онъ притаивался около забора, прижималъ крѣпко къ груди руки и говорилъ горячимъ умоляющимъ шопотомъ:

— Спи, моя прекрасная, спи, любовь моя. Я—возлѣ, я стерегу тебя!

Въ эти минуты онъ чувствовалъ у себя на глазахъ слезы, но въ душѣ его, вмѣстѣ съ нѣжностью, съ умиленіемъ и съ самоотверженной преданностью, ворочалась слѣпая животная ревность созрѣвшаго самца.

Однажды Николаевъ былъ приглашенъ къ командиру полка на винтъ. Ромашовъ зналъ это. Ночью, идя по улицѣ, онъ услышалъ за чѣмъ-то заборомъ, изъ палисадника, пряный и страстный запахъ нарцисовъ. Онъ перепрыгнулъ черезъ заборъ и въ темнотѣ нарвалъ съ грядки, перепачкавъ руки въ сырой землѣ, цѣлую охапку этихъ бѣлыхъ, нѣжныхъ, мокрыхъ цвѣтовъ.

Окно въ Шурочкиной спальнѣ было открыто; оно выходило во дворъ и было не освѣщено. Со смѣлостью, которой онъ самъ отъ себя не ожидалъ, Ромашовъ проскользнулъ въ скрипучую калитку, подошелъ къ стѣнѣ и бросилъ цвѣты въ окно. Ничто не шелохнулось въ комнатѣ. Минуты три Ромашовъ стоялъ и ждалъ, и біеніе его сердца наполняло стукомъ всю улицу. Потомъ, съжившись, краснѣя отъ стыда, онъ на цыпочкахъ вышелъ на улицу.

На другой день онъ получилъ отъ Шурочки короткую сердитую записку:

„Не смѣйте никогда больше этого дѣлать. Нѣжности во вкусѣ Ромео и Джульетты смѣшны, особенно если онѣ происходятъ въ пѣхотномъ армейскомъ полку“.

Днемъ Ромашовъ старался, хоть издали, увидеть ее на улицѣ, но этого почему-то не случилось. Часто, увидавъ издали женщину, которая фигурой, походкой,

шляпкой напоминала ему Шурочку, онъ бѣжалъ за ней со стѣсненнымъ сердцемъ, съ прерывающимся дыханіемъ, чувствуя, какъ у него руки отъ волненія дѣлаются холодными и влажными. И каждый разъ, замѣтивъ свою ошибку, онъ ощущалъ въ душѣ скуку, одиночество и какую-то мертвую пустоту.

XVIII.

Въ самомъ концѣ мая въ ротѣ капитана Осадчаго повѣсился молодой солдатъ и, по странному расположенію судьбы, повѣсился въ то же самое число, въ которое въ прошломъ году произошелъ въ этой ротѣ подобный же случай: Когда его вскрывали, Ромашовъ былъ помощникомъ дежурнаго по полку и поневолѣ вынужденъ былъ присутствовать при вскрытіи. Солдатъ еще не успѣлъ разложиться. Ромашовъ слышалъ, какъ изъ его развороченнаго на куски тѣла шелъ густой запахъ сырого мяса, точно отъ тушъ, которыя выставляютъ при входѣ въ мясныя лавки. Онъ видѣлъ его сѣрыя и синія, ослизлыя глянцевитыя внутренности, видѣлъ содержимое его желудка, видѣлъ его мозгъ—сѣро-желтый, весь въ извилинахъ, вздрагивавшій на столѣ отъ шаговъ, какъ желе, перевернутое изъ формы. Все это было ново, страшно и противно и въ то же время вселяло въ него какое-то безразличное неуваженіе къ человѣку.

Изрѣдка, время отъ времени, въ полку наступали дни какого-то общаго, повального, безобразнаго кутежа. Можетъ быть, это случалось въ тѣ странныя моменты, когда люди, случайно между собой связанные, но всѣ вмѣстѣ осужденные на скучную бездѣятельность и бессмысленную жестокость, вдругъ прозрѣвали въ глазахъ другъ у друга, тамъ, далеко, въ запутанномъ и угнетенномъ сознаниі, какую-то таин-

ственную искру ужаса, тоски и безумія. И тогда спокойная, сытая, какъ у племенныхъ быковъ, жизнь точно выбрасывалась изъ своего русла.

Такъ случилось и послѣ этого самоубійства. Первымъ началъ Осадчій. Какъ разъ подошло нѣсколько дней праздниковъ подрядъ, и онъ въ теченіе ихъ велъ въ собраніи отчаянную карточную игру и страшно много пилъ. Странно: огромная воля этого большого, сильнаго и хищнаго, какъ звѣрь, человѣка увлекла за собою весь полкъ въ какую-то вертящуюся книзу воронку, и во все время этого стихійнаго, припадочнаго кутежа Осадчій съ цинизмомъ, съ наглымъ вызовомъ, точно ища отпора и возраженія, поносилъ скверными, похабными словами имя самоубійцы.

Было шесть часовъ вечера. Ромашовъ сидѣлъ съ ногами на подоконникѣ и тихо насвистывалъ вальсъ изъ „Фауста“. Въ саду кричали воробыи и стрекотали сороки. Вечеръ еще не наступилъ, но между деревьями уже бродили легкія задумчивыя тѣни.

Вдругъ, у крыльца его дома чей-то голосъ запѣлъ громко, съ воодушевленіемъ, но фальшиво:

„Бѣсятся кони, бренчатъ мундштуками,
Пѣняются, рвутся, храпя-я-ять...“

Съ грохотомъ распахнулись обѣ входныя двери, и въ комнату ввалился Вѣткинъ. Съ трудомъ удерживая равновѣсіе, онъ продолжалъ пѣть:

„Барыни, барышни взоромъ отчаяннымъ
Вслѣдъ уходящимъ глядятъ“.

Онъ былъ пьянъ, тяжело, угарно, со вчерашняго. Вѣки глазъ отъ бессонной ночи у него покраснѣли и набрякли. Шапка сидѣла на затылкѣ. Усы, еще мокрые, потемнѣли и висѣли внизъ двумя густыми сосульками, точно у моржа.

— Р-ромуальдъ! Анахоретъ сирійскій, дай, я тебя лобзну!—завопилъ онъ на всю комнату.—Ну, чего ты ки-снешь? Пойдемъ, братъ. Тамъ весело: играютъ, поютъ. Пойдемъ.

Онъ крѣпко и продолжительно поцѣловалъ Рома-шова въ губы, омочивъ его лицо своими усами.

— Ну, будетъ, будетъ, Павелъ Павловичъ,—слабо сопротивлялся Ромашовъ,—къ чему телячьи восторги?

— Другъ, руку твою! Институтка. Люблю въ тебѣ я прошлое страданье и юность улетѣвшую мою. Сей-часъ Осадчій такую вѣчную память вывелъ, что стекла задребезжали. Ромашевичъ, люблю я, братецъ, тебя! Дай я тебя поцѣлую, по-настоящему, по-русски, въ са-мья губы!

Ромашову было противно опухшее лицо Вѣткина съ остеклянѣвшими глазами, былъ гадокъ запахъ, шедшій изъ его рта, прикосновеніе его мокрыхъ губъ и усовъ. Но онъ былъ всегда въ этихъ случаяхъ беззащитенъ и теперъ только дѣлanno и вяло улыбался.

— Постои, зачѣмъ я къ тебѣ пришелъ?..—кричалъ Вѣткинъ, икая и пошатываясь.—Что-то было важное... А, вотъ зачѣмъ. Ну, братъ, и выставилъ же я Бобе-тинскаго. Понимаешь—все до тла, до копейки. Дошло до того, что онъ проситъ играть на записъ. Ну, ужъ я тутъ ему говорю: „Нѣтъ, ужъ, бателька, это атанде-съ, не хотите ли чего-нибудь помягче-съ“? Тутъ онъ ста-вить револьверъ. На-ка вотъ, Ромашенко, погляди.—Вѣткинъ вытащилъ изъ брюкъ, выворотивъ при этомъ карманъ наружу, маленькій изящный револьверъ въ сѣромъ замшевомъ чехлѣ.—Это, братъ, системы Мер-вина. Я спрашиваю: во сколько ставишь?—Двадцать пять.—Десять!—Пятнадцать.—Ну, чортъ съ тобой! По-ставилъ онъ рубль въ цвѣтъ и въ масть въ круглую. Баць, баць, баць, баць.—На пятомъ абцугѣ я его даму—чикъ! Здра-авствуйте, сто гусей. За нимъ еще что-то осталось. Великолѣпный револьверъ и патроны

къ нему. На тебѣ, Ромашевичъ. Въ знакъ памяти и дружбы нѣжной дарю тебѣ сей револьверъ, и помни всегда прилежно, какой Вѣткинъ — храбрый офицеръ. На! Это стихи.

— Зачѣмъ это, Павелъ Павловичъ? спрячьте.

— Что, ты думаешь, плохой револьверъ? Слона можно убить. Постой, мы сейчасъ попробуемъ. Гдѣ у тебя помѣщается твой рабъ? Я пойду, у него спрошу какую-нибудь доску. Эй, р-р-рабъ! Оруженосецъ!

Колелеблующимися шагами онъ вышелъ въ сѣни, гдѣ обыкновенно помѣщался Гайнанъ, повозился тамъ немного и черезъ минуту вернулся, держа подъ правымъ локтемъ за голову бюстъ Пушкина.

— Будетъ, Павелъ Павловичъ, не стойтъ, — слабо останавливалъ его Ромашовъ.

— Э, чепуха! Какой-то шпакъ. Вотъ мы его сейчасъ поставимъ на табуретку. Стой смирно, каналья! — погрозился Вѣткинъ пальцемъ на бюстъ. — Слышишь? Я т-тебѣ задамъ!

Онъ отошелъ въ сторону, прислонился къ подоконнику рядомъ съ Ромашовымъ и взвелъ курокъ. Но при этомъ онъ такъ нелѣпо, такими пьяными движеніями размахивалъ револьверомъ въ воздухъ, что Ромашовъ только испуганно морщился и часто моргалъ глазами, ожидая нечаяннаго выстрѣла.

Разстояніе было не болѣе восьми шаговъ. Вѣткинъ долго цѣлился, кружа дуломъ въ разныя стороны. Наконецъ, онъ выстрѣлилъ, и на бюстъ, на правой щекѣ образовалась большая, неправильная черная дыра. Въ ухахъ у Ромашова зазвенѣло отъ выстрѣла.

— Видалъ миндаль? — закричалъ Вѣткинъ. — Ну, такъ вотъ, на тебѣ, береги на память и помни мою любовь. А теперъ надѣвай китель и айда въ собраніе. Дернемъ во славу русскаго оружія.

— Павелъ Павловичъ, право-жъ не стойтъ, право же лучше не нужно, — безсильно умолялъ его Ромашовъ.

Но онъ не сумѣлъ отказаться: не находилъ для этого ни рѣшительныхъ словъ, ни крѣпкихъ интонацій въ голосѣ. И, мысленно браня себя за тряпичное безволие, онъ вяло поплелся за Вѣткинымъ, который нетвердо, но храбро шагаль вдоль огородныхъ грядокъ, по огурцамъ и капустѣ.

Это былъ безпорядочный, шумный, угарный—поистинѣ сумасшедшій вечеръ. Сначала пили въ собраніи, потомъ поѣхали на вокзалъ пить глинтвейнъ, потомъ опять вернулись въ собраніе. Сначала Ромашовъ стѣснялся, досадовалъ на самого себя за уступчивость и испытывалъ то нудное чувство безразличности и неловкости, которое ощущаетъ всякій свѣжій человѣкъ въ обществѣ пьяныхъ. Смѣхъ казался ему неестественнымъ, остроты—плоскими, пѣніе—фальшивымъ. Но красное горячее вино, выпитое имъ на вокзалѣ, вдругъ закружило его голову и наполнило ешумнымъ и какимъ-то судорожнымъ весельемъ. Передъ глазами встала сѣрая завѣса изъ миллионныхъ дрожащихъ песчинокъ, и все сдѣлалось удобно, смѣшно и понятно.

Часъ за часомъ пробѣгали, какъ секунды, и только потому, что въ столовой зажгли лампы, Ромашовъ смутно понималъ, что прошло много времени и наступила ночь.

— Господа, поѣдьте къ дѣвочкамъ,—предложилъ кто-то.—Поѣдьте всѣ къ Шлейфершѣ.

— Къ Шлейфершѣ, къ Шлейфершѣ. Ура!

И всѣ засуетились, загрохотали стульями, засмѣялись. Въ этотъ вечеръ все дѣлалось какъ-то само собою. У воротъ собранія уже стояли пароконные фаэтоны, но никто не зналъ, откуда они взялись. Въ сознаніи Ромашова уже давно появились черные сонные провалы, чередовавшіеся съ моментами особенно яркаго,

обостреннаго пониманія. Онъ вдругъ увидѣлъ себя сидящимъ въ экипажѣ рядомъ съ Вѣткинымъ. Впереди на скамейкѣ помѣщался кто-то третій, но лица его Ромашовъ никакъ не могъ ночью разсмотрѣть, хотя и наклонялся къ нему, безсильно мотаясь туловищемъ влѣво и вправо. Лицо это казалось темнымъ и то суживалось въ кулачокъ, то растягивалось въ косомъ направленіи и было удивительно знакомо. Ромашовъ вдругъ засмѣялся и самъ точно со стороны услыхалъ свой тупой, деревянный смѣхъ.

— Врешь, Вѣткинъ, я знаю, братъ, куда мы ѣдемъ,— сказалъ онъ съ пьянымъ лукавствомъ.—Ты, братъ, меня везешь къ женщинамъ. Я, братъ, знаю.

Ихъ перегналъ, оглушительно стуча по камнямъ, другой экипажъ. Быстро и сумбурно промелькнули въ свѣтъ фонарей гнѣдья лошади, скакавшія нестройнымъ карьеромъ, кучеръ, пеистово вертѣвшій надъ головой кнутомъ, и четыре офицера, которые съ крикомъ и свистомъ качались на своихъ сидѣньяхъ.

Сознаніе на минуту съ необыкновенной яркостью и точностью вернулось къ Ромашову. Да, вотъ онъ ѣдетъ въ то мѣсто, гдѣ нѣсколько женщинъ отдають кому угодно свое тѣло, свои ласки и великую тайну своей любви. За деньги? На минуту? Ахъ, не все ли равно! Женщины! Женщины! — кричалъ внутри Ромашова какой-то дикій и сладкій петерпѣливый голосъ. Примѣшивалась къ нему, какъ отдаленный, чуть слышный звукъ, мысль о Шурочкѣ, но въ этомъ совпадении не было ничего пизкаго, оскорбительнаго, а наоборотъ, было что-то отрадное, ожидаемое, волнующее, отъ чего тихо и пріятно щекотало въ сердцѣ.

Вотъ онъ сейчасъ пріѣдетъ къ нимъ, еще неизвѣстнымъ, еще ни разу не виданнымъ, къ этимъ страннымъ, таинственнымъ, плѣнительнымъ существамъ—къ женщинамъ! И сокровенная мечта сразу станетъ явью, и онъ будетъ смотрѣть на нихъ, братъ ихъ за

руки, слушать ихъ нѣжный смѣхъ и пѣніе, и это будетъ непонятнымъ, но радостнымъ утѣшеніемъ въ той страстной жадѣ, съ которой онъ стремится къ одной женщинѣ въ мірѣ, къ ней, къ Шурочкѣ! Но въ мысляхъ его не было никакой опредѣленно-чувственной цѣли,—его, отвергнутого одной женщиной, властно, стихійно, тянуло въ сферу этой неприкрытой, откровенной, упрощенной любви, какъ тянетъ въ холодную ночь на огонь маяка усталыхъ и иззябшихъ перелетныхъ птицъ. И больше ничего.

Лошади повернули направо. Сразу прекратился стукъ колесъ и дребезжанье гаекъ. Экипажъ сильно и мягко заколебался на колеяхъ и выбоинахъ, круто спускаясь подъ горку. Ромашовъ открылъ глаза. Глубоко внизу, подъ его ногами, широко и въ безпорядкѣ разбросались маленькіе огоньки. Они то ныряли за деревья и невидимые дома, то опять выскакивали наружу, и казалось, что тамъ, по долину, бродитъ большая, разбившаяся толпа, какая-то фантастическая процессія съ фонарями въ рукахъ. На мигъ откуда-то пахло тепломъ и запахомъ полыни, большая темная вѣтка зашелестѣла по головамъ и тотчасъ же потянуло сырмъ холодомъ, точно дыханіемъ стараго погреба.

— Куда мы ѣдемъ?—спросилъ опять Ромашовъ.

— Въ Завалье!—крикнулъ сидѣвшій спереди, и Ромашовъ съ удивленіемъ подумалъ: „Ахъ, да, вѣдь это поручикъ Епифановъ.—Мы ѣдемъ къ Шлейфершѣ“.— Неужели вы ни разу не были?

— Убирайтесь вы къ чорту!—крикнулъ Ромашовъ.

Но Епифановъ смѣялся и говорилъ:

— Послушайте, Юрій Алексѣичъ, хотите, мы шепнемъ, что вы въ первый разъ въ жизни? А? Ну, маленькій, ну, душечка. Онѣ это любятъ. Что вамъ это стоитъ?

Опять сознаніе Ромашова заволоклось плотнымъ непроницаемымъ мракомъ. Сразу, точно безъ малѣйшаго

перерыва, онъ увидѣлъ себя въ большой залѣ съ паркетнымъ поломъ и съ вѣнскими стульями вдоль всѣхъ стѣнъ. Надъ входной дверью и надъ тремя другими дверями, ведущими въ темныя каморки, висѣли длинныя ситцевыя портьеры, красныя, въ желтыхъ букетахъ. Такія же занавѣски слабо надувались и колыхались надъ окнами, отворенными въ черную тьму двора. На стѣнахъ горѣли лампы. Было свѣтло, дымно и пахло острой еврейской кухней, но по временамъ изъ оконъ доносился свѣжій запахъ мокрой зелени, цвѣтушей бѣлой акаціи и весенняго воздуха.

Офицеровъ пріѣхало около десяти. Казалось, что каждый изъ нихъ одновременно и пѣлъ, и кричалъ, и смѣялся. Ромашовъ, блаженно и наивно улыбаясь, бродилъ отъ одного къ другому, узнавая, точно въ первый разъ, съ удивленіемъ и съ удовольствіемъ: Бекъ-Агамалова, Лбова, Вѣткина, Енифанова, Арчаковского, Олизара и другихъ. Тутъ же былъ и штабсъ-капитанъ Лещенко; онъ сидѣлъ у окна со своимъ всегдашнимъ покорнымъ и унылымъ видомъ. На столѣ, точно сами собой, какъ и все было въ этотъ вечеръ, появились бутылки съ пивомъ и съ густой вишневою паливкой. Ромашовъ пилъ съ кѣмъ-то, чокался и цѣловался, и чувствовалъ, что руки и губы у него стали липкими и сладкими.

Тутъ было пять или шесть женщинъ. Одна изъ нихъ, по виду дѣвочка лѣтъ четырнадцати, одѣтая пажомъ, съ ногами въ розовомъ трико, сидѣла на колѣняхъ у Бекъ-Агамалова и играла шнурами его аксельбантовъ. Другая, крупная блондинка, въ красной шелковой кофтѣ и темной юбкѣ, съ большимъ красивымъ, напудреннымъ лицомъ и круглыми черными, широкими бровями, подошла къ Ромашову.

— Мужчина, что вы такой скучный? Пойдемте въ комнату, — сказала она низкимъ голосомъ.

Она бокомъ, развязно сѣла на столъ, положивъ нога

на ногу. Ромашовъ увидѣлъ, какъ подъ платьемъ гладко опредѣлилась ея круглая и мощная ляжка. У него задрожали руки и стало холодно во рту. Онъ спросилъ робко:

— Какъ васъ зовуть?

— Меня? Мальвиной.— Она равнодушно отвернулась отъ офицера и заболтала погами.— Угостите папирочкой.

Откуда-то появились два музыканта еврея, одинъ со скрипкой, другой—съ бубномъ. Подъ докучный фальшивый мотивъ польки, сопровождаемый глухими дребезжащими ударами, Олизаръ и Арчаковскій стали плясать канканъ. Они скакали другъ передъ другомъ то на одной, то на другой ногѣ, прищелкивая пальцами вытянутыхъ рукъ, пятились назадъ, раскорячивъ согнутыя колѣни и заложивъ большіе пальцы подъ мышки, и съ грубо циничными жестами вихлялись бедрами, безобразно наклоняя туловище то впередъ, то назадъ. Вдругъ Бекъ-Агамаловъ вскочилъ со стула и закричалъ рѣзкимъ, высокимъ, изступленнымъ голосомъ:

— Къ чорту шпаковъ! Сейчасъ же вонъ! Фить!

Въ дверяхъ стояло двое штатскихъ:—ихъ знали всѣ офицеры въ полку, такъ какъ они бывали на вечерахъ въ собраніи,—одинъ—чиновникъ казначейства, а другой—братъ судебного пристава, мелкій помѣщикъ,—оба очень приличные молодые люди.

У чиновника была на лицѣ блѣдная насильственная улыбка, и онъ говорилъ искательнымъ тономъ, но стараясь держать себя развязно:

— Позвольте, господа... раздѣлить компанію. Вы же меня знаете, господа... Я же Дубецкій, господа... Мы, господа, вамъ не помѣшаемъ.

— Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ,—сказалъ братъ судебного пристава и захохоталъ напряженно.

— Во-онъ!—закричалъ Бекъ-Агамаловъ.—Маршъ!

-- Господа, выставляйте шпакоть! -- захохоталъ Арчаковскій.

Поднялась суматоха. Все въ комнатѣ завертѣлось клубкомъ, застонало, засмѣялось, затопало. Запрыгали вверхъ, копя, огненные язычки лампъ. Прохладный ночной воздухъ ворвался изъ оконъ и трепетно дохнулъ на лица. Голоса штатскихъ, уже на дворѣ, кричали съ безсильнымъ и злымъ испугомъ, жалобно, громко и слезливо:

— Я этого такъ тебѣ не оставлю! Мы командиру полка будемъ жаловаться. Я губернатору напишу. Опричники!

— У-лю-лю-лю-лю! Ату ихъ!—вопилъ тонкимъ фальцетомъ Вѣткинъ, высунувшись изъ окна.

Ромашову казалось, что всѣ сегодняшнія происшествія слѣдуютъ одно за другимъ безъ перерыва и безъ всякой связи, точно передъ нимъ разматывалась крикливая и пестрая лента съ уродливыми, нелѣпыми, кошмарными картинами. Опять однообразно завизжала скрипка, загудѣлъ и задрожалъ бубень. Кто-то безъ мундира, въ одной бѣлой рубашкѣ плясалъ въ присядку, посрединѣ комнаты, ежеминутно падая на задъ и упираясь рукой въ полъ. Худенькая красивая женщина — ея раньше Ромашовъ не замѣтилъ — съ распущенными черными волосами и съ торчащими ключицами на открытой шеѣ, обнимала голыми руками печальнаго Лещенка за шею и, стараясь перекричать музыку и гомонъ, визгливо пѣла ему въ самое ухо:

Когда заболѣешь чахоткой навсегда,
Станешь блѣдный, какъ эта стѣна,—
Кругомъ тебе доктора.

Вобетинскій плескалъ пивомъ изъ стакана черезъ перегородку въ одну изъ темныхъ отдѣльныхъ каморокъ, а оттуда недовольный густой, заспанный голосъ говорилъ ворчливо:

— Да, господа... да будетъ же. Кто это тамъ? что за свинство!

— Послушайте, давно ли вы здѣсь?—спросилъ Ромашовъ женщину въ красной кофѣ и воровато, какъ будто незамѣтно для себя, положилъ ладонь на ея крѣпкую теплую ногу.

Она что-то отвѣтила, чего онъ не разслышалъ. Его вниманіе привлекла дикая сцена. Подираторщикъ Лбовъ гонялся по комнатѣ за однимъ изъ музыкантовъ и изо всей силы колотилъ его бубномъ по головѣ. Еврей кричалъ быстро и непонятно и, озираясь назадъ съ испугомъ, метался изъ угла въ уголь, подбирая длинныя фалды сюртука. Всѣ смѣялись. Арчаковский отъ хохота упалъ на полъ и со слезами на глазахъ качался во всѣ стороны. Потомъ послышался пронзительный вопль другого музыканта. Кто-то выхватилъ у него изъ рукъ скрипку и со страшной силой ударилъ ее объ землю. Дека ея разбилась въ дребезги, съ пѣвучимъ трескомъ, который странно слился съ отчаяннымъ крикомъ еврея. Потомъ для Ромашова настало нѣсколько минутъ темнаго забвенія. И вдругъ опять онъ увидѣлъ, точно въ горячемъ снѣ, что всѣ, кто были въ комнатѣ, сразу закричали, забѣгали, замахали руками. Вокругъ Бекъ-Агамалова быстро и тѣсно сомкнулись люди, но тотчасъ же они широко раздались, разбѣжались по всей комнатѣ.

— Всѣ вонъ отсюда! Никого не хочу!—бѣшено кричалъ Бекъ-Агамаловъ. Онъ скрежеталъ, потрясалъ предъ собой кулаками и топалъ ногами. Лицо у него сдѣлалось малиновымъ, на лбу вздулись, какъ шнурки, двѣ жилы, сходящіяся къ носу, голова была низко и грозно опущена, а въ выкатившихся глазахъ страшно сверкали обнажившіеся круглые бѣлки.

Онъ точно потерялъ человѣческія слова и ревелъ, какъ взбѣсившійся звѣрь, ужаснымъ вибрирующимъ голосомъ:

— А-а-а-а!

Вдругъ онъ, быстро и неожиданно-ловко изогнувшись тѣломъ влѣво, выхватилъ изъ ножонъ шашку. Она лягнула и съ рѣзкимъ свистомъ сверкнула у него надъ головой. И сразу всѣ, кто были въ комнатѣ, ринулись къ окнамъ и къ дверямъ. Женщины истерически визжали. Мужчины отталкивали другъ друга. Ромашова стремительно увлекли къ дверямъ, и кто-то, протѣсняясь мимо него, больно, до крови, черкнулъ его концомъ погона или пугсвицей по щекѣ. И тотчасъ же на дворѣ закричали, перебивая другъ друга, взволнованные торопливые голоса. Ромашовъ остался одинъ въ дверяхъ. Сердце у него часто и крѣпко билось, но вмѣстѣ съ ужасомъ онъ испытывалъ какое-то сладкое, буйное и веселое предчувствіе.

— Зарублю-у-у-у!— кричалъ Бекъ-Агамаловъ, скрипя зубами. Видъ общаго страха совсѣмъ опьянилъ его. Онъ съ припадочной силой въ нѣсколько ударовъ рашцепилъ столъ, потомъ яростно хватилъ шашкой по зеркалу, и осколки отъ него сверкающимъ радужнымъ дождемъ брызнули во всѣ стороны. Съ другого стола онъ однимъ ударомъ сбилъ всѣ стоявшіе на немъ бутылки и стаканы.

Но вдругъ раздался чей-то пронзительный неестественно-наглый крикъ:

— Дуракъ! Хамъ!

Это кричала та самая простоволосая женщина съ голыми руками, которая только-что обнимала Лещенка. Ромашовъ раньше не видѣлъ ея. Она стояла въ нишѣ за печкой и, упираясь кулаками въ бедра, вся наклоняясь впередъ, кричала безъ перерыва крикомъ обчитанной рыночной торговки:

— Дуракъ! Хамъ! Халуй! И никто тебя не боится! Дуракъ, дуракъ, дуракъ, дуракъ!..

Бекъ-Агамаловъ нахмурилъ брови и, точно растерявшись, опустилъ внизъ шашку. Ромашовъ видѣлъ

какъ постепенно блѣднѣло его лицо, и какъ въ глазахъ его разгорался зловѣщій желтый блескъ. И въ то же время онъ все ниже и ниже сгибалъ ноги, весь съеживался и вбиралъ въ себя шею, какъ звѣрь, готовый сдѣлать прыжокъ.

— Замолчи!—бросилъ онъ хрипло, точно выплюнулъ.

— Дуракъ! Болванъ! Армяшка! Не замолчу! Дуракъ! Дуракъ! — выкрикивала женщина, содрогаясь всѣмъ тѣломъ при каждомъ крикѣ.

Ромашовъ зналъ, что и онъ самъ блѣднѣетъ съ каждымъ мгновеніемъ. Въ головѣ у него сдѣлалось знакомое чувство невѣсомости, пустоты и свободы. Странная смѣсь ужаса и веселья подняла вдругъ его душу кверху, точно легкую пьяную пѣну. Онъ увидѣлъ, что Бекъ-Агамаловъ, не сводя глазъ съ женщины, медленно поднимаетъ надъ головой пашку. И вдругъ пламенный потокъ безумнаго восторга, ужаса, физическаго холода, смѣха и отваги нахлынулъ на Ромашова. Бросаясь впередъ, онъ еще успѣлъ разслышать, какъ Бекъ-Агамаловъ прохрипѣлъ яростно:

— Ты не замолчишь? Я тебя въ послѣдній...

Ромашовъ крѣпко, съ силой, которой онъ самъ отъ себя не ожидалъ, схватилъ Бекъ-Агамалова за кисть руки. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ оба офицера, не моргая, пристально глядѣли другъ на друга, на разстояніи пяти или шести вершковъ. Ромашовъ слышалъ частое, фыркающее, какъ у лошади, дыханіе Бекъ-Агамалова, видѣлъ его страшные бѣлки и остроблестящіе зрачки глазъ, и бѣлыя, скрипящія, движущіяся челюсти, но онъ уже чувствовалъ, что безумный огонь съ каждымъ мгновеніемъ потухаетъ въ этомъ искаженномъ лицѣ. И было ему жутко и невыразимо радостно стоять такъ, между жизнью и смертью, и уже знать, что онъ выходитъ побѣдителемъ въ этой игрѣ. Должно быть, всѣ тѣ, кто наблюдали эту сцену извнѣ,

поняли ея опасное значеніе. На дворѣ за окнами стало тихо,—такъ тихо, что гдѣ то въ двухъ шагахъ, въ темнотѣ, соловей вдругъ залился громкой, беззаботной трелью.

— Пусти!—хрипло выдавилъ изъ себя Бекъ-Агамаловъ.

— Бекъ, ты не ударишь женщину,—сказалъ Ромашовъ спокойно.—Бекъ, тебѣ будетъ на всю жизнь стыдно. Ты не ударишь.

Послѣднія искры безумія угасли въ глазахъ Бекъ-Агамалова. Ромашовъ быстро замигалъ вѣками и глубоко вздохнулъ, точно послѣ обморока. Сердце его забилось быстро и беспорядочно, какъ во время испуга, а голова опять сдѣлалась тяжелой и теплой.

— Пусти!—еще разъ крикнулъ Бекъ-Агамаловъ съ ненавистью и рванулъ руку. Теперь Ромашовъ чувствовалъ, что онъ уже не въ силахъ сопротивляться ему, но онъ уже не боялся его и говорилъ жалостливо и ласково, притрогиваясь чуть слышно къ плечу товарища:

— Простите меня... Но вѣдь вы сами потомъ скажете мнѣ спасибо.

Бекъ-Агамаловъ рѣзко, со стукомъ вбросилъ шашку въ ножны.

— Ладно! Къ чорту!—крикнулъ онъ сердито, но уже съ долей притворства и смущенія.—Мы съ вами еще раадѣлаемся. Вы не имѣете права!..

Всѣ, глядѣвшіе на эту сцену со двора, поняли, что самое страшное пронеслось. Съ преувеличеннымъ, напряженнымъ хохотомъ, толпой ввалились они въ двери. Теперь всѣ они принялись съ фамиллярной и дружеской развязностью успокаивать и уговаривать Бекъ-Агамалова. Но онъ уже погасъ, обезсилѣлъ, и его сразу потемнѣвшее лицо имѣло усталое и брезгливое выраженіе.

Прибѣжала Шлейферша, толстая дама съ засален-

ными грудями, съ жесткимъ выраженіемъ глазъ, окруженныхъ темными мѣшками, безъ рѣсницъ. Она кидалась то къ одному, то къ другому офицеру, трогала ихъ за рукава и за пуговицы и кричала плачевно:

— Ну, господа, ну, кто мнѣ заплатитъ за все: за зеркало, за столъ, за напитки и за дѣвочекъ?

И опять кто-то невѣдомый остался объясняться съ ней. Прочіе офицеры вышли гурьбой наружу. Чистый, нѣжный воздухъ майской ночи легко и пріятно вторгся въ грудь Ромашова и наполнилъ все его тѣло свѣжимъ радостнымъ трепетомъ. Ему казалось, что слѣды сегодняшняго пьянства сразу стерлись въ его мозгу, точно отъ прикосновенія мокрой губки.

Къ нему подошелъ Бекъ-Агамаловъ и взялъ его подъ руку.

— Ромашовъ, садитесь со мной,—предложилъ онъ,—хорошо?

И когда они уже сидѣли рядомъ, и Ромашовъ, наклоняясь вправо, глядѣлъ, какъ лошади нестройнымъ галопомъ, вскидывая широкими задами, вывозили экипажъ на гору, Бекъ-Агамаловъ ощупью нашелъ его руку и крѣпко, больно и долго сжалъ ее. Больше между ними ничего не было сказано.

XIX.

Но волненіе, которое было только-что пережито всѣми, сказалось въ общей нервной, беспорядочной взвинченности. По дорогѣ въ собраніе офицеры много безобразничали. Останавливали проходящаго еврея, подзывали его и, сорвавъ съ него шапку, гнали извозчика впередъ; потомъ бросали эту шапку куда-нибудь за заборъ, на дерево. Олизаръ во время ѣзды, стоя на подножкѣ экипажа, мочился наружу, на мостовую, норовя попадать въ прохожихъ, которые шли, по про-

винціальному обычаю, серединой улицы. Бобетинскій избилъ извозчика. Остальные громко пѣли и безтолково кричали. Только Бекъ-Агамаловъ, сидѣвшій рядомъ съ Ромашовымъ, молчалъ всю дорогу, сердито и сдержанно посапывая.

Собраніе, несмотря на поздній часъ, было ярко освѣщено и полно народомъ. Въ карточной, въ столовой, въ буфетѣ и въ билліардной безпомощно толклись ошалѣвшіе отъ вина, отъ табаку и отъ азартной игры люди въ разстегнутыхъ кителяхъ, съ неподвижными кислыми глазами и вялыми движеніями. Ромашовъ, здороваясь съ нѣкоторыми офицерами, вдругъ замѣтилъ среди нихъ, къ своему удивленію, Николаева. Онъ сидѣлъ около Осадчаго и былъ пьянъ и красенъ, но держался твердо. Когда Ромашовъ, обходя столъ, приблизился къ нему, Николаевъ быстро взглянулъ на него и тотчасъ же отвернулся, чтобы не подать руки, и съ преувеличеннымъ интересомъ заговорилъ съ своимъ сосѣдомъ.

— Вѣткинъ, идите пѣть!—крикнулъ Осадчій черезъ головы товарищей.

— С-п-о-ем-те что-ни-и-будь,—запѣлъ Вѣткинъ на мотивъ церковнаго антифона.

— Спо-ем-те что-ни-будь. Споемте что-о-ни-и-будь,—подхватили громко остальные.

— За поповымъ перелазомъ подралися трое разомъ,—зачастилъ Вѣткинъ церковной скороговоркой:—попъ, дякъ, пономарь та ще губернской секретарь. Совайся, Ничипоре, со-вай-ся.

— Совайся, Ничи-поре, со-о-вай-ся,—тихо, полными аккордами отвѣтилъ ему хоръ, весь сдержанный и точно согрѣтый мягкой октавой Осадчаго.

Вѣткинъ дирижировалъ пѣніемъ, стоя посреди стола, и распростирая надъ поющими руки. Онъ дѣлалъ то страшные, то ласковые и одобрительные глаза, шипѣлъ

на тѣхъ, кто пѣлъ невѣрно, и едва замѣтнымъ трепаніемъ протянутой ладони сдерживаль увлекающихся.

— Штабсъ-капитанъ Лещенко, вы фальшивите! Вамъ медвѣдь на ухо наступилъ. Замолчите! — крикнулъ Осадчій.—Господа, да замолчите же кругомъ! Не галдите, когда поютъ.

— Какъ богатый мужикъ ѣстъ пуншь гля-се...— продолжалъ вычитывать Вѣткинъ. Отъ табачнаго дыма рѣзало въ глазахъ. Клеенка на столѣ была липкая, и Ромашовъ вспомнилъ, что онъ не мылъ сегодня вечеромъ рукъ. Онъ пошелъ черезъ дворъ въ комнату, которая называлась „офицерскими номерами“,—тамъ всегда стоялъ умывальникъ. Это была пустая холодная коморка въ одно окно. Вдоль стѣнъ стояли раздѣленные шкапчикомъ, на больничный манеръ, двѣ кровати. Бѣлья на нихъ никогда не мѣняли, такъ же, какъ никогда не подметали полъ въ этой комнатѣ и не провѣтривали воздухъ. Отъ этого въ номерахъ всегда стоялъ затхлый, грязный запахъ заношеннаго бѣлья, застарѣлаго табачнаго дыма и смазныхъ сапогъ. Комната эта предназначалась для временнаго жилья офицерамъ, пріѣзжавшимъ изъ дальнихъ отдѣльныхъ стоянокъ въ штабъ полка. Но въ нее обыкновенно складывали во время вечеровъ, по двое и даже по трое на одну кровать, особенно пьяныхъ офицеровъ. Поэтому она также носила названіе „мертвецкой комнаты“, „трупарни“ и „морга“. Въ этихъ названіяхъ крылась безсознательная, но страшная жизненная иронія, потому что съ того времени, какъ полкъ стоялъ въ городѣ,—въ офицерскихъ номерахъ, именно на этихъ самыхъ двухъ кроватяхъ, уже застрѣлилось нѣсколько офицеровъ и одинъ денщикъ. Впрочемъ, не было года, чтобы въ N-скомъ полку не застрѣлился кто-нибудь изъ офицеровъ.

Когда Ромашовъ вошелъ въ мертвецкую, два человека сидѣли на кроватяхъ у изголовій, около окна,

Они сидѣли безъ огня, въ темнотѣ, и только по едва слышной вознѣ Ромашовъ замѣтилъ ихъ присутствіе и съ трудомъ узналъ ихъ, подойдя вплотную и нагнувшись надъ ними. Это были штабсъ-капитанъ Клодтъ, алкоголикъ и воръ, отчисленный отъ командованія ротой, и подпрапорщикъ Золотухинъ, долговязый, пожилой, уже плѣшивый, игрокъ, скандалистъ, сквернословъ и тоже пьяница, изъ типа вѣчныхъ подпрапорщиковъ. Между обоими тускло поблескивала на столѣ четвертая бутылъ водки, стояла пустая тарелка съ какой-то жижей и два полныхъ стакана. Не было видно никакихъ слѣдовъ закуски. Событыльники молчали, точно притаившись отъ вошедшаго товарища и, когда онъ нагнулся надъ ними, они, хитро улыбаясь въ темнотѣ, глядѣли куда-то внизъ.

— Боже мой, что вы тутъ дѣлаете?—спросилъ Ромашовъ испуганно.

— Т-сс!..—Золотухинъ таинственно, съ предостерегающимъ видомъ поднялъ палецъ кверху.—Подождите. Не мѣшайте.

— Тихо!—короткимъ шопотомъ сказалъ Клодтъ.

Вдругъ гдѣ-то вдаль загрохотала телѣга. Тогда оба торопливо подняли стаканы, стукнулись ими и одновременно выпили.

— Да что же это такое, наконецъ?—воскликнулъ въ тревогѣ Ромашовъ.

— А это, родной мой,—многозначительнымъ шопотомъ отвѣтилъ Клодтъ:—это у насъ такая закуска. Подъ стукъ телѣги. Фендрикъ,—обратился онъ къ Золотухину.—Ну, теперь подо что выпьемъ? Хочешь подъ свѣтъ луны?

— Пили ужъ,—серьезно возразилъ Золотухинъ и поглядѣлъ въ окно на узкій серпъ мѣсяца, который низко и скучно стоялъ надъ городомъ.—Подождемъ. Вотъ, можетъ быть, собака залаетъ. Помолчи.

Такъ они шептались, наклоняясь другъ къ другу,

охваченные мрачной шутивостью пьянаго безумія. А изъ столовой въ это время доносились смягченные, заглушенные стѣнами и оттого гармонично-печальные звуки церковнаго напѣва, похожаго на отдаленное погребальное пѣніе.

Ромашовъ всплеснулъ руками и схватился за голову.

— Господа, ради Бога, оставьте: это страшно, — ска- залъ онъ съ тоскою.

— Убирайся къ дьяволу!—заоралъ вдругъ Золотухинъ.—Нѣтъ стой, братъ! Куда? Раньше выпейте съ порядочными господами. Нѣ-ѣтъ, не перехитришь, братъ. Держите его, штабсъ-капитанъ, а я запру дверь.

Они оба вскочили съ кровати и принялись съ сумасшедшимъ лукавымъ смѣхомъ ловить Ромашова. И все это вмѣстѣ—эта темная, вонючая комната, это тайное фантастическое пьянство среди ночи, безъ огня, эти два обезумѣвшихъ человѣка—все вдругъ повѣяло на Ромашова нестерпимымъ ужасомъ смерти и сумасшествія. Онъ съ пронзительнымъ крикомъ оттолкнулъ Золотухина далеко въ сторону и, весь содрогаясь, выскочилъ изъ мертвецкой.

Умомъ онъ звалъ, что ему нужно идти домой, но по какому-то непонятному, странному и даже неприятному внутреннему влеченію онъ вернулся въ столовую. Тамъ уже многіе дремали, сидя на стульяхъ и подоконникахъ. Было невыносимо жарко, и, несмотря на открытыя окна, лампы и свѣчи горѣли не мигая. Утомленная, сбившаяся съ ногъ прислуга и солдаты-буфетчики дремали стоя и ежеминутно зѣвали, не разжимая челюстей, однѣми ноздрями. Но повальное тяжелое, общее пьянство не прекращалось.

Вѣткія стоялъ уже на столѣ и пѣлъ высокимъ чувствительнымъ теноромъ:

„Бы-ы-стры, какъ волны-ы,
Дни-и нашей жиз-ни“...

Въ полку было много офицеровъ изъ духовныхъ и потому пѣли хорошо, даже въ пьяные часы. Простой, печальный, трогательный мотивъ облагораживалъ пошлыя слова. И всѣмъ на минуту стало тоскливо и тѣсно подъ этимъ низкимъ потолкомъ въ затхлой комнатѣ, среди узкой, глухой и слѣпой жизни.

„Умрешь, похоронять,
Какъ не жить на свѣтѣ“...—

пѣль выразительно Вѣткинъ, и отъ звуковъ собственного высокаго и растроганнаго голоса, и отъ физическаго чувства общей гармоніи хора—въ его добрыхъ, глуповатыхъ глазахъ стояли слезы. Арчаковскій бережно вторилъ ему. Для того, чтобы заставить свой голосъ вибрировать, онъ двумя пальцами трясъ себя за кадыкъ. Осадчій густыми, тягучими нотами аккомпанировалъ хору, и казалось, что всѣ остальные голоса плавали, точно въ темныхъ волнахъ, въ этихъ низкихъ органическихъ звукахъ.

Пропѣли эту пѣсню, помолчали немного. На всѣхъ нашла сквозь пьяный угаръ тихая, задумчивая минута. Вдругъ Осадчій, глядя внизъ на столъ опущенными глазами, началъ вполголоса:

„Въ путь узкій ходшіе прискорбный, вси—житіе, яко яремъ, взявшіе“...

— Да будетъ вамъ!—замѣтилъ кто-то скучающимъ тономъ.—Вотъ прицѣпились вы къ этой панихидѣ. Въ десятый разъ!

Но другіе уже подхватили похоронный напѣвъ, и вотъ въ загаженной, заплеванной, прокуренной столовой понеслись чистые, ясные аккорды панихиды Іоанна Дамаскина, проникнутые такой горячей, такой чувственной печалью, такой страстной тоской по уходящей жизни:

„И мнѣ послѣдовавшіе вѣрою прїидите, насладитесь, яже уготовахъ вамъ почестей и вѣнцовъ небесныхъ“...

И тотчасъ же Арчаковскій, знавшій службу не хуже любого дьякона, подхватилъ возгласъ:

— Рцемъ вси отъ всея души...

Такъ они и прослужили всю панихиду. А когда очередь дошла до послѣдняго воззванія, то Осадчій, наклонивъ внизъ голову, напряживъ шею, со странными и страшными, печальными и злыми глазами заговорилъ нараспѣвъ низкимъ голосомъ, рокочущимъ, какъ струны контрабаса:

„Во блаженномъ успеніи животь и вѣчный покой подаждь, Господи, усопшему рабу твоему Никифору...— Осадчій вдругъ выпустилъ ужасное, циничное, въ три слова, ругательство,—и сотвори ему вѣ-ѣ-ѣчную“...

Ромашовъ вскочилъ и бѣшено, изо всей силы ударилъ кулакомъ по столу.

— Не позволю! Молчите!— закричалъ онъ пронзительнымъ, страдальческимъ голосомъ.—Зачѣмъ смѣяться? Капитанъ Осадчій, вамъ вовсе не смѣшно, а вамъ больно и страшно! Я вижу! Я знаю, что вы чувствуете въ душѣ!

Среди общаго, мгновеннаго молчанія только одинъ чей-то голосъ промолвилъ съ недоумѣніемъ:

— Онъ пьянь?

Но тотчасъ же, какъ и давеча, у Шлейферши, все загудѣло, застонало, вскочило съ мѣста и свернулось въ какой-то пестрый, движущійся, крикливый клубокъ. Вѣткинъ, прыгая со стола, задѣлъ головой висячую лампу; она закачалась огромными плавными зигзагами, и тѣни отъ бѣснующихся людей, то выростая, какъ великаны, то исчезая подъ полъ, зловѣще спутались и заметались по бѣлымъ стѣнамъ и по потолку.

Все, что теперь происходило въ собраніи съ этими развинченными, возбужденными, пьяными и несчастными людьми,—совершалось быстро, нелѣпо и непоправимо. Точно какой-то злой, сумбурный, глупый, яростно-насмѣшливый демонъ овладѣлъ людьми и заставлялъ

ихъ говорить скверныя слова и дѣлать безобразныя, нестройныя движенія.

Среди этого чада, Ромашовъ вдругъ увидѣлъ совсѣмъ близко около себя чье-то лицо, съ искривленнымъ кричащимъ ртомъ, которое онъ сразу даже не узналъ—такъ оно было перековеркано и обезображено злобой. Это Николаевъ кричалъ ему, брызжа слюной и нервно дергая мускулами лѣвой щеки подъ глазомъ:

— Сами позорите полкъ! Не смѣете ничего говорить. Вы—и разные Назанскіе! Безъ году недѣля!..

Кто-то осторожно тянулъ Ромашова назадъ. Онъ обернулся и узналъ Бекъ-Агамалова, но тотчасъ же отвернувшись, забылъ о немъ. Блѣднѣя отъ того, что сію минуту произойдетъ, онъ сказалъ тихо и хрипло съ измученной, жалкой улыбкой:

— А причемъ же здѣсь Назанскій? Или у васъ есть особья, таинственныя причины быть имъ недозвольнымъ?

— Я вамъ въ морду дамъ! Подлецъ, сволочь!—закричалъ Николаевъ высокимъ, лающимъ голосомъ.—Хамъ!

Онъ рѣзко замахнулся на Ромашова кулакомъ и сдѣлалъ грозные глаза, но ударить не рѣшался. У Ромашова въ груди и въ животѣ сдѣлалось тоскливое, противное обморочное замираніе. До сихъ поръ онъ совсѣмъ не замѣчалъ, точно забылъ, что въ правой рукѣ у него все время находится какой-то посторонній предметъ. И вдругъ быстрымъ, короткимъ движеніемъ онъ выплеснулъ въ лицо Николаеву остатки пива изъ своего стакана.

Въ то же время вмѣстѣ съ мгновенной тупой болью бѣлыя яркія молніи брызнули изъ его лѣваго глаза. Съ протяжнымъ, звѣринымъ воемъ кинулся онъ на Николаева, и они оба грохнулись внизъ, сплелись руками и ногами и покатались по полу, роняя стулья и глотая грязную, вонючую пыль. Они рвали, комкали и

тискали другъ друга, рыча и задыхаясь. Ромашовъ помнилъ, какъ случайно его пальцы попали въ ротъ Николаеву за щеку и какъ онъ старался разорвать ему этотъ скользкій, противный, горячій ротъ... И онъ уже не чувствовалъ никакой боли, когда бился головой и локтями объ полъ въ этой безумной борьбѣ.

Онъ не зналъ также, какъ все это окончилось. Онъ засталъ себя стоящимъ въ углу, куда его отбѣснили, оторвавъ отъ Николаева. Бекъ-Агамаловъ поилъ его водой, но зубы у Ромашова судорожно стучали о края стакана, и онъ боялся, какъ бы не откусить кусокъ стекла. Китель на немъ былъ разорванъ подъ мышками и на спинѣ, а одинъ погонъ, оторванный, болтался на тесемочкѣ. Голоса у Ромашова не было, и онъ кричалъ беззвучно, однѣми губами:

— Я ему... еще покажу!.. Вызываю его!..

Старый Лехъ, до сихъ поръ сладко дремавшій на концѣ стола, а теперь совсѣмъ очнувшійся, трезвый и серьезный, говорилъ съ непривычной суровой повелительностью:

— Какъ старшій, приказываю вамъ, господа, немедленно разойтись. Слышите, господа, сейчасъ же. Обо всемъ будетъ мною утромъ поданъ рапортъ командиру полка.

И всѣ расходились смущенные, подавленные, избѣгая глядѣть другъ на друга. Каждый боялся прочесть въ чужихъ глазахъ свой собственный ужасъ, свою рабскую, виноватую тоску—ужасъ и тоску маленькихъ, злыхъ и грязныхъ животныхъ, темный разумъ которыхъ вдругъ освѣтился яркимъ, человѣческимъ сознаниемъ.

Былъ разсвѣтъ, съ яснымъ, дѣтски-чистымъ небомъ и неподвижнымъ, прохладнымъ воздухомъ. Деревья влажныя, окутанныя чуть-виднымъ паромъ, молчаливо просыпались отъ своихъ темныхъ загадочныхъ ночныхъ сновъ. И когда Ромашовъ, идя домой,

глядѣль на нихъ и на небо, и на мокрую, сѣдую отъ росы траву, то онъ чувствовалъ себя низенькимъ, гадкимъ, уродливымъ и безконечно чужимъ среди этой невинной прелести утра, улыбавагося съ просонокъ.

XX.

Въ тотъ же день—это было въ среду—Ромашовъ получилъ короткую оффиціальную записку:

„Судъ общества офицеровъ N-скаго пѣхотнаго полка приглашаетъ подпоручика Ромашова явиться къ шести часамъ въ залъ офицерскаго собранія. Форма одежды обыкновенная.

Предсѣдатель суда Подполковникъ Мигуновъ“.

Ромашовъ не могъ удержаться отъ невольной грустной улыбки: эта „форма одежды обыкновенная“—мундиръ съ погонами и цвѣтнымъ кушакомъ—надѣвается именно въ самыхъ необыкновенныхъ случаяхъ: на судѣ, при публичныхъ выговорахъ и во время всякихъ неприятныхъ явокъ по начальству.

Къ шести часамъ онъ пришелъ въ собраніе и приказалъ вѣстовому доложить о себѣ предсѣдателю суда. Его попросили подождать. Онъ сѣлъ въ столовой у открытаго окна, взялъ газету и сталъ читать ее, не понимая словъ, безъ всякаго интереса, механически пробѣгая глазами буквы. Трое офицеровъ, бывшихъ въ столовой, поздоровались съ нимъ сухо и заговорили между собой вполголоса, такъ, чтобъ онъ не слышалъ. Только одинъ подпоручикъ Михинъ долго и крѣпко, съ мокрыми глазами жалъ ему руку, но ничего не сказалъ, покраснѣлъ, торопливо и неловко одѣлся и ушелъ.

Вскорѣ въ столовую черезъ буфетъ вышелъ Николаевъ. Онъ былъ блѣденъ, вѣки его глазъ потемнѣли, лѣвая щека все время судорожно дергалась, а надъ

ней ниже виска синѣло большое пухлое пятно. Ромашовъ ярко и мучительно вспомнилъ вчерашнюю драку и, весь сгорбившись, сморщивъ лицо, чувствуя себя расплуснутымъ невыносимой тяжестью этихъ позорныхъ воспоминаній, спрятался за газету и даже плотно зажмурилъ глаза.

Онъ слышалъ, какъ Николаевъ спросилъ въ буфетѣ рюмку коньяку, и какъ онъ прощался съ кѣмъ-то. Потомъ почувствовалъ мимо себя шаги Николаева. Хлопнула на блокѣ дверь. И вдругъ черезъ нѣсколько секундъ онъ услышалъ со двора за своей спиной осторожный шопотъ:

— Не оглядывайтесь назадъ! Сидите спокойно. Слушайте.

Это говорилъ Николаевъ. Газета задрожала въ рукахъ Ромашова.

— Я, собственно, не имѣю права разговаривать съ вами. Но къ чорту эти французскія тонкости. Что случилось, того не поправишь. Но я васъ все-таки считаю человѣкомъ порядочнымъ. Прошу васъ, слышите ли, я прошу васъ: ни слова о женѣ и объ анонимныхъ письмахъ. Вы меня поняли?

Ромашовъ, закрываясь газетой отъ товаришей, медленно наклонилъ голову. Песокъ захрустѣлъ на дворѣ подъ ногами. Только спустя пять минутъ, Ромашовъ обернулся и поглядѣлъ на дворъ. Николаева уже не было.

— Ваше благородіе, — выросъ вдругъ передъ нимъ вѣстовой. — Ихъ высокоблагородіе просятъ васъ пожаловать.

Въ залѣ, вдоль дальней узкой стѣны, были составлены нѣсколько ломберныхъ столовъ и покрыты зеленымъ сукномъ. За ними помѣщались судьи, спинами къ окнамъ; отъ этого ихъ лица были темными. Посрединѣ въ креслѣ сидѣлъ предсѣдатель, подполковникъ Мигуновъ — толстый надменный человѣкъ, безъ шеи, съ

поднятыми вверхъ круглыми плечами; по бокамъ отъ него—подполковники: Рафальскій и Лехъ, дальше съ правой стороны—капитаны: Осадчій и Петерсонъ, а съ лѣвой—капитанъ Дювернуа и штабсъ-капитанъ Дорошенко, полковой казначей. Столъ былъ совершенно пустъ, только передъ Дорошенко, дѣлопроизводителемъ суда, лежала стопочка бумаги. Въ большомъ пустомъ залѣ было прохладно и темновато, несмотря на то, что на дворѣ стоялъ жаркій сіяющій день. Пахло старымъ деревомъ, плѣсенью и ветхой мебельной обивкой.

Предсѣдатель положилъ обѣ большія, бѣлыя, полныя руки ладонями вверхъ на сукно стола и, разглядывая ихъ поочередно, началъ деревяннымъ тономъ:

— Подпоручикъ Ромашовъ, судъ общества офицеровъ, собравшійся по распоряженію командира полка, долженъ выяснитъ обстоятельства того печальнаго и недопустимаго въ офицерскомъ обществѣ столкновенія, которое имѣло мѣсто вчера между вами и поручикомъ Николаевымъ. Прошу васъ разказать объ этомъ съ возможными подробностями.

Ромашовъ стоялъ передъ ними, опустивъ руки внизъ и теребя околышъ шапки. Онъ чувствовалъ себя такимъ затравленнымъ, неловкимъ и растеряннымъ, какъ бывало съ нимъ только въ ученическіе годы на экзаменахъ, когда онъ проваливался. Обрывающимся голосомъ, запутанными и несвязными фразами, постоянно мыча и прибавляя нелѣпыя междометія, онъ сталъ давать показаніе. Въ то же время, переводя глаза съ одного изъ судей на другого, онъ мысленно оцѣнивалъ ихъ отношенія къ нему. „Мигуновъ—равнодушень, онъ точно каменный, но ему льститъ непривычная роль главнаго судьи и та страшная власть и отвѣтственность, которыя сопряжены съ нею. Подполковникъ Бремъ глядитъ жалостными и какими-то женскими глазами,—ахъ, мой милый Бремъ, помнишь ли ты, какъ я бралъ у тебя десять рублей займа? Старый Лехъ

серьезничаютъ. Онъ сегодня трезвъ, и у него подъ глазами мѣшки, точно глубокіе шрамы. Онъ не врагъ мнѣ, но онъ самъ такъ много набезобразничалъ въ собраніи въ разныя времена, что теперь ему будетъ выгодна роль суроваго и непреклоннаго ревнителя офицерской чести. А Осадчій и Петерсонъ — это ужъ настоящіе враги. По закону я, конечно, могъ бы отвести Осадчаго—вся ссора началась изъ-за его панихиды,— а, впрочемъ, не все ли равно? Петерсонъ чуть-чуть улыбается однимъ угломъ рта—что-то скверное, низменное, змѣиное въ улыбкѣ. Неужели онъ зналъ объ анонимныхъ письмахъ? У Дювернуа—сонное лицо, а глаза,— какъ большіе мутные шары. Дювернуа меня не любитъ. Да и Дорошенко тоже. Подпоручикъ, который только расписывается въ полученіи жалованья и никогда не получаетъ его. Плохи ваши дѣла, дорогой мой Юрій Алексѣевичъ“.

— Виновать, на минутку, — вдругъ прервалъ его Осадчій. — Господинъ полковникъ, вы позволите мнѣ предложить вопросъ?

— Пожалуйста, — важно кивнулъ головой Мигуновъ.

— Скажите намъ, подпоручикъ Ромашовъ, — началъ Осадчій вѣско, съ растяжкой. — Гдѣ вы изволили быть до того, какъ пріѣхали въ собраніе въ такомъ невозможномъ видѣ?

Ромашовъ покраснѣлъ и почувствовалъ, какъ его лобъ сразу покрылся частыми каплями пота.

— Я былъ... я былъ... ну, въ одномъ мѣстѣ, — и онъ добавилъ почти шопотомъ: — былъ въ публичномъ домѣ.

— Ага, вы были въ публичномъ домѣ? — нарочно громко, съ жестокой четкостью подхватилъ Осадчій. — И, вѣроятно, вы что-нибудь пили въ этомъ учрежденіи?

— Д-да, пилъ, — отрывисто отвѣтилъ Ромашовъ.

— Такъ-съ. Больше вопросовъ не имѣю, — повернулся Осадчій къ предсѣдателю.

— Прошу продолжать показаніе, — сказалъ Мигу-

новъ.—Итакъ, вы остановились на томъ, что плеснули пивомъ въ лицо поручику Николаеву... Дальше?

Ромашовъ несвязно, но искренно и подробно рассказалъ о вчерашней исторіи. Онъ уже началъ было угловато и стыдливо говорить о томъ раскаяніи, которое онъ испытываетъ за свое вчерашнее поведеніе, но его прервалъ капитанъ Петерсонъ. Потирая, точно при умываніи, свои желтыя костлявыя руки съ длинными мертвыми пальцами и синими ногтями, онъ сказалъ усиленно вѣжливо, почти ласково, тонкимъ и вкрадчивымъ голосомъ:

— Ну да, все это, конечно, такъ и дѣлаетъ честь вашимъ прекраснымъ чувствамъ. Но скажите намъ, подпоручикъ Ромашовъ... вы до этой злополучной и прискорбной исторіи не бывали въ домѣ поручика Николаева?

Ромашовъ насторожился и, глядя не на Петерсона, а на предсѣдателя, отвѣтилъ грубовато:

— Да, бывалъ, но я не понимаю, какое это отношеніе имѣеть къ дѣлу.

— Подождите. Прошу отвѣчать только на вопросы,—остановилъ его Петерсонъ.—Я хочу спросить, не было ли у васъ съ поручикомъ Николаевымъ какихъ-нибудь особенныхъ поводовъ ко взаимной враждѣ, поводовъ характера не служебнаго, а домашняго, такъ сказать, семейнаго?

Ромашовъ выпрямился и прямо, съ открытой ненавистью посмотрѣлъ въ темные чахоточные глаза Петерсона.

— Я бывалъ у Николаевыхъ не чаще, чѣмъ у другихъ моихъ знакомыхъ,—сказалъ онъ громко и рѣзко.—И съ нимъ прежде у меня никакой вражды не было. Все произошло случайно и неожиданно, потому что мы оба были петрезы.

— Хе-хе-хе, это уже мы слышали о вашей нетрезвости,—опять прервалъ его Петерсонъ,—но я хочу только

спросить, не было ли у васъ съ нимъ раньше этакаго какого-нибудь столкновенія? Нѣтъ, не ссоры, поймите вы меня, а просто этакаго недоразумѣнія, натянутости что ли, на какой-нибудь частной почвѣ. Ну, скажемъ, несогласіе въ убѣжденіяхъ или тамъ какая-нибудь интрижка. А?

— Господинъ предсѣдатель, могу я не отвѣчать на нѣкоторые изъ предлагаемыхъ мнѣ вопросовъ? — спросилъ вдругъ Ромашовъ.

— Да, это вы можете, — отвѣтилъ холодно Мигуновъ. — Вы можете, если хотите, вовсе не давать показаній или давать ихъ письменно. Это ваше право.

— Въ такомъ случаѣ заявляю, что ни на одинъ изъ вопросовъ капитана Петерсона я отвѣчать не буду, — сказалъ Ромашовъ. — Это будетъ лучше для него и для меня.

Его спросили еще о нѣсколькихъ незначительныхъ подробностяхъ, и затѣмъ предсѣдатель объявилъ ему, что онъ свободенъ. Однако, его еще два раза вызывали для дачи дополнительныхъ показаній, одинъ разъ въ тотъ же день вечеромъ, другой разъ въ четвергъ утромъ. Даже такой неопытный въ практическомъ отношеніи человѣкъ, какъ Ромашовъ, понималъ, что судъ ведетъ дѣло халатно, неумѣло и до-нельзя небрежно, допуская множество ошибокъ и безтактностей. И самымъ большимъ промахомъ было то, что, вопреки точному и ясному смыслу статьи 149 дисциплинарнаго устава, строго воспреещающей разглашеніе происходящаго на судѣ, члены суда чести не воздержались отъ праздно болтовни. Они рассказали о результатахъ засѣданій своимъ женамъ, жены — знакомымъ городскимъ дамамъ, а тѣ — портнихамъ, акушеркамъ и даже прислугѣ. За одни сутки Ромашовъ сдѣлался сказкой города и героемъ дня. Когда онъ проходилъ по улицѣ, на него глядѣли изъ оконъ, изъ калитокъ, изъ палисадниковъ, изъ щелей въ заборахъ.

Женщины издали показывали на него пальцами, и онъ постоянно слышалъ у себя за спиной свою фамилію, произносимую бысырымъ шопотомъ. Никто въ городѣ не сомнѣвался, что между нимъ и Николаевымъ произойдетъ дуэль. Держали даже пари объ ея исходѣ.

Утромъ въ четвергъ, идя въ собраніе мимо дома Лыкачевыхъ, онъ вдругъ услышалъ, что кто-то зоветъ его по имени.

— Юій Алексѣичъ, Юій Алексѣичъ, подите сюда!

Онъ остановился и поднялъ голову кверху. Катя Лыкачева стояла по ту сторону забора на садовой скамеечкѣ. Она была въ утреннемъ легкомъ японскомъ халатикѣ, трехугольный вырѣзъ котораго оставлялъ голою ея тоненькую прелестную дѣвичью шею. И вся она была такая розовая, свѣжая, вкусная, что Ромашову на минуточку стало весело.

Она перегнулась черезъ заборъ, чтобы подать ему руку, еще холодную и влажную отъ умыванья. И въ то же время она тараторила картаво:

— Отчего у насъ не бываете? Стыдно дюзей забывать. Зьой, зьой, зьой... Т-ссс, я все, я все, все знаю,— она вдругъ сдѣлала большіе испуганные глаза.— Возьмите себѣ вотъ это и надѣньте на шею, нешьемѣнно, нешьемѣнно надѣньте.

Она вынула изъ-за своего киримона, прямо съ груди, какую-то ладонку изъ синяго шелка на шнуркѣ и торпливо сунула ему въ руку. Ладонка была еще теплая отъ ея тѣла.

— Помогаетъ?—спросилъ Ромашовъ шутливо.—Что это такое?

— Это тайна, не смѣйте смѣяться. Безбожникъ. Зьой.

„Однако, я нынче въ модѣ. Славная дѣвочка“,— подумалъ Ромашовъ, простившись съ Катей. Но онъ не могъ удержаться, чтобы и здѣсь въ послѣдній разъ не подумать о себѣ въ третьемъ лицѣ красивой фразой:

„Добродушная улыбка скользнула по суровому лицу стараго бреттера“.

Вечеромъ въ этотъ день его опять вызвали въ судъ, но уже вмѣстѣ съ Николаевымъ. Оба врага стояли передъ столомъ почти рядомъ. Они ни разу не взглянули другъ на друга, но каждый изъ нихъ чувствовалъ на разстояніи настроеніе другого и напряженно волновался этимъ. Оба они упорно и неподвижно смотрѣли на предсѣдателя, когда онъ читалъ имъ рѣшеніе суда.

„Судъ общества офицеровъ N-скаго пѣхотнаго полка, въ составѣ—слѣдовали чины и фамиліи судей,—подъ предсѣдательствомъ подполковника Мигунова,—разсмотрѣвъ дѣло о столкновеніи въ помѣщеніи офицерскаго собранія поручика Николаева и подпоручика Ромашова, нашель, что, въ виду тяжести взаимныхъ оскорбленій, ссора этихъ оберъ-офицеровъ не можетъ быть окончена примиреніемъ, и что поединокъ между ними является единственнымъ средствомъ удовлетворенія оскорбленной чести и офицерскаго достоинства. Мнѣніе суда утверждено командиромъ полка“.

Окончивъ чтеніе, подполковникъ Мигуновъ снялъ очки и спряталъ ихъ въ футляръ.

— Вамъ остается, господа,—сказалъ онъ съ каменной торжественностью,—выбрать себѣ секундантовъ, по два съ каждой стороны, и прислать ихъ къ девяти часамъ вечера сюда, въ собраніе, гдѣ они совмѣстно съ нами выработаютъ условія поединка. Впрочемъ,—прибавилъ онъ, вставая и пряча очешникъ въ задній карманъ,—впрочемъ, прочитанное сейчасъ постановленіе суда не имѣетъ для васъ обязательной силы. За каждымъ изъ васъ сохраняется полная свобода драться на дуэли, или...—онъ развелъ руками и сдѣлалъ паузу...—или оставить службу. Затѣмъ... вы свободны, господа... Еще два слова. Уже не какъ предсѣдатель суда, а какъ старшій товарищъ, совѣтовалъ бы вамъ, господа офицеры, воздержаться до поединка отъ посѣщенія собра-

пія. Это можетъ повести къ осложненіямъ... До свиданья.

Николаевъ круто повернулся и быстрыми шагами вышелъ изъ залы. Медленно двинулся за нимъ и Ромашовъ. Ему не было страшно, но онъ вдругъ почувствовалъ себя исключительно одинокимъ, странно обособленнымъ, точно отрѣзаннымъ отъ всего міра. Выйдя на крыльцо собранія, онъ съ долгимъ, спокойнымъ удивленіемъ глядѣлъ на небо, на деревья, на корову у забора напротивъ, на воробьевъ, купавшихся въ пыли среди дороги, и думалъ: „вотъ,—все живетъ, хлопочетъ, суетится, растетъ и сіяетъ, а мнѣ уже больше ничто не нужно и неинтересно. Я приговоренъ. Я одинъ“.

Вяло, почти со скукой пошелъ онъ разыскивать Бекъ-Агамалова и Вѣткина, которыхъ онъ рѣшилъ просить въ секунданты. Оба охотно согласились—Бекъ-Агамаловъ съ мрачной сдержанностью, Вѣткинъ съ ласковыми и многозначительными рукопожатіями.

Идти домой Ромашову не хотѣлось—тамъ было жутко и скучно. Въ эти тяжелыя минуты душевнаго безсилія, одиночества и вялаго непониманія жизни, ему нужно было видѣть близкаго, участливаго друга и въ то же время тонкаго, понимающаго, нѣжнаго сердцемъ челоуѣка.

И вдругъ онъ вспомнилъ о Назанскомъ.

XXI.

Назанскій былъ, по обыкновенію, дома. Онъ только что проснулся отъ тяжелаго хмѣльнаго сна и теперь лежалъ на кровати въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, заложивъ руки подъ голову. Въ его глазахъ была равнодушная, усталая муть. Его лицо совсѣмъ не измѣнило своего соннаго выраженія, когда Ромашовъ, наклоняясь надъ нимъ, говорилъ неувѣренно и тревожно:

— Здравствуйте, Василиій Нилычъ, не помѣшалъ я вамъ?

— Здравствуйте,—отвѣтилъ Назанскій сиплымъ слабымъ голосомъ.—Что хорошенькаго? Садитесь.

Онъ протянулъ Ромашову горячую влажную руку, но глядѣлъ на него такъ, точно передъ нимъ былъ не его любимый интересный товарищъ, а привычное видѣніе изъ давнишняго скучнаго сна.

— Вамъ нездоровится?—спросилъ робко Ромашовъ, садясь въ его ноги на кровать.—Такъ я не буду вамъ мѣшать. Я уйду.

Назанскій немного приподнялъ голову съ подушки и, весь сморщившись, съ усиліемъ посмотрѣлъ на Ромашова.

— Нѣтъ... Подождите. Ахъ, какъ голова болитъ! Послушайте, Георгій Алексѣичъ... у васъ что-то есть... что-то необыкновенное. Пойдите, я не могу собрать мыслей. Что такое съ вами?

Ромашовъ глядѣлъ на него съ молчаливымъ состраданіемъ. Все лицо Назанскаго странно измѣнилось за то время, какъ оба офицера не видѣлись. Глаза глубоко ввалились и почернѣли вокругъ, виски пожелтѣли, а щеки съ неровной грязной кожей опустились и оплыли книзу, и некрасиво обросли жидкими курчавыми волосами.

— Ничего особеннаго, просто мнѣ захотѣлось видѣться съ вами,—сказалъ небрежно Ромашовъ.—Завтра я дерусь на дуэли съ Николаевымъ. Мнѣ противно идти домой. Да это, впрочемъ, все равно. До свиданья. Мнѣ, видите ли, просто не съ кѣмъ было поговорить... Тяжело на душѣ.

Назанскій закрылъ глаза, и лицо его мучительно искажилось. Видно было, что онъ неестественнымъ напряженіемъ воли возвращаетъ къ себѣ сознание. Когда же онъ открылъ глаза, то въ нихъ уже свѣтились внимательныя теплыя искры.

— Нѣтъ, подождите... мы сдѣлаемъ вотъ что.—Назанскій съ трудомъ переверотился на бокъ и поднялся на локтѣ. —Достаньте тамъ, изъ шкафчика... вы знаете... Нѣтъ, не надо яблока... Тамъ есть мятныя лепешки. Спасибо, родной. Мы вотъ что сдѣлаемъ... Фу, какая гадость!.. Повезите меня куда-нибудь на воздухъ—здѣсь омерзительно, и я здѣсь боюсь... Постоянно такія страшныя галлюцинаціи. Поѣдемъ, покатаемся на лодкѣ и поговоримъ. Хотите?

Онъ, морщась, съ видомъ крайняго отвращенія пилъ рюмку за рюмкой, и Ромашовъ видѣлъ, какъ понемногу розовѣло его землистое лицо, и какъ постепенно загорались жизнью и блескомъ и вновь становились прекрасными его голубые глаза.

Выйдя изъ дому, они взяли извозчика и поѣхали на конецъ города, къ рѣкѣ. Тамъ, на одной сторонѣ плотины, стояла еврейская турбинная мукомольня—огромное красное зданіе,—а на другой были расположены кучальни, и тамъ же отдавались напрокатъ лодки. Ромашовъ сѣлъ на весла, а Назанскій полулегъ на кормѣ, прикрывшись шинелью.

Рѣка, задержанная плотиной, была широка и неподвижна, какъ большой прудъ. По обѣимъ ея сторонамъ берега уходили плоско и ровно вверхъ. На нихъ трава была такъ равна, ярка и сочна, что издали хотѣлось ее потрогать рукой. Подъ берегами въ водѣ зеленѣлъ камышъ, и среди густой, темной круглой листвы бѣлѣли большія головки кувшинокъ.

Ромашовъ разсказалъ подробно исторію своего столкновенія съ Николаевымъ. Назанскій залучиво слушалъ его, наклонивъ голову и глядя внизъ на воду, которая лѣнивыми густыми струйками, переливавшись, какъ жидкое стекло, раздавалась вдаль и вширь отъ носа лодки.

— Скажите правду, вы не боитесь, Ромашовъ?—спросилъ Назанскій тихо.

— Дуэли? Нѣтъ, не боюсь,—быстро отвѣтили Ромашовъ. Но тотчасъ же онъ примолкъ и въ одну секунду живо представилъ себѣ, какъ онъ будетъ стоять совсѣмъ близко противъ Николаева и видѣть въ его протянутой рукѣ опускающееся черное дуло револьвера.— Нѣтъ, нѣтъ,—прибавилъ Ромашовъ поспѣшно,—я не буду глгать, что не боюсь. Конечно, страшно. Но я знаю, что я не струшу, не убоѣгу, не попрошу прощенья.

Назанскій опустилъ концы пальцевъ въ теплую, вечернюю, чуть-чуть ропщущую воду и заговорилъ медленно, слабымъ голосомъ, поминутно откашливаясь:

— Ахъ, милый мой, милый Ромашовъ, зачѣмъ вы хотите это дѣлать? Подумайте: если вы знаете твердо, что не струсите—если совсѣмъ твердо знаете,—то вѣдь во сколько разъ тогда будетъ смѣлѣе взять и отказаться.

— Онъ меня ударилъ... въ лицо!—сказалъ упрямо Ромашовъ, и вновь жгучая злоба тяжело колыхнулась въ немъ.

— Ну, такъ, ну, ударилъ,—возразилъ ласково Назанскій и грустными, нѣжными глазами поглядѣлъ на Ромашова.—Да развѣ въ этомъ дѣло? Все на свѣтѣ проходитъ, пройдетъ и ваша боль, и ваша ненависть. И вы сами забудете объ этомъ. Но о человѣкѣ, котораго вы убили, вы никогда не забудете. Онъ будетъ съ вами въ постели, за столомъ, въ одиночествѣ и въ толпѣ. Пустозвоны, фильтрованные дураки, мѣдные лбы, разноцвѣтные попугаи увѣряютъ, что убійство на дуэли—не убійство. Какая чепуха! Но они же сентиментально вѣрятъ, что разбойникамъ снятся мозги и кровь ихъ жертвъ. Нѣтъ, убійство—всегда убійство. И важна здѣсь не боль, не смерть, не насиліе, не брезгливое отвращеніе къ крови и трупу, — нѣтъ, ужаснѣе всего то, что вы отнимаете у человѣка его радость жизни. Великую радость жизни!—повторилъ вдругъ Назанскій громко, со слезами въ голосѣ.—

Вѣдь, никто, — ни вы, ни я, ахъ, да просто-напросто никто въ мірѣ не вѣрять ни въ какую загробную жизнь. Оттого всеѣ страшатся смерти, но малодушные дураки обманываютъ себя перспективами лучезарныхъ садовъ и сладкаго пѣнія кастратовъ, а сильные— молча перешагиваютъ грань необходимости. Мы— не сильные. Когда мы думаемъ, что будетъ послѣ нашей смерти, то представляемъ себѣ пустой, холодный и темный погребъ. Нѣтъ, голубчикъ, все это враки: погребъ былъ бы счастливымъ обманомъ, радостнымъ утѣшеніемъ. Но представьте себѣ весь ужасъ мысли, что совсѣмъ, совсѣмъ ничего не будетъ, ни темноты, ни пустоты, ни холоду... даже мысли объ этомъ не будетъ, даже страха не останется! Хотя бы страхъ! Подумайте!

Ромашовъ бросилъ весла вдоль бортовъ. Лодка едва подвигалась по водѣ, и это было замѣтно лишь по тому, какъ тихо плыли въ обратную сторону зеленые берега.

— Да, ничего не будетъ, — повторилъ Ромашовъ задумчиво.

— А посмотрите, нѣтъ, посмотрите только, какъ прекрасна, какъ обольстительна жизнь!—воскликнулъ Назанскій, широко простирая вокругъ себя руку.— О радость, о божественная красота жизни! Смотрите: голубое небо, вечернее солнце, тихая вода—вѣдь дрожишь отъ восторга, когда на нихъ смотришь—вовъ тамъ, далеко, вѣтряныя мельницы машутъ крыльями, зеленая кроткая травка, вода у берега—розовая, розовая отъ заката. Ахъ, какъ все чудесно, какъ все нѣжно и счастливо!—Назанскій вдругъ закрылъ глаза руками и расплакался, но тотчасъ же онъ овладѣлъ собой и заговорилъ, не стыдясь своихъ слезъ, глядя на Ромашова мокрыми сіяющими глазами:

— Нѣтъ, если я попаду подъ поѣздъ, и мнѣ перерѣжутъ животъ, и мои внутренности смѣшаются съ пескомъ и наматываются на колеса, и если въ этотъ по-

слѣдній мигъ меня спросятъ: „Ну, что и теперь жизнь прекрасна?“—я скажу съ благодарнымъ восторгомъ:— „Ахъ, какъ она прекрасна!“ Сколько радости даетъ намъ одно только зрѣніе! А есть еще музыка, запахъ цвѣтовъ, сладкая женская любовь! И есть безмѣрнѣйшее наслажденіе—золотое солнце жизни—человѣческая мысль! Родной мой Юрочка!.. Простите, что я васъ такъ назвалъ,—Назанскій, точно извиняясь, протянулъ къ нему издали дрожащую руку.—Положимъ, васъ посадили въ тюрьму, на вѣки вѣчныя, и всю жизнь вы будете видѣть изъ щелки только два старыхъ извѣденныхъ кирпича... нѣтъ, даже, положимъ, что въ вашей тюрьмѣ нѣтъ ни одной искорки свѣта, ни единого звука—ничего! И все-таки, развѣ это можно сравнить съ чудовищнымъ ужасомъ смерти? У васъ остается мысль, воображеніе, память, творчество—вѣдь и съ этимъ можно жить. И у васъ даже могутъ быть минуты восторга отъ радости жизни.

-- Да, жизнь прекрасна,—сказалъ Ромашовъ.

— Прекрасна!—пылко повторилъ Назанскій.—И вотъ два человѣка изъ-за того, что одинъ ударилъ другого или поцѣловалъ его жену, или просто, проходя мимо него и крутя усы, невѣжливо посмотрѣлъ на него--эти два человѣка стрѣляютъ другъ въ друга, убиваютъ другъ друга. Ахъ, нѣтъ, ихъ раны, ихъ страданія, ихъ смерть—все это къ чорту! Да развѣ онъ себя убиваетъ—этотъ жалкій движущійся комочекъ, который называется человѣкомъ? Онъ убиваетъ солнце, жаркое, милое солнце, свѣтлое небо, природу,--всю многообразную красоту жизни, убиваетъ величайшее наслажденіе и гордость—человѣческую мысль! Онъ убиваетъ то, что ужъ никогда, никогда, никогда не возвратится. Ахъ, дураки, дураки!

Назанскій печально, съ долгимъ вздохомъ покачалъ головой и опустилъ ее внизъ. Лодка вошла въ камыши. Ромашовъ опять взялся за весла. Высокіе зеленые, жесткіе стебли, шурша о борта, важно и ме-

дленно кланялись. Тутъ было темнѣй и прохладнѣе, чѣмъ на открытой водѣ.

-- Что же мнѣ дѣлать? — спросилъ Ромашовъ мрачно и грубовато.— Уходить въ запасъ? Куда я дѣнусь?

Назанскій улыбнулся кротко и нѣжно.

— Подождите, Ромашовъ. Поглядите мнѣ въ глаза. Вотъ такъ. Нѣтъ, вы не отворачивайтесь, смотрите прямо и отвѣчайте по чистой совѣсти. Развѣ вы вѣрите въ то, что вы служите интересному, хорошему, полезному дѣлу? Я васъ знаю хорошо, лучше, чѣмъ всѣхъ другихъ, и я чувствую вашу душу. Вѣдь вы совсѣмъ не вѣрите въ это.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Ромашовъ твердо.— Но куда я пойду?

-- Пойдите, не торопитесь. Поглядите-ка вы на нашихъ офицеровъ. О, я не говорю про гвардейцевъ, которые танцуютъ на балахъ, говорятъ по-французски и живутъ на содержаніи у своихъ родителей и законныхъ женъ. Нѣтъ, подумайте вы о насъ, несчастныхъ армеутахъ, объ армейской пѣхотѣ, объ этомъ главномъ ядрѣ славнаго и храбраго русскаго войска. Вѣдь все это заваль, рвань, отбросы. Въ лучшемъ случаѣ—сыновья искалѣченныхъ капитановъ. Въ большинствѣ же—убоявшіеся премудрости гимназисты, реалисты, даже неокончившіе семинаристы. Я вамъ приведу въ примѣръ нашъ полкъ. Кто у насъ служить хорошо и долго? Бѣдняки, обремененные семьями, нищія, готовые на всякую уступку, на всякую жестокость, даже на убійство, на воровство солдатскихъ копеекъ,—и все это изъ-за своего горшка щей. Ему приказываютъ: стрѣляй, и онъ стрѣляетъ,—кого? за что? можетъ быть, понапрасну?—ему все равно, онъ не разсуждаетъ. Онъ знаетъ, что дома пищать его замураванныя рахитическія дѣти, и онъ бессмысленно, какъ дятель, выпуча глаза, долбитъ одно слово: „при-

сяга!“ Все, что есть талантливаго, способнаго,—спивается. У насъ семьдесятъ пять процентовъ офицерскаго состава больны сифилисомъ. Одинъ счастливецъ—и это разъ въ пять лѣтъ—поступаетъ въ академію, его провожаютъ съ ненавистью. Болѣе прилизанные и съ протекціей неизмѣнно уходятъ въ жандармы или мечтаютъ о мѣстѣ полицейскаго пристава въ большомъ городѣ. Дворяне и тѣ, кто хотя съ маленькимъ состояніемъ,—идутъ въ земскіе начальники. Положимъ, остаются люди чуткіе, съ сердцемъ, но что они дѣлаютъ? Для нихъ служба—это сплошное отвращеніе, обуза, ненавидимое ярмо. Всякій старается выдумать себѣ какой-нибудь побочный интересъ, который его поглощаетъ безъ остатка. Одинъ занимается коллекціонерствомъ, многіе ждуть-не дождутся вечера, когда можно сѣсть дома, у лампы, взять иголку и вышивать по канвѣ крестиками какой-нибудь паршивенькій ненужный коверчикъ или выпиливать лобзикомъ ажурную рамку для собственнаго портрета. На службѣ они мечтаютъ объ этомъ, какъ о тайной сладостной радости. Карты, хвастливый спортъ въ обладаніи женщинами—объ этомъ я ужъ не говорю. Всего гнуснѣе служебное честолюбіе, мелкое, жестокое честолюбіе. Это Осадчій и компанія, выбивающая зубы и глаза своимъ солдатамъ. Знаете ли, при мнѣ Арчаковскій такъ билъ своего денщика, что я насилу отнялъ его. Потомъ кровь оказалась не только на стѣнахъ, но и на потолкѣ. А чѣмъ это кончилось, хотите ли знать? Тѣмъ, что денщикъ побѣждалъ жаловаться ротному командиру, а ротный командиръ послалъ его съ запиской къ фельдфебелю, а фельдфебель еще полчаса билъ его по синему, опухшему, кровавому лицу. Этотъ солдатъ дважды заявлялъ жалобу на инспекторскомъ смотрѣ, но безъ всякаго результата.

Назанскій замолчалъ и сталъ нервно тереть себѣ виски ладонями.

— Пойдите... Ахъ, какъ мысли бѣгаютъ...—сказаль онъ съ безпокойствомъ.—Какъ это скверно, когда не ты ведешь мысль, а она тебя ведетъ... Да, вспомнил! Теперь дальше. Поглядите вы на остальныхъ офицеровъ. Ну вотъ вамъ, для примѣра, штабсъ-капитанъ Плавскій. Питается, чортъ знаетъ, чѣмъ—самъ себя готовить какую-то дрянъ на керосинкѣ, носить почти лохмотья, но изъ своего 48-ми рублеваго жалованья каждый мѣсяць откладываетъ 25. Ого-го! У него уже лежитъ въ банкѣ около двухъ тысячъ, и онъ тайно отдаетъ ихъ въ ростъ товарищамъ подъ звѣрскіе проценты. Вы думаете, здѣсь врожденная скупость? Нѣтъ, нѣтъ, это только средство уйти куда-нибудь, спрятаться отъ тяжелой и непонятной безсмыслицы военной службы... Капитанъ Стельковскій—умница, сильный, смѣлый человекъ. А что составляетъ суть его жизни? Онъ совращаетъ неопытныхъ крестьянскихъ дѣвчонокъ. Наконецъ, возьмите вы подполковника Брема. Милый, славный чудакъ, добрейшая душа—одна прелесть—и вотъ онъ весь ушелъ въ заботы о своемъ звѣринцѣ. Что ему служба, парады, знамя, выговоры, честь? Мелкія ненужныя подробности въ жизни.

— Бремъ—чудный, я его люблю,—вставилъ Ромашовъ.

— Такъ-то такъ, конечно, милый,—вяло согласился Назанскій.—А знаете ли,—заговорилъ онъ вдругъ, нахмурившись,—знаете, какую штуку однажды я видѣлъ на маневрахъ? Послѣ ночного перехода шли мы въ атаку. Сбились мы всѣ тогда съ ногъ, устали, разнервничались,—всѣ—и офицеры, и солдаты. Бремъ велитъ горнисту играть повѣстку къ атакѣ, а тотъ, Богъ его знаетъ почему, трубитъ вызовъ резерва. И одинъ разъ и другой, и третій. И вдругъ этотъ самый—милый, добрый, чудный Бремъ, подскакиваетъ на конѣ къ горнисту, который держитъ рожокъ у рта, и изо всѣхъ силъ трахъ кулакомъ по рожку! Да. И я самъ видѣлъ,

какъ горнисть вмѣстѣ съ кровью выплюнулъ на землю раскрошенные зубы.

— Ахъ, Боже мой!— съ отвращеніемъ простонать Ромашовъ.

— Вотъ такъ и всѣ они, даже самые лучшіе, самые нѣжные изъ нихъ, прекрасные отцы и внимательные мужья, — всѣ они на службѣ дѣлаются изменными, трусливыми, злыми, глупыми звѣрюшками. Вы спросите: почему? Да именно потому, что никто изъ нихъ въ службу не вѣритъ и разумной цѣли этой службы не видитъ. Вы знаете вѣдь, какъ дѣти любятъ играть въ войну? Было время кипучаго дѣтства и въ исторіи, время буйныхъ и веселыхъ молодыхъ поколѣній. Тогда люди ходили вольными шайками, и война была общей, хмѣльной радостью, кровавой и блестящей утѣхой. Въ начальники выбирался самый храбрый, самый сильный и хитрый, и его власть до тѣхъ поръ, пока его не убивали подчиненные, принималась всѣми истинно, какъ божеская. Но вотъ человѣчество выросло и съ каждымъ годомъ становится все болѣе мудрымъ, и, вмѣсто дѣтскихъ шумныхъ игръ, его мысли съ каждымъ днемъ становится серьезнѣе и глубже. Безстрашные авантюристы сдѣлались шуллерами. Солдатъ не идетъ уже на военную службу, какъ на веселое и хищное ремесло. Нѣтъ, его влекутъ на арканъ за шею, а онъ упирается, проклинаетъ и плачетъ. И начальники изъ грозныхъ, обаятельныхъ, беспощадныхъ и обожаемыхъ атамановъ обратились въ чиновниковъ, трусливо живущихъ на свое нищенское жалованье. Ихъ доблесть — подмоченная доблесть. И воинская дисциплина — дисциплина за страхъ — соприкасается съ обоюдной ненавистью. Красивые фазаны обליняли. Только одинъ подобный примѣръ я знаю въ исторіи человѣчества. Это монашество. Начало его было смиренно, красиво и трогательно. Можетъ быть, — почемъ знать — оно было вызвано міровой необ-

ходимостью? Но прошли столѣтія, и что же мы видимъ? Сотни тысячъ бездѣльниковъ, развращенныхъ, здоровенныхъ лоботрясовъ, ненавидимыхъ даже тѣми, кто въ нихъ имѣетъ время отъ времени духовную потребность. И все это прикрыто внѣшней формой, шарлатанскими знаками касты, смѣшными вывѣтрившимися обрядами. Нѣтъ, я не напрасно заговорилъ о монахахъ, и я радъ, что мое сравненіе логично. Подумайте только, какъ много общаго. Тамъ—ряса и кадило, здѣсь—мундиръ и гремящее оружіе; тамъ—смиреніе, лицемѣрные вздохи, слащавая рѣчь, здѣсь—наигранное мужество, гордая честь, которая все время вращаетъ глазами: „а вдругъ меня кто-нибудь обидитъ?“—выпеченныя груди, вывороченные локти, поднятыя плечи. Но и тѣ и другіе живутъ паразитами и знаютъ, вѣдь знаютъ это глубоко въ душѣ, но боятся познать это разумомъ и, главное, животомъ. И они подобны жирнымъ вшамъ, которыя тѣмъ сильнѣе отѣдаются на чужомъ тѣлѣ, чѣмъ оно больше разлагается.

Назанскій злобно фыркнулъ носомъ и замолчалъ.

— Говорите, говорите,—попросилъ умоляюще Ромашовъ.

— Да, настаетъ время, и оно уже у воротъ. Время великихъ разочарованій и страшной переоцѣнки. Помните, я говорилъ вамъ какъ-то, что существуетъ отъ вѣка незримый и беспощадный геній человѣчества. Законы его точны и неумолимы. И чѣмъ мудрѣе становится человѣчество, тѣмъ болѣе и глубже оно проникаетъ въ нихъ. И, вотъ, я увѣренъ, что по этимъ непреложнымъ законамъ все въ мірѣ рано или поздно приходитъ въ равновѣсіе. Если рабство длилось вѣка, то распаденіе его будетъ ужасно. Чѣмъ громаднѣе было насиліе, тѣмъ кровавѣе будетъ расправа. И я глубоко, я твердо увѣренъ, что настанетъ время, когда насъ, патентованныхъ красавцевъ, неотразимыхъ соблазнительей, великолѣпныхъ щеголей, когда насъ, го-

сподъ штабъ и оберъ-офицеровъ будутъ бить по щекамъ въ переулкахъ, въ темныхъ корридорахъ, въ ватеръ-клозетахъ, когда насъ стануть стыдиться женщины и, наконецъ, перестануть слушаться наши *преданные* солдаты. И это будетъ не за то, что мы били въ кровь людей, лишенныхъ возможности защищаться, и не за то, что намъ, во имя чести мундира, проходило безнаказаннымъ оскорбленіе женщинъ, и не за то, что мы, опьянѣвъ, рубили въ кабакахъ въ окрошку всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, и не за то также, что мы, начальственные дармоѣды, покрывали во всѣхъ странахъ и на всѣхъ поляхъ сраженій позоромъ русское оружіе, а наши же солдаты выгоняли насъ изъ кукурузы штыками. Конечно, и за то и за это, но есть у насъ болѣе страшная и уже теперь непоправимая вина.—Это то, что мы—слѣпы и глухи ко всему. Давно уже, гдѣ-то вдали отъ нашихъ грязныхъ, вонючихъ стоянокъ, совершается огромная новая, свѣтозарная жизнь. Появились новые смѣлые, гордые люди, загораются въ умахъ пламенные свободныя мысли. Какъ въ послѣднемъ дѣйствіи мелодрамы, рушатся старыя башни и подземелья, и изъ-за нихъ уже видится ослѣпительное сіяніе. А мы, надувшись, какъ индѣйскіе пѣтухи, только хлопаемъ глазами и надменно болбочемъ: „что? гдѣ? молчать! Бунтъ! Застрѣлю!“ И вотъ этого-то индюшачьяго презрѣнія къ свободѣ человѣческаго духа намъ не простятъ—во вѣки вѣковъ.

Лодка выѣхала въ тихую, тайную водяную прогалинку. Кругомъ тѣсно обступилъ ее, круглой зеленой стѣной, высокой и неподвижный камышъ. Лодка была точно отрѣзана, укрыта отъ всего міра. Надъ ней съ крикомъ носились чайки, иногда такъ близко, почти касаясь крыльями Ромашова, что онъ чувствовалъ дуновение отъ ихъ сильнаго полета. Должно быть, здѣсь гдѣ-нибудь въ чащѣ тростника у нихъ были гнѣзда. Назанскій легъ на корму навзничъ и долго глядѣлъ

вверхъ на небо, гдѣ золотыя неподвижныя облака уже окрашивались въ розовый цвѣтъ.

Ромашовъ сказалъ робко:

— Вы не устали? Говорите еще.

И Назанскій, точно продолжая вслухъ свои мысли, тотчасъ же заговорилъ:

— Да, наступаетъ новое, чудное, великолѣпное время. Я вѣдь много прожилъ на свободѣ и много кой-чего читалъ, много испыталъ и видѣлъ. До этой поры старыя вороны и галки вбивали въ насъ съ самой школьной скамьи: „люби ближняго, какъ самого себя, и знай, что кротость, послушаніе и трепеть есть первыя достоинства человѣка“. Болѣе честные, болѣе сильные, болѣе хищные говорили намъ: „возьмемся объ руку, пойдѣмъ и погибнемъ, но будущимъ поколѣніямъ приготовимъ свѣтлую и легкую жизнь“. Но я никогда не понималъ этого. Кто мнѣ докажетъ съ ясной убѣдительностью, — чѣмъ связанъ я съ этимъ — чортъ бы его побралъ! — моимъ ближнимъ, съ подлымъ рабомъ, съ готтентотомъ, съ зараженнымъ, съ идиотомъ? О, изъ всѣхъ легендъ я болѣе всего ненавижу — всѣмъ сердцемъ, всей способностью къ презрѣнію — легенду объ Юліанѣ Милостивомъ. Прокаженный говоритъ: „Я дрожу, лягъ со мной въ постель рядомъ. Мнѣ холодно, лягъ на меня и согрѣй меня твоимъ тѣломъ. Я озябъ, приблизь твои губы къ моему смрадному рту и дыши на меня“. Ухъ, ненавижу! Ненавижу прокаженныхъ и не люблю ближнихъ. А затѣмъ, какой интересъ заставить меня разбивать свою голову ради счастья людей тридцать второго столѣтія? О, я знаю этотъ куриный бредъ о какой-то міровой душѣ, о священномъ долгѣ. Но даже тогда, когда я ему вѣрилъ умомъ, я ни разу не чувствовалъ его сердцемъ. Вы слѣдите за мной, Ромашовъ?

Ромашовъ со стыдливой благодарностью поглядѣлъ на Назанскаго.

— Я васъ вполне, вполне понимаю, — сказалъ онъ. —

Когда меня не станеть, то и весь мѣръ погибнетъ? Вѣдь вы это говорите?

— Это самое. И вотъ, говорю я, любовь къ человѣчеству выгорѣла и вычадилась изъ человѣческихъ сердець. На смѣну ей идетъ новая, божественная вѣра, которая пребудетъ безсмертной до конца мѣра. Это любовь къ себѣ, къ своему прекрасному тѣлу, къ своему всеильному уму, къ безконечному богатству своихъ чувствъ. Нѣтъ, подумайте, подумайте, Ромашовъ: кто вамъ дороже и ближе себя?—Никто. Вы—царь мѣра, его гордость и украшеніе. Вы—богъ всего живущаго. Все, что вы видите, слышите, чувствуете, принадлежитъ только вамъ. Дѣлайте, что хотите. Берите все, что вамъ нравится. Не страшитесь никого во всей вселенной, потому что надъ вами никого нѣтъ и никто не равенъ вамъ. Настанетъ время, и великая вѣра въ свое Я осѣнитъ, какъ огненные языки Святого Духа, головы всѣхъ людей, и тогда уже не будетъ ни рабовъ, ни господъ, ни калѣкъ, ни жалости, ни пороковъ, ни злобы, ни зависти. Тогда люди станутъ богами. И подумайте, какъ осмѣлюсь я тогда оскорбить, толкнуть, обмануть человѣка, въ которомъ я чувствую равнаго себѣ, свѣтлаго бога? Тогда жизнь будетъ прекрасна. По всей землѣ воздвигнутся легкія свѣтлыя зданія, ничто вульгарное, пошлое не оскорбитъ нашихъ глазъ, жизнь станеть сладкимъ трудомъ, свободной наукой, дивной музыкой, веселымъ вѣчнымъ и легкимъ праздникомъ. Любовь, освобожденная отъ темныхъ путъ собственности, станеть свѣтлой религіей мѣра, а не тайнымъ, позорнымъ грѣхомъ совокупленія, въ темномъ углу, съ оглядкой, съ отвращеніемъ. И самыя тѣла наши сдѣлаются свѣтлыми, сильными и красивыми, одѣтыми въ яркія великолѣпныя одежды. Такъ же, какъ вѣрю въ это вечернее небо надо мной,—воскликнулъ Назанскій, торжественно поднявъ руку вверхъ,—такъ же твердо вѣрю я въ эту грядущую бого-подобную жизнь!

Ромашовъ, взволнованный, потрясенный, пролепелъ поблѣднѣвшими губами:

— Назанскій, это мечты, это фантазіи.

Назанскій тихо и снисходительно засмѣялся.

— Да,—промолвилъ онъ съ улыбкой въ голосъ:—какой-нибудь профессоръ догматическаго богословія или классической филологіи разставить врозь ноги, разведеть руками и скажетъ, склонивъ на одинъ бокъ голову: „Но вѣдь это проявленіе крайняго индивидуализма!“ Дѣло не въ страшныхъ словахъ, мой дорогой мальчикъ, дѣло въ томъ, что нѣтъ на свѣтѣ ничего практичнѣе, чѣмъ тѣ фантазіи, о которыхъ теперь мечтаютъ лишь немногіе. Онѣ, эти фантазіи—вѣрнѣйшая и надежнѣйшая спайка для людей. Забудемъ, что мы—военные. Мы—шпаки. Вотъ на улицѣ стоитъ чудовище, веселое двухголовое чудовище. Кто ни пройдетъ мимо него, оно его сейчасъ въ морду, сейчасъ въ морду. Оно меня еще не ударило, но одна мысль о томъ, что оно меня можетъ ударить, оскорбить мою любимую женщину, лишить меня по произволу свободы,—эта мысль вздергиваетъ на дыбы всю мою гордость. Одинъ я его осилить не могу. Но рядомъ со мною стоитъ такой же смѣлый и такой же гордый человекъ, какъ я, и я говорю ему: „пойдемъ и сдѣлаемъ вдвоемъ такъ, чтобы оно ни тебя, ни меня не ударило“. И мы идемъ. О, конечно, это грубый примѣръ, это схема, но въ лицѣ этого двухголового чудовища я вижу все, что связываетъ мой духъ, насилуетъ мою волю, унижаетъ мое уваженіе къ своей личности. И тогда-то не телячья жалость къ ближнему, а божественная любовь къ самому себѣ соединяетъ мои усилія съ усиліями другихъ равныхъ мнѣ по духу людей!

Назанскій умолкъ. Видимо, его утомилъ непривычный нервный подъемъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ продолжалъ вяло, упавшимъ голосомъ:

— Вотъ такъ-то, дорогой мой Георгій Алексѣевичъ. Мимо насъ плыветъ огромная, сложная, вся кипящая жизнь, родятся божественныя, пламенныя мысли, разрушаются старыя, позолоченныя идолища. А мы стоимъ въ нашихъ стойлахъ, упершись кулаками въ бока, и ржемъ: „ахъ, вы, идіоты! Шпаки! Дррать васъ!“ И этого жизнь намъ никогда не простить...

Онъ привсталъ, поежился подъ своимъ пальто и сказалъ устало:

— Холодно... Поѣдемте домой...

Ромашовъ выгребъ изъ камышей. Солнце сѣло за дальними городскими крышами, и онѣ черно и четко выдѣлялись въ красной полосѣ зари. Кое-гдѣ яркими отраженными огнями играли оконныя стекла. Вода въ сторону зари была розовая, гладкая и веселая, но позади лодки она уже сгустилась, посинѣла и наморщилась.

Ромашовъ сказалъ внезапно, отвѣчая на свои мысли:

— Вы правы. Я уйду въ запасъ. Не знаю самъ, какъ это сдѣлаю, но объ этомъ я и раньше думалъ.

Назанскій кутался въ пальто и вздрагивалъ отъ холода.

— Идите, идите,—сказалъ онъ съ ласковой грустью.— Въ васъ что-то есть, какой-то внутренній свѣтъ... я не знаю, какъ это назвать. Но въ нашей берлогѣ его погасятъ. Просто, плюнуть на него и потушатъ. Главное, не бойтесь вы, не бойтесь жизни, она веселая, занятная, чудная штука—эта жизнь. Ну, ладно, не повезетъ вамъ, падете вы, опуститесь до босячества, до пропойства. Но вѣдь, ей-Богу, родной мой, любой бродяжка живетъ въ десять тысячъ разъ полнѣе и интереснѣе, чѣмъ Адамъ Ивановичъ Зегржтъ, или капитанъ Слива. Ходишь по землѣ—туда-сюда, видишь города, деревни, знакомишься со множествомъ странныхъ, безпечныхъ, насмѣшливыхъ людей, смотришь, нюхаешь, слышишь, спишь на росистой травѣ, мерзнешь на морозѣ, ни къ

чему не привязанъ, никого не боишься, обожаешь свободную жизнь всѣми частицами души... Эхъ, какъ люди вообще мало понимаютъ! Не все ли равно: ѣсть воблу, или сѣдло дикой козы съ трюфелями, напиваться водкой, или шампанскимъ, умереть подъ балахиномъ, или въ полицейскомъ участкѣ. Все это детали, маленькія удобства, быстро проходящія привычки. Онѣ только затѣняютъ, обезцѣниваютъ самый главный и громадный смыслъ жизни. Вотъ часто гляжу я на пышныя похороны. Лежитъ въ серебряномъ ящикѣ подъ дурацкими султанами одна дохлая обезьяна, а другія живыя обезьяны идутъ за ней слѣдомъ, съ вытянутыми мордами, понавѣсивъ на себя и спереди, и сзади смѣшныя звѣзды и побрякушки... А всѣ эти визиты, доклады, засѣданія!.. Нѣтъ, мой родной, есть только одно непреложное, прекрасное и незамѣнимое—свободная душа, а съ нею творческая мысль и веселая жажда жизни. Трюфели могутъ быть и не быть, это капризная и весьма пестрая игра случая. Кондукторъ, если онъ только не совсѣмъ глупъ, черезъ годъ выучится прилично и не безъ достоинства царствовать. Но никогда откормленная, важная и тупая обезьяна, сидящая въ каретѣ, со стекляшками на жирномъ пузѣ, не пойметъ гордой прелести свободы, не испытаетъ радости вдохновенія, не заплачетъ сладкими слезами восторга, глядя, какъ на вербовой вѣткѣ серебрятся пушистыя барашки!

Назанскій закашлялся и кашлялъ долго. Потомъ, плюнувъ за бортъ, онъ продолжалъ:

— Уходите, Ромашовъ. Говорю вамъ такъ, потому что я самъ попробовалъ воли, и если вернулся назадъ въ загаженную клѣтку, то виною этому... ну, да ладно... все равно, вы понимаете. Смѣло ныряйте въ жизнь, она васъ не обманетъ. Она похожа на огромное зданіе съ тысячами комнатъ, въ которыхъ—свѣтъ, пѣніе, чудныя картины, умные, изящные люди, смѣхъ, танцы, любовь

все, что есть великаго и грознаго въ искусствѣ. А вы въ этомъ дворцѣ до сихъ поръ видѣли одинъ только темный, тѣсный чуланчикъ, весь въ сору и въ паутинѣ— и вы боитесь выйти изъ него.

Ромашовъ причалилъ къ пристани и помогъ Назанскому выйти изъ лодки. Уже стемнѣло, когда они приѣхали на квартиру Назанскаго. Ромашовъ уложилъ товарища въ постель и самъ накрылъ его сверху одѣяломъ и шинелью.

Назанскій такъ сильно дрожалъ, что у него стучали зубы. Ежась въ комокъ и зарываясь головой въ подушку, онъ говорилъ жалкимъ, безпомощнымъ, дѣтскимъ голосомъ:

— О, какъ я боюсь своей комнаты... Какіе сны, какіе сны!

— Хотите, я останусь ночевать?—предложилъ Ромашовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Пошлите, пожалуйста, за бромомъ... и... немного водки. Я безъ денегъ...

Ромашовъ просидѣлъ у него до одиннадцати часовъ. Понемногу Назанскаго перестало трясти. Онъ вдругъ открылъ большіе, блестящіе, лихорадочные глаза и сказалъ рѣшительно, отрывисто:

— Теперь уходите. Прощайте.

— Прощайте, — сказалъ печально Ромашовъ. Ему хотѣлось сказать „прощайте, учитель“, но онъ застыдился фразы и только прибавилъ, съ натянутой шуткой:

— Почему— прощайте? Почему не до свиданія?

Назанскій засмѣялся жуткимъ, бессмысленнымъ, неожиданнымъ смѣхомъ.

— А почему не досвишвеція?—крикнулъ онъ дикимъ голосомъ сумасшедшаго.

И Ромашовъ почувствовалъ на всемъ своемъ тѣлѣ дрожація волны ужаса.

XXII.

Подходя къ своему дому, Ромашовъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что въ маленькомъ окнѣ его комнаты, среди теплаго мрака лѣтней ночи, брезжить чуть замѣтный свѣтъ. „Что это значитъ?“—подумалъ онъ тревожно и невольно ускорилъ шаги.—„Можетъ быть, это вернулись мои секунданты съ условіями дуэли“? Въ сѣняхъ онъ натолкнулся на Гаймана, не замѣтилъ его, испугался, вздрогнулъ и воскликнулъ сердито:

— Что за чортъ! Это ты, Гайманъ? Кто тутъ?

Несмотря на темноту, онъ почувствовалъ, что Гайманъ, по своей привычкѣ, заплясалъ на одномъ мѣстѣ.

— Тамъ тебѣ барина пришла. Сидить.

Ромашовъ отворилъ дверь. Въ лампѣ давно уже вышелъ весь керосинъ, и теперь она, потрескивая, догорала послѣдними чадными вспышками. На кровати сидѣла неподвижная женская фигура, неясно выдѣляясь въ тяжеломъ вздрагивающемъ полумракѣ.

— Шурочка!—задыхаясь, сказалъ Ромашовъ и почему-то на цыпочкахъ осторожно подошелъ къ кровати.— Шурочка, это вы?

— Тихе. Садитесь,—отвѣтила она быстрымъ шопотомъ.—Потушите лампу.

Онъ дунулъ сверху въ стекло. Пугливый синій огонекъ умеръ, и сразу въ комнатѣ стало темно и тихо, и тотчасъ же торопливо и громко застучалъ на столѣ незамѣчаемый до сихъ поръ будильникъ. Ромашовъ сѣлъ рядомъ съ Александрой Петровной, сгорбившись и не глядя въ ея сторону. Странное чувство боязни, волненія и какого-то замиранія въ сердцѣ овладѣло имъ и мѣшало ему говорить.

— Кто у васъ рядомъ, за стѣной?—спросила Шурочка.—Тамъ слышно?

— Нѣтъ, тамъ пустая комната... старая мебель... хозяинъ—столяръ. Можно говорить громко.

Но все-таки оба они продолжали говорить шопотомъ, и въ этихъ тихихъ отрывистыхъ словахъ, среди тяжелаго, густого мрака, было много боязливаго, смущеннаго и тайно крадущагося. Они сидѣли, почти касаясь другъ друга. У Ромашова глухими толчками шумѣла въ ушахъ кровь.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы это сдѣлали? — вдругъ сказала она тихо, но со страстнымъ упрекомъ. Она положила ему на колѣно свою руку. Ромашовъ сквозь одежду почувствовалъ ея живую, нервную теплоту и, глубоко передохнувъ, зажмурилъ глаза. И отъ этого не стало темнѣе, только передъ глазами всплыли похожіе на сказочныя озера, черные овалы, окруженные голубымъ сіяніемъ.

— Помните, я просила васъ быть съ нимъ сдержаннымъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не упрекаю. Вы не нарочно искали ссоры—я знаю это. Но неужели въ то время, когда въ васъ проснулся дикій звѣрь, вы не могли хотя бы на минуту вспомнить обо мнѣ и остановиться. Вы никогда не любили меня!

— Я люблю васъ, — тихо произнесъ Ромашовъ и слегка прикоснулся робкими, вздрагивающими пальцами къ ея рукѣ. Шурочка отняла ее, но не сразу, потихоньку, точно жалѣя и боясь его обидѣть.

— Да, я знаю, что ни вы, ни онъ не назвали моего имени, но ваше рыцарство пропало понапрасну; все равно по городу катится сплетня.

— Простите меня, я не владѣлъ собой... Меня ослѣпила ревность,—съ трудомъ произнесъ Ромашовъ.

Она засмѣялась долгимъ и злымъ смѣшкомъ:

— Ревность? Неужели вы думаете, что мой мужъ былъ такъ великодушенъ послѣ вашей драки, что удержался отъ удовольствія рассказать мнѣ, откуда вы при-

ѣхали тогда въ собраніе? Онъ и про Назанскаго мнѣ сказааль.

— Простите,—повторяль Ромашовъ.— Я тамъ ничего дурного не дѣлалъ. Простите.

Она вдругъ заговорила громче, рѣшительнымъ и суровымъ шопотомъ:

— Слушайте, Георгій Алексѣевичъ, мнѣ дорога каждая минута. Я и то ждала васъ около часа. Поэтому будемъ говорить коротко и только о дѣлѣ. Вы знаете, что такое для меня Володя. Я его не люблю, но я на него убила часть своей души. У меня больше самолюбія, чѣмъ у него. Два раза онъ проваливался, держа экзаменъ въ академію. Это причиняло мнѣ гораздо больше обиды и огорченія, чѣмъ ему. Вся эта мысль о генеральномъ штабѣ принадлежитъ мнѣ одной, цѣликомъ мнѣ. Я тянула мужа изо всѣхъ силъ, подхлестывала его, зубрила вмѣстѣ съ нимъ, репетировала, взвинчивала его гордость, ободряла его въ минуты унынія. Это—мое собственное, любимое, больное дѣло. Я не могу оторвать отъ этой мысли своего сердца. Что бы тамъ ни было, но онъ поступить въ академію.

Ромашовъ сидѣль, низко склонившись головой на ладонь. Онъ вдругъ почувствовалъ, что Шурочка тихо и медленно провела рукой по его волосамъ. Онъ спросилъ съ горестнымъ недоумѣніемъ:

— Что же я могу сдѣлать?

Она обняла его за шею и нѣжно привлекла его голову къ себѣ на грудь. Она была безъ корсета. Ромашовъ почувствовалъ щекой податливую упругость ея тѣла и услышалъ его теплый, пряный, сладострастный запахъ. Когда она говорила, онъ ощущалъ ея прерывистое дыханіе на своихъ волосахъ.

— Ты помнишь, тогда... вечеромъ... на пикникъ. Я тебѣ сказала всю правду. Я не люблю его. Но, подумай: три года, цѣлыхъ три года надеждъ, фантазій, плановъ и такой упорной, противной работы! Ты вѣдь знаешь,

я ненавижу до дрожи это мѣщанское, нищенское, офицерское общество. Я хочу быть всегда прекрасно одѣтой, красивой, изящной, я хочу поклоненія, власти! И вдругъ—нелѣпая, пьяная драка, офицерскій скандалъ—и все кончено, все разлетѣлось въ прахъ! О, какъ это ужасно! Я никогда не была матерью, но я воображаю себѣ: вотъ у меня растетъ ребенокъ—любимый, лелѣемый, въ немъ всѣ надежды, въ него вложены заботы, слезы, безсонныя ночи... и вдругъ—нелѣпость, случай, дикій, стихійный случай: онъ играетъ на окнѣ, нянька отвернулась, онъ падаетъ внизъ, на камни. Милый, только съ этимъ материнскимъ отчаяніемъ я могу сравнить свое горе и злобу. Но я не виню тебя.

Ромашову было неудобно сидѣть перегнувшись и боясь сдѣлать ей тяжело. Но онъ радъ былъ бы сидѣть такъ цѣлые часы и слышать въ какомъ-то странномъ, душномъ опьянѣннн частыя и точныя біенія ея маленькаго сердца.

— Ты слушаешь меня? — спросила она, нагибаясь къ нему.

— Да, да... Говори... Если я только могу, я сдѣлаю все, что ты хочешь.

— Нѣтъ, нѣтъ. Выслушай меня до конца. Если ты его убьешь, или если его отставятъ отъ экзамена—кончено! Я въ тотъ же день, когда узнаю объ этомъ, бросаю его и ѣду—все равно куда—въ Петербургъ, въ Одессу, въ Кіевъ. Не думай, это не фальшивая фраза изъ газетнаго романа. Я не хочу пугать тебя такими дешевыми эффектами. Но я знаю, что я молода, умна, образованна. Не красива. Но я сумѣю быть интереснѣе многихъ красавиць, которыя на публичныхъ балахъ получаютъ въ видѣ преміи за красоту мельхіоровый подносъ или будильникъ съ музыкой. Я надругаюсь надъ собой, но сгорю въ одинъ мигъ и ярко, какъ фейерверкъ!

Ромашовъ глядѣлъ въ окно. Теперь его глаза, при-
выкшіе къ темнотѣ, различали неясный, чуть видный
переплетъ рамы.

— Не говори такъ... не надо... мнѣ больно,—произ-
несъ онъ печально.—Ну, хочешь, я завтра откажусь
отъ поединка, извинюсь передъ нимъ? Сдѣлать это?

Она помолчала немного. Будильникъ наполнялъ
своей металлической монотонной болтовней всѣ углы
темной комнаты. Наконецъ, она произнесла еле слыш-
но, точно въ раздумьи, съ выраженіемъ, котораго
Ромашовъ не могъ уловить:

— Я такъ и знала, что ты это предложишь.

Онъ поднялъ голову и, хотя она удерживала его
за шею рукой, выпрямился на кровати.

— Я не боюсь!—сказалъ онъ громко и глухо.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—заговорила она горя-
чимъ поспѣшнымъ, умоляющимъ шопотомъ. Ты меня
не понялъ, ты меня не понялъ. Иди ко мнѣ ближе...
какъ раньше... Иди же!..

Она обняла его обѣими руками и зашептала, щекоча
его лицо своими тонкими волосами и горячо дыша
ему въ щеку:

— Ты меня не понялъ. У меня совсѣмъ другое.
Но мнѣ стыдно передъ тобой. Ты такой чистый, добрый,
и я стѣсняюсь говорить тебѣ объ этомъ. Я расчетли-
вая, я гадкая...

— Нѣтъ, говори все. Я тебя люблю.

— Послушай,—заговорила она, и онъ скорѣе уга-
дывалъ ея слова, чѣмъ слышалъ ихъ.—Если ты отка-
жешься, то вѣдь сколько обидъ, позора и страданій
падетъ на тебя. Нѣтъ, нѣтъ, опять не то. Ахъ, Боже
мой, въ эту минуту я не стану лгать передъ тобой.
Дорогой мой, я вѣдь все это давно обдумала и
взвѣсила. Положимъ, ты отказался. Честь мужа реابي-
литирована. Но, пойми, въ дуэли, окончившейся при-
мирениемъ, всегда остается что-то... какъ бы сказать?..

ну, что ли, сомнительное, что-то возбуждающее недоумѣніе и разочарованіе... Понимаешь ли ты меня?—спросила она съ грустной нѣжностью и осторожно поцѣловала его въ волосы.

— Да. Такъ что же?

— То, что въ этомъ случаѣ мужа почти навѣрно не допустить къ экзаменамъ. Репутація офицера генеральнаго штаба должна быть безъ пушинки. Между тѣмъ, если бы вы на самомъ дѣлѣ стрѣлялись, то тутъ было бы нѣчто героическое, сильное. Людямъ, которые умѣютъ держать себя съ достоинствомъ подъ выстрѣломъ, многое, очень многое прощаютъ. Потомъ... послѣ дуэли... ты могъ бы, если хочешь, и извиниться... Ну, это ужъ твоё дѣло.

Тѣсно обнявшись, они шептались, какъ заговорщики, касаясь лицами и руками другъ друга, слыша дыханіе другъ друга. Но Ромашовъ почувствовалъ, какъ между ними незримо проползало что-то тайное, гадкое, склизкое, отъ чего пахнуло холодомъ на его душу. Онъ опять хотѣлъ высвободиться изъ ея рукъ, но она его не пускала. Стараясь скрыть непонятное, глухое раздраженіе, онъ сказалъ сухо:

— Ради Бога, объяснись прямѣе. Я все тебѣ обѣщаю.

Тогда она повелительно заговорила около самаго его рта, и слова ея были, какъ быстрые, трепетные поцѣлуи:

— Вы непременно должны завтра стрѣляться. Но ни одинъ изъ васъ не будетъ раненъ. О, пойми же, пойми меня, не осуждай меня! Я сама презираю трусовъ, я женщина. Но ради меня сдѣлай это, Георгій! Нѣтъ не спрашивай о мужѣ, онъ знаетъ. Я все, все, все сдѣлала.

Теперь ему удалось упрямымъ движеніемъ головы освободиться отъ ея мягкихъ и сильныхъ рукъ. Онъ всталъ съ кровати и сказалъ твердо:

— Хорошо, пусть будетъ такъ. Я согласенъ.

Она тоже встала. Въ темнотѣ, по ея движеніямъ,

онъ не видѣлъ, а угадывалъ, чувствовалъ, что она то ропливо поправляетъ волосы на головѣ.

— Ты уходишь?—спросилъ Ромашовъ.

— Прощай,—отвѣтила она слабымъ голосомъ.— Поцѣлуй меня въ послѣдній разъ.

Сердце Ромашова дрогнуло отъ жалости и любви. Въ потьмахъ, ощупью, онъ нашелъ руками ея голову и сталъ цѣловать ея щеки и глаза. Все лицо Шурочки было мокро отъ тихихъ, неслышныхъ слезъ. Это взволновало и растрогало его.

— Милая... не плачь... Саша... милая!.. — твердилъ онъ жалостно и мягко.

Она вдругъ быстро закинула руки ему за шею, томнымъ, страстнымъ и сильнымъ движеніемъ вся прильнула къ нему и, не отрывая своихъ пылающихъ губъ отъ его рта, зашептала отрывисто, вся содрогаясь и тяжело дыша:

— Я не могу такъ съ тобой проститься... Мы не увидимся больше. Такъ не будемъ ничего бояться... Я хочу, хочу этого. Одинъ разъ... возьмемъ наше счастье... Милый, иди же ко мнѣ, иди, иди...

И вотъ оба они, и вся комната, и весь міръ сразу наполнились какимъ-то нестерпимо-блаженнымъ, знойнымъ бредомъ. На секунду среди бѣлаго пятна подушки Ромашовъ со сказочной отчетливостью увидѣлъ близко-близко около себя глаза Шурочки, сіявшіе безумнымъ счастіемъ, и жадно прижался къ ея губамъ...

— Можно мнѣ проводить тебя?—спросилъ онъ, выйдя съ Шурочкой изъ дверей, на дворъ.

— Нѣтъ, ради Бога не нужно, милый... Не дѣлай этого. Я и такъ не знаю, сколько времени провела у тебя. Который часъ?

— Не знаю, у меня нѣтъ часовъ. Положительно не знаю.

Она медлила уходить и стояла, прислонившись къ двери. Въ воздухъ пахло отъ земли и отъ камней су-

химъ, страстнымъ запахомъ жаркой ночи. Было темно, но сквозь мракъ Ромашовъ видѣлъ, какъ и тогда въ роцѣ, что лицо Шурочки свѣтится страннымъ бѣлымъ свѣтомъ, точно лицо мраморной статуи.

— Ну, прощай же, мой дорогой,—сказала она, наконецъ, усталымъ голосомъ. Прощай.

Они поцѣловались, и теперь ея губы были холодны и неподвижны. Она быстро пошла къ воротамъ, и сразу ее поглотила густая тьма ночи.

Ромашовъ стоялъ и слушалъ до тѣхъ поръ, пока не скрипнула калитка и не замолкли тихіе шаги Шурочки. Тогда онъ вернулся въ комнату.

Сильное, но пріятное утомленіе внезапно овладѣло имъ. Онъ едва успѣлъ раздѣться—такъ ему хотѣлось спать. И послѣднимъ живымъ впечатлѣніемъ передъ сномъ—былъ легкій, сладостный запахъ, шедшій отъ подушки—запахъ волосъ Шурочки, ея духовъ и прекраснаго молодого тѣла.

XXIII.

2-го іюня 18**.

Городъ Z.

Его Высокоблагородію

командиру N-скаго пѣхотнаго полка

Штабсъ-капитана того же полка Дицъ

Р А П О Р Т Ъ.

Настоящимъ имѣю честь донести Вашему Высокоблагородію, что сего 2-го іюня, согласно условіямъ, доложеннымъ Вамъ вчера, 1-го іюня, состоялся поединокъ между поручикомъ Николаевымъ и подпоручикомъ Ромашовымъ. Противники встрѣтились безъ пяти минутъ въ 6 часовъ утра, въ роцѣ, именуемой „Дубечная“, расположенной въ 3½ верстахъ отъ города.

Продолжительность поединка, включая сюда и время, употребленное на сигналы, была 1 мин. 10 сек. Мѣста, занятія дуэлянтами, были установлены жребіемъ. По командѣ „впередъ“ оба противника пошли другъ другу навстрѣчу, причемъ выстрѣломъ, произведеннымъ поручикомъ Николаевымъ, подпоручикъ Ромашовъ раненъ былъ въ правую верхнюю часть живота. Для выстрѣла поручикъ Николаевъ остановился, точно такъ же, какъ и оставался стоять, ожидая отвѣтнаго выстрѣла. По истеченіи установленныхъ полуминуты для отвѣтнаго выстрѣла, обнаружилось, что подпоручикъ Ромашовъ отвѣчать противнику не можетъ. Вслѣдствіе этого, секунданты подпоручика Ромашова предложили считать поединокъ оконченнымъ. Съ общаго согласія, это было сдѣлано. При перенесеніи подпоручика Ромашова въ коляску, послѣдній впалъ въ тяжелое обморочное состояніе и черезъ семь минутъ скончался отъ внутренняго кровоизліянія. Секундантами со стороны поручика Николаева были: я и поручикъ Васинъ, со стороны же подпоручика Ромашова: поручики Бекъ-Агамаловъ и Вѣткинъ. Распоряженіе дуэлью, съ общаго согласія, было предоставлено мнѣ. Показаніе младшаго врача колл. асс. Знойко при семъ прилагаю.

Штабсъ-капитанъ Дицъ.

К о н е ц ъ.

ИВ. БУНИНЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Лѣса, скалистыя тѣснины—
И цѣлый день, въ концѣ тѣснинъ,
Громада снѣговой вершины
Изъ-за лѣсныхъ глядитъ вершинъ.

Селеній нѣтъ, ущелья дики,
Лѣса синѣютъ и молчатъ,
И сѣрыхъ скалъ нагія пики
На скатахъ изъ лѣсовъ торчатъ.

Но цѣлый день,—куда ни кину
Вдоль по горамъ смущенный взоръ,—
Лишь эту бѣлую вершину
Повсюду вижу изъ-за горъ.

Она полъ-неба заступила,
За облака ушла вѣнцомъ,—
И все смирилось, все застыло
Предъ этимъ льдистымъ мертвецомъ.

II.

Въ открытомъ морѣ—только небо,
Вода да вѣтеръ. Тяжело
Идетъ волна, и низко кренить
Фелюга сѣрое крыло.

Въ открытомъ морѣ вѣтеръ гонить
То свѣтъ, то тѣнь— и въ облака
Сквозить лазурь... А ты забыта,
Ты бесконечно далека!

Но волны, пѣнясь и качаясь,
Идутъ, бѣгутъ навстрѣчу мнѣ,—
И кто-то синими глазами
Глядитъ въ мелькающей волнѣ.

И что-то вольное, живое,
Какъ эта синяя вода,
Опять, опять напоминаетъ
О томъ, что я искалъ всегда,

О томъ, что сердце не забудетъ,—
О томъ, что я люблю въ тебѣ,
Наперекоръ враждѣ, разлукѣ,
Наперекоръ самой судьбѣ.

III.

Нѣтъ ничего грустнѣй ночного
Костра, забытаго въ бору.

• Какъ онъ дрожить, то потухая,
То разгораясь на вѣтру!

Ночной холодный вѣтеръ съ моря
Внезапно залетаетъ въ боръ;
Онъ, бѣшено кружась, бросаетъ
Въ костеръ ислѣвшій хвойный соръ,—

И пламя вспыхиваетъ жадно,
И тьма, висѣвшая патромъ,
Вдругъ затрепещетъ, открывая
Стволы и вѣтви надъ костромъ.

Но вѣтеръ пролетаетъ мимо,
Теряясь гдѣ-то въ высотѣ,—
И вѣтру отвѣчаетъ гуломъ
Весь боръ, незримый въ темнотѣ,

И снова затопляетъ тьмою
Свѣтъ замирающій... О, да!
Еще порывъ, еще усилъе—
И онъ исчезнетъ безъ слѣда,

И явственнѣй во мракѣ станетъ
Звонъ сонной хвои, скрипъ стволовъ
И этотъ жуткій, все растушій,
Протяжный гулъ морскихъ валовъ.

IV.

Древнюю чашу нашель онъ у шумнаго синяго моря,
Въ древней могилѣ, на дикомъ песчаномъ прибрежьи.
Долго трудился онъ; долго слагалъ во едино
То, что гробница хранила три тысячи лѣтъ, какъ святыню,
И прочиталъ онъ на чашѣ
Строгую древнюю повѣсть безмолвныхъ могилъ и
гробницъ:

„Вѣчно лишь море, безбрежное море и небо,
Вѣчно лишь солнце, земля и ея красота,
Вѣчно лишь то, что связуетъ таинственной связью
Душу и сердце живыхъ съ темной душою могилъ“.

М. ГОРЬКІЙ.

БУКОЕМОВЪ, КАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

Въ душный сумракъ камеры сквозь мутныя стекла окна падаетъ солнечный лучъ, упираясь въ грязный полъ,—Букоемовъ лежитъ на нарахъ кверху лицомъ, смотритъ, какъ въ золотѣ луча тихо кружится пыль, лѣниво летаютъ мухи, и, можетъ быть, думаетъ о быстрыхъ полетахъ ласточекъ и стрижей въ голубой безднѣ небесъ...

Махинъ и Шишовъ сидятъ на корточкахъ около старика и молча играютъ въ шашки, сдѣланныя изъ мякиша чернаго хлѣба, а Хромой, сидя у окна, чинить рубашку и вполголоса гнусаво поетъ:

Просидѣла день безъ дѣла,
Капиталь свой весь проѣла...

Въ тактъ своей однообразной пѣснѣ, онъ тихо постукиваетъ въ полъ тяжелой и грубой деревяшкой, замѣняющей ему лѣвую ногу, отрѣзанную у колѣна.

— Не можешь ты играть, Махинъ!—съ презрѣніемъ говоритъ Букоемовъ.—Ходи налѣво, Шишовъ!

— Я знаю,—наклоняясь къ шашкамъ, говоритъ Шишовъ сиплымъ голосомъ.

— Милъ дерется, коль не сытъ,
Сытый милый только спитъ...—

грустно тянетъ Хромой.

— Тьфу!—плюется Букоемовъ. Пѣсня надоѣла ему; она, точно скрипъ пилы, неприятно сверлитъ уши.

Старикъ недружелюбно повертывается въ сторону

Хромого и молча смотреть въ его лицо — блѣдное, чистое, овальной формы. Небольшая окладистая бородка, вмѣстѣ съ длинными волосами темнаго цвѣта, дѣлаетъ Хромого похожимъ на молодого священника. Его черные глаза смотрятъ на все сосредоточенно и спокойно, говорить онъ мало и почти никогда не смѣется, не улыбается. Сосланный въ Сибирь на вѣчное поселеніе за поджогъ, онъ трижды уходилъ съ мѣста ссылки въ Россію. Второй разъ онъ дошелъ только до Перми, поступилъ тамъ въ сторожа на желѣзной дорогѣ и спокойно служилъ болѣе полугода. Но однажды ночью на станцію пришли воры, ударили его кистенемъ, онъ свалился и, лежа безъ памяти, отморозилъ себѣ ногу. Въ больницѣ узнали, что онъ бѣглый, придѣлали ему деревяшку на мѣсто отрѣзанной ноги и возвратили въ ссылку. Хромой ушелъ въ Россію снова, — теперь его поймали уже въ Калугѣ.

Много измѣрилъ земли этотъ человѣкъ, много, должно быть, онъ видѣлъ и слышалъ, но — не нашелъ онъ на землѣ пѣсни, болѣе пріятной ему, чѣмъ эта скучная пѣсня:

Я бы бросила его,
Да вѣтъ на свѣтѣ никого...

Отъ всей его небольшой, красивой фигуры вѣтъ затвердѣвшимъ упрямымъ, и въ глазахъ неподвижно застылъ какой-то холодный блескъ. Букоемому становится скучно смотрѣть на него, у старика пропадаетъ желаніе помѣшать ему пѣть, онъ медленно поворачиваетъ голову, смотритъ въ потолокъ и сквозь зубы говорить:

— Однако, скушно съ вами, анаемы...

Крѣпкій, румяный красавецъ Махинъ напряженно сморщилъ лобъ, прикусилъ нижнюю губу и, не отрывая карихъ глазъ отъ шашекъ, угловатыми, судорожными движеніями руки молча двигаетъ ихъ по нари-

сованнымъ на нарахъ квадратамъ. Шишовъ играетъ осторожно, онъ долго думаетъ надъ каждымъ ходомъ, сильно третъ лысину, двигаетъ рыжими бровями, сдѣлавъ ходъ, облегченно сопить и съ достоинствомъ гладитъ свою рыжую спутанную бороду. Онъ толстый, круглый, и лицо у него тоже толстое, красное...

— Оба вы плохо играете!—рѣшительно заявляетъ Букоемовъ и не торопясь крутитъ папиросу.

— Я пошла бы къ своему краю,
Да родилась гдѣ—не знаю!—

тихонько выводитъ Хромой.

— А этотъ все скулить, какъ голодный песъ на цѣпи,—угрюмо двигая сѣдыми бровями, говоритъ Букоемовъ.

Ему не отвѣчаютъ.

Въ корридорѣ—смутный гулъ... онъ все ближе подвигается къ двери камеры. Это староста разноситъ подаваніе—калачи, баранки, яйца.

Кто-то визгливо сквернословить, и слышенъ хриплый голосъ:

— Пара, двѣ, три...

— Ты! Куда суешь руку? Мало тебѣ, сволочь?

— Дай ему въ харю, — совѣтуетъ чей-то густой, ровный басъ.

Букоемовъ курить, смотреть острыми, холодными глазками на конецъ папиросы, и его угловатое, точно желѣзное, лицо темно и неподвижно. Сѣрые и голубые струйки дыма путаются въ сѣдой бородѣ, вползаютъ на голову, сливаются съ жесткими волосами сиваго цвѣта—старикъ весь сѣрый и темный, точно большой обломокъ скалы. Ему уже за пятьдесятъ лѣтъ. Но у него цѣлы всѣ зубы, волосы его густы, движенія сильны, голосъ твердъ и ясенъ. Онъ ловко носитъ свою сѣрую одежду, кандалы не стѣсняють его: онъ даже хвастается ловкостью, съ которой носить ихъ, и

на ходу они у него звенять какъ-то особенно негромко, сухо и легко. Онъ солиденъ, любитъ чистоту, порядокъ, въ немъ много старческой красоты и чувства собственнаго достоинства.

По его словамъ, первый разъ онъ былъ приговоренъ на каторгу двадцати шести лѣтъ за двойное убійство и грабежъ. Съ дороги онъ бѣжалъ и три года слишкомъ занимался разбоемъ; былъ пойманъ и осужденъ на Сахалинъ безъ срока. Отбывъ девять лѣтъ, онъ снова бѣжалъ и снова занимался „своимъ ремесломъ“ почти пять лѣтъ. Его поймали во второй разъ, но въ Сибири онъ „смѣнился“, съ годъ прожилъ въ Тобольской губерніи, какъ поселенецъ, потомъ пришелъ въ Россію, а теперъ—послѣ цѣлаго ряда убійствъ и грабежей—онъ снова возвращался на Сахалинъ, гдѣ его ждала безсрочная каторга и кнутъ...

— Хромой! Ступай, прими подаваніе,—говоритъ онъ тономъ старшаго.

Хромой поднимаетъ голову, смотритъ на него, кладетъ рубашку на подоконникъ и шагаетъ къ двери, покачиваясь съ боку на бокъ. Тупо стучитъ его деревяшка, и вздрагиваютъ волосы на головѣ.

— Готова! — довольнымъ голосомъ кричитъ Шишовъ, потирая свои пухлыя руки, поросшія красной шерстью. Махинъ виновато улыбается, бережно собираетъ шашки и высокимъ теноромъ, который не идетъ къ его сильной, стройной фигурѣ и вьющимся чернымъ, какъ у негра, волосамъ, говоритъ Шишову:

— Ты больно долго думаешь... а я развѣ думаю? Я вѣдь сразу играю...

— Дуракъ!—кратко говоритъ Букоемовъ.—Хорошіе, однако, люди... у одного—нога деревянная, у другого—башка...

Шишовъ тяжело слѣзаетъ съ наръ на полъ и хочеть жирнымъ смѣхомъ. Его большой животъ противно колышется, онъ щуритъ свои масляные глазки,

точно сытый котъ. Кандалы на его короткихъ ногахъ тяжело звенять, путаются, мѣшаютъ ему; онъ весь какой-то разстегнутый и мокрый, какъ будто таетъ въ духотѣ. Кажется, что, если сильно встряхнуть его, онъ весь развалится и расплывется по полу, точно кисель.

Букоёмовъ аккуратно тушитъ папиросу, смотритъ на Шишова, и его тонкія, сухія губы складываются въ презрительную усмѣшку.

— Труха!—говоритъ онъ, сплевывая.—Умрешь ты скоро... залеть тебѣ сердце жиромъ и умрешь ты, какъ навозный жукъ...

Шишовъ подобострастно смѣется, беретъ изъ рукъ Хромого калачъ, осматриваетъ его со всѣхъ сторонъ сладко прищуренными глазами и открываетъ ротъ, полный мелкихъ, бѣлыхъ зубовъ, похожей на щучью пасть...

— Пстой!—говоритъ Букоёмовъ,—вѣдь ты жрать не хочешь?

— Ытъ... чего же? Я могу,—смуценно хихикая, возражаетъ Шишовъ. Онъ стоитъ передъ старикомъ и обѣими руками держитъ калачъ у подбородка.

— Мо-огу!—передразниваетъ старикъ синый голосъ Шишова.—Тебѣ же нельзя жрать: издохнешь! Тебѣ голодать надо... накопилъ жиру, какъ скупой деньжищъ, и задыхаешься вотъ... дура дряблая!

Онъ отворачивается отъ Шишова; тотъ робко мигаетъ глазами, смотритъ на калачъ, потомъ вваливается на нары, тяжело ползетъ въ уголъ и тамъ начинаетъ медленно и внимательно ѣсть, стараясь не чавкать громко...

Славное море широкій Байкаль.
Славный корабль омулевая бочка...—

тихо запѣваетъ Махинъ, стоя у окна...

— Не выдавь—хвалишь,—угрюмо усмѣхаясь, говоритъ Букоёмовъ.

Къ окну подходит Хромой, молча, движеніемъ руки, отстраняетъ Махина, садится и снова чинить рубаху.

Букоёмовъ оглядываетъ всѣхъ по очереди и опускаетъ голову, сумрачно двигая бровями. Грустно вьется пѣсня, шуршатъ нитки, громко чавкаетъ увлекшійся Шишовъ. Старикъ вскидываетъ голову и смотреть на него холодными глазами; Шишовъ перестаетъ ѣсть и, не закрывая рта, съ кускомъ калача предъ лицомъ, сидитъ неподвижно и ждетъ.

Букоёмовъ смѣется. Смѣхъ у него не громкій и странный, точно въ горлѣ старика пересыпаются осколки битаго стекла.

— Лавошникъ ты, рыжая скотина, — насмѣшливо говоритъ онъ:—и поступокъ твой поганый, лавошниковъ... Купилъ дѣвочку-подростка, — какъ, скажемъ, бараньи тушки покупалъ, и задавилъ дѣвочку... сволочь ты!

Шишовъ тяжело вздыхаетъ и снова ѣсть.. Теперь смѣется Махинъ веселымъ, юношескимъ смѣхомъ. Хромой сосредоточенно шьетъ.

— Живу я между вами, — продолжаетъ суровый старикъ:—вродѣ козла въ овечьемъ стадѣ... и надоѣли вы мнѣ, какъ бѣльма на глазахъ... Скушно мнѣ тутъ... хоть всего двѣ недѣли съ вами я...

— Расскажи чего-нибудь, Карпъ Ивановичъ!—проситъ Махинъ, подхѣдя и усаживаясь на нарахъ рядомъ со старикомъ.

— Вотъ, Хромой, — говоритъ Букоёмовъ, не взглянувъ на юношу, — ты все говоришь: всѣ люди одинаковы по Евангелію... А ты по правдѣ скажи, —развѣ они двое—люди, однако? И развѣ я—похожъ на нихъ?.. Не похожъ я... и ты не похожъ... ты хоть безъ ноги, а съ характеромъ... въ тебѣ сопротивление есть... Тебѣ приказываютъ—живи въ Сибири!.. а ты—не хочешь, ты, вотъ, уходишь... это хорошо! Даже на одной ногѣ

ушелъ... очень хорошо, да! А вотъ Махинъ,—что онъ такое? Зачѣмъ онъ, вообще? Зарѣзалъ толстаго трактирщика, облился весь кровью, нанялъ извозчика и—поѣхалъ... Куда же, однако, поѣхалъ? Неизвѣстно... Потомъ со страху—бацъ извозчика ножомъ по горлу... зачѣмъ оно? Тоже—не понять...

— Я не со страху, — конфузливо улыбаясь, отвѣчаетъ Махинъ, и его темные воловьи глаза смущенно мигаютъ.

— Ну, а для чего?

— Онъ все оглядывался, — виновато говоритъ Махинъ, — ѣдетъ, ѣдетъ, да и оглянется... ну, и...

— Болванъ!—спокойно и холодно опредѣляетъ Букоемовъ, снова свертывая папироску.

— Все надо дѣлать умѣючи... — продолжалъ онъ, закуривая.—Ежели толстаго рѣзать—для этого случая надо раздѣться до гола... Въ немъ, въ толстомъ, всегда кровищи много... брызнетъ она, обольетъ тебя,—вотъ и улика противъ... А голый—ты хошь и попачкаешься—сейчасъ взялъ сырую тряпку, вытерся весь и—чистъ предъ людьми...

— А передъ Богомъ?—негромко говоритъ Хромой. Онъ не пошевелился, не поднялъ головы, и въ голосъ его не звучитъ ни упрека, ни любопытства...

— Чего?—помолчавъ, спрашиваетъ Букоемовъ.

— Я говорю,—передъ Богомъ какъ? — повторяетъ Хромой, продолжая работать.

Старикъ смотритъ на него, поводитъ своимъ хрящеватымъ носомъ и поучительно говоритъ:

— Нѣтъ, Хромой, люди—разны... Иному кандалы-то ноги спутаютъ, а душу освободятъ, а у другого—душа желѣзками скована... это, однако, надо понять!..

— Карпъ Иванычъ!—спрашиваетъ Махинъ тихо и съ жуткимъ любопытствомъ.

— Ну?

— Много ты убилъ людей?

— Много ли? — Холодные глазки старика тяжело упираются въ лицо Махина, и юношѣ неловко подь этимъ ваглядомъ. Онъ передергиваетъ плечами, точно отъ холода, и, полуоткрывъ ротъ, ожидаетъ словъ старика, заглядывая сбоку въ его лицо. Изъ угла, съ наръ, доносится короткое тяжелое дыханіе Шишова.

Старикъ властно кладетъ на плечо Махина свою большую руку, пальцы ея сильны и гибки, какъ стальные пружины, онъ постукиваетъ ими по тѣлу юноши и говорить:

— Много. А сколько много—не помню... Зачѣмъ тебѣ это?

— Такъ... интересно...—глупо улыбаясь, поясняетъ Махинъ.

Старикъ легонько отталкиваетъ его отъ себя.

— Эхъ, ты... кутенокъ!..

— А лица помнишь?—вдругъ спрашиваетъ Хромой.

— Какія лица?

— Которыхъ ты убилъ...

— И лицъ не помню... вѣдь больше—ночью приходилось...—спокойно говорить старикъ.

— А не вѣрю я тебѣ... не вѣрю, чтобы ты людей убивалъ...—покачивая головой, тихо замѣчаетъ Хромой.

Букоемовъ смотритъ на него и беззвучно усмѣхается.

— Вотъ кабы слѣдователи, да прокуроры не вѣрили мнѣ, ну, это было бы лестно... а если ты не вѣришь—не велика мнѣ отъ этого прибыль... Однако,—не даромъ я почти пятнадцать годовъ кандалами брякаю, — какъ ты смекаешь?

Въ корридорѣ раздается шумъ, смѣхъ и визгъ—это малолѣтнихъ пригнали со двора.

— Не орать, дьяволы!—раздается крикъ надзирателя.

Громко хлопаетъ дверь, скрипитъ желѣзо засова и замка, бойкій шумъ молодыхъ голосовъ становится глуше.

— И не жалко тебѣ было убивать людей?—раздается

сильный голосъ Шишова. Онъ сидитъ въ углу наръ, вытянувъ шею впередъ, и его глазки, залпвшіе жиромъ, блестятъ боязливо.

— А кто кого жалѣтъ?—спокойно отвѣчаетъ Букоемовъ.

— Это — вѣрно!— негромко отзывается Хромой. — Никто никого.

— Напрасно ты объ этой твоей жалости говоришь... врешь ты, собака...—говоритъ старикъ.

— Развѣ нѣтъ жалости?—спрашиваетъ Махинъ и смотритъ на всѣхъ поочередно, ожидая отвѣта.

— Подаяніе, примѣрно,—ворчитъ Шишовъ.

Хромой вскидываетъ голову и съ упрекомъ въ голосъ отвѣчаетъ:

— Подаяніе—не для тебя, а для Бога...

— Даютъ — чего не жалко, — подтверждаетъ Букоемовъ.

Въ камерѣ малолѣтнихъ налаживается пѣсня,—звучный альтъ бойко затягиваетъ:

Пѣгибъ я, мальчишка,
Пѣгибъ навсегда...

Солнечный лучъ поднялся съ пола, теперь онъ, красноватый и дрожащій, полого виситъ въ густомъ воздухѣ камеры и упирается въ низъ двери. И все такъ же лѣниво въ немъ кружится пыль, тяжело и безтолково летаютъ мухи. Звонкій альтъ, захлебываясь отъ возбужденія и не договаривая словъ, ярко выкрикиваетъ пѣсню, все учащая ея темпъ; мальчишки считаютъ особеннымъ удалствомъ пѣтъ эту пѣсню на плясовой мотивъ.

Отца я зарѣзалъ,
Маму удушилъ...
Эхъ! Малую сестренку
Въ Волгѣ утопилъ!

— Ихъ!— подхватываетъ хоръ съ присвистомъ и отпотомъ ногъ.

— Цыць, вы, щенки!—ореть надзиратель и стучить въ дверь камеры кулакомъ.

— Люблю я тебѣ говорить, Хромой,—медленно разбирая пальцами жесткіе волосы своей сѣрой, острой бороды, говорить Букоемовъ,—умѣешь ты слушать... А когда ты самъ говоришь—не люблю я этого... Сѣрый ты человекъ, трусливый... и напрасно ты себѣ глаза замазываешь. Гляди на все прямо—вотъ тебѣ законъ! Тутъ вся премудрость... Гляди на все прямо—только и всего... А ты говоришь—люди... и то, и се... надо жалѣть!

Рѣчь старика течетъ ровно и плавно, въ голосѣ его звучитъ холодная энергія, и подъ мохнатыми бровями сверкають острые, какъ гвозди, сѣрые глаза:

— Зачѣмъ я буду жалѣть, ежели ни въ комъ нѣтъ жалости? И не нужно мнѣ это и невыгодно... Ты погляди: я докажу тебѣ все это...

Старикъ вытягиваетъ руку и загибаетъ одинъ палецъ на ней.

— Первое, это я съ дѣтства помню, лежимъ, стало быть, мы съ матерью на печи, говоритъ она мнѣ сказку, и приходитъ отецъ... сгребъ онъ мать за волосья и сдернулъ ее на полъ, вродѣ какъ тулупъ сбросилъ... Билъ, билъ ее—усталь... Ставь, говоритъ, ужинать, шкура... а она вся кровью залита и на ногахъ стоять не можетъ...

— За что это онъ?—съ большимъ интересомъ спрашиваетъ Махинъ.

— Одинъ разъ, помню,—говоритъ Букоемовъ, не отвѣчая Махину, —усталь онъ ее бить, сѣлъ на лавку, отдыхаетъ... Встала мать на колѣнки предъ нимъ и просить:—„убей, Христа ради, сразу, не мучь!“—А онъ ей:—„нѣтъ, ты погоди, зачѣмъ сразу?“ Мнѣ тогда годовъ шесть было, а то—семь... Такъ и забилъ онъ ее на смерть...

Махинъ прищурилъ глаза и съ какимъ-то восторгомъ торопливо рассказываетъ:

— У меня братъ жену свою, бывало, билъ... ухъ! только косточки хрустятъ! Онъ—гусаръ, пришелъ со службы, а у нея—дите... Какъ онъ ее хряснетъ по рождь!

— Бьютъ въ деревняхъ лошадей, бьютъ собакъ...— мѣрно и упрямо продолжаетъ старый Букоёмовъ,—ну, однако, бабъ сильнѣе бьютъ... За бабу деньги не плочены, а жизнь—трудная, народъ—злой... А часто и такъ-себѣ... для забавы людей мучаютъ... Расскажу тебѣ, Хромой, былъ я извозчикомъ и, пьяный, попалъ въ часть... Привезли туда дѣвочку пьяную, бросили ее на полъ ничкомъ, и лежитъ она, спитъ, какъ мертвая... Ну... пришли двое полицейскихъ, принесли сургучу, заголили ее, зажгли сургучъ и—капаютъ на голое тѣло... Сургучъ горитъ на кожѣ у нея... запахъ скверный идетъ, она—мычить, а они—хохочуть... На что имъ это нужно было? Н-да... Испугался я тогда, дрожу весь... думалъ, и меня палить будутъ...

А еще—сидѣлъ я въ тюрьмѣ Екатеринославской... былъ въ ту пору рабочій бунтъ... и привели на дворъ одного рабочаго,—арестовали, значить... Смотрю я въ окно и вижу: околоточный офицеру—солдаты на дворѣ были и офицеръ съ ними—предлагаетъ: хотите, говорить, г. поручикъ, я этому рабочему перепонку въ ухѣ разорву съ одного удара, и на всю жизнь онъ оглохнетъ? А, ну-ка, говоритъ офицеръ-то. Околоточный—р-разъ! И—вѣрно, разорвалъ перепонку... я потомъ узналъ—оглохъ парень-то...

Въ углу вдругъ засопѣлъ и завозился Шишовъ, дремавшій подъ мѣрные звуки голоса Букоёмова.

— Это—можно!—раздался его сильный голосъ.— Надо ладонью ударить, чтобы воздуху туда больше нагнать, въ ухо-то... воздухъ и прорветъ перепонку... Онъ засмѣялся. И старикъ тоже усмѣхнулся.

— Не видалъ я, братъ, Хромой, жалости въ людяхъ... и самъ жалѣть ихъ не умѣю... негдѣ было научиться этому... Шель я какъ-то съ партіей, политики были въ ней, а между ними — жиденокъ одинъ, Венькой звали... Веніаминомъ, значить. Маленькій такой, кудрявый, глазенки веселые, складный весь... и такой утѣшный парнишка былъ... Всѣ устануть, бывало, жарко, пыльно, а онъ — ничего, поетъ пѣсни, шутки шутить, ласковый со всѣми... Есть эдакіе ребята — съ него хоть кожу сдирай — ему весело, а глядя на него, и другой тоже улыбнется да легче вздохнетъ... Любили его всѣ въ партіи... а начальникъ конвоя — не влюбилъ... за что — не вѣдомо, ну, однако, такъ упрямо, какъ иной разъ баба мужа не любитъ... Оретъ на него, совсѣмъ зря... и все — жиденокъ, жиденокъ! А чего тамъ? Тюрьма всѣхъ въ одну вѣру крестить... Всяко онъ надъ Венькой измывался... разбередилъ его все же, освирѣпѣлъ Венька, и скажи: — вы, говорить, мерзавецъ! Какъ тотъ его ручкой шашки двинетъ промежъ крылецъ... у мальчишки кровь горломъ... Такъ онъ его и свелъ съ земли... совсѣмъ зря...

— Жалко? — тихо спрашиваетъ Хромой.

— Чего?

— Жалко, молъ, тебѣ жиденка-то? — повторяетъ Хромой.

— Про жалость ты мнѣ не говори! — строго возражаетъ Букоёмовъ. — Какую тамъ я могу имѣть въ себѣ жалость, ежели на моихъ глазахъ всегда людей били... и вижу я, что человѣкъ дешевле скота цѣнится? Тотто... Коли я тебѣ только про себя расскажу, сколько разъ и какъ меня били... и то ты сытъ будешь... Про жалость — врешь ты! Я почти на двадцать годовъ старше тебя, я всю Россію обошелъ, объѣздилъ, оглядѣлъ — врешь ты!

Старикъ говоритъ „врешь“ такъ тяжело и твердо,

точно бьетъ по черепу Хромого своимъ сухимъ и жесткимъ кулакомъ.

— Жутко жить,—раздается шопоть Хромого.

— Чего?—сурово спрашиваетъ старикъ.

— Говорю,—жить жутко...

— А ты говори внятно!—строго совѣтуетъ Букоемовъ.

Махинъ задумчиво прищурилъ глаза и, поводя широкими плечами, медленно и негромко вспоминаетъ:

— Парнишкой торговалъ я огурцами... и взяли меня въ полицію... ка-акъ били! И за волосья... и по бокамъ... Господи Исусе!

Букоемовъ смотритъ на Хромого и съ важностью, со спокойнымъ торжествомъ побѣдителя, снова начинаетъ:

— Я человѣкъ серьезный, правильный, я все на землѣ видѣлъ, и все я знаю... а когда ты про жалость говоришь—безпокойно мнѣ,—неужели я ошибся? Хорошее-то проглядѣлъ? Ну, только врешь ты, Хромой... зря меня мутишь... Люди другъ друга не жалѣютъ, и мнѣ жалѣть ихъ не за что... Добраго отъ нихъ не видалъ я... одни развѣ калачи, да баранки... ну, калачомъ меня въ обманъ не вменишь... Ты мнѣ то самое дай, чего тебѣ наибольше жалко... дорогое твое отдай! Не можешь? Ну, и не ври... собака! И—опять же, что такое люди? ежели ихъ можно мучить, какъ базарныхъ крысъ... а они только бѣгутъ да прячутся...

Снова въ разговоръ вступаетъ Шишовъ, онъ смѣется жирнымъ, негромкимъ смѣхомъ, и сквозь смѣхъ слышны отдѣльные слова:

— Бывало, у насъ... въ мясномъ ряду... обольютъ крысу керосиномъ, да и... зажгутъ... а она—трещить... мечется...

Махинъ смотритъ на него и тоже весело смѣется...

Хромой медленно поднимаетъ голову, оглядываетъ всѣхъ, потомъ говоритъ:

— А... сказано: всякое дыханіе да хвалить Го-
спода...

Старикъ косится на него изподлобья и сердито
возражаетъ:

— Мало ли что сказано... ты гляди, что сдѣлано.

Солнечный лучъ медленно ползетъ по двери кверху
и становится все краснѣе. Букоёмовъ сидитъ на краю
нарь, смотреть въ окно и качаетъ головой.

— Иной разъ—тошно бываетъ мнѣ, Хромой... По-
шелъ бы я тогда на улицу, всталъ бы по серединѣ и
сказалъ: я—убивецъ, вѣрно! а вы всё подлецы! И это
хуже... Можетъ, оттого я и убивецъ вашъ... что вы
мнѣ это позволяете... да! Что вы противъ моего ха-
рактера придумали? Желѣзки?

Онъ громко трясетъ кандалами.

— Кто тебѣ повѣритъ?—тихо спрашиваетъ Хромой.
И самъ себѣ отвѣчаетъ:

— Никто тебѣ не повѣритъ...

— И—наплевать...—угрюмо говоритъ Букоёмовъ.—
Пуускай будутъ желѣзки... неизвѣстно, кому отъ нихъ
хуже... мнѣ, али имъ... это—неизвѣстно...

Съ минуту въ камерѣ всё молчатъ. Таетъ солнеч-
ный лучъ...

Махинъ встаетъ и, оглядывая камеру растеряннымъ
взглядомъ, безтолково топчется на мѣстѣ.

— Шишовъ, давай, сыграемъ, а?—просительно го-
воритъ онъ. Шишовъ тяжело возится на нарахъ и
сопитъ...

— Давай... я-те покажу!

Карпъ Ивановичъ Букоёмовъ смотритъ въ полъ,
двигая бровями, ноги у него болтаются, кандалы тихо
позваниваютъ, и подъ ихъ звонъ старикъ угрюмо и
медленно говоритъ:

— Совсѣмъ ты, Махинъ, на кутенка похожъ... Какъ
жилъ я послѣ смѣны на поселеньи, былъ въ ту пору
кутенокъ у меня... рыжая такая животная, съ бѣлыми

пятнами... веселая скотина была! Бывало, прыгаетъ около меня туда-сюда... идти невозможно! Спаль со мной, шельма ярославская... заберется на постелю и спать... а блохи его кусаютъ меня... Отшвырнешь его—зарычить, опять лѣзетъ ко мнѣ и одѣяло зубами дергаетъ... Такъ я и не могу его прогнать... Поутру проснусь, а онъ смотритъ на меня, зубы оскалены и хвостомъ виляетъ,—дескать,—что взять?

Букоёмовъ улыбается и молчитъ, неподвижно глядя въ полъ. Хромой перестаетъ шить, пристально смотритъ на него и—ждетъ.

— Ну?

— Чего?

— Что же кутенокъ?

— Околѣлъ... кто-то хребетъ ему перешибъ...

— Жалко?—тихо спрашиваетъ Хромой, и на его губахъ дрожитъ усмѣшка.

Старикъ медленно поворачиваетъ къ нему лицо и съ презрѣніемъ говоритъ:

— Пошелъ ты къ дьяволу... Тоже! Захотѣлъ поймать ежа зубами...

Хромой смотритъ ему въ глаза, губы его все вздрагиваютъ, и онъ, позѣвывая, возражаетъ:

— Ежели не жалко,—зачѣмъ помнишь? Людей, которыхъ убивалъ, не помнишь, а кутенка—помнишь? Самъ ты все врешь... вотъ что!

— Дерево!—скучно и лѣниво говоритъ старый каторжникъ.—Онъ ко мнѣ ласковъ былъ...

Онъ опрокидывается спиной на нары и лежитъ, закинувъ руки за голову.

Шиповъ и Махинъ молча двигаютъ шашки.

Въ окно смотритъ клочокъ неба—оно золотое и розовое, высоко въ немъ кружится стая голубей. Больше ничего нѣтъ въ небѣ. А земли—не видно изъ окна.

Въ камерѣ тихо.

Хромой кончилъ шить. Онъ распялил рубаху

предъ лицомъ, наклонилъ голову на бокъ и, любуясь
заплатами, тихо поеть:

Я туда, сюда ходила
И вездѣ мнѣ плохо было...

Карпъ Ивановичъ Букоемовъ глубоко вздыхаетъ и,
сплюнувъ въ потолокъ, медленно говорить:

А, однако, скушно съ вами... черти лиловые...

СКИТАЛЕЦЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Мы плыли съ тобою навстрѣчу зарѣ.
Безбрежное море плескалось.
Прибой отдаленный бѣлѣлъ въ серебрѣ,
И въ морѣ заря отражалась.

И брызги морскія горѣли зарей...
Валь розово-синій вздымался.
Казалась наша ладья золотой,
И пурпурнымъ парусъ казался.

Ко мнѣ головой прилегла ты на грудь
И крѣпко меня обнимала.
Я—правиль, и прямъ былъ свободный нашъ путь
Все дальше, гдѣ солнце вставало.

Пылала заря на щекахъ у тебя...
Я молча тебѣ улыбнулся.
„Не сонъ-ли все это?“ сказалъ я, любя.
И только сказалъ—какъ проснулся:

Опять я въ тюрьмѣ. Мнѣ улыбку дая,
Вверху, сквозь рѣшетку окна,
Въ сырой казематъ заглянула заря,
Предвѣстница пышнаго солнца.

Февраль 1905.
Москва, Таганка.

II.

Отъ вашей мерзости спасался я въ пустыню.
Бороться я не могъ, но ненавиждѣль васъ.
Въ скитанья грустныя я взялъ мою святыню
И прахъ отъ ногъ моихъ съ презрѣніемъ отрясъ.

Не покорился я и не ужился съ вами.
Безъ крова я бродилъ у волнъ сѣдыхъ морей.
Но, нищій—пилигримъ, я былъ богатъ мечтами
И я возсталъ, уйдя въ пустыню отъ людей.

Теперь—вернулся я: долой уединенье!
Я больше не чернецъ, я—грозный мечъ судьбы!
Прочь это рубище печальнаго смиренья:
Хочу я мщенія, и битвы, и борьбы!

Я собралъ вольницу для буйнаго веселья.
По-прежнему сильна къ вамъ ненависть моя!
Въ уединеніи отшельнической кельи
И въ грохотѣ борьбы—одинъ и тотъ-же я!

III.

ЛЕГЕНДА.

(По Гейне).

Раввинъ Бенъ-Нафтали говорилъ въ печали,
Что живеть на небѣ ужъ давно Мессія—
Во дворцѣ, на тронѣ, въ золотой коронѣ,
Только... онъ закованъ въ цѣпи золотыя!
„Для чего-же цѣпи?“ я спросилъ невольно.
Съ хитрою улыбкой онъ, вздохнувъ, отвѣтилъ:
„Цѣпь необходима, хоть ему и больно,
Не всегда Мессія радостенъ и свѣтелъ.
Миръ своею злобой, торжествомъ порока
Тамъ его выводитъ часто изъ терпѣнья,—
И не будь онъ скованъ, онъ придетъ до срока.
Ранѣе, чѣмъ нужно для освобожденья.
Онъ силенъ и молодъ, и хорошъ собою,
Со слугами шутить, позабывъ капризы.
Слуги ему чешутъ шелковыя кудри,
Одѣваютъ съ пѣнъемъ въ пурпурныя ризы.
А когда одѣнутъ, Книгу раскрываютъ,
Книгу, гдѣ извѣстны всѣ дѣянья свѣта...
И еѣ Мессіи каждый день читаютъ,
И о всемъ Мессіи скажетъ Книга эта:
О людскихъ злодѣйствахъ, о людскихъ порокахъ,
О войнѣ и мирѣ, рабствѣ и свободѣ,

Слышать о вождахъ онъ, слышать о пророкахъ,
Но когда онъ слышитъ о своемъ народѣ,
Объ его страданьяхъ или униженьи
Изъ-за права жизни, или изъ-за хлѣба,—
Онъ порвать пытается золотыя звенья,
Онъ кричитъ—и крикомъ потрясаетъ небо.
И тогда въ испугѣ держать его слуги,
Тихо умоляя кроткими рѣчами,
Что ему для дѣла время не приспѣло,
И Мессія плачетъ горькими слезами!“

О, не плачь, прекрасный, о, не плачь, Мессія:
Жаркою любовью къ людямъ пламенѣя,
Ты весь міръ избавишь, не однихъ евреевъ!
О, не обрывайтесь, цѣпи золотыя!
О, держите, цѣпи, юнаго титана,
Чтобы не пришелъ онъ еще слишкомъ рано.

IV.

(По Веранже).

О, когда-бы я витяземъ былъ молодымъ!
Я-бъ грозой полетѣлъ на крылатомъ конѣ,
Я сказалъ-бы коню: „мой товарищъ, бѣжимъ
Къ затопленной слезами и кровью странѣ,
О, туда, гдѣ великая битва идетъ...
И мы вырвемъ у смерти несчастный народъ!
Поспѣшимъ, честь поругана!

Если-бъ силу вести за собой я имѣлъ!
Я-бы кличъ прокричалъ по родной сторонѣ!
Храбрецы отовсюду стеклись-бы ко мнѣ,
Громъ тогда-бы изъ пушекъ моихъ загремѣлъ,
Колыхнулись-бы арміи грозной полки
И сверкнули-бъ на солнцѣ штыки!
Поспѣшимъ, честь поругана!

Если-бъ Богомъ я былъ хоть на день на одинъ!
О, тогда предъ судомъ-бы моимъ до зари
Поравнялся-бы съ бѣднымъ рабомъ господинъ,
Поблѣднѣли-бы въ пышныхъ чертогахъ цари!
А народу—съ небесъ
Пролились-бы потоки чудесъ!
Поспѣшимъ, честь поругана!

Поспѣшимъ! но вѣдь я только бѣдный пѣвецъ!
О Владыка небесъ, я взываю къ Тебѣ:
Ты—надежда людей, Ты—свободы Отецъ!
Дай-же голосъ мнѣ, голосъ, подобный трубѣ,
Чтобы скорбь свою міру я могъ возвѣстить,
Чтобъ я могъ на весь міръ протрубить:
„Поспѣшимъ, честь поругана!“

